



ТАМНАУКЕЛ





*In hoc signo
vinces*



ТАМПЛИЕРЫ



Исторические хроники

А. КОЛИН



ФРАНКСКИЙ ДЕМОН

роман



Проект «Тамплиеры»
являются исключительной собственностью
издательства **«ОСТО PRINT»**
и охраняются международным авторским правом.

Художник
Ю. А. Станишевский

В России печатается издательством
«ОСТО PRINT», г. Москва
телефон: (095) 202-84-01

- © А. Колин «Франкский демон», роман, 1998, все авторские права сохранены.
- © Ю. А. Станишевский, рисунки, 1998, все авторские права сохранены.
- © «ОСТО PRINT», «Тамплиеры», состав, название, оформление, 1998, все авторские права сохранены.

ISBN 5-85686-040-3

ФРАНКСКИЙ ДЕМОН

Salahadin: «Prince Renaut, par vostre loi, se vos me tenies en vostre prison, si com je faz vos a la moie, que feries vos de moi?»

Prince Renaut: «Se Dieu m'ait, je vos coperoie la teste.»

L'ESTOIRE D'ERACLES EMPEREUR



Саладин: Князь Ренольд, если бы не вы были моим пленником, а я вашим, что бы вы, по вашему разумению, сделали тогда со мной?

Князь Ренольд: С Божьей помощью, я отрубил бы вам голову.

ИСТОРИЯ ИРАКЛИЯ ИМПЕРАТОРА

КОРОТКО ОТ АВТОРА*

Место действия: Утремер, или Заморская Земля (франков), государства, основанные крестоносцами в период крестовых походов на Ближний Восток.

Время действия: последняя четверть XII века от Рождества Христова, точнее, период с 1174 по 1187 год.

Главный герой: пэр Иерусалимского королевства барон Ренольд де Шатийон — личность историческая и, по мнению подавляющего большинства современных историков, персонаж однозначно отрицательный. Разбойник, бандит, убийца и клятвопреступник, человек, не признающий никаких авторитетов, в том числе и церковных, словом, отъявленный злодей, как искренне полагали его враги, мусульмане, и как считает... большинство современных исследователей. Во вступительном слове к роману «КНЯЗЬ АРНАУТ», где освещалась первая половина жизни пилигрима из Шатийона в Левантийском царстве, уже говорилось, что одним из главных мотивов, побудивших автора данного произведения взяться за столь непростую тему, явилось желание по мере сил и возможностей реабилитировать героя, *выступить адвокатом на процессе до делу обвиняемого*, окончившего свое земное существование восемьсот десять... теперь уже одиннадцать лет назад.

Другие герои: короли, князья, бароны, мусульманские эмиры и шейхи, храбрые и своевольные рыцари, духовные иерархи Утремера, магистры военных орде-

* Текст печатается в авторской редакции.

нов, а также, разумеется, верные (и не очень верные) оруженосцы, преданные слуги и другой люд.

Используемое оружие: мечи, копья, луки и арбалеты, одним словом, весь подобающий средневековому джентльмену набор. Баллисты и катапульты, перье и мангонели. Ну и, безусловно, хитрость, коварство, предательство и беспощадная месть — чем не оружие? Эффект его порой просто потрясающ! — средства, более доступные дамам, но с не меньшим успехом применяемые и кавалерами. Не обходится тут и без колдовства — что делать, когда Бог не помогает, как не обратиться к его извечному сопернику?

Необходимые атрибуты романа о рыцарях средневековья, если можно так выразиться. Приметы времени: кровавые поединки и сражения, погони и засады и, конечно же, любовь.

Напоследок лишь следует сказать, что данное повествование находится в строгом соответствии с историческими фактами и хронологией того времени. (Там, где это возможно, поскольку, освещая одни и те же события, и средневековые хронисты, и современные исследователи зачастую противоречат друг другу; о некоторых же фактах летописцы не говорят вовсе, об иных упоминает кто-нибудь один из историков, причем походя, вскользь. Какие-то свидетельства более похожи на выдумку, какие-то носят явно анекдотичный характер.)

Ну вот теперь — все. Что ж, желаю не скучать!

Александр Колин

МОСКВА
4 июля 1998 года.

Моей жене, Ярославле, с благодарностью за то, что она сумела с пониманием и даже теплотой отнестись ко всей этой бесплодной рыцарской «братве», словно поселившейся у нас дома на все то время, пока я писал этот роман.

Часть первая

БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ (MONGISART)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шатийон-на-Луане — небольшой замок в Центральной Франции, расположенный в восьмидесяти римских милях к югу от Парижа, дал миру двух знаменитых мужей. Второй (по крайней мере, по хронологии) сделался известен современным любителям исторического жанра благодаря творчеству Александра Дюма и Проспера Мериме. Кто же с детства не слышал имени Гаспара Колиньи, адмирала Франции, погибшего в памятную ночь святого Варфоломея от руки наемников Анри де Гиза?

Нет нужды вспоминать эту грустную историю: все мы знаем, что благодаря стараниям королевы-матери Катерины и проискам католической партии Гизов *слабый*, как любили говорить о королях советские историки, правитель, Карл Девятый *сдал*, как принято выражаться теперь, католикам всех вождей протестантской партии. Так не будем и вспоминать об этом, тем более что наша история не о славном гугеноте из Шатийона, а о том, кто родился в этом самом замке лет этак за триста до него.

Звали этого человека Ренольд де Шатийон (*Renaud de Châtillon*, или *Chastillon*), а также Ренольд Антиохийский (*Renaud d'Antioche*) и даже Ренольд дю Крак (*Renaud du Krac*).

Двадцатидвухлетним юношей Ренольд, по единодушному уверению многих хронистов, храбрый и весьма благородный рыцарь, но, увы, небогатый человек, безземельный башелёр — *haus hom et bons chevaliers... Leiaus bachelors et chevaliers bons... N'étoit pas mout riche hom*, — прибыл в Святую Землю на сказочный Восток. В свите двадцативосьмилетнего короля Франции Людовика Седьмого под сенью Орифламмы рыцарь проделал весь тяжелый путь от монастыря Сен-Дени, что в окрестностях Парижа, до порта Сен-Симеон, морских ворот княжества Антиохийского¹.

Это были героические времена — Второй крестовый поход, участники которого, воодушевленные проповедью святого Бернара из монастыря Клерво, желали ни больше ни меньше повторить подвиг знаменитых пилигримов Первого похода, *освободивших* из рук неверных Иерусалим и еще многие и многие *святые* и не очень святые места. Новые паломники мечтали восстановить справедливость: на деле показать язычникам, неверным агарянам, преимущества Христовой веры, наказать турок, отобрав у них, врагов рода человеческого, богатства, которыми они, нечестивые язычники, неправедно владели. Более подходящего места для молодых французских шевалье — безземельных (*sans terres*) и лишенных имущества, так называемых голяков (*sans avoirs*), в середине двенадцатого столетия от Рождества Христова и подыскать было бы трудно.

Строго говоря, ни к одной из только что названных категорий наш герой не относился. По крайней мере, не относился до того, как принял решение взять крест. Он был вторым сыном Годфруа, графа Жъена, что на Луаре, и сеньора Шатийона-на-Луане. Наделив хотя и крохотным, но все же уделом или, как называлось это на Западе, фьефом, отец не обошел младшего в наследстве вовсе, как зачастую поступали благородные, но не имевшие больших земельных владений нобли. Поступали они так потому, что не желали уменьшать достоинства первенца, а значит, и лишать его верного шанса в будущем богатством и знатностью прославить имя предков.

Не будучи ни безземельным, ни голяком, Ренольд тем не менее не возжелал мириться с выпавшей ему участью захудалого французского дворянина. Заложив брату фьеф, он собрал крохотную дружину и пустился на поиски удачи, то есть, конечно, отправился в паломничество. Он храбро сражался, был ранен. Он видел,

как десятками гибли в стычках с неверными такие же, как он, благородные, но бедные воины, как ни за грош пропадали меньшей народец (*melu gens*), как сотнями умирали от бескормицы кони и вьючные животные. Он познал коварство врагов и предательство союзников-ромеев, которых, как и другие латинские пилигримы, начал называть грифонами.

Наконец путь паломников завершился, по крайней мере в той его части, которая касалась собственно пути, то есть дороги до Святой Земли. На ней, на дороге этой, пролежавшей по безводным перевалам Малой Азии, сложили головы до девяти десятых войска не менее видного товарища Людовика по крестовому походу, Конрада Второго Германского, да и ряды рыцарей, собравшихся под знаменем Сен-Дени, изрядно поредели. Впрочем, теперь, когда паломничество вошло во вторую фазу, оставалось сделать немного: добраться до Иерусалима, что было просто — вся Палестина принадлежала христианам, — и освободить какой-нибудь *изнывающий под властью неверных* город, что оказалось задачей несколько более сложной.

Трудности начались уже с выбором цели и выработкой, как сказали бы мы теперь, стратегии направления главного удара. Про то, что турки отобрали у христиан Эдессу — первое серьезное приобретение славных пилигримов прошлого, — все как-то дружно забыли; насущные проблемы латинян Северной Сирии также отошли на второй план: вождям похода — как духовным, так и светским — хотелось совершить что-нибудь... что-нибудь *этакое*. Они отправились на юг и, недолго думая, нанесли удар по Дамаску.

Более нелепой цели они и выбрать не могли, поскольку *упомянутый в писании* город находился под властью весьма миролюбивого эмира. Однако, обнаружив под стенами своего города орды захватчиков, эмир Дамаска был «приятно» удивлен и, конечно, моментально забыл о своем благорасположении к западным соседям. Понять его нетрудно. Представьте себе, что году этак в сорок втором двадцатого столетия от Рождества Христова Англия вкупе с Америкой открывала бы второй фронт... нет, не в Нормандии, а, скажем, высадила бы десант на Урале?

В общем, франки поступили, мягко говоря, нелогично.

Как и следовало ожидать, хорошего вышло мало, поход завершился полным провалом. Часть уцелевших его участников отправилась в обратный путь, не только

не покрыв себя славой и не добыв имущества врагов. Куда там?! Как побитые псы, поджав хвост, опустив очи долу, продав последнее, чтобы заплатить капитанам, взявшимся доставить паломников на милую родину, садились они на корабли и плыли к берегам перенаселенной Европы, терзаемой голодом, эпидемиями и почти не прекращавшимися междоусобными войнами.

Но не таким человеком был Ренольд из Шатийона. Он решил не возвращаться — доброму рыцарю на Востоке дело найдется. Для того, кто родился для войны, главное, чтобы была добыча да не покидала удача. Удача? Конечно, а как же без нее? Да, видно, под счастливой звездой родился храбрый красавец-галл, сама княгиня Антиохии, Констанс, обратила на него внимание. А тут она и овдовела кстати. Траур кончился, сыграли свадьбу.

Семь лет супруги жили счастливо или почти счастливо, но триумф Ренольда кончился сокрушительным падением. В конце тысяча сто шестидесятого года князь угодил в засаду во время рейда на неприятельскую территорию. Как ни храбро сражались Ренольд и его небольшая дружина, силы неверных оказались неизмеримо больше. Так Констанс в тридцать два года вторично стала вдовой, на сей раз, правда, при живом муже. Трон франкского демона, князя Арнуата, чье имя навело ужас на язычников, занял его пасынок, Бозмунд Заика, а несчастная княгиня удалилась во вдовый удел в древнюю Латтакию, где вскоре и умерла, забытая всеми, кроме самых преданных слуг.

Сколько лет прошло с тех пор, как князь Ренольд угодил в мрачный донжон в Алеппо, или, как называли город сами его жители, Халеба? Много. Очень много. Ужасно много².

В мае тысяча сто семьдесят четвертого года скончался повелитель Египта и Сирии атабек Алеппо, аль-малик аль-адиль (справедливый король) правитель Дамаска Нур ед-Дин, в июле — король Иерусалима Амори́к. Войну с Нур ед-Дином за Египет он проиграл; старый, но доблестный воин курд Ширку завоевал Каир для своего господина, чтобы скончаться в нем спустя два месяца после победы в тысяча сто шестьдесят девятом году³.

Великий воитель умер не на поле боя, а... за праздничным столом, не рассчитав своих сил, Ширку слишком

много выпил и съел. Так в распоряжении его тридцатидвухлетнего племянника Салах ед-Дина или Саладина, как называли его европейцы, оказалась богатейшая страна, которой он управлял, как нетрудно понять, от имени и по поручению своего сюзерена Нур ед-Дина.

На протяжении пяти лет, прошедших с момента смерти Ширку до кончины Нур ед-Дина, последнему все меньше и меньше нравился молодой курдский выскочка. Повелитель Сирии и Египта даже пригрозил Саладину, что явится к нему в Каир погостить, да так и не собрался, умер...

Услышав об этом событии, правитель Египта несказанно «огорчился». Покончив с неотложными делами в своем государстве, он с семьей сотнями отборной конницы ускоренным маршем беспрепятственно проследовал через франкскую Трансиорданию, или Горную Аравию, как часто называли эту землю, и подошел к Дамаску, губернатору которого Мукаддаму ничего не оставалось, как без боя сдать город. Одиннадцатилетний наследник Нур ед-Дина Малик ас-Салих Исмаил и его мать бежали в Алеппо.

Трудно предположить, что в белой столице атабеков все осталось по-старому. Там, разумеется, все обстояло весьма непросто; двор бурлил, иные вельможи, вчера еще богатые и обладавшие властью, исчезали в подвалах донжонов, занимая места по соседству с христианскими пленниками, в сердцах которых затеплилась надежда на скорое освобождение.

Однако время шло, но ничего между тем не менялось к лучшему для этих несчастных, некоторые из которых провели в заточении долгие годы⁴.

A.D. MCLXXIV— MCLXXVII

I

Жара, жара, жара...

Жара этим летом выдалась необычная даже для этих мест. Горячий воздух, дрожь, поднимался от раскаленной полуденным солнцем земли, от грязно-желтых, выгоревших холмиков и пригорков, напрочь лишенных какой-либо растительности, кроме чахлах кустиков, каким-то неведомым образом сумевших не погибнуть тут, где, казалось, не могло существовать ничто живое.

Да оно словно бы и не существовало в реальности, поскольку предметы утрачивали свои привычные очертания, точно смотревший на них человек видел все через тончайшую вуаль.

Хотя смотреть было особенно не на что: всюду, куда ни кинь взгляд, один и тот же унылый гористый ландшафт — пустыня. Воображаемая пелена мало что меняла; безводные впадины и пропеченные, как забытая на печи ячменная лепешка, возвышенности не становились ни сколь-либо привлекательнее, ни унылее оттого, что очертания их делались размытыми, а сами они, будто нарисованные на прозрачном, невидимом глазу простого смертного шелке, вибрировали повинуюсь незаметным для человека движениям аэра, подобно охваченному дрожью стану восточной танцовщицы.

Ни один звук также не привлекал внимания, только какой-то едва различимый гул словно висел в воздухе. И не в воздухе, даже просто безжизненная, неспособная родить земля — не земля — песок, глина — будто пела какую-то свою, понятную одной ей песню.

Впрочем, гул этот словно бы приближался, делался все яснее, и вот уже становилось возможным различить стук копыт большого сильного коня. Какого всадника могло нести на своей спине такое животное? Конечно же, такого же большого и такого же сильного, как сам конь.

И вот стук стал громче; теперь уже и глухой мог различить стук лошадиных копыт, от которого содрогалась почва. Еще мгновение, и всадник, поднявшись на самый дальний пригорок, станет виден. Он появился там, откуда его ждали, но лишь на миг, а потом снова скрылся из виду, будто бы провалившись в бездну. Но неизвестный наездник не пропал, так как вновь появился на вершине склона, только для того, однако, чтобы вновь нырнуть в грязно-желтую пучину, так и оставшись неопознанным для наблюдателя.

Сколько бы ни щурился стоявший на земле человек, сколько бы ни вглядывался в дрожащий воздух, сколько бы ни прижимал ко лбу козырек ладони, все равно не успевал рассмотреть рыцаря. Между тем, когда тот в третий раз оказался в поле зрения смотревшего, не осталось и тени сомнения в том, что на замечательном белом нормандском жеребце сидит тот, кому и положено, северянин, франк, облаченный в доспехи, как и подобает латинскому каваларию.

Когда он в очередной раз скрылся и затем опять появился на одном из ближайших пригорков, даже

вибрация раскаленного воздуха не мешала уже наблюдателю разглядеть одеяние рыцаря. Голова его скрывалась под великолепным белым тюрбаном, за плечами развеялся белый же плащ, а грудь поверх серого кольчужного плетения покрывал так же белый табар. На нем, сколько ни старался смотревший, он не мог увидеть никаких опознавательных знаков: не было там ни затейливого герба, которые в последние годы получили у рыцарства весьма широкое распространение, ни простого креста, из тех, что независимо от положения нашивали на свою одежду все воины Христа.

Лицо скрывалось под забралом, более похожим на белую маску, так как металл, из которого оружейник сковал эту деталь шлема, кто-то, вероятно подмастерья, заботливо обтянул белым полотном или даже шелком, чтобы солнце не слишком накаляло железо.

Щит также был белым, лишенным не только опознавательных знаков, но даже и простого ни к чему не обязывавшего орнамента. В руках всадник держал открытое толстым слоем белил рыцарское копьё длиной не менее чем в два с половиной туаза⁶.

Наблюдатель настоорожился; кавалларий мчался и мчался вперед, точно принадлежал к потустороннему миру, он, подобно демону, казалось, не замечал ничего вокруг, ибо ничего вокруг для него и не существовало. Мужчина, смотревший на приближавшегося белого всадника, носил шпоры, а потому не мог допустить мысли о том, чтобы такой же благородный человек, каким являлся он сам, атаковал его, пешего, так же не спрыгнув с коня и не назвав ни имени своего, ни причин, по которым желал вызвать незнакомца на поединок.

Если бы белый рыцарь, вопреки правилам, заведенным между людьми благородной крови, пренебрег законом, наблюдатель оказался бы в незавидном положении, так как не имел ни коня, ни копьё, ни даже кавалерийского меча. Вместе с тем стоявший на земле воин не желал не то что убежать, отойти в сторону, освободив путь всаднику.

«Кто ты?» — спросил смельчак безмолвного и безликого воина и, хотя не услышал собственного голоса, ответ все же получил:

«Твоя смерть».

И как только эти слова прозвучали в голове у того, кому предназначались, белый рыцарь опустил копьё. Однако безоружный воин остался на месте, мужествен-

но глядя на приближавшееся к нему стальное, выкрашенное белилами копейное острие и закрепленный на рожне белый флажок.

Всадник показал себя опытным рыцарем, он прекрасно знал свое дело. Не сделав ни одного лишнего движения, он нацелил свое оружие прямо в лицо обреченному, но в последний момент передумал и, опустив копьё чуть ниже, воткнул его прямо в шею храбрецу.

«Никогда не думал, что это будет так, — сказал себе тот, чувствуя, как рвется сухожилия и трещат позвонки. — Так? Значит, так? — спросил он себя и как бы между прочим заключил: — Значит, так... Ведь когда-то же это должно было случиться? Смерть приходит ко всем».

Больше он уже ни о чем не думал. Воин и сам не знал, видел ли он все, что произошло потом, своими глазами, или это уже душа его, покидавшая тело, смотрела на убийцу со стороны.

Копьё не выдержало, сломалось: видно, слишком крепкими для него оказались и плоть храбреца, и его кости. Оно разлетелось на несколько кусков, которые медленно, словно на них наложили заклятие, вращались в дрожащем раскаленном воздухе, точно живые. Казалось, обломки эти не хотят упасть на землю, будто зная, что этот странный необъяснимый полет — последнее, что есть в их жизни, и, едва коснувшись почвы, они умрут, превратятся в ничто, станут ненужным мусором.

Белый рыцарь, точно ангел смерти, сделав то, зачем послал его всемогущий повелитель, исчез. Исчез и конь; оба они, должно быть, превратились в прекрасного белого лебедя, который, взмахнув ослепительно белыми крыльями, вознесся над безрадостным обиталищем смертных и неспешно взмыл к голубому не тронутому безжалостным солнцем небу.

Первым, что услышал Ренольд, пробуждаясь ото сна — столь же прекрасного, сколь и страшного, — оказался его собственный хрип, точно в горле и впрямь засел обломок белого копья. Затем раздался взволнованный голос:

— Мессир? Мессир? Что с вами, мессир? Вам плохо, ваше сиятельство? Позвать стражника? Что сделать, мессир?

Рыцарь разлепил глаза и устремил полный недоумения взгляд на молодого черноглазого оруженосца.

— Кто ты? — спросил князь, облизав пересохшие губы. — Где мой слуга? Где жирный выродок Тонно?

— Попейте, мессир, — вместо ответа предложил подросток, протягивая господину флягу, а когда тот, сделав несколько судорожных глотков, откинулся затылком на каменную стену, сказал: — Тонно умер, мессир. Вы, верно, забыли. Третьего дня его унесли отсюда.

Ренольд повернул голову и увидел, что место, которое обычно занимал его звероподобный грум Тонно, пусто. Рыцарь вздохнул; Тонно — или Жирный Фернан — был последним из тех, с кем в последние дни ноября тринадцать лет и восемь месяцев назад князь спустился в этот мрачный, почти лишенный света подвал. Он служил не Ренольду, а его бывшему оруженосцу, маршалу Антиохии Ангеррану. Однако славный рыцарь, как и еще множество добрых воинов, пал в той жаркой схватке с неверными, а Тонно, хотя и израненный выжил и с тех пор оставался слугой господина своего покойного господина.

Ренольд знал, что Фернана больше нет, знал также и то, что будет следующим. Все те, кто сидел с ним в этом донжоне, а их было немало, наверное до сотни, умерли от лихорадки, открывшейся с начала лета, жаркого — даже здесь в подвале это чувствовалось — лета, последнего в его, Ренольда, жизни. Та смерть, которую подарил Бог ему во сне, желанная смерть, оказалась лишь видением. Нет, не такого конца ждал князь Антиохийский, если уж не геройской гибели в бою, то почетной казни, удара топора или меча палача.

Не радовало рыцаря даже то, что ему удалось пережить своего противника, Нур ед-Дина. Тот года за полтора до своей смерти, приехав в Алеппо, велел привести к себе Ренольда, Раймунда Триполийского и доброго знакомого князя, графа Жослена, бывшего маршала Иерусалима. Повелитель Сирии и Египта решил склонить пленников к перемене веры. Ничего, конечно, не вышло; он не слишком-то и надеялся на это, но беседовали долго.

Говорили через переводчика, роль которого взял на себя Раймунд. За восемь лет, проведенных в плену, он прекрасно освоил не только разговорную речь, но, как похвастался товарищам-крестоносцам, мог свободно читать и даже немного писал на арабском. Жослен Эдесский — он продолжал титуловаться так, хотя давно уже не владел не только столицей графства, но и хоть малым клочком земли, принадлежавшей отцу и

деду, — тоже понимал речь неверных, мог разбирать надписи, общаться с тюремщиками, хотя предпочитал все же родное северофранцузское наречие. Впрочем, он знал немало языков, например армянский, родной язык своей бабки.

Один Ренольд упорно не желал приобщаться к культуре врагов. Волей-неволей он запомнил несколько слов, но никогда не произносил их, предпочитая, чтобы со стражей общался Тонно. Впрочем, некоторые из мусульман, которые охраняли знатных пленников, понимали франкскую речь. Князь же поклялся, что осквернит свой рот только одним словом из языка неверных и произнесет его не раньше, чем получит возможность сказать: «В раззя!»⁶

Подумав о умершем Фернане, Ренольд еще сильнее расстроился: если уж такого борова доконала гнилая смерть, шансов выбраться на свободу не осталось, он умрет здесь. Умрет пленником, хотя все эти годы не переставал надеяться. Особенно когда после той памятной беседы Нур ед-Дин отпустил Раймунда. Атабек и граф долго говорили уже после того, как Ренольда и Жослена увели. Что такого сказали друг другу эти двое в приватной беседе, два других знатных пленника могли лишь догадываться. Впрочем, возможности обсудить это у них практически не было, так как сидели они все в разных донжонах. Правда, удавалось передавать через стражников письма, и из одного такого послания Ренольд и узнал от Жослена — этот маленький шустрый человечек всегда каким-то образом умудрялся первым получать самую свежую информацию, — что Нур ед-Дин согласился принять за Раймунда выкуп, восемьдесят тысяч динаров, большую половину из которых собрали и привезли в Алеппо рыцари-госпитальеры.

Раймунд получил свободу немедленно, дав клятву в ближайшее время заплатить оставшиеся тридцать тысяч, которые, как утверждал все тот же Жослен, до самой смерти атабека так ему и не прислал. Зато засыпал благодетеля письмами, в которых, жалуясь на исключительно расстроившиеся в его отсутствие финансовые дела графства, регулярно обещал при первой же возможности возратить долг, хотя бы частями. «Вот ведь скотина, — искренне возмущался бывший маршал Иерусалима в одной из своих записок. — Теперь из-за его бесчестного поступка неверные и слушать не хотят о том, чтобы вести переговоры о выкупе. Похоже, мессир, мы тут застрянем. Но, прошу вас, не теряйте надежды».

О свободе Жослен так или иначе говорил в каждом своем письме. Он угодил в лапы турок в двадцать шесть лет, в его годы Ренольд громил киликийцев ныне уже тоже покойного Тороса Рубеняна и тайком посещал во дворце спальню своей будущей супруги, вдовствовавшей княгини Констанс.

И ее давно уже не нет на свете, так на что рассчитывать несчастному пленнику? Жослен — тот хоть мог надеяться, что его выкупит сестра, как-никак теперь ее сын стал королем Иерусалимским. Новость о смерти Аморики и восшествии на трон его наследника, тринадцатилетнего Бальдуэна, четвертого франкского правителя Святого Города, носившего это имя, достигла ушей пленников белой столицы атабеков всего несколько дней назад, тогда Тонно еще был жив, а к Ренольду болезнь только начинала подкрадываться. Граф Жослен, добрая душа, немедленно отписал товарищу-крестоносцу, уверяя его, что теперь их освобождение — дело ближайшего будущего. «Сестра обещает взять все в свои руки. Будьте покойны, мессир, я не оставлю вас тут!»

Ренольду предоставлялась возможность лишь догадываться о том, что означала эта многозначительная фраза «взять все в свои руки», а выражение «будьте покойны» приобрело теперь весьма двойственный смысл. Судя по всему, душе пилигрима из Шатийона оставалось не так уж долго ждать упокоения; похоже, в том, что касалось лично его, заботы обещал взять на себя кое-кто другой, несомненно куда более могущественный, чем мать юного Иерусалимского правителя.

Ренольд скосил глаза в сторону слуги, сидевшего рядом и ожидавшего, не позовет ли его зачем-нибудь господин. Впрочем, о том, что парень этот, судя по виду приблизительно ровесник Бальдуэна, — слуга, князь мог только догадываться. Одежда, рваная, темно-серая от грязи рубаха, единственное, во что был одет подросток, ничего не говорила о социальном статусе ее обладателя: ночью все кошки серы, как и узники темниц, одетые в лохмотья. Ренольд уже видел парня, когда в прошлый раз приходил в себя.

Тонно тогда еще сражался с хворью, ему даже стало лучше, он также заметил новичка, долго молча смотрел на него и, прежде чем вновь потерять сознание, заявил: «Этот мальчик похож на вас, мессир. Точно говорю вам, государь. Он — копия вы молодой. Только бы ему усы

отрастить и волосы посветлее сделать и — вылитый вы». Ренольду тогда было, мягко говоря, не до того, похож на него новый товарищ по несчастью или нет, однако теперь князю стало полегче, и он, всмотревшись в лицо подростка, спросил:

— Ты кто?

— Жослен, — ответил тот, — дамуазо брата Бертье⁷.

— Брата? Он госпитальер или храмовник?

— Храмовник, — произнес парень с явной гордостью, но потом поправился: — То есть нет... Не совсем... Мой господин собрат ордена⁸. Вернее, был им. Умер здесь в Алеппо от ран, нанесенных ему неверными.

Ренольд облизал губы и произнес:

— Тебе не слишком-то везет на сеньоров, парень? Один уже умер, а другой вот-вот отдаст Богу душу. Никогда не верил, что сдохну здесь... И все же я бы предпочел поменяться с твоим господином. Страшно неохота умирать от этой заразы...

Мальчик наморщил лоб и сделался очень серьезным и, придвинувшись к беспомощно лежавшему на соломе рыцарю, проговорил:

— Вы не умрете, мессир.

Как ни худо чувствовал себя рыцарь, все же его не могли не рассмешить слова юного Жослена и вид, с которым он произносил их.

— Для того чтобы не умирать, надо быть ангелом... или дьяволом, — начал он и, закрыв глаза, закончил: — А я — рыцарь...

— Я не так выразился, ваше сиятельство, — возразил паж. — Вы не умрете теперь. Вы умрете в свой черед, и, уж поверьте, произойдет это не здесь.

У Ренольда не было решительно никаких сил спорить, однако жизнь его в последние годы, мягко говоря, событиями не изобиловала, одним словом, он еще не настолько ослабел, чтобы не поинтересоваться:

— Ты-то откуда знаешь, когда я умру?

Ответ молодого храмовника поразил князя.

— Сказать с точностью, когда именно это произойдет, я сейчас не берусь, — проговорил он каким-то особенно спокойным, ровным тоном человека, уверенного в своих словах. — Одно знаю, вы не умрете теперь. Я думал о вас с тех пор, как попал сюда, и мне на ум приходило число тринадцать. Наверное, это означает, что вам отпущено еще тринадцать лет...

— Забавный ты человек, Жослен, — не выдержал Ренольд. — Скажи-ка мне, когда ты размышлял, тебе в

голову не приходило, что тринадцать — вовсе не количество лет, а количество дней, мне отпущенных?

— Возможно, — юный храмовник кивнул и продолжал: — Возможно, это число означает, что через тринадцать дней с момента моего пленения произойдет что-то такое, что повлияет на вашу судьбу... Толковать знаки Всевышнего сложно, но иногда все-таки можно получить ответ на некоторые вопросы. Мой прежний господин ведал тайное...

Речь подростка не могла не веселить князя, он спросил:

— Если твой господин ведал тайное, как ты говоришь, что же его угораздило угодить в плен к неверным?

— Знать судьбу не означает иметь возможность изменить ее, — отозвался Жослен. — Так говорил мой прежний господин. Он предвидел, что такое случится. Он говорил мне, что его смерть не за горами, а мне сказал, что... что для меня этот плен станет началом долгого пути... пути взрослого человека, рыцаря.

Тон, которым мальчик произнес последние слова, отчего-то отбил у Ренольда охоту смеяться. Он почувствовал себя куда лучше, достаточно хорошо, чтобы поддержать беседу: в конце концов, если ты умираешь от лихорадки, это вовсе не означает, что ты обязан умирать также и от скуки.

— Судя по всему, — начал он, — судя по всему, тебе нравился твой господин? Долго ли ты служил ему?

Паж ответил не сразу. Помолчав немного, видно желая хорошенько обдумать, что сказать, он наконец кивнул и произнес:

— Да, мессир... брат Бертье был добрым воином и человеком хорошим. Он столько всего знал... умел видеть вещи, недоступные для многих других людей. Меня он тоже успел кое-чему научить... А служить... служить ему я начал в тот год, когда скончалась благословенной памяти княгиня Констанс Антиохийская...

— Почему ты говоришь об этом? Ты знал ее?

— Нет, ваше сиятельство, — задумчиво покачав головой, ответил мальчик. — Мне не пришлось. Тетя рассказывала мне о ней и о вас.

— Тетка? — проговорил князь и хотел было поинтересоваться, как ее имя, но, подумав, что оно все равно, скорее всего, ему неизвестно, спросил: — А кем были твои родители?

Оруженосец пожал плечами:

— Точно не знаю, мессир.

— Как это так?

Нечего и говорить, удивление Ренольда было вполне понятным: будущему дворянину полагается знать имя своего отца.

— Сколько себя помню, — произнес Жослен, — до того, как тетя забрала меня и отдала служить брату Бертье, я находился в семье бедняков в Антиохии. Она сказала, будто ее двоюродная сестра, которая жила в Нормандии со своим мужем, бедным рыцарем Тибó из Валь-а-Васара, моим отцом, отправились в паломничество в Святую Землю. Отец погиб во время кораблекрушения, а мать спаслась, но прожила недолго, Господь призвал ее сразу после того, как я появился на свет.

— Но как же твоя тетка нашла тебя? — удивился Ренольд.

— Такова, видно, воля Господа, — не задумываясь отозвался паж. — У моей родительницы был медальон, единственное, что не отняла у нее стихия. Добрые люди, в доме которых Бог призвал мою маму и которые потом, сжалившись над сиротой, приютили меня, тот медальон не продали, хотя были очень и очень небогаты. Но как-то нужда все же заставила их искать покупателя, и тут-то им и встретилась моя тетя. Она узнала медальон, подробно расспросила людей, пригrevших меня, об обстоятельствах моего появления у них и поняла, что я сын ее бедной двоюродной сестры и ее несчастного мужа. Она забрала меня, а потом повезла в Тортосу, к тамплиерам; с того времени я и начал служить ордену. Я мечтал, что, когда вырасту, стану рыцарем, сумею сделаться одним из полноправных братьев, удостоюсь чести облачиться в белый плащ с красным крестом.

— Тогда дело другое, — оборвал пажа князь. — Коли так, то получается, что ты все-таки *знал* своих родителей, хотя и никогда не видел их. И брату Бертье то было ведомо. Ибо к чему стал бы он тешить тебя бесплодной надеждой? Ведь в общину Храма не принимают тех, чье благородное происхождение сомнительно.

Рыцарь хотел спросить про медальон, но не сделал этого из-за нахлынувшей вдруг слабости. Жослен тем временем продолжал.

— Да, — согласился он, — но тут не все так просто, мессир. Брат Бертье как-то проговорился мне, что у него имеются какие-то особые сведения, касающиеся как раз моего происхождения, которые мне надлежит

узнать не ранее, чем я стану взрослым. Тогда, мол, я должен буду сам решить, что делать мне дальше. Предвидя то, что будет с ним и со мной, он хотел нарушить волю моей тетушки и показать мне ларец с письмом накануне того, что случилось, но не успел. Теперь уж, верно, я никогда не узнаю, что говорилось в том письме, и не увижу больше моего медальона, ведь неверные отобрали у нас всю поклажу, когда застигли нас врасплох на марше. Как вспомню, просто оторопь берет, даже представить себе страшно, так стремительно развивались события.

— Какие события? — поинтересовался Ренольд. — Что значит стремительно? О чем ты говоришь?

— Простите меня, мессир, — приложив ладонь к груди, проговорил оруженосец. — Ради Господа, извините мне мою нерасторопность, я так путано выражаюсь... Брат Бертье не раз пенял мне за это... А случилось... случилось вот что. В горах Носайриских, где издавна обитают исмаилиты, появился новый князь именем Рашиддин Синан, родом из Басры. Человек этот, как говорил мне мой господин, весьма умный, проникательный и чрезвычайно энергичный. Он сразу же предложил его ныне покойному величеству, королю Аморику, заключить союз против Алеппо и Дамаска, ибо ненавидел здешних турок куда сильнее, чем христиан. Более того, этот Синан пообещал королю, что, если все пойдет хорошо, он и все его фидаи отвергнут ложную веру и примут крещение. В знак дружбы он просил сделать ему некоторые уступки, незначительные для латинян, но существенные для Рашиддина и его последователей...

— Уступать неверным?! — воскликнул Ренольд, забывая о своей немощи. — Как они могли предлагать королю такое? И он их выслушал?

— Да, — сказал Жослен, — дело-то было по существу плевым, как объяснил мне мой прежний господин. Тот Синан просил только, чтобы братья рыцари из общины Торотосы впредь не претендовали на дань с некоторых из деревень, которые фидаи издавна считали своими. Король согласился. Узнав об этом, магистр наш, достопочтенный брат Одо де Сент-Аман, возразил королю...

— И что?

Мальчик вздохнул.

— Вы не знали покойного государя Аморики, мессир, — произнес он. — Его величество не пожелал даже

слушать магистра. Тогда достопочтенный магистр наш послал командору Гольтьеру де Менсилю в Тортосу тайный приказ перебить послов Синаана. Что и было исполнено. Его величество страшно разозлился, когда узнал, что наши братья перерезали всех фидаев, которые шли к нему в Акру по земле графства Триполи. Он явился с войском в Сидон, где в то время находился магистр Одо, и потребовал от него ответа, а когда не получил удовлетворения, схватил брата Гольтьера и некоторых из наших рыцарей, участвовавших в деле, и увез их в Тир, где бросил в тюрьму. После смерти его величества Аморики всех их, конечно, выпустил новый государь наш, его величество Бальдуэн. На обратном пути из Тира в Тортосу, проезжая неподалеку от Араймы, мы угодили в плен к туркам из Алеппо. Брат Бертье сказал, что уверен, будто засаду нам устроили не без помощи фидаев, поскольку, хотя Рашиддин и уверял его величество государя Аморики, что удовлетворен тем, как король франков наказал своих непослушных подданных, и не держит на него зла за смерть послов, сам решил все же отомстить конкретным исполнителям приказа магистра нашего, брата Одо⁹.

Последних слов Жослена Ренольд почти не слышал; едва лишь паж упомянул об Арайме, на несчастного узника подземелья нахлынули воспоминания. Сколько лет прошло? Целая жизнь, больше, две жизни такого вот парнишки, как этот юноша со сверкающими черными глазами. Мечтает быть тамплиером? А о чем мечтал он, Ренольд, когда бок о бок с Бертраном Тулузским рубился на поле близ Араймы с рыцарями Раймунда Триполийского, не того, который, едва вырвавшись из такой же вот темницы, забыл об обязанности благородного человека платить долги, а его отца.

Четверть века прошла, а перед глазами князя события представляли такими, как будто случились вчера. Он стоял на вершине холма и смотрел вниз на Восток, туда, где лежала благодатная земля Ла-Шамелль, которую так и не успел завоевать предок Бертрана и Раймунда (из-за того и сражались, что не могли поделить наследства), граф де Сен-Жилль. В мечтах он, юный пилигрим из Шатийона, парил над полями и долами, мнил себя ангелом битвы, поражающим врагов без счета своим мечом. Однако, стоило лишь опустить глаза и посмотреть на долину, чтобы понять, он — не ангел. Врагов и правда хватало; не менее пяти тысяч конников-сарацин разбили лагерь внизу, однако у него, если

только он не искал сколь же быстрой, столь и нелепой смерти для себя и трех своих спутников-солдат, не было решительно никакой возможности сразиться с ними и остаться в живых, оставалось одно, бежать, бежать без оглядки, бежать, прежде чем враги успеют броситься в погоню.

И он бежал, ему удалось ускользнуть от преследователей, а Бертран, обложенный в отвоеванной у соперника Арайме, вскоре сдался и угодил в неволю, где провел почти одиннадцать лет и откуда вернулся не умудренным годами и покрытым славой зрелым мужем, а больным человеком, согбенным старцем, у которого осталось лишь прошлое да, возможно, несколько лет впереди, лет, которые предстоит не жить, а доживать. Доживать... Доживать, но доживать все же на свободе. Ему, Ренольду из Шатийона, судьба не предоставила такого шанса. Теперь уже скоро все кончится, а жаль. Если бы не лихорадка, он бы еще показал неверным; только бы выпустили! Может, помолиться? А вдруг поможет? Ведь, если чего-то очень страстно желаешь, твоя молитва рано или поздно доходит до Господа.

— Помолись со мной, Жослен... Жослен Храмовник,— проговорил князь.— Не спрашивай ни о чем и ничего не говори,— предостерег он пажа, видя, что тот собирается что-то сказать,— просто помолись, и все. Помолись о том, чего *ты сам* очень хочешь. Молись со мной.

Прошло очень много времени. Хотя справедливости ради следует отметить, чего-чего, а времени у узников всегда хватает. Даже перед смертью им не о чем беспокоиться, не надо, как свободному человеку, обременять себя заботами о наследниках, распоряжениями относительно имущества, чтобы не передрались, едва родитель закроет глаза. Священник уже побывал в темнице и напутствовал умирающего. Гюмюштекин, нынешний фактический правитель белой столицы атабеков, не отказал пленникам в праве покинуть бранный мир так, как подобает христианам; боится эмир курдского выскочки, ищет дружбы с кафирами, потому и добр. Впрочем, и Нур ед-Дин не отказал бы, позволил бы узнику очистить душу перед вратами вечности. Станным человеком был извечный враг князя Антиохии, очень странным. Теперь, стоя на пороге смерти, Ренольд вдруг подумал о том, что не отказался бы еще раз побеседовать со *справедливым* королем. Что ж... неизвестно, как там, за пределами этого мира, может, и в

другом мире точно так же сражаются между собой души тех, кто воевал друг с другом при жизни? Вдруг да придется встретиться?

«Вот дьявол! Чего только в голову не придет?! Лезет всякая чушь! — возмущился умирающий.— Как я мог даже представить себе такое? Язычники, известное дело, за то, что неправильно верят, пойдут в ад, а христиане...»

Ренольд решил не размышлять больше о том, куда лично отправится он сам, того и гляди, как бы Высший Судия не исполнил прихоти раба своего недостойного да не отправил его навечно беседовать с покойным атабеком! Он подумал еще и о том, что, хотя враг его и вышел победителем из их бранных споров, все же оказался не в лучшем положении. Узнику Алеппо все ясно и потому даже и не очень обидно умирать, а вот тому, чьи солдаты пленили его, должно быть горько там, в другой жизни, от сознания того, что тот, кому он доверился, предал его, нарушил волю, заставил его наследника искать спасения бегством. Тут неожиданно две мысли пришли в голову Ренольду: первая о том, что он, скорее всего, так и не узнает, чем все кончится в споре ас-Салиха и Салах ед-Дина, а вторая о том, что у него самого так и не осталось наследника. Впрочем, тому, у кого нет наследства, ни к чему и наследники.

— Как звали твою тетку? — спросил Ренольд пажа. — Ты говорил, она служила княгине?

Обильный пот выступил на лице больного, слишком много сил ушло у него на размышления, воспоминания и молитвы. Оруженосец отер лоб и переносицу князя куском черной материи, который еще раньше оторвал от своего жалкого одеяния, и не спеша произнес:

— Все верно, мессир. Она служила княгине, а когда ее сиятельство скончалась, ушла от мира. Она сделала для меня все, что могла, и даже больше, и я очень благодарен ей. А звали ее Марго, государь. Вы-то, конечно, знавали ее, я же, можно сказать, нет. Устроив мою судьбу, она удалилась так же как, и пришла.

Ему ли было не знать Марго? Ему ли не помнить роскошных форм сладострастной любовницы? Разумеется, Ренольд не раз воскрешал в памяти ее лицо и фигуру — редкий мужчина мог бы остаться равнодушным к прелестям Марго. Только вот она никогда не говорила про свою сестру. Ни разу даже не упоминала о ней, так что любовник даже и не подозревал, что у Марго были родичи в Европе.

— А что было изображено на том медальоне? — вдруг оживившись, поинтересовался умирающий.

— Это старинная вещица из серебра, круглая, как монета или печать. Может статься, она когда-нибудь в незапамятные еще языческие времена и служила какому-то из моих предков печатью, — охотно ответил Жослен и на всякий случай перекрестился. — На нем изображен дракон, древний демон северных гор. Тетя не велела мне надевать медальон, но почему, не сказала, а когда я спросил брата Бертье, он сначала не хотел говорить мне, но потом объяснил, что дракон — символ несбывшихся надежд.

Тут затуманенное сознание умирающего неожиданно посетила совершенно нелепая мысль. Теперь он поинному смотрел на малопонятные намеки, содержащиеся в том единственном письме, которое сумели переправить ему в подземелье семь лет назад, — все послания супруги, отправляемые из Латтакии, неизменно перехватывали люди Бозмунда. А то все же достигло адреса. Писалось оно от имени уже скончавшейся княгини. В письме говорилось о смерти Констанс, о ее последней воле и о том, что он, Ренольд, *не одинок в этом мире*. Тогда он не особенно вдумывался в смысл этого выражения, только спросил Тонно, что бы сие, по его мнению, могло означать. И слуга ответил: «Это когда вы не один в сотворенном Господом мире, государь. Я хочу сказать, что тот, кто послал вам это письмо, хочет дать понять, что где-то прорастает семя, посеянное вами. Вот это-то я и называю быть не одиноким в тварном мире». Теперь вот еще этот медальон. Разве не такой же подарил он Марго накануне того рокового набега? А ведь она тогда носила дитя. Правда, все мальчишки, которых она рожала своему господину, неизменно умирали, но...

— Расскажи мне подробнее о той вещице, — попросил князь. — Может, на ней были какие-нибудь особые отметины? Царапины, например?

— Мне не случилось долго рассматривать тот медальон, — признался оруженосец. — Но, по-моему, на хвосте у дракона имелась зарубка, точно кто-то хотел его отрезать, да не смог. Да, и вот что! Если держать медальон прямо перед собой и смотреть на это существо, то получается, будто оно идет от левого края к правому. Очень необычно, правда?

Символ несбывшихся надежд, да еще и с отрубленным хвостом! А разве его, теперь уже фактически быв-

шего князя Антиохии, надежды и чаяния, его собственные мечты не были вот так же вот изрублены кривыми мечами язычников в тот роковой девятый день от декабрьских календ тысяча сто шестидесятого года от Рождества Христова? Разве и он вот так же, как тот дракон на серебряном медальоне паж, не ходил всегда непривычными для других путями? Разве не появлялся там, где его не ждали, точно демон? Но как могла эта вещь попасть к Жослену? Тут как раз все понятно, ему ее дала Марго, но тогда... тогда медальон ни в коем случае не мог принадлежать отцу этого мальчика... Подобная головоломка оказалась непосильной для Ренольда в его нынешнем состоянии. Он тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Вместе с тем времени на все эти по большей части невеселые размышления ушло совсем немного, они, можно сказать, промелькнули в голове князя за несколько мгновений, что проходят от вспышки молнии до первого раската грома. И все же секунды, как видно, показались юному храмовнику чуть ли не вечностью.

— Вам знаком тот медальон, ваше сиятельство?! — не утерпев, воскликнул он с надеждой. — Так вы знали моего отца и, может быть, мать?!

Ренольд пошевелился и ответил:

— Я знал ее...

Видя, как напрягся при этих словах мальчик, князь разлепил словно свинцом набухшие веки и произнес усталым голосом:

— Не сейчас, Жослен. Не сейчас... Я не знал твоих роди... Вернее... имя Тибо де Валь-а-Васар мне не знакомо, как и место, из которого он происходит, я плохо знаю Нормандию... Но твою тетю... Не с отрубленным, а с подрубленным хвостом! Только с подрубленным! — совершенно неожиданно заявил он и пояснил: — Мы еще покажем им! Мы еще повоюем! — Последние силы оставляли князя, и сам он, казалось, прекрасно понимал это. — Мне нужно хоть чуть-чуть отдохнуть... Если мне удастся дожить до дня, когда я выберусь из этого проклятого узилища, обещаю тебе, я вытащу и тебя и сам посвящу тебя в рыцари... Молчи! — Сквозь пелену, окутывавшую сознание, он едва чувствовал, как оруженосец, схватив его руку, покрывает ее поцелуями. — Не надо благодарить! Все...

Почувствовав, что больше уже не может говорить, он умолк и закрыл глаза. Прежде чем лишиться сознания, он услышал вдруг какой-то все приближавшийся

и приближавшийся гул и решил уже, что белый рыцарь возвращается, но не увидел ничего, кроме черной тьмы, в которую провалился, точно в омут.

Между тем гул, померещившийся рыцарю, звучал не только в его воспаленном мозгу, но существовал и в реальности. Шум приближался, становился все более громким; и скоро даже сюда, в могильную тишину донжона, стали доноситься крики толпы на улицах, звон оружия и грозные окрики стражников, именем молодого властителя правоверных Сирии и Египта, Малика ас-Салиха Исмаила, призывавших людей дать дорогу его слугам.

И вот уже загрохотали по каменным ступеням башни подошвы множества сапог. Наконец дубовая, кованая металлом дверь с лязгом распахнулась, и в темницу втокнули нового пленника.

— Нате вам! Знакомьтесь, если еще не знакомы! — крикнул тюремщик, коверкая язык франков. — Желаю не скучать!

II

Сколько же боли причинили ей *они*? Сколько лет она страдала, незаслуженно обделяемая вниманием, зачастую унижаемая откровенными насмешками? Сколько раз плакала ночами, чтобы не видели служанки? Сколько времени ждала своего часа, затаив боль, лелея мечту о мести? И вот теперь час этот сделался близок, как никогда раньше!

Они называли ее графиней, потому что она была дочерью одного графа и супругой другого. Титул стал прозвищем — *Comtesse*. Правда, граф являлся одновременно и принцем, наследником короны, и мог получить ее в том случае, если его старший брат умер бы бездетным. Так и вышло, король Бальдуэн Третий — Идеальный Король, как все *они* называли его, скончался, не оставив потомства. Но *они* не возжелали сделать королевой ее, нашли недостойной такой чести и заставили развестись с мужем. Повод нашелся, как всегда выручила любимая формулировка — близость родства: в подходящий момент вспомнили, что деды были двоюродными братьями.

Двадцатипятилетний принц согласился на развод. А что еще было ему делать? Как следовало поступить? Он выдвинул контрусловие: хорошо, с Агнессой де Куртене он разводится, но дети, рожденные ею, Сибилла и ма-

ленький Бальдуэн,— впрочем, тогда они оба были маленькими — еще совсем крошками,— будут иметь право наследовать ему наравне с детьми новой супруги. Тогда еще не знали, что ей станет внучатая племянница базилевса Мануила, Мария Комнин; проклятые ромеи не мытьем так катаньем всегда стремились прибрать к рукам завоевания доблестных пилигримов Первого похода.

Однако гордая византийка не смогла заменить художественную Агнессу, родить мальчика, наследника. Первый ребенок умер, и теперь у овдовевшей Марии осталась лишь двухлетняя Изабелла.

Однако *им* было мало разлучить с мужем дочь несчастного графа Эдесского, умершего в плену у неверных; *они* не удовольствовались этим, отобрав у нее даже детей. Старшую, Сибиллу, отправили на воспитание к тетке Иветте, младшей сестре покойной королевы Мелисанды, аббатисе монастыря в Вифании, что на восточном склоне Масличной Горы, а заботы о сыне поручили архидьякону Тира Гвильому, человеку, как говорили, весьма мудрому, искушенному во многих науках и, более того, благочестивому и потому еще более опасному для нее, Агнессы.

Благочестие, целомудрие, умение да и, самое главное, желание вести праведный образ жизни — этого всегда так не хватало ей. Не за то ли в действительности так ненавидели Графиню *они* — цэры Утремера, бароны королевства, или бароны земли, как величали себя магнаты Святой Земли,— что была она не куклой с маской добродетели, намалеванной на лице белилами, а живым человеком со своими недостатками, пороками, но и с достоинствами, главное из которых — красота и нежность. Нежность, на которую она не скупилась со многими мужчинами. Красота? Да, и красота тоже. Даже и теперь, когда дочери мученика, сгинувшего в плену у неверных, уже перевалило за сорок, лицо ее, ее взгляд, ее пышные формы все еще не оставляют безучастными молодых придворных и красавцев, прибывающих из-за моря.

А что же они сами, те, кто упрекал ее, выискивал в глазу соринку, неужто они так безгрешны? Разве не предупреждал Господь таких, как они? Разве не сказал он: «Кто из вас без греха, пусть первым бросит в нее камень»? И что же? Они бросают камни, не боясь гнева Божьего. Напрасно! Не гордыня ли — считать себя чище прочих? И не гордыня ли есть самый тяжкий из

грехов перед Ним? А раз так, зарубите себе на носу, за все взыщется, государи мои! За все!

Как хотелось ей рассмеяться прямо им в физиономии! Но Агнесса понимала: чтобы заставить их заплакать за унижения, надо действовать осторожно, с умом, дабы до времени никто и не заподозрил ее намерений. Время, сколько его еще у нее? Сколько лет отпущено больному проказой мальчику, волею судеб сделавшемуся королем?

Не допустить мать на коронацию собственного сына пэры Утремера не могли. Агнесса не только присутствовала в святая святых церкви Гроба Господня, она имела возможность побеседовать с Бальдуэном. Он выглядел не так уж плохо, как можно было предположить. За те четыре года, что прошли с момента страшного открытия, сделанного архидьяконом Гвильомом, болезнь уже успела оставить следы на лице юного короля. Однако лицо это еще не нуждалось в том, чтобы прятать его от подданных. Пока не нуждалось.

Юноша обрадовался матери, признался, что скучал все эти годы, спрашивал про нее у своего воспитателя. Агнессу не могло не удивить, что столь сильно ненавидимый ею Гвильом отзывался о ней хорошо, он не сказал мальчику ни одного худого слова про мать и даже, напротив, советовал не верить сплетням и пересудам. Впрочем, это ни в коем случае не переменяло отношения Графини к архидьякону Тира.

«Проклятый святоша! — думала она с неприязнью. — Бойтся замараться в грязи той, которую презирают! Погоди! И твой черед наступит!»

Впрочем, не все священнослужители будили в душе Агнессы подобные чувства. Среди высшего духовенства попадались и весьма привлекательные личности, такие, например, как новоиспеченный архиепископ Кесарии Ираклий, весьма мирской по сути своей, но чрезвычайно способный человек, сумевший сделать довольно впечатляющую карьеру — вырасти из простого оверньского священника в очень важную фигуру на франкском Востоке¹⁰.

Агнесса и Ираклий уже при первой встрече почувствовали взаимное притяжение. После продолжительной беседы с глазу на глаз они решили узнать друг друга поближе. Им не пришлось разочароваться, обмануться в ожиданиях. Кроме того, что сладострастный священник и жадная до ласк Графиня оказались превосходными партнерами в любви, они — оба поняли

это сразу — были единомышленниками. «Ах, почему? Почему? — подумала тогда Агнесса.— Почему я так поздно нашла своего мужчину? Почему судьба не послала мне его раньше?»

Правильнее было бы спросить: «Почему я *опять* так поздно нашла его?» Графиня снова влюбилась, но знала уже, что ничто не длится вечно. Она прекрасно оценивала ситуацию: несмотря на сходство взглядов, вкусов и стремлений, они в определенном смысле находились как бы на разных берегах реки, перейти которую не имели решительно никакой возможности. Он — особа духовного звания, тридцатипятилетний жизнелюб с пронзительным взглядом и обворожительной улыбкой, она — стареющая женщина с постепенно исчезающими остатками белой красоты, дважды разведенная и дважды овдовевшая. Все, чего хотел он, — как можно выше забраться по иерархической лестнице, возглавить церковь Иерусалимского королевства, сделаться патриархом Святого Города, она же хотела одного — исполнить свое заветное желание, свершить месть, ибо месть была единственным, что у нее осталось. Беспощадная месть баронам земли и прежде всего Ибелинам, родичам третьего мужа и друзьям четвертого. И тем не менее оба, и Иракилий и Агнесса, чувствовали — Бог не случайно свел их в этой жизни, он словно бы ждал свершений от этого союза. Хотя, может, то был и не Бог, а дьявол...

Графиня никогда не говорила исполненному святости любовнику: «Помоги мне стать у сыновнего трона, а я в свой черед сделаю тебя патриархом Иерусалимским», и он, разумеется, никогда не отвечал ей согласием, но оба знали, что не отступят, не отступят потому, что на путях их, разных для каждого, стояли общие враги. А ничего в жизни так не объединяет, как ненависть, ибо она, а вовсе не любовь правит миром.

Несмотря на то что лето давно кончилось и даже осень уже перевалила за половину, Агнесса не спешила покидать столицу. Его святейшество Иракилий, призванный в Иерусалим на срочное заседание Высшей Курии, также не торопился отбыть к своему оставленному без присмотра клиру и жаждущей наставления на путь истинный пастве в Кесарию, не поговорив на прощанье с Графиней. Они точно чувствовали, что враги вот-вот вторгнутся в сферу их интересов.

Гром прогремел: их альянс — еще не начавшее плодоносить дерево — уже лишали почвы, обнажая корни, обрекая на гибель. Единственный человек, на помощь которого могла рассчитывать Агнесса, сенешаль Иерусалимский, друг покойного короля — если только у правителей подобного ранга вообще могут быть друзья, — сеньор Трансиордании Милон де Планси оказался оттеснен от власти ненавистными Ибелинами. Они припомнили ему дружбу с Амориком, не забыли королевских ассиз, подрывавших их безграничную власть над вассалами и превращавших последних в союзников короны, ведь Аморик, заплативший за коронацию разводом с женой, оказался отнюдь не мягким правителем и уж во всяком случае куда более жестким, чем брат, сподобившийся у них прозвища Идеальный.

Была середина дня, время отдыха после беседы с Богом и последовавшей за ней обильной трапезы, и потому естественно, что любовники избрали местом отдыха постель: в ней они предавались бурным и необузданным ласкам, в ней, утолив первый голод страсти, обсуждали ситуации и строили планы. Немая служанка Графини Марфа — хозяйка была убеждена, что главное достоинство всех слуг заключается прежде всего в умении держать язык за зубами, — принесла госпоже и ее гостю кипрского вина и жареного миндаля, чтобы Ираклий мог восстановить потраченную энергию.

Архиепископ долго хрустел орехами, осушив целый кубок, что само по себе уже вызывало уважение, ибо напиток с острова Афродиты отличался особой густотой, а это заставляло иных ценителей традиционных для Европы сортов вина безапелляционно заявлять, будто киприоты подмешивают в свою продукцию масло, из-за чего вино их совершенно невозможно пить. Однако другие могли бы поспорить с подобными знатоками, уж верно знавшими толк, да только в питье и пище, но отнюдь не в любви. Кувшин такого вина был в состоянии даже и заурядного кавалера превратить в волка, способного за ночь задрать не одну овцу. Впрочем, определение «заурядный» никоим образом не подходило архиепископу Кесарии.

Насытившись, он откинулся на постели, и Графиня наконец решила, что пора поговорить о делах.

— Признаюсь, друг мой, — начала она, — я все же не ожидала от них такой подлости! Отдать графу Раймунду регентство — это уж слишком, вы не находите?

В общем-то Ираклий мог ответить, что ничего экстраординарного в таком решении он не видит, поскольку на сегодняшшний момент Раймунд, тридцатичетырехлетний правитель Триполи, оказался самым старшим и близким родственником юного короля, ибо Раймунд и Аморик приходились друг другу кузенами. Последний как раз регентствовал в осиротевшем Триполи, пока его граф томился в застенках Алеппо. Вполне по-родственному, так что теперь сам Бог велел Раймунду опекать несчастного Бальдуэна ле Мезля.

Впрочем, Агнесса ничуть не хуже архиепископа Кесарийского разбиралась в подобных вопросах, она ждала от него другого — прежде всего поддержки.

— Душа моя, — проговорил Ираклий. — У меня и ранее имелись опасения на сей счет. Я насторожился уже тогда, когда пошли разговоры о помолвке графа с Эскивой де Бюр. Я ведь писал вам, что брак вдовы князя Галилеи с правителем Триполи сделает последнего самым богатым и самым влиятельным из латинских магнатов Востока. Теперь, пожалуй, только патриарх Аморик может равняться с ним властью и богатством.

Когда архиепископ произносил последние слова, глаза его на мгновение вспыхнули, но тут же погасли, Ираклий умел держать себя в руках даже в присутствии подруги и единомышленницы, не желая лишней раз продемонстрировать ей, сколь сильно вождедеет он посоха и риз Аморики де Несля, семнадцать лет уже занимавшего высший духовный пост в Утремере.

Ответ друга лишил Агнессу последних надежд на успех.

— Неужели вы ничего не могли сделать, монсеньер? — воскликнула она с болью. — Ах, конечно, не могли, ведь вы практически в одиночку противостоите Высшей курии, которая пляшет под дудку Ибелинов! Я так радовалась, когда мой несчастный сын взошел на престол. Я надеялась... я верила, что теперь все исправится, и что же? Прошло несколько месяцев, а *они* лишь стали сильнее. Когда я узнала о том, что граф и Ибелины собирают заседание Высшей курии, у меня будто вырвали сердце! Я ждала чего-то ужасного, но то, что случилось... Теперь у меня нет даже надежды вызволить из темницы брата. Где, скажите ради всего святого, возьму я полтораста тысяч золотых динаров?!

— Полтораста тысяч?! — Услышав названную Графией сумму, архиепископ едва не свалился с кровати. — Поистине у неверных нет ничего святого! Совер-

шенно ни капли совести не осталось! Неужели они потребовали за графа полтораста тысяч динаров?! Я не ослышался? Видит Бог, со смертью Нураддина аппетиты у них резко возросли! Раймунда оценили всего в восемьдесят тысяч! А ведь у вашего брата даже нет никакой земельной собственности!

— Нет,— поспешила с разъяснениями Агнесса,— мой несчастный братец лишь предполагает, что и ему свобода обойдется в не меньшую сумму, чем триполитанцу. Еще бы! Ведь как-никак род Куртенэ знатностью не только не уступает, но и превосходит правящую в Триполи бастардную ветвь потомков знаменитого графа Лангедока! И никакая собственность, монсеньер, тут совершенно ни при чем!

— Что-то я не пойму, душа моя...— Ираклий нахмурился — что-что, а считать он умел превосходно.— На что же потребны остальные деньги? Как-никак семьдесят тысяч — немалая сумма.

— О друг мой! — воскликнула Графиня.— Мой брат — благородный рыцарь, а рыцарям не пристало думать о подобных мелочах. Как он пишет мне, с ним в плену у неверных мается один очень знатный сеньор, которому мой брат, сиятельный граф Эдесский, также обещал помочь получить свободу.

— Кто же это? — Архиепископу не терпелось услышать имя человека, который мог стоить таких денег.

— Вы, должно быть, не знаете,— проговорила Агнесса.— Ведь вас еще не было на Востоке, когда этого рыцаря постигло несчастье. Он, как и братец мой, угодил в донжон в Алеппо уже много лет назад.

— Да кто же это?!

— Ренольд Антиохийский.

— Ренольд? — переспросил архиепископ.— Ренольд? Ну как же? Конечно, я слышал о нем! Мне говорили, будто он — муж весьма храбрый, но... такая сумма... ведь в Антиохию ему не вернуться, трон под Боэмундом прочен...

Однако Графиня не слушала рассуждений любовника.

— Ах, если бы только достать денег! — воскликнула она.— Братец писал мне, что несчастный товарищ его мог бы стать вернейшим другом того, кто помог бы ему в самый трудный час, тому, кто вызволил бы его из темницы.

— Но что может один человек? — удивился Ираклий.— Каким бы храбрым и каким бы благодарным он

ни оказался, ему в одиночку не сокрушить силу Ибелинов и Раймунда. Ведь, как я понимаю, у этого Ренольда не осталось ничего, кроме лохмотьев, в которые обычно превращаются одежды несчастных пленников, прозябающих в узилищах у неверных?

Архиепископа слегка передернуло. Ему как священнослужителю плен грозил куда в меньшей степени, чем рыцарю, однако приятель Агнессы имел весьма живой ум и воображение.

— Все верно... — согласилась она. — К тому же теперь, когда у меня нет никаких надежд... Ах, я все-таки покажу вам кое-что...

С этими словами Графиня опустила ноги на ковер, но вовсе с постели не встала; выгнув спину, она принялась шарить на полу рядом с кроватью. В ожидании слегка заинтригованный Ираклий скосил глаза в сторону, где взгляд его наткнулся на самую роскошную, словно бы неподвластную беспощадному времени часть тела подруги. Подол камизы как будто специально задрался, и святитель Кесарийский, не будучи в силах сдержаться, погладил молочно-белую кожу тугих ягодиц Графини.

— Ах, мой друг! — воскликнула она. — Не сейчас! Дайте же мне показать вам... Ну вот! Наконец-то я нашла ее!

Агнесса протянула любовнику небольшую шкатулку, в которых дамы обычно хранят всякую всячину от драгоценностей до безделушек. Иные же кладут туда письма, не предназначенные для посторонних глаз. Собственно как раз такое письмо и лежало в шкатулке.

— Читайте, монсеньер, — сказала Графиня, протягивая любовнику кусок пергамента.

Перед глазами Ираклия побежали строчки:

Пускай один уйдет, чтоб
Дать дорогу двум.
Запомни же, что нет
У коршуна врага страшней, чем
Ласточка с кровавыми хвостами.

— Что это? — искренне удивился архиепископ.

— Стихи.

— Я сам вижу. — Ираклий кивнул, понимая, что в письме скрыта какая-то тайна, намек. Но на что же намекал неизвестный поэт? — Тут нет подписи. От кого оно?

— Недавно меня навещала Сибилла, — ответила Агнесса. — Она привезла мне подарок, старинное Евангелие. Я нашла это послание между страниц. Однако моя дочь не знает, как оно туда попало. Может быть, оно лежало там уже давно, пергамент старый, возможно древний...

— Но это не латынь... — проговорил Ираклий задумчиво. — Письмо, скорее всего, писал француз... Конечно! При чем писал недавно и в спешке. Видите, прежний текст соскоблили и довольно небрежно, а поверх начертали эти строки. Вот и чернила кое-где расплылись. К тому же на вид они совсем свежие. Ни одна буква не успела ни пожухнуть, ни стереться. А вы не спрашивали принцессу, где она взяла Евангелие?

— В монастырской библиотеке, — ответила Агнесса. — Сама аббатиса Иветта посоветовала моей малышке остановить выбор именно на этой книге, когда девочка сказала, что хочет сделать мне подарок.

Ираклий кивнул.

— Понятно, — сказал он, хотя ему как раз в данной ситуации было решительно ничего не понятно. — По крайней мере, ясно одно — письмо, скорее всего, адресовано именно вам. И как же вы, душа моя, толкуете эти строки? Кто этот один, кто эти двое? И кто коршун?

Тут уже в глазах Графини вспыхнул тот самый огонь, который при упоминании о богатствах патриарха Иерусалимского охватил душу ее любовника.

— Коршун — триполитанец! — воскликнула она. — Теперь мне это очевидно как никогда прежде. Он — стервятник, один из тех, что слетелись к трону, возжаждав добычи — плоти королевства Иерусалимского! Мало ему своей вотчины!

— Хм... — только и произнес архиепископ. Он не мог не согласиться, что Раймунд — высокий, худощавый, смуглокожий мужчина с умными черными глазами и огромным, весьма напоминавшим клюв крупной птицы носом, весьма подходил как раз на коршуна. Но что означали эти ласточкины хвосты? Птичья направленность тематики послания сбивала Ираклия с толку. — Хм... А что же с хвостами? Кто те ласточки?

Агнесса слегка прищурилась и внимательно посмотрела на любовника.

— Вас ничего не удивляет, мой друг? — спросила она.

Вопрос, безусловно, показался архиепископу риторическим; его удивляло, удивляло очень многое, но в словах Графини определенно крылся какой-то смысл.

— М-м-м... Что вы имеете ввиду?

— Ласточка с кровавыми хвостами? — проговорила Агнесса. — Хвостами? А ведь у *одной* ласточки всего *один* хвост, не так ли?

— Полноте, душа моя, — снисходительно улыбнувшись, бросил Ираклий. — Автор письма просто ошибся, вот и все. Он, скорее всего, хотел написать: «ласточка с кровавым хвостом» или... нет, вероятнее всего, «ласточки с кровавыми хвостами».

— Пусть так, — согласилась Графиня и спросила: — Но что могут сделать коршуну ласточки? Настоящие ласточки?

— Ничего, — пожал плечами архиепископ. — Хотя бы их было и сто.

— Верно. Но ведь письмо прислали не для того, чтобы мы с вами гадали, что могут или чего *не* могут сделать настоящему коршуну настоящие ласточки, так? А ведь если представить себе, что автор стихов не ошибся? Что, если он все же имел ввиду *одну* ласточку с *несколькими* хвостами. Например, с четырьмя?

Теперь уже настал черед Ираклию внимательно взглянуть в лицо страстной любовницы. Что-то произошло, и причиной метаморфозы, скорее всего, стало освещение: одна из свечей в алькове Графини, прежде чем догореть, вспыхнула ярче, но через мгновение погасла. Погасла на какой-то момент, в который крупные черты лица любовницы стерлись, уступив место кроваво-красному кресту, словно бы составившемуся из четырех ласточкиных хвостов.

В следующее мгновение наваждение исчезло.

«Определенно, — подумал вдруг святитель. — Дам не следует учить грамоте. Особенно если они столь же наблюдательны, сколь и бесстыдны».

— Орден? — спросил архиепископ, по глазам подруги читая, что догадка его оказалась верна. — Другой ласточки с четырьмя кровавыми хвостами я не знаю? Но что есть между Храмом и Триполи? Мэтр Одо де Сент-Аман, насколько мне известно, ладит с графом? В прошлом году, когда король Аморик покарал храмовников за самоуправство, сир Раймунд сумел остаться в стороне, несмотря на то что всё... м-м-м... все те события имели место на его территории. Думаю, он загодя знал, что тамплиеры замыслили вырезать посольство шейха Синана, и преспокойно закрыл на это глаза. Нет, у магистра Храма нет никаких причин ненавидеть Раймунда. Тут что-то другое...

— Верно. Я говорю об одном фламандском рыцаре, что недавно вступил в орден Храма, однако успел уже сделаться довольно заметной фигурой. Говорит ли вам что-нибудь имя Жерар де Ридфор? Разве не графу-регенту обязан он своим вступлением в братство бедных рыцарей Христа?

— О дьявол! — вскричал Иракий и потянулся к кубку — мысль определенно стоила того, чтобы за нее выпить, — а может быть, просто размышления и догадки относительно смысла послания неизвестного поэта иссушили брненное тело святителя, в особенности его горло. — Как же я сам сразу не подумал о нем?!

Неудивительно. Бурные события года текущего потеснили воспоминания о делах года минувшего, не в пример более спокойного. А между тем еще в самом начале его в столицу Раймунда приехал молодой и храбрый рыцарь Жерар. Происходил он, как сам говорил, из местечка, называвшегося Красный Замок, но не из того, что в графстве Пуату на реке Шарант неподалеку от океанского побережья, а из того, что в землях фриз¹¹.

Имя человека этого так бы, возможно, и осталось неизвестным потомкам, если бы не граф Триполи, обещавший рыцарю, что тот получит во владение первый же богатый удел. Вскоре как раз такой фьеф освободился; сеньор города Ботруна, что в восьми лье южнее столицы графства, скончался, оставив единственную дочь Люси, которая как раз незадолго до того вступила в брачный возраст. Фламандец, посмотрев невесту, нашел, что она и ее приданое вполне ему подойдут, и начал готовиться к свадьбе.

Однако тут объявился другой претендент, богатый пизанский нобль по имени Плибано. Он, как и большинство соотечественников, считался благородным человеком лишь вследствие древности рода, поскольку сам уже давным-давно вел жизнь купца, а не рыцаря. Недаром же говорят, что ни один итальянец, сколь бы богатым он ни был, не может тягаться храбростью с французом, сколь бы беден ни был последний. Плибано и поступил, как подобает купцу: явился к графу и без лишних слов предложил заплатить за невесту столько золота, сколько она весит¹².

Правда это или нет, но только шевалье Жерар остался с носом. Невесты он не получил и, покинув графа в большой злобе, вступил вскоре в орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломонова, преуспев на новом попри-

ще куда заметнее, чем в мире. Одним словом, если и жил в Утремере человек, всем своим существом ненавидевшей Раймунда Триполийского, то должен был бы неминуемо потесниться и уступить место первого ненавистника графа-регента брату Жерару.

— Как же я забыл о нем?! — воскликнул архиепископ. — Вот ведь право?! Едва ли он смог простить обиду, нанесенную ему Раймундом! Нет, не такой человек этот Жерар, чтобы спускать подобные оскорбления! Верно! Верно вы мыслите, душа моя! Ведь и я также слышал, что он в большой чести у мэтра Одо.

— Он назначил фламандца особо доверенным лицом, своим товарищем, который вместе с еще одним рыцарем, другим товарищем магистра, всегда обязан находиться при особе главы их ордена, — продолжала Графиня. — А это означает — у брата Жерара большое будущее.

Иракий отнюдь не принадлежал к числу тугодумов; уж если образы неизвестного поэта и привели святителя в недоумение — сказать по правде, сама Агнесса не один день провела, строя догадки относительно смысла, заключенного в строках таинственного послания, — то перспективы, которые обещал альянс с подручником великого магистра могущественного братства, архиепископ Кесарийский оценил мгновенно.

— Вы должны поговорить с ним, монсеньер, — твердо сказала Графиня. — Заверить его в нашей безусловной поддержке.

— Но душа моя, — удивился Иракий, — сомневаюсь, что брат Жерар упустит возможность отомстить своему обидчику, буде она ему представится. Однако Раймунд нынче уж слишком высоко взлетел даже для храмовников. Кроме того, что мы можем предложить товарищу магистра? Какую помощь оказать ему?

— Вы недавно на Востоке, мой друг, — с некоторым оттенком превосходства в голосе проговорила Агнесса. — Хотя орден и не подчиняется никому из властителей королевства, даже патриарху и самому королю, все же подчас случаются ситуации, когда внутри братства возникают трудноразрешимые конфликты. Тогда храмовники обращаются к папе, а он порой, вместо того чтобы послать своего легата, назначает арбитра из числа высших церковных иерархов Святой Земли. А вдруг да случится так, что выбор апостолика падет на вас?

— М-да... — согласился Иракий. — Я как-то и не подумал, душа моя. Верно, такой возможности исклю-

чать нельзя. Что ж, я рад, что смогу при случае оказаться полезным ближнему человеку магистра Храма. Тогда вы правы, мне следует поговорить с братом Жераром. Прощупать почву, обсудить перспективы.

— Вот именно, — поддержала любовника Графиня и как бы невзначай добавила: — А вдруг да вам придется сделаться арбитром по делу, которое, возможно, будет затрагивать личные интересы фламандца?

Ираклий хотел что-то сказать, но Агнесса жестом дала понять, что открыла ему еще отнюдь не все карты. Теперь, как ей показалось, настал момент обратить внимание любовника на то, что временно ушло из его поля зрения.

— Мы еще не нашли решения первой части загадки, — напомнила она, указывая на кусок пергамента, который лежал теперь возле них на кровати. — Если уж мы так счастливо разобрались с ласточкиными хвостами и коршуном, то не пора ли ответить на вопрос: *кто тот один и кто те два*, которым он должен *дать дорогу*?

— И кто же? — спросил Ираклий, не желая больше без толку ломать голову. — Уж вы-то, верно, знаете, моя прекрасная дама?

— Знаю, монсеньер. — Агнесса улыбнулась одними губами. Ее не могло не потешать то обстоятельство, что любовник в обращении к ней неожиданно оставил свое традиционное покровительственное «душа моя».

«Какие же у нее тонкие и властные губы, — против собственной воли подумал Ираклий, вглядываясь в черты подруги. — А ведь принято считать, что у страстных женщин должны быть толстые губы. Однако она так ласкала меня, что я прежде и не замечал, что они тонкие...»

— Так кто же, моя божественная? — спросил он.

— Узники Алеппо, — проговорила она. — Разве родной дядя не более близкий родственник королю? И разве князь Ренольд, товарищ по несчастью моего брата, останется таким же бедняком, как нынче, если вдруг получит во владение... ну, скажем, Горную Аравию?

Если до сих пор в рассуждениях подруги и наличествовал смысл, то теперь Ираклий посмотрел на нее с плохо скрываемой опаской — уж не повредилась ли в уме Графиня?

— Я что-то не пойму, душа моя... — начал он, но Агнесса жестом попросила его помолчать и, указав на письмо, продолжала:

— А между тем тут все написано более чем понятно. Хотела бы я знать, кто автор послания? Даже если он — враг, то, признаюсь, и друг не смог бы подсказать лучшего решения.

Однако архиепископ все же попытался закончить свою мысль, казавшуюся ему вполне здравой:

— Но у нас есть и сенешаль и... сеньор Горной Аравии. Ведь Милон де Планси, насколько мне известно, не собирается расставаться ни с должностью, ни, уж во всяком случае, с женой. Не хотите же вы сказать...

Посмотрев на любовницу, он осекся, потому что понял: она *хочет сказать* именно те слова, которые он не решился произнести.

Да, благородной дочери тамплиера, даме Этьени де Мийй, хозяйке Трансиордании, решительно не везло с мужьями. Первый умер, оставив неутешно рыдающей вдове двоих малолетних деток, второй сделался неудобен могущественным баронам земли. Подходящей возможности сместить его и удалить от двора им пока не представлялось, но едва ли они могли жить спокойно, пока он занимал свою должность¹³.

Графиня знала, что любовник понимает ее без слов, и потому она не стала говорить: «Мы не можем ждать. Пока мы слабы, пока те, на помощь которых мы надеемся, влачат жалкое существование узников сарацин, никому и в голову не придет не то что обвинить, даже заподозрить нас в причастности к смерти человека, так мешающего графу-регенту и его партии. А вот сиру Раймунду никогда не удастся смыть с себя клеймо убийцы, пусть хоть сто, хоть тысячу раз поклянется он в том, что не причастен к гибели Милона де Планси. И хотя никто не потянет его в суд, Этьения де Мийи, да и не только она, станет его кровным врагом».

— Вот обо всем этом, монсеньер, вы и должны побеседовать с товарищем магистра Одо,— подытожила она разговор.— Я случайно слышала, что в Триполи, под боком у Раймунда живет один человек, который может оказаться полезен нам. Он носит шпоры, и зовут его Раурт. Уверена, что брат Жерар знаком с ним...

Графиня не договорила, она взяла за краешек подол своей фиолетовой камизы и медленно потянула его вверх, обнажая гладкую кожу бедер. Перехватив страстный взгляд любовника, Агнесса проговорила:

— Мы так много говорили, ваше святейшество, не пора ли перейти к делам?

Ираклий без лишних слов швырнул ее на кровать и набросился на подругу с таким пылом, точно только от его усердия на ложе греха теперь зависел исход всего дела — умаление Ибелинов и торжество новой, пока еще только зарождавшейся партии, обещавшей погибель королевству Иерусалимскому, но прежде того личное возвышение архиепископа Кесарийского и удовлетворение кровожадных мечтаний Агнессы де Куртенэ.

III

Существование узника донжона отличается от жизни свободных людей прежде всего тем, что течение времени для него порой утрачивает значение, зато приобретают особый смысл образы, будоражащие сознание во сне, собственные мечты и, конечно, слова. Единственная радость — возможность поговорить; и не беда, что все уже сказано и пересказано — таковы уж рассказчики, что добавляют они в историю свою новые подробности и... забывают о старых.

Послушаешь такого, и выходит, что шел он и шел от восхода до заката несколько дней без сна, отдыха и пищи, а когда, не вынеся изнурительного пути, упал, заснув мертвым сном, турки захватили его спящего. Мол, подкрались тихо нехристи; хотя на прошлой неделе он уверял, что сражался один с сотнями неверных от полудня до вечерней зари, давая возможность товарищам унести ноги, спасти женщин, детей и свое имущество. Не страшно, пройдет еще месяц, и герой вновь поведаст вам, как язычники подло окружили его, обесиленного многодневным и многотрудным переходом, или же вновь примется уверять, что он сражался как лев, а они так и рушились под ударами его славного меча.

Не вздумайте только уличать рассказчика во лжи: во-первых, он заявит, что вы все неправильно поняли, так как в прошлый раз он рассказывал не про себя, а про своего друга, которому довелось пасть в битве, или про то, как он сам оказался в турецком плену в давние времена, когда вас или на свете не было, или нога ваша не ступала еще на Святую Землю. Во-вторых, он непременно обидится и, чего доброго, вообще свернет рассказ, и сидите тогда в тишине, давите вшей, пугайте давно привыкших к людям крыс или, если уж и вовсе тоска заедает, звените кандалами.

В-третьих... да, впрочем, как и во-первых, и во-вторых, понятно, что вы в любом случае окажетесь в дураках. Поэтому слушайте и не перебивайте! Или рассказывайте сами.

Именно так как-то раз и ответил молодому оруженосцу Жослену новый их товарищ по несчастью, появившийся в опустевшем донжоне князя Ренольда и его юного слуги августовским днем тысяча сто семьдесят четвертого года. Человек этот оказался замечательным во многих отношениях.

Прежде всего, он был... язычником, одним из тех, борьбе с которыми христианину в Святой Земле полагалось отдать всего себя без остатка. Однако подземная тюрьма, где бы она ни находилась, в Алеппо или Багдаде, Константинополе или Палермо, Париже или Иерусалиме, есть тюрьма — место не совсем подходящее для проявления религиозного пыла, как и любого пыла вообще. Узилище во многом уравнивает людей, к тому же новый товарищ и не думал оскорблять слух правоверных христиан молитвами, возносимыми неправильному богу. Он вообще не изнурял себя бесполезными обращениями к высшим силам, резонно полагая, что, раз уж он лишился свободы по воле людей, то едва ли получит ее обратно милостью Божьей.

Вместе с тем уже при появлении на свет своего дитяти богобоязненные родители попытались связать его с Всевышним, назвав Абдаллахом. Правда, судя по положению, в котором он оказался, Аллах не слишком-то спешил облагодетельствовать своего раба; бедняга впал в немилость, что, впрочем, в нынешние беспокойные времена в Алеппо было делом весьма простым. Как вскоре выяснилось, Абдаллах откликался и на другие имена, например, на совсем немусульманское — Роман. Поскольку говорил Роман-Абдаллах как минимум на трех языках — арабском, греческом, латыни и на нескольких французских и итальянских диалектах — определить, какой же из них являлся для него родным, оказывалось делом затруднительным. Впрочем, если Жослен еще и мог строить какие-то догадки, поскольку, хотя и весьма посредственно, знал арабский и греческий, то господин его, как мы знаем, ни на каком языке, кроме родного, не говорил и говорить не желал.

Хотя, сказать по правде, говорить в конкретном смысле этого слова он начал только благодаря Абдаллаху, стараниями которого и удалось вытащить Ренольда из могилы или, вернее, не позволить ему, стоявшему

на краю вечности, свалиться в черную бездну небытия. У князя в кошельке, переданном неизвестными добротами, еще сохранилось несколько золотых, с помощью которых и удалось подкупить стражника Хасана, тот весьма уважал иб-ринза Арно, так звали Ренольда неверные, и притащил Абдаллаху его сундучок, но не раньше, чем узнал, ради кого старался¹⁴. В тяжелом сундучке, переждавшем в тайнике настоящую бурю, устроенную в жилище Абдаллаха жадными до чужого добра слугами губернатора Гюмюштекина, нашлись необходимые лекарства способные победить лихорадку.

Болезнь сначала нехотя отступила — уж очень слаб был Ренольд Шатийонский, но вскоре, когда кризис оказался преодолен, поджав хвост, удалилась прочь. Рыцарь сильно отощал, потерял два зуба, русая шеvelюра его поредела, однако по всему было видно, пророчество Жослена Храмовника — так начал называть слугу выздоравливавший князь — сбылось. В том, что благородному франку еще далеко до могилы, уверял его и лекарь, которому Ренольд по понятным причинам верил все-таки больше, чем слуге. Чувствительный к лести Абдаллах, растроганный похвалой князя, признался, что мог бы определить с точностью день его смерти, как, к слову сказать, и любую дату, касавшуюся любого человека, однако на предложение сделать это ответил решительным отказом.

Ренольд не настаивал, он вообще обычно предпочитал молчать, слушая истории, которые рассказывали другие. И поскольку в жизни Жослена по причине незначительной ее продолжительности произошло пока еще очень мало событий, развлекал товарищей рассказами в основном лекарь. Как скоро сделалось понятным, искусство врачевания было лишь одним из многих, которыми в той или иной степени владел Абдаллах. Он, например, мог сочинять стихи, рисовать, что в мусульманском мире считалось недопустимым. Составлять гороскопы он, как уже отмечалось, тоже умел, а пуще того рассказывать всевозможные истории.

Себя он титуловал врачевателем и звездочетом и, как чувствовалось, вовсе не возражал, чтобы окружающие добавляли к этому «великий». Правда товарищи по несчастью не спешили делать этого, зато они перекрестили Романа-Абдаллаха в Рамдаллаха, и, поскольку звук «ха» находился у франков не в чести — так уж был устроен их язык,— называли его Рамадаль, или Рамдала.

Выглядел он лет на сорок: не высокий, но и не худой, коренастый и широкоплечий, довольно смуглый, если судить по коже кистей рук и лица, почти лысый, но зато бородатый: казалось, что все волосы, которые отпустил Абдаллаху Аллах, считали своим долгом произрастать на лице. Бородой своей, густой и кучерявой, длиною не менее чем в локоть, врачеватель и звездочет ужасно гордился.

Он редко молчал, но сегодня не сказал ни слова с полудня, с того момента, когда юный паж неосторожным замечанием оборвал его рассказ. И хотя теперь уже в права вступал ранний зимний вечер, обиженный Абдаллах точно воды в рот набрал. Он, казалось, забыл о существовании двух других узников и сидел, не глядя в их сторону, делая вид, будто что-то обдумывает, покручивая кончик бороды. Может быть, он прикидывал, как сбежать отсюда? Смешно! У них не было ни малейшего шанса — расковать тяжеленные кандалы без посторонней помощи просто невозможно. Впрочем, тишина, как видно, и его стала утомлять.

— Скажи, Рамдала, — нарушил тягостное молчание Жослен. — А для меня ты мог бы составить гороскоп? Или предсказать судьбу по руке?

Не то, чтобы молодой оруженосец очень уж горел желанием узнать свое будущее — он и сам имел понятие об астрологии, — просто ему хотелось втянуть лекаря в разговор.

— Я могу предсказать судьбу кому угодно, — фыркнул Абдаллах. — Я составлял гороскопы таким знатым и высокородным людям, что даже произносить вслух их имена для червей, подобных тебе, — огромная честь.

— Это что ж за люди-то такие? — как ни в чем не бывало поинтересовался отрок. — Я каждый день произношу имя Господне и вовсе при этом не чувствую себя червем. А ведь известно, что Иисус — Бог, перед лицом которого любой смертный, будь он хоть трижды высокородный дворянин, король или даже император — не более чем раб Его.

— Ты глуп сверх меры, — снисходительно улыбаясь, ответил Абдаллах. — Ты можешь хоть день-деньской, хоть ночи напролет возводить на Небо любые хулы. Можешь клясть какого угодно бога, будь он хоть трижды Христос и десять раз Иисус, ничего не произойдет, а вот попробуй прогневать своего господина здесь на земле, я посмотрю, что случится. Нет уж, я заклился составлять гороскопы. Знаешь, почему я здесь?

— Потому что подсматривал за дочерью своего господина, когда та была в купальне, а потом тебя застали за тем, как ты пытался доверить свои впечатления холсту...

— Нет, — махнул рукой лекарь. — Это было, но давно. Я уж и думать о том забыл, ума не приложу, откуда ты узнал про ту историю?

— Ты рассказал.

— Хм... — лекарь покачал головой, мол, смотри-ка ты, все помнит. — Да. Такое со мной один раз случилось, еще в Андрианополисе, где такой человек, как я, был вынужден прозябать. Но уж если ты хочешь знать, это был один византийский вельможа, и речь шла не о его дочери, а о любовнице. Поверь, я занимался с ней не только рисованием. Весьма страстная и искусная в любви девица. Впрочем, что я зря растрачиваю на тебя бисер своего красноречия? Ты ведь еще мал и глуп, чтобы разбираться в таких вещах.

Не найдя, что возразить, Жослен промолчал, и Абдаллах продолжал не без гордости:

— Тот ревнивый глупец чуть не прикончил меня, гноил в подвале, но я не долго там маялся, скоро получил свободу и оказался в Византиуме. Между прочим, я составлял гороскоп самому императору ромеев киру Мануилу.

Тут в разговор вступил прежде безучастный ко всему Ренольд.

— Ты не врешь? — спросил он.

— Нет, великий князь, — ни секунды не колеблясь ответил Абдаллах и поспешил признаться: — После того я стал остерегаться говорить людям правду... Я хотел сказать, открыто возвещать им о неприятностях, которые их подстерегают. Эх, что бы мне раньше не взять себе такого правила?! Вот уж был бы я и в чести и в почете! Небось не маялся бы здесь в узилище, а ходил бы в шелку и в бархате, ел бы с серебра и пил бы из золота. Ах, будь трижды проклят мой язык!

— Чем же ты прогневил своего государя, Рамдала? — поинтересовался рыцарь.

Абдаллах тяжело вздохнул.

— Правдой, великий князь, — произнес он. — Я сказал ему, что царство его великое ждет скорый закат, но еще раньше, чем падет Второй Рим, власти Комнинов в нем придет конец. Я не стал скрывать, что скоро, в первый месяц десятого индикта испытает он великий стыд, и плач сотен и тысяч вдов и сирот не даст ему

спокойно спать до конца его бесценной жизни, а скончается он дни свои земные еще ровно через четыре года в первый же месяц четырнадцатого индикта¹⁵. А потом, сказал я ему, на глазах, как песок сквозь пальцы, уйдет сила и могущество его рода, и последний Комнин будет разорван на части самими ромеями. А затем, сказал я, придут на кораблях с заката закованные в броню воины со стриженными затылками и предадут огню и мечу великий город. Боговенчанный самодержец так разъярился, что велел бросить меня в темницу. Как же, льстецы и лизоблюды предсказали ему долгие лета, а роду его и царству его многие столетия процветания и могущества. Но тому не бывать! Звезды обещают иное!

При этих словах глаза Ренольда блеснули, точно и не было ни долгих лет плена, ни ужасной лихорадки — ах, как хотелось бы видеть ему падение царства грифонов. Унижение спесивых владык Второго Рима.

— И когда по христианскому летосчислению наступит сей благословенный миг? — поспешил узнать Ренольд. — Неужели не дождусь я?

— И не только дождешься, великий князь! — приглушив голос, точно опасаясь, что их подслушают, пообещал Абдаллах. — Я, прости, если рассержу тебя, посмотрел на руку твою, когда ты лежал недвижимо. Будешь ты в чести и в почете. Станешь уважаем промеж франков и всех латинян на Востоке куда более, чем был прежде. Комнин же в великой горести завершит свой путь великий! Не узришь ты того, но услышишь! Нынешний год только начинается, он пройдет, а уже в следующем ждет императора великий позор! Выплачет он глаза свои, глядя на Восток в великой скорби!

Князь не скрывал волнения и радости.

— Люблю тебя, Рамдала, за такие слова! — воскликнул он. — Эх, кабы мне теперь выйти отсюда! Я бы осыпал тебя милостями! Уж я-то не закрываю уши от правды! Стал бы ты моим верным слугой?

— О такой великой чести и не мечтал я! — Врачеватель и звездочет просиял, бросив на пристыженного Жослена — знал бы, с кем спорил?! — полный презрительного высокомерия взгляд. — Если примешь ты меня к себе, великий государь, буду я тебе вернейшим слугой. Для того, видно, и сохранил меня Аллах, чтобы послужил я тебе верой и правдою.

Однако радостное воодушевление уже покинуло Ренольда, уступив место горестному осознанию реальности. Он глубоко вздохнул и проговорил:

— Эх, жаль, Господу твоих слов не слышно.

Абдаллах смешался, казалось, он колебался, будто размышлял, сказать ли товарищу по несчастью еще что-то или же промолчать. Конец его сомнениям положил юный оруженосец, вовсе, как выяснилось, не спешивший признавать свое поражение.

— А каков собою император?

— Что? — Врачеватель и звездочет, точно и не понял, что обращаются к нему. — Какой? А... кир Мануил? Его боговенчанное величество?

— Да. Ты, наверное, виделся с ним не раз? — продолжал Жослен, стрельнув глазами в сеньора и заметив в глазах его интерес.

— А ты как думал?! — гордо вскинув подбородок, вопросом на вопрос ответил Абдаллах. — Уж я-то не тебе чета. Я знал многих правителей, а кира Мануила видел по несколько раз на дню.

— Так какой он?

— Хе! Известное дело, как все правители — высок ростом, грозен ликом и силен... — внезапно лекарь осекся и, метнув взгляд в Ренольда, уточнил: — Ну не такой, конечно, как твоя светлость, но почти такой... — Заметив напряжение в лице рыцаря, Абдаллах на мгновение умолк, но тут же нашелся: — Он гораздо меньше... Совсем невелик ростом, даже плюгав. А сил в нем нет ни капли, он и в седло самостоятельно сесть не мог. Как выйдет, бывало, во двор, так десяток конюхов уже ведут ему коня, а десяток вельмож сгибают спины и становятся так, чтобы по ним он взошел на коня, как по лестнице...

— Целых два у тебя Мануила, — усмехнулся Ренольд. — Никак не меньше. А я третьего знал. Верно, разных мы с тобой встречали, а, Рамдала?

— То верно! Твоя светлость про того, что сейчас правит в Бизантиуме, изволит речь вести, а я его деда вспомнил...

— Сколько же тебе лет, сердешный? — с деланным сочувствием осведомился рыцарь. — Может, сто?

— Да еще с излишком, — поддакнул Жослен, из чьей молодой памяти еще не стерлись недавние уроки истории. — Прежний Комнин именем Мануил, что правил ромеями, преставился аккурат посередине прошлого века¹⁶.

Франки дружно засмеялись, а рассказчик, оскорбленный в лучших чувствах, звеня цепью, отполз от них подальше и демонстративно отвернулся к стене. Однако

долго усидеть на одном месте не мог — одно дело, когда тебя пытаются вышучивать мальчишка, на которого можно и внимания не обращать, а другое — зрелый муж, бывалый воин.

— Я, твоя милость, видел столько правителей, — заявил врачеватель и звездочет, — что и не всех помню, тем более Мануила! Того я и помнить не желаю! Я, если уж угодно тебе знать, вообще выбросил его из головы, ибо облик его сделался мне не люб и не мил, а противен сверх всякой меры!

Ренольд по известным причинам также не жаловал базилевса ромеев. В бытность свою правителем Антиохии князь вместе с ныне покойным правителем Киликии Торосом Рубеняном совершил набег на остров Кипр, решив на месте попробовать самого лучшего вина и убедиться, что купцы не разбавляют его водой или, упаси Господи, не портят маслом. Еще многие десятилетия пугали матери младенцев именем Ренольда Шатийонского. Между тем остров входил в состав ромейской державы. У императора Мануила как-то все руки не доходили покарать находников, — война, поражение от норманнов в Калабрии, придворные интриги, словом, недосуг. Правда, когда базилевс наконец освободился, он показал удальцам, что почем: уж тогда и Торос и Ренольд вволю наглотались пыли, лежа в облачении кающихся грешников перед троном разгневанного сюзерена и выпрашивая у него прощение.

Каким бы безбожным вралем ни был лекарь, все же слова его относительно скорого падения власти Комнинов приятно согревали душу. Понимал князь без княжества, рыцарь без коня, что в известной мере обязан своим нынешним положением политике Мануила да бывшего родственничка, ныне уже покойного правителя Иерусалима, *идеального короля* Бальдуэна.

— Ладно, Рамдала, — примирительным тоном начал Ренольд. — Иди к нам поближе. Мы вовсе не хотели обидеть тебя недоверием. Дьявол с ним, с Мануилом. Даст Господь, твои предсказания исполнятся. Скажи-ка мне теперь лучше, каков собой Саладин?

Немедленно забыв о своей обиде, Абдаллах придвинулся поближе к франкам и заговорил:

— Вот уж чего никогда не скажу, так это неправды! Если не знаю чего, так и признаюсь, что не знаю, а не выдумываю, как иные, чего ни попадя. Одно ведаю, сей муж сердит и запнет своего господина, и не только

самого его, а и весь род его. Клятвы дому его с себя сложит и примется пожирать область за областью, княжество за княжеством, царство за царством. Я за то и попал сюда, что по простоте души своей и благорасположению моему к людям, которым служу, открыл им правду. Сказал я им, что за саратаном Махмудом идет асад Юсуф. Поелику прилив не останавливать, и как ночь сменяет день, а день ночь, как один месяц сменяет другой и год идет за годом, так одно дерево растет и наливается соком, а другое иссыхает; как ребенок становится на ноги, вырастает и, сделавшись мужем, дав плоды, старится и умирает, так и один народ, пережив славу сильного, в свой черед уступает место другому. А кто правит им, один царь или другой, то от Всевышнего, он, как капитан на судне, ставит кормчим того, кто потребен к случаю. Неспособному или неопытному не доверит он руль в бурю, если только не намерился погубить корабль... — Врачеватель и звездочет неожиданно прервал свою речь на самой высокой ноте и добавил уже совсем иным тоном: — Так-то вот я и сказал им...¹⁷

— Так и сказал? — переспросил Ренольд. — И что же они?

— Эмиру Гюмюштекину донесли мои слова, — со вздохом произнес Абдаллах. — Он усмотрел в этом призыв сдать город визирю Египта и бросил меня в темницу. Хотел казнить, но юный наследник Малик ас-Салих попросил его пощадить меня. Я же утешил обоих, сказав, что курдскому выскочке никогда не войти в этот город.

— Ты, наверное, соврал им? — спросил князь. — Ты же говорил, он будет пожирать царство за царством?

— Я никогда не говорю неправды! Даже самый прожорливый человек не может проглотить всю землю. Он или, в какой-то момент насытившись, умерит свой аппетит, или, поперхнувшись костью, отрыгнет съеденное.

— Значит, ты утверждаешь, что Саладин не возьмет этот город? — решил уточнить Жослен.

— Никогда! — воскликнул Абдаллах и добавил как бы между прочим: — При жизни великого эмира Гюмюштекина и благословенного Малика ас-Салиха Исмаила. Впрочем, я не собираюсь сидеть и дожидаться их смерти, потому что так вернее всего дождусь своей.

Оба франка посмотрели на своего товарища по несчастью с подозрением: он, надо думать, чего-то недо-

сказывал, ибо что еще могли означать последние его слова, как не намек на попытку покинуть узилище помимо воли тех, кто поместил его сюда?

Поскольку Абдаллах молчал, Ренольд спросил:

— Ты что, хочешь сбежать?

— Сбежать? — переспросил врачеватель и звездочет. — Помилуй меня Аллах! Я собираюсь *уйти* отсюда. А поскольку я уже выбрал себе господина, то хотел бы покинуть сию гостеприимную обитель вместе с ним.

— А я?! — воскликнул юный оруженосец, забыв о том, что еще совсем недавно и не сомневался относительно полного отсутствия перспектив побега. — Как же я?

— Ты, похоже, также нашел себе господина, — покачал головой Абдаллах. — Придется взять и тебя, хотя и не следовало бы из-за твоего непочтения к старшим.

Ренольд тоже встрепенулся. О надежда! Даже казнимого на плахе она покидает не прежде, чем топор палача обрушится на его шею.

— Но как ты собираешься проделать это?! — не вытерпел рыцарь. — Мы не можем уйти дальше, чем позволят эти проклятые цепи!

Видя, какое впечатление произвели его слова, Абдаллах преисполнился гордостью — как же, такой знатный человек готов слушать простого звездочета, открыв рот, как мальчишка, ловить каждое слово.

— Я знаю средство, перед которым не устоят ни одни кандалы на свете, — задирая длинную бороду, заявил лекарь со всей надменностью, на какую только был способен. Пробравшись к замаскированному в соломе сундучку, он достал оттуда какую-то довольно крупную склянку очень темного стекла и, показав ее, замершим в ожидании франкам, торжественно произнес: — Оно здесь. Бедняга Хасан еще пожалеет о своей доброте.

Оба товарища врачевателя и звездочета пропустили мимо ушей упоминание о стражнике, доставившем в подземелье снадобья Абдаллаха, — ясно же, что при побеге Хасана и его товарищей придется прирезать, — куда больше их волновало, как с помощью какого-то вещества, заключенного в склянке, можно расковать тяжелые узы.

— Что в этой бутылке? — спросил несказанно удивленный Жослен и сам же высказал предположение: — Всемогущий джинн? Я слышал о таких, но, признаться, никогда не думал, что они существуют. Как же они помещаются в таких маленьких бутылках?

Врачеватель и звездочет снисходительно засмеялся, а потом произнес:

— Джинн? М-да... Что-то вроде этого. Теперь надо только дожидаться, когда войска султана Египта встанут под стенами города. Уверен, ждать осталось недолго.

IV

Ждать и верно оставалось недолго.

Год пятьсот семидесятый лунной хиджры стал для тридцатисемилетнего сына простого курдского шейха годом начала второй фазы восхождения к вершинам к власти. В начале первого месяца зимы тысяча сто семьдесят четвертого года от Рождества Христова Салах ед-Дин выступил из Дамаска на север¹⁸.

Девятого декабря он вошел в Хомс. Хотя город сдался, цитадель еще держалась, и повелитель Египта, оставив часть войск для завершения осады, двинулся дальше. Пройдя через Хаму, он в последних числах декабря встал лагерем у Алеппо. Тридцатого Саад ед-Дин Гюмюштекин, правивший там именем юного ас-Салиха, захлопнул ворота перед самым носом Салах ед-Дина.

Трудно сказать, как повели бы себя жители — едва ли не половина их была настроена отворить ворота Салах ед-Дину, — если бы не поступок наследника Нур ед-Дина. Отрок сам вышел к толпе и умолял горожан защитить его, оградить от злобы завоевателя. Растроганные словами мальчика, который ничего не приказывал им, а просил, жители Алеппо все как один принялись готовиться к ожесточенной обороне. Эмир Гюмюштекин нарядил гонцов к соседям: в Мосул, где правил Сайф ед-Дин, племянник покойного отца ас-Салиха, в Масьяф, столицу владений ассасинов, и к франкам.

Тем временем бальи Иерусалимского королевства, прокуратор Святого Города, граф-регент Раймунд Третий Триполийский, одержав блестящую победу над политическими оппонентами, счел уместным оставить молодого короля на попечение коннетабля Онфруа де Торона. Канун праздника Рождества Христова застал графа в Акре, где бальи задержался на несколько дней и где был застигнут известием о прибытии в Триполи посольства из Алеппо. Принес весть графу его собственный вассал — рыцарь Раурт, державший маленький денежный фьеф в Триполии и носивший прозвище Вестоносец¹⁹.

Новость пришла днем, и Раймунд, отправив в Триполи двух ноблей с приказом готовить дружину к походу, решил задержаться на день-другой, дабы набрать вспомогательное войско из охочих до драки и добычи мужей. Вечером, чтобы не скучать, граф устроил небольшой пир для самых приближенных, и прежде всего для братьев Ибелинов, старшего — Бальдуэна, сеньора Рамлы, и младшего — Балиана. Они, как орден госпитальеров и старик Онфруа де Торон, переживший на посту коннетабля двух королей и похоронивший сына, являлись главной опорой Раймунда в его притязаниях на регентство.

Троим крупнейшим магнатам Утремера, собравшимся в зале королевского дворца в Акре, было что праздновать, все ключевые посты королевства оказались фактически в их руках, при поддержке могущественного братства святого Иоанна партия Раймунда становилась практически непоколебимой. Госпиталь, более многочисленный, чем Храм, и столь же богатый, уравновешивал силы храмовников, традиционных соперников иоаннитов, благодаря чему делал бальи и его сторонников неуязвимыми для происков главного ненавистника графа Триполи — Жерара де Ридфора.

Единственным бельмом на глазу баронов земли, заключивших великолепный альянс, сделался Милон де Планси, как-никак сенешаль королевства — фигура, первое лицо в администрации. Однако он оказался в меньшинстве и практически в одиночестве; скомпрометированный во время Египетского похода подозрениями во взяточничестве, Милон не смог противостоять избранию Раймунда регентом. При наличии же бальи значение поста сенешаля уменьшалось, отходило на второй план, и лицо, занимавшее его, оказывалось фактически безвластным.

Кроме того, Милон был женат на Этъении де Мийи, вдове сына коннетабля Онфруа, Онфруа Третьего. Вдова не забыла помощи бывшего свекра и деда своих малолетних детей, Элизабет и Онфруа Четвертого, когда старик пришел на помощь к ней, осажденной турками в родовом замке. Одним словом, даже и дома Милон де Планси не чувствовал должной поддержки. Ему не оставалось ничего иного, как только, проглотив обиду и смилив гордыню, присоединиться к партии своего соперника. Вышло все очень удачно: Милон де Планси оказался в Акре в одно время с Раймундом, и тот пригласил вчерашнего соперника на ужин.

Теперь, когда общее веселье поутихло и все прочие гости разошлись, Милон оказался четвертым в компании бальи и баронов дома Ибелинов. Наверное, сенешаль Иерусалима слишком налегал на вино из королевских подвалов, которым потчевал его щедрый регент, так как в какой-то момент прикорнул прямо на столе возле тарелки с остатками трапезы, уронив голову на руки.

— Так-то лучше, — усмехнулся Раймунд, бросая снисходительный взгляд на гостя. — С нами, друг ты мой, не повоюешь.

— Да, — поддержал товарища Бальдуэн Рамлехский. — Теперь уж, слава Богу, смутьяны поджали хвосты. Года три можно не беспокоиться, пока его величество в возраст не войдет.

— Верно! — подхватил Балиан. — А дама Агнесса уже нацелилась было править, сучка блудливая! Сколько из-за нее натерпелся наш Юго, а, братец?

Бальдуэн кивнул, вспомнив покойного старшего брата, по смерти которого Графиня вторично сделалась вдовой; первый ее муж, Ренольд де Мараш, сложил голову под Инабом двадцать пять лет тому назад. С Юго Рамлехским (Бальдуэн и получил Рамлу по смерти брата) Агнесса была помолвлена, прежде чем вышла замуж за принца Аморика, но королева Мелисанда решила, что Куртенэ слишком хорошая партия для Ибелинов, чей род сделался знаменитым только в Утремере, и, несмотря на протесты патриарха, Аморик и Агнесса были обвенчаны. Четвертым ее мужем стал Ренольд де Сидон.

Балиан продолжал:

— Сеньор Сидонский прыгал от радости, когда отец его предъявил в Высшую курию пергаменты, на основании которых мог требовать развода с Графиней. Счастличик!

— Не скажите, мессир, — покачал головой Раймунд, — поговаривают, будто дама Агнесса весьма искусна в амурных играх. Некоторые утверждают, будто тут она не уступает самым искушенным жрицам любви. Что-то сир Ренольд все же потерял, расставшись с ней.

— Головную боль, — хмыкнул Бальдуэн.

— И изжогу, — добавил младший брат.

— Нет, государи мои, — вновь не согласился балья, — теперь ему придется платить дамам за то, что раньше давала ему жена.

— Остается лишь поплакать над участью кошелька Ренольда! — весело воскликнул Балиан и, изображая изможденного головом человека, втянул щеки и зака-

тил глаза.— Его мощне придется стать постницей... Если, конечно, хозяин сам не предпочтет поститься!

Все засмеялись, даже пьяный гость поднял голову и прежде, чем отключиться вновь, глупо улыбнувшись, пробромотал:

— Курия... Высшая курия... Надо собрать совет...

— Высшая курия — это мы,— веско произнес младший из Ибелинов.— И совет тоже.

— Сеньор Керака понял это, братец,— снисходительно глядя на сенешаля, заверил его барон Рамлы.— Потому-то он днесь и с нами.

— А кто не с нами? — В голосе Балиана прозвучал вызов.

— Кто не с нами — тот против нас,— ответил Раймунд.

— Тамплиеры,— напомнил осторожный Бальдуэн.— Вот уж они-то точно не друзья нам.

Раймунд поморщился:

— Жерар слишком глуп, чтобы представлять серьезную опасность.

— Дело даже не в Жераре, господа,— не согласился старший из Ибелинов.— Мы враги для них уже в силу нашего союза с братством святого Иоанна.

— Храмовники сильны, я не спорю,— без энтузиазма проговорил бальи и поспешил уточнить: — Но, государи мои, их позиции тут, на Востоке, слабее, чем у иоаннитов. Они ни в коем случае не смогут пересилить Госпиталь, да и патриарх Аморик за нас.

Бальдуэн покачал головой.

— Вы, верно, не слышали, мессир,— начал он и продолжал: — Графиня обратилась к храмовникам с просьбой собрать выкуп для брата. Едва ли нам желательно, чтобы он появился при дворе?

— Тут мы ничего сделать не можем,— равнодушно пожал плечами Раймунд и, позвав дворецкого, велел налить всем вина.— Да и, по здравом размышлении, делать нам ничего и не нужно. Что может Жослен? Чем опасен нам граф без графства? Все посты при дворе заняты... выпьем, друзья!

Они подняли кубки.

Сделав несколько глотков и поставив чашу на столешницу, Бальдуэн отер рот рукавом и произнес:

— Коннетабль Онфруа Торонский, да продлит Господь его дни, стар...

— Коннетабль Онфруа нас всех переживет, мой друг,— без тени сомнения заявил граф-регент.— Такого

крепкого здоровьем человека я прежде не встречал. Он еще и правнуков дождется, помяните мое слово. А Жослен... ну какой из него коннетабль? Это же смешно! Король едва ли сможет когда-нибудь управлять сам, а уж я позабочусь оградить его от слишком назойливого влияния родственников из дома Куртенэ. Однако совсем отставить их от двора мы не можем — многие наверняка найдут, что это уж чересчур. Мать, сестра, дядя... чтобы удалить, их нужен повод, а пока его нет... Да, говорил ли я вам, что Графиня попросила разрешения принимать участие в воспитании дочери? — спросил Раймунд и продолжал: — Я не стал противиться этому. Думаю, что дама Агнесса найдет, чему научить Сибиллу. Едва ли монахини смогут лучше подготовить принцессу к исполнению роли супруги. Тут, вполне возможно, заботы матери окажутся кстати — следует заглаживать пробел.

Сеньора Балиана эти слова привели в восторг, барон засмеялся и посмотрел на брата. Тот, хотя не разделял веселья, возражать не стал, а лишь сказал:

— Пожалуй, господа, пора всерьез подумать о муже для принцессы. Изабелла еще крошка, а Сибилле уже пятнадцатый год. Нам, я думаю, надлежит взять сватовство в свои руки.

— Да,— согласился балы,— тут, мессир, вы правы. Я сам уже думал об этом. Надо отправить гонцов ко дворам Луи Французского и Анри Английского, пусть подыщут подходящего жениха. Полагаю, будет разумным поручить посольство госпитальерам. Надеюсь, святые отцы выберут подходящего кандидата.

— Куда им?! — Балиан никак не желал менять шуточного тона.— Здесь бы пригодилась дама Агнесса! Уж она бы не сплеховала! Всех бы проверила лично и выбрала бы самого подходящего для дочки... и для себя!

— Вот именно! — вполне серьезно подхватил старший брат.— А госпитальеры выберут такого, который подходил бы нам! Не стоило бы вам, мой друг, проявлять такое благодушие...

— Нет-нет! — Балиан энергично замотал головой.— Так нельзя, мессир! Вдруг да будущий супруг изъяснит нам неудовольствие за то, что невеста ведет с ним себя как монашка? Нет уж, сир Раймунд, вы правильно поступили, разрешив Графине заняться воспитанием дочурки. Может, нам подумать о муже и для второй принцессы, а? Чтобы будущий муж Сибиллы не чувствовал себя единственным претендентом на трон?

— Обязательно подумаем,— поддержал весельчака регент.— Но прежде не следует ли нам позаботиться о матери? Вдовствующая королева Мария еще молода и, тут едва ли можно поспорить, хороша собой.

— Да, господа,— согласился младший Ибелин,— она очень недурна.

— И приданое недурное,— присоединился к словословиям в честь вдовы Бальдуэн.— Наплуз с пригородами.

— Точно, братец,— произнес задумчиво Балиан.— Неверные называют его Маленьким Дамаском.

— Так вот и женитесь, мессир,— преспокойно предложил Раймунд.— Жених вы хоть куда. Я сватом буду.

— Ну я не знаю...— начал младший Ибелин.— Я как-то и не думал еще о женитьбе... Так сразу...

— А что? — подхватил Бальдуэн.— Идея недурна! Женю тебя, братец? Нам Наплуз не помешает, да и вдову бы не худо постеречь, а то сыщет себе мужа из пришлых рыцарей, а он, того гляди, к тамплиерам откачет. Точно! Тут и думать нечего! Я — старший брат твой — все равно что отец! Благословляю тебя! Только смотрите, мессир, принцесса, даже если она и вдова,— кубок береженого вина, постарайтесь не пролить ни капли! — закончил он и засмеялся, глядя на хозяина застолья, лицо которого расплылось в улыбке.

Балиан сделал какой-то неопределенный жест.

— Я, право, и не знаю...

— Только здесь, дружок, заднего хода никак не дашь. Тут уж точно, хоть сколько копай, близостью родства не запахнет. Чистая принцесса самых голубых кровей.— Старший брат подлил капельку дегтя в бочку меда. Подумав между тем, что такие слова вряд ли добавят Балиану решимости, он спросил: — Да и за чем дело стало?! Мария — женщина добродетельная, не чета даме Агнессе. Женись, братишка, даже и не сомневайся!

Младший Ибелин молча пожал плечами:

«Породниться с базилевсом — честь, да и невеста пригожа. Опять же Наплуз с пригородами...»

— Я вижу, наш жених согласен,— подытожил беседу Раймунд и, обернувшись, не нашел поблизости слуг.— Эй, кто-нибудь! Вина! Подать мне вина!

Ему пришлось крикнуть громче, прежде чем в залу вбежали перепуганный дворецкий и слуга, а за ними еще один.

— Где вас носит?! — рассердился Раймунд. — Живо налить мне и сеньорам вина! Наблюдая из-под сведенных бровей за суетливыми движениями кравчих, он добавил, обращаясь к гостям: — Совсем от рук отбились... попробовали бы у меня в Триполи так, живо бы нашел работку — на каменоломнях или в порту, а то, видишь ли, привыкли, господа бодрствуют, а они спят... Ладно, друзья, за счастье молодых... а вы прочь пошли, надо будет — позову!

Бальдуэн поднял кубок:

— За тебя, брат! За будущую жену!

— Да погодите вы, господа! — махнул рукой Балиан. — Может, она не согласится еще? Да к тому же... неудобно как-то, года ведь не прошло. Вроде как не положено...

— Ладно, — согласился Раймунд. — Это уже дело второе! Выпьем за наш успех!

— За наш успех! — подхватил Балиан.

— За наш успех! — закричал барон Рамлы.

Разговор все время шел на повышенных тонах, и теперь, привыкнув к громким крикам, рыцари буквально орали, напрягая привыкшие отдавать команды глотки. Сенешаль Иерусалимского двора поднял голову и потянулся к чаше.

— За успех... — прохрипел он посаженным голосом. — Эх, дьявол!

Милон де Планси сделал неловкое движение и, вместо того чтобы схватить кубок за ножку, толкнул его. Серебряный сосуд упал на стол, вино разлилось.

— Вот дьявольщина! — проговорил раздосадованный сенешаль пьяным голосом. — Похоже, мне, сеньоры, не доведется нынче выпить с вами за успех... Эх, пойду-ка я, пожалуй, домой... — С этими словами он попытался подняться, но чуть не упал. — Проклятье!

На зов Раймунда кроме слуг явился и рыцарь, привезший в Акру новость о тревожном положении защитников Алеппо.

— Как вы кстати, Раурт! — обрадовался граф. — Не соблаговолите ли вы выполнить мою просьбу?

— С радостью, государь! — спросил Вестоносец, невысокий черноволосый мужчина, довольно изящного телосложения, лет сорока с небольшим. — Какую?

Говорил он на лангедокском наречии вполне чисто, не хуже, чем сами уроженцы французского юга и их потомки, по большей части населявшие графство Трипо-

ли, однако по виду весьма мало походил на чистокровного франка.

Раурт был армянином, некогда звали его Рубеном, и жил он в Антиохии при корчме своего отца Аршака. Последний имел двух сыновей, старшего из которых, Нерзеса, любил, а младшего ненавидел и не раз бранил, называя ублюдкой. С ранних лет мальчик вбил себе в голову, что мать его согрешила с каким-то киликийским ноблем. Со временем Рубен уверился, что настоящий отец его — рыцарь, а значит, и самому ему судьба сделаться рыцарем. Вестonosец так долго мечтал о шпорах, что, когда надел их, не почувствовал себя счастливее. Таков уж человек: получив что-то, он перестает ценить то, чем обладает.

Раймунд просил своего вассала о сущем пустяке, о котором и говорить не стоило бы: какой же рыцарь откажется проводить до дома подгулявшего товарища — известно же, все каваларии как братья, независимо от положения, которое они занимают в обществе; просто есть старшие, князья, графы и бароны, а есть младшие, владельцы замков и простые рыцари, кормленники, чей удел так невелик, что не обязывает хозяина снаряжать в армию господина воинов, а лишь служить ему собственной персоной.

Прошло немного времени, и Раурт вернулся.

— Так быстро? — удивился Раймунд. — Что случилось, шевалье?

— Ничего, мессир, — ответил рыцарь. — Мы с Эрнурем хотели проводить вашего гостя, вышли на улицу, но тут вдруг он заявил, что не желает нашей компании и хочет прогуляться в одиночестве на воздухе, так как вследствие чрезвычайной щедрости, проявленной вашим сиятельством, страдает головной болью и, чего доброго, не сможет заснуть. Вот мы его и отпустили. Может быть, зря?

Граф пожал плечами:

— Да нет... Если ему так захотелось, его воля. Правда, я был готов поспорить, что он сам не в состоянии сделать ни шагу. Я думал даже, что он и в седле не удержится. Наверное, я ошибался... Спасибо вам за помощь, шевалье Раурт. Ступайте...

Когда рыцарь удалился, Раймунд задумчиво произнес:

— Не стоило все же отпускать его одного, в Акре полно всякой сволочи. Думаю, во всем Утремере не сыщешь такой помойки, как здесь.

Трое приятелей, трое самых влиятельных магнатов королевства франков на Востоке засиделись далеко за полночь. Устав праздновать, они разошлись по спальням, чтобы заснуть крепким сном людей, чьи души не гложет червь сомнения, кто сознает свою силу, чьей власти ничто не угрожает и кому нечего бояться.

Однако отдохнуть им не пришлось. Не успел еще забрезжить хмурый декабрьский рассвет и подать голос соборный колокол, призывавший христиан на молитву, как в покои Балиана Ибелинского вбежал верный слуга, Эрнуль, освоивший грамоту старший грум, летописец, в свободное время трудившийся над составлением хроник Левантийского царства.

— Беда, мессир! — крикнул он, да сеньор и сам понял по лицу слуги, что произошло нечто очень нехорошее. — Беда стряслась...

— Да что такое?! — воскликнул Балиан. — Саладин взял Алеппо?

— Хуже!

— Повернул и идет на нас?! — Младший из Ибелинов и сам не верил в то, что говорил. — Нет, не может быть!

Эрнуль замотал головой:

— Сенешаль Милон де Планси погиб!

— Как это, погиб?! — Балиан уставился на грума, вытаращив глаза. — Ты еще не проспался, что ли, со вчерашнего?

Надо признать, вопрос был задан, что называется, не по адресу. Если уж кто и не проспался, так это сам барон, что же касалось слуги, тот воздерживался от вина, стараясь посвящать всего себя службе и в особенности любимому занятию — литературному творчеству.

— Нет, мессир, — не реагируя на грубость, покачал головой слуга. — Зарезан на улице неподалеку от дома. Лошадь прибежала одна, конюх барона всполошился, пошел искать господина и...

Балиан понимал, что Эрнуль не врет и ни в коем случае ничего не путает, и все же никак не мог поверить в гибель Иерусалимского сенешаля: одно дело смерть в бою, от меча сарацина, но быть зарезанным в христианском городе после ужина с друзьями — это уже чересчур.

— Ассасины? — почти без сомнения проговорил барон. — Их рук дело?!

— Нет, — покачал головой Эрнуль. — Фидаи не стараются скрыть своей причастности к убийствам, кото-

рые совершают. И уж во всяком случае они не грабят своих жертв.

Выводы хрониста представлялись вполне резонными; кроме того, у исмаилитов из гор Носайри, чьи владения соседствовали с землями графа Триполи и князя Антиохии, было как-то не в обычае убивать христианских магнатов. Ассасины вообще давно уже не доставляли хлопот франкам; по крайней мере, с тех пор, как двадцать два с половиной года тому назад группа фидаев зарезала отца нынешнего правителя Триполи, графа Раймунда, от рук их не пострадал ни один барон Утремера.

— Правильно... — Балиан кивнул. — Нынче им не до нас. У Рашиддина противник посерьезнее — сам великий визирь Египта... Надо сказать графу! Черт побери! Нас ведь могут обвинить в убийстве! Бальдуэна, меня и графа! О дьявол! Черт! Почему это случилось именно сейчас?! Почему вы с Рауртом не проводили этого чертова сенешаля?!

Слуга вне сомнения чувствовал себя виноватым.

— Он не пожелал, — со вздохом проговорил Эрнуль и, не выдержав, добавил с досадой: — Зачем я только согласился помочь шевалье Раурту?! И зачем мы послушались сира Милона?! Нам надо было просто отстать и ехать сзади, и он был бы теперь жив! Отчего Господь не вразумил нас поступить подобным образом?!

Раймунд Триполийский узнал «приятную» новость практически одновременно со своими товарищами. Граф пришел в ярость, велел немедленно вызвать к себе Вестоносца для допроса. Допрос ничего не дал, показания Раурта и Эрнуля сходились. Впрочем, граф не видел особых причин сомневаться в правдивости слов рыцаря, в то же время Балиан мог поклясться на кресте, что верит Эрнулю как самому себе. Следствие закончилось, не успев начаться.

Крайне раздосадованный регент Иерусалимской короны, оставив доукомплектование контингента добровольцев и мероприятия по розыску убийц на совести Ибелинов, проклиная себя за задержку и ненужное благодушие, немедленно отбыл из Акры в Триполи, чтобы как можно скорее выступить на помощь губернатору Алеппо.

Раймунд собрался столь резво, что далеко не все его рыцари успели за ним. Одни такие как Раурт

Вестonosец, отстали ненамного и нагнали графа в полутьме от Акры на дороге в Тир, другие подтянулись к вечеру, чуть не загнав коней.

V

Едва начало светать, в самом начале нового дня, когда ночная стража на башнях Акры сдала свою вахту отдохнувшим товарищам, в каморке одного из расположенных поблизости от гавани зданий, в районе, населенном моряками, контрабандистами, проститутками и прочими темными личностями, которыми испокон века кишмя кишит любой большой портовый город, пробудились двое товарищей. Внешний вид этих господ не позволял отнести их к числу добропорядочных граждан, которым в данный момент полагалось находиться в соборе, а не нежиться в постели; в общем, можно с уверенностью сказать, что они были тут вполне уместны²⁰.

Одного из них, неаполитанца, высокого и худого, с лицом, поросшим пегой клочковатой бородой, звали Марко по прозвищу Сен-Эспри или Дух Святой, второго, уроженца Амальфи, приземистого чернобородого крепыша с рассеченной верхней губой — Губастый Бордорино.

Легли они поздно и, раз уж не пошли молиться, вполне могли бы, казалось, позволить себе поспать вволю, тем более что работу свою Дух и Губастый выполнили, а значит, как любой честный труженик, заслужили отдых.

Хотя, возможно, именно это обстоятельство и заставило их подняться пораньше; клиент выдал им щедрый задаток, теперь оставалось произвести основной расчет, а ведь куда спокойнее, когда денежка при тебе, в кошельке на поясе или, что еще лучше, за пазухой. Дух и Губастый, конечно, приняли свои меры предосторожности, но, несмотря ни на что, волновались, особенно амальфиец.

— Он обещал быть с первой стражей, — с беспокойством вглядываясь в рассветную муть за маленьким оконцем, проговорил Бордорино. — Народишко уже давно из собора вернулся, а его все нет. Неужели удумал обмануть? Как мыслишь, приятель? Не проглядел его твой Барнаба?

Дух покачал головой:

— Барнаба не проглядит.

— А как уснул? Он ведь еще щенок. Что, если задремал, а тот тем временем смылся?

— Нет,— только и изрек немногословный Марко.— Я не давал ему жратвы два дня, а голод и завязатого соню сделает лучшим из стражей. Когда кишки сводит, не заснешь.

Губастый не нашел, что возразить. Примерно десяти-или одиннадцатилетний мальчишка-сирота, исполнявший при особе неаполитанца роль слуги, действительно получил от хозяина задание следить за заказчиком.

Тот с задатком не поспешил, расплатился чистой золотой монетой — «михаликами», тирскими динарами и сицилийскими тари. Марко в общем-то причина для беспокойства не видел, но товарища грыз червь сомнения, Губастый почему-то подозревал подвох. Возможно, виной тому стали размеры гонорара — пятьсот динаров казалась амальфийцу огромной суммой²¹.

— По мне, так ты избаловал щенка,— проворчал Бордорينو.— В его возрасте жрать каждый день — неоправданная роскошь. Я в его годы получал миску тумачков на обед и полную пазуху затрецин на ужин. Только это и сделало меня человеком... И охота тебе возиться с этим спиногрызом? Продай бы его Большому Антонио, в его бардаке нежное мяско в цене. Можно выручить дюжину или даже две михаликов.

Амальфиец умолк, но тут же заговорил опять:

— Хотя сам-то Антонио заработает на щенке в сто раз больше. За год он себя окупит на всю жизнь вперед. Здорово живут те, кто держит девок и мальчишек. На них всегда спрос в порту. Известное дело, моряк или путник изголодается в дороге, так уж и готов заплатить за удовольствие. Хошь и Святая Земля, а человеку без этого дела и тут не обойтись. Как только иные богомольцы могут всю жизнь сидеть в затворе? Небось жмут в кулаке так, что глаза на лоб вылазят?

— Кто тебе сказал, что они жмут в кулаке? — криво усмехнулся Дух.— Те, кому уже не надо ничего, и правда молятся да постятся — что им остается-то? — Он сделал выразительный жест и продолжал: — А те, у кого в штанах рожок, а не ливер, не прочь развеяться. Коли деньги есть, одеваются в мирское и выходят в город. Тут, если в кошельке звенит, не пропадешь. Повеселишься от души... Они в этом толк знают лучше нас с тобой. Им ведь работать не надо, вот здоровье и брызжет через край...

Он снова проиллюстрировал свои слова, показав, как и откуда, по его мнению, у попов и монахов *брызжет здоровье*. Между тем неаполитанец не привык забывать и о собственном организме.

— Однако давай-ка пока суть да дело закусим. Ты не бойся, Барнаба не проспит... — заверил он товарища, запуская руку в мешок, куда обычно прятал провизию. — О, дьявол! Где окорок?! Украл? Украл, паскуда! Сволочь! Когда он только успел?!

Марко уставился на товарища бешеными глазами.

— Там же еще полным-полно оставалось. Я же помню, как ты убирал окорок ночью, когда мы пришли с тобой после дела... — начал амальфиец, но Дух перебил его:

— Я еще не спятил! Мы с тобой не столько выпили, чтобы я забыл, что перед тем, как нам лечь, там оставалась добрая половина! Ну, Барнаба! Ну смотри у меня, щенок! Ты прав, Губастый, моя доброта пошла мне же во вред. Этой неблагодарной твари место только в притоне у Большого Антонио! Там уж мерзавцу жировать не дадут, придется попотеть за корочку хлебушка!

— Кстати, о хлебе. — Бордорино не мог не поделить-ся с приятелем, сделавшимся под влиянием нахлынувших переживаний непривычно говорливым, еще одним неприятным открытием. — Смотри-ка, Дух, и хлеба помéнело! Да уж, верно, он проделал это, пока мы с тобой отдыхали. Нажрался от пуза и дрыхнет теперь без задних ног, если уплел все это! То-то мне снилось, что золото наше обратилось в дерьмо. Это очень нехороший сон...

— Дерьмо снится к деньгам, — машинально возразил неаполитанец, буквально сраженный черной неблагодарностью пригретого им сироты.

— Черт! Да он наверняка ограбил нас! — Губастый похлопал себя по кошелью, и лицо его расплылось в блаженной улыбке: — Нет, не добрался, хвала Господу! Проверь свой.

Марко проверил, его доля полученного накануне задатка также оказалась на месте.

Аппетит у него уже пропал, но способности к логическому мышлению Дух не утратил. Он вернулся к рассуждениям относительно заказчика:

— Что для такого человека пятьсот безантов? Станет он ловчить? Тем более что две сотни он уже заплатил?

— Эх, дружок! — с упреком произнес амальфиец. — Думаешь, если человек носит шпоры — то откажет

себе в удовольствии сжульничать при случае? Ведь он нас не кабана прирезать нанял...

— Тихо ты! — зашипел осторожный Дух. — Вот то-то, что не кабана! Не ори! Как услышит кто? Потянут нас с тобой и не к виконту на разбор, а в подвал прямехонько к палачу! И что мы скажем? Что человек, весь в черном, подсел к нам в корчме и предложил пятьсот полновесных золотых, если мы прирежем его ненавистника? Что ни говори, все равно исход один — пытка, пока вытерпишь, а потом казнь. У нас в Неаполе за такое на колесо угодишь. Палачи дело знают — пока все косточки в тебе в муку не покрошат, умереть не дадут. Здесь, как в северных землях, рубить будут на кусочки. Да не сразу, по частям. Я, слава тебе, Господи, не пробовал, так уж, что приятнее, не скажу... Не для того, знаешь ли, я из Италии сбежал в эту вонючую Святую клоаку, чтобы подыхать на плахе. Так вот, будь же ласков, не ори!

Губастый опешил; он никак не ожидал такого напора.

— Прости, прости, брат! — запричитал Бордорино. — Я не то думал сказать. Хочешь, давай сделаем ноги отсюда...

— Конечно, сделаем, — оборвал его Марко. — Только сначала деньги получим. — Он нервно хихикнул и, стремясь обратить все в шутку, прибавил: — Не зря же тебе дерьмо приснилось? .

— Не знаю, как всем прочим, — пробурчал Губастый. — А мне уж если снится дерьмо, то это — к дерьму.

— Что-что? — переспросил неаполитанец.

— Наверное, ты прав, — тяжело вздохнув, произнес Бордорино и добавил: — Пожалуй, стоит сходить и посмотреть, как там чего?

В какой-то момент ему хотелось задать стрекача, как можно быстрее оказаться где-нибудь по возможности очень далеко не то что от заказчика и от Акры, а и вообще от Святой Земли. Однако, быстро сообразив, что, поскольку за тридцать лет своей жизни не встречал места, где бы его ждали с распростертыми объятиями, в особенности без денег, передумал. Впрочем, даже и идти никуда не пришлось, всем сомнениям и терзаниям настал конец. Не успел амальфиец произнести свои последние слова, как хлопнула дверь, заскрипели половицы и в комнату вбежал неблагодарный похититель остатков окорока и пожиратель хлеба.

Облик Барнабы ничем особенным не отличался: обычный отрок-сирота, чумазый, с рождения не мывшийся — до свадьбы еще далеко, так зачем же раньше времени беспокоиться? — ни разу толком не наедавшийся, одетый в какие-то невообразимые лохмотья, но весьма смысленный и юркий — кулаком или палкой, да еще спяну, не всегда и достанешь. Зная, что здесь его не ждут ни леденцы, ни жаренный в сахаре миндаль, а лишь суровая расправа, жестокие побои, возможно до смерти, мальчик немедленно взял инициативу в свои руки.

— Идет! — громко зашептал он, тараща глаза.— Идет ваш черный человек! Сюда едет! Едет на коне. Не торопится. Я бежал, дворами срезал, но он щас уже прибудет. Вы встречайте!

— А точно знаешь, что он сюда направился? — прищурился Дух, понимая, что разборку с негодным слугой придется отложить.

— Да. Да. Точно! Я видел, как слуга седлал его коня. Сел ваш черный в седло, да не спешил... А сиятельный граф Раймунд едва не затемно ускакал с малой дружиной. Думать надо, это из-за того сеньора, которого ночью зарезали.

Приятели многозначительно переглянулись.

— А что говорят про то в городе? — спросил Дух.

— Говорят, сиятельный граф с ним счеы свел. Говорят, из-за чести, кому где сидеть за столом у короля. Король того к себе ближе посадил и чествовал, а граф возревновал и зло затаил,— охотно сообщил мальчишка, видя, что о наказании взрослые и не помышляют.— Это был очень важный господин. Сенешаль Милон де Планси, сеньор Заиорданья, правая рука его величества покойного короля Аморика.— Вот граф-то и испугался, что и новый король станет того сенешаля больше других отмечать да рядом с собой на трон сажать, а его отошлет без чести править-хозяевать в своем имени да в вотчине.

Друзья снова переглянулись, однако на сей раз у них в глазах был едва ли не ужас — одно дело зарезать простого рыцаря, а другое — одного из первых баронов королевства. И ведь вот что особенно обидно, в кошельке у убитого нашлось всего десятка два золотых!

Впрочем, они тут же сообразили, что дело в любом случае сделано, и, раз заказчик едет к ним один, значит, собирается расплатиться. Между тем оба почувствовали себя до некоторой степени обманутыми, и им практически одновременно пришло на ум, что не будет

лишним завести разговор о некоторой, если можно так выразиться, компенсации, небольшой премии за особую опасность задания.

Вновь хлопнула дверь и заскрипели половицы. Не прошло и нескольких мгновений, как в комнату, пригибаясь, чтобы не разбить голову о низкую покосившуюся притолоку, вошел заказчик.

Определение «черный человек» как нельзя более подходило ему, поскольку мужчина с головы до пят был облачен в черное, что, кстати, делало его, и без того невысокого и весьма изящного, еще меньше ростом. И по стати и по тому, как он держался, любой легко узнал бы в нем воина, привыкшего к седлу и доспехам. Хотя кольчуга под черным рыцарским табаром, как видно, отсутствовала.

Сказать это с точностью, как и ответить на весьма важный вопрос: «Есть ли у гостя оружие?» — не представлялось возможности — плечи и большую часть стана заказчика скрывал плащ, а голову и лицо — кеффе; так что оставались открытыми лишь глаза — такие же черные, как одежда, и при этом пронзительные.

— Желаю здравствовать, господа, — проговорил он довольно низким и приятным голосом. — Надеюсь, я не слишком утомил вас ожиданием? Я пришел поблагодарить вас за прекрасно выполненную работу.

— И мы желаем вам здравия, — с поклоном ответил Святой Дух и жестом показал Барнабе, чтобы тот убрался из комнаты.

Амальфиец так же склонил голову и произнес слова приветствия.

Бывалые люди, ни в грош не ставившие жизнь человека — случалось им убивать и ради кошелька с несколькими жалкими денье и презренными оболами²², — внезапно сробели перед своим визитером, и, уж конечно, происходило это не из-за его внешности — черный так черный, мало ли кто как одевается? — и не из-за того, что не показывал он своего лица, хотя и ясно — не было на нем кошмарных язв — опять же, его дело, — а по какой-то непонятной им причине. Может, страх закрался в их огрубевшие души, когда они вдруг сообразили, в какую опасную игру оказались втянуты? Как-никак сенешаль Иерусалимского королевства не грузчик и не матрос, таких, как он, что ни день не режут на улицах.

Занятые всем этим, они даже не заметили, как в руке у черного человека оказался внушительный ко-

шель зеленого шелка, расшитый бисером, — явно работы арабского мастера. Заказчик, подкинув на ладони, швырнул деньги прямо на стол и предложил:

— Проверьте, все ли тут.

Марко развязал кошель и, высыпав золотые прямо на столешницу, принялся быстро пересчитывать их. Время от времени они с напарником хватали одну-другую монету и, точно не доверяя логофетам герцога Гвискара и базилевса Парапинаца, пробовали металл на зуб. Судя по всему, экспертиза удовлетворила неаполитанца и его товарища. Заказчик не обманул и на сей раз — звонкой деньгой расплатился он за смерть ненавистника. Звонкой и яркой — даже здесь в полумраке убогой каморки золотые горели, как маленькие солнца.

— Чем они у тебя перемазаны? — с довольной усмешкой торговца, завершившего выгодную сделку, обратился Губастый к черному человеку. — Натер, чтобы ярче блестели?

Тот кивнул:

— Да.

— Зря старался! — хрюкнул амальфиец. — Елеем ты их вымажи, сахарным варом или ослиным дерьмом, они не станут иными. Золото есть золото! — заявил он, тем самым лишней раз подтверждая правоту императора Веспасиана, уверявшего, что деньги не пахнут. По мнению Губастого, деньги не могли пахнуть... дурно, равно как и иметь неприятный вкус. Он пихнул товарища в бок: — Я был не прав, Марко. Дерьмо и правда снится к богатству!

Однако неаполитанец, казалось, не разделял его радости.

— Тот человек, господин, — начал он, поворачивая к гостю хмурое лицо, — был очень важным сеньором. Он стоял больше, чем пять сотен безантов. Мы, конечно, уже договорились, но... добавить бы?

— Сколько?

— Сто... Нет, двести... двести пятьдесят безантов!

— Да! — немедленно подхватил Бордорино. — Мы здорово рисковали.

— Но вы же согласились и получили за риск пятьсот золотых? Да в придачу еще и кошелек зарезанного вами сеньора. Теперь он мертв, и не все ли вам равно, кем он в действительности был? Какая разница? Ведь вы рисковали, когда убивали его, и с тех пор риск не стал больше. За что же вы хотите получить дополнительную плату?

— Ну нет,— Марко покачал головой и отошел от стола, сделав два-три шага, но не прямо к визитеру, а чуть в сторону, оказавшись сбоку от него.— Так не пойдет.

Чего-чего, а взаимопонимания парочке было не занимать. Не успел неаполитанец заговорить, как напарник его, также забывая о рассыпанных безантах, двинулся вперед, выразительно положив ладонь на рукоять кинжала.

Черный человек, как выяснилось, к числу храбров не принадлежал, он немедленно пошел на попятную.

— Хорошо, хорошо, друзья мои, вы меня совсем не так поняли, я-то думал, что дал достаточно, ведь годовое содержание рыцаря с четырьмя конями и оруженосцем обходится в меньшую сумму,— поспешил он с заверениями, прикладывая руку к груди и отходя немного назад, так, чтобы держать обоих своих наймитов в поле зрения.— Я покрою ваши расходы. Только уж вы тогда отдайте мне тот кошелек. Не в ваших интересах оставлять его себе, верно?

— Верно,— согласился Дух, уже откровенно отесняя гостя от двери.— Мы отдадим тебе это дерьмо. Богатый кошелек, а было в нем всего-то каких-то двадцать безантов. Да к тому же половина из них отчеканены Комнинами — вот уж, что вор, что грифон — одно и то же.

Черный человек достал еще один кожаный мешочек и протянул его Марко. Однако от зоркого взгляда неаполитанца не укрылся тот факт, что на поясе заказчика не оказалось ни меча, ни кинжала. Дух и Губастый перемигнулись и мгновенно поняли друг друга. Если бы черный человек был поумнее, он сообразил бы, что его не выпустят живым, какие бы деньги он ни посулил своим наймитам. То, что при нем, и так их добыча, а обещаниям, пусть хоть самым соблазнительным, здесь грош цена.

— Давай сюда все! — рявкнул Бордорино.— Живо!

— Слышал, что сказали?! — поддержал напарника неаполитанец.— Гони все деньги! Хотел нажиться на нас, мерзавец?

В полумраке каморки зловеще блеснули кинжалы убийц.

— Я все отдам вам, все отдам! — запричитал черный человек.— Только пощадите. Не убивайте!

— Конечно, пощадим,— плотоядно улыбаясь, по-

обещал Губастый и вдруг вскрикнул испуганно: — Что такое? Эй Марко? Что с тобой?!

Неаполитанец остановился как вкопанный. Он выронил оружие и, схватившись за горло, захрипел:

— Холод... но...

Больше ничего Дух не сказал, поскольку, если позволительно будет выразиться подобным образом, испустил дух.

Не успело тело несчастного неаполитанца рухнуть на грязные доски убогого пола комнатухи, которой Бог судил стать его последним земным пристанищем, как настал черед Губастому Бордорино оценить по достоинству все пережитые напарником ощущения.

— Дьявол...— простонал амальфиец, глядя в уголки глаз черного человека.— Дья... я...в...

Перешагнув через его труп, гость подошел к столу и, бросив взгляд, на рассыпанные там монеты, позвал:

— Барнаба. Ко мне, быстро.

Вид распростертых на полу тел привел мальчика в замешательство. Однако он довольно быстро справился с собой и даже пнул неспособного уже больше ни за что его наказать Губастого:

— Сдох, ублюдок?!

Отрок несомненно бы продел то же самое и с благодетелем, но черный человек строго прикрикнул на него:

— Но-но! Мне не до сантиментов. Тащи их провизию.

— Вот она.— Точно крепкий белый кочан из подгнивших капустных листьев, Барнаба извлек из своих лохмотьев обглоданную кость и остатки хлеба — если бы только знал черный человек, чего стоило удержаться и не съесть все это его маленькому голодному помощнику?!

Вдвоем они подняли и посадили отравленных убийц за стол, положив перед ними окорок и хлеб. Срезав с их пояса мешочки с деньгами, заказчик приказал:

— Ищи кошель.

Отрок не заставил его ждать. Он быстро исполнил распоряжение.

— Эти деньги,— черный рыцарь указал на разбросанные по столу тари и безанты,— твои.— Увидев, как вспыхнули глаза мальчишки, он добавил: — Только не пробуй их на зуб, по крайней мере до вечера. Ты мне еще понадобишься живым. И не вздумай кому-нибудь похвастаться своей удачей. Лучше молчи, да закопай деньги так, чтобы никто не видел.

— Я все готов для вас сделать, благородный сеньор! — воскликнул Барнаба и уставился на своего избавителя преданными глазами, не переставая между тем ловко сметать со стола золотые, которые мгновенно и, казалось, бесследно исчезали в глубинах его невообразимо грязных лохмотьев. — Но разве нельзя мне хоть малую толику этих денег потратить на еду?

— Можно. Но покупай ее так, чтобы никто не мог угадать, что тратишь ты не последний золотой, доставшийся тебе милостью Божьей.

— Благодарю, сеньор! Я все понял!

— Ты знаешь, как меня найти в Триполи? — строго спросил черный человек. Произнося эти слова, он как бы взвешивал на ладони пустой кошель покойного сешала — видно такая уж привычка была у того, кто стал виновником гибели Милона де Планси, — и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Ровно через месяц жду тебя там. Уйдешь немного погодя. Прощай.

VI

При первых же известиях о приближении египетской армии в Алеппо началась мобилизация, губернатор призвал к оружию всех мужчин, годных к несению службы на стенах. Для подавляющего большинства стражников, которые стерегли пленников в почти совсем опустевших за время эпидемии подвалах башен, все это означало конец синекуры.

Донжон, где томился Ренольд и его товарищи по несчастью, теперь охраняли всего два человека — да и нужна ли целая армия, чтобы стеречь пленников, чьи руки и ноги скованы кандалами? Эти люди опасны не более, чем псы, посаженные на цепь, — они могут лаять сколько угодно, укусить им никого не удастся, кованный ошейник не позволит броситься на тюремщика. Между тем опытные стражники во время долгой осады ценились едва ли не на вес золота, ну или, по крайней мере, доброго железа.

Те несколько дней, которые, по мнению Рамдалы, надлежало подождать, дабы окончательно увериться, что визирь Египта настроен серьезно и не намерен в ближайшее время отступить от города, стали едва ли не самыми тяжелыми за весь четырнадцатилетний период пребывания Ренольда в сарадинском плену.

Лишившись свободы, в первые месяцы, вопреки здравому смыслу и неутешительным вестям, долетавшим из Антиохии, он никак не мог поверить, что никто не собирается выкупать его у Нур ед-Дина. Когда же наконец, пришло осознание, бодрое настроение чуть не сменилось отчаянием, но в конечном итоге Ренольд уверился в мысли, что он в тюрьме надолго, возможно очень надолго, но не навсегда. Единственный раз он всерьез усомнился в этом летом тысяча сто семьдесят четвертого года от Рождества Христова, когда заболел и почувствовал, как силы оставляют его. Теперь же нервное напряжение, вызванное ожиданием скорого чуда, превращало для него мгновения в дни, а дни в годы, тянувшиеся, казалось, вечно. «Когда же, Рамдала? Когда?» — спрашивал он и злился, слыша в ответ: «Не теперь, не теперь, государь! Подождите еще чуток! Вы уже столько ждали!»

И вот наконец настал день, когда старый тюремщик Хасан, как обычно принесший узникам похлебку, сушеные финики и дикий чеснок, на вопрос: «Куда девал хлеб, скотина?», искренне обидевшись, возвестил: «Никакая я не скотина! Великий господин, король Сирии и повелитель Египта, Надежда Правоверных, Звезда Ислама и Меч Веры, наш несравненный, наш любимейший господин Малик ас-Салих Исмаил, да продлит Аллах его благословенное правление, и его верный слуга, многомудрый эмир Саад ед-Дин Гюмюштекин не велели впредь переводить хлеб на неверных. Поелику нашему великому господину, королю Сирии и повелителю Египта, Надежде Правоверных, Звезде Ислама и Мечу Веры, нашему несравненному, нашему любимейшему господину Малику ас-Салиху Исмаилу, да продлит Аллах его благословенное правление, и его верному слуге, многомудрому эмиру Саад ед-Дину Гюмюштекину неизвестно, как долго по милости Аллаха продлится осада».

Услышав перевод слов стражника, сделанный для него врачом и звездочетом, Ренольд, разумеется на своем языке, от души выругал всех любимейших и не самых любимейших повелителей неверных. Он называл их такими же грязными и подлыми скотами, как и Хасан. Это не помогло. Тюремщик заткнул уши, заявив, что ничего не слышит и слышать не желает. Словом, хлеба от ругани не прибавилось, более того, прибежал Фарух, начальник Хасана, человек куда более молодой и нетерпимый и, размахивая направо и

налево плетью, принялся ругать единственного подручника за то, что тот *заводит разговоры с неверными собаками, которых вообще не стоило бы кормить.*

Плеть есть плеть, а уж если она в руке у начальника... Словом, получили все, кроме Ренольда; принимая во внимание особенную ценность знатного пленника, Фарух не решился ударить его, опасаясь гнева Гюмюштекина.

Как выяснилось, Абдаллах совершенно не привык к подобному обращению. Исчезновение на неопределенное время из рациона хлеба, а особенно побои заставили лекаря поторопиться; в общем, он очень быстро пришел к выводу, что *время уже настало.* Наконец-то врачеватель и звездочет вытащил свою заветную бутылочку и... Ренольд, а уж тем более Жослен с нетерпением ждали чуда. Правда они сами толком не знали, чего же именно ждут, наверное, франки и правда верили, что увидят джинна, о которых так часто повествуют восточные рассказчики. Вероятно они думали, что Рамдала прикажет джинну расковать кандалы и переместить их из подземелья в... в какой-нибудь дворец. Они были явно разочарованны, когда увидели, что Абдаллах просто капает на самую длинную из своих цепей какой-то странной дымящейся жидкостью. Правда, лекарь, как и полагается, читал какие-то совершенно непонятные обоим франкам заклинания, что в известной мере убеждало их, что происходит нечто сверхъестественное.

Они приблизились к товарищу настолько, насколько позволяли оковы, но увидели лишь, как он, закончив акт колдовства, плотно закрыл бутылку и отставил ее в сторону.

— А где же? А как же?... — недоуменно проговорил юный оруженосец. — Ты же говорил про джинна? Ты обещал?

— Разве я обманул? — с не меньшей долей удивления осведомился лекарь и обратился к князю: — Будьте свидетелем, государь.

С этими словами он резко дернул цепь, потом еще и еще, пока, наконец... не освободился от нее.

— Разве такое под силу человеку? — спросил он Жослена. — Думаю, что нет. А раз так, то джинн перед тобой. Это — я! Теперь двинемся дальше.

Очень быстро на глазах изумленных латинян их товарищ, сделав мягким при помощи своей чудодейственной жидкости одно из звеньев цепи ножных кандалов, легко порвал и их.

— Дай мне! — не выдержал Ренольд. — Скорее! Сначала руки!

— Осторожно, государь, — предупредил Абдаллах. — Этот бальзам прожигает даже кости человека, не говоря уж о плоти. Он страшнее любого меча.

Не дожидаясь, когда металл толком размякнет, князь сжал кулаки и рванул оковы.

Четырнадцать лет он не чувствовал ничего подобного. Ради этого мгновения стоило страдать, стоило пережить все, что он пережил, перенести лишения, голод, грязь, даже лихорадку. Теперь, когда руки больше не сковывало проклятое железо, можно было и умереть. Впрочем... как раз теперь, когда он делал первые шаги на пути к свободе, умирать было бы и вовсе глупо.

Тем не менее время торжествовать еще не настало, поскольку, когда Абдаллах уже колдовал над самой длинной цепью, ошейник на конце которой превращал узника в собаку на поводке, на лестнице послышались шаги.

Ренольд и лекарь переглянулись.

— Иди к двери! — шепотом приказал князь. — Когда она откроется, нападай сзади. Попробуй выхватить у него саблю.

Судя по выражению, появившемуся на лице Абдаллаха, ему вовсе не улыбалась подобная перспектива. Однако иного выхода просто не существовало.

— Спрячьте бутылку! — прошептал он в ответ и бросился выполнять приказание Ренольда.

Однако предосторожность оказалась напрасной — открытый сундучок лекаря стоял посредине узилища. Одно дело, если бы пришел Хасан, принесший сюда эту вещь, но дверь открылась, и в помещение донжона вошел Фарух. Ему понадобились лишь несколько мгновений, чтобы заметить отсутствие Абдаллаха. Тому очень не хотелось нападать на тюремщика, но пришлось. Сделал это врачеватель и звездочет на редкость неумело. Он накинул на шею Фаруху болтавшуюся на запястье цепь, но стражник оказался достаточно проворным и успел просунуть под нее руки. Сбросив повисшего на нем Абдаллаха, тюремщик выхватил саблю и ударил несчастного лекаря. Тот со страшным воплем упал и принялся кататься по полу, издавая стоны и изрыгая проклятья.

Между тем Фарух, прокричав: «На помощь, Хасан! Скорее сюда, жирная задница!», устремился к Ренольду, который в своем желании получить свободу любой ценой был готов драться хоть голыми руками. Началь-

ник стражи, мгновенно забыв о ценности пленника и помня только о том, что нельзя позволить неверному псу сбежать, взмахнул саблей.

Казалось, время замерло: клинок приближался очень медленно, будто заколдованный, точь-в-точь как вращавшиеся в воздухе обломки копья во сне про белого рыцаря. Между тем князь прекрасно понимал, что все происходившее вовсе не сон. Еще мгновение, и меч сарацина прорубит голову обезумевшего франка, который даже и не думал о спасении, но... Жослен, как пантера, защищающая детеныша, прыгнул к господину, выставляя вперед скованные кандалами руки.

Цепь приняла удар, но попытка юного оруженосца опутать ею саблю Фарнака не удалась. Тюремщик успел высвободить клинок и снова замахнулся для удара, решив на сей раз покончить с пажом — уж за его-то смерть точно не придется отвечать. Жизнь слуги стоила сейчас не дороже жизни барана, приготовленного для заклания в день священного праздника курбан-байрам.

Однако подросток не собирался умирать: он вновь весьма ловко сумел защититься цепью. Но ему снова не удалось запутать саблю, серебряной молнией взлетевшую к черным каменным сводам донжона. Хуже того, в этот момент сам Жослен оступился и упал на четвереньки. Клинок турка торжественно просвистел в воздухе, чтобы отобрать жизнь коленапоклоненного храбреца; юный франк встречал смерть, как и полагалось кафиру, осмелившемуся поднять руку на воина, чтящего заветы пророка.

Но жизнь — игра, и не для того появился на свет Жослен Храмовник, прозванный так новым господином, чтобы проиграть ее четырнадцатой своей зимой какому-то вонючему языческому псу, чья душа и разум пребывали во мраке, чья вера была лишь суетным заблуждением по сравнению с заветами Сына Божьего. Впрочем... никакой души у нехристей-агарян, как и у прочих низших тварей, и вовсе не существовало, а Христос доказал свое явное преимущество перед нечестивым пастухом Махмудом, направил десницу бывалого рыцаря, отвратил беду.

И вот ведь что интересно, вновь спасение принесли оковы! На сей раз те, что болтались на запястье правой руки Ренольда. Как же часто то, что мы всем своим естеством ненавидим, выручает нас, приходит на помощь, когда все уже кажется потерянным! Как только звенья цепи обмотались вокруг клинка, князь изо всех сил рванул ее на себя.

Начальник стражи не удержал оружия, но и Ренольду не удалось завладеть саблей, отлетевшей в угол узилища. Между тем рыцарь в безумном отчаянии, что не сможет дотянуться до нее раньше турка, с таким остервенением рванулся к клинку, что чуть не потерял сознание; проклятый ошейник лишил его возможности дышать, но, по счастью, лишь на мгновение, поскольку подточенное чудодейственным бальзамом Абаллаха сарацинское железо оказалось менее прочным, чем шея христианского рыцаря.

Добравшись до заветного оружия, Ренольд был неприятно удивлен; оказалось, что сражаться добытой с таким трудом саблей не с кем,— Фарух, поняв, что Аллах отвернулся от него, обратился в бегство и почти уже успел достигнуть спасительного выхода, оглашая подвал воплями: «На помощь, Хасан! Сюда, скотина!»

Понимая, что с кандалами на ногах он все равно не сумеет догнать турка, князь все же бросился за ним. Внезапно Фарнак, оборвав на середине свой гневный призыв, взмахнул руками, рухнул навзничь и страшно завопил. Его дикие крики длились очень недолго, но произвели на всех неизгладимое впечатление. Врачеватель и звездочет перестал стенать и довольно проворно поднялся, а Ренольд даже остановился на полпути и, повернувшись, посмотрел на Жослена, затем вновь перевел взгляд на турка, тело которого дергалось в конвульсиях и дымилось.

— Я предупреждал, государь! — подняв к потолку окровавленный палец, с важным видом напомнил Рамдала. — Это страшное вещество!

— Зачем ты бросил бутылку? — спросил Жослена князь. — Как мы теперь освободим тебя?

Юный храмовник пожал плечами:

— А если бы ему удалось улизнуть?... Ого! Слышите?! Кто-то бежит сюда, наверное Хасан!

— Надо скорее оттащить тело! — взволнованно прошептал Абдаллах. — Только не касайтесь тех мест, куда попал мой бальзам, и берегите ноги.

Напоминание было излишним, князь и сам все понял.

Когда они отволокли Фаруха от двери, шаги звучали уже совсем рядом.

— Господин начальник! Господин начальник! — кричал Хасан. — Что случилось?! Что случилось? Кто-то умер? — Менее всего он был способен предположить то, что происходило в действительности. Ах, корыстолюбивый старый Хасан, если бы только ты только знал,

что случилось! Ты бы не стал спрашивать, а уже давным-давно без оглядки бежал бы прочь!

Стражник слишком поздно понял свою ошибку. Он схватился за рукоять сабли, но выхватить ее не успел. На сей раз Абдаллах оказался куда проворнее, а может, просто старый стражник проявил меньше ловкости, чем молодой. Так или иначе, цепь дважды обмоталась вокруг шеи Хасана, и избавиться от нее без посторонней помощи он не мог. Ренольд взмахнул оружием мертвого Фаруха. В глазах старика читалась мольба, и что-то, может, и это, заставило рыцаря сдержатъ свой порыв. Жестом приказав Рамдале ослабить хватку, он спросил стражника:

— Что ты хочешь сказать?

— Я помогу... — прохрипел Хасан на исковерканном наречии франков. — Я помогу вам пройти через посты...

Ренольд посмотрел на старика с недоверием.

— С чего это ты стал таким любезным? У меня нет денег, чтобы заплатить тебе.

— Не надо денег, господин! — воскликнул тюремщик. — Теперь я и сам изгой... — он выразительно покосился на тело начальника. — Он единственный сын богатого купца. Отец улестил нашего великого эмира, упросил его не посылать Фаруха в войско, думая, что с этой стороны стены любезного Аллаху Халеба, где враги нашего великого господина, Малика ас-Салиха, вряд ли осмелятся нас атаковать, он будет в полной безопасности. Меня все равно или казнят, или выдадут на расправу купцу, что еще хуже...

— Это скорее всего правда, — подтвердил Абдаллах. — К тому же он может быть нам полезен и в дальнейшем.

Обрадовавшись поддержке, стражник часто-часто заморгал — кивать он по понятным причинам не мог:

— Хасан будет рад служить вам, иб-ринз Арно! Лучшего раба, чем Хасан вы не найдете во всем Халебе, господин!

— Хорошо, — решил Ренольд. — Отпусти его, Рамдала. Пусть поможет расковать Жослена.

Пленники освободились от кандалов, а Ренольд переоделся в дорогой халат Фаруха. Когда все трое в сопровождении своего бывшего тюремщика выбрались из узилища, наступила ночь. Поднимаясь из подвала

башни, они ненадолго остановились у бойницы — всем было любопытно увидеть лагерь великого визиря Египта и оценить его силу.

Любопытство сослужило неважную службу неприимым соперникам и неутомимым спорщикам, Жослену и Абдаллаху. Стремясь поскорее выглянуть на улицу, они звонко и, если судить по раздавшимся проклятиям, весьма ощутимо столкнулись головами. Самое обидное, что старались они зря — им так и не удалось толком рассмотреть огни внизу.

Тем временем Хасан быстрее, чем кто-нибудь другой, вошел в роль слуги нового господина.

— А ну-ка вы, недостойные! — прикрикнул он на бывших узников. — Дайте посмотреть нашему хозяину, да благословит его Аллах!

Ренольд подошел к бойнице.

Боже мой, как давно не видел он стоянки войска! Как было бы замечательно оказаться сейчас в таком вот лагере! Князь даже забыл, что под стенами белой столицы атабеков стоит вовсе не армия короля Иерусалима или какого-нибудь другого христианского правителя; ведь те времена, когда турки, со всех сторон обложенные войсками Боэмунда Отрантского и Бальдуэна Эдесского, в страхе молились своему богу, со дня на день ожидая самого страшного — решительной атаки христиан, — давно канули в Лету. Там вдали раскинуло свой лагерь войско грозного противника Утремера, Салах ед-Дина Юсуфа.

«Как хорошо быть свободным, скакать на коне, слушать вечером у костра рассказы бывалых воинов», — подумал Ренольд. Теперь все это вновь становилось реальным, близким, как никогда раньше за все проведенные в узилище годы.

Он заставил себя оторваться от милого глазу, согревавшего сердце зрелища — свобода, долгожданная свобода обитала там, среди тысяч живых огней, вне зависимости от того, кто зажег их, кого согревало их пламя.

— Веди нас, Хасан, — приказал князь, отходя от бойницы.

VII

В конце января тысяча сто семьдесят пятого года от Рождества Христова дружина графа Триполи, усиленная небольшим отрядом из подвластной Раймунду Тивериады — столицы княжества Галилейского, вотчины

Эскивы де Бюр — и вспомогательные войска, набранные Ибелинами в Акре, Тире и других прибрежных городах Иерусалимского королевства, двинулись на помощь правителям Алеппо и к первому февраля достигли Хомса. Хотя сам город уже полтора месяца находился в руках солдат Салах ед-Дина, гарнизон цитадели, верный дому Зенги, продолжал держаться. Осажденные едва ли не с ликованием восприняли появление франков и, забыв на время о *джихаде против неверных* *псов*, стали, пользуясь присутствием железных шейхов, осуществлять частые и дерзкие вылазки, с воодушевлением уничтожая воинов ислама.

Подручники великого визиря оказались в довольно сложном, если не сказать опасном положении: им приходилось вести войну на два фронта. Если египтянам удавалось потеснить тот или иной отряд единоверцев, осмеливавшихся напасть на осаждающих из цитадели, в спину им немедленно ударяли франки. Если же воины Салах ед-Дина атаковали христиан, турки из крепости поддерживали кафи́ров, совершая смелую вылазку.

Несмотря на то что не слишком большое по египетским меркам, но очень хорошо организованное войско визиря состояло преимущественно из ветеранов, долго так продолжаться не могло. Командир отряда, которому Салах ед-Дин поручил осаду Хомса, отправил в лагерь у стен Алеппо гонцов с просьбой немедленно послать помощь. Великий визирь, убедившись уже, что ворот ему никто не откроет и что надеяться на легкую сдачу белой столицы атабеков не приходится — Салах ед-Дину очень бы не хотелось брать кровавым штурмом большой город, населенный единоверцами и управляемым его законным сюзереном, — получив известия о бедственном положении своих солдат в Хомсе, немедленно снял осаду и двинулся на юг со всей армией.

Сделал он это с тайным удовольствием: опасная близость собственного лагеря от осино́го гнезда фидаев в Носайрийских горах не могла не портить ему настроения. Тем более что в самом начале осады совсем рядом с шатром визиря была обнаружена и полностью перебита мамелюками стражи большая группа ассасинов. Правитель Египта прекрасно понимал, что, сколько бы шаек исмаилитов ни уничтожили его охранники, у Рашид ед-Дина Синана всегда найдется еще одна и что Старец Горы не успокоится, пока не добьется своего. А Салах ед-Дину по понятным причинам этого очень не хотелось.

В то же время встреча с основными силами египтян в планы Раймунда, естественно, не входила. Едва прослышав о приближении основной армии визиря, граф снялся с лагеря и, позволив солдатам напоследок разграбить окрестности так и не завоеванной знаменитым предком и тезкой Ла-Шамелли, ушел в Триполи, предоставив осажденных в цитадели союзников их собственной участи.

Он мог быть доволен собой, итог первой военной акции его регентства оказался в общем-то успешным. Хотя никаких территориальных приобретений королевство не сделало, оно, даже и не одержав хоть сколько-либо серьезной победы над язычниками, оказалось все же в выигрыше. В благодарность франкам за помощь губернатор Алеппо пообещал, что, как только Салах ед-Дин уберется восвояси, он освободит всех христианских узников, томившихся в донжонах столицы.

Подобное обстоятельство несомненно шло на пользу престижу новоиспеченного балыи. Однако смерть сенешаля Иерусалимского продолжала лежать на репутации Раймунда Триполийского черным пятном. Как совершенно правильно рассчитывали противники регента, строя коварные планы убийства Иерусалимского сенешаля, дама из Крака, Этьения де Мийи, открыто обвинила графа в смерти мужа, да и некоторые нобли Утремера сделали весьма недвусмысленные выводы. В общем, весьма многие теперь стали по-другому смотреть на факт возвышения самого могущественного из магнатов Заморской Франции.

Прокуратору следовало поскорее изыскать возможность отвести от себя косые взгляды. На ловца, как известно, бежит и зверь. Вскоре отыскались два свидетеля, видевшие в ту роковую ночь, как какой-то мужчина окликнул одинокого богато одетого рыцаря, дремавшего в седле прекрасного коня, который неспешно ступал по мостовой. События развивались стремительно: оба прохожих с ужасом увидели, как мужчина, окликнувший благородного сеньора, подошел к нему поближе, а затем... схватив за руку и резко рванув на себя, буквально нанизал сенешаля на кинжал. Совершив свое черное дело, убийца склонился над упавшей на землю жертвой и, убедившись, что несчастный мертв, быстро скрылся в темноте.

Один из свидетелей, одиннадцатилетний отрок по имени Барнаба, очень подробно описал приметы злодея, так что отыскать его оказалось несложно. Следы при-

вели в Триполи, более того, подозреваемым оказался один из людей самого Раймунда, Раурт Вестоносец, тот самый, которому граф поручил проводить до дому изрядно подгулявшего сенешаля. Раймунд, даже не пожелав выслушать предателя, велел бросить его в подвал, сам же, не мешкая, направил гонцов в Иерусалим к королю и патриарху и собрал Высшую курию графства, чтобы как можно быстрее провести предварительное следствие.

Больше дюжины лучших людей Заморского Ланге-дока собрались во дворе дворца Раймунда, чтобы выслушать подозреваемого и свидетелей. Одного из них, пизанца Плибано, счастливого соперника фламандца Жерара де Ридфора, тщетно претендовавшего на руку Люси де Ботрун, Раурт попросил быть своим защитником. Вестоносец упорно отрицал свою вину, хотя и признался, что к нему приезжал из Иерусалима человек, назвавшийся Робертом Санг-Шо, и сулил немалые деньги в обмен на некоторые услуги вполне определенного характера. Он не открыл имени лица, смерти которого желал, но, как теперь сделалось абсолютно понятно Раурту, намекал весьма прозрачно.

— Что значит, намекал? — спросил Раймунд, который, как и полагалось, взял на себя роль председателя суда.

Вестоносец, он один из всех присутствовавших находился не в седле, а стоял на земле перед богато и даже роскошно одетыми ноблями, ответил:

— Он сказал, что готов заплатить мне тысячу золотых, если я зарежу одного благородного человека.

— Благородных людей в королевстве немало, — возразил граф. — Он назвал вам имя? Дал *недвусмысленно* понять, о ком идет речь?

— Нет, государь, — покачал головой обвиняемый. — Я уже говорил, он выражался туманно. Сказал только, что есть лица, заинтересованные в смерти одного вельможи, близкого к особе самого короля Иерусалима. Теперь, когда случилась беда с сенешалем Милоном де Планси, я понял, кого он имел в виду.

Раймунд кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — А почему он вообще обратился с предложением убить кого-то именно к вам, шевалье?

Раурт метнул взгляд в Плибано, находившегося, как и полагалось одному из старших вассалов, по правую руку от графа. Пизанец свел брови, как бы желая

дать подзащитному понять: «Подбирай слова. Говори осторожнее», — и тот, едва заметно кивнув, произнес:

— Наверное, государь, он полагал, что, когда я узнаю, о ком идет речь, то захочу оказать услугу вашему сиятельству, поскольку все знали в то время, что вы с сиром Милоном де Планси не ладили. Он, как говорили, безосновательно, лишь из чванства и гордыни оспаривал ваши законные права на регентство. Вероятно, тот человек и посчитал, что смерть сенешаля Иерусалимского придется вам по нраву...

Он осекся, еще раз взглянув на оскалившегося Плибано, взгляд которого точно говорил: «Несчастный! Нашел, что сказать! Ничего глупее и изобрести нельзя!»

— Что вы несете, рыцарь?! — рассердился Раймунд. — Как мне, барону земли, может быть по нраву смерть своего собрата-крестоносца, товарища по священной борьбе с неверными?! Думайте, что говорите!

Нобли заволновались и зашумели, выражая возмущение словами Раурта, которого они вовсе не стремились защищать. Этот чужак был не по душе многим, к тому же они чувствовали настроение своего сюзерена, а ему явно хотелось побыстрее завершить расследование.

Следует отметить особенность данного собрания. Вассалы Раймунда, как, скажем, и князя Антиохии, зависели от воли своего господина в куда большей степени, чем бароны Иерусалимского монарха, имевшие право выбирать короля. В Триполи власть правителя передавалась по наследству, граф являлся не первым среди равных (*primus inter pares*), как его верховный сюзерен, восседавший на троне Святого города, а просто первым. В общем, хотя все собравшиеся были, как водилось в те времена, строптивым и своевольным народцем, они прекрасно отдавали себе отчет в том, кто здесь хозяин. Сюзерен между тем уже заранее решил, какой приговор курия вынесет обвиняемому.

Голеран де Майонн, сенешаль и помощник председателя суда, находившийся по другую сторону от графа, обменявшись с ним короткими взглядами, призвал рыцарей к порядку. Когда шум улегся, Раймунд спросил:

— Почему же вы сразу не сообщили мне о... м-м-м... о предложении, которое вам сделали? Мы могли бы схватить этого вашего Роберта Санг-Шо и допросить его с пристрастием. Таким образом нам возможно удалось бы спасти жизнь сиру Милону де Планси.

— Но... но я же тогда не знал, что речь идет о нем... — неуверенно проговорил Вестоносец.

— Вот как? — переспросил граф. — А о ком, вы думали, идет речь? Может быть, обо мне?

— Что вы, государь?! — с искренним испугом воскликнул Раурт. — Я не стал задумываться... Я простой рыцарь, а не придворный...

Раймунд покачал головой:

— Простой рыцарь? Вот как? А что вы скажете о некоем Жюле, который жил в Триполи в прежние времена и даже некоторое время служил вам в качестве оруженосца? Как нам стало ведомо, человек этот ныне перебежал к язычникам и обретается при дворе Саладина, короля Вавилона. Говорят, будто этот Жюль в большой чести у язычников? Будто бы он предал христианство, обратился в ислам и принял имя «Улу»?

При этих словах Раурт явно смутился. Правда, близкие отношения, в прошлом связывавшие его с человеком, теперь переметнувшимся к неверным, сами по себе не являлись преступлением, но все равно, образно выражаясь, знамя обвиняемого в глазах суда поникло еще сильнее.

Раймунд продолжал:

— Кроме того, вас и вышеупомянутого Жюля связывала не обычная дружба. Не так ли?

— Что вы имеете в виду, государь? — куда более взволнованно, чем можно было бы ожидать, спросил Раурт. Он устремил выразительный взгляд в Плибано, но тот отвернулся, всем своим видом давая понять: «Тут ты, дружок, сам виноват. Что я-то могу поделаться?» — Жюль — сын благородных родителей; мы были приятелями, выпивали иногда... Играли в шахматы или в кости, любили побеседовать о том о сем. Я не вижу тут ничего плохого...

Посмотрев на графа, рыцарь осекся, понял — Раймунд знает. Вопрос в том, все ли ему известно?

— В шахматы и в кости? — переспросил граф и, после того как обвиняемый кивнул, продолжал: — Не стоит усугублять свое положение ложью, шевалье. Может, мне приказать позвать сюда Бартоломей, бывшего слугу вашего *приятеля* Жюля? Старый раб удалился в монастырь, но, на ваше несчастье, еще жив. Его специально доставили сюда. Однако я предлагаю вам избежать ненужного позора и самому поведать нашему собранию о... м-м-м... о тонкостях ваших... э-э-э... взаимоотношений с перебежчиком Улу. Мы ждем.

На какое-то время во дворе воцарилась почти ничем не нарушаемая напряженная тишина. Лишь кони, точно осознавая всю важность момента, насколько возможно тихо всхрапывали и, переминаясь с ноги на ногу, прядали ушами. И обвиняемый и судьи молчали; паузу нарушил Плибано, разодетый, как и все прочие присяжные, в шелк и бархат, невысокий, дородный сорокалетний мужчина с тронутой серебром густой лопатообразной бородой. О благосостоянии сего знатного мужа, а значит, и о его месте в обществе лучше всего говорили золотые — в толщину доброго швартового каната — цепи, надетые поверх одежды; огромные, но весьма искусно сработанные перстни на толстых коротких пальцах и шикарный пояс с рубинами и смарагдами, заполучить которые в свою сокровищницу не отказался бы любой монарх Европы.

— Простите меня, государь, — начал пизанец, выезжая вперед и разворачивая коня так, чтобы оказаться лицом к членам жюри. — Поскольку рыцарь, обвиняемый в столь серьезных преступлениях, попросил меня взять на себя его защиту, я должен привлечь драгоценное внимание вашего сиятельства и наших коллег к тому обстоятельству, что шевалье Раурт из Тарса в настоящее время имеет семью — жену и сына.

— Мессир, — произнес Раймунд. — Никто не мешает обвиняемому *иметь* семью. Мы ведь спрашиваем его не о взаимоотношениях с женой, а кое о чем другом. Одним словом... — Он обратился к Вестоносцу: — Шевалье Раурт, мы ждем вашего ответа. Признаетесь ли вы в том, что неоднократно вступали с упомянутым здесь Жюлем в противоестественные сношения, совершая грех содомии? В том, что подобного рода отношения между вами имели место на протяжении многих лет?

— Да, государь, — еле слышно проговорил Вестоносец. Он молил Бога, чтобы осведомленность графа имела предел. — Я признаю это, но...

Раймунд сделал подсудимому знак замолчать, однако тут слова вновь попросил пизанец.

— Ваше сиятельство, — сказал он. — Прошу простить меня, но мы здесь занимаемся установлением степени причастности шевалье Раурта из Тарса, известного нам более под именем Раурта Вестоносца, к гибели сира Милона де Планси, сенешаля Иерусалима, а вовсе не выяснением природы взаимоотношений обвиняемого с неким Жюлем. Спрашивать за подобные грехи — обязанность слуг Божьих. К тому же, насколько мне

известно, упомянутое лицо покинуло Триполи не сегодня и даже не вчера, а много лет назад, и его контакты с обвиняемым прекратились. Ответьте собранию, шевалье Раурт, верно ли я говорю?

Вестonosец кивнул:

— Точно так, мессир. Более семи, точнее, уже почти восемь лет я не получал никаких известий об этом человеке. И даже не знал, что он обратился в мусульманство. Признаюсь, подобное известие потрясло меня до глубины души. К бременю, отягощающему мою душу, ныне добавился и груз сознания того, что я был связан отношениями с изменником. Что ж, теперь мне не остается более ничего, как удвоить мои молитвы Господу, дабы получить прощение за грехи, совершенные мной в прошлом.

— Вот видите, государь?! — тотчас же подхватил защитник. — То — дела давно минувшие. Уверен, все мы осуждаем шевалье Раурта, но теперь поздно уже вменять ему в вину отношения с тем человеком, поелику отношений тех давно не существует, между тем даровать или нет прощение грешнику — дело суда Божьего, а не человеческого. Вместе с тем, коль скоро уж мы заговорили о свидетелях, почему бы суду не заслушать еще раз того отрока и его товарища, которые видели... *будто бы видели*, как шевалье Раурт из Тарса нанес смертельный удар кинжалом сенешалю Милону де Планси. Мне представляются спорными некоторые факты, приведенные в их рассказах...

— Нет нужды, мессир, — перебил пизанца Раймунд. Графа раздражала настырность защитника — вот еще борец за справедливость выискался?! — и его резкий итальянский акцент. Даже то, как Плибано держался в седле, злило сюзерена; нобли-торгаши с Севера Италии — не то, что франки: известное дело, у купцов не в обычае проводить суды под открытым небом, сидя верхом на норовистых жеребцах. — Показания очевидцев записаны моим канцлером, досточтимым отцом Маттеусом, являющимся также секретарем этого собрания. Всем и без того все ясно. Если вас что-либо смущает, вы можете прочитать записи, — он чуть не добавил: «Если вы, конечно, умеете читать», — но я не вижу необходимости затягивать разбирательство. Лично у меня ничто сомнений не вызывает.

Вместе с тем Плибано вовсе не собирался сдаваться легко. Он не преминул напомнить графу, что тот, обнаруживая свое мнение раньше начала голосования, на-

рушает процедуру. Мысленно Раймунд не в первый уже раз пожалел о том, что, соблазнившись безантами пизанца, можно сказать, продал ему Ботрун. Эх, если бы не долги! Но что сделано, то сделано. Не обнаруживая истинных причин своего раздражения, граф между тем счел излишним скрывать свое настроение и даже выразил неудовольствие поведением ретивого защитника. Но и только. В общем-то граф ничего не мог сделать с Плибано, тем более что некоторые из присяжных выражали сочувствие товарищу. Вассалам в общем-то не было никакого дела до Раурта, но... завтра на месте обвиняемого мог оказаться любой из них, а потому не следовало слишком потакать сюзерену, оставлять без внимания его своеволие: не дашь отпора, он, чего доброго, во вкус войдет, потом и сладу никакого не будет.

— Хорошо.— Раймунд, казалось, пошел на попятный.— Вы, господа, как я посмотрю, подозреваете меня в желании повлиять на ваше решение. Что ж, я намерен продемонстрировать всем, что это не так. У меня, как у председателя Курии, имеется одно доказательство бесспорности вины подозреваемого. Доказательство, полностью изобличающее егс...

Члены жюри заволновались. Раурт с тревогой и беспокойством посмотрел на Плибано, но тот лишь искоса, сверху вниз, взглянул на подзащитного, как бы желая сказать: «Извини, дружок, я — не Господь Бог, не знаю, какую пакость тебе приготовил его сиятельство. И так уж стараюсь выгородить тебя, как могу! Вяпался ты крепко!» Тем временем граф, дав вассалам немного пошуметь, жестом призвал их к порядку, а затем продолжил:

— Доказательство, подтверждающее бесспорность вины шевалье Раурта из Тарса в гибели сенешаля Милона де Планси. Однако я намеренно утаил его от вас, дабы вы могли рассматривать дело так, как будто доказательства этого и вовсе не существовало. Прошу вас простить меня за то, что я поступил подобным образом, но я только хотел предоставить вам возможность быть совершенно беспристрастными.— Он подал знак канцлеру Маттеусу: — Будьте добры, святой отец, покажите сеньорам находку.

Все с изумлением уставились на вещицу, которую извлек из небольшого ларца духовник графа. Вниманию собравшихся предлагался небольшой, но весьма дорогой кошелек, явно принадлежавший богатому человеку — процветающему купцу или знатному сеньору.

— Что это? — воскликнул сеньор Мараклеи.

— Что сие означает? — подхватил сосед Плибано, барон Джебаила.

— Внимание, господа, — громко произнес Раймунд. — Я прошу тишины. Перед вами кошель покойного сенешаля Иерусалима Милона де Планси. Эту вещь обнаружил и принес мне присутствующий здесь отец Маттеус, мой капеллан...

— Но откуда она взялась, сир? — спросил Плибано. — Ведь вы говорили нам, что денег при покойном не нашли, не так ли?

— Очень своевременный вопрос, уважаемый сеньор Ботруна, — не без желчи похвалил пизанца граф. — Когда произошло это ужасное несчастье, мы, я и известные вам Бальдуэн Ибелинский, сеньор Рамлы, и его брат, Балиан, даже подумали поначалу, что сенешаль стал жертвой дерзкого грабителя. Однако шевалье Раурт сам помог нашему следствию выйти на правильный путь, сказав, что некто предлагал ему большую сумму за жизнь достопочтенного сенешаля Милона. А эта вещь, обнаруженная в тайнике в доме, где и проживет шевалье Раурт, развеяла последние наши сомнения.

— Убийца... — проговорил Юго Джебаилский, еще совсем недавно колебавшийся и явно склонявшийся принять при голосовании сторону обвиняемого. — Какой ужас... Он запятнал себя куда большим позором, чем просто убийство. За такое и повесить мало! Смерть ему...

— Смерть! Смерть! — раздалось сразу несколько гневных возгласов. — Смерть!

— Это не мое... — еле слышно пролепетал Вестносец и затравленно посмотрел на защитника. — Я не убивал...

Однако Плибано и сам был ошарашен не меньше его. Он отвернулся от обреченного и подумал вдруг, что недооценил того, кто стоял за всей этой инсценировкой. Следовало поговорить с графом раньше, он явно впадал в ошибку, спеша поскорее покончить с обвиняемым. Раймунд считал, что в его интересах как можно быстрее найти и предать казни виновника смерти Иерусалимского сенешаля, надеясь, как видно, таким образом обелить себя в глазах нобилитета королевства. Пизанец, напротив, не сомневался — смерть Раурта не принесет пользы Раймунду. Но кто же правил бал?

Плибано вдруг пришло в голову, что они имеют дело с проделками... тамплиеров. Такие, как Жерар де Ридфор, не забывают обид, такие готовы мстить любой

ценой. А если это его люди убили Милона де Планси?! Допустим, но что можно сделать? Ничего. Теперь уже поздно, собрание вассалов графства фактически вынесло Вестноосу приговор. Рыцарь обречен. Личность и судьба подзащитного весьма мало интересовали сеньора Ботруна, однако пизанцу были далеко не безразличны последствия игры, затеянной товарищем великого магистра Храма. Плибано прекрасно понимал, что Жерару ничего не стоило избрать счастливого супруга Люси де Ботрун еще одной мишенью для стрел своей мести. Любимчик Одо де Сент-Амана мог многое себе позволить, особенно когда речь шла о людях, взявших сторону Госпиталя — тот, кто взял бы на себя смелость утверждать, что магистр Храма ненавидел иоаннитов больше, чем сарацин, ни в коей мере не погрешил бы против истины.

И что до того, что Плибано, в сущности, ничьей стороны не брал? Откупив у графа невесту Жерара вместе с городом, пизанец, как полагалось купцу, старался извлечь как можно больше выгод из своего приобретения, но расстановка сил в Утремере невольно делала верного вассала Раймунда другом госпитальеров и неприятелем храмовников. Тут бы в самый раз держаться в стороне, да вот незадача: обвиняемый выбрал пизанца своим защитником. И не откажешься; закон суров — в два счета фьеф отберут, а самого лишат права искать суда на территории графства, считай, объявят вне закона, тут даже король не поможет. В общем, выхода у Плибано не оставалось. Он рассуждал довольно логично: если смерть его подзащитного была выгодна тамплиерам, значит, следовало во что бы то ни стало сорвать их планы, спасти от казни Раурта.

Тем временем Раймунду и сенешалю Голерану де Майонну почти уже удалось унять членов суда, сколь дружно, столь же и бурно выражавших свое искреннее негодование. Пизанец подъехал к графу:

— Государь...

— Что вам, мессир? — вежливо осведомился Раймунд. — Мы приступаем к голосованию, хотя, по-моему и так все понятно. Но формальность есть формальность, не так ли?

— Ваше сиятельство, — прикладывая ладонь к груди, проговорил Плибано со всей почтительностью, на которую только был способен. — Я хотел бы напомнить и о другой формальности. О праве обвиняемого требовать Божьего суда.

Раурт во все глаза уставился на защитника. *Iudicium Dei* — Божий суд? Ордалия — установление истины перед Господом — поединок, испытание огнем, водой или железом?²³

Как и всякий человек своего времени, Раурт верил в Бога, по крайней мере признавал существование высшей силы, некоего всевидящего ока, перед которым не скроешь правды, как ни старайся. Он знал, что невиновен в смерти Иерусалимского сенешаля, но... он также слышал кое-что о результатах таких испытаний. Считалось, что вездесущий Господь защитит праведника, и тот не утонет, погружаемый в воду, не сгорит, проходя между двумя разведенными рядом кострами.

Праведника... Вот это-то и смущало. Одно дело считать себя правым, а другое — праведником. Так ли уж чиста его совесть? Пусть не запятнана она кровью Милона де Планси, но... кто в былые времена ездил гонцом к Нур ед-Дину, привозил ему важные сведения о делах, творившихся при дворах христианских властителей Уремера? Кто участвовал в заговоре, составленном с целью открыть язычникам ворота Антиохии? Кто помог предать в руки нехристей одного за другим двух ее князей? И хотя случилось все это давно, двадцать пять, двадцать, пятнадцать, семь лет назад, разве всемогущий и всевидящий Господь мог забыть такое? Больше того, разве он, Раурт-Рубен не имеет отношение к смерти христианского государя, короля Бальдуэна Третьего? Так станет ли Господь щадить такого человека? Не будет ли Божий суд страшнее суда человеческого?

Вестносец во все глаза уставился на защитника, и понял — выхода нет.

— Мессирь! Я невиновен в преступлении, в котором ныне обвиняют меня! — воскликнул он, когда нобли умолкли. — Требую суда перед Господом!

Раймунд знал, что не может отказать в подобной просьбе, да он и не собирался делать этого.

— Хочешь? Значит, получишь! — проговорил он еле слышно и, выехав вперед, обратился к своим васалам: — Наш долг, господа, уважать права обвиняемого. Да будет так!

— Да будет так! — дружно воскликнули бароны.

— Рыцарь Раурт из Тарса, — продолжал Раймунд. — Высшая Курия графства Триполийского уважает ваше право и перед лицом Всевышнего назначает вам испытание... железом. Если оно не причинит вам вреда, все обвинения против вас будут сняты, и вы покинете суд

человеком, честное имя которого будет восстановлено. Если же Господь, явив нам неоспоримые свидетельства вашей вины, покроет вашу кожу язвами и тем уличит вас в совершении преступления, вы будете преданы позорной казни через повешение. Испытание состоится сегодня в предзакатный час.

Он собирался уже подвести итог заседанию, но, повернувшись в сторону защитника, увидел, что тот хочет попросить слова.

— Вы хотите сказать что-то еще, мессир?

— Государь,— льстиво улыбаясь, проговорил вельможа.— Позвольте мне молвить лишь одно слово.

— Позволяю.

— Приговоренному к испытанию перед Господом требуется время, чтобы помолиться и покаяться в грехах, очиститься от них, дабы они не застилали око Его, и мог Он судить только о том, виновен или невиновен этот человек в совершении *данного* конкретного преступления.

Тут бы Раймунду и сказать: «Вы что, мессир, сомневаетесь в остроте зрения Господа Бога, его способности отделять зерна от плевел?» — или напомнить защитнику о том, что, например, у древних греков богиня правосудия носила на глазах повязку, как раз для того, чтобы ничего не видеть, а только слышать, поскольку, как казалось все тем же грекам, это как нельзя лучше способствовало вынесению справедливых приговоров.

Впрочем, вероятно, граф, человек для своего времени весьма образованный, всерьез сомневался, что сеньору Ботруна известно, кто такая Фемида, или же бальи Иерусалимского королевства не пожелал в очередной раз спорить с вассалами. Так или иначе он согласился.

— Суд состоится через три дня,— произнес Раймунд.— В течение этого времени обвиняемому будет предоставлена возможность помолиться, а также покаяться в грехах и получить наставления священника. С этим все. Позвольте, досточтимые сеньоры, поблагодарить вас за ваши труды и разрешите считать наше собрание закрытым.

Так Раурт получил отсрочку, а его защитник шанс хоть что-нибудь выяснить. Перво-наперво он решил заново допросить свидетелей, однако оба они оказались более неспособными давать показания. Взрослый очевидец гибели сенешаля Иерусалимского был обнаружен

мертвым около дворцовой конюшни с куском хлеба, застрявшим в горле. Бедняга слишком поздно вспомнил о необходимости закусывать, и несусветное количество вина, выпитого накануне, сделало его неспособным прожевать сухую хлебную корку.

Что же до Барнабы, то он попросту исчез, словно бы его и не было.

На вопрос Плибано, не кажется ли ему все это по меньшей мере странным, Раймунд пожал плечами и дал понять, что, во-первых, не собирается отменять приговора Курии, во-вторых, не желает больше обсуждать данное дело.

Впрочем, иного ответа пизанец и не ждал.

VIII

В конце февраля, когда в Иерусалим пришла весть о том, что схвачен виновник смерти Милона де Планси, архиепископ Кесарии находился в столице, где в последнее время бывал чаще, нежели в своей епархии.

Несмотря на то что патриарх Аморик планировал послать на суд в Триполи в качестве представителя клира Церкви Гроба Господня канцлера двора и архидьякона Тирского Гвильома — тот как раз находился в Тире, а Тир, как известно, куда ближе к столице графства, чем Иерусалим, — Ираклий настоял на том, чтобы отправили его. Престарелый первосвященник королевства довольно быстро сдался под напором молодого и энергичного Кесарийского святителя. Король, послушавшись совета матери, также не стал возражать.

Перед отъездом Ираклий, разумеется, не мог не заглянуть в гости к даме своего сердца. В последнее время Графиня, получившая разрешение бывать при дворе, также все чаще жила в столице. Она убедила Высшую курию в том, что в преддверии замужества принцессе необходимо привыкнуть к светской жизни, и добилась, чтобы Сибилле позволили покинуть святую обитель на Елеонской горе и поселиться в Иерусалиме.

Нельзя сказать, чтобы девушке слишком уж нравились подобные перемены, она и желала их и страшилась будущего, жизнь в монастыре под неусыпным оком аббатисы, двоюродной бабки Иветты, нравилась Сибилле, но сестра тяжело больного короля не могла, конечно, и мечтать о духовной карьере. Девушке предстояло выйти замуж, получить вместе с супругом в удел Яффу

и Аскалон, родить мальчика или даже нескольких мальчиков и дожидаться, когда старший из них войдет в возраст, чтобы снять тяжкое, непосильное бремя власти с плеч несчастного Бальдуэна ле Мезля.

Конечно, существовала и другая наследница, способная в будущем произвести потомство, сводная сестра Сибиллы, принцесса Изабелла. Однако ей было лишь три года, Сибилле же скоро исполнялось пятнадцать, иные замужние дамы в ее годы рожали уже второго ребенка.

Принцесса знала, что как раз в рождении детей и состоит ее предназначение, ее долг, однако при всем этом имела весьма смутное понятие о том, как его исполнять. Так уж вышло, что монахини, и в том числе сама принцесса-аббатиса Иветта, старшие сестры которой — например, бабка Сибиллы, Мелисанда, или мать прокуратора королевства, графиня Одьерн, — куда лучше разбирались в данном предмете, допустили серьезный пробел в воспитании питомицы. Вероятно, сестры худо разбирались в таких вопросах или же *просто забыли* познакомить будущую королеву Утремера с азами теории взаимоотношения полов. Хуже того, теперь, когда родная мать старалась вызвать дочь на откровенный разговор о предстоящем супружестве, Сибилла неизменно опускала глаза долу, краснела и в огромном внутреннем напряжении ждала, когда же родительница оставит скользкую тему.

Девушка явно предпочитала тратить время на молитвы и проводить досуг в обществе прислуживавшей ей немой монахини; ее весьма смущали непристойные намеки матери относительно мужских достоинств тех или иных ноблей королевства. «Откуда вы это знаете?» — не выдержала как-то принцесса. «Доченька, — без тени смущения ответила Агнесса, улыбаясь. — Я ведь четырежды была замужем. Научилась кое в чем разбираться».

Графиня нюхом опытной женщины и искушенной любовницы чувствовала, что в глубине души дочь вовсе не такая уж святоша, она просто не видела иного пути. Матушка Иветта, как и следовало ожидать, научила воспитанницу считать все плотское стыдным, греховным, недостойным. Агнесса же, человек из плоти и крови, ставила данный непоколебимый постулат под сомнение, более того, смеялась над ним. При этом она являлась матерью Сибиллы, женщиной, о встречах с которой девушка всегда мечтала.

Что-то ужасно плотское, греховное и в то же время притягательное наполняло и даже переполняло эту почти незнакомую и в то же время родную и близкую женщину. Оно, это нечто непонятное и неизведанное, казалось, лучилось от нее, обволакивало, заставляло трепетать. Слушая весьма откровенные высказывания матери, принцесса сгорала от стыда, но в то же время она ни за что не захотела бы теперь вернуться в монастырь и лишиться общества дамы Агнессы, променять его на столь любимые прежде беседы о высоком с аббатисой Вифании.

— Просто поверить не могу! Неужели они ни словом ни полсловом не обмолвились о том, что тебе предстоит делать в первую брачную ночь? — спросила Графиня. — Хотя кому говорить? Аббатиса Иветта замаливает грехи сестер — уж королева Мелисанда и графиня Одьерн нашли бы, что порассказать. Я хоть точно знаю, что родила тебя и твоего брата от законного мужа, а вот кто настоящий отец сира Раймунда — большая тайна... — Вздохнув, она продолжала: — С этой твоей Марии и вовсе спроса нет — немая, как моя Марфа... Впрочем, не могу не согласиться, иметь немых слуг весьма мудро.

— Она не служанка, мадам... простите, матушка, — уточнила Сибилла, радуясь возможности не отвечать на скользкий вопрос. Она подняла голову, но старалась при этом не встречаться взглядом с родительницей. — Она — монахиня, такая же, как и другие. Просто святая мать Иветта приставила ее ко мне и велела прислуживать.

— Если так, то она — служанка, хотя и носит рясу. И давно она у тебя?

— Уже лет семь, мад... матушка. С тех пор, как умерла сестра Сабина, которая ходила за мной, когда меня только отдали в святую обитель. Наверное, раньше она жила в каком-нибудь другом монастыре, потому что тогда, когда умерла сестра Сабина, сестра Мария была у нас новенькой.

— Она всегда молчала?

— Да, — девушка кивнула, — всегда.

— Это ценное качество, — проговорила Агнесса, которую уже утомил отчет дочери. — Но забудем о ней, тем более что у меня для тебя есть новости.

— Какие, мадам... то есть матушка? — вздрогнула Сибилла. Она, похоже, принадлежала к людям, разделяющим мнение, что чем меньше новостей, тем жить спокойнее.

Спокойствие, тяга к спокойствию, вот что, скорее всего, и вызывало особенно сильное неприятие со стороны Графини. Стремление к спокойствию у пятнадцатилетней девочки? Не слишком ли?

— Важные и пока секретные, моя милая, — сверкнув яркими карими глазами, призналась Агнесса, понижая голос. — Поклянись, что все услышанное останется между нами.

— Клянусь, мад... матушка.

— Граф-регент Раймунд и эти выскочки братья Ибелины еще только послали гонца в Париж, а я уже кое-что провела, — не спеша открывать все карты сразу, продолжала Графиня. — Наши родичи в большой чести при дворе короля Луи. Куртенэ почитаемы повсюду во Франции. У нас везде связи. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что знаю, кого тебе прочат в супруги.

— Уже? — испугалась Сибилла.

— Уже? — с наигранным удивлением переспросила Графиня. — Я-то думала тебя интересует, кто он? Ведь твое замужество — вопрос времени. Я потому и удивляюсь, что они тебе ничего не объяснили. Даже опытный мужчина может растеряться, оставшись с девушкой, которая дрожит от страха перед неизведанным. Признаюсь тебе, я сама страшно боялась первой брачной ночи, хотя моя-то мать имела возможность воспитывать меня и я знала, что должна делать. Я представляю, каково тебе, бедняжка!

— Я думала, мужчины сами знают, что делать, — не выдержала Сибилла. — Святая мать Иветта сказала, что я должна лечь на постель и... и позволить мужу взять себя. Ибо это нужно для продолжения рода.

Агнесса едва сдержалась, чтобы не рассмеяться, но в следующее мгновение на нее нахлынула волна досады и раздражения, обиды за то, что ее лишили всего: не только возможности разделить королевский престол с законным мужем, а даже таких обычных для всех женщин вещей, как радость матери, наблюдающей, как день ото дня растет ее дитя.

Графиня встала и, подойдя, обняла дочь и, глядя ее, повторяла:

— Милая, милая моя девочка...

Сибилла прижалась к матери, точно перепуганный зверек.

— Моя маленькая девочка... Ну подождите у меня, господа бароны земли!

Злобная гримаса на мгновение исказила лицо Агнессы. Вернувшись в свое кресло, она продолжала:

— По счастью, рыцарь, которого тебе прочат в мужа, взрослый человек, а что если тебе пришлось бы сочетаться узами брака с таким же юнцом, как твой несчастный брат?

— Вы правда знаете, кто... кого...— начала Сибилла и вдруг спросила с какой-то совершенно детской надеждой: — Матушка, а может, мне вовсе и не обязательно выходить замуж? Почему бы мне не стать монахиней? Ведь святая мать Иветта тоже родилась принцессой, как и я? На троне теперь мой брат... Я неустанно молю Господа, чтобы Он продлил его царствование, ниспослал ему сил и одоления на болезнь... И потом, есть же еще моя сводная сестра, Изабелла. Может, лучше, чтобы *она* вышла замуж?

Если бы такое сказала не ее дочь, а какая-нибудь другая особа, Агнессе, наверное, стоило бы больших сил сдержаться и не броситься на нее, чтобы выпарапать глаза. Изабелла?! Изабелла?! Дочь Марии?! Мария Комнин! Проклятая византийка! Вот кого надлежало засунуть в монастырь, причем пожизненно. Нет, обеих! И саму королеву-вдову Марию, и ее отпрыска, ненавистную Изабеллу!

— Нет, душа моя,— возразила Графиня, ни словом, ни жестом не обнаружив клокотавших в ее душе страстей. Разве что «душа моя», обращение более привычное в устах архиепископа Кесарии, выдавало ее. Девушка, конечно же, ничего не заметила, и мать продолжала: — Иветта была младшей из четырех сестер, ты же — старшая. Тебе, твоему мужу и сыну предстоит править в Святом Граде Господнем. Запомни это. И еще знай, я и сама непрестанно молюсь Богу за моего сына, нашего короля. Однако никто еще со времен, когда сам Христос ходил по этой земле, не слышал, чтобы случилось чудо и прокаженный исцелился... Ах, если бы я могла быть рядом! Если бы мне позволили растить вас самой. Уверена, несчастья бы не случилось. Что мог этот свято... что мог мужчина, хотя бы он и был уважаемым священнослужителем? Разве архидьякон Гвильом мог дать нашему Бальдуэну то, что могла дать я?

— О чем вы, матушка?

— Не хотела этого говорить,— доверительным тоном призналась Графиня.— Но мне было видение, я слышала голос ангела, который сказал, что если бы

пэры Утремера не разлучили меня с вашим отцом и с вами, то беда миновала бы твоего брата. Все они, и коннетабль Онфруа Торонский, и Ибелины, и особенно Раймунд Триполийский всегда желали зла нам, благородному французскому роду Куртенэ. Они и теперь всё не насытятся злобой, нарочно мешают мне собрать денег, чтобы выволить из сарацинского плена твоего дядю, графа Жослена.

— Ой, матушка! — воскликнула Сибилла и радостно улыбнулась. — Я же привезла денег. Святая мать Иветта просила передать вам пять тысяч безантов на богоугодное дело. Она желает, чтобы ваш брат скорее обрел свободу.

Агнесса выразила бурную благодарность, однако монастырский дар не добавил ей ни капли любви к аббатисе обители в Вифании. Нельзя сказать, чтобы Графиня питала неприязнь к принцессе-монахине, скорее наоборот. Более того, она даже испытывала некую благодарность к старшей сестре матери Иветты, покойной королеве Мелисанде, так как знала, что та едва ли позволила бы баронам земли развести с женой младшего сына. Собственно говоря, если бы не Мелисанда, вдова барона Ренольда де Мараша, Агнесса де Куртенэ, никогда не стала бы супругой брата «идеального» короля; тогда не только многие бароны, но даже и патриарх весьма резко высказывались против их союза.

Между тем девушка даже и не заподозрила, какие чувства охватывали мать. Вскоре беседа сама собой вернулась на круги своя, то есть к обсуждению перспектив замужества Сибиллы.

— Так тебе не интересно узнать имя того рыцаря? — спросила Графиня.

— Кто он, матушка? — Любопытство, конечно же, брало верх. Видя это, Агнесса решила не томить принцессу:

— Сир Гвильом, маркиз Монферратский.

— Но он же такой старый! — с ужасом воскликнула девушка.

— Нет, он *не* старый, — покачала головой Агнесса, наблюдая за тем, как менялось выражение лица дочери. — Ты, верно, подумала о батюшке сира Гвильома, тот-то и в самом деле не молод. Как-никак у него трое взрослых сыновей. Кроме старшего, которого на итальянский манер зовут Гвильгельмо, есть еще Райньеро и Конрад. Они близкие родичи короля Луи и германского императора Фредерика Рыжебородого. Уж кто-кто, а

столь родовитый вельможа не позволит графу-регенту и выскочкам Ибелинам помыкать собою.

Заметив, что девушка хочет что-то сказать, Графиня умолкла.

— А нельзя ли мне за младшего? — спросила Сибилла. — Уж если никак нет у меня иной возможности, если удел мой, хочу или не хочу того, идти под венец, так, может, хоть не со стариком?..

Агнесса заулыбалась, ей очень понравился ответ дочери — нет, не убили в ней монахини страсть, запрятали, замуровали далеко-далеко в какой-то тайной пещере на самой окраине души, но и только.

— Ну что ты, милая? В мужчине главное не молодость, поверь мне, куда дороже другое. А все говорят, что сеньор Гвильгельмо не только галантный кавалер, знатный барон, но и добрый воин, раз уже заслужил *такое* прозвище...

Принцесса чувствовала в словах матери какой-то подтекст и никак не могла понять, зачем она так превозносит рыцарские качества вероятного жениха, ведь еще ничего не было решено. Посольство пэров Утремера может и отклонить кандидатуру, предложенную королем Людовиком. Тем более, несмотря на свой юный возраст и неискренности в мирских делах, девушка уже начала замечать — едва ли не все, что подходило Куртенэ, отвергалось графом Триполи и большинством баронов земли и, наоборот, что устраивало последних, встречало острое неприятие со стороны матери и ее немногочисленных сторонников.

— Какое прозвище, матушка? — спросила принцесса.

— Длинный Меч, — с какой-то странной интонацией проговорила Агнесса. — Такие клички даются за отвагу и удаль на поле брани. Правда, для женщины важно и кое-что еще — как у храбреца обстоит дело с отвагой и удалью на другом поле. Ты, надеюсь, понимаешь, на каком? — Графиня продолжала, обращая внимание на то, что дочь залилась краской: — Мне говорили, что прозвище свое маркиз Монферратский получил вовсе не потому, что перед ним трепещут враги...

— Как же так? — удивилась принцесса. — Разве Длинный Меч не есть напоминание ненавистникам рыцаря, что, куда бы ни спрятались они, его клинок везде отыщет их?

Графиня кивнула:

— Конечно. Только вот ведомо ли тебе, что слова «меч» и «клинок» имеют и иное значение? Настоящий рыцарь гордится не только тем мечом, который висит в ножнах у него на поясе. Опытный воин, как ты, конечно, слышала, никогда зря не хватается за свое оружие, а уж если и обнажает его, то жестоко рубится с врагами и не останавливается, пока не одержит победу. И уж если славный маркиз заслужил такое прозвище, пришпоривая итальянских кобылиц в их альковах, то ты скоро забудешь о годах, которые разделяют вас.

Детское личико принцессы сделалось пунцовым, она начала было кусать ногти, но, тут же вспомнив, что это страшно неприлично, отдернула руку ото рта и принялась мысленно просить Деву Марию избавить ее от греховных мыслей. Однако вместо лица Богоматери Сибилле виделись какие-то непонятные вещи — обычные клинки рыцарских мечей, проплывая перед ее мысленным взором, превращались в нечто ужасное. Принцессе захотелось вдруг без оглядки бежать из спальни матери, но скромность вкупе с привычкой почитать старших не позволяли ей сделать этого.

— И кроме того, — добавила Агнесса, — я слышала от повивальных бабок, что чем тверже и длиннее клинок у рыцаря, чем неутомимей он в постели, тем сильнее и крепче здоровьем будет его потомство. Уж эти-то старухи понимают толк в подобных делах, поскольку пользуют многих женщин, и те бывают с ними весьма откровенны.

Более всего на свете Сибилла мечтала сейчас провалиться сквозь землю. Между тем упоминание о здоровом потомстве — мечте каждой женщины, — не могло не сыграть своей роли. Ужас перед предстоящим замужеством немного отступил, что, конечно, далеко не означало окончательной моральной победы Агнессы над монахинями Вифании, однако первые шаги были сделаны и первое зерно пустило ростки.

Тут наконец Пресвятая Дева услышала молитву мятущейся души. Уединенной беседе наступал конец, дворецкий Жан, попросив разрешения войти, доложил о прибытии важного гостя — архиепископа Кесарии; теперь девушка, к своему большому облегчению, могла покинуть покои Графини.

Однако та повела себя неожиданно, когда Сибилла уже поднялась, чтобы уйти, мать вдруг зашептала:

— Не убегай, мне еще хотелось бы поговорить с тобой. Я постараюсь поскорее выпроводить его святейшество.

Однако если уж Агнесса и правда желала поскорее закончить беседу с гостем, то поступила она более чем странно. Вместо того, чтобы дать дочери уйти, или, наоборот, попросить ее остаться за столиком, Графиня, схватив Сибиллу за предплечье, повлекла ее в другой конец комнаты и велела спрятаться за шторой, свисавшей с балдахина кровати.

— Побудь тут, милая, я постараюсь управиться быстро, — бросила Агнесса и прежде, чем девушка успела открыть рот, возвратилась к столику, чтобы встретить Ираклия. После бурных приветствий кесарийский священник, утолив жажду кубком любимого кипрского вина, заедать его миндалем не стал, решив отведать иного угощения. Он привлек к себе хозяйку, но та отстранилась, всем своим видом давая понять ему, что они не одни. Тем не менее, зная, что Сибилла не может их видеть, Графиня присела к Ираклию на колени и прошептала ему на ухо:

— Какие у нас новости? Рассказывайте скорее, я сгораю от любопытства.

— А кто там? — так же шепотом осведомился гость, устремляя взгляд в направлении кровати.

— Не важно, — махнула рукой хозяйка. — Говорите негромко, и никто ничего не услышит. Так что сказал вам брат Жерар? Как прошло все дело?

— Все получилось как нельзя более удачно, душа моя, — сообщил архиепископ. — Насколько мне известно, граф-регент намерен казнить предполагаемого убийцу, чтобы отвести от себя подозрения. Поспешность, с которой наш многоуважаемый сир Раймунд стремится наказать своего человека, ни в коем случае не пойдет на пользу репутации драгоценного балы. Я говорил с королем, он ужасно расстроен и крайне раздосадован всем случившимся. Словом, ваш план в этой части как нельзя более удался. Теперь что касается вашего брата и князя Ренольда. Брат Жерар сказал, что тамплиеры готовы выделить пятьдесят тысяч золотых немедленно и в течение нескольких месяцев собрать остальное. Кроме того, орден предлагает взять на себя все хлопоты, связанные с освобождением вашего брата и его товарища...

— Ах, как я признательна вам, друг мой, и брату Жерару. Теперь я вижу, я не обманулась, положившись на него. Уж о вас-то я и не говорю! Что бы я делала без вас, мой друг?! Я бы просто погибла!

— Не стоит благодарить меня, душа моя! — воскликнул Ираклий, весьма польщенный похвалой Гра-

фини. — Благодарите графа-регента, ведь именно благодаря его храбрости, его недавнему исключительному по своей смелости рейда на неприятельскую территорию сарацины в Алеппо сделались такими сговорчивыми. Раньше-то они и слышать не желали ни о каком выкупе. Так что молитесь за здоровье сира Раймунда, госпожа моя! — добавил он со смехом.

Вместо ответа Агнесса обвила полными руками шею архиепископа и крепко поцеловала его в губы, потом в шею и, опустившись на колени, принялась покрывать страстными поцелуями руки.

Едва ли такое поведение могло означать желание получить благословение традиционным для христианки способом. Ираклий бросил растерянный взгляд в сторону кровати — кто мог прятаться за шторой?

— Ого! — воскликнула Графиня, на мгновение отрываясь от руки святителя и, кося бесстыдные глаза, добавила: — Похоже, ваше священство желает причастить верную рабу Божию? Господь свидетель, она нуждается в утешении!

Озноб охватил Сибиллу, она яростно кусала кончики трясущихся пальцев, мысленно повторяя слова молитвы. Но напрасно она уповала на милость Пресвятой заступницы, кошмар не кончался. Лишенная возможности видеть то, что происходило по ту сторону пропыленной портьеры, принцесса тем не менее все прекрасно слышала. Вернее, не так — она слышала даже то, чего на самом деле не было.

Перешептывания матери и ее гостя, обсуждавших чисто политические проблемы, казались девушке любовным воркованием двух голубков. Когда же звук голосов утих, до слуха Сибиллы донеслись звонкие смачные поцелуи и снова шепот и снова поцелуи, сопровождавшиеся к тому же еще и приглушенными, тщетно сдерживаемыми стонами. Природа этих постанываний была неизвестна принцессе, и потому именно они более всего волновали ее, заставляя испытывать ужасный и в то же время сладкий трепет. Временами ей казалось, что она вот-вот лишится сознания и упадет в обморок, однако из страха обнаружить себя — если бы такое случилось, она сгорела бы со стыда, — девушка изо всех сил старалась не утратить сознания.

Когда все наконец закончилось, она далеко не сразу пришла в себя. Однако, сообразив, что и мать, и ее гость

покинули спальню, осторожно вышла из-за шторы. Ступая на цыпочках и озираясь по сторонам, принцесса выскользнула в коридор и пробралась к себе в комнату.

Сибилла хотела уехать немедленно, однако не решилась сделать этого из опасения обидеть мать. Но вместе с тем девушка теперь меньше всего хотела видеть ее, говорить с ней. Все, что происходило в спальне Графини, казалось принцессе страшным грехом. Между тем, когда Сибилла спрашивала себя, что же такого ужасного она слышала, то терялась, не находя ответа. Агнесса же вела себя абсолютно естественно, так, как будто ничего не произошло. Но самое главное, она перестала разговаривать с дочерью на столь неприятные для той темы.

Несчастливая Сибилла не находила себе места, если ей случалось видеть воина с мечом, оружие неизменно вызывало у нее неведомые прежде ассоциации. Вместе с тем какой-то чертик, поселившийся в сознании девушки, нет-нет, да повторял ей слова матери относительно мужчин, способных обеспечить сильное и здоровое потомство. Так как-то само собой получилось, что задолго до того, как галера заморского жениха бросила якорь в порту Сидона, невеста уже начала мечтать о встрече с ним, размышляя при этом не только о рыцарской удали суженого.

IX

Молитва не шла, доверительного разговора с Богом не получалась. Раурт ненавидел себя за то, что, едва начав обращаться к Всевышнему, сбивался на щенячий скулеж, умоляя Господа спасти его от незаслуженного испытания.

«Но разве испытания бывают незаслуженными?» — спрашивал кто-то неведомый, незримо присутствовавший в подземелье.

Узник очень скоро понял, что этот некто — не ангел, устами которого Бог, возможно, желал говорить с невинно осужденным, а некто совсем другой, пришедший откуда-то оттуда из-под толщи засыпанного соломой земляного пола из страшной пропасти, куда завтра попадет душа приговоренного.

Едва рассветет, и народ вернется из собора, состоится испытание, палач графа, Добросердечный Доминик вложит в ладонь Раурта из Тарса — так он начал ве-

личать себя уже давно — кусок раскаленного железа. Кожа вздуется и покроется волдырями, и солдаты с чистой совестью — сам Господь подтвердил вину — поволокут рыцаря на эшафот, где его вздернут под улюлюканье толпы. И никто не пролет слезы, разве что жена и несмышлениш сын, которому предстоит расти в нищете, потому что отец его — государственный преступник, гнусный убийца, наследника которого лишат имущества казненного родителя.

«Проклятый Раймунд! — кусая губы, думал Вестносец. — Разве я не служил ему верой и правдой? За что же он так поступает со мной?»

Граф не пожелал сделать приговоренному никакого послабления — распорядился никого не пускать к нему, даже священник и тот придет только утром перед казнью. Именно так, поскольку испытание в сознании рыцаря отождествлялось с тем, что непременно за ним последует. Надеяться ему было не на что, и хотя отпущенные три дня истекли, ничто не говорило о намерениях Бога смягчить участь своего многогрешного раба и его несчастной семьи.

Вспоминая разбирательство, Раурт был готов выть от отчаяния. Когда граф заговорил о Жюльене, которого пренебрежительно называл *неким Жюлем*, подсудимый почувствовал, как душа его уходит в пятки. Одно дело плотские грехи семилетней давности, пусть даже содомия, другое... что, если бы вскрылись иные преступления? Но Раймунд ничего не знал о них; и Вестносец внутренне ликовал — пронесло! Каким же слепцом он был, когда думал так?! Впрочем, если бы на суде вскрылась правда о прошлых делах Раурта, его вздернули бы сразу же после заседания Курии или передали бы князю Антиохии, а там... хватило бы одного лишь факта участия Раурта в заговоре, с целью открыть ворота этого города Нур ед-Дину, чтобы признать сына корчмаря Аршака виновным в *явной измене*, и никто и ничто не спасло бы его от петли. Впрочем... дважды все равно не казнят.

«Где теперь Жюльен? — подумалось узнику, осознававшему всю тщету надежд на спасение. — Хоть бы какую восточку подал. Если жив, конечно».

Нет, Жюльен не мог умереть. А если бы и умер Жюльен, осталась бы Юлианна, или... Иветта. Сколько имен, сколько сущностей на самом деле было у его давнего любовника? Множество, причем как мужских, так и женских. Как у Бога или... дьявола. Жюльен,

Жюль, Жоветта, Иветта и Юлианна, а теперь вот прибавилось новое — Улу. Все прежние имена начинались с латинского «I», это — нет. Казалось невероятным, что Жюльен изменил своим привычкам.

И дело тут заключалось не в одном только имени, ведь Жюльен твердо придерживался принципа — не служить никому другому, только себе. Видно, правду говорят, и годы берут свое. Теперь Жюльену уже под пятьдесят, а когда они виделись в последний раз, было всего только сорок. Беспощадный граф Триполи томился тогда в заключении в одной из башен Алеппо, а королю Аморику не давали покоя, мешая спать и заставляя пробуждаться среди ночи, видения о сказочных богатствах Вавилонии. Египет манил его, и вот пятый монарх Иерусалимский решил взяться за дело, начатое некогда первым — Бальдуэном Булонским. Ужасающая кровавая вакханалия, творившаяся при дворе шиитского халифа, внушала латинянам надежду; Вавилония, о которой мечтали столь многие, точно перезревшая девица, была готова броситься в объятия любого жениха, пусть даже неверного кафира. Но все оказалось не так просто. Имелся и еще один претендент на наследие Фатимидов, все тот же Нур ед-Дин. Он ни в коем случае не мог допустить «бракосочетания» иерусалимского жениха и каирской невесты.

В марте тысяча сто шестьдесят седьмого года, наутро после той ночи, когда по лагерю франков, разбитому в земле фараонов, разнеслась весть о видении, в котором его величеству Аморику явился сам святой Бернар Клервоский, упрекавший короля в недостаточном рдении вере, Жюльен вдруг сказал, что настало время отмежеваться от бездарной кампании. Ему вообще надоела бивуачная жизнь. Он так и сказал тогда: «Староват я становлюсь для всего этого. Пора осесть. Наверное, начну служить кому-нибудь...» — «Ты? Служить? — удивился Раурт. — Кому?»

«Не знаю, — искренне признался Жюльен и, брезгливо поморщившись, продолжал: — Ромеи — напыщенные индюки. За последнее время они нагуляли вес, того гляди скоро у Небесного Хозяина возникнет желание резать свиней. Нет, Мануил Комнин и его заживевшая дворня не любы мне. Сирия опостылела, Махмуд стал настоящим занудой, не верит даже старым слугам, все боится, как бы кто-нибудь не утаил от него лишний дирхем. Сам хлебает постную похлебку и грызет сухари, совсем свихнулся на своем джихаде! Ну скажи, какая

связь между священной войной и обеденным меню? Он и Ширку потому спровадил завоевывать Египет, что не переносит его чревоугодия. У этого другая крайность, наш воинственный курд — обжора и пьяница. Он, похоже, и не слыхал, что Аллах запретил правоверным пить вино. Впрочем, может быть, он и не делал этого, просто у пророка Мухамеда была подагра...»

«Так кто же хорош для тебя?» — полюбопытствовал Раурт, окончательно сбитый с толку словами любовника.

«Саладин». — Ответ поразил новоиспеченного рыцаря — тогда еще никто и не думал, как скоро взойдет звезда молодого Юсуфа, племянника грозного противника франков в Египте — Льва Веры, Асад ед-Дина Ширку. «А как же я?» — растерялся Раурт. «Ты? — с усмешкой переспросил Жюльен. — Ты же мечтал стать рыцарем? Ну так и будь им!»

Наутро франки и их союзники египтяне ударили на язычников Ширку. Несмотря на то что в разгоревшейся затем битве знаменитый воитель отнюдь не сказал нового слова в военной тактике: он использовал самый распространенный прием — притворное отступление, Аморик и его железные шейхи все-таки попались на удочку. Когда центр сирийского войска под командованием Салах ед-Дина начал отступать, рыцари ударили на врага и... оказались в ловушке, поскольку возглавляемый Ширку правый фланг сарацинского войска обрушился на них слева.

Видимо, только по причине сравнительной малочисленности своей армии старый курд не смог одержать полную победу. Сам Аморик и многие из его баронов избежали окружения, но многие знатные франки угодили в плен. Простой народец, как всегда, в счет не шел, никому не было решительно никакого дела до того, что какой-то небогатый рыцарь из Триполи лишился своего оруженосца — время ли плакать по волосам, когда голова того и гляди с плеч слетит?

С тех пор и до дня заседания Высшей курии графства Раурт ничего не слышал о Жюльене. Оставшись один, новоиспеченный шевалье быстро убедился в том, что продолжает быть слугой, поскольку кто на деле есть бедный рыцарь, как не обычный служилый человек, получающий денежное содержание от своего господина?

Особенной склонности к однополой любви Вестоносец не имел и расставшись с Жюльеном, женился на младшей дочери небогатого итальянского рыцаря, она

родила ему сына и дочку. Девочка умерла, а мальчик рос здоровым. В общем, как и брак, так и в целом судьбу сына корчмаря из Антиохии можно было бы считать удачными, если бы не печальные обстоятельства последних дней. Кто же сыграл с ним скверную шутку?! Скверную шутку? А не тем же ли самым занимались они с Жюльеном? Знак гонца, выжженный на теле пятнадцатилетнего сына корчмаря Рубена по приказу «благородной дамы Юлианны», никогда не даст рыцарю Раурту забыть, кто он на самом деле. Хотя помнить это ему, судя по всему, оставалось недолго. Теперь Вестоносцу предстояло испытать горького варева, которое не раз пили по его милости другие.

«Кто стоит за всем этим? — спрашивал себя узник донжона. — Ненавистники Раймунда тамплиеры? Кто же в действительности тот Роберт Санг-Шо? Эх, не все ли теперь равно?!»

Вообще Роберт Горячая Кровь (*Sanc-Chaude*) производил скорее впечатление человека хладнокровного. Беда была в том, что в Утремере никто не слышал о нем. Впрочем, сам-то он, Раурт де Тарс, стал ли бы называться подлинным именем, если бы ему поручили столь тонкое дело, как организацию убийства пэра Утремера?

Нет, конечно, нет.

И отчего он вовремя не донес графу? Боялся, что тот косо на него посмотрит? Да и потом, на кого доносить? Одно дело, если бы он сразу сообразил, согласился для вида, а сам сообщил сюзерену, а то ведь даже и лица Роберта Вестоносец описать не мог. Не мог просто потому, что не видел, тот прятал его под кеффе, — а кто бы поступал иначе?

Словом, Раурт сильно сомневался, что кто-нибудь сможет найти этого самого Роберта. Едва ли его вообще станут искать, ведь разбирательство закончилось. Оставалось только дожидаться казни, что узник и делал.

Вестоносец решил было, что и сегодня испытание не состоится, однако очень скоро понял, что ошибся. Заскрежетал ключ в замке, отворилась кованая дубовая дверь, и на пороге появился стражник. Он приходил обычно под вечер и приносил еду, его визит в неурочное время мог означать только одно — к обреченному прислали священника.

Для него тюремщик поставил на земляной пол табурет, воткнул факел в углубление в стене и покинул

узилище, сказав, что будет ждать за дверью. Раурт поднялся, подошел к исповеднику и, опустившись на колени, принял благословение.

— Что тревожит тебя, сын мой? — проговорил тот довольно высоким голосом, показавшимся узнику знакомым — вероятно, Раурту когда-то давно уже случилось исповедоваться этому святому отцу. — Расскажи мне все без утайки, облегчи свою душу перед испытанием.

«Может лучше называть вещи своими именами? Почему бы не сказать: “Перед смертью”? — подумал Вестоносец и мысленно спросил: — А как *вы* думаете, благий отче, что меня тревожит?»

Вслух он сказал:

— Я не виновен в преступлении, в котором меня обвиняют.

— Господу все ведомо. Укрепись в вере, и Он не оставит тебя. Тому, кто чист помыслами, нечего бояться суда Всевышнего на земле. Сними груз с совести, ведь я здесь затем, чтобы взять на себя ответственность за прегрешения, совершенные тобой вольно или невольно.

— Но... но с чего начать, святой отец?

— Все зависит от того, как давно ты был на исповеди, сын мой, — ласково проговорил священник. Раурт мог поклясться, что знал его, хорошо знал. Однако освещение мешало разглядеть лицо исповедника, тому же, напротив, узник был прекрасно виден. Врать не имело смысла.

— Давно, — со вздохом признался Вестоносец, — год... или два...

— Это очень плохо, — покачал головой священник. — Но я отпускаю тебе сей грех. Я тебя слушаю.

Как ни старался Раурт, он не мог припомнить ни одного сколько-либо значительного проступка, совершенного им за последние годы.

— Я частенько жульничаю, когда играю в барабус, — признался он. — У меня есть специальные кости...

— С утяжелением около пятерки? — не дав узнику закончить, спросил священник.

— Да... и около тройки, — ответил Вестоносец без удивления. — Если бросать их умело, то всякий раз выпадает или пять-пять, или три-три. У тех же, кто не знает секрета, может получиться и пять-три и, напротив, три-пять. Откуда вам это про меня известно?²⁴

— Нет. То есть теперь-то да,— покачал головой исповедник,— но не было известно, пока ты не сказал. Я просто предположил. Продолжай.

— Раза два я поколотил жену.

— За дело?

— Да...

— Это не грех,— заключил священник.

— И еще я часто бью своего оруженосца.

— Вот как? Он нерадив?

Узник задумался:

— Да нет, пожалуй.

— А давно он служит тебе?

— Почитай уже семь лет. Скоро уже восемь. Я взял его вскоре после того, как лишился своего прежнего оруженосца.

— Он умер?

— Нет. Пропал без вести...— проговорил Вестоносец с грустью.— Во всяком случае, я о нем ничего не слышал со времен похода покойного короля Аморики в Вавилонию.

— А прежний оруженосец хорошо служил тебе? — неожиданно спросил исповедник и, не дав удивленному Раурту ответить, продолжал: — Может, нам стоит копнуть глубже? Заглянуть во времена давно минувшие? Тогда ты сможешь объяснить мне, откуда на твоём теле знак гонца?

Священник явно обладал способностями не только *заглядывать в давно минувшие времена*, но и видеть сквозь предметы. Узника охватил страх, хотя едва ли он мог предположить, что теперь, принимая во внимание давние преступления, его решат повесить дважды.

— Может, ты расскажешь про то, как предавал христиан? — грозно спросил страшный исповедник.— Как ездил с посланиями к князю неверных Нураддину и его подручнику Магретдину? Может, откроешь тайну, кто заставил лекаря Барака подмешать медленнодействующий яд в лекарство королю Бальдуэну?

— Это не я! — в отчаянии воскликнул Раурт.— Я только...

— Подумай, прежде чем сказать! — вскидывая руку, проговорил священник и неожиданно добавил с усмешкой: — А лучше не говори вовсе. Потому что я знаю все!

— Кто ты?!

— Господь.

— ???!

Священник засмеялся.

— Неужели я так изменился за какие-то восемь лет, что даже мой верный друг, мой *господин* не узнает меня? — спросил «исповедник». — Или ты уже больше не мой друг? Жаль. Я так никогда не забывал о тебе. При дворе моего повелителя немало племенных жеребцов, но они, на мой взгляд, мелковаты для хорошей битвы. Словом, я прекрасно помню наши горячие ночи... Что ты уставился на меня?.. Боже, как ты глупо выглядишь?!

— Жюльен?.. — пролепетал пораженный до глубины души узник. — Но... я поверить не могу... Как ты оказался тут?

— Господь помог мне, Он милостив к тебе. Всевышний надоумил моего повелителя послать меня с неофициальной миссией к франкам графства Триполи. Он ищет дружбы со здешними христианами. И вот, представь себе, я приезжаю, думая застать тебя при дворе в шелках и бархате, а вижу тут в темнице, в рубище. Говорил я тебе, что доля рыцаря не так сладка, какой представлялась тебе? Говорил... Впрочем, теперь ты, надо полагать, кое-что понял. Чего стоит твоя жизнь? Ничего. Ты думал, что шпоры вознесут тебя до небес, а они бросили тебя в подземелье. Будь ты простым корчмарем, как твой отец, жил бы себе спокойно: близость к сильным мира сего не всем идет на пользу.

— Но ты ведь тоже... — начал Раурт, но Жюльен засмеялся:

— Я *не* тоже, мой мальчик. Потому что я фигура, а ты, не обижайся, выбрал себе роль пешки. Пешка есть пешка. В шахматной игре они иногда проходят в ферзи, но чаще ими легко жертвуют. Хотя... ты ведь так и не обучился шахматам?..

Вестносец вздохнул, точно сетуя на досадное отсутствие способностей к сложной игре. Между тем, несмотря на смятенное состояние души, он понимал, что Жюльен оказался тут неспроста.

— Как ты попал сюда? — спросил Раурт.

— Нет ничего проще, — криво усмехнулся друг. — Слуга Господа, отец Гонорий, весьма склонен к чревоугодию и особенно к винопитию. Мы с ним поднимали задравные кубки до самой заутрени. Он даже службу пропустил. За него ты не беспокойся, он сказался больным, да так искренне врал, что убедил не только служку, но и сам уверился в собственной немочи. Под утро, уже совершенно обессиленный, прилег отдохнуть. Я

же, одолжив у него святительские ризы, отправился проведать узника, поскольку Гонорий очень беспокоился о душе несчастного, но собственное тело подвело — напрасно сей благочестивый молитвенник изнурал его воздержанием.

— Ты сможешь мне выбраться отсюда? — с надеждой спросил Вестоносец.

— В определенном смысле — да.

— Что это значит?

— Я благословлю тебя и пойду отдам отцу Гонорию его одежды, а то не ровен час он проснетя...

— А я?

— Ты?

— Да! Я! Дьявольщина, кто же еще?!

— Тебе, сын мой, надлежит укрепить душу перед испытанием, дабы Господь не оставил тебя своей милостью. Он, заметь, Он, а не я запихал тебя в сей неуютный подвал, Ему и вызволять отсюда.

— Что ты несешь?! — закричал Раурт. — При чем тут душа?! Да меня повесят после этого чертового Божьего суда!

— Тихе, сыне мой, тихе! — замахал руками «священник». — Ты так орешь, что лопухий калека, который остался там за дверью, чего доброго, услышит тебя. Я же не могу терпеть твоих богохульных речей, потому отпускаю теперь тебе все грехи твои вольные или невольные и благословляю тебя...

В какой-то момент Жюльен решил, что любовник бросится на него, и, отступая назад, предостерегающе поднял руку.

— Тихо! — произнес он уже без тени иронии. — Сбежать отсюда ты не можешь, да это и не нужно. Ты должен пройти испытание и оправдаться если не перед графом, то перед его подданными. Ты еще понадобишься мне...

— О чем ты говоришь?! Мне сунут в ладонь раскаленный кусок железа, и все с легкой душой уверятся в том, что не ошиблись! Или ты думаешь, у меня кожа как панцирь черепахи?!

Жюльен покачал головой и сказал:

— Не знаю, как насчет всего остального, мой друг, но за истекшие восемь лет ты, похоже, развил в себе способности к ясновидению.

— Что ты городишь?!

— Посмотри. — Вместо ответа «исповедник» достал из маленького простенького кошелька какой-то предмет

и протянул его Раурту. Тот с изумлением уставился на... покрытый светлой краской панцирь маленькой черепахи. Внутри него ничего не было, только на донышке имелось немного смолы.

— Что это за вещь? Для чего она мне?

— Это — твоя дорога на Небеса, — криво умехнувшись, произнес Жюльен. — Добросердечный Доминик весь в своего господина — весьма сребролюбив. Он готов закрыть глаза на многое. Может и помочь. Он подскажет тебе, что нужно делать. Если не оплошаешь, прослышешь праведником... А теперь позволь покинуть тебя.

— Ты уходишь?

— Да. Ухожу и уезжаю. Скоро я дам тебе о себе знать. Удачи.

Вскоре после того, как священник покинул узника, за ним явились солдаты. Вокруг невысокого помоста со столбом виселицы на площади, куда они привели его, уже собрался народ — зеваки всегда рады отвлечься от повседневных дел и поглазеть на что-нибудь интересенькое. Впрочем, Божий суд не что-нибудь, видеть такое удается нечасто. Казни — другое дело, то вору рубят руку, то голову разбойнику. Сегодня, если повезет, вздернут убийцу.

Самого Раймунда в рядах ноблей графства не было, зато присутствовали некоторые из членов Высшей курии, в том числе и ответственный за проведение испытания сенешаль Голеран де Майонн и капеллан Маттеус. Они, как и полагается, верхом, заняли место в первых рядах всего в двух тузазах от помоста и расположенной на нем законченной корабельной жаровни, где «дозревал» предназначенный для процедуры установления истины кусок металла.

Добросердечный Доминик, обнаженный по пояс, если не считать грязного в разводах кожаного фартука, стоял подбоченясь, сквозь прорези красного ритуального колпака наблюдая за тем, как его подручник с помощью небольшого кузнечного меха раздувает огонь. Если палач был абсолютно спокоен, то испытуемый, напротив, едва скрывал свое волнение. Босой, в одной рубашке, он опустился на колени, стараясь не смотреть в сторону жаровни. Раурт сложил руки и, сжимая между ладонями принесенный с собой черепаший панцирь, как утопающий брошенную ему веревку, шептал слова молитвы, в сотый, в тысячный раз моля Бога о спасении.

— Скажи ему, что пора начинать, — приказал сенешаль Доминику. — Ему дали достаточно времени.

Тот медленно кивнул и не спеша подошел к Раурту.

— Слышал? — громко спросил палач, наклоняясь к подопечному, и добавил шепотом: — Не дрейфь. Как только ты протянешь ладонь, пламя зачадит и дым пойдет на тебя. Я положу железо менее раскаленным концом, смола поглотит жар. Когда я сниму брусок вместе с черепашным панцирем, ты смело выходи вперед и показывай всем свою руку.

— Думаешь, получится? — побелевшими губами прошептал Вестоносец.

— Давным-давно, лет сорок назад, еще при графе Понтии, я тогда был подручником мастера, так же вот испытывали одного человека...

— Ну и что? — Раурт отдал должное уважительной интонации, с которой палач произнес слово «мастер» в применении к лицам своей редкой, но безусловно нужной профессии.

— Все обошлось. Главное, делай, как я сказал.

Вестоносец не ответил, а Доминик, подойдя к сеньору Голерану, сказал:

— Испытуемый готов, мессир.

Сенешаль кивнул и дал знак герольду, который торжественно возвестил:

— Шевалье Раурт из Тарса, обвиняемый в убийстве сира Милона де Планси, сеньора Керака Моабитского и Крака Монреальского, сенешаля двора его величества короля Бальдуэна Иерусалимского, вины своей в преступлении не признал и обратился к нашему государю сиреу Раймунду, милостью Божьею графу Триполийскому, князю Галилейскому, бальи королевства латинян в Иерусалиме и баронам Высшей курии графства Триполи с нижайшей просьбой дозволить ему, шевалье Раурту из Тарса, согласно древним обычаям судиться перед лицом Всевышнего. Какое прошение обвиняемого сир Раймунд, милостью Божьею граф Триполийский, князь Галилейский, бальи королевства латинян в Иерусалиме и бароны Высшей курии графства Триполи и удовлетворили, назначив шевалье Раурту из Тарса испытание железом. Если раскаленный металл не причинит вреда вышеупомянутому рыцарю, он будет освобожден от всех обвинений и отпущен на свободу. Если же ладонь его покроется волдырями, как бывает при ожоге, он будет признан виновным и казнен через повешение сегодня в

канун календ марта в год одна тысяча сто семьдесят пятый от рожества Христова и семьдесят шестой год со дня освобождения Святого Града Господнего из рук неверных.

— Начинай,— бросил Голеран де Майонн «мастеру», когда герольд умолк.

Палач, взяв щипцами край куска раскалившегося докрасна металла, ловко подкинул его раз-другой, демонстрируя зрителям свою виртуозность, а потом коснулся поверхности воды в стоявшем тут же ведре. Вода яростно зашипела, а толпа издала дружное взволнованное: «Ох!»

Доминик положил орудие Божьего суда на жаровню, затем, снова схватив щипцами, повторно проделал уже знакомую собравшимся процедуру. Все затаили дыхание, когда могучая фигура палача двинулась к испытуемому. Зрители видели, как сильно побледнело лицо Раурта, когда он протянул ладонь, в которую палач вложил раскаленный брус.

В это мгновение жаровня как назло зачадилась, и дым на какую-то секунду скрыл из вида и Доминика и Вестоносца. Палач сердито покосился на подручника и прорычал ему какую-то угрозу, однако тот быстро справился с дымом, и зрители опять увидели рыцаря, как ни в чем не бывало державшего в руке кусок огнедышащего металла.

Добросердечный Доминик посмотрел на явно озадаченного сенешаля, который медленно кивнул, и палач взяв щипцами брус, отошел, а испытуемый шагнул вперед и, наклонившись, показал Голерану де Майонну покрасневшую ладонь. Он даже подъехал поближе, но сколько бы ни смотрел на нее, не мог найти там и следа ожога. Сенешаль повернулся и с удивлением уставился на отца Маттеуса, который был озадачен не меньше самого сира Голерана.

Солдатам за спинами ноблей и священнослужителей стоило немалого труда сдержать ринувшуюся было к помосту толпу. Все понимали, что произошло нечто неожиданное, и желали видеть все своими глазами. Между тем даже наиболее зоркие не смогли разглядеть ни намек на ужасные язвы и волдыри, которыми покрывается кожа даже вследствие короткого соприкосновения с раскаленным металлом.

— Невиновен! — крикнул кто-то, но другому показалось мало:

— Праведник!

— Праведник! — подхватили другие.— Праведник! Господь сотворил чудо! Послал избавление праведнику!

Скоро редела уже вся площадь. Всем хотелось коснуться чудесным образом спасенного человека, ощутить на себе частичку милости Божьей.

Прошло немало времени, прежде чем народ удалось успокоить. Случилось это не раньше, чем Голеран де Майонн и отец Маттеус пообещали горожанам, что граф сдержит слово и предоставит свободу испытуемому — еще бы, ведь сам Господь доказал его невиновность!

Когда все осталось позади, Доминик подошел к Раурту и прошептал ему на ухо:

— Я наврал тебе. В тот раз ничего не вышло. Я все придумал, чтобы ты не боялся. Правда, здорово?

Х

Верный дому Зенги гарнизон цитадели в Хомсе, оставленный франками без помощи, сдался уже в марте, и великий визирь Египта, сделавшись господином всех сирийских территорий к югу от Хамы, решил, что настала пора сложить с себя клятву верности наследнику покойного господина. Салах ед-Дин не придумал ничего лучше, чем... обидеться на Малик ас-Салиха, который де презрел дружбу верного слуги своего отца, отверг чистосердечную помощь визиря и положился на совет мужей недостойных (эмира Гюмюштекина и иже с ним). Однако и на этом Салах ед-Дин не остановился, он объявил себя султаном Египта и Сирии и велел в связи с этим начать чеканить монету, на которой уже не упоминались ни имя, ни титул законного правителя²⁵.

Теперь ас-Салих оставался фактически лишь хозяином Алеппо и нескольких крепостей к югу и северу от него. Продолжая считать себя королем Египта и Сирии, но не располагая возможностями в одиночку подтвердить свои права силой оружия, двенадцатилетний монарх принялся еще настойчивее просить о помощи двоюродного брата, сына старшего брата отца Сайф ед-Дина, атабека Мосула. Тот, оценив наконец размах курдского выскочки, направил довольно большое войско под командованием своего брата Изз ед-Дина на соединение с армией Алеппо, которую вывел в поле Гюмюштекин.

Самозванный правитель Египта и Сирии пошел было на попятную, предложив сдать ас-Салиху Хаму и Хомс,

видимо надеясь таким образом поссорить Алеппо и Мосул. Гюмюштекин от имени своего господина ответил отказом.

Когда дипломатический ход не удался, Салах ед-Дин двинул войска на противника и, не дав его силам соединиться, ударил на армию Изз ед-Дина. Битва произошла на равнине посреди гор севернее Хамы. Победа Салах ед-Дина была полной, армия Мосула перестала существовать, изрубленная в куски египетскими ветеранами. Гюмюштекин, узнав о несчастье, почел за благо, не принимая боя, удалиться под защиту стен Алеппо.

К маю тысяча сто семьдесят пятого года достижения самозваного султана Египта и Сирии получили одобрение верховного духовного владыки всех правоверных, халифа Багдада. Он подтвердил титул Салах ед-Дина и прислал ему подобающее облачение, а также необходимые аксессуары. Не то чтобы халиф пришел в восторг от войны мусульман с мусульманами, просто Алеппо и в особенности Мосул находились территориально ближе и то, что они, потерпев поражение, поджали хвосты, по всей видимости, вполне устраивало Багдад.

За всеми этими событиями властям Алеппо скоро стало как-то не до сбежавших из донжона пленников. Нельзя сказать, чтобы их никто не искал, просто все имеет предел, и поиски, не увенчавшись успехом, прекратились. Тем не менее пленники, как бы ни хотелось им поскорее оказаться в безопасности, не рисковали покидать белую столицу атабеков — в такие времена неизвестно, что хуже, сидеть в городе, где тебя, можно сказать, уже и не ищут, или рыскать по враждебной и кишашей вооруженными людьми территории. К тому же, если бы даже им и удалось целыми и невредимыми добраться до ближайших из подвластных латинянам земель, это само по себе еще не гарантировало благополучного исхода предприятия: Ренольд едва ли рискнул бы без солидного эскорта проезжать через владения бывшего пасынка — кто знает, что взбредет на ум Боэмунду Заике?

Хасан, еще один новый слуга пока безземельного и не обладавшего реальной властью сеньора, оказался полезен не только тем, что беспрепятственно провел бывших подопечных мимо постов, он также нашел им

временное пристанище, где все четверо провели несколько дней прежде, чем Абаллах присмотрел им новое убежище, в котором бывшие узники донжона получили не только стол и кров, но и возможность недурно проводить время.

Дело в том, что хозяйкой гостеприимного дома оказалась молодая и красивая жена богатого купца-ромея, имевшего в Алеппо дом и лавку, но в данный момент времени весьма кстати уже больше двух лет находившегося в отъезде. Ксения хотя и носила типичное для гречанки имя, сама была наполовину итальянкой, наполовину француженкой и отроду звалась Кристиной. Мать ее появилась на свет и выросла в Лонгивардии, а отец в Нормандии. Свое в ту пору единственное дитя они еще маленькой девочкой привезли в Антиохию, где обитало немало норманнов. Там девушку, уже тринадцатилетней, и приглядел старик купец.

Теперь ей исполнилось восемнадцать, но по причине разъездов супруга Кристина-Ксения все еще никак не могла обзавестись потомством. Впрочем, у купца оно уже имелось, так что факт временного бесплодия супруги, скорее всего, не слишком заботил его; вероятно, он смотрел на жену как на очередную дорогую и красивую вещицу, нечто среднее между вазой с золотыми динарами или расшитым драгоценными камнями шелковым халатом. Что ж поделать, продолжая сравнение, скажем — в отсутствие хозяина его обнову носили гости.

Женщине этой врачеватель и звездочет когда-то составил гороскоп, пообещав жизнь, полную самых разнообразных приключений. Время шло, но ничего не происходило, однако Абдаллах, которого она звала Рахимом, умолял *прекрасную госпожу*, так обращался к Кристине колдун (теперь таковым лекаря безоговорочно считали оба франка), еще немного подождать.

Надо полагать, час настал. Распахнув двери своего жилища перед сбежавшими из донжона пленниками, Кристина сама не заметила, как приключения, которых она так долго ждала, начались. Взрослый сын от первого брака купца заправлял в лавке, он догадывался о том, кем на деле являются странники, поедающие отцовский хлеб, но, имея, по-видимому, какие-то свои далеко идущие планы, предпочитал ничего не замечать. Впрочем, он «не замечал» очень многого. Например, в упор не видел ражего светловолосого детину по имени Иоанн, тоже, разумеется, *бедного странника*. Поговорив с Иоанном, излечавшимся в доме христороливой и

любвеобильной купчихи от какой-то язвы, которая у него то ли уже прошла, то ли и вовсе отсутствовала, Ренольд узнал, что родился парень приблизительно в те времена, когда сам он геройствовал под Араймой, а последние пилигримы бесславного Второго похода грузились на корабли, отправляясь восвояси.

А вот что касалось мест, из которых происходил «болящий», то о существовании такой земли ни князь, ни его юный оруженосец никогда и слыхом не слыхивали.

Впрочем, парень и сам сомневался, есть ли такая страна на свете. Его совсем юным — он был тогда не старше Жослена Храмовника — похитили пираты, на своем наречии называвшие родину Иоанна Гардарих, они же и перекрестили Иоанна в Йоханса, каковое имя со временем, когда носитель его оказался в иных землях, обрело еще одно звучание. Ивенсу в общем-то повезло, морские разбойники сделали из него воина и моряка — такого же пирата, как и они сами. Произошло все это примерно тогда, когда Ренольд угодил в ловушку, расставленную для него воинами Магреддина.

Если говорить об удаче, то она довольно долгое время не покидала Ивенса, он даже, можно сказать, *продвинулся по службе* — сделался помощником капитана галеры. Между тем счастье искателя приключений переменчиво, и вот в одном из их набегов на побережье Египта оно оставило команду судна. Так два года назад Ивенс сделался рабом. Однако и тут ему вскоре вновь улыбнулась удача, оказавшись в Алеппо, вдали от морского побережья, он по смерти хозяина получил вольную.

С Кристиной Ивенс познакомился еще раньше, когда хозяин послал его зачем-то в лавку ее мужа. Молодой человек увидел ее и не мог забыть лица и голоса. Обретя свободу, он оставил до поры мечту вернуться в море и пришел наниматься работником в дом купца. Сын его хотел прогнать Ивенса, но хозяйка не позволила, приютила из чисто христианского человеколюбия.

Что до религии, Ивенс носил крест, а верил... верил, как и большинство моряков и воинов, в удачу, крепость рук и остроту меча. Свой язык гигант, конечно, помнил, однако с давних пор не встречал ни одного земляка, потому-то, видно, когда Ивенс произносил какие-нибудь слова, звуки родной речи даже самому ему казались странными.

Новые знакомые считали белокурого гиганта ватрангом и начали звать кто Ивенсом, кто Ивёном ди

Гардарí, а чаще просто Иво, или на французский манер — Ивом. Иву случилось послужить своим мечом и европейским князьям, не брезговавшим нанимать пиратов-северян — лучших моряков на всем белом свете. Почти три года белокурый гигант ходил под сицилийским флагом, там и выучился довольно сносно изъясняться на нормандском диалекте французского языка, мог немного говорить и по-арабски, так что сложностей с взаимопониманием между ним и остальными «божьими странниками» практически не возникало.

В первый же день Ренольд с наслаждением помылся и сменил лохмотья на скромную, но чистую одежду. Он очень коротко постригся, сбрил бороду, оставив лишь усы, которые носил с юных лет.

Глядя в отполированный до зеркального блеска кусок металла, который приносила ему Терезия, молодая невольница-латинянка, по статусу рабыня, но фактически подруга Констанс, князь, бывало, отодвигал пальцем угол рта и, качая головой, говорил: «Дьявол их заberi, этих язычников. Два зуба потерял из-за них». Когда Абдаллах замечал рыцарю, что не ему бы на пороге полувекового юбилея сетовать на недостаток зубов, поскольку у того же сорокалетнего врачевателя и звездочета их ubyло уже наполовину, Ренольд возражал: «Уж такая у нас порода. У батюшки моего зубы до старости не выпадали, на зависть всем, — кости мог грызть. Я же не старше Жослена был, когда мне один зуб в драке вышибли. И с тех пор я с этим беды не знал. И вот поди ж ты?! До чего довели нехристи проклятые!»

Между тем молодому пажу не понравилось, как постригся господин. И мнения своего Жослен не скрывал.

— С бородой вы были похожи на Арнаута, месир, — сказал он.

— Что еще за Арнаут такой?

— Арнаут или Арнау — сказочный волк, который жил в горах где-то севернее этого проклятого Богом места, — сообщил оруженосец и уточнил: — Он был косматый и внушал всем ужас. Из рта у него торчали огромные клыки, а глаза излучали ненависть к неверным...

— Не было тогда никаких неверных! — возразил Абдаллах. — Это существо действительно жило в Персии, но в доисторические времена, тогда люди верили в одного Бога и говорили на одном языке.

— Ты говоришь как еврей, — неодобрительно пока-

чал головой Жослен. — Не могло такого быть, чтобы все говорили на одном языке! На каком? Не хочешь же ты сказать, что благородный французский язык или латынь звучали так же, как речь презренных язычников?

— А вот и могло! — с жаром вскричал врачеватель и звездочет — он просто не мог не задирать юношу. Впрочем, и Храмовник платил колдуну той же монетой, оба они вызывали друг у друга жгучее желание спорить до хрипоты по любому поводу. — Ты, верно, не читал Священного Писания, раз говоришь такое?!

— А скажи-ка мне, Рамдала, — контратаковал Жослен, — откуда ты знаешь, что сказано в Писании? Ведь ты — неверный? Разве нет?

— Сам ты неверный! — огрызнулся Абдаллах.

— Что ты сказал?! — Жослен схватился за кинжал, подаренный ему прекрасной госпожой Кристиной. — Я прикончу тебя!

Ренольду стоило немалого труда погасить перепалку — не хватало им только перегрызться между собой!

Князь прекрасно осознавал всю опасность их положения, хотя порой и сам, особенно выпив побольше вина, казалось, забывал об этом. Он начинал шуметь и заявлял, что немедленно пойдет выручать товарища-крестоносца графа Жослена. На что другой Жослен, прозванный Храмовником, сразу же с готовностью откликнулся, хотя он вина почти и не пил: видно, молодая кровь сама вскипала в жилах при мысли о том, что благородный рыцарь томится в застенке совсем недалеко от их обиталища.

Ивенс также обычно выражал согласие попытаться счастья в богоугодном деле. Наверное, сытая и спокойная жизнь под боком у любвеобильной Кристины постепенно начинала прискучивать искателю приключений. Плен вынужденный он сменил на добровольный, но долго ли так могло продолжаться? Нет-нет да и снилось ватрангу море, скрипучая шаткая корабельная палуба, чудился свист ветра да хлопанье парусов, а плечо воина скучало по длинному тяжелому мечу²⁶.

А чего стоило мудрому Рахиму-Абдаллаху, Рамдале унимать буйных франков (к ним он, разумеется, причислял и Ивенса), которые, казалось, только и думали о том, как бы хорошенько подраться? Им, судя по всему, не терпелось снова угодить в донжон, из которого они так удачно выбрались, между прочим лишь с помощью того, чья трусость частенько становилась объектом их насмешек.

О, какими узколобыми бывают люди! Не трусость, а осторожность! Предусмотрительность! А разве не недостаток подобных качеств приводил и приводит то одного, то другого христианского князя в засады, устроенные мусульманами? И ведь сколько ни учит жизнь франков, уроки ее словно бы пропадают втуне. Всякий раз все начинается снова; очертя голову бросаются они в битву, полагаясь на мощь своих мускулов, силу громадных коней и крепость мечей, прямых, как души их владельцев. Ну что тут будешь делать?

Хотя такие, мягко говоря, нервные ситуации возникали довольно часто, врачеватель и звездочет не мог слишком уж жаловаться на жизнь: кормили их в доме купчихи куда лучше, чем в донжоне. Прекрасная госпожа Кристина не скупилась, и вчерашние пленники, как, впрочем, и их бывший тюремщик Хасан, довольно скоро приобрели сытый и довольный вид.

Однако всему наступает предел, как-то уже летом пришла весть о скором возвращении купца. Он прислал слугу с подарками для сыновей и жены. Кристина точно очнулась ото сна. Правда, произошло это не раньше, чем Терезия подслушала разговор посланца мужа хозяйки и его старшего сына.

— Беда, госпожа Ксения! — зашептала она, едва вбежав в комнату, где Кристина предавалась послеобеденному отдыху в объятиях белокурого гиганта. — Керим, слуга нашего господина, и Михаил, ваш пасынок, сговаривались погубить вас!

— Как погубить? — Ивенс совсем забыл о том, что не одет. Он вскочил с постели, потрясая пудовыми кулаками. — Я убью их обоих! Где они?!

Однако тут вмешалась Кристина.

— погоди, любимый, — попросила она, еще не совсем понимая, что случилось нечто непоправимое. — Как это они собирались меня погубить? Что ты говоришь, Терезия? Они что, собираются подложить мне яду в еду?

Служанка, которая несмотря на остроту момента, не могла не бросить оценивающего взгляда на любовника хозяйки, энергично замотала головой.

— О нет, госпожа Ксения! Михаил считает себя настоящим христианином. На такое он не пойдет. Он придумал другое, велел Кериму передать вашему мужу, что в его курятнике поет другой петух. Что овчарня его

полна злобных псов, которые не деле — волки в овечьей шкуре...

— Что ты несешь? — Хозяйка сердито сдвинула брови.— А ну-ка говори по-человечески!

— Чего же тут непонятного, госпожа? — искренне удивилась Терезия.— Михаил велел передать отцу, чтобы тот, не мешкая, ехал сюда, поскольку вы неверны ему и прячете в доме врагов правителя Алеппо. О Боже! Ваш муж приедет и позовет стражу! Франков бросят в подземелье, а господина Ивенса казнят...

— Я прикончу его! — заревел ватранг, сжимая огромные кулаки.— Оторву башку проклятому грифону! Растопчу его! Сотру в порошок и брошу в море на корм рыбам!

Кристина выскользнула из постели и вцепилась руку любовника маленькими пальчиками.

— Постой, милый,— попросила она.— Я вижу, у Терезии и правда важные новости. Говори, Терезия.

— Случится большая беда, госпожа,— продолжала служанка.— Вас, моя обожаемая хозяйка, прогонят с позором. Ведь Михаил только этого и добивается, так как опасается, что вы родите отцу сыновей и он распорядится в завещании обойти в их пользу старших — то есть прежде всего самого Михаила. Но даже если вы и не принесете нашему хозяину радости прибавлением семейства и он вдруг умрет, а ведь он совсем не молод, вы как верная жена и неутешная вдова будете вольны распорядиться своей долей, а Михаил очень боится умаления отцовского богатства.

— Да гори оно ясным огнем, его богатство! — воскликнул Ивенс, как-то забывая, что в шалашике или в горной пещере жизнь не кажется такой сладкой, как в хорошем доме, полном слуг.

— погоди же, любимый! А где теперь Керим, Терезия?

— Уже уехал, госпожа Ксения.

— Жаль...— задумчиво произнесла Кристина и со вздохом добавила: — Что же делать?

Что же делать? Этот животрепещущий вопрос хозяйка, спустя недолгое время, уже обсуждала с гостями. Они, конечно, понимали, что гостеприимство госпожи Кристины не могло длиться вечно. И если Абдаллаха и Хасана устраивало ранее существовавшее положение, то Жослену, Ренольду да и Ивенсу уже давно не

сиделось на месте, их одолевала скука. Они даже радовались тому, что судьба вынуждала их к решительным действиям.

Когда Терезия закончила рассказ о кознях Михаила, Абдаллах поднялся и взял слово.

— Думаю, лучшего убежища нам в Халебе не найти,— начал он и посмотрел на князя.— Пора нам подаваться из города. Как думаете, господин?

Ренольд качнул головой:

— Что ты предлагаешь?

— Сейчас, когда курд ушел на юг и гроза миновала, многие покидают Халеб, спешат по своим делам. Насколько мне известно, нас больше не ищут, считая, что нам каким-то образом уже удалось выскользнуть из города,— проговорил врачеватель и звездочет.— Поэтому я думаю, что мы могли бы прибиться к какому-нибудь каравану. Но...— он перевел взгляд на Кристину.— Но если бы наша любезная хозяйка пошла еще дальше в своей безмерной щедрости и оказала бы нам небольшое вспомоществование, тогда бы мы смогли купить пару дромадеров, двух-трех ослов, приобрести какой-нибудь товар и сойти за купцов...

— Почему нам не достаточно просто облачиться в одежды местных жителей? — перебил его Жослен.— На кой дьявол нам твои дромадеры?

— Ты ругаешься, как и полагается храмовнику,— с усмешкой похвалил оруженосца Ренольд.— Однако давай все же выслушаем Рамдалу. А потом выскажешься ты.

— Слушаюсь, государь...— Молодой тамплиер опустил голову, он всегда болезненно переживал, если в его спорах с колдуном господин брал сторону Абдаллаха.

Тот одарил своего постоянного оппонента торжествующим взглядом, которого юноша, поглощенный собственными переживаниями, даже не заметил.

— Спасибо, ваше сиятельство.— Лекарь почтительно поклонился и продолжал: — Нам лучше не прибиваться к каравану, а стать одними из караванщиков, и вот почему. Первое, люди, владеющие собственностью, вызывают меньше подозрений у стражи. Второе, не все из нас в состоянии свободно говорить по-арабски или по-турецки. Поэтому я мог бы взять на себя роль хозяина, а все остальные — слуг. Ну, разумеется, нам придется играть наши роли до конца, то есть до тех пор, пока мы не окажемся на христианских территориях...

— Мессир! — воскликнул Жослен. — И вы согласитесь притворяться рабом?!

Абдаллах поспешил с разъяснениями прежде, чем Ренольд успел раскрыть рот.

— Разумеется, государю нашему придется какое-то время побыть слугой, хотя бы до того момента, как мы не покинем Халеб. Однако он мог бы... мог бы притвориться больным. Так даже лучше, ему не придется отвечать ни на чьи вопросы, а ты, Жослен, будешь за ним ухаживать. Таким образом он будет фактически избавлен от необходимости выполнять какую-либо работу, и вместе с тем это не вызовет ни у кого подозрения. По-моему, неплохо придумано?

— Угу... — пробурчал Ивенс, которому не слишком-то улыбалась роль раба. Правда, он тут же подумал, что лучше притворяться рабом, чем быть им на самом деле. Было нетрудно предугадать, что сделает с ним муж Кристины. Об этом даже и думать не хотелось. Расставаться с пылкой возлюбленной тоже. Они обменялись взглядами, и оба поскорее отвернулись, чтобы не видеть печали в глазах друг друга. — Что ж, так — значит так. Но в какую сторону нам податься? Впрочем, мне безразлично, лишь бы поближе к морю...

— Я позавчера была на торгу и узнала, что через три-четыре дня большой караван, что прибыл в Халеб из Мосула и держит путь в Каир, отправится дальше в Дамаск, — сказала Терезия. — Оттуда, как я слышала, совсем недалеко до земель франков и даже до Иерусалима. К тому же путешествовать с большим караваном безопаснее.

Она взглянула на Ренольда и вздохнула. Служанке очень льстило, что такой знатный господин почтил ее своим вниманием, кроме того, ей было жаль так скоро расставаться с хорошим любовником.

— Я как раз знаю, где можно недорого купить хороших верблюдов, — подал голос Хасан — он вообще говорил мало, но по делу, зря рта не раскрывал. — Плохо только, что никто из нас не может пойти туда самостоятельно. Впрочем, у меня есть один человек, которому можно довериться. Он — мой родич, но ему придется заплатить за хлопоты.

— Я дам вам денег, сколько потребуется, — пообещала Кристина. — Пусть это будет моим вкладом, лептой, которую я, слабая женщина, положу на алтарь Господа нашего, и да послужат деньги купца-ромея богоугодному делу латинян в Святой Земле.

— Прекрасные слова! — воскликнул Жослен, пораженный речью хозяйки. — Клянусь всеми святыми, сам папа Урбан и святой Бернар из Клерво не сказали бы лучше!

— Спасибо, молодой человек, — поблагодарила Кристина. — Ах как жаль, что я не мужчина! Я бы взяла меч и отправилась с вами!

Когда утихли восторги и шумные славословия, Абдаллах сказал:

— Вы и Терезия можете помочь нам и еще кое-чем. Надо сделать так, чтобы Михаил ничего не заподозрил. Полагаю, придумать это будет несложно.

Врачеватель и звездочет ошибся, *это* оказалось сложно. Они засиделись допоздна за обсуждениями планов, но так и не изобрели верного способа незаметно обойти Михаила.

Жослен предложил самый простой, на его взгляд, выход — отдубасить злокозненного сына хозяина, связать его, заткнуть чем-нибудь рот, запихать Михаила в мешок и бросить в подвал. Молодой оруженосец искренне удивлялся, что поддержал его один лишь Ивенс, более того, ватранг с готовностью вызвался выполнить эту задачу, причем если надо — немедленно.

Не то чтобы прочие гости госпожи Кристины страдали от излишка человеколюбия — неизвестно, сколько бы пришлось Михаилу пролежать в мешке, мог, чего доброго, и задохнуться, — просто слуги быстро заметили бы пропажу, наверняка всполошились бы и подняли шум, что было вовсе не на руку беглецам.

В конце концов решили, что утро вечера мудренее, что главное — хорошее начало, а дальше по ходу дела что-нибудь да придумается. На том и разошлись.

Ивенс и Кристина не спали почти до самого утра. Всю ночь не размыкали они страстных объятий. Любовники то смеялись, то плакали, зная, что скоро расстанутся навсегда, и это делало их почти безумными.

— О Ивенс! Любимый мой! — сквозь слезы и смех восклицала женщина, целуя грудь ватранга. — Сделай же мне ребенка! Ты уйдешь навеки, а он останется со мной! Жизнь здесь покажется мне не такой постылой, потому что память о тебе всегда будет со мной!

— Хорошо, любовь моя! — отвечал он, покрывая поцелуями влажные от пота волосы подруги. — Хорошо! В скитаниях, что предстоят мне, я всегда буду помнить

о тебе, а когда станет совсем невмочь, представлю себе, как ты ласкаешь наше дитя, и сердце мое наполнится теплом!

И вот настал последний вечер. На рассвете всем пятерым предстояло покинуть город, однако они так и не решились, как улизнуть незамеченными. Михаил, точно заподозрив что-то, стал под тем или иным предлогом посылать слуг в отведенные гостям комнаты.

— Опасаюсь я, как бы он не побежал доносить на нас, не дождавшись приезда отца, — высказал общее опасение Абдаллах. — Даже если мы и выйдем за стены, караван идет медленно, и всадникам Гюмюштекина не составит труда догнать нас.

После его слов воцарилось долгое и тяжелое молчание, которое нарушил Ренольд.

— Я отвлеку Михаила, — сказал он. — Думаю, что мне удастся сделать так, что он несколько дней ничего не заметит.

— Вам, государь? — удивился Жослен. — Но как вы сделаете это, находясь одновременно вместе с нами? Может, просто перерезать ему глотку, да и дело с концом?

— В крайнем случае придется, — согласился князь. — Однако куда же девать труп? Сейчас жара, он начнет вонять...

— И все же я не пойму, как же тогда... — начал Ивенс, но Ренольд решил положить конец неясностям.

— Я остаюсь, — твердо произнес он и поднял руку, чтобы предотвратить ненужные вопросы. — Мой меч находится в руках неверных, это значит, что хотя я и не сижу в темнице, тем не менее и сам я тоже не свободен. Ты, Жослен, должен понять меня, ведь ты мечтаешь стать рыцарем...

— Я понимаю, государь, но... — воскликнул юноша. Однако князь оборвал его:

— Я еще не закончил!

— Простите, мессир.

— Так-то лучше, — похвалил Ренольд и продолжал: — Этим мечом меня опоясали, когда я был чуть старше, чем ты, Жослен. Думаю, и ты, Ив из Гардари, поймешь меня, ведь ты тоже воин, раз взял в руки меч еще в юные годы. Остальным же предлагаю просто внимательно выслушать меня. Пока я здесь, Михаилу не придет в голову, что вы сбежали. Я буду нарочно

показываться ему на глаза, и он какое-то время останется в неведении относительно истинного положения дел в доме. Полагаю, дня три-четыре я смогу продержаться; вы же не мешкайте, как отъедете подальше, бросайте поклажу и бегите в земли франков.

— Но они могут казнить тебя, господин,— возразил Ивенс. Он обращался Ренольду на ты, поскольку, как признался сам ватранг, у морских искателей счастья не в обычае говорить одному человеку «вы».

— Нет,— покачал головой князь.— Я слишком дорого стою живой, чтобы убивать меня. А вот вас, если поймают, не помилуют. Особенно Хасана и Рамдалу. Да и тебе, Ив из Гардари, и тебе, Жослен Храмовник, головушки оттяпают как миленьким. Это, может, и не так уж дурно само по себе, но я нашел в вас добрых слуг и, что важнее, верных друзей, а потому не хочу теперь же потерять вас навсегда. Во всяком случае не желаю создавать палачам язычников лишние хлопоты. Даст Господь, встретимся, и тогда уж я посмотрю, не ошибся ли я в своем выборе — может быть, сам вздерну кого-нибудь на сосне...— Он засмеялся.— Ей-Богу, мне нравится эта мысль!

— Но вас наверняка упрячут в подземелье,— качая головой, проговорил Хасан.

— Что ж,— пожал плечами Ренольд,— чему быть, того не миновать. Мне не привыкать к подземельям. Жослен пообещал мне еще тринадцать лет жизни. Один год прошел, значит, осталось двенадцать. Даст Бог, погуляю я на воле, уж я сумею сполна заплатить хозяевам за гостеприимство... Итак, я все сказал. Теперь выпьем за удачу!

— Я останусь с вами, государь! — воскликнул Жослен.— Как же вы станете обходиться без меня в тюрьме?!

— Благодарю, мой мальчик,— ответил Ренольд.— Я не забуду твоих слов. Но ты не сможешь последовать за мной в башню.

— Почему?!

— Потому что я дам тебе особое задание,— немного торжественно произнес князь и, достав из складок одежды какой-то предмет, протянул его юному храмовнику. Мальчик принял из рук сеньора кусок железа с огрызком цепи — то, что осталось от раскованных кузнецом кандалов Ренольда. Весь прочий металл,— а его беглецы унесли на себе немало,— кузнец взял себе. Князь же оставил ошейник на память.— Ты — благо-

родный человек. Потому я возлагаю на тебя особую миссию. Ты должен во что бы то ни стало добраться до Иерусалима, найти там даму Агнессу, мать короля Бальдуэна, что правит ныне в Святом Городе. Пусть проводит тебя к сыну. Передай королю это и скажи, что лишь на Господа и на него уповает несчастный узник. Его дядя, храбрый граф Эдесский, обещал мне помощь, но он и сам пока не покинул темницы... Теперь все, давайте-ка веселиться!

* * *

Как и предсказывал Ренольд, прошло целых четыре дня, прежде чем один из помощников Михаила поделился с господином своими наблюдениями — по мнению слуги, нахлебники, то есть «святые странники», под личиной которых гостили в доме его господина франки и их спутники, существенно сократили потребление пищи. Ясно, что подобная потеря аппетита объяснялась не внезапно пробудившейся у гостей тягой к аскетизму.

Михаил забеспокоился, но, как выяснилось, поздно. Единственный оставшийся в доме латинянин с типично рыцарской прямоотой съездил пасынку хозяйки по физиономии, так что тот лишился чувств, а перепуганному слуге-грифону велел запрячь лучшего коня и, держа его под уздцы, сопровождать персону князя во дворец к королю Египта и Сирии Малику ас-Салиху Исмаилу.

Когда начальник стражи узнал, кто просит аудиенции у повелителя, то чуть не рухнул на месте. Ренольда немедленно схватили, но, получив приказ, проводили к наследнику Нур ед-Дина.

Вид двенадцатилетнего мальчишки, весьма неловко устроившегося на слишком большом для него отцовском троне, подогнув под себя одну ногу, позабавил князя. А грозные выражения лиц неподвижных как статуи стражников-мамелюков, державших руки на эфесах сабель, дремавших в дорогих изузоренных ножнах, и вовсе насмешил. Он и сам не знал, отчего пребывал в столь благодушном настроении. Наверное, причиной тому был восседавший — ноги калачиком — на низком стульце возле трона повелителя толстый, почти безбородый вельможа в красных сапогах с загнутыми носами, в дорогом халате зеленого шелка и ослепительно белом тюрбане.

Звался толстяк Саад ед-Дином Гюмюштекином и являлся фактическим правителем Алеппо и прилегавших к нему областей — то есть тех земель, которые оставил его господину победоносный Салах ед-Дин. Пока оставил. Никто в белой столице атабеков не сомневался, что вскоре султан вернется — он не остановится, пока не уничтожит силу дома Зенги, так как тот, кто предал своего господина, не может спать спокойно, пока остаются у власти его наследники или просто родичи.

Едва началась беседа, Ренольду стало ясно — мальчик-монарх очень нервничает и назойливая опека взрослого советника отца сильно раздражает его.

Говорили через переводчика, поскольку ни ас-Салих, ни Гюмюштекин не знали языка франков, а их пленник, как известно, не слишком преуспел в изучении арабского.

— Если скажу тебе: эмир неверных, ты свободен, куда пойдешь? — принимая надменный вид, спросил король.

— Как это свободен? — Тучный губернатор подскокил точно мячик. — Как это он свободен?

— Да помолчи ты! — огрызнулся юноша. — Я спрашиваю, но это вовсе не значит, что я его опускаю.

В точности смысла перепалки Ренольд, разумеется, не понял, толмач перевел ему только вопрос ас-Салиха.

— В земли латинян, — ответил князь.

— В какие? — продолжал любопытствовать турок. — Ведь в твоём княжестве правит другой?

— Земля большая, — пожал плечами рыцарь. — Чаю, у короля Бальдуэна сыщется для меня удел.

— Эта земля твоему королю не принадлежит, — вступил в разговор Гюмюштекин. — Она принадлежит правоверным! Тем, кто почитает заветы пророка Мухаммеда и живет по законам Аллаха.

Переводчик засуетился, бросая короткие и испуганные взгляды то на ас-Салиха, то на губернатора.

— Замолчи ты! — цыкнул на советника отрок. — Я с ним говорю!

Все же, прежде чем прозвучал окрик короля, толмач успел перевести часть фразы Гюмюштекина Ренольду.

— То-то в Аль-Аксе Христу молятся, — ответил он с усмешкой.

— Мы вернем себе аль-Кудс! — воскликнул ас-Салих. — Прогоним курдского выскочку и возьмемся за вас!

— Ты молод, король,— проговорил Ренольд.— А я уже нет, так что вряд ли увижу, как Иерусалим сменит крест на полумесяц.

Такой ответ пришелся по душе наследнику Нур ед-Дина.

— Если я отпущу тебя и ты придешь к своему господину, а господин твой даст тебе удел и рабов...— начал мальчик, с каждым заданным вопросом постепенно утрачивая вид могущественного правителя и делаясь похожим на того, кем был на самом деле, избалованного — проглядел аскет Нур ед-Дин — и любопытного, как все дети, отрока. Он продолжал: — Если у тебя будет много воинов и курд позовет тебя воевать против меня, пойдешь?

— Нет,— покачал головой Ренольд.— Не пойду.

— А если я позову тебя идти со мной против курда, тогда пойдешь?

— И тогда не пойду.

— А если другой шейх или какой-нибудь эмир кафиров позовет тебя воевать против меня?

— Тогда пойду,— не задумываясь ответил князь.

— А если я не отпущу тебя без клятвы не воевать против меня? — настаивал ас-Салих.— Тогда как?

«Что если ответить — не буду? — подумал Ренольд.— Кто же не давал таких клятв? И кто не нарушал их?»

— Не знаю, что и сказать тебе, король,— признался князь со вздохом.— Скажешь, чтоб я поклялся, поклянись, но... Нет, не стану врать тебе. Мне было чуть за двадцать, когда я взял крест. Я не забыл, что означает обет пилигрима, нашившего на свой плащ знак воина Христова. Я пришел на Восток, чтобы воевать против неверных, то есть против вас, против тебя и твоих сородичей...

Он сделал паузу, что дать толмачу возможность перевести сказанное. Гюмюштекин засуетился, явно собираясь что-то сказать, но правитель Алеппо как бы случайно пихнул его носком сапога. Советник, точно пес, ни за что ни про что получивший пинка, обиженно поднял голову и взглянул на господина.

— Скажу тебе вот что, король,— продолжал Ренольд.— Если бы был ты христианским владыкой, и соперник твой, Саладин, также, и ты позвал бы меня воевать против него — я пошел бы...

— А если бы он позвал тебя идти на меня?

— Не пошел бы.

— Почему?!

— Ты царствуешь в своем городе по праву,— ответил князь.— Он же изменил твоему отцу и тебе, своему господину.

— Мне твоя речь по нраву,— признался ас-Салих.— Вот ты сказал, что если бы мы с тобой были одной веры, ты пошел бы воевать за меня. Скажи, а служить бы мне ты пошел?

Ренольд немного подумал и кивнул:

— Пошел бы.

Наследник Нур ед-Дина хлопнул себя по коленкам и воскликнул:

— Так прими ислам! Я дам тебе землю. Целый город... два города! Три! Три богатых города!

— Спасибо.— Князь покачал головой.— Отец твой перед смертью говорил со мной, склонял сменить веру...

— И что же?

— Скажу тебе то же, что сказал ему.

— Надо понимать, ты отказываешься? Но почему?

— Я — христианин.

— Мне говорили, что ты ходил в набег на остров, где живут христиане. Ты убил там многих.

Ренольд удивился: откуда он узнал? Этого мальчика мать даже еще и во чреве не носила, когда он, будучи князем Антиохии, в союзе с тамплиерами и князем Киликии прошел огнем и мечом по христианскому Кипру.

— Грифоны — не христиане,— ответил рыцарь.

— А как же твой главный священник? — не унимался отрок.— Говорят, ты люто пытал его? Он что, тоже не христианин?

Вопрос поставил пленника в тупик. Безупречность детской логики ас-Салиха поражала: и верно, если те не христиане, да и другие тоже — то кто же тогда? Выходило, что большего радетеля веры Христовой, чем сам Ренольд, сразу и не сыскать. Впрочем, тут он являлся единственным носившим крест, а значит, в любом случае лучшим христианином.

— Патриарх Эмери грешил сверх меры,— «сознался» князь, как бы разводя руками.— Вот я и прочил его. Немножко в ум привел.

Он не стал вдаваться в подробности, рассказывать, как по его приказу Эмери Лиможского били по голове палками и как потом, обмазав ее медом, посадили святителя на раскаленную летним солнцем крышу Антиохийской цитадели.

Услышав перевод ответа, данного собеседником, ас-Салих сверкнул глазами и неприязненно покосился на советника, точно хотел сказать:

«И мне бы не худо кое-кого поучить! А то иные обнаглели сверх меры. Перечат, что ни слово! Расселись тут, когда стоять должны!..»

Отрок, однако, только кивнул, и на какое-то время в зале воцарилось молчание, а потом ас-Салих неожиданно заявил:

— Я отпущу тебя без выкупа, эмир Арно. Отдам тебе меч, который Маджд ед-Дин ибн ед-Дайя, верный слуга моего отца, отобрал у тебя...

Не успел толмач начать переводить первое предложение, как толстяк Гюмюштекин повернулся к юному господину и что-то очень быстро и возмущенно заговорил, брызгая слюной.

Ренольд понимал, что губернатора Алеппо никак не может устроить такое великодушие наследника Нур ед-Дина. Мальчик внутри весь просто вскипел. Он едва сдержался, чтобы не ударить советника, но побоялся сделать это — все же Гюмюштекин хранил ему верность, не то что губернатор Дамаска, сдавший город едва ли не по первому требованию курдского выскочки. Не в том положении находился ас-Салих, чтобы обижать без весомого повода верных слуг. Вместе с тем слово свое он уже произнес и нарушать не хотел.

Пользуясь тем, что пленник не знал арабского, выход из затруднительного положения, надо думать, подсказал сам советник — на то он и советник, чтобы советы давать.

Сделав надменное лицо, отрок продолжал:

— Я отпущу тебя без выкупа. Верну твой меч, если... если ты скажешь, куда подевались твои сообщники. Те, кто помог тебе сбежать.

— Даже и предположить не могу, где они, король, — пожал плечами Ренольд. — Знал бы, с радостью сказал тебе.

Ас-Салих против ожидания настаивать не стал.

— Хорошо, — сказал он, — тогда свобода обойдется тебе в... в сто двадцать тысяч динаров. Напиши своему королю, пусть пришлет выкуп. А пока ты поживешь у меня в гостях.

Ренольд не стал скрывать радости и даже выразил благодарность.

«То-то граф Триполийский завоюет с досады, что меня оценили в полтора раза дороже него! — мысленно рассме-

ялся рыцарь. — Кажется, самого Боэмунда Отрантского выкупили всего за сто тысяч! Замечательно! Только где же мне взять денег?!»

Вот с этой, несомненно, не праздной мыслью князь и отправился, разумеется в сопровождении стражи, в отведенные ему гостеприимным хозяином апартаменты.

XI

По окончании месяца рамадан пятьсот семьдесят первого года лунной хиджры, или в марте тысяча сто семьдесят шестого года от Рождества Христова, Сайф ед-Дин Мосульский решил, что настала пора вмешаться в сирийские дела самому. Вновь большая армия отправилась к Алеппо навстречу дружинам ас-Салиха.

На сей раз Салах ед-Дину не удалось воспрепятствовать соединению сил Зенгиидов. Несмотря на то что султан получил подкрепления из Египта, поход для него начался в общем-то неудачно. Одиннадцатого апреля по христианскому летосчислению, когда армия форсировала вблизи Хамы реку Оронт, или, как она называлась по-арабски, Нахр-аль-Аси, солнечное затмение, случившееся в тот день, до того напугало его солдат, что они едва не обратились в паническое бегство.

Салах ед-Дину удалось успокоить своих людей, однако через десять дней воины атабека Мосула застали египтян врасплох, когда те поили коней в реке. Армию султана спасла лишь оплошность Сайф ед-Дина, который неверно оценил расклад сил и не отдал приказ атаковать немедленно. Однако на следующий день он, упрекая себя за промедление, исполнившись решимости, двинул свое войско на укрепленный лагерь Салах ед-Дина, расположенной на Кургане Султана всего в каких-нибудь пяти лье к югу от Алеппо.

Атака почти удалась, египтяне понесли тяжелые потери, однако лучшие воины, резерв султана, его личная стража, состоявшая из мамелюков, облаченных, подобно франкам, в кольчуги, не вступала в бой до самого последнего момента, когда Салах ед-Дин сам повел ее в контрнаступление. К вечеру он стал полным хозяином положения. Сайф ед-Дин и остатки мосульской армии в ужасе бежали. Атабек так торопился, что не успел захватить даже казну: думается, славный курдский воитель был весьма благодарен ему за это, султан как раз ломал голову, как бы наградить своих ветеранов, не слишком глубоко залезая в собственный кошель.

С пленными победитель обошелся по-рыцарски: раненные получили помощь лекарей, голодные и утомленные битвой — еду и отдых. Вскоре и те и другие обрели по его воле свободу и, отправившись домой, на все лады прославляли благородство Салах ед-Дина, султана Египта и Сирии.

Алеппо упорно отказывался признать превосходство курдского выскочки, жители выражали готовность драться за своего юного короля до последней капли крови — военные неудачи не сломили их боевого духа.

Между тем все территории к югу уже контролировались неприятелем, который решил, что наступила пора прибрать к рукам замки, расположенные к северу от белой столицы атабеков. С большим войском султан подошел к сильно укрепленной крепости Аزاز. Некогда ей владели франки Антиохии, давным-давно отброшенные турками на запад до самого Бахраса, принадлежавшего тамплиерам и контролировавшего Сирийские Ворота — горный перевал на дороге из столицы княжества в Киликию.

Здесь в лагере султан Египта и Сирии в который уж раз оказался на волосок от гибели. Шейх Синан не простил Салах ед-Дину его печальной роли в судьбе Фатимидского халифата, и, хотя действовал курд в ту пору от имени своего законного господина, чей сын правил теперь в Алеппо, фидаи Старца Горы, считавшего, видимо, что сын за отца не отвечает, в большей степени склонялись на сторону ас-Салиха. Разумеется, дело тут обстояло главным образом не в личных симпатиях и антипатиях, таковым уж оказался расклад сил: как поступил бы и любой другой мудрый властитель на его месте, в данной ситуации Рашид ед-Дин принял сторону слабого, изо всех сил стремясь не позволить сильному проглотить его и таким образом сделаться еще сильнее.

На сей раз Салах ед-Дину помог не иначе как сам Аллах — охрана проглядела ассасинов, одному из них удалось прокрасться в палатку султана, и лишь стальная шапочка, которую он носил под тюрбаном, спасла курда от смерти.

В конце последнего месяца пятьсот семьдесят первого года лунной хиджры гарнизон Азаза капитулировал. Тремя днями позже войска Египта подошли к Алеппо. Салах ед-Дин и наследник Нур ед-Дина начали переговоры, продлившиеся целый месяц. В середине месяца муххарамы нового, пятьсот семьдесят второго года по

мусульманскому летосчислению, или двадцать девятого июля по христианскому календарю, они завершились весьма символическим жестом со стороны султана. Младшая сестра короля-отрока посетила лагерь Салах ед-Дина и на вопрос доброго дяденьки: «Какой бы подарок ты хотела получить от меня, детка?», хлопая глазенками, ответила: «Город Аزاز». «Ничего себе запросы!» — подумал, надо полагать, курдский воитель, но просьбу удовлетворил.

Тем временем, пока длились переговоры под стенами белой столицы атабеков, граф Триполи, князь Галилеи, прокуратор королевства латинян в Иерусалиме Раймунд с войском вторгся в долину Бекаа, где его дружину основательно потрепал правитель Баальбека, бывший губернатор Дамаска ибн аль-Мукаддам. На выручку графу весьма своевременно поспешил славный коннетабль Иерусалимский, старик Онфруа Второй де Торон.

Номинально командовал войском пятнадцатилетний король Бальдуэн ле Мезль.

Этот рейд был первым в жизни несчастного прокаженного юноши, волею судеб воссевшего на отцовский трон. Предприятие удалось на славу; соединенные силы франков ударили на отряды брата Салах ед-Дина, Тураншаха, и нанесли ему сокрушительное поражение, перебив практически все ополчение Дамаска.

Несколько раньше султан наконец-то сумел выкроить время, чтобы вплотную заняться ассасинами. Его армия вторглась в горы Носайри и осадила форпост фидаев, столицу владений Старца Горы — неприступную крепость Масьяф. Сам глава братства фанатиков-убийц находился в отъезде, и весть о грозящей опасности застигла шейха Синана в дороге, причем так неожиданно, что он едва не угодил в руки солдат Салах ед-Дина. Однако произошло нечто сверхъестественное, в самый последний момент Рашид ед-Дин ускользнул от них: он... закололся кинжалом, но в следующее мгновение солдаты султана... узрели шейха стоявшим довольно далеко на вершине холма.

Надо ли говорить, что они не стали его преследовать? Правильно, кто же гоняется за духами?

Между тем «дух» очень скоро материализовался. Как-то, проснувшись поутру, Салах ед-Дин нашел у себя на подушке отравленный кинжал, свежее испеченные еще горячие сладости, секрет приготовления которых знали только фидаи, и пространное послание. В его строках Старец Горы пообещал курду убить его, но не

раньше, чем будут уничтожены все родственники султана. Трудно сказать почему, но начать шейх Синан пообещал с дяди Салах ед-Дина по материнской линии, Шихаб ед-Дина, и скоро тот известил племянника, что тоже получил письмо с угрозами.

Едва ли стоит удивляться, что после всего вышепечисленного у султана совершенно испортился сон? Он к тому же вбил себе в голову, что навестил его не посланец Синана, а сам Синан.

У Салах ед-Дина начались кошмарные видения, и скоро он оказался на грани самого настоящего нервного расстройства. Внутри шатра пришлось поставить огромную деревянную клетку, только в ней одной победоносный курдский воитель чувствовал себя в относительной безопасности. Однако и этого показалось мало Салах ед-Дину, он послал Старцу письмо с просьбой... простить его. Тот согласился. В обмен на возможность спокойно отдыхать после ратных трудов султан снял осаду с Масьяфа и убрался куда подальше от гор Носайри.

Славный курд отправился на юг, откуда до него донеслись грозные известия о несчастье, постигшем отряды дамаскцев. При приближении его армии латиняне отступили, и Салах ед-Дин, оставив вместо себя заправлять делами в Сирии Тураншаха, уехал в Каир, куда и прибыл в середине месяца раби аль-авваль пятьсот семьдесят второго года лунной хиджры.

После всех потрясений султан, как мы можем себе представить, остро нуждался в передышке. В то же самое время бальи Иерусалимского королевства, у которого пока как будто бы не возникало особой нужды прятаться от врагов ни в деревянных, ни в каких-либо еще клетках, также пребывал не в самом хорошем расположении духа. И хотя жизни Раймунда не угрожали безумные фанатики Рашиддина, тем не менее положение регента при дворе становилось все более неустойчивым. Смерть Милона де Планси несмысленным пятном легла на его репутацию, а скороспелое разбирательство и ошеломляющие результаты Божьего суда, чудесное избавление обвиняемого и отъезд «праведника» в Антиохию, вызвавший неудовольствие особенно религиозно настроенной части подданных Раймунда — что ж за правитель у нас, коль от него бегут люди, отмеченные Господом? — все это вместе взятое не могло не отразиться на его настроении.

Несмотря на всю незначительность, поражение, нанесенное ему Ибн аль-Мукаддамом, явно не добавляло графу веселья. Вместе с тем почти никто из рыцарей не пострадал, и дружине в целом удалось сохранить боеспособность, а потерь пехоты, как всегда, не считали — что за беда?

Соединившись с королевской армией, рыцари Триполи сумели даже поквитаться с неприятелем и частично вернуть себе утраченный престиж, однако кое-кто позволял себе коситься на графа. И хотя никто не осмеливался заявлять во всеуслышание, что, если бы не Онфруа Торонский, не видать бы франкам победы, многие так думали. Мало того, даже по возвращении домой покой для Раймунда не наступил — неугомонный правдоискатель сеньор Ботруна развил бешеную деятельность, желая докопаться до истины и установить личность загадочного Роберта Санг-Шо.

Впрочем, мотивы, двигавшие Плибано, были понятны графу, брат Жерар продолжал успешно делать карьеру. Его авторитет среди членов братства рос, влияние на великого магистра ордена Одо де Сент-Амана усиливалось. Пизанец просто боялся храмовника. Раймунд — нет. Вместе с тем не принять Плибано он не мог; тот к тому же сумел склонить на свою сторону сенешаля Голерана де Майонна и канцлера Маттеуса и теперь с их помощью назойливо добивался аудиенции.

«Ладно! — не без многообещающего злорадства сдался регент. — Я тебя приму!»

— Что у вас, мессир? — спросил он пизанца, когда тот покончил с пространными приветствиями. — Вы, верно, даром времени не теряли?

— О да, государь, — демонстрируя должное почтение, проговорил Плибано. — Кое-что я узнал.

— Кое-что? — Раймунд соорил кислую мину. — Полагаю, ваше *кое-что* стоило того, чтобы не присоединиться ко мне в походе против неверных?

Хотя сеньор Ботруна продолжал улыбаться, глазенки его забегали.

— Ваше сиятельство, — пропел он, — я просто не успел собрать вовремя войско. Ваш приказ пришел так неожиданно...

— Не знаю, как обстоят дела у вас на родине, мессир, — оборвал вассала Раймунд. — Однако хочу на всякий случай напомнить, что тут не Италия. Здесь Восток, и мы ведем священную войну против неверных. Начали ее не мы, а наши деды и прадеды, так не нам

и складывать оружие. А посему рыцарь, присягнувший своему сюзерену, имеет перед ним вполне определенные обязательства...

— Вне сомнения, государь, на беззаветной любви к Господу и безусловной верности слуги своему господину держится весь христианский мир.

Если с безусловной верностью дела у Плибано пока обстояли неважно, то безусловной наглости ему было определено не занимать — уж если он осмеливался перебивать своего сеньора, чего же ждать от такого вассала?!

— Разница, мессир, заключается в том, — с металлом в голосе возразил граф, — что на Востоке от преданности слуги почти всегда зависит жизнь господина. Ибо мы сражаемся за веру, и враг наш многочислен и жесток, а вечный мир, по примеру тех, которые заключают между собой государи Европы, с ним невозможен.

— Прекрасные слова, государь! — воскликнул пизанец. — Вы устыдили меня. Но прошу простить мне мое промедление, ведь оно продиктовано вовсе не нерадением к делу латинян на Востоке, а совсем иными обстоятельствами. Я так старался собрать побольше воинов для ваш... для нашей экспедиции против неверных, что переусердствовал. Я нанял солдат в полтора раза больше, чем обязан выставить по закону, вследствие чего и припоздал. Но ведь мои воины пригодились вам, не так ли?

Раймунд кивнул. Конечно, свежие силы, подоспевшие из Ботруна, пришлись кстати, но, явись солдаты Плибано своевременно, возможно, ибн аль-Мукаддаму вообще не удалось бы потрепать дружину Триполи.

— Жаль только, что с войском не оказалось предводителя, — не без желчи посетовал граф. — Что вы скажете на это, милейший сеньор?

Похоже, Плибано заготовил ответы на все вопросы.

— О, государь! — воскликнул он, воздевая руки к потолку. — Меня дезинформировали. Сказали, что вы сразились с неверными, а потом повернули обратно и уже находитесь на пути в столицу ваших богоспасаемых земель. Поэтому и я поскакал туда; отряд же мой тем временем стал лагерем. Я не велел им отступать до тех пор, пока не будут ясны дальнейшие планы вашего сиятельства, и, как видите, поступил разумно, поскольку посланный вами гонец заметил их и... В общем, произошло некоторое недоразумение, которое, чего вы, государь, не можете не признать, обернулось к вашей выгоде.

«Скользкий мерзавец, как медуза,— с невольным уважением подумал Раймунд.— Вывернулся. Сквозь пальцы прошел. Придется в следующий раз посылать ему гонца со свидетелями, чтобы не отвертелся, а то ведь, чего доброго, заявит, что к нему вообще никто не приезжал. С такого станется!»

Ему ничего не оставалось, как только выслушать Плибано.

— Впредь запомните, мессир, что *рыцарю* в походе надлежит находиться со своей дружиной при сюзерене,— устало проговорил властитель Триполи, не преминув сделать упор на слове «рыцарь».— Ну что там у вас? Говорите, я слушаю.

Реакция пизанца озадачила графа.

— Даже и не знаю, как вам сказать,— замылся Плибано.— Я прямо боюсь и произнести...

— Что еще?! — Неожиданности в последнее время редко радовали Раймунда.— Не хотите говорить, так ступайте себе! Придете в другой раз!

— Нет-нет, ваше сиятельство! Не прогоняйте меня! — воскликнул сеньор Ботруна, складывая руки на груди, точно мусульманский вельможа.

— Да кто вас прогоняет?!

— Ради всего святого, не сердитесь, государь! — взмолился Плибано.— Я теперь точно знаю, кто стоит за смертью короля Аморика и сенешаля Милона де Планси. Как я и говорил, ваш несчастный Вестоносец был тут совершенно ни при чем.

— Что вы несете, мессир? Король Аморик скончался от дизентерии.

— Вот взгляните сами, ваше сиятельство,— предложил пизанец, доставая из кошелька и протягивая Раймунду предназначенную для составления черновиков и снятия копий с документов вощеную пластинку, так называемую церу.— Прочтите...

Предерзкий шут ласточке
Хвост опалил. Хохочет,
Гордыней исполненный.
Лопнет надутый бурдюк и
Черным зловонным вином истечет.

— Ну и что? — спросил граф, побежав глазами строчки.— Откуда вы это взяли?

— Совершенно случайно удалось заполучить. Это копия, а саму записку прислали нашему покойному

правителю после того, как он наказал тамплиеров в Сидоне. Все сходится, его величество подпалил тамплиерам хвост... Мне, право, неудобно говорить, но... Покойный наш государь был несколько широковат станом, а его манера смеяться, признаться, многих шокировала. И, да простит меня ваше сиятельство, болезнь, от которой скончался король, как ни крути, благородной не назовешь. Чего-чего, а зловония от нее хоть отбавляй.

Все это так походило на правду, что граф не нашел слов для возражения. Однако сюрпризы на этом не кончились.

— А вот еще одна, — сказал пизанец.

На сей раз в руках Раймунда оказался пергамент.

Пускай один уйдет, чтоб
Дать дорогу двум.
Запомни же, что нет
У коршуна врага страшней, чем
Ласточка с кровавыми хвостами.

— Что это? — проговорил владыка Триполи. — С ласточкой мне уже вроде все понятно, а кто коршун? И кто этот *один*, который уйдет? Куда это он уйдет?

Впрочем, точности ради, скажем, что графа куда более интересовали те *двое*, которым *один* должен дать дорогу. Вернее, не должен, а как, можно было догадаться, уже дал.

Времени на объяснения ушло довольно много, и прежде всего потому, что сеньор Ботруна очень стеснялся высказать догадку относительно того, кого неизвестный поэт в своем иносказательном пятистишии назвал коршуном. В конце концов Раймунд догадался сам. С тем, кто и кому, по мнению автора послания, должен был дать дорогу, также все прояснилось, поскольку сенешалем на место Милона де Планси король Бальдуэн как раз на днях назначил своего недавно выкупленного из плена дядю номинального графа Эдесского Жослена де Куртенэ. Регент не смог воспрепятствовать этому.

Поскольку относительно второго из двух граф и его посетитель так ни к какому мнению и не пришли, гадания на этом и закончились, однако вопросы остались.

— Первое письмо мне передали госпитальеры, — сказал пизанец. — А второе мои доверенные лица заполучили прямо из ларца, стоявшего в спальне дома благо-

родной дамы Агнессы. Это обличает тайные связи матери короля с тамплиерами в делах, которые едва ли понравятся королю. Ясно, что и орден Храма и семейство Куртенэ замешаны в убийстве короля Аморика и сеньора Трансиордании Милона де Планси.

— Теперь мне становятся понятными причины столь усилившегося влияния фламандца! — проговорил граф, качая головой. — Надо полагать, магистр Одо имеет основания испытывать благодарность к своему товарищу... — Пришедшая в голову мысль показалась регенту Иерусалима просто дикой. — Нет, никак не могу поверить в то, что они осмелились поднять руку на самого короля!

Раймунд покачал головой. Надо сказать, у него имелись все основания *не хотеть верить* в то, что казалось Плибано очевидными фактами. И все же... Аморик хотел распустить орден Храма, вернее, слить оба ордена в один и поставить его под командование одного человека. И уж конечно, человеком этим едва ли стал бы брат Одо. Между тем последний приходился младшим братом самому Годфруа де Сент-Омеру, ближайшему соратнику Юго де Пайена, одному из девяти основателей братства бедных рыцарей Христа. Что же получалось? Теперь никто, даже король, не в силах что-либо сделать с храмовниками? Не просто не в силах, подобные намерения могут весьма дорого обойтись даже монарху. Ничего себе открытие?!

— Но... какая же связь между этими письмами? — спросил граф вассала, понимая, что пауза затягивается до неприличия. — Одно из них — угроза... да-да, угроза, и ничего больше! А другое? Оно больше похоже на руководство к действию, не так ли? К нему надо отнестись серьезно... Хотя... Дама Агнесса и тамплиеры легко отойдутся, мы не сможем ничего доказать. Более того, попытка сделать это, имея на руках такие сомнительные улики, обернется против нас.

— Сможем, ваше сиятельство! — победно воззрившись на сюзерена, воскликнул Плибано. — В подвале моего замка находится не кто иной, как сам Роберт Санг-Шо!

— Роберт Санг-Шо?! — Раймунд вытаращил глаза. — Как вам удалось поймать его? Я вообще сомневался, что таковой существует...

— Существует, государь. И более того, он был соратником ордена Храма, служил вместе с нашим дорогим Жераром.

— Наградите того, кто схватил убийцу! — Граф почувствовал, как возбуждение охватывает его. Живой свидетель темных делишек храмовников, исполнитель их тайных приказов! Это обстоятельство круто меняло дело. Тут уж юному королю Бальдуэну придется выслушать дядюшку. Может, теперь наконец удастся добиться объединения храмовников с госпитальерами?! Сколько уж копий изломано в дебатах по этому поводу? Однако, если удастся доказать, что король Аморик поплатился за свои попытки жизнью, тамплиеров не спасет заступничество даже самого римского понтифика. Впрочем, едва ли папа Александр встанет на их сторону в таком деле. — Роберт в чем-нибудь признался?

— Насколько мне известно — нет, — покачал головой Плибано. — Но признается. Уж мы его спросим как следует. Как только мои люди привезут его сюда.

— Когда?!

— Скоро, государь, очень скоро, — пообещал пизанец. — Я послал за ним еще утром, как только узнал, что вы меня примете. Теперь вечер, его уже должны привезти.

— Почему вы сразу не сказали мне?! — с нетерпением воскликнул Раймунд. — Ходили вокруг да около!

Тут ботрунский вассал продемонстрировал прямотаки сверххристианское смирение. По его тону можно было предположить, что прямо сразу после беседы он отправится в монастырскую келью, где станет нещадно бичевать себя кнутом за прегрешения перед сюзереном, а значит, и перед Богом.

— Я знал, что виноват перед вами, государь, — проговорил он со вздохом. — И поэтому не хотел, чтобы вы подумали, будто я намеренно стараюсь избежать заслуженного выговора. Получив его, я с чистой душой смог поведать вам новые обстоятельства относительно козней, которые плетут против вас и короля Иерусалимского брата Храма и дама Агнесса.

«Черта с два! — подумал граф. — Ты хотел набить себе цену, купчишка! Ваш брат не успокоится пока не выжмет из ситуации всю выгоду до капли, как масло из жмыха. То-то я смотрю, ты все в окно поглядываешь! Верно, велел доставить этого Роберта Санг-Шо до того, как стемнеет? Ну что ж, поглядим на твое приобретение...»

— Ваше сиятельство, — продолжал Плибано. — Я думаю, что неплохо бы пригласить сюда Раурта из Тарса, чтобы он мог опознать...

Он не договорил. Внезапно со стороны входа в покои правителя Триполи раздался какой-то шум, и тотчас в дверях появился растерянный стражник.

— Государь... — проговорил он очень взволнованно. — Там человек из Ботруна. Он весь в крови...

— Впустить! Впустить немедленно, болван! — что было мочи закричал Раймунд. — Сейчас же...

Но больше напрягать голосовые связки ему не пришлось. Окровавленный воин, которого перестали удерживать стражники, прорвался в кабинет графа.

На солдата было страшно смотреть. Шлема он лишился, волосы на голове превратились в какое-то невообразимое черное от крови месиво. Кровь, перемешанная с дорожной пылью, покрывала также табар и доспехи. Казалось, человек этот чудом вырвался из страшной сечи. Как выяснилось, дело именно так и обстояло.

— Что случилось, Ансельмо?! — не выдержал Плибано, терзаемый дурным предчувствием. — На вас напали?

— Государь... сеньор... — переводя безумный взгляд с графа на своего господина, начал солдат, покачиваясь из стороны в сторону. — Да...

— Но кто?! — хором воскликнули Раймунд и пизанец. — Где?! Где Роберт Санг-Шо?!

— Все погибли...

— Кто погиб?!

— Всех убили... Я вырвался, скакал как сумасшедший почти целых два лье...

— Кто убил?!

— Язычники...

— Их много? — испугался Раймунд — ну как Саладин решил наказать Триполи за резню дамаскцев Тураншаха?

— Тьмы... С полсотни... Или сто... — Сознание вестника из Ботруна, как видно, все сильнее окутывала беспросветная пелена. Он в очередной раз качнулся; ноги подкосились, и Ансельмо плашмя рухнул на мозаичный пол. — Черный рыцарь! — неожиданно громко крикнул воин, поднимая голову, и, вновь роняя ее на холодный камень, повторил уже намного тише: — Черный...

Он на короткое мгновение зашелся в конвульсиях и замер бездыханным.

— Это уже становится забавным, — задумчиво проговорил Раймунд и добавил, обращаясь к солдатам: — Уберите его отсюда.

Теперь, когда с благословенных времен Второго похода минуло без малого тридцать лет, далеко не юный уже забияка из Шатийона чувствовал себя так, словно родился на свет заново. Ах, как прекрасно было оказаться в седле после стольких лет заточения! Пришпоривать коня, сдавливать шенкелями его бока! Тот, кого рыцарь-отец впервые посадил на лошадь в шесть лет, не забудет до смерти воинской науки, одно из главных слагаемых которой — умение справляться с своевольным жеребцом, едва ли не до старости остающимся диким зверем. Укрощать его буйный нрав, заставлять дестриера слушаться — вот настоящее искусство! Рыцарь и конь в бою или на турнире — единое целое, без этого нельзя, без этого смерть или бесчестье, которое еще хуже смерти.

Без владения искусством верховой езды нет воина-кавалериста, это понятно, но существует и еще нечто, без которого невозможно, как говорили древние: *conditio sine qua non*. Какой же *настоящий* шевалье не объезживал лихих кобылиц в их альковах? Не соблазнял юных служаночек и, рискуя подчас головой, благородных замужних дам?

О дочери Сирии! Лишь за тем, чтобы изведать ваши горячие ласки, стоило покинуть старушку Европу; пройти через земли коварных ромеев; сражаться с неверными на горных тропах Малой Азии, что ни день оказываясь на волосок от гибели; умирать от морской болезни в трюме византийского дромона на пути из проклятой Господом Адалии в богоспасаемую Антиохию! А потом? Разве воспоминания обо всем этом не стоили того, чтобы покинуть мрачный донжон, а затем и дворец гостеприимных хозяев Алеппо?

Время в столетии двенадцатом, не то что в веке скоростей — двадцатом, текло неторопливо; людям молодым и горячим приходилось усмирять в себе желание быстрых перемен, а тем, кто состарился в подземелье, и вовсе не пристало спешить, да и справедливости ради скажем: отведенные князю покои во дворце мало напоминали отвратительную тюрьму.

Юный наследник Нур ед-Дина, в прошлом заклятого врага Ренольда, обращался с пленником отца по-рыцарски; они даже ездили вместе охотиться. Как-то, оставшись с христианином на короткий миг с глазу на глаз, ас-Салих признался, что очень недоволен некото-

рыми из советников, особенно одним. Кем конкретно, он не сказал, но догадаться труда не составило. И хотя отрок знал по-французски всего несколько слов, да и Ренольд — не больше, все же они смогли понять друг друга.

Этот тринадцатилетний мальчик чем-то напоминал князю его собственного сына, маленького Ренольда, любимчика Констанс. Теперь малыш был бы уже взрослым. Как и все шестеро детей княгини, которых она произвела на свет в обоих своих браках, он родился здоровым и мог стать настоящим мужчиной, рыцарем, ведь всего за год до того рокового, фатального рейда на неприятельскую территорию князь посадил сына на коня, а это означало начало пути взрослого рыцаря. Мальчишка имел все шансы сделаться таковым. Вернее, имел *бы*, если *бы* отец его не угодил в плен к неверным. Однако, когда это случилось, шансов выжить у мальчика не осталось — Боэмунд Заика, первенец Констанс и Раймунда де Пуатье, не мог допустить подобного. Он и собственного брата и даже дочь Ренольда, Агнессу, спровадил от двора. Девочка стала женой короля унгов²⁷.

Несмотря на благорасположение ас-Салиха и на ответную симпатию князя, подружиться по-настоящему они не могли, хотя бы уже потому, что Гюмюштекин слишком ревниво опекал своего повелителя, который никак не решался порвать с ним. Хитрый эмир, конечно, догадывался, чем такой разрыв мог закончиться лично для него, а потому изо всех сил старался не утратить контроля над ситуацией, что лишь будило в душе короля Алеппо еще большее раздражение, готовое вот-вот перерасти в открытую ненависть.

Так или иначе, но минуло больше года, прежде чем ас-Салих, получив первую часть выкупа, привезенного тамплиерами, наконец отпустил Ренольда на свободу. Произошло это не раньше, чем отроку удалось-таки освободиться от назойливой опеки Гюмюштекина: все- сильный губернатор отправился в почетную ссылку в Гарен, двенадцать лет назад окончательно отвоеванный турками у христиан Антиохии. Теперь у вчера еще все- сильного министра двора появился собственный богатый фьеф, однако влияние эмира в белой столице атабеков заметно ослабло.

Известно, что люди энергичные и честолюбивые с трудом мирятся с потерей власти, не смирился с этим и Гюмюштекин, поэтому, забегай вперед, скажем: прой-

дет всего год, и вельможа успокоится навсегда, но не раньше, чем по приказу своего повелителя лишится головы. Однако, опять-таки опережая события, отметим: сферой интересов и областью приложения сил Ренольда де Шатийона станет отныне не север, а юг Сирии, к делам в Алеппо, равно как и в Антиохии, он отныне будет иметь лишь косвенное отношение. И все же, как бы там ни было, второй, самый печальный этап жизни нашего героя на Востоке подошел ко концу. На исходе лета тысяча сто семьдесят шестого года от Рождества Христова эскорт мусульманских всадников проводил бывшего пленника Алеппо до границ его тоже, увы, бывших владений.

О возвращении в Антиохию для Ренольда, разумеется, не могло идти и речи; проехать бы через территорию княжества без помех — кто знает, что на уме у пасынка? Не забыл, надо думать, кулака отчима — уроков юных дней. Не забыл — уж точно, не даром про таких храбрецов, как Боэмунд, что герои только с женщинами и бессловесными рабами, говорят: «Молодец против овец, а на молодца и сам овца». Между тем «овцы» эти обладают характером определенного свойства, они в отличие от настоящих барашков до смерти помнят обиды.

Мог, вполне мог Боэмунд послать отряд, чтобы перенять Ренольда дорогой. Мог и убить приказать, а потом руками развести, мол, случайность вышла, разбойники напали, пошаливают мерзавцы, нет им укорота! Однако и тамплиеры не лыком шиты; знали они про любовь Заики к отчиму, послали свой эскорт, он и сопроводил бывшего князя в замок Бахрас, им же еще в начале правления своего их Дому пожалованный.

Из Бахраса в Александретту, оттуда морем до Акры, а дальше снова в седле — так и путешествовал Ренольд по христианским землям. Прибыл он в Иерусалим в начале сентября и первым делом засвидетельствовал почтение королю, графу Жослену Эдесскому и его сестре, графине Агнессе. С ней, понял, одной благодарностью и обещанием вскоре возратить долги не отделаешься: Графиня *заприметила* Ренольда. Одно имя уже чего стоило? Как-никак и первый и последний мужья Агнессы звались так же; ведь должны подобные вещи хоть что-то значить?

Впрочем, что касалось дамы, не юной уже, но сохранившей помимо привлекательности еще и дьявольский огонь в крови, приватные беседы с ней были вчерашне-

му узнику неверных не только необременительны, но и приятны. Графиня понимала толк в любви, опыт за плечами у нее имелся пребогатый.

Если в гостеприимном доме Кристины-Ксении Терезия, как и полагалось простолюдинке, отмеченной вниманием благородного господина, не заботясь о себе, служила сеньору, угождая всем его желаниям и даже прихотям, то дама Агнесса вела себя совсем иначе. Она привыкла брать то, что ей нравилось, хотя умела и отдавать. Сказать по правде, князю пришлось по нраву ее подход к любовным утехам. Такого галопа Ренольд не припоминал со времен юности, когда голодные и утомленные походом пилигримы Второго похода причалили в Сен-Симеоне, морских воротах Антиохии, и, быстро отъевшись на пирах у ее тогдашнего князя, принялись *опылять прекрасные цветники Сирии*.

Сжимая грубыми пальцами талию Графини, без жалости терзая ее нежную белую кожу, рыцарь не мог не вспоминать Маргариты, служанки своей тогда еще будущей жены, княгини Констанс. Тетку юного Жослена Храмовника отличали весьма пышные формы, но и сестра Жослена де Куртенэ не уступала ей. Не отстала дама Агнесса от Марго и в ненасытности, Графиня требовала, чтобы ее любили еще и еще, и всякий раз брали с не меньшим жаром.

Агнесса не стала скрывать и своего приятного удивления, так как считала, что от долгого затворничества мужчина превращается в монаха, то есть желания его, если они в течение многих лет неизменно не находят удовлетворения, сами собой сходят на нет. И верно, князь достаточно долго постился, и столь долгое воздержание могло бы запросто сыграть с ним злую шутку — спасибо Терезии, ее старания вернули ему неумный аппетит и, главное, силы молодости. Теперь он не уставал восхищать Агнессу, которая скоро честно призналась, что уже ради божественных минут, проведенных ею в его жестких объятиях, следовало добиваться освобождения из неволи *такого жеребца*. Графине вообще нравились разного рода сравнения, в особенности довольно неприличные. Она любила ассоциировать себя с кобылой, которую объезжает опытный грум: ведь не даром же французское слово *chevaliers* (рыцарь) происходит от латинского — *caballarius* (конюх).

Однако даже самый могучий дестриер нуждается в отдыхе и даже самая строптивая кобылка, устав наконец проявлять норы, покоряется хозяину. И вот любов-

ники покинули постель, устроились в креслах с высокими резными спинками, возле столика, на который немая служанка поставила напитки и закуски. Агнесса любила смотреть, как жадно едят мужчины после бурных упражнений в ее постели. Дама всегда старалась во всем угодить партнерам, которые угождали ей. Она успела узнать, какие напитки по нраву гостю; оказалось, что он в отличие от предшественника предпочитает более легкое вино, зато не прочь полакомиться ликером и фруктовыми настойками. Все его пожелания, естественно, были учтены.

Не успел Ренольд утолить первый голод, как появилась служанка и знаками показала, что дворецкий просит разрешения войти. Жан доложил о прибытии важного гостя.

Архиепископ Кесарии с первого взгляда понял, что перед ним новый любовник Агнессы. Впрочем, и князь не настолько одичал в плену, чтобы по выражению, мелькнувшему в глазах Ираклия, не сообразить, что стал его преемником в богоугодном деле укрощения крутобедрой кобылки. Святитель, точно какой-нибудь юнец при виде соперника, начал было задираться, — впервые оказался Ираклий в такой роли: он сам привык менять дам, здесь же вышло, что *поменяли* его! — но тут вмешалась женщина.

— Господа, — проговорила она с улыбкой, — не надо ссориться. Вы оба прежде всего мои друзья, и я надеюсь, ими и останетесь. Более того, мне бы искренне хотелось, чтобы вы стали добрыми товарищами друг другу, так как у нас у всех одна забота — королевство, ибо на нас Господь возложил тяжкие обязанности неустанно печясь о его благе. Его нужды превыше всего, а потому отриньте ненужное. Что до меня, так я весьма сожалею, что ни с одним из вас мне не суждено связать судьбы. Вы, монсеньер, принадлежите другой даме — я говорю сейчас о Церкви Христовой, а не о прекрасной Пасхии из Наплуза, а вам, мессир, — она жеманно вздохнула и с искренним сожалением посмотрела на нового любовника, — суждено скоро вновь попасть в плен. Нет, не беспокойтесь, я имею в виду совсем не безбожников турок, а прекрасную и знатную даму — госпожу Этьению де Мийи.

Если архиепископ Кесарии прекрасно понимал, о чем шла речь — о весьма душевных отношениях Ираклия с Пасхией де Ривери, супругой богатого торговца тканями из Наплуза, с недавних пор все настойчивее

судачили кумушки по всему Утремеру, — то Ренольд был, мягко говоря, удивлен; он как-то не чувствовал еще особого желания на ком-нибудь жениться.

— Кто эта Этьения, государыня моя? — нахмурился он. — Зачем она мне?

Такая реакция не могла не польстить Графине.

— Этьения — дочь прежнего магистра ордена Храма, Филиппа де Мийи, — сказала она и не преминула добавить: — Уже не юна, конечно, но еще довольно хороша собой. Имеет сына и дочь. Очаровательные детишки, особенно десятилетний Онфруа, он — настоящий херувимчик. Назван так в честь отца, деда и прадеда — у них в роду только это имя. Не слишком знатные в прошлом, но... не о них речь, а о ней. Бедняжке не везет с мужьями, она дважды вдовела. Второй раз совсем недавно, еще и двух лет не прошло...

Произнеся последние слова, Агнесса искоса посмотрела на архиепископа. Они обменялись короткими, но выразительными взглядами, однако Ренольд, занятый размышлениями относительно предстоящего союза, ничего не заметил.

Графиня между тем продолжала нахваливать невесту:

— Вы не пожалеете, мессир. У нее завидное приданое — Заиорданские земли, или Горная Аравия, как еще называют эту страну. Есть два больших, как некоторые уверяют, просто громадных и неприступных замка — Крак де Монреаль и Крак де Моабит, его чаще называют просто Керак, мимо них пролегают караванные пути безбожников. Говорят, в землях этих воздух чистый, не то что здесь, в Иерусалиме, или на побережье, особенно в Тире. Кроме того, земля эта обильна: в оазисах ее произрастают всевозможные фрукты, а оливы дают столь щедрый урожай, что превосходное масло, что получается из них, обходится хозяину дешевле дешевого. Тамошние купцы торгуют бойко, богатеют, но вот беда, нет у них защитника. В отсутствие мужской руки язычники почувствовали, что нет им укорота, и никем не останавливаемые, проходят они с войском из Египетской Вавилонии в Сирийскую и даже в Аравию к своим ложным святыням. Давно уже пора вдове несчастного Милона де Планси перестать носить траур, а неверным чувствовать себя хозяевами в христианских странах... Да, я еще забыла упомянуть Сент-Авраам, этот город также принадлежит к Трансиорданской сеньории, хотя и располагается по сию сторону Соленого моря.

Когда речь зашла о замках и о богатствах дочери тамплиера, князь заметно оживился. Особенно ему пришлось по душе слова любовницы о караванных путях. Да и потом... на самом севере латинского Востока он уже княжил, пора повластвовать на юге Левантийского царства.

— Я, пожалуй, не стану возражать,— проговорил он, кивая.— Посмотрю невесту... Хотя, чего тянуть? Я верю вам, государыня моя, и полностью полагаюсь на ваш вкус. Тем более... Сент-Авраам ведь совсем рядом с Иерусалимом, не так ли?

Оба понимающе переглянулись: ни у того ни у другого пока не пропало желание встречаться. Ираклий перехватил их взгляд, но сделал вид, что ничего не заметил.

— Вот и славно! — похвалил он и тут же с раздражением добавил: — А то граф-регент и Ибелины протасили своего Гвильома в архиепископы Тира! Представляете себе?! Мало ему? Это вдобавок к тому, что он — канцлер двора и архидьякон Назарета!

Опасность, исходившая от архиепископа Тира, заключалась уже в том, что он, не будучи сторонником Куртенэ и Ираклия, как и прежде, имел большое влияние на своего воспитанника, короля Бальдуэна. Кроме того, в будущем, о котором обязан думать каждый политик, Гвильом мог встать на пути набиравшей силу партии Агнессы в таком важном деле, как поставление будущего патриарха Иерусалима. И хотя святительское кресло в Святом Городе оставалось пока занятым, все прекрасно сознавали — день, когда оно освободится, не за горами.

— Его величество Аморик уже наполовину выжил из ума, душа моя, — с плохо скрываемым возмущением проговорил Ираклий. — Он все забывает, все путает. Не может и шагу шагнуть без помощи слуг. Да продлит Всевышний и всемилостивейший Господь его дни, но... королевству нужен молодой, сильный патриарх... Надо подумать о преемнике! Ибелины и граф-регент уже думают!

— Не волнуйтесь, монсеньер,— попросила Агнесса.— Главное, молитесь за здоровье его святейшества патриарха Аморика. Пусть Господь позаботится о его добром здравии... по крайней мере, в течении еще *одного* года. Дни графа Раймунда на посту регента сочтены; не будем забывать, что в следующем году мой бедный мальчик входит в возраст, позволяющий править самостоятельно. Теперь, когда его дядя нашими старания-

ми обрел свободу, есть основания надеяться, что рядом с королем окажется меньше дурных помощников. Поверьте, сенешаль Жослен и его сестра умеют помнить добро, а посему не терзайте себя раньше времени.

Слова Агнессы заметно успокоили Ираклия, он даже немного повеселел. Ренольд же, размышлявший тем временем о своем, спросил:

— А как дама Этьения? Она не станет возражать?

— Не думаю, мессир,— покачала головой Графиня.— Мы с вами возьмем в сваты его величество.

По тону Агнессы князь догадался, роль свата, настоящего свата, то есть, конечно, сватьи, Агнесса отводила себе, а потому за слова свои отвечала. Она контролировала ситуацию, а значит, вопрос со свадьбой можно было считать решенным.

Нет, решительно судьба снова благоприятствовала Ренольду Шатийонскому! Вчерашний изверившийся пленник, два года назад умиравший от лихорадки в донжоне Алеппо, вновь гордо восседал в седле. Он — любовник влиятельной женщины, друг ее брата, сенешаля Иерусалимского Жослена, а также товарища магистра Храма — они виделись, и последний заверил князя в своем расположении и обещал дальнейшую поддержку. Женившись на наследнице Горной Аравии, Ренольд вновь станет *пэром Утремера*, одним из первых людей королевства и богатым человеком!

Нет! Ей-Богу, все не напрасно! Берегитесь же теперь, неверные собаки!

Он как-то и не подумал о том, что волей-неволей сделается должником тамплиеров, а также Агнессы и ее брата. Впрочем, он уже сделался им, и дело тут заключалось даже не в деньгах, которые он, разумеется, сможет скоро вернуть, просто отныне путь его будет неразрывно связан с партией непримиримых.

Иного выхода у Ренольда не было, да и быть не могло. В грядущих грозных событиях никому все равно не удалось бы остаться в стороне, а уже только по характеру своему князю, даже захоти он, едва ли удалось бы поладить с Раймундом, братьями Ибелинскими и многими другими баронами земли, так навсегда и оставшимися для него, бедного рыцаря из-за моря, пуленами, жеребятками. Они предпочитали худой мир доброй ссоре, Ренольд же в душе остался таким, каким пришел на Восток в те далекие дни марта тысяча сто сорок восьмого года. Такой человек просто не мог разделять их убеждений.

Тем временем беседа продолжалась.

Хотя Ираклию и не случилось выплеснуть накопившуюся энергию в любовных баталиях с подругой, тем не менее переживания относительно судеб отечества и особенно патриаршего престола Иерусалима изрядно иссушили горло архиепископа Кесарии. Поскольку кипрского вина на столе не оказалось, Графиня позвала служанку и велела подать гостю его любимого напитка.

Увидев явившуюся на зов монахиню в простой рясе с поднятым капюшоном, Ираклий вздрогнул от неожиданности и удивленно проговорил:

— У вас что тут теперь монастырь, душа моя?

— Это Мария,— улыбнувшись, проговорила Агнесса.— Она прислуживала моей дочери в Вифании. Однако Сибилле следует привыкать к светскому окружению, ведь жених ее, маркиз Гвильгельмо, как говорят, уже держит путь сюда. Кроме того, с Марфой, одной из моих самых любимых служанок, случилось горе, она поскользнулась на банановой кожуре и разбила себе голову о кованый дубовый сундук. Бедняжка скончалась сразу, вот я и попросила Марию заменить мне ее. Святая мать Иветта не возражала. Сестра Мария прекрасно справляется со своими обязанностями, к тому же она — немая, каковое качество, как вы знаете, я весьма ценю в слугах.

Кесарийский святитель напряженно рассмеялся. Он хотел напомнить Агнессе о том, что даже и немота слуг не служит подчас надежной гарантией для сохранности секретов господ — ведь стихи неизвестного поэта, ставшие для партии Куртенэ руководством к действию, пропали прямо из шактулки в доме самой Графини,— однако почел за благо перевести все в шутку.

— Это качество являет собой также и их главный недостаток,— сказал он.— Марфа, так та мычала, точно недоенная корова, когда хотела привлечь ваше внимание. Мне, ей-Богу, казалось, что она того и гляди забодает вас, душа моя.

— Мария — тихая,— заверила Ираклия Агнесса.— Она хорошо умеет изъясняться знаками, делает это так выразительно, что я почти всегда понимаю ее. Впрочем, главное, чтобы она понимала меня, а тут решительно никаких препятствий не возникает.

На сем тема разговора о слугах исчерпалась, и Ренольд спросил:

— А что слышно о маркизе Гвильгельмо? Каков он? Что за человек?

— Его происхождение обнадеживает, — ответил архиепископ. — Думается, из него выйдет хороший король... то есть, я хотел сказать, регент. Дай-то Господи, чтобы этой клике, Ибелинам и прочим баронам, не удалось склонить его на свою сторону. Я буду дено и ночью молить Всевышнего не допустить такой беды.

— Не беспокойтесь, господа, — заверила Агнесса. — Вы, монсеньер, конечно, молитесь, и все мы будем молиться. Помощь Господа нам ни в коем случае не помешает. Однако Сибилла — моя дочь. Я сумею приглядеть за сиром Гвильгельмо и сделать так, чтобы эти хундордные выскочки остались в дураках.

Мужчины заулыбались: мысль о том, что им удастся как следует натянуть нос пуленам, пришлась по душе обоим любовникам Графини. Тем временем в спальне ее появился дворецкий, сопровождавший посланного из дворца герольда.

— Государыня, — проговорил тот с поклоном. — Его величество король Бальдуэн просит вас немедленно прибыть ко двору. Произошло нечто чрезвычайное.

— О Боже! — всплеснула руками Агнесса. — Что-то случилось с моим мальчиком? Ему стало хуже?

— Нет, государыня, — поспешил ответить герольд. — Государь в добром здравии. Прибыли посланцы из-за границы...

— Сир Гвильгельмо приехал?! — воскликнула женщина. — Уже? Так рано?! Впрочем, нет... как раз вовремя...

Посланец короля терпеливо молчал, ожидая, пока Агнесса покончит с догадками. Наконец она спросила:

— Так что же случилось?

— Я не знаю, государыня. Какие-то важные вести с севера. Мне ничего не известно, кроме того, что прискакали гонцы из Киликии от князя Рубена.

— Ступай, — проговорила Графиня и, когда герольд удалился, обратилась к гостям: — Отправляйтесь во дворец, господа. Мне необходимо время, чтобы собраться.

* * *

Народу в тронном зале огромного и ужасно неуютного королевского дворца, расположенного на территории храмового комплекса Иерусалима, собралось немного. Бароны земли не слишком-то любили столицу, предпочитая в свободное от государственных дел и

походов время живать в своих вотчинах, в замках, убранство которых могло не просто соперничать с богатством обстановки резиденции их сюзерена, но зачастую и превосходило ее роскошью.

Пятнадцатилетний король сидел на отцовском троне. Одежда не позволяла видеть следов проказы: лицо книзу от глаз скрывал треугольник шелкового арабского кеффе. Пальцы левой руки, той самой, на которой архидьякон Гвильом впервые обнаружил у девятилетнего воспитанника признаки начинавшейся болезни, юноша спрятал в длинном, красиво расшитом по краю рукаве блию; правая, непривычно белая для рыцаря, даже такого молодого, лежала на подлокотнике трона.

Рядом с королем находились только главный камергер двора, двадцатилетний красавец Аморик де Лузиньян и сенешаль Жослен: в официальных случаях мать предпочитала не выставлять лишний раз напоказ свою близость к правителю Утремера, ведь для многих Агнеса, несмотря ни на что, оставалась фигурой одиозной. Теперь же, пока еще продолжалось регентство графа Раймунда, не следовало лишний раз злить его сторонников, напоминая им о том, что их король — ее сын.

— Дамы и господа,— начал Бальдуэн.— Я очень рад видеть вас тут, однако новость, которую я вынужден сообщить вам, весьма печальна.

Собравшиеся заволновались, чувствовалось, что им с трудом удастся соблюдать приличия; казалось, вот-вот кто-нибудь не выдержит и спросит: «Да что же? Что же такое произошло?!»

Выдержав паузу, правитель Иерусалима продолжал:

— Сегодня достигла нас страшная весть о большой беде делу христиан, о горьком поражении, нанесенном неверными его христианнейшему величеству императору Константинополя Мануилу...

Все зашумели, многим известие вовсе не казалось ужасным — подумаешь, грифонов побили?! Вот еще беда?! Иные в душе искренне радовались, уж очень сильную неприязнь вызывали у франков хитрые, всегда готовые воткнуть нож в спину союзникам схизматики грифоны. Не совсем истерлось из памяти латинян и то, как вероломно повел себя Мануил, когда семнадцать лет назад во главе огромной армии явился в Антиохию. Многие приветствовали его тогда, так как думали, что он пришел с таким несметным войском, дабы покарать неверных, а что вышло на деле? Базилевс, продемонстрировав мощь империи, заключил выгодный для себя

союз с Нур ед-Дином. Вышло, что только ради этого и привел он в Северную Сирию полчища наемников со всех концов Европы? Вот так спаситель! Вот так освободитель! Точь-в-точь, как дед, Алексей Комнин, бросивший франков в самую трудную минуту, когда без малого восемьдесят лет назад под стенами Антиохии решалась судьба освободительного похода европейских рыцарей.

Немало зла сотворили грифоны латинянам. Вот теперь и получалось, что далеко не все скорбели по поводу поражения Мануила. Припомнилось тут же и его лжеверие. Так и надо схизматику! Вольно ему упорствовать в заблуждениях, не признавать главенства Римской церкви?! Словом, Бог покарал, а то, что сделал Он это мечом язычников, так то у Господа в последнее время в обычае: как чуть что не так — карать, благо турки всегда под рукой.

Впрочем, пути Господа и вправду неисповедимы, ведь на сей-то раз самодержец честно собирался воевать с неверными: он покинул столицу во главе одной из двух больших византийских армий, чтобы наказать вышедшего из повиновения Константинополю сельджукского султана Икониума Килидж Арслана.

Иногда говорят: вот, мол, пошли по шерсть, а возвратились сами стрижены. Экспедиция обернулась не просто поражением — катастрофой. Божественной особе базилевса впервые на протяжении всего его правления угрожали плен или гибель. Он и сам впоследствии сравнивал случившееся с побоищем у озера Ван немногим более столетия назад²⁸.

Едва улегся шум в зале, король заговорил вновь.

— Некоторые благородные рыцари, наши товарищи-крестоносцы, — произнес он медленно, — также находились в рядах византийского войска. Они пали, как и подобает славным мужам, честно сражаясь за веру... Возможно, у кого-то из вас были в армии базилевса родичи, друзья или знакомые, скоро известия об их судьбе так или иначе достигнут вашего слуха. Дай Господь, чтобы она не оказалась такой же печальной, как участь моего родственника, которого я потерял там. Я говорю о Бальдуэне Антиохийском, сыне кузины моего покойного батюшки, покойной княгини Констанс.

Он сделал небольшую паузу, дожидаясь, когда вновь заволновавшиеся придворные успокоятся, и закончил:

— Но есть среди нас человек, которому геройски

погибший родич мой был близок почти как сын. Разрешите же мне выразить особые соболезнования присутствующему здесь сеньору Ренольду, ибо воспитанник его во главе отряда латинян доблестно сражался под знаменами императора Мануила и отдал жизнь во славу Господа нашего, во имя Пресвятой Девы и Церкви Христовой.

Князь совсем забыл о младшем сыне Раймунда де Пуатье и Констанс. Бальдуэн исчез из его жизни одиннадцатилетним отроком в тот день шестнадцать лет назад, когда орды Магреддина со всех сторон обрушились на дружину Антиохии, возвращавшуюся домой после удачного набега. Боэмунда Заику и его брата разделяли всего четыре года: мальчик появился на свет практически одновременно с гибелью отца, и двадцатидвухлетняя вдова назвала второго сына именем кузена, молодого короля Бальдуэна Третьего, явившегося на помощь осажденной Антиохии.

Четыре года, а каким разными выросли эти дети? Старший, злобный, трусливый и завистливый, и младший — настоящий рыцарь, такой, какими изображают их в своих песнях французские труверы. Юность его прошла при дворе Мануила — не самое удачное место для будущего рыцаря, — вместе с тем, Бальдуэн, как верно выразился нынешний Иерусалимский правитель, был если и не сыном, то воспитанником Ренольда, ведь именно он посадил младшего из детей Раймунда на коня. Что ж, спустя немногим более двадцати лет после этого первого значительного хотя в общем-то всего лишь символического события своей жизни, Бальдуэн не посрамил человека, на какое-то время заменившего ему отца. Как и полагается настоящим рыцарям, героям романов, княжич и его дружина бросились в битву по первому приказу сюзерена и все до одного полегли в неравной сече на глазах у зажатых турками между скал и неспособных не то что что-либо сделать, а в буквальном смысле пошевелить руками воинов *великой* армии. Ее *великий* предводитель Мануил Комнин, чья личная охрана превосходила численностью любую из дружин, которую когда-либо за всю историю Левантийского царства оказывались способны выставить в поле князь Антиохии или король Иерусалима, в панике бежал, бросив войско на произвол судьбы.

Слушая рассказ юного короля, Ренольд вдруг вспомнил Абдаллаха, товарища по заключению, которого франки считали отпетым вралем. Разве не говорил он,

не предсказывал тогда скорого заката Комнинов? А ведь в Византии только что начался десятый год индикта. Все пока выходило так, как и предсказывал Рамдала. Князю стало жаль врачевателя и звездочета, который не дожил до момента, когда сбылось его пророчество — восторжествовала правда, за неумение скрывать которую от владык судьба так жестоко наказывала искусного лекаря и колдуна. Как-никак именно он, язычник, спас жизнь христианскому рыцарю, предрек ему скорое освобождение, почет и богатство, много лет жизни и немало славных деяний.

Жалко? Но отчего же? Да просто оттого, что Рамдалы более уже не было среди живых.

Когда князь наконец приехал в Иерусалим и встретил при дворе короля своего нового слугу, Жослена Храмовника, тот и рассказал господину недлинную историю их путешествия, которое чуть не закончилось сразу же, как только новоиспеченные караванщики миновали ворота. Абдаллах немного отстал, он единственный из беглецов, изображая купца — по словам пажа роль эта как нельзя более удавалась Рамдале, — ехал на ослике, все прочие тащились пешком. Вдруг Хасан, схватив Жослена за рукав, прошептал встревоженно: «Беда, друг! Беда!»

Повернувшись, юноша и сам понял это. Какая-то женщина явно узнала во врачевателе и звездочете своего знакомого и даже... мужа, о чем во всеуслышание заявляла, несмотря на явное нежелание Абдаллаха признавать сего факта. Причем никого из товарищей «купца» в тот момент не волновало то странное обстоятельство, что она, хватая его за рукав халата, называла... Мусой. Что ж, Муса так Муса. Гораздо хуже было то, что один из стражников, привлеченный шумом, получше взгляделся в лицо Абдаллаха и... понял, кто перед ним находился. Несчастный врачеватель и звездочет попытался спастись бегством. Но, видно, плохо рассчитал он свой собственный гороскоп: лучник натянул тетиву и стрела, просвистев, оборвала жизнь несчастного лекаря. Воины немедленно ободрали тело донага. Они хотели отсечь покойнику голову, но та женщина, встреча с которой и явилась причиной несчастья Абдаллаха, отдав стражникам все украшения и деньги, имевшиеся при ней, умолила их не увечить тела, а позволить ей похоронить его.

Остальных беглецов спасла расторопность Хасана. Еще не умолк торг вокруг убитого, как бывший стражник, сообразив, что он следующий на очереди, завел быстрые переговоры с соседями-караванщиками. Он убедил их принять добро, купленное на деньги гостеприимной Кристины, в качестве платы за молчание. Так Жослен, Ив и Хасан стали самыми настоящими слугами. В Дамаске Хасан, встретив какого-то родича, отстал, а юный паж и белокурый ватранг кое-как добрались до столицы Святой Земли.

Едва король закончил рассказ о гибели христианской армии в Малой Азии, он попросил Ренольда приблизиться. Когда рыцарь подошел и опустился на одно колено, Бальдуэн обнял его, прошептав сквозь шелк своего кеффе:

— Не целуйте меня, мессир, и я не стану целовать вас. Графиня Агнесса говорила мне о том, что вы хотите посвататься к даме Этьени...

«Говорила?! Но когда она успела?! Ну и скоро же подружка! Заранее все решила!» — подумал Ренольд, но ни словом, ни жестом не выдал своего недоумения.

— У меня есть для вас кое-что, немного золота, чтобы вы могли купить подарки невесте и ее детям.— Закончив фразу, король разжал объятия, позволил князю сделать шаг назад и сказал уже достаточно громко: — Мы скорбим вместе с вами, мессир. Вы должны гордиться таким воспитанником, каким был княжич Бальдуэн Антиохийский. Все мы знаем, что во многом именно ваша заслуга в том, что он стал настоящим рыцарем.— Бальдуэн ле Мезль повернулся к сенешалю, тот кивнул и сделал кому-то знак. Появился слуга с небольшим ларцом, который и передал господину, а тот в свою очередь вручил королевское вспомоществование Ренольду.— Мы надеемся, что этот скромный дар, позволит вам, мессир, не столь болезненно пережить утрату.

— Благодарю вас, сир,— князь поклонился.— Вы правы, я действительно ошеломлен случившимся.

Из рядов придворных раздались одобрительные выкрики: жест юного монарха произвел хорошее впечатление на приближенных. Бальдуэн раздал еще несколько небольших подарков некоторым из собравшихся, и вскоре аудиенция завершилась.

Так уж устроена жизнь, что черные дни в ней сменяются светлыми; рано или поздно неприятности кончаются, и наступает период удач; высыхают слезы, и улыбки озаряют лица. И вот, не успела прокатиться по Утремеру нерадостная для большинства его населения (греческих ортодоксов) новость, как вслед за ней пришла друга — счастливая. Спустя несколько дней после того, как стало известно о катастрофе, постигшей ромейское войско в Пафлагонии, и о побоище при Мириокефалоне²⁹, из Сидона прилетела весточка о том, что корабль жениха принцессы Сибиллы, Гвильгельмо де Монферрата, благополучно причалил в гавани, и сам маркиз вскоре после небольшого отдыха отправится на встречу с невестой.

В ту осень франки Востока сыграли немало свадеб, но две из них оказались наиболее значительными. Первая, королевская, как и полагается, была обставлена по самому высшему разряду. Прославленный заморский воитель и его юная жена получили от короля во владение графство Яффа и Аскалон — фьеф, некогда принадлежавший принцу Аморику, покойному отцу Бальдуэна и Сибиллы.

Несколько позже и с меньшей помпой — все же брачующиеся — особы не королевской крови, да и к тому же оба вдовцы, — прошло бракосочетание Этьени де Мийи и Ренольда де Шатийона. Князь оставил Иерусалим и вместе с новой супругой отправился за Иордан, за Мертвое море, в Горную Аравию, чтобы отпраздновать радостное событие с новыми подданными в своей новой столице — замке Керак. Никто не знал, что свадьба эта в судьбе Левантийского царства сыграет роль куда большую, чем королевская.

XIII

Ни одной из партий Утремера не удалось извлечь пользы из брака принцессы Сибиллы и Гвильгельмо Монферратского. Заморский жених не оправдал чаяний граждан Левантийского царства, ожидавших прибытия если не нового мессии, то некоего великана, сказочного героя, способного защитить несчастных от злобы огнедышащего дракона джихада, чья мощь год за годом все возрастала.

Все чаяния христиан оказались тщетными. Родственник короля Франции и императора Священной Римской империи не совершил на Востоке ни одного сколько-либо значительного деяния. И вовсе не потому, что слухи о его храбрости и радении делу воинов Христовых оказались сильно преувеличены, а вследствие того, что маркиз, не успев толком насладиться медовым месяцем с юной супругой, заболел малярией. Казалось он только затем и явился в Святую Землю, чтобы, промучавшись несколько месяцев — могучий организм боролся изо всех сил, не желая сдаваться, — отправиться в мир иной, оставив молодую жену на восьмом месяце беременности.

В конце лета Сибилла произвела на свет мальчика, которого нарекли родовым именем Бальдуэн, пока, правда, прибавляя к нему уменьшительную приставку, вследствие чего оно звучало — Бальдуэнет. Ему рано или поздно предстояло унаследовать трон дяди, несчастного прокаженного короля Бальдуэна ле Мезля. Все понимали, что еще шестнадцать лет, необходимые для вступления нового короля в возраст, страна может просто не продержаться. Святая Земля не то что Европа, где младенец-государь, как правило, все же имеет возможность более или менее спокойно взростеть для трона под надзором мудрых советников рано ушедшего отца. Какие бы перемены ни случались в северных государствах, какой бы барон, граф, герцог или король ни брал верх, ни одно царство не могло погибнуть, поскольку земли франков объединяла общая религия.

Другое дело Ближний Восток, здесь шла война на уничтожение. Даже тогда, когда христиане и мусульмане заключали перемирия и союзы, когда какой-нибудь латинский магнат и его сосед эмир или шейх охотились и пиروвали вместе, как бы не нравились они друг другу — и такое случалось, — какая-та частичка их сознания, подобно часовому на башне крепости, не дремала, ибо знали оба — не далек тот день, когда им придется столкнуться в жестокой, возможно смертельной, схватке. Так как, несмотря ни на что, каждый из них оставался для другого язычником, неверным псом, и потому для обоих существовал только один путь, в конце которого кому-то из сегодняшних приятелей непременно предстояло уничтожить другого.

Между тем время решающего поединка могло наступить весьма не скоро: немалое количество сил и времени, а также средств у каждой стороны уходило на внутренние конфликты.

Сельджуки, заклятые враги Византии, разгромив базилевса в Малой Азии, не повернули немедленно всех сил на запад, чтобы ударить по Константинополю. Скажем так, Килидж Арслан и сам еще едва верил в свою победу. Он, пятнадцать лет бывший вассалом Второго Рима, ожидал всего чего угодно, только не того, что его армии удастся нанести ромеям столь сокрушительное поражение. Подписав с Мануилом мир, не слишком унижительный и разорительный для базилевса, султан приободрился и занялся войной с соседями-единоверцами.

Другой грозный лидер ислама, султан Египта и Сирии, пока что также стремился к приведению под собственный скипетр возможно большего количества мусульманских земель. Христиане в Иерусалиме не могли не понимать, какую угрозу сулил им успех Салах-ед-Дина: сконцентрировав в своих руках мощь завоеванного дядей царства Фатимидов и сирийских владений потомков Зенги, племянник рано или поздно сочтет себя достаточно сильным для решительного удара. Во всем Левантийском царстве — маленьком христианском островке в огромном мусульманском море — никогда не найдется ресурсов для длительного противостояния Вавилонии.

Но, по счастью, не так уж далеко за морем находился Рим, не второй, в общем-то враждебный, а первый. Папы не могли допустить гибели своего детища, ведь именно церкви святого Петра человечество было обязано появлением на карте Иерусалимского королевства. Теперь могущественным владыкам Западного мира вновь надлежало устремить свои взоры на Восток.

Двадцать первого сентября тысяча сто семьдесят седьмого года в Европе произошло довольно многообещающее событие: помощь Левантийскому царству торжественно пообещали два могущественных монарха — Луи Французский и Анри Английский. Они договорились прекратить междоусобицы и отправиться в вооруженное паломничество, чтобы раз и навсегда освободить все еще не освобожденные земли из-под ига язычников³⁰.

Сему благому начинанию было не суждено принести плодов; но, пока короли собирались в поход, в который спустя многие годы отправились их сыновья, в Акре высадился десант поменьше — граф Фландрии, Филипп, сын прославившихся своим христианским благочестием родителей — Тьерри Эльзасского и Сибиллы Анжуйской. Он привел с собой немалую и хорошо воо-

руженную дружину. Тем временем прибыли послы от императора Мануила. Он хотя и лишился сухопутной армии, по-прежнему обладал большим флотом и богатой казной. Царское слово свое базилевс подкрепил делом: ромейские вельможи явились в Святую Землю в сопровождении семидесяти боевых кораблей с полностью укомплектованными командами.

Если бы правителю Иерусалима удалось то, чего оказался не в состоянии совершить его отец, король Америк,— завладеть источником неисчислимых людских и материальных ресурсов непрестанно расширявшейся империи Салах ед-Дина, разрушить его базу, подорвать тыл, султан едва ли бы смог когда-либо предпринять понастоящему широкомасштабные наступательные действия против христиан Утремера. Тут бы единоверцы ему и припомнили, что он — курдский выскочка, предавший волю своего господина; и остался бы Салах ед-Дин Юсуф лишь одним из талантливых степных воителей вроде Зенги, Нур ед-Дина или Ширку.

Кто знает, возможно, тогда руководителям Третьего похода Ричарду Английскому и Филиппу Французскому посчастливилось бы разрешить задачи, стоявшие еще перед участниками похода Второго — взять Дамаск, а потом, кто знает, и Алеппо? Может, и удалось бы им вернуть былую мощь княжеству Антиохийскому, возратить для христиан Эдессу, а не пришлось бы вместо этого осаждать Акру, город, у стен которого теплым сентябрьским днем тысяча сто семьдесят седьмого года собрались потолковать о том о сем магнаты Иерусалимского королевства и их заморские гости.

Сколько надменных лиц! Сколько гордых имен! Представителей знатных фамилий Европы и Востока! Сколько золота, бархата, шелка, драгоценных камней — алмазов, смарагдов, рубинов! Богаты бароны земли. Да и гости не хуже, есть чем похвастаться, особенно ромеям. Эх, если б возможно было для Мануила заставить чванливых ноблей империи снять с себя украшения, то, ей-Богу, новую армию не хуже той, что погибла, набрал бы базилевс в одночасье!

Под синими сводами нерукотворного купола, огромного шатра, который построил для сынов своих Всевышний, звенели высокие слова, звучали гордые и воинственные речи: разбить, разгромить, сокрушить силу неверных! Сам король Иерусалимский, да граф Фландрии, да Триполи, да князь Боэмунд Антиохийский, да военные ордена с их дисциплинированными, послуш-

ными воле магистров дружинами! Добавьте сюда нанятый за деньги Мануила охочий люд, дерзких разбойников из дальних и ближних земель, да умелых моряков со всего света. Ах кто только не служит за звонкое золото ромеев? И французы, и англичане, и ватранги из холодных фьордов севера, милостью Божьей хищные и бесстрашные волки моря.

Казалось, стоит договориться всей этой шумной, разногласной, разноязыкой толпе, и, как в старые времена, когда франки забывали распри, чтобы действовать сообща, сокрушат они с именем Христа на устах неприступные стены вражеских крепостей. Разве устоит Саладин, если ударить на него с двух сторон, с суши и с моря?

Нет, не устоит. Конечно, не устоит, коли ударят, но...

Короля Бальдуэна ле Мезля едва ли можно было назвать везучим человеком. Даже зрелому мужу, даже старцу нелегко смотреть на свои руки и лицо и видеть там всякий раз следы медленно, но верно прогрессирующей болезни. А каково юноше? Мальчишке, в тринадцать лет взвалившему на себя бремя государственных забот и день ото дня превращающемуся в живой труп? Сколько еще мучений судил ему Бог? И за что? За какие грехи?

Мало королю проказы, так вдобавок разобрала его малярия! Тут, правда, можно сказать, что новая напасть все же обошлась ему куда дешевле, чем мужу Сибиллы: Бальдуэн хотя и болел очень тяжело, все же кризис преодолел и теперь потихоньку выздоравливал. Однако ему еще было довольно тяжело сидеть в седле и слушать бестолковые перепалки своих и чужих баронов. Добро бы договорились до чего-нибудь, а то...

Почти целую ночь после ассамблеи правитель Иерусалима не спал: то ему казалось, что в комнате чересчур душно, то вдруг все тело охватывал озноб или, напротив, короля бросало в жар, и тогда он начинал думать, что побежденная с таким трудом болезнь возвращается. И это бы ничего. но тут вдруг *неусыпно дежуривший у постели его бесценного величества* младший камергер начинал громко храпеть прямо в кресле у кровати, причем возникало ощущение, будто в спавшего без задних ног придворного вселился какой-то бес — храп сильно смахивал на рычание дьявола.

Иногда вдруг оно сменялось жалобным поскуливанием, а потом камергер (младшим он был лишь по чину, но не по возрасту) и вовсе утихал, но ненадолго и лишь для того, чтобы боевой рог нечистого, обосновавшегося в нем, передохнув, вновь разразился замысловатыми руладами.

На башнях Акры уже сменилась вторая стража, заступила третья — ночь достигла середины, а Бальдуэн все не спал. Наконец ему надоело слушать серенады придворного, и король, подобравшись к краешку кровати, чувствительно пихнул «недреманного» дежурного ногой в бок. Слуга проснулся и, сообразив, что, можно сказать, заснул на посту, засуетился. Представив себе, как назавтра получит дополнительную взбучку от начальника, Аморика де Лузиньяна, он бросился молить о прощении, опасаясь сурового наказания. По счастью для камергера, в данный момент Бальдуэн просто нуждался в подходящем собеседнике. Несмотря на поздний час, он велел призвать к себе Жослена Храмовника, служившего новому сеньору Трансиордании. Юноши были знакомы уже почти два года, с тех пор, как осенью тысяча сто семьдесят пятого молодой оруженосец прибыл ко двору Бальдуэна ле Мезля, чтобы вручить ему оковы узника белой столицы атабеков.

Встреча неизвестного пажа с королем состоялась в первую очередь, конечно, благодаря даме Агнессе. Выслушав рассказ про чудесный побег из донжона в Алеппо, правитель Иерусалима был поражен, он выразил желание еще раз увидеться с Жосленом, видимо просто испытывая желание общаться с ровесником — оба родились в один год, — уже так много повидавшим на своем коротком веку. Так между ними возникли доверительные отношения, которые, пожалуй, можно было назвать дружбой, если бы не огромная разница в занимаемом положении. Впрочем, король располагал возможностью уменьшить расстояние, разделявшее их.

Зная о желании приятеля служить бывшему князю Антиохии, Бальдуэн предложил Жослену пока находиться при дворе и, конечно, заверил, что сделает все возможное для скорейшего вызволения Ренольда Шатийонского из лап неверных. Когда же князь получил свободу, оруженосец попросил у короля разрешения последовать за своим сеньором и отбыл с ним в Керак. Теперь юноша, уже рыцарем, приехал вместе с господином в Акру. До сих пор поговорить с ним Бальдуэн не успел, просто не нашлось времени, но теперь после

ассамблеи испытывал острое желание пообщаться с Жосленом, которого ему так недоставало.

— Просите меня, шевалье,— начал король, когда к нему проводили не совсем еще отошедшего ото сна и, конечно, изрядно обеспокоенного Храмовника — кличка осталась, хотя носитель ее и не служил ордену.— Я так соскучился... А вы все идите вон! Что встали?.. Хотя нет, принесите-ка сначала нам чего-нибудь, а потом все марш отсюда!

Слуги удалились, а Бальдуэн попросил приятеля присесть в кресло, где еще совсем недавно дьявол терзал младшего камердинера, тщась вырваться на волю. Принесли вино и легкие закуски.

— Угощайтесь.

Ни пить ни есть Жослену не хотелось, он лишь пригубил вино и положил в рот леденец, но тут же понял, что беседовать так весьма неловко — сглатывать слюну и клацать леденцом, когда с тобой говорит сам король, это уж слишком! — и, незаметно вытащив лакомство изо рта, засунул его за пояс. Бальдуэн для порядка справился о здоровье сеньора молодого рыцаря, задал ему несколько учтивых вопросов относительно дел в Горной Аравии, поинтересовался, понравилась ли Жослену хозяйка Керака и ее дети, на что ночной гость, как и полагается, ответил, что все хорошо, все в добром здравии и, что главное, службой своей он доволен.

Король нуждался скорее в благодарном слушателе, чем в собеседнике и тем более в рассказчике. Бальдуэн просто хотел пожаловаться кому-то, кому мог доверять, не опасаясь, что подробности разговора наутро же станут известны самому последнему из дворцовых слуг.

— Вы себе даже не представляете, шевалье, как утомляют меня все эти нестроения,— начал король.— За что Господь так ополчился на меня? За что столь сурово наказывает?.. Я был совсем мальчишкой, когда один мой приятель, сын простого дворянина из Тира, предложил мне и другим нашим товарищам проверить, кто из нас выносливее, терпеливее, кто настоящий рыцарь, которому любая боль нипочем. Мы начали щипать друг друга. Вы и представить себе не можете, как я гордился тогда, что оказался самым сильным из них. Они все визжали, когда я выкручивал им кожу на руках или, если удавалось, на щеках. Мне же их щипки не приносили почти никакого вреда. Я лишь смеялся, не зная еще, как горько придется мне плакать. С тех пор я немного смеялся...

Бальдуэн вздохнул и сделал паузу, а потом вновь заговорил:

— Я похвастался отцу Гвильому, моему воспитателю. Против моего ожидания он не обрадовался и не похвалил меня, а велел показать те места на моем теле, за которые щипали меня другие дети. Я не понимал тогда, отчего он так всполошился. А он ничего не сказал мне, но запретил на будущее мне и моим товарищам устраивать подобные испытания, сказав, что наша затея с проверкой мужества негодна Господу; Он де сам проверяет нас, ибо только Он один может испытывать созданного Им человека. Я сердился на него тогда, ведь я не знал причин... — Бледные губы на едва освещенном пламенем свечи лице короля, еще не съеденном болезнью, задрожали. Казалось, юноша вот-вот заплачет, но он сдержался и продолжал: — Вы счастливый человек, вам неведомо, что такое узнать вдруг, что ты — прокаженный... Батюшка, когда ему сообщили, страшно расстроился, как мне говорили... ведь он даже и не приехал посмотреть на меня, а мне так хотелось поговорить с ним и с матушкой, но ее ко мне никогда не допускали бароны... Позже я узнал, что его величество сказал своей тогдашней жене, королеве Марии: «Ну что ж, государыня. Теперь вся надежда на вас, вы должны родить мне сына...» — Бальдуэн сделал паузу. — Это еще не все, потом мой отец закончил: «Сына, а не живой труп». Живой труп — это я. Не спорьте...

Жослен не посмел возразить. Он вдруг подумал, что король прав, и он, жалкий сирота, чей разум и душу порой одолевают странные мысли о тайне, которую так и не успел открыть ему первый господин и учитель, брат Бертье, куда счастливее своего теперешнего собеседника.

«Живой труп? — мысленно произнес молодой рыцарь. — Мой отец ни за что не назвал бы меня так... Но кто мой отец? Кто?»

Он не впервые спрашивал себя об этом, спрашивал и не находил ответа. Тем временем голос Бальдуэна ле Мезля зазвучал вновь:

— Я так надеялся на то, что сир Гвильом де Монферрат сумеет стать мне заменой в будущем, когда болезнь сделает меня неспособным больше править государством. А вот что вышло! Ну почему Господь отвернулся от нас? Почему все так... так нелепо... все так... словно и впрямь кара Божья? Куда девалось согласие наших баронов? Они грызутся, точно голодные собаки за кости!

Я думал, граф Филипп явился сюда из Европы, чтобы воевать с неверными, а он повел себя по меньшей мере странно, сначала как будто соглашался, а потом сказал, что пришел лишь за тем, чтобы помолиться Святому Гробу. Я так не хотел упустить возможность, которую предоставлял нам император Мануил, что даже предложил графу стать регентом королевства, хотя он и новичок на Востоке. Чтобы не вышло беды, сир Филипп мог бы, например, разделить эти обязанности с вашим господином, сеньором Трансиордании, дабы они совместно возглавили экспедицию против язычников. Однако граф сказал мне в приватной беседе, что не слишком доверяет сиру Ренольду, так как о нем дурно отзывался его батюшка. Вы себе представляете?! А ведь недоразумение между князем и графом Тьерри вышло уже двадцать лет назад! Мы с вами еще и на свет не родились!

Ища поддержки, король устремил полный негодования взгляд на Жослена, и тот, видя, что Бальдуэн ждет с его стороны какой-то реакции, признался:

— Сир, и мне мой господин также говорил весьма нелестные вещи о графе Тьерри. В частности, сказал, что молитвенник не заменит меча, набожность — доблести. И еще, что у последних графов Фландрии куда больше в обычае ликоваться со схизматиками и печься о чести, нежели сражаться с неверными...

— Получается, что сеньор ваш прав... — нехотя согласился король. Видимо, поведение Филиппа Эльзасского сильно вывело его из себя. — А вчера и того не лучше! Он буквально всех нас огорошил, заявил, что его привели к нам заботы о *будущем моих сестер*, которых он желал бы просватать за наследников его любимого вассала Роберта Бетюнского! Представляете? Тут послы императора с флотом и деньгами, чтобы воевать с Египтом, и тут же граф Филипп с брачными предложениями! Признаюсь, я прекрасно понял сира Бальдуэна Рамлехского, когда он без обиняков сказал графу: «Мы-то думали, что вы прибыли сюда сражаться за Святой Крест, а не решать матримониальные проблемы. Между тем вы все твердите нам, мол, у вас — товар, у нас — купец!»

Король на какое-то время замолчал, а потом закончил:

— И вот вам итог. Граф обиделся и сказал, что уедет. Послы Мануила были просто шокированы всем этим. Ясно уже, что и они не останутся... О Бог мой, отчего я так слаб теперь, что не могу сам возглавить поход?!

— А почему бы вам не поручить командовать экспедицией в Египет одному сир Ренольду, ваше величество?

— Это невозможно, шевадье! — воскликнул Бальдуэн. — Вы считаете, я не думал о том же? Но нет, ромей никогда не согласятся на такое. Государи Фландрии — да, они издавна между собой приятели. Еще прадед графа Филиппа и его дружина сражались вместе с Алексеем, дедом императора Мануила, против кочевников-северян и жестоко побили их. А сир Ренольд — другое дело! Разве вы не знаете, что грифоны по сей день считают его своим врагом? Он крепко насолил им в свое время... Граф Триполи и князь Антиохии, напротив, устроили бы ромеев. Однако дядюшка Раймунд обиделся на меня за что-то и даже не приехал, а за князем Боэмундом никто из здешних баронов не пойдет, да, откровенно говоря, и сам он не слишком-то горит желанием сражаться за Истинный Крест... Господи, как же трудно заставить всех действовать сообща! Ей-Богу, нам бы не грех поднабраться у неверных умения ладить между собой!

Король умолк, глядя куда-то перед собой. У Жослена же сетования правителя Иерусалима на государственные проблемы вызвали совершенно неожиданную реакцию — ему вдруг захотелось спрятанного за поясом леденца. Юноша не выдержал и запустил руку за пояс. Однако проклятый леденец, растаял и, превратившись в какую-то отвратительную массу, приклеился к одежде. Храмовник принялся облизывать липкие пальцы. За этим занятием его и застал Бальдуэн, вернувшийся к действительности.

— Что вы делаете? — спросил он с удивлением.

— Э-э-э... ваше величество... сир... — засуетился Жослен. — Когда я волнуюсь, я всегда лижу пальцы! — неожиданно заявил он. — Это — скверная привычка, но я никак не могу от нее избавиться.

Освещение мешало королю видеть, как густо покраснело лицо собеседника, и, видимо, потому Бальдуэн принял отговорку гостя за чистую монету.

— У меня никогда не было обыкновения делать так, — произнес он вполне серьезно. — Однако у многих мальчиков, с которыми я воспитывался, напротив. Один из них все время грыз ногти, так отец Гвильом велел вымазать ему кончики пальцев дегтем. Когда тот слизал деготь, ему опять намазали... Вот так он потихоньку и отучился... Что если мне и правда назначить сеньора Керака своим бальи?

Такой резкий переход от воспоминаний о детстве к делам первостепенной государственной важности несколько обескуражил рыцаря.

— Это было бы правильно, сир,— только и сказал Жослен. Но король не слишком-то нуждался в ответе, он просто размышлял вслух:

— В Курии мнения разделятся: Ибелины, конечно, упрутся, Ренольд Сидонский, скорее всего, станет держать нейтралитет. Барон Торона, наш коннетабль, тяжело болен... Пожалуй, можно.— Тут Бальдуэн поразил своего гостя еще сильнее, спросив безо всякого перехода: — Я слышал, вы умеете гадать по руке?

— Да... сир...

— Погадайте мне, шевалье?

— Ваше величество?

— Господи, мы одни! Что особенного в гадании? Почему прибегать к нему — недостойно христианина? Я, черт возьми, хочу знать, чего мне ждать в будущем? Каким оно будет? Таким же, как настоящее, или еще более отвратительным? — С этими словами Бальдуэн вытянул руку.— Ну же?!

— Мне нужна левая рука, сир,— попросил Жослен.

— А правая разве не подойдет? Какая разница? Они же одинаковые, разве нет?

Храмовник покачал головой.

— Нет, государь,— сказал он твердо.— Только левая, та, что находится со стороны сердца, может открыть нам предначертания судьбы. Если вы желаете узнать их, вам придется показать мне левую ладонь.

— Хорошо.— Бальдуэн кивнул и начал протягивать руку, как вдруг, когда Жослен уже хотел взять ее, поспешно отдернул.— Нет... наверное, не надо... Впрочем... почему же? Разве можно скрыть? Пожалуйста... если, конечно, там еще можно что-то разобрать.

Храмовник взял свечу и взглянул на протянутую ладонь Иерусалимского правителя. Жослен увидел мельком оказавшееся на какой-то момент очень ярко освещенным лицо Бальдуэна. Даже и мимолетного взгляда хватило, чтобы рассмотреть отчетливые следы, оставленные болезнью. С рукой дело обстояло еще хуже, проказа потрудилась тут особенно старательно. Однако возможность различать линии на ладони пока еще сохранялась. Правда, вот то, что пророчила королю судьба, едва ли могло кого-то обрадовать.

Жослен долго молчал, не зная, как сказать, пока король, видя затруднения хироманта, не пришел ему на помощь:

— Сколько мне осталось, шевадье? Только честно, как рыцарь рыцарю.

— Сир...

— Я не рассержусь,— с грустью обреченного проговорил Бальдуэн.— Ведь вы только читаете волю Господа, словно бы страницу в рукописи... Мы все лишь страницы... Даже не страницы, строчки, начертанные Его рукой. Смешно гневаться на герольда, которому велено зачитать приговор. Смелее, рыцарь Жослен.

— Ваше величество...

— Десять лет? Или и того меньше? — только и спросил король, а когда Храмовник кивнул, продолжал: — Если бы я был простолудином или даже благородным человеком, но не знатным вельможей и не королем, мне пришлось бы удалиться от... от нормальных людей. Я бродил бы по дорогам, питался бы подаянием. Может быть, обо мне позаботились бы кармелиты... Наверное, если бы я находился среди себе подобных, мне было бы легче... — Голос его задрожал.— Простите меня, шевадье. Так сколько еще мне ждать?³¹

Именно так он и спросил: не жить, а ждать.

— Не больше десяти лет,— признался хиромант. Ему страшно хотелось хоть чем-то ободрить государя.— Но есть и приятная новость, сир,— неожиданно для себя заявил Жослен.— Вы одержите блистательную победу...

Бальдуэн встрепенулся:

— Победу?!

Отступать было некуда.

— Да, ваше величество,— твердо произнес Храмовник.

— Когда? — Королю даже и не пришло в голову спросить: «Над кем?», оба, и сам он, и его гость знали ответ на этот вопрос.— Когда, шевадье?!

— Скоро, государь,— заверил Жослен и, окончательно лишая себя путей к отступлению, повторил: — Скоро.

А что еще мог он сказать?

XIV

Между тем Господь Бог как будто бы не спешил выполнять обещание, данное от его имени шестнадцатилетним рыцарем своему шестнадцатилетнему же королю. Более того, события, начавшие происходить в

Святой Земле сразу после ночной беседы двух молодых людей в Акре, не сулили ничего хорошего.

Византийские послы в смятении покинули Акру вскоре после завершения бесславной ассамблеи. Граф Фландрии, помолившись у Гроба Господня, тоже двинулся в путь. Однако совесть мучила доброго эльзасского христианина Филиппа, который решил успокоить ее и принял предложение Раймунда Триполийского поучаствовать в рейде по мусульманской территории. Король, желая показать, как он ценит стремление совершать богоугодные поступки, отправил на помощь графам из Иерусалима небольшой отряд. Его судьба оказалась печальной. Не совершив никаких великих дел, а лишь хорошенько пограбив окрестности Хамы, вся маленькая дружина угодила в засаду, лишившись собранного по пути имущества заодно с жизнью. Это, правда, нельзя было назвать поражением Бальдуэна, но и победой, конечно, тоже.

Предприятие обоих графов также потерпело фиаско. Ничего не достигнув, они сняли осаду с Хамы, после чего Раймунд вернулся к себе в Триполи, а Филипп отправился севернее, где вместе с Боэмундом Антиохийским осадил Гарен. Однако и этот графско-княжеский проект провалился.

Пока европейские крестоносцы и бароны земли попусту тратили силы и время на бесполезные экспедиции против мусульман Сирии, Салах ед-Дин пришел к выводу, что уже достаточно отдохнул в Каире. Султан получил известие, что король Иерусалима утратил сильных союзников, и потому вместо того, чтобы, как обычно, проследовав ускоренным маршем по территории Трансиордании, проскользнуть из Египта в Дамаск, решил нанести удар по Палестине. Вполне здравая идея.

Двадцать четвертого числа месяца джумада аль-ахира пятьсот семьдесят третьего года лунной хиджры он перешел границу³². Узнав об этом, тамплиеры, чей замок Газа находился на самом юге владений франков, немедленно устремились на защиту крепости. Однако Салах ед-Дин прошел мимо Газы, избрав первой целью Аскалон. Славный Онфруа Торонский все еще оставался прикованным к постели. Зная, что коннетабль не сможет помочь ему, Бальдуэн при первом известии о приближении неприятеля собрал всех имевшихся под рукой рыцарей, призвал епископа Вифлиема Альберта и,

захватив с собой Подлинный Крест, на котором пострадал сам Спаситель, проскользнул в Аскалон и успел затвориться в нем раньше, чем султан подошел к городу.

Правитель Иерусалимский совершил бесспорно отчаянный поступок; однако теперь, когда враг угрожал жизни короля, он мог рассчитывать на то, что бароны его оставят взаимное нелюбие и придут к нему на помощь. Он рассылал послания, призывая к себе любого, кто был способен носить оружие. Между тем первые же отряды, поспешившие на выручку Бальдуэну, оказались слишком маленькими, чтобы изменить ситуацию. Пришедшие защищать своего короля, они частью без всякой пользы погибли, частью угодили в плен.

Бальдуэн оказался в ловушке, и Салах ед-Дин решил, что сможет расправиться с ним позже, после того, как... захватит Иерусалим. Оставив небольшой отряд под стенами Сирийской Девы³³, султан двинулся к Святому Городу. Что-то, возможно настроения воинов, недовольных слишком быстрым маршем и не успевавших вследствие этого как следует пограбить земли франков, заставило победоносного воителя дать армии небольшое послабление. Зная, что поблизости нет никого, способного оказать ему сколь-либо серьезное сопротивление, он позволил своим ветеранам... заняться *сбором продовольствия и фуража*.

Тем временем запертый в Аскалоне Бальдуэн исхитрился послать весточку тамплиерам, умоляя их оставить Газу и спасти королевство. Своевременная атака храмовников на осаждавший Аскалон отряд египтян позволила правителю Иерусалима вырваться из западни. Бальдуэн ускоренным маршем двинулся вдоль берега, а достигнув города Ибелин, столицы бывших владений сира Балиана Старого, повернул на Восток³⁴.

О продвижении язычников сеньор Керака узнал еще накануне вторжения, от гонцов шейха бедуинов Дауда, у которого, несмотря на общую веру, имелись с Салах ед-Дином свои счеты. Известие пришло как нельзя более своевременно, князь намеревался прощупать южные районы Горной Аравии, уже несколько лет находившиеся под контролем султана, и был занят тем, что, находясь в Монреале, скликал туда со всей округи вассалов. Немедленно по получении известия он, не дожидаясь пока соберутся все силы, выступил из крепости с теми, кто имелся в наличии — семью-восемью

десятками рыцарей и конных оруженосцев, а также двумя сотнями пехоты.

Ренольд намеревался идти к побережью, но на полдороги туда его маленькое войско застигла весть, что Газа оставлена тамплиерами и что они, соединившись с королем в Аскалоне, уже ушли в северном направлении. Князь принял решение ускоренным маршем двигаться сначала на защиту Иерусалима, но позже передумал. Прибыв в Сент-Авраам, он, как и полагалось сеньору, отдал необходимые распоряжения маленькому гарнизону, а затем, призвав последовать за собой всех желающих помериться силами с язычниками, без промедления устремился к Рамле.

Разграбленные и сожженные деревни, все чаще попадавшиеся франкам на пути, лучше всего убеждали Ренольда в том, что он не ошибся в выборе маршрута; его отряд шел следом за захватчиками. Пробудившись на рассвете двадцать пятого ноября, солдаты сеньора Петры поняли — язычники рядом, о чем красноречиво свидетельствовал дым, поднимающийся из-за дальнего пригорка.

— Нехристи только что ушли, — сообщил Жослен, вернувшись из дозора, куда его в компании двух туркопулов отправил сеньор. — Они из войска Саладина. Сам он, по всей видимости, где-то севернее.

Деревня была христианской. Там жили арабы-ортодоксы. Многих убили, но те, кто успел спрятаться в пещерах, преодолевая страх, уже возвращались на пепелище.

Храмовник, умевший изъясниться по-арабски, спросил кое-кого из крестьян и даже добился от них более или менее вразумительного рассказа о событиях. Однако полученная от них информация выглядела противоречивой, как обычно и бывает в сожженных деревнях — страх незащитных жителей приумножает действительные силы врагов.

— Сколько было неверных? — спросил князь.

— Кто же скажет? — пожав плечами, ответил Жослен. — Крестьяне перепуганы, им показалось, что целая тысяча. Но едва ли столько. Думаю, сотни две-три. Самое большее четыре. Преимущественно конные.

— Идут с добычей? — прищурился Ренольд. — Верно?

— Конечно, государь. Кто же бросит награбленное?

— Медленно идут... — проговорил князь, огляды-

вая столпившихся вокруг него рыцарей.— Ну что, друзья? Догоним? Накажем безбожников?

— Догоним! — закричали те.— Догоним! Покараем нехристей! Перебьем всех! Отберем добычу!

Частью дружина состояла из аборигенов, то есть из тех солдат, которые служили маленькому Онфруа Четвертому и его матери, но в основном с князем были те, кого он набрал сам.

— Слушайте меня, воины,— начал Ренольд, подняв руку.— Все конные за мной. Пехоту мы ждать не будем, подтянетесь позже и подсобите, когда мы ударим на неверных. Но не отставайте. Ив де Гардири́ — останешься с пешими.

— За что, государь? — обиженно воскликнул ватранг.— За что, отец родной?

— Ты посмотри, как ты сидишь верхом? — с упреком произнес Ренольд.— Хуже чем собака на заборе.

Все рыцари захохотали, да так, что кони под ними заходили, переступая с ноги на ногу и вторя смеху хозяев громким ржанием. Несчастный Ивенс покраснел до кончиков светлых, почти белых волос. Князю даже стало немного жаль парня. Если бы ватрангу не посчастливилось немного разбогатеть за тот год, что его господин гостил у короля Алеппо, и купить коня, Ренольд ни за что не взял бы его в кавалерию. Моряк Ивенс может и отличный, а вот наездник — никакой. Кроме того, он оказался приблизительно таким же хорошим знатоком лошадей, как и наездником, поэтому продавец коня просто не мог не надуть такого покупателя — уж лучше б, ей-Богу, Ивенс приобрел осла.

— Ладно,— махнул рукой князь — на него накатила волна какого-то удалого веселья, он вдруг почувствовал себя молодым, не старше, чем в первые годы своего пребывания на Востоке, когда с великой готовностью ввязывался в любую авантюру.— Задницу ты себе уже отбил, теперь и яйца отобьешь! Господь с тобой, приятель. Идешь с нами.

Ватранг расплылся в радостной и немного глуповатой улыбке, а рыцари и сержанты, пользуясь возможностью от души повеселиться, снова захохотали.

— Хватит ржать, жеребцы! — прикрикнул на дружину сеньор. Однако они, чувствуя, что строгость господина — одно притворство, и не думали умолкать, то и дело отпуская шуточки по поводу упомянутых князем частей тела Ивенса.— А ну молчать! Кому сказал?! Стройся в колонну и давай за мной.

Ехали споро, и людей и коней, казалось, охватывал какой-то неизбывный внутренний задор, горячка, как частенько бывает перед хорошим делом. К полудню, когда тусклое осеннее солнце повисло над головами, Жослен, все время скакавший впереди вместе с туркопулами, доложил:

— Мы их нагнали, государь. Верных четыре сотни, может и пятьсот, но часть — пленники. Идут — еле тащатся. Если мы, ваше сиятельство, пойдем параллельно им, но по другую сторону вон того холма,— добавил он, указывая туда, откуда только что прискакал,— то скоро обгоним их и сможем ударить с двух сторон. Это, мыслю я, вернее напугает их...

— А как далеко тянется тот холм? — спросил сенъор.— Не получится ли, что часть наших воинов собьется с пути или же просто не сможет атаковать одновременно с другой? Нет, разделять силы мы не станем. Ударим все вместе. Послушайте-ка меня, друзья. Когда язычники побегут, а, даст Бог, они побегут сразу, не спешите взять их имущество. Гоните дьяволов, что только будет мочи, но не теряйте из виду меня и один другого. Может статься, сумеем захватить их шейха, расспросим его, где Саладин. А добыча, награбленная безбожниками, никуда не денется. Победим — все нам достанется.

Дружина закивала, и их предводитель, внимательно посмотрев в глаза рыцарей, понял — послушаются.

— Там на горе, что за замок? — спросил он, указывая вперед, туда, где довольно далеко на горе виднелась крепость.— На Рамлу вроде не похоже? Слишком маленькая?

— Это — Монжисар, мессир,— сказал кто-то из конников.— Рамла дальше на северо-запад.

— Монжисар? — переспросил Ренольд и закончил уверенно: — Пусть таким будет сегодня наш боевой клич — «Mongisart! Mongisart et Sainte-Catherine, la Sainte Patronnesse de la Pierre du Désert! En avant!»³⁵

Приняв от оруженосца копьё и уперев его тупым концом о шпору, князь сжал шенкелями бока коня. Все его рыцари и сержань двинулись следом. Они поднялись на вершину холма и увидели длинную толстую змею — колонну мусульман, что лениво, как сытый удав, ползла на северо-восток. Турки явно не чаяли беды. Появление у них за спиной железных шейхов стало для египтян полнейшей неожиданностью, а уж когда конная лавина — у страха глаза велики, мусульманам показалось,

что франков тысяча, — устремила на них с гиканьем и свистом, мужество покинуло не настроенных на серьезную драку искателей легкой добычи.

Те, кто замешкался, пали заколотые копьями, зарубленные мечами, затоптанные копытами тяжелых коней. Другие, которые бросились бежать сразу, устремились куда глаза глядят, но большинство все же последовало за предводителем, которого легко было отличить по одежде и особенно по коню, тонконогому и быстроходному; он понес хозяина прочь, как стрела — попробуй-ка догони! Ренольд, точно не уразумев еще, что его могучему жеребцу никогда не тягаться в скорости с арабом, ходившим под седлом шейха, яростно прищпоривал коня, да так, что немногие из своих поспевали за сеньором. Уже скоро не только впереди, но и справа и слева от князя находились одни лишь враги. Он, хотя не всегда давал себе труд почтить ударом меча кого-либо из язычников, скакавших рядом, все же совсем не отказывал себе в удовольствии с маху полоснуть по чьей-нибудь спине, если уж она подворачивалась под руку. Зря что ли заплатили тамплиеры ас-Салиху за клинок Ренольда де Шатийона такие деньги?

Турки почти не отстреливались, не у всех даже оказались при себе полные колчаны: уж очень вольготно чувствовали себя грабители на христианской земле. За то, как водится, и платили теперь египтяне самую высокую цену. Тем не менее несколько стрел все же просвистели над головой Ренольда, одна попала в двойную кольчугу — подарок жены, другая ударила в шлем, презентованный по случаю свадьбы новоиспеченного заиорданского вассала королем.

Шлем этот был старым и даже весьма старомодным по устройству — во Франции и особенно в Германии богатые рыцари перестали носить такие уже после Второго похода, — но довольно дорогим, поскольку на отделку его пошло немало драгоценных металлов и камней. На крестце его вместо павлиньих перьев «развевались» серебряные с позолотой ястребиные крылья. Поскольку еще во Франции символом своим, чем-то вроде герба — настоящих гербов тогда почти не водилось, — князь избрал лебедя и даже поместил его изображение на новой печати Керака, то и одевался Ренольд, как и положено, в цвета «своей» птицы — в белое. И коня он себе подобрал тоже белого, восседая на котором в своем белом табаре, в развевавшемся на

скаку белом плаще, он во многом походил на белого рыцаря из того странного и по сей день незабытого сна, привидевшегося ему в донжоне Алеппо уже целых три года назад.

Несмотря на все старания предводителя христиан, шейх ускользал. Кроме того, между ним и князем находилось около полусотни конников-мусульман. Из собственной дружины угнаться за Ренольдом смогли всего не больше полудюжины всадников, чьи кони оказались выносливее или просто несли не слишком тяжелых всадников. В числе *самых верных* оказался Жослен и еще по-мальчишески худой оруженосец Караколь, так же довольно легкий. Погоне, кроме всего прочего, мешало и то, что дорога шла на подъем. Но вот наконец убежавшие, а за ними и преследователи преодолели возвышенность и, оказавшись по ту сторону невысокого холма увидели... огромную турецкую армию, спокойно двигавшуюся по равнине.

Нечто подобное уже случилось с Ренольдом двадцать восемь лет назад, когда он, вот так же выехав на холм, увидел внизу огромный вражеский лагерь. Тогда юному искателю приключений хватило ума вовремя повернуть коня, это спасло его от гибели или верного плена. Теперь же он был слишком разгорячен скачкой, чтобы думать о чем-нибудь другом, кроме погони. Те, за кем он гнался, видимо, также в изрядной степени утратили способность правильно оценивать ситуацию. Они продолжали лететь вперед, и бегство их ни в коей мере не напоминало так любимую турками тактику притворного отступления.

Ренольд, его товарищи и часть мусульман, скакавших рядом, еще находились на вершине холма, а шейх с несколькими десятками самых быстрых всадников уже приближались к арьергарду армии Салах ед-Дина и во всю мощь легких что-то вопили. Князь, конечно, не понимал, что именно, хотя, даже если бы он и понял, это вряд ли что-нибудь изменило. Он мчался и мчался вперед, точно собираясь едва ли не в одиночку сразиться со всеми силами Вавилона. Он скакал, и плащ его развевался на ветру, а серебряные крылья шлема ярко горели в лучах наконец-то пробудившегося ото сна полуденного солнца.

— Монжисар! Монжисар! — кричал белый рыцарь почти беззвучно, напрягая связки охрипшего горла.— Да здравствует святая Катарина!

Король Иерусалимский со своими пятью сотнями рыцарей, восемью десятками тамплиеров и наспех собравшимися баронами земли, с нестройными толпами пехоты, явившейся на зов из всех частей королевства, выступил из Рамлы в юго-восточном направлении. К полудню христианское войско достигло замка Монжисар, и предводители, поднявшись на пригорок, неожиданно увидели тех, для встречи с которыми и отправились в поход,— египтян³⁶.

— Там что-то происходит, государь,— доложил один из баронов, первым заметивший неприятеля.

— Где происходит, мессир? — спросил король.

— Там,— барон указал на пригорок.— Поднимитесь, сир, и взгляните сами. Правда, из-за пыли почти ни черта не видно, но, похоже, хвост колонны нехристей бежит, точно от нечистой силы.

Рыцарь перекрестился.

— Бегут? — Бальдуэн и его свитские, среди которых находились оба брата Ибелина, Ренольд де Сидон, старшие пасынки Раймунда Триполийского, Гвильом и Юго Галилейские, сенешаль Жослен де Куртенэ и епископ Вифлиема Альберт, поспешили подняться на холм.

— И верно, черт меня дери, бегут...— проговорил король растерянно.— Но почему?

— Господи...— Гвильом перекрестился.— Вы только посмотрите! Святой Георгий!

— Где? — спросил его брат.

— Вон там! На белом коне с рогами...

— Ты не рехнулся ли часом, братец? — с участием поинтересовался Юго.— Если с рогами, так, может, это — корова?

— Ты сам рехнулся! — рассердился зоркий Гвильом.— Глазки-то разуй. Во-о-н там, в самом конце мчит-ся в белом плаще, на белом коне да в шлеме с рогами.

Разумеется, странную картину наблюдали, сиясь понять, что происходит, не только сыновья Эскивы де Бюр, супруги графа Раймунда. Другие также заметили всадника, который скакал один, оставив других конников далеко позади. Впереди него еще на достаточном отдалении находился лишь неприятель — бросившиеся враспынную солдаты арьергарда мусульманской армии. Воин на большом коне, облаченный в белое, в редкой красоте шлеме, рыцарь, уже при одном виде которого язычники обратились в бегство,— кем же еще, как не небесным воителем, мог он оказаться?

Оброненное Гвильомом Галилейским имя святого, зашелестело на устах у приближенных короля. Вслед за

самыми знатными ноблями на пригорок выехали и прочие рыцари авангарда.

— Да, точно, это святой Георгий! — с изумлением проговорил епископ Альберт. — Смотрите, сир, как неверные падают при каждом взмахе его меча! А ведь сталь даже и не касается их! А как бегут? Как бегут?! Чудо! Господь сотворил для нас чудо!

— Как есть он! — подхватил Жослен Эдесский. — Сам святой Георгий!

Наклонившись к уху сенешаля, Бальдуэн прошептал:

— Замечательно, дядюшка, тогда скажите мне, почему у этого вашего святого Георгия на голове шлем, который я в прошлом году подарил на свадьбу сеньору Крака?

— Да?.. — протянул граф. — Вон оно что... А ведь и у святого Георгия в храме Гроба Господня такой же... Мессеры, это не святой Георг...

— Тихо, дядюшка! — Король поднял руку и обратился к рыцарям: — Это знак, сеньоры! В здешних местах мой пращур, король Бальдуэн Первый не раз разбивал орды неверных в старые добрые времена, времена первых пилигримов; и тогда святой Георгий не раз являлся ему. Как известно нам из преданий старины, в те далекие годы, когда еще и Святой Град Господень изнывал под пятой неверных, а освободители его только шли сюда со своей Богоданной миссией, под Антиохией они малым войском разбили несметные полчища язычников князя Кербоги. И Годфруа Бульонский, и Танкред, и Боэмунд Отрантский, и Раймунд де Сен-Жилль были там, но они не могли победить только силой оружия и, зная это, воззвали к Господу, и Господь послал им на помощь небесную рать, воинство рыцарей, павших в боях с язычниками. Вели колонны праведников, сложивших головы во имя Христово, святой Георгий и святой Деметрий. И был с ними Господь! Так ударим же и мы, как предки наши, потому что ныне с нами Бог!

— С нами Бог! — воскликнул епископ таким голосом, какие редко встречаются у тех, кто изнуряет себя постом. — С нами Бог! Его воля!

— С нами Бог! С нами Бог! — принялись рыцари вторить Альберту. — Он так хочет! Он хочет так!

Скоро весь холм, на склоне и вершине которого собралась христианская армия, был объят единым угрожающим гулом голосов.

Египтяне, находившиеся в авангарде, еще не поняли, что происходит; впереди они видели врага, сзади началось какое-то волнение. Но вот кто-то крикнул: «Мы окружены!», а кто-то следующий подлил масла в огонь: «Спасайся, кто может!» Огромная масса людей заколебалась, внезапный ужас от осознания страшного факта — не дай Аллах попасть в окружение! — охватил сердца людей, превращая их из большой и боеспособной армии в стадо баранов, учуявших запах стаи волков.

И не успел рыцарский клин врубиться в массы мусульман, как воины Салах ед-Дина, давя друг друга и бросая оружие, обратились в паническое бегство.

* * *

Итог битвы при Монжисаре был ошеломляющим.

Как писал летописец, участник событий, франки потеряли убитыми шестерых рыцарей, не считая пехоты. Он так разволновался, что сравнил резню мусульман в окрестностях Рамлы со сражением, которое в семьсот семьдесят восьмом году дал под Ронсевго легендарный сподвижник Карла Великого Роланд.

Даже если отвлечься от подобных параллелей, все равно, таких побед крестоносцы не праздновали очень давно.

Участники Первого похода, те, чьи имена, желая воодушевить современников на подвиг, столь часто упоминали и летописцы, и проповедники, и полководцы, в самом деле совершали подчас абсолютно невозможные вещи. Упомянутый Бальдуэном ле Мезлем Бальдуэн Булоньский и правда разгромил под все той же Рамлой тридцатитысячное войско египтян, имея всего двести шестьдесят конников и около тысячи пехоты.

Раймунд де Сен-Жилль, предок прокуратора Иерусалима, Раймунда Триполийского, с тремя сотнями рыцарей устроил настоящую кровавую баню шеститысячному войску мусульман.

Прадед Боэмунда Заики, Боэмунд Отрантский, первый князь Антиохии, имея семьсот всадников, нанес сокрушительное поражение двадцатитысячному войску из Алеппо.

Все они теперь с полным правом могли бы гордиться юным Бальдуэном.

«*Ce fut un des plus beaux miracles de Dieu!*» — восклицал французский исследователь девятнадцатого

века³⁷. И действительно, подвиг прокаженного короля и его рыцарей представляется настоящим чудом Господним, ничуть не менее впечатляющим, чем те, на которые Всевышний бывало не скупился во времена первых крестоносцев; ведь султан Египта и Сирии выступил из Каира с двадцатью шестью тысячами только конных (не считая безлошадных, тех, кто ехал на верблюдах и ослах) воинов, восемь тысяч из которых были мамелюками, лучшими солдатами мусульманского мира, теми самыми, которые обеспечили Салах ед-Дину сокрушительную победу над силами Мосула полтора года назад. Более того, одну тысячу из них составляли *самые* отборные — гвардейцы султана, его личные телохранители, воины, носившие *цвета Саладина* — одеяния из желтой парчи.

В тот ноябрьский день тысяча сто семьдесят седьмого года Бальдуэну ле Мезлю удалось одержать первую и, по сути дела, последнюю победу над мусульманами. Он не смог воспользоваться плодами своего успеха, и не потому, что был недостаточно умен или не умел правильно оценивать обстановку.

Армия Салах ед-Дина была уничтожена полностью, даже и остатки ее не добрались домой, практически безоружных солдат великого войска по дороге в Египет безжалостно перерезали единоверцы-бедуины. Сам султан спасся лишь благодаря мужеству и самоотверженности своих гвардейцев. Одним словом, повелитель Египта потерпел поражение даже более тяжелое, чем то, которое нанесли базилевсу Мануилу турки Килидж Арслана. Между тем Византия, как известно, так и не оправилась после Мириокефалона, а Салах ед-Дин, вернувшись в Каир после Монжисара, быстро залечил раны и уже менее чем через два года продемонстрировал христианам, что не только жив, но и готов вновь меряться с ними силами.

По словам кади аль-Фаделя, советника султана, повелитель его извлек большой урок из несчастья, постигшего его в окрестностях Рамлы. Как нам предстоит увидеть, кади оказался абсолютно прав.

Но это уже другая история. Следующая.

Часть вторая

**ФРАНКСКИЙ ДЕМОН,
включая
АНГЕЛЫ БИТВЫ
И
СВАДЬБА В КЕРАКЕ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вернемся чуточку назад.

В тысяча сто семьдесят шестом году наш герой сочелся браком с Этъенией (Стефанией), или, как называют ее некоторые историки, Этъенеттой де Мийи (Мильи), и сделался сеньором Петры (*La Pierre du Désert*), Горной, или Каменистой Аравии (*Petraea Arabia*), Заиорданских земель (*Terre d'Oultre le Jourdain*) Иерусалимского королевства, расположенных к востоку и юго-востоку от Мертвого моря.

Некогда, еще в четвертом веке до Рождества Христова, здесь возникло царство набатеев, арабского племени, сделавшего город Петру важным центром торговли пряностями. В сто шестом году христианской эры, при императоре Траяне (мы еще поговорим о нем), столица набатеев стала частью Римской империи. Город процветал до середины шестого века, в котором был разрушен сильным землетрясением. С начала исламской экспансии в седьмом веке и почти до конца первого десятилетия двенадцатого столетия земли Трансиордании принадлежали мусульманам.

Уже первый король Иерусалима, Бальдуэн Булонский, придавал весьма большое значение завоеванию Трансиордании, где, по уверению летописца-современника, в прекрасных оазисах в невиданном изобилии произрастали рощи всевозможных фруктовых, фиговых и оливковых деревьев: «*Cette terre entor qui estoit tote coverte d'arbres bortanz fruiz de figuiers, d'oliviers et autre arbre de la bonne maniere si que sembloit forest*». К югу от Мертвого моря, в районе Сегора, в земле, называвшейся франками Пальмирой (*Paumiers*), рос сахарный тростник. Производимый из него сахар продавался даже на Кипре. Товары доставлялись на западный берег Мертвого моря с помощью лодок.

Кроме коммерческой ценности, вышеупомянутая территория представляла также и стратегический интерес — здесь пролегали дороги из Египта в Сирию и, разумеется, из Сирии в Египет, а также из Сирии и Египта в Аравию, ну и, как нетрудно догадаться, обратно.

В тысяча сто седьмом году эмир Дамаска Тохтекин по просьбе местных бедуинов послал армию в район долины Моисея (*Li vaux Moysse*, или *Le Val Moise*), чтобы создать базу для набегов на Иудею. В Идумейской пустыне было несколько греческих монастырей, и один монах, Теодор, убедил Бальдуэна вмешаться. Королю предстояло пройти мимо лагеря, разбитого тремя тысячами туркоманов около Петры. Однако он не желал принимать сражения, поэтому Теодор отправился к сарацинам под видом беженца, чтобы поведать о приближении огромной армии христиан. Испуганные турки отступили. Король выкурил бедуинов из их пещер и в наказание реквизировал их стада. Ему пришлось также вывести в более безопасные районы многих местных христиан, опасавшихся мести со стороны кочевников.

В тысяча сто пятнадцатом году Бальдуэн, покончив с более важными делами, решил положить конец свободному перемещению войск и торговых караванов противника по этим маршрутам. Он двинулся в Заиорданье, где у оазиса Ас-Шобах и заложил крепость, которую называли просто — Замок на Королевской Горе — *Li Crac di Montroyal (Le Crac de Montréal)*, поскольку, если верить исследователям, старофранцузское слово «крак» (*crac, krak* и даже *krac*) произошло от латинского *cracus(um)* — крепость. Бальдуэн, человек решительный и привыкший побеждать, сумел нагнать страху на местное население. Отовсюду, куда бы ни приходили христиане, немногочисленные жители в ужасе бежали.

Согнав язычников с насиженных мест, король увел войска, но в следующем году вернулся. На сей раз его войско дошло до залива Акаба. Бальдуэн занял город, названный франками Айлой, и укрепил его, построив цитадель; потом переправился на маленький остров Джезираат Фарун, получивший французское имя — Ильде-Грэ (*Isles de Graye*), где построил второй замок. Таким образом франки прочно взяли под свой контроль дороги между Египтом и Востоком³⁸.

Спустя почти шестнадцать лет, уже в начале правления третьего латинского короля Иерусалима, Фульке Анжуйского, Крак-де-Монреаль и Заиорданье сделались фьефом некоего придворного Пайена (неплохое имечко для христианина, в переводе оно означает — язычник) по прозвищу Дворецкий (*Payens le Bouteiller*). Деятельный организатор, он задумал укрепить северные границы своей земли и в тысяча сто сорок втором году в пустыне Моава примерно в двадцати лье от главного замка, на горе, прозванной Скала Пустыни (*La Pierre du Désert*, или *Petra Diserti*, отсюда и еще одно название Заиорданья — Петра), построил еще одну крепость, дав ей уже полюбившееся название — Крак, или Керак. Пайен Дворецкий также усилил гарнизон форта в долине Моисея. Словом, он завершил начатое Бальдуэном Булоньским и превратил свои земли в неприступный форпост христиан на Востоке³⁹.

Территория сеньории, доставшейся Ренольду в приданое за невестой, простиралась на большую часть Синайского полуострова и включала в себя даже знаменитую гору Синай, о чем и свидетельствует нам хронист: «*Le mons Sinai est en la terre de seignor de Crac*». (На горе этой, как уже говорилось, находился монастырь святой Кaterины.) Вообще, князю было где набраться подлинного благочестия: чуть ли не каждый камень земли, которой он теперь владел, хранил память о преданиях далекой, подлинно библейской старины. Помимо Синая и Петры в состав Трансиорданской сеньории входила и долина Моисея, здесь за много-много веков до прихода франков, высекая посохом воду из камня, знаменитый пророк Израиля впервые продемонстрировал избранному народу принцип действия водопровода.

Вдобавок ко всем вышеперечисленным достопримечательностям Этьения принесла своему третьему супругу также и Хеврон, в ту пору часто называвшийся Сент-Авраамом и традиционно принадлежавший баронам

Горной Аравии. Потому Ренольд в королевских грамотах, которые он в числе других баронов подписывал (зачастую его имя стояло первым), величал себя: «*Renaldus princeps Montis Regalis et Hebronensis dominus, quondam princeps Antiochenus...*» — «Ренольд князь Горного Царства и господин Хеврона, в прошлом князь Антиохии...»⁴⁰

Бывший узник Алеппо сделался сеньором одного из четырех наиболее значительных фьефов Иерусалимского королевства. На земле его размещалось большое количество греческих монастырей, у Ренольда даже появился *собственный* архиепископ, именовавшийся митрополитом Второй Аравии и имевший резиденцию в Раббате Моавском. Шатийонский забияка уже разменял шестой десяток, и сердце его, в прошлом суровое к священникам, смягчилось; во всяком случае с духовным главой своих новых владений князь уже не проделывал ничего подобного той расправе, которую он двадцать с лишним лет назад учинил над сласто- и сребролюбивым Эмери де Лиможем, патриархом Антиохии.

Надо сказать, что была все же в этой «бочке меда», одна маленькая «ложка дегтя» — Трансиорданская сеньория, на момент вокняжения в Кераче Ренольда, оказалась немного урезанной. В конце тысяча сто семидесятого года Салах ед-Дин, в ту пору еще только визирь Египта и Сирии, отобрал у тогдашнего господина Петры Милона де Планси Айлу заодно с Иль-де-Грэ. Сама по себе потеря двух приморских городов почти ничего не значила для Горной Аравии, экономика которой не была завязана на морской торговле (залив Акаба являлся всего лишь «отростком» Красного моря, воды и побережье которого полностью контролировали мусульмане). К тому же у сеньоров Трансиордании отсутствовал флот; и они на протяжении нескольких десятилетий ни разу не делали сколь-либо заметных попыток прорубить окно... в Индийский океан. Главную свою задачу, контроль над сухопутными караванными путями, сеньория худо-бедно выполняла и без наличия в ней *мужской руки*.

Между тем не таким человеком был Ренольд, чтобы за здорово живешь позволять язычникам-агарянам безнаказанно разгуливать туда-сюда по своей... как, впрочем, и по какой бы то ни было другой, земле. Южным соседям Иерусалимского королевства пришлось вскоре сильно пожалеть о том, что их единоверцы с севера, соблазнившись богатым выкупом, дали свободу князю

Арнауту. В голове франкского демона уже роились мысли, которым вскоре суждено было облечься в план, ни чуть не менее дерзкий и жестокий, чем те, которые уже случилось притворять в жизнь пилигриму из Шатийона.

Подводя итог вышесказанному, выразим помыслы нашего героя одной фразой, той, которую он, по всей вероятности, не раз произносил на протяжении многих лет плена: «Ну погодите у меня, псы неверные!»

A.D. MCLXXVIII— MCLXXXIII

I

Долго и весело праздновали франки победу, будто бы только ее и не хватало подданным несчастного прокляженного юноши, чтобы почувствовать — в единении сила. Они, казалось, навсегда оставили раздоры и не без иронии поглядывали на Филиппа Эльзасского, возвратившегося на Пасху тысяча сто семьдесят восьмого года в Иерусалим, задаваясь, по сути дела, одним и тем же вопросом. Неужели и правда они так рассчитывали на помощь *этого* человека еще вчера, тщетно уповая на его храбрость и радение вере Христовой? О, какими слепцами они были! Чего достиг заморский сват? Какие подвиги совершил? Какие земли освободил? Сколько божьего народа избавил от рабства под пятой язычников?

Ответ и вправду выглядел неутешительно для знатного паломника. Граф Филипп напрасно расточил силы свои в бездарных кампаниях против Хамы и Гарена. Он не был разбит, но и сам не нанес никому поражения. Порастряс казну, потерял солдат: одни отстали во время утомительных маршей — только Бог ведает теперь их судьбу, — другие почли за благо наняться к кому-нибудь посмелее, с кем вернее найдешь славу и добудешь имущества врагов. Кто-то из европейцев схватил неведомую болезнь, каких не счесть на Востоке, и в одночасье скончался, а товарищи похоронили его в наспех вырытой могиле.

Граф Фландрии чувствовал себя разочарованным, он досадовал, но... не на себя.

«Какие они несговорчивые, эти выскочки! — нет-нет да и подумывал Филипп со злобой. — Прозываются баронами земли, а мнят себя едва ли не ее пупами.

Между тем помощи просят у нас! Сами воевать неспособны! Жеребятки! Разбили Саладина? Ну и что?!. И отчего батюшку так сюда тянуло? — удивлялся он. — Четыре раза ездил, а чего ради? Чего он тут не видал? Святого Города? Гроба Господня? Да никакая святость тут ни при чем — все дедовы лавры покоя не давали!»

В общем, Филипп решил, что с него хватит. Остатки европейского десанта вскоре отбыли из Иерусалима в Латтакию, что на территории княжества Антиохийского, где, погрузившись на корабли, отплыли в Константинополь, чтобы поведать всем и каждому и там, и у себя в Европе, каковы на деле магнаты Святой Земли. Иметь с таким дело? Ну что вы?! Помилуй, Господи!

Заканчивался год на редкость спокойно, и, хотя грозный враг франков еще весной незаметно пробрался в Дамаск, соседей-победителей он почти не беспокоил — выучили, больше уж не дерзал вторгаться всем войском в Палестину! Случались, конечно, отдельные пограничные стычки, рейды да контррейды, но называть такого рода мероприятия войной не поворачивался язык.

Впрочем, родительнице молодого короля Иерусалимского было не до того. И без того известно — война не женское дело, а теперь и подавно... Наконец-то она дождалась своего часа, пусть поздно, но время ее пришло. Сорокапятилетняя Графиня, казалось, помолодела вдвое, она брала себе новых любовников и скоро оставляла их, призывала старых, только чтобы завтра дать отставку и им. Попадались и вовсе молодые, которые вполне бы сгодились ей в сыновья, каковых она, несомненно, родила бы лет на десять раньше, чем своего первенца, не случись первому супругу погибнуть прежде, чем она успела зачать от него. Что ни говори, а во всем есть свои плюсы; не сложи Ренольд де Мараш голову в несчастной битве под Инабом, дети Агнессы де Куртенэ никогда не стали бы наследниками престола Иерусалима.

Встречать Рождество Христово и новый, тысяча сто семьдесят девятый год от появления на свет Спасителя овдовевшая принцесса Сибилла приехала в Иерусалим, где мать ее, так любившая шумное веселье, устроила в королевском дворце, куда переехала сразу после удаления Раймунда Триполийского с поста бальи, настоящий праздник. Она, разумеется от имени Бальдуэна, пригла-

сила принять в нем участие всех. Однако бароны по большей части, как обычно, сидели по своим уделам; собрались в основном те, кто оказался поблизости. Тем не менее Графиня не могла не испытать легкого удивления, увидев среди гостей Бальдуэна Ибелина.

Правда, после знаменитой битвы при Монжисаре сторонники разных партий сблизились между собой, растворив камень преткновения личных интересов в чудодейственном бальзаме взаимного уважения и признания заслуг друг друга. Тем не менее Агнесса не обманывалась относительно перспектив такого потепления, хотя, признаться, и она утишила в своем сердце ненависть к партии Раймунда Триполийского и Ибелинов — не следовало ненавидеть, когда наступило время любить.

Сладострастную Графиню сразил стрелой Купидон — молодой, златокудрый, голубоглазый рыцарь из-за моря Аморик де Лузиньян, который с недавнего времени занимал все... почти все помыслы дамы Агнессы. Он также оказывал ей знаки внимания, однако пойти дальше взглядов и робких бесед не решался, хотя привез с собой из родного Пуату славу храброго воина и даже успел показать себя в стычках с язычниками на Востоке. Кроме того, он уже почти три года занимал важную придворную должность — главного камергера. Удивительно, но раньше она не обращала на Аморика особого внимания: да — красив, ну и что же? Вокруг хватало молодых красавцев; мало ли их, безземельных искателей счастья из Европы, старательно добивалось теперь внимания матери короля? Однако что-то заставило Агнессу присмотреться к камергеру Аморикку повнимательнее. Произошло это не раньше, чем она узнала о его обручении с Эскивой, дочерью Бальдуэна Рамлехского и Ришельды де Бейзан, брак которых был давно аннулирован.

Графиня, конечно же, слышала про интрижки красавца с некоторыми придворными дамами и удивлялась его неожиданной робости. В чем крылась причина? Агнесса твердо решила разобраться в данном вопросе.

«Красота юной Эскивы затмила весь белый свет? — первое, что пришло на ум Графине. Но скоро она отбросила это предположение — тут дело в другом. — Может, я не хороша для него? Возраст? Едва ли...»

Наконец Агнесса поняла. Виною всему была... храбрость молодого человека. Да-да, именно храбрость, удалая ратная.

«Ох уж эти храбрецы! — Она нехотя отвела взгляд от Аморика, сидевшего за столом рядом со старшим Ибелином. — Всегда так с ними! Хотя, благодарение Господу, случаются и исключения... Князь Ренольд, например...»

Сеньор Керака не приехал, он остался дома. Впрочем, и к лучшему; все помыслы Графини сосредоточились теперь на новом предмете страсти. Сердце так и выпрыгивало из груди при виде красавца из Пуату. Сколько ни заставляла она себя сегодня не смотреть в его сторону, все равно не могла удержаться. В глазах Аморика, уже разгоряченного вином, — вот как щеки покраснелись! — вспыхнул на мгновение ответный огонь. Однако молодой человек отвел взгляд, и тут Агнесса перехватила другой — она и барон Рамлы, будущий тесть ее возлюбленного, смотрели друг на друга всего лишь миг, но как много успела Графиня понять по выражению лица одного из своих заклятых врагов.

«Что, душенька? — словно бы спрашивали его глаза. — Видит око, да зуб неймет? Не про тебя бриллиант. Стара ты стала. Кончился твой век».

Агнесса отвернулась. Благодушия как не бывало. О, как ей хотелось наброситься на сеньора Рамлы, исколотить его, исцарапать в кровь гнусную ехидную физиономию!

«Мерзавец! Мерзавец! Сволочь! Сволочь! Гад! Гад! Гад! — Она сжала зубы, чтобы не закричать. — Ну уж нет! Не кончена наша битва! Погоди у меня! Погоди!»

Но что могла сделать она, слабая женщина, с пером Утремера? Да, она мать короля, это не так уж мало, но... ее сын — всего лишь первый среди равных. Здесь не Византия, царь которой волен распоряжаться судьбой любого из своих подданных. А как прекрасно было бы отдать приказ схватить барона Рамлы, велеть сорвать с него дорогие одежды и золотые украшения, заставить ползать в ногах в одной рубашке. Ползать и молить о прощении.

Бессилие доводило Графиню до иступления. Она утратила ощущение реальности, даже почти не слышала сладкого голоса лангедокского трубадура, приглашенного ее сыном развлечь дорогих гостей. Заморский поэт исполнял какую-то старую, переделанную на новый лад песню о деве, которая ждет в замке возлюбленного, а тот все не возвращается, потому что попал в плен к сарацинам, и никто, никто не спешит дать за него выкупа, ведь все, даже его король, считают рыцаря

погибшим. Только она одна, несчастная девушка, выплакавшая все глаза перед окошком в башне, откуда видна дорога — по ней и отправился в дальний путь воин, — знает, что он жив. Бедняжка видит его во снах и разговаривает с ним, а каждую весну прилетает птица и приносит веточку диковинного растения, которое не растет ни в одном из садов в округе. Веточка — знак того, что томящийся в плену на чужбине узник любит девушку и ждет от нее помощи.

Но что она может сделать? Ведь весточка, которую он подает ей, ничего не скажет королю, поскольку он не верит в такие вещи. Другое дело, если бы рыцарь прислал письмо, но неверные держат его в узилище, хотят сломить дух и заставить принять ложную веру. Они мучают его то жаждой, то голодом, где уж тут мечтать о возможности передать письмо, когда нечем и не на чем написать его? Грустная история.

Поскольку собравшиеся слушали трубадура не на пустой желудок, то могли с легкостью позволить себе, отодвинувшись от стола, устроиться так, чтобы лучше видеть певца. В глазах дам и девушек уже стояли слезы, мужчины с вызовом поднимали головы, не без труда сдерживая внутреннее негодование — что же это за сюзерен такой, если ему нет дела до вассала?! Погиб? Разве можно верить в такое, не получив бесспорного подтверждения?

Поэт, очень остро чувствовавший настроения публики, превосходным образом воссоздал обстановку безысходности, охватывавшей героя и героиню. Он погружал слушателей в мир горя и страданий незнакомых людей, заставляя каждого из присутствовавших переживать чужую боль, как свою собственную. Взгляд трубадура был обращен куда-то в туманную даль, туда, где в стране грез жили несчастный рыцарь и его возлюбленная.

Отчаявшись найти помощь у людей, девушка принялась особенно усердно бить поклоны Деве Марии. Трудно сказать, молился ли в то же самое время кому-нибудь рыцарь, но только героям песни удалось в конце концов достучаться до Небес. Правда, реакция Всевышнего оказалась поначалу странной. Птица перестала прилетать и приносить веточку девушке, и та, решив, что возлюбленный ее умер, в свободное от молитв время стала плакать еще неутешнее, чем прежде.

Трудно сказать, откуда взялись слезы, по уверениям трубадура, она их выплакала все уже трижды по тридцать три раза.

Наконец несчастная собралась умирать и теперь просила Богородицу лишь о встрече с рыцарем в том мире, раз уж не случилось им стать счастливыми в этом.

Вот тут-то и произошел поворот.

Король сам позвал к себе бедняжку. Она не посмела ослушаться его приказа и явилась ко двору. И о чудо! Черствый правитель оказался весьма взволнован, он показал девушке веточку, такую же, как те, которые птица прежде приносила ей. Теперь пернатое, словно бы оно ошиблось адресом, доставило послание пленника сарацин королю. Ему, конечно, был сон. В нем король увидел рыцаря и даже узнал замок, где тот томился. Сюзерен, терзаемый муками совести — как же он мог бросить своего верного вассала, который, как вдруг выяснилось, и попал в узилище, потому только, что один дрался с тысячей язычников, спасая своего короля? — немедленно собрал войско, напал на замок, перебил всех неверных, захватил и другие окрестные замки, а потом всю вновь завоеванную территорию передал в управление освобожденному узнику, сделав его графом.

Девушка, естественно, вышла замуж за возлюбленного, и стали они жить счастливо.

Зал рукоплескал, король Бальдуэн велел щедро наградить трубадура, чем вызвал взрыв славословий в свой адрес.

Агнесса вновь стрельнула глазами в Аморика, но тот сидел отвернувшись. Она было совсем расстроилась, как вдруг заметила... взгляд дочери, обращенный — о ужас! — к сеньору Рамлы, который смотрел на Сибиллу с явным обожанием.

«Как же ты могла упустить ее из виду?! — прогремело в сознании Агнессы. — Сама так старалась пробудить в ней женщину, а потом бросила на произвол судьбы! Соображаешь, что случится, если этот мерзавец окрутит девочку? Она, даром что вдова и мать, еще девчонка, да и глупа сверх меры!»

Балиан, младший из Ибелинов, уже стал мужем вдовствующей королевы Марии, отчимом принцессы Изабеллы. Если старшему удастся жениться на Сибилле, рано или поздно в руках одного из них окажется бесспорное регентство, а потом, вполне возможно, и трон. Таким образом, контроль партии Графини над престолом будет утрачен навсегда. Конец власти означал в глазах Агнессы потерю всего, всего, о чем она так

мечтала долгие годы. Женщина почувствовала, как каменный пол уходит у нее из-под ног, а сама она падает в бездонную пропасть.

Веселье между тем разгоралось все ярче. Трубадура сменили жонглеры. Они тоже пели, но куда более короткие песенки, стремясь вызвать в душах зрителей не грусть, а радость, одну лишь радость, которая, будучи подогрета вином, заставляет забывать о приличиях и знатного, умудренного летами, владетельного мужа и безусого юнца, только вчера надевшего шпоры.

Артисты показывали фокусы, плясали в ярко раскрашенных личинах и, пользуясь возбуждением публики, позволяли себе все больше и больше фривольностей: совершали неприличные движения, делали столь же шуточные, сколь и непристойные намеки. Уже скоро стало не совсем понятно, где происходит все это, при дворе языческого князя в дохристианскую эпоху или в Святом Граде Господнем в конце двенадцатого столетия от Рождества Христова?

Но ничто не занимало Агнессу так, как ужасное открытие, сделанное на праздничном пиру. Если бы кто-нибудь специально захотел испортить ей новогоднее настроение, то не смог бы придумать ничего лучше, чем приоткрыть завесу тайны над тем, как далеко зашли в своих коварных происках Ибелины. То-то они, голубчики, так затихли, так затаились в последнее время! Теперь Графине стала очевидна вся глубина подлости бывших родственников, особенно одного из них, который, как только что выяснилось, метил ей в зятя.

Всего этого оказалось слишком. Сомнамбулой покинула Агнесса зал и вышла в сад, где простояла довольно долго, пока ночная прохлада в конце концов не вынудила ее вернуться во дворец. Желание веселиться у Графини исчезло окончательно. Она решила отправиться спать и не спеша побрела по мрачным, плохо освещенным факелами коридорам.

Женщина, словно бы сразу состарившаяся лет на десять, шла, глядя себе под ноги и мысленно жалуясь Богу на судьбу, как вдруг внимание ее привлек раздавшийся впереди шум возни. Послышался женский визг, и в конце коридора метнулась чья-то тень. Мелкой дробью рассыпались по камням шаги обутой в сабо ног. Агнесса не испугалась, а лишь удивилась — ей даже на ум не пришло, что где-то в недрах холодной и унылой

резиденции франкских правителей Иерусалима могла затаиться опасность. Тем не менее Графиня прибавила шагу и, поравнявшись с нишей, из которой выпорхнула беглянка, заглянула туда, а потом, презрев страх, двинулась дальше и оказалась в небольшом, скудно освещенном зале, где увидела мужчину. Поправляя одежду и негромко чертыхаясь, он даже не заметил, как вошла Агнесса, поэтому, подняв голову, очень удивился и даже испугался.

— Вы? — спросил он и еще сильнее растерялся, хотя и без того чувствовал себя очень неловко. — Но как вы тут оказались?

— А вы? — спросила Агнесса, и ее тонкие губы изогнулись в хищной усмешке — теперь не уйдет. — Искали забвения в объятиях феи? Вас так взволновал рассказ француза про несчастную девушку и узника?

Говорила Графиня не без яда в голосе. Уж ей ли, женщине, известной на весь Утремер страстью к смене впечатлений, заслужившей дружное осуждение святош, не понять, в каком положении оказался красавчик придворный? Знатные дамы и девицы не носят деревянной обуви. Впрочем, что же тут такого? Ну вздумалось рыцарю потискать служанку, есть ли отчего впадать в смущение и краснеть? Несмотря на недостаток света, от зоркого глаза Графини не укрылось нечто такое, что молодой человек хотел, но при всем желании никак не мог скрыть. Он же из-за этого был, казалось, готов провалиться сквозь землю.

«Ох уж эти храбрецы! — снова подумала Агнесса, подходя поближе. — Не ведают страха в сече, но в схватках любовных чуть что готовы бежать с поля до битвы!»

Она положила руки на плечи Аморику и прошептала:

— Если вы возжаждали утонченных ласк, вам не следовало обращаться к глупой служанке. Наивная дурочка возмечтала, что вы притащили ее в укромный уголок, чтобы задрать юбку. Как же она обманулась в своих надеждах?! Почему ты боишься меня? — неожиданно переходя на ты, спросила она низким хрипловатым голосом и всем телом прижалась к рыцарю. — Я — как раз та, которую ты искал!

— Я... Я боял... — начал Аморику, но, сообразив, что слово «бояться» не пристало настоящему шевалье, осекся. — Вы... вы — мать короля...

— Но не королева, — прошептала Графиня, целуя молодого человека в губы. Впервые она радовалась тому,

что не удостоилась венца,— этот храбрец, чего доброго, убежал бы от нее так же, как от него самого задала стрекача служанка.— Я женщина. Неужели тебе никто не говорил, какая?

— Мадам...

— Агнесса,— поправила она.— Придется мне показать тебе, *какая* я женщина.

* * *

Сам Бальдуэн ле Мезль давно покинул гостей. Слишком быстро он уставал, и все более и более длительный отдых требовался ему, чтобы восстановить силы; пиры же лишь утомляли неизлечимо больного монарха. Тем временем приглашенные веселились от души.

Число желающих продолжать праздник за столом заметно убавилось: многие разошлись по домам, кто-то тихо сопел, уронив голову на руки посреди тарелей с закусками и опорожненных кубков, кто-то, поднявшись и тут же забыв, зачем и куда собирался направить нетвердые стопы свои, прилег отдохнуть и теперь храпел на сундуке или на лавке в дальнем углу. Другие, подобно камергеру Аморику, чье воображение разыгралось под влиянием выпитого и скабресных шуточек жонглеров, искали выхода страсти в объятиях прислуги или уединялись с некоторыми из дам, подобно хозяйке бала не славившихся репутацией недотрог.

Принцесса и ее кавалер в поисках уединения вышли на террасу. Сердце Сибиллы замерло, она ожидала, что же скажет ей мужчина, внимание которого стало ей вдруг совсем небезразлично.

Восемнадцатилетняя вдова впервые открывала для себя мир. Брак новоиспеченной графини Яффы и Аскалона продлился так недолго, что не успела она привыкнуть к роли молодой жены, как уже сделалась матерью и вдовой. Прожив как бы целую жизнь, она не смогла хоть сколько-либо глубоко проникнуть в сферу неведомых плотских ощущений. То, что пришлось ей испытать в супружеской постели, не было ни прекрасно, ни... отвратительно. Из памяти принцессы никак не могло изгладиться, не давая ей покоя, то непередаваемое и неповторимое ощущение, которое она испытала, прячась за шторой в спальне матери.

Вспоминая об этом, Сибилла чувствовала... отвращение и в то же время что-то такое, чему не находила

объяснения; она ни за что не хотела признаться себе в том, что именно отвращение и будило в ней не находившее удовлетворения любопытство. Иногда ей в голову приходило вдруг, что судьба... надула ее, обошла, как хитрый полководец, обходя неприятеля, уводит свое войско, не приняв боя. Следовало бы поговорить с матерью, но откровенных бесед с Агнессой принцесса также избегала, в глубине души считая, что и мать ее обманула. Сибилла верила словам родительницы и имела все основания ожидать, что произведет на свет здорового ребенка, но маленький Бальдуэнет родился слабеньким; получалось, что приметы знахарок ложны? А может, просто никаких примет и не существовало?

Юная вдова понимала, что ей придется выходить замуж во второй раз, и теперь уж она не собиралась никого слушать, а сама хотела избрать суженого, выйти за того, кто будет любезен ей, а не баронам, не венценосному братцу и даже не матушке. Теперь, согласно закону, изданному отцом семь с лишним лет назад, права принцесс расширились, так или иначе собственное слово Сибиллы в марьяжном вопросе приобретало куда больший вес, чем прежде. Сир Бальдуэн Рамлехский нравился ей, несмотря на то что, как и покойный супруг, не отличался ни молодостью, ни красотой.

Поведение жонглеров смущало Сибиллу, и она искренне обрадовалась, когда, увидев, что Агнесса покинула зал, барон также поднялся. Принцесса никак не могла дожидаться подходящего момента, чтобы удалиться. Ей казалось, что все знают про то, какие странные чувства будят в ней взгляды, слова и прикосновения старшего Ибелина.

Впрочем, ни слов, ни прикосновений, можно сказать, и не было, зато взгляды...

— Довольно холодно, ваше высочество,— проговорил барон.— Не напрасно ли мы с вами пришли сюда?

— Нет, месье,— покачала головой Сибилла.— В зале такой затхлый воздух. Хотя тут и правда прохладно...

— Позвольте мне предложить вам мой плащ,— зашептался Бальдуэн. Он расстегнул фибулу, снял плащ и набросил его на плечи принцессы.

«Ах, сеньор! — Сердце ее сжалось.— Лучше бы вы просто обняли меня! Сказать по правде, мне совсем не холодно».

И верно, только темнота и выручала Сибиллу, которая благодаря ей могла не опасаться, что барон увидит густую краску, выступившую на ее еще детских щечках. Впрочем, он и так ничего не заметил бы, поскольку пребывал в совершенной растерянности и совсем не понимал, что же на него нашло? И верно, взрослый муж, разведенный и, как думалось самому, знавший толк в женщинах, а оробел, точно мальчишка. Ну и ну! Однако рыцарь ничего не мог с собой поделать — язык точно прилип к небу.

— Как вам понравилась песня трубадура? — спросил Бальдуэн, нарушив затянувшуюся до неприличия паузу.

— Так трогательно! — с совершенно искренним чувством воскликнула Сибилла и повернулась к кавалеру. — Они так любили друг друга! Какая неземная преданность... какая любовь... неземное, божественное чувство, правда?! Ах как бы я хотела хоть на мгновение, что бы и меня любили так же сильно! Так же страстно, как тот рыцарь любил ту девушку! Ах, как это трогательно... Разве вы думаете иначе, мессир?!

Голосок женщины зазвенел. Ее волнение передалось спутнику.

— Да... ваше высочество, конечно. Это очень хорошая история и добрая... — промямлил он. — Она учит нас, что король... что рыцарь... Она показывает нам...

«Боже! — мысленно застонал он. — Что я несу?! Я ведь не на заседании Курии!»

Не найдя, что сказать, Бальдуэн не придумал ничего лучше, чем повторить слова принцессы:

— Это... это очень трогательно.

Ему бы сейчас на турнир, пару кубков вина, да на коня, да вышибить бы кого-нибудь из седла! Барон чувствовал, что справится с любым, даже самым прославленным бойцом. Да что же это на него нашло?!

Юная вдова, по счастью, не замечала метаний спутника.

— Правда трогательно! — проговорила она с восхищением. — Божественно! Особенно та веточка, которую каждый год в день их расставания приносила им птица. Как вы думаете, мессир, что это была за птица?

— М-м-м... Перелетная, судя по всему? — Бальдуэн решительно не мог понять, чем вызван вопрос. Трубадур не слишком вдавался в такого рода подробности. — А как вам кажется?

— Мне думается, это была голубка,— проговорила Сибилла с нежностью.— Белая голубка.

— Ну это вряд ли, ваше высочество,— возразил барон.— Тот рыцарь попал в плен к сарацинам, а девушка, надо думать, жила в Европе, там нехристей, хвала Господу, нет. Голубь не смог бы пролететь такого расстояния. Еще от Святого Города до Антиохии — туда-сюда, но чтобы, скажем, до Лангедока — это вряд ли.

— Как жаль,— огорченно вздохнула принцесса.— А мне, когда я слушала трубадура, виделась голубка. Я сама представлялась себе такой голубкой, которая готова перенестись через сотни лье, чтобы только встретиться с возлюбленным. А может, к девушке прилетала душа того рыцаря? Ведь душа может пролететь тысячу миль?!

Бальдуэн начал уже всерьез прикидывать, может или не может душа долететь из Иерусалима, скажем, в Тулузу или Париж, как вдруг услышал собственный голос:

— Душа может все, моя государыня.

— Душа может все...— как бы пробуя на вкус каждое слово, проговорила Сибилла.— Как вы хорошо сказали, мессир... «Вы верно пишете стихи?» — хотела спросить она, но любивший точность барон оказался не в силах побороть себя.

— Я вот что подумал,— проговорил он едва ли не с радостью первооткрывателя.— Что, если рыцарь попал в плен к сарацинам в Испании? Оттуда голубь, пожалуй, смог бы долететь до Лангедока?! Да что там! Запросто смог бы!

Кончики тонких, таких же, как у матери, губ принцессы опустились.

— Пойдемте отсюда, мессир,— проговорила она.— Мне холодно.

— Я... я...— начал Бальдуэн, не находя в себе сил посмотреть в лицо Сибиллы.— Я... я люблю вас, ваше высочество...

Сказав это, барон, точно сбросил с плеч непосильную ношу и ощутил вдруг необыкновенную легкость, будто помолодел лет на двадцать. Он повернулся и без робости посмотрел прямо в засверкавшие, точно два огромных бриллианта, глаза принцессы.

— И я люблю вас, мессир,— прошептала она, обвивая руками его шею.— Очень люблю. Если бы вы не сказали мне сейчас, что любите меня, я бы умерла.

— Я был бы самым несчастным человеком на свете, если бы это случилось, — также шепотом произнес Бальдуэн и поцеловал Сибиллу в губы. — Не говори так больше, моя прекрасная белая голубка, не разбивай мне сердце.

II

Пикантное новогоднее приключение взбудрило Агнессу; случай помог ей одержать по крайней мере одну немаловажную победу — разбить барьер условностей, разделявший ее и любимого. Агнесса *взяла* Аморику не только как мужчину; она могла не сомневаться — он, будущий зять Ибелинов, поддержит ее в политической игре, таким образом она, кроме всего, прочего приобрела в лице молодого человека из Пуату своего сторонника в стане противника.

Очень сильно беспокоила мать Сибилла, она сделалась еще более замкнутой, чем была даже в первые месяцы вдовства. Между тем по бесспорным для опытной женщины приметам Графиня могла заключить — девочка счастлива, во всяком случае считает себя таковой, что означало, отношения принцессы и ее кавалера складывались удачно для Сибиллы. Однако пока ни один из них не предпринимал никаких практических действий, не делал попыток подготовить короля к предстоящему браку. Мать вела себя так, будто бы ни о чем не догадывалась. Уж очень не хотелось ей сейчас разбрасываться, она наслаждалась счастьем, которое давали ей встречи с Амориком.

Наверное, она могла бы даже примириться с возвышением Ибелинов. Ах если бы не тот красноречивый, полный злорадства взгляд, брошенный на нее бароном Рамлы на рождественском пиру, — взгляд, в котором читался приговор: «Твоя песенка спета, обольстительница Агнесса. Скоро ты будешь любоваться внуками, детьми моими и твоей дочери. А о златокудром Аполлоне из Лузиньяна забудь. Знаешь, что это такое? Это месть. Настало время платить за те «приятные мгновения», которые ты доставляла моему брату, когда он воевал за корону вдали от дома, а ты резвилась в постели с первыми встречными. Тебя ждет забвение, на сей раз окончательное и бесповоротное».

Гром прогремел, когда было объявлено, что на Пасху тысяча сто семьдесят девятого года состоится помолвка Бальдуэна и Сибиллы.

«Ах тихоня?! Ах скромница?! Ах монашка?! — Агнесса сжимала кулаки. — А Ибелины-то, Ибелины?! Хороши братики, все королевство решили под себя поднять?! Обвели, обвели вокруг пальца!»

Говорить с сыном, требовать от него сорвать помолвку Графиня не стала. Верно оценивая расстановку сил, она понимала, ничего хорошего разговор не даст. Мало настроить короля против брака сестры, так ведь и ее же саму придется убеждать в том, что ей *вовсе не нравится барон Рамлы*. Вот если бы они уже стали любовниками! Теперь то обстоятельство, что влюбленные в своих отношениях не преступали допустимых границ поведения, также играло на руку Ибелинам. Ведь в противном случае можно было бы спровоцировать скандал, что, вероятно, даже заставило бы короля Бальдуэна не только расстроить помолвку, но и удалить барона, посягнувшего на честь сестры от двора, — тут решение целиком за братом Сибиллы, так как дело это прежде всего семейное, а не государственное.

Как и всякий, кто нашел вдруг, что, действуя как будто бы правильно, оказался в дураках, Графиня первым делом принялась клясть себя за совершенные просчеты. Конечно, во всем была виновата только она сама — проглядела, прохлопала главное, слишком много времени уделяла своему Аполлону Аквитанскому. Но поскольку долго злиться на себя трудно, да и бессмысленно, Агнесса обратилась к Богу — уж Он-то мог бы предостеречь ее? Как-никак всевидящий! Она молилась, но молитвы больше походили на рыдания:

«Почему, Господи? Почему посылаешь Ты удачу, почему даруешь победу моим врагам?! За что заставляешь так страдать? Почему тот, кто отобрал у меня все, вновь торжествует теперь? Уж лучше бы Ты не манил меня призрачной удачей! Пусть бы оставалась я в забвении, где пребывала все лучшие годы свои, лишенная и детей моих, и мужа, с которым венчалась я перед лицом Твоим! Ты возвел моего сына на трон, но поразили страшной болезнью, наказав несчастного за грехи его бабки, королевы Мелисанды, так зачем же Ты умножаешь страдания матери? Не позволь свершиться новой, еще большей несправедливости, не дай, не допусти к трону больного мальчика моего дурных советчиков! Неужто не видишь, как тяжело ему, как тяжело мне?!»

Бог не отвечал, Дева Мария тоже. От брата, в чем Агнесса убеждалась с каждым днем все сильнее, пользы было немного. Графа Жослена больше всего на свете

волновали собственные земельные приобретения, распоряжаясь королевской казной, он не забывал и о себе. Бывший узник Алеппо потихоньку богател, его мало заботили терзания сестры, он лишь разводил руками и вздыхал: «Ну что же теперь делать? Так, видно, Бог хочет. Господня воля. Глядишь и поладим мы с Ибелли-нами? Что уж так изводить себя? Нам без короля нельзя, сами понимаете, язычники враз сожрут. Сегодня его величеству лучше — сам полки водить готов, а что завтра будет? Барон Рамлы — воин смелый. Уж не убивайтесь вы так, не турок же он?»

Хуже! Хуже! Хуже турка!

Графиня послала в Кесарию к Ираклию, но архиепископа задержали какие-то неотложные дела. Обратиться сама, минуя его, к тамплиерам она не решалась. «И почему не знаю я путей тайных, что ведала Мелисанда?! — иногда в отчаянии сокрушалась Агнесса, но тут же пугалась собственных мыслей: — Нет, нет, Христе Иисусе, я не хочу быть, как она! Я прошу помощи у Тебя! У одного Тебя, вседержителя!»

Вновь и вновь, глотая слезы, взывала она к Всевышнему:

— Но почему, почему глух Ты к мольбам моим? Почему оставил милостью своей? Лучше убей, но не заставляй страдать! Дай хоть малый шанс, хоть крохотную надежду! Яви, яви, Господи, чудо, позволь напитаться страждущему в пустыне, позволь идущему дойти до цели! Не дай мне чахнуть в забвении, зная, что ненавистник мой радуется и празднует победу! Возьми саму жизнь, но помоги! Отдам Тебе все, что имею, только сделай так!

— Государыня. — Молитвенница подпрыгнула на месте — неужели Бог ответил? Однако, когда до нее дошло, что голос, который она слышала, исходил ни в коем случае не с Небес и имел явно земное происхождение, Агнесса обернулась и увидела... немую монахиню Марию. — Простите, государыня, — проговорила та. — Я вошла не вовремя...

Графиня замахала рукой, точно собираясь перекрестить монахиню, но знамение не получилось. Могло показаться, что Агнесса, временно лишившаяся дара речи, хотела просто перечеркнуть Марию.

Поднявшись с ее помощью на ноги, Графиня спросила:

— Так ты не немая? — В голосе ее зазвенели металлические нотки. Она с каким-то странным любопытст-

вом вглядывалась в лицо монахини, которую видела без капюшона едва ли не впервые в жизни. Она выглядела лет на десять старше хозяйки. — Выходит, ты обманывала меня?

— Нет, государыня, — покачала головой та. — Я хранила молчание двенадцать лет, но теперь ваша молитва отомкнула мои уста.

— Отомкнула уста? — эхом отозвалась Агнесса.

— Господь совершил чудо, — ласково проговорила монахиня. — Он услышал ваши молитвы.

— Мои молитвы? — как во сне проговорила Графиня и повторила с несколько иной интонацией: — *Мои молитвы?*

Мария пояснила:

— Вы просили Господа о чуде, и он ниспослал его.

Меньше всего Агнессе хотелось бы, чтобы на ее просьбы Бог отвечал в столь откровенно издевательской форме. Всевышний превратил немую служанку в говорящую — замечательно! И что? Это и есть все чудеса? Не слабовато ли для вездесущего и всемогущего? Графиня почувствовала, как глухая ненависть начинает охватывать ее — монашка сильно пожалеет о своей дерзости!

Та тем временем, не дожидаясь, когда госпожа спросит ее, после короткой паузы заговорила вновь:

— Господу было угодно, чтобы я, сделав чудесное открытие, пошла к вам, чтобы поведать той, которой служу и которую люблю, о том, что Всевышний вернул мне дар речи. Господь устроил так, чтобы, войдя сюда, я услышала ваши молитвы, обращенные к Нему. Он оттого позволил мне стать свидетелем ваших тайных мечтаний, что избрал меня средством исполнения самых сокровенных желаний вашей светлости.

Агнесса хотела было с размаху хорошенько ударить монашку по лицу, но передумала и спросила:

— О чем ты говоришь?

— О святом отшельнике Петры, — твердо ответила Мария. — Он не только умеет читать тайные знаки судьбы человеческой, но может и менять ее, если получает на то соизволение Божье. Вы в большом затруднении, государыня, и если вам не поможет отшельник, то не поможет уже никто другой.

— А он существует, этот отшельник?

— Безусловно.

Агнесса подумала вдруг, что монашка очень неглупа и что она действительно может помочь. Но как? Ей вовсе не мечталось убить барона Рамлы, отравить его,

наслать на него порчу, она хотела унижить Бальдуэна Ибелина, плюнуть ему в лицо. Вернее, сделать так, чтобы он почувствовал себя так, будто ему плюнули в лицо, знал, кто сделал это, но оказался бы бессилён что-нибудь сделать.

— Нужны деньги? — спросила Графиня скорее с утвердительной интонацией.

Мария кивнула:

— Разумеется. Путь до Петры не близкий. В горах шляются шайки разбойников. Дикари бедуины обычно не трогают монахов, но, кто знает, что взбредет на ум язычникам? Мне понадобится охрана, не менее двадцати конных.

— Тебе?

— Мне, государыня, — подтвердила монахиня. — Потому что далеко не с каждым человеком отшельник вступает в разговор.

— А ты уверена, что с тобой он говорить станет? — поинтересовалась Агнесса, пристально глядя на Марию.

— Думаю, да, — точно и не замечая тона хозяйки, ответила та. — Если он не захочет принять меня, в любом случае, вы не потеряете ничего, кроме тех денег, которые заплатите всадникам.

Ничего не потеряете? Графиня думала иначе, она потеряет все, если не расстроит свадьбу старшего Ибелина и принцессы.

— Как я понимаю, в случае успеха твоей миссии расходами только на сопровождающих дело не ограничится?

— Мне трудно сказать. На всякий случай надо захватить с собой какое-то количество золота, — посоветовала монахиня. — Если отшельник Петры найдет возможным помочь вам и возжелает этого, то сделает все и без денег. Однако столь значительной особе, как вы, моя государыня, не пристало оставлять без воздаяния благодеяния, оказываемые вам. Поэтому дайте доверенному слуге, который поедет со мной, ту сумму, которую вы сочтете достаточной.

Выслушав Марию, Агнесса на некоторое время задумалась, а потом кивнула:

— Хорошо. А какого вознаграждения хочешь ты?

— Никакого, государыня. Я служу Господу, а значит, деньги мне ни к чему.

— Ты сама только что очень верно говорила о воздаянии за благодеяния, чем же я смогу отплатить тебе?

— Землекоп не благодарит лопату, государыня, — сказала монахиня. — С меня станет и вашего доброго слова. Господь уже и без того вознаграждал меня, отомкнув мои уста с тем, чтобы я могла лучше послужить вам.

— Что ж, — подытожила Агнесса, — хорошо. Ступай и позови ко мне моего дворецкого, пусть немедленно наберет людей и отправляется с тобой.

* * *

Любому, кто решит проделать путь из столицы королевства латинян в Святом Городе Иерусалиме к развалинам древней Петры — всего каких-нибудь сто римских миль разделяют эти два пункта — придется разделить свой путь на два этапа. Один из них путник завершит спуском с гор в расположенную намного ниже уровня моря долину Вади-аль-Араба, а второй начнет с того, что примется вновь карабкаться из нее наверх, пока вновь не заберется в горы, где, если посчастливится ему не угодить в лапы разбойников и не сбиться с пути, рано или поздно найдет то, что ищет, — развалины античного города. Там в одной из пещер как раз и жил тот, кого иные считали легендой, досужей выдумкой пустомель.

Возможно, подобное мнение сложилось вследствие того, что многие говорили об отшельнике, но немногим случалось видеть его. Особо любопытные (и вдобавок бесстрашные) отправлялись на его поиски, но одним везло, а другим нет. Причем, если счастливым случалось прийти во второй раз и привести в пещеры кого-нибудь из тех, кто не сподобился чести видеть загадочного старца, он не показывался, как бы его о том ни молили. Надо ли говорить, что подобное поведение не добавляло скептикам веры в существование отшельника?

Спешка отнюдь не облегчала тягот путешествия, а дворецкий Жак все время подгонял рыцаря Фульке, командира всадников, сопровождавших посланницу госпожи, поскольку сгоравшая от нетерпения Агнесса велела слуге поторапливаться. И вот наконец отряд достиг цели, потеряв по дороге двух человек в стычке с какими-то безумцами, вздумавшими напасть на хорошо вооруженных путников.

Когда они оказались уже среди руин Петры, Мария, державшаяся в седле не хуже мужчин — во всяком случае дворецкого, — неожиданно остановила лошадь и спешила. Она попросила одного из солдат зажечь факел и затем сказала:

— Ждите меня здесь. Разбивайте лагерь. Может статься, я не вернусь до утра, — и, обращаясь к Жану, потребовала: — Дай мне ларец, который вручила тебе твоя госпожа.

Дворецкий решительно замотал головой.

— Э-нет! — запротестовал он. — Я пойду с тобой.

— Зачем?

— Государыня доверила казну мне, значит, я должен видеть, кому ты отдашь ее. К тому же мне надо убедиться, что отшельник существует, а то, как бы ты не запрятала золотишко и не сбежала?

— Твоя госпожа и правда приказала тебе следить за мной? — спросила Мария без тени обиды в голосе.

— Да! — заявил Жак. — Она приказала мне не спускать с тебя глаз.

Монахиня внимательно посмотрела в лицо дворецкому и, когда тот, не выдержав, отвел глаза, сказала:

— Ты врешь.

— Думай, что хочешь, но я не отпущу тебя одну. И не вздумай юлить, говорить, будто этот отшельник не вышел к тебе из-за того, что я тебя сопровождал. Слышал я такие речи от врунов, которые дурачат добрых людей. Если он не явится, значит, его просто не существует.

— Ладно, — согласилась Мария, — ты пойдешь со мной, но поведай-ка мне сначала, за какие грехи ты причисляешь меня к лгунам?

Дворецкий криво усмехнулся.

— Будто не знаешь? — спросил он, искоса глядя на монахиню. — Думаешь, никто не понял, как ты подлизалась к госпоже? Что это за чудо произошло? Пять лет мы наблюдали тебя. Сначала ты приходила с принцессой, потом переехала к нам, и за все это время никто из нас не слышал от тебя ни слова ни полслова, а тут ты вдруг разговорилась?

— Господь отомкнул мои уста.

— Черта с два! — воскликнул Жак. — Те, кого отмечает Бог, не знают с дьяволом!

— С дьяволом? — переспросила Мария.

— Не прикидывайся дурочкой! Я даже не знаю, может, ты и не монашка вовсе?!

— Что ж,— женщина пожала плечами,— мы не будем теперь тратить время попусту, уже смеркается. Надо идти, если ты еще не передумал.

— Передумал? Ну нет! И не мечтай даже.

Мария отвернулась от дворецкого, решив видно, что продолжать беседу с Жаком бессмысленно.

— Мессир рыцарь,— обратилась она к Фульке.— Не откажетесь ли и вы присоединиться к нам?

Командир отряда засуетился, он никак не ожидал приглашения. Честно признаться, Фульке не отказался бы взглянуть на легендарного отшельника, но и рыскать впотьмах, среди таящихся в развалинах бесов, которые несомненно обитали тут во множестве, рыцарю не очень-то хотелось. Он был уже не юн, этот воин, однако, не желая показаться трусом, проговорил:

— С удовольствием. Разрешите только отдать распоряжения.

Оставив одного из всадников за старшего, Фульке зашагал вслед за Марией и Жаном. Все трое поднялись по пологим стертým ступеням из розового песчаника и исчезли в перекошенной пасти одной из пещер. Дворецкий и рыцарь как по команде перекрестились, монахиня не сделала этого, видимо только потому, что держала в правой руке факел.

Шли довольно долго. В самом дальнем конце пещеры находился узкий проход, в который они и нырнули, чтобы через некоторое время, несколько раз спустившись и поднявшись, свернув дважды налево и трижды направо, оказаться в зале со сводчатым потолком, видимо некогда служившим прежним хозяевам Петры для каких-то церемоний вроде приема гостей или для пиров.

— Располагайтесь,— сказала Мария и показала спутникам на каменные скамьи, стоявшие у стены.— Придется подождать.

— Сколько? — с беспокойством спросил Жак.

Монахиня ответила не сразу. Она вставила факел в нишу в стене и, подойдя к лавке, на которую собиралась опуститься, произнесла:

— Сколько нужно. Тебе никто не мешал остаться снаружи.

Сказано это было таким тоном, что следующий вопрос, так и не успев прозвучать, лишь зашипел в глотке дворецкого, как плевков на поверхности раскаленного гранита. Рыцарь ни о чем не спрашивал — раз согласился, так согласился, теперь сиди и жди.

Ждать пришлось долго, даже очень долго. Оба, и Фульке и Жак, уже начали дремать, когда факел, ни с того ни с сего вспыхнув вдруг ярко, погас.

— О дьявол! — выругался рыцарь. — Что это?

Ответа он не получил, так как в это мгновение противоположная часть зала осветилась светом сразу нескольких факелов, и все трое увидели сидевшего возле нее на невысоком каменном сиденье с подлокотниками, но без спинки человека в черном. Сказать, был ли он стар или, наоборот, молод, оказалось бы делом непростым — черное кеффе оставляло открытым лишь глаза, а кисти рук прятались в длинных и широких рукавах черного халата. Ноги свои он сложил по обычаю жителей Востока.

Как только все трое поднялись, отшельник заговорил.

— Здравствуй, Мария, — произнес он глухим низким голосом. — Кто это с тобой?

Говорил он на знакомом всем жителям Утремера южнофранцузском диалекте без всякого акцента.

— Один из них — слуга той, попросить за которую я пришла. Второй — солдат, командир отряда, сопровождавшего нас в пути, — представила спутников монахиня. — Они пришли с миром.

— Как тебе может быть ведомо, кто пришел с миром, а кто нет? — строго спросил отшельник и, не дав женщине ответить, приказал: — Подойдите все сюда.

Мария смело приблизилась к нему, рыцарь и дворецкий остановились в двух-трех шагах позади нее. Она достала из складок одежды перстень и, положив его на камень возле трона черного человека, произнесла:

— Я пришла узнать волю Неба и, если возможно, сделать так, чтобы...

Отшельник жестом попросил ее замолчать. Взяв перстень, он поднес его поближе к лицу и принялся пристально рассматривать, а потом сказал:

— Я знаю.

Он раскрыл ладонь, и спутники Марии, вытаращив от удивления глаза, увидели, как драгоценный металл и даже камень, вправленный в него, исчезли, превратившись в дым, который повалил от руки отшельника, точно из костра, в который плеснули полведра воды. Когда сизое, довольно приятно пахнувшее облако рассеялось, слева от черного человека оказалась невиданных размеров серый волк, весивший, наверное, не меньше двух кантаров⁴¹.

Животное посмотрело на людей красными рубиновыми глазами и, оскалившись, тихо, но грозно зарычало. Дворецкий попятился, а рыцарь взялся за рукоять меча.

— Тихо, Фиц-Лу,— проговорил хозяин.— Я знаю, что беспокоит тебя, мой славный песик.

Кисти рук отшельника вновь исчезли в рукавах халата, но, спустя мгновение, он выпростал их и, разжав пальцы, швырнул прямо перед собой на пол две полные пригоршни небольших желтых костяных пластинок, покрытых какими-то рисунками, а затем наклонился и стал внимательно рассматривать изображенные там предметы. Они были всем знакомы с детства: вот только что отсеченная от тела голова мужчины — даже капельки крови видны,— вот просто череп, принадлежавший человеческому существу, и другие — лошадиные и собачьи; там меч, а тут костер.

Молчание длилось очень долго, казалось, черный человек окаменел, превратился в изваяние, вырезанное из имевшегося тут в изобилии розового камня и покрытое сажей. Но вот он поднял голову к потолку, сложил руки, как для молитвы, и заговорил глухим, почти лишенным выражения голосом:

Феб с севера. Потомок феи
Озера, брат сокола
Светлого, ясен ликом.
С прекрасной розой юга он
Рожден встать рядом до конца.

— Дьявол! — раздалось из-за спины Марии. Возглас заставил ее повернуться. В руке дворецкого блеснул длинный кинжал. Женщина видела, как он устремился к ней, но поделать ничего не могла, не будучи в силах даже пошевелиться.

Внезапно в воздухе послышалось какое-то шуршание, точно нетопырь или птица невидимая летела в темноте, взмахивая крыльями. Монахиня вскрикнула и словно очнулась ото сна. Голова Жака скатилась с плеч, тело же продолжало стоять еще несколько мгновений, а потом, качнувшись, рухнуло на землю, куда перед тем упали ларец и заточенная как лучший дамасский клинок стальная полусфера. Именно она и снесла дворецкому голову.

Рыцарь выхватил меч, готовясь сразиться с неведомым противником.

— Спрячь оружие, воин! — прогремел голос отшельника. — Твой час умереть еще не пришел.

Между тем последовать приказу Фульке не спешил. Он повернулся влево и посмотрел туда, откуда вышел еще один одетый также во все черное мужчина — как раз его-то меткий бросок и сразил Жака.

— Присядь, Санг-Фруа, — попросил хозяин пещеры. Второй черный человек, не говоря ни слова, расположился прямо на полу по правую руку от отшельника, который, обращаясь к сидевшему слева страшному зверю, спросил: — Ты записал, Фиц-Лу?

Тут опешила даже Мария, она отшатнулась в изумлении — на месте волка оказался еще один человек, также одетый во все черное. Он выглядел моложе других и, вероятно, был еще юношей или отроком, что было возможно предположить по его небольшому росту, нешироким плечам и угловатым движениям. Но пожалуй, самое удивительное — тот, кого хозяин пещеры именовал Фиц-Лу, что значит Волчонок, неторопливо отложив перо и закрыв чернильницу, протянул Марии кусок пергамента с начертанными на нем словами только что произнесенного пророчества.

— Волка у меня нет, — пояснил отшельник. — Вы видели воплощенный в звере страх того человека — огромный, больше него самого. Страх и убил его, собственный страх разит вернее меча.

— Страх страхом, но убил его ты! — возразил все же командир отряда конников, хотя и понимал, что ссориться с колдуном не в его интересах.

— Спрячь меч, рыцарь Фульке. Ты — воин, не тебе рассуждать о вещах, доступных лишь пониманию мудрецов, — негромко, но строго повторил хозяин пещеры и, обращаясь к женщине, пояснил: — А ты впредь никогда не говори того, чего не знаешь. Этот человек пришел сюда со злом. Он шпионил во дворце короля Иерусалимского и во многих других местах. Он был твоим врагом и получил приказ убить тебя и меня. Страх выдал его намерения, а остальное... Судьба каждого записана в скрижалях у Господа, не в нашей власти изменить предначертанное, но подправить ее мы все-таки можем. Порой достаточно слова, иногда требуется дело. Смерть этого человека, как и любого другого, была предрешена, сегодня истекли годы, дни и мгновения, отпущенные ему свыше. Линия судьбы его прервалась. Я лишь выполнил работу, порученную мне Господом... У тебя ко мне все?

Мария кивнула и обратилась к начальнику отряда:
— Прошу вас, мессир, уберите оружие и, если вас не затруднит, передайте мне кошель из ларца, который лежит на полу.

Нехотя спрятав меч, Фульке поднял кошель и передал его женщине, а та протянула отшельнику. Он, взвесив его на ладони, неожиданно заявил:

— Возьми обратно свое золото. В какой-то степени я уже получил вознаграждение за одно и то же. Брать плату дважды — не в мои правила. Все исполнится, как сказано мной... Теперь ступайте,— закончил отшельник, когда ничего не понимавшая Мария приняла золото из его рук. Едва он произнес эти слова, как факелы на стене за его спиной погасли, и вся пещера погрузилась во тьму. Однако лишь на несколько мгновений, после чего сам собой загорелся факел Марии. Он давал достаточно света, чтобы женщина и ее спутник могли убедиться в том, что остались совершенно одни: отшельник и его помощники исчезли, точно их никогда тут и не было. Но, что самое удивительное, вместе с ними исчез также и труп шпиона. Именно шпиона, так как после всего случившегося посланница Агнессы не сомневалась, что первое предсказание отшельника, записанное на пергаменте, по поводу пропажи которого в свое время так всполошилась госпожа, исчезло из ее спальни благодаря Жаку.

Гости покинули пещеру весьма озадаченные; не настолько, впрочем, чтобы не подумать о том, как они станут объяснять изменения, количественные и качественные (как-никак дворецкий представлял собой заметную фигуру среди численно выросшей в последнее время прислуги матери короля), возымевшие место в их рядах. Тут, правда, все разрешилось просто. За «бесхозное» золото — ну не отдавать же его Графине, того и гляди обидится, что дар отвергнут? — Фульке согласился *уговорить* солдат, а они *безоговорочно поверить* в то, что формального главу всей экспедиции дворецкого Жака прямо на их глазах... поразил гром небесный, а точнее, похитили лиходеи разбойники.

III

Агнесса молилась, и молитвы ее были услышаны Господом. Впрочем, канцелярия Всевышнего, как всегда, сработала своеобразно — не иначе, орудовали в ней шпионы и диверсанты из другого, конкурирующего ве-

домства. Для начала она сделала все с точностью наоборот, поставив Графиню на грань отчаяния, а уж только потом смилостивилась, начав исправлять ошибки.

Помолвку барона Рамлы и молодой графини Яффы пришлось отложить. Весной тысяча сто семьдесят девятого года пастухи-мусульмане начали обычную сезонную кочевку со своими стадами в пограничных районах государства латинян, и король Бальдуэн, решив поправить свои дела за счет кочевников, отправился с дружиной в набег, чтобы захватить часть животных. Сначала все складывалось как нельзя лучше для франков. Однако, спустя чуть больше недели после Пасхи, сын брата султана Египта и Сирии Тураншаха Фарухшах неожиданно нанес удар по противнику. Рыцари оказались застигнутыми врасплох, армию молодого правителя Иерусалима ждала неминуемая гибель, а его самого плен.

Избежать сей тяжелой и позорной участи Бальдуэну удалось только благодаря подвигу старого прославленного воина, коннетабля Онфруа де Торона, деда тринадцатилетнего наследника Трансиордании, сына Этьенни де Мийи Онфруа Четвертого. Старик и его телохранители грудью преградили путь туркам. Пользуясь тем, что дорога, по которой отходили основные силы короля, была достаточно узкой, горстка храбрецов фактически перекрыла ее и сдерживала натиск превосходящих сил неприятеля до тех пор, пока Бальдуэн не оказался в безопасности.

Сарацинам так и не удалось сокрушить преграду, уничтожить героев. С наступлением ночи те из них, кому посчастливилось уцелеть, отступили, уводя раненых и унося тела убитых товарищей в недавно построенный замок коннетабля — Хунин. Там ранним утром двадцать второго апреля смертельно раненный старец и отошел в лучший мир. Королевство понесло огромную утрату: мудрый вельможа, государственный муж, великодушный воитель и храбрый рыцарь скончался, и, как писал хронист, не осталось в государстве латинян никого, кто мог бы считаться равным ему.

Праздновать помолвку в такие дни выглядело бы кощунством, кроме того, неприятель не собирался сидеть сложа руки. Салах ед-Дин начал развивать успех. Отчаявшись взять штурмом новый замок, возведенный франками возле брода Якова — в том самом месте, где данный библейский персонаж сражался с ангелом, — султан и его племянник опустошили окрестности меж-

ду Сидоном и Бейрутом. Однако тут Салах ед-Дин вновь допустил оплошность, он разделил войска, и король, сметя силы, ударил на нагруженную добычей дружину Фарухшаха в месте, называемом долиной Ручьев (Мардж Айюн), расположенном между рекой Лифанией и верхним течением Иордана. Рыцари вновь одержали внушительную победу: турки были частью перебиты, частью, побросав награбленное, бежали. Лишь немногим, включая и самого Фарухшаха, удалось уйти, как и обычно случалось с мусульманскими вельможами, лишь благодаря быстроте арабских скакунов.

Десятого июня часть войск — дружина Раймунда Триполийского и большой отряд тамплиеров, возглавляемый великим магистром Одо де Сент-Аманом, — выдвинулась немного вперед к Иордану, основная же часть королевской армии шла позади.

Балиан Ибелин, барон Наплуза, подъехал к Бальдуэну Рамлехскому, с задумчивым видом скакавшему во главе своей дружины.

— Что-то вы не веселы, мессир? — спросил он — у младшего брата настроение было прекрасным, и он не понимал причин, из-за которых сделался угрюмым старший. — Не каждый день выдается такая удача. Целые возы добычи собрали язычники. Как будто для нас и старались, а?!

— Не нравится мне, — пробурчал тот, — что мы даже не знаем, где теперь Саладин.

Балиан на короткое мгновение задумался — говорить или не говорить то, что пришло на ум? — и, многозначительно усмехнувшись, произнес:

— Чаю я, не в том дело, братец? Что за печаль на сердце? Уж не красота ли розы, что растет в королевском саду, застилает ваш взор? Не разлука ли с ней так долит вас?

— Отстаньте, мессир, — отмахнулся барон Рамлы.

— Уж и посочувствовать нельзя? — с притворной обидой, вздыхая, произнес брат и напомнил: — Помните, когда вам с сиром Раймундом пришла в голову идея просватать за меня вдову королевских кровей, вы оба не слишком со мной церемонились. Теперь, братец, вы сами в том же положении. Каково, а? Смотрите, мессир, — пропел он, — *принцесса, даже если она и вдова — кубок береженого вина, постарайтесь не пролить ни капли.* Припоминаете? А как насчет близости

родства? Все проверили? Может, потом выяснится, что дама Агнесса — ваша незаконная мама? Вот смеху-то будет?!

Бальдуэн повернул к брату полный укоризны взгляд — как выяснилось, не слишком приятно оказаться в шкуре того, над кем, пусть и по-доброму, потешаются, когда самому ему вовсе не до веселья. И все-таки существовала разница: Балиан, когда граф Триполи завел сначала как будто шуточный разговор о сватовстве, не испытывал к Марии Комнин никаких чувств — красивая и очень знатная молодая вдова с отменным приданым, выгодная партия, удачная сделка, — старший же брат любил Сибиллу.

В какой-то момент он не имел других устремлений, кроме желания претворить в жизнь план, выдвинутый графом Триполи, главная цель которого состояла в том, чтобы отодвинуть от трона слишком усилившуюся Агнессу де Куртенэ и ее партию, но потом... Бальдуэн Ибелин понял — юная вдова похитила его сердце. Не успел рыцарь выехать в поле для битвы, как угодил в плен к прекрасной воительнице. Сеньор Рамлы знал, что он — первое увлечение Сибиллы, понимал, что она в отличие от матушки весьма целомудренна и не имела опыта общения с мужчинами, за исключением короткого периода брака, и все же поневоле терялся — откуда столько коварства?

Он даже не сразу и заметил, как она начала крутить им, и, что самое удивительное, когда наконец обнаружил это, то нашел, что... ему нравятся милые детские шалости, капризы и причуды. Все происходило словно бы не взаправду, казалось игрой. Барон многое позволял будущей супруге — пусть потешится ласковое дитя. Одно угнетало более всего на свете — Сибилла заставляла его сочинять стихи. Она хотела ни больше ни меньше, чтобы он сложил для нее песню, да чтоб не хуже той, которую пел в памятную для обоих рождественскую ночь провансальский трубадур. Следовало бы схитрить, найти какого-нибудь стихоплета и заплатить ему за работу, а уж там осталось бы только выучить его творение наизусть и выдать за свое. Как ни странно, но такое простое решение не устраивало Бальдуэна Рамлехского, более того, если бы кто-то другой рискнул подсказать ему такой выход, барон, возможно, очень сильно разозлился бы и, чего доброго, поколотил бы советчика. В общем, брат как раз и застал его за сочинением опуса для невесты.

Как нетрудно догадаться, ничего у него не получалось, и, что также понятно, Бальдуэн даже под самой страшной пыткой не открыл бы никому, чем было занято его сознание в течение всего перехода.

Видя, что шутки его не встречают должного отклика, барон Наплуза решил сменить тему.

— Сказать по правде, мессир,— начал он после долгой паузы,— меня тоже беспокоит Саладин — что-то уж очень тихо... И вот еще... не нравится мне, что граф Раймунд и тамплиеры там вместе.

Бальдуэн повернул голову и внимательно посмотрел на брата, последние слова которого достучались-таки до его сознания.

— Нет... — ответил он, пожимая плечами.— С ними же нет Жерара, он теперь с королем? Да и потом, мне кажется, ему сейчас не до мести. Как я слышал, магистр Одо весьма сильно зол на него. Так что стремительное восхождение выскочки, если и не закончилось, то приостановилось, по крайней мере до тех пор, пока во главе ордена стоит нынешний его глава.— Он сделал паузу и добавил с усмешкой.— Если бы Жерар не был так глуп и умел рассуждать здраво, то сообразил бы, что обязан сиру Раймунду, так как только благодаря ему получил возможность сделать карьеру.

— А помните, братец, письма, которые показывал нам граф?

— Да будет вам,— отмахнулся Бальдуэн,— этот Плибано сам все и устроил. Он интриган почище сенешаля Храма. Хотел подлизаться к графу, чего еще ждать от итальянца? Курица не птица, пизанец — не рыцарь.

— Не скажите, таких пройдох, как храмовники, и днем с огнем век не сыскать. Хуже купцов, выгоды не упустят, что твои пизанцы или венецианцы. Один их магистр чего стоит?! Индюк надутый! Ей же Господи, я, когда вижу его, все время думаю, что у него в голове? Наверняка она набита мякиной! Нет, скорее — процентами по ссудам, которые орден с большой выгодой выдает паломникам, разоряя иных, а других и вовсе обдирая как липку. Нечего сказать, христианское человеколюбие?

Заметив, что старший брат не слушает его, Балиан умолк и с некоторой досадой посмотрел на него — Бальдуэн был чем-то очень встревожен. Впрочем, и скакавшие впереди всадники также насторожились.

— Слышишь топот, братец? — спросил он, указывая вперед.— Что там такое?

За ближайшим леском во весь опор мчался конный отряд — оттуда доносился с каждым мгновением нараставший, слившийся воедино гул от топота множества копыт.

— Язычники? Откуда они? — воскликнул барон Наплуза, хватаясь за меч, но в следующую секунду, увидев вынырнувшего из-за деревьев всадника в белом табаре с красным крестом на груди, понял, что ошибся: — Тамплиеры?! Они обезумели?! Мчатся прямо на нас! Поворачиваем коней, братец! Живо!

Злословие младшего Ибелина в адрес великого магистра тамплиеров могло быть до какой-то степени оправданным — брат Одо де Сент-Аман и верно чем-то походил на индюка. Он скакал на некотором отдалении от своего отряда — не любил, чтобы кто-нибудь ехал впереди, — и даже личная охрана знала: лучше отстать, ибо страшен гнев магистра, который для братии являлся куда большим королем, чем Бальдуэн ле Мезль или любой латинский монарх Европы для своих светских вассалов. Между магистрами Храма и Госпиталя и Богом только папа, а он далеко.

Иерусалимский правитель мог выставить в поле до шестисот всадников, тамплиеры — триста-четыреста, но зато какое это было войско?! Один храмовник, как считал сир Одо, стоил как минимум пяти франкских конников или сотни язычников. Главным козырем братства Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломонова являлась, конечно, дисциплина, мэтру подчинялись беспрекословно, не то что строптивые вассалы обычно сюзерену. За послушание могли лишить права носить белый рыцарский плащ, изгнать из ордена и даже казнить.

Тем не менее даже наблюдательный Балиан де Наплуз не мог, конечно, и предположить, о чем думал магистр; думал же он как раз о послушании подчиненных, поскольку один из них стал в последнее время очень плохо себя вести. Фламандец Жерар де Ридфор, отмеченный благодетелем, возведенный им в почетный ранг самых доблестных братьев ордена, сделанный товарищем магистра Храма, начал придавать слишком много значения собственной персоне, оторвался от грешной земли и парил в небесах. Позволял себе не сразу выполнять распоряжения магистра, дерзил, намекая на якобы недостаточную благодарность за оказанные услу-

ги, давая понять, что вполне заслужил большего, чем имеет. Жерар мечтал о poste сенешаля или великого командора Иерусалимского Дома, никак не меньше; роль персонального телохранителя магистра уже не устраивала его.

«Не на свое ли место мне тебя посадить? — мысленно спрашивал фламандца брат Одо. — Кем ты себя возомнил, жалкий выскочка?!»

Магистр умел скрывать чувства, владевшие им, и понимал, что истинных своих настроений товарищу показывать нельзя — тот точно с чертом знался. Жерара надлежало скрутить в бараний рог прежде, чем тот успел бы обратиться к своему покровителю из Царства Тьмы. Магистр даже примирился с госпитальерами, извечными соперниками и подчас открытыми врагами Храма.

В борьбе против Жерара требовался точный расчет. Тут торопиться не следовало, но и медлить также было опасно. Фламандец и так уже что-то заподозрил: когда магистр, проявив неосмотрительность, заявил ему, что не станет скорбеть, если тот уступит пост товарища какому-нибудь другому брату-рыцарю, Жерар испросил разрешения временно перейти на службу к Иерусалимскому королю, чтобы исполнять в его армии обязанности маршала, каковое желание Бальдуэн как будто бы сам же и высказал. Сир Одо, в прошлом занимавший разные высокие должности в государственной иерархии Утремера, легко согласился, не желая до поры до времени обнаруживать истинных намерений относительно будущего своего теперь уже бывшего товарища. Но что в будущем? Что именно? Изгнать или уничтожить? Уничтожить или изгнать? Одному из них двоих не было места в ордене, а может, и на земле⁴².

Ах если бы только граф Триполи мог прочитать мысли главного храмовника, они, несомненно, пришлось бы по душе хозяину Заморского Лангедока!

Шум и выкрики рыцарей за спиной у магистра вывели его из состояния задумчивости. Он сразу сообразил, в чем дело, — братья заметили неприятеля.

Чего не знали ни Одо де Сент-Аман, ни Раймунд Триполийский, дружина которого составляла вместе с тамплиерами авангард королевского войска, ни находившиеся в голове второй колонны братья Ибелины, — того, что их противник, устроившийся на вершине холма, все то время, пока каждый из них думал о своем, изучал местность. Увидев стада быстро бежав-

ших овец, которых пастухи отчаянно гнали вперед в надежде избежать встречи с франкам, Салах ед-Дин без труда вычислил направление движения армии латинян. Он спустился вниз и силой всего войска встретил врага на входе в долину.

Заметив, что магистр строит тамплиеров для атаки, Раймунд Триполийский сам поспешил к нему и, подскакав, крикнул:

— Мессир! Что вы делаете?! У Саладина на каждого нашего рыцаря придется по пять всадников! Следует отступить, соединиться с королем и действовать сообща!

— Мессир, — кривя губы проговорил Одо де Сент-Аман. — Дело *нашей* братии не только защищать бедных паломников в Святой Земле, но и заботиться о безопасности всех, кто не может или кому не под силу самому защитить себя. Тут как раз по десять язычников на одного нашего рыцаря — такой расклад вполне по нам, а вы держитесь в арьергарде. Не стоит беспокоиться о численности неверных, когда с вами Храм. Мы, тамплиеры, не спрашиваем, сколько войска у противника, мы лишь интересуемся, где он. Главное, ничего не бойтесь! Мы защитим вас!

Закончив свою тираду, великий магистр отвернулся от графа и громко крикнул своим:

— За мной! Атакуем! *Le Baussant! Le Baussant! Le Baussant!*

Пришпорив коня, сир Одо, не оглядываясь, помчался вперед под дружное «*Le Baussant!*» и «*Non nobis...*», заглушаемый ревом кавалерийских рожков⁴³.

— Дьявол! — громко выругался Раймунд. — Проклятый хвостун! — Не оставалось ничего другого, как поддержать безумный план. — Эй! Триполи, Галилея, строится! Ждем команды и по ней дружно все вместе вторым эшелонам за храмовниками!

Враг приближался.

Возглавлявший атаку магистр уже опустил копьё. Он не видел этого, но знал — все его рыцари в одно мгновение сделали то же самое. Внезапно очень яркий солнечный зайчик ударил ему в глаза. Сир Одо невольно зажмурился. Ничего страшного как будто бы не произошло — расстояние, оставшееся до противника, вполне позволяло на мгновение потерять его из виду. Но в следующий миг точно бес вселился в дестриера великого магистра. Конь вздрогнул и так резко метнулся в сторону, что всадник лишь чудом удержался

в седле. Однако беды сира Одо и его братии только начинались.

Товарищи магистра и авангард храмовников, не поняв происходившего, попытались последовать за предводителем, но хорошего из этого вышло немного. Строй атакующего отряда распался, и рыцари теперь мчались кто куда. Часть их столкнулась с мамелюками Салах ед-Дина и, точно камень, брошенный в воду, в толще ее, исчезла среди неприятельских воинов. Другие братья-рыцари в страхе перед случившимся принялись поворачивать коней, и скоро вся кованая лавина с той же скоростью, с которой она еще совсем недавно устремилась в атаку, обратилась в паническое бегство, сменяя всех и вся на своем пути.

Раймунд Триполийский несколько секунд, точно пораженный столбняком, наблюдал ужасную картину. Он быстро очнулся и замотал головой, стремясь поскорее сбросить оцепенение, а потом закричал:

— Все в сторону! С дороги! Пропустите их! За мной! За мной!

Те, кто послушался и последовал или, точнее, успел последовать приказу графа, поскакали за ним к реке Лифании. Переправившись через нее, они сумели избежать столкновения с неприятелем, скоро им удалось достигнуть неприступного Бофора и укрыться за его толстыми высокими стенами.

Остальным повезло меньше: оказавшись перед небогатым выбором — или оказаться раздавленными железной лавиной тамплиеров, или бежать вместе с ними, триполитанцы и контингент княжества Галилейского по преимуществу выбирали последнее. Очень скоро катящийся с горы снежный ком, в подобие которого превратились нестройные толпы франков, обрушился на колонну армии Иерусалима. Паника стала едва ли не всеобщей. Даже тем, кто не лишился от страха разума и не поддался безумному порыву, все равно, хотели они того или нет, приходилось спасаться бегством вместе со всеми.

Впрочем, давка, невольно образовавшаяся из-за столкновения обеих частей христианского войска, помогла тем, кто оказался в арьергарде, проложить себе путь к спасению. Вслед за графом Триполийским в Бофор прискакал и король с немногими баронами и остатками войска. Среди тех, кому удалось улизнуть, оказался и маршал Жерар. Остальных ждала незавидная участь: «меньший народец», как и почти всегда

в таких случаях, был почти полностью перебит, рыцари, особенно те, кто побогаче, сделались пленниками победителей, в руки которых угодили и Одо де Сент-Аман, и пасынок графа Раймунда Юго Галилейский и... Бальдуэн Ибелин, так и не сложивший поэму для своей возлюбленной.

Говорят — нет худа без добра, вот и у барона Рамлы неожиданно появилась масса свободного времени, которое он вполне мог позволить себе потратить на поиски изящных рифм и красивых образов, — Салах ед-Дин назначил за него поистине королевский выкуп в сто пятьдесят тысяч сарацинских динаров.

Услышав новость о результатах битвы на Мардж-Айюне, Агнесса ликовала едва ли не сильнее, чем сам султан, победитель. Господь услышал ее молитвы: проклятый Бальдуэн Ибелин хотя бы и временно оказался выведен из игры.

Графиня немедленно принялась обрабатывать дочь, обрушив на нее всю мощь «осадной техники», однако та не поддавалась и оставалась глуха к словам матери. Как та ни убеждала Сибиллу в том, что барон Рамлы ей не пара, поскольку не пристало-де принцессе крови выходить за столь неродовитого рыцаря, нужен ей знатный жених из-за моря, молодая вдова не сдавалась. «Ну что вы, матушка, разве пристало благородной даме бросать рыцаря, попавшего в беду?» — только и отвечала Сибилла, продолжая гнуть свое. Наконец, визнавав, что претендент на ее руку и сердце в Европе все еще не сыскался, заявляла: «Да где они, матушка, женихи ваши? Никому я не нужна!»

Она чуть ли не каждый день садилась за столик и писала возлюбленному длинные письма. Некоторые из них принцесса рвала; другие, прочитав, находила достойными того, чтобы отправить с гонцом в Дамаск, где в донжоне томился ее рыцарь из песни провансальского трубадура. Роль неутешно рыдавшей девушки, героини истории, пришлась Сибилле по душе. Не то чтобы принцесса лила слезы ручьем, но в удовольствии лишний раз поплакать она себе не отказывала. Только вот... отсутствие голубки с веточкой неведомого растения сильно портило восторженно-поэтическую картину. Впрочем... в этом смысле у принцессы, возможно, все еще было впереди, ведь и в песне птица появлялась только раз в год. Имея представление о размерах выкупа, который

ее рыцарю предстояло заплатить султану, молодая вдова могла предположить, что голубка, вполне вероятно, навестит ее, и даже, возможно не раз.

Нельзя сказать, чтобы Сибилла сидела сложа руки. Она проявила изрядную активность, благодаря чему удалось изыскать тридцать тысяч золотых, но где взять остальные сто двадцать, она не знала. Не знал и король, которому пришлось раскошелиться, чтобы на первых порах вытащить из неволи тех, кто «стоил» много дешевле, — не пристало сюзерену бросать в беде вассалов, чьи родичи сами не способны собрать выкупа.

Между тем произошло нечто неожиданное: Салах ед-Дин, получив задаток, отпустил дорогого пленника без уплаты остальной части назначенной суммы, но за обещание заплатить ее в ближайшее время.

Это взбесило Агнессу, она поняла, что сын просто-напросто провел ее. Как могла она поддаться на столь простую удочку? Не заподозрить тайных намерений?! «Ах, матушка! Не говорите мне о сире Бальдуэне. Я и так весь в долгах и ума не приложу, где раздобыть денег, чтобы выкупить еще сотни несчастных. Саладин не станет обращаться плохо со столь дорогим пленником, пусть пока сеньор Рамлы погостит у него в Дамаске». Ложь! Притворство! Король знал, что султан поступит так, оттого и не беспокоился. Теперь Агнесса убедилась, что хотя с графом Раймундом сын по-прежнему не ладил, Ибелинов все-таки жаловал.

Однако известие о скором прибытии ко двору возлюбленного оказало на Сибиллу странное действие. Она-то собиралась страдать долго, а тут... Что же получается? Никто не будет больше жалеть ее? Никто не станет плакать вместе с ней, как любили делать камеристки и фрейлины, — какая госпожа несчастная, как она страдает, бедняжка?! О злые язычники, пленившие ее суженого, где же у вас сердце?! Или вы не люди?!

А тут еще и мать заявила вдруг с презрительной ухмылкой: «Ну что ж, славно, ваше высочество! Может быть, выйдете за крепостного раба?» «За крепостного?!» — удивилась Сибилла. «Известно ли тебе, что свободная женщина, которая решает связать свою жизнь с рабом, сама становится рабыней? Хотя, конечно, *любой* крепостной может выкупить себя у господина за несколько золотых».

Как на крыльях летел домой барон Рамлы, не смог удержаться, чтобы прежде не увидеть возлюбленную, благо узнал, что она при дворе... И как побитый пес,

брел он, не видя дороги, в свой удел, а в ушах звучали слова милой девочки: «Я никогда не пойду замуж за рыцаря, который не заплатил выкупа за свою свободу. Кажется, я сделала все, что могла, пытаюсь помочь вам. Теперь уж ваша очередь. Так будьте любезны, соберите все до последнего безанта». Где-то в глубинах сознания раздавался чей-то, чей Бальдуэн не знал, но догадывался, злорадный смех: «Что, съел, *барон земли?* Твой зять при первом же удобном случае прибегает ко мне, оставив молодую в холодной супружеской постели. Я взяла то, что хотела. Теперь твой черед, пулен! Попробуй, возьми ты то, что хочешь!»

Между тем барон Рамлы не собирался сдаваться.

Хотя на свете был всего один человек, способный помочь несчастному влюбленному, для человека этого не существовало почти ничего невозможного, потому что он самовластно правил самой большой христианской страной на Земле, звался он — Мануил Комнин.

Бальдуэн Ибелин отправился в Константинополь, и Агнесса могла наконец завершить «обложение крепости», однако сил для «решающего штурма» не хватало.

И вот тут судьба послала ей неожиданного союзника, которого Графиня обрела в лице Аморика де Лузиньяна, ставшего после смерти Онфруа Торонского коннетаблем Иерусалимского королевства. Сама не зная для чего, она показала ему пергамент с пророчеством отшельника Петры, не сказав, разумеется, откуда оно взялось, объяснила просто: какой-то старец-паломник дал его Марии у церкви, а уж монахиня принесла его госпоже.

Впрочем, Аполлон из Пуату и не любопытствовал. Он как-то между делом и раньше упоминал про оставшегося в отцовском уделе младшего брата. Агнесса не придавала этому значения — мало ли у кого какие родственники есть в Европе? — кроме того, когда Аморик говорил о брате, создавалось впечатление, что тот еще подросток. Вероятно, происходило это оттого, что таким коннетаблем его и помнил, ведь, когда нынешний любовник Графини покидал Аквитанию, юный Гвидо только что сбрил первый пух со щек и получил шпоры⁴⁴.

— Не знаю, как насчет светлого сокола, — опустив глаза, негромко проговорил от природы скромный Аморик. — Но если бы вы, государыня, видели нашего малыша Гвидо... мы всегда звали его просто Гюй, то сами убедились бы, что он — настоящий феб.

— Разве такое возможно, любимый?

— Что именно?

— Разве может быть на свете кто-нибудь прекраснее тебя?

— Из потомков Мелюзины только Гюи, — отшутился молодой человек.

Тут следует прояснить одну вещь — род Лузиньянов славился прежде всего тем, что происходил от феи озера — Мелюзины. Таким образом, пророчество ясно указывало на то, кому предстояло стать мужем Сибиллы.

— Так поезжайте, мессир! — воскликнула Агнесса, переходя на официальный тон. — Поезжайте и привезите его сюда немедленно!

— Но что скажет на это ее высочество? — покачал головой Аморик. — Может, лучше мне сначала написать ему?

Графиня посмотрела на любовника слегка прищурившись, и тонкие губы ее, как бывало, искривились в усмешке.

— Нет-нет, мессир, поезжайте. А Сибилла?.. Что ж, она ведь все же женщина... — с несколько загадочным выражением лица проговорила Агнесса и добавила: — И моя дочь. Расскажите ей про него, опишите его глаза и волосы, его стан и манеры...

Коннетабль прекрасно понимал, в какую игру вступает. Одно дело быть просто магнатом Утремера, другое — женить младшего брата на принцессе, что, очень возможно откроет ему в будущем путь к трону Иерусалима. Малыш Гвидо — король? Да в такое и поверить трудно. Он, конечно, еще очень глуп, чтобы править, но... не завтра же ему скипетр да державу в руки брать? Не боги горшки обжигают, поумнеет с возрастом.

Впрочем, для начала следовало уговорить Сибиллу хотя бы взглянуть на заморского феба.

Она сдалась на уговоры матери и коннетабля Аморики, уверявшего, будто на свете нет никого прекраснее Гюи де Лузиньяна.

— Хорошо, — ответила принцесса. — Принять его я буду рада и с удовольствием поговорю с ним, посмотрю, так ли он хорош, как вы говорили мне.

Сказав это, она мысленно добавила:

«Приму, поговорю, посмотрю и... выставлю! Выгодно англичанишку вон!»⁴⁵

Сибилла была настроена решительно, ей надоели непрерывные попытки расстроить предстоящую их с

бароном Ибелинским помолвку. Принцесса ужасно скучала о Бальдуэне, жалела, что обошлась с ним так неласково.

Она не раз плакала из-за этого и поклялась, что никому не позволит разрушить их любовь. А выкуп? Ну и что? Что за глупость в самом-то деле? Все равно они поженятся! Даже если базилевс Мануил и не даст ее возлюбленному ни обола — чего просто не может быть, ведь всем известна щедрость императора! — король, этот или будущий, найдет, чем заплатить. Пусть Саладин подождет! Только скорее бы уж возвращался ее не юный, но прекрасный принц.

IV

Тем временем дела сеньора Рамлы складывались как нельзя более удачно. Порфирородный родственник выслушал брата мужа своей внучатой племянницы со вниманием и решил проблему, приказав казначеям выдать просителю необходимые для уплаты выкупа сто двадцать тысяч динаров. Барон мог отправляться в Утремер, однако из соображений учтивости Бальдуэн задержался в Константинополе на Рождество, совпадавшее, как известно, на его родине с наступлением нового, тысяча сто восьмидесятого года.

В Византии шел год шесть тысяч шестьсот восемьдесят восьмой, тринадцатый индикт четыреста сорок пятого цикла, и никто или почти никто из жителей Второго Рима не знал тогда, что году этому суждено стать последним в череде «тучных лет», ибо заканчивался золотой век Комнинов и начиналось суровое лихолетье. Императорский двор в Константинополе поражал воображение ослепительным блеском, невообразимой роскошью и невиданным величием. Кто рискнул бы усомниться в справедливости пророчеств, обещавших процветающей Византии, оплоту христианства на Востоке, стоять и стоять в веках?

Даже недавнее поражение в войне с турками словно бы прошло здесь незамеченным, никто уже и не помнил про резню при Мириокефалоне. Чего только не происходило за долгую историю Второго Рима? Бывали и триумфы, случались и падения. Время высушит слезы, залечит раны, смоем засохшую кровь. Кто в конце седьмого века шестого тысячелетия от сотворения мира посмел бы предположить, какие ужасы принесет при-

ближавшееся восьмое столетие великой державе, которая, точно перезревшее яблочко с дерева, рухнет под ноги завоевателям?

Нет, решительно невозможно было предположить такое, даже помыслить страшно.

Не думал о грядущих судьбах Византии и Бальдуэн Ибелин, его сознание занимали мысли о предстоящем возвращении домой, встрече с Сибиллой. Теперь он вернется к ней победителем и скажет: «Государыня, я собрал выкуп, который мне надлежало заплатить Саладину. Вы желали видеть меня не раньше, чем я верну султану все до последнего безанта? Теперь я — свободный человек, и ничто больше не сможет помешать нашему союзу!»

Несмотря на стремление поскорее вернуться домой и увидеться с возлюбленной, сеньор Рамлы не спешил уезжать, дабы не обидеть своего благодетеля, ожидая, когда закончатся торжества и приличия позволят ему отбыть из Константинополя.

Мануил любил веселье и жаловал западных христиан, которых при его дворе всегда имелось более чем достаточно. Латынь, немецкая, английская, а уж в особенности французская речь звучали во дворцах и на торгах, в полках и на кораблях, не говоря уж об окружении венценосной супруги, базилисы Марии Антиохийской. Многие вельможи имели жен-латинянок, а тут еще дочь императора от брака с Бертой Зульцбахской, порфирородная Мария, до неприличия засидевшаяся в девках — в двадцать восемь многие уже о внуках думают, — наконец обрела мужа в лице Райньеро де Монферрата, брата Гвильгельмо Длинного Меча. Мало того, наследник престола, десятилетний Алексей Второй, сочетался узами Гименея с девятилетней Агнессой, принцессой французской. Словом, праздник на празднике, где уж тут уехать вовремя?

Кроме того, встретился Бальдуэну земляк; советник Иерусалимского правителя, канцлер двора, архиепископ Тирский, архидьякон Назарета летописец Гвильюм также загостился при императорском дворе, застрял, можно сказать, на пути из Европы, куда ездил, чтобы принять участие в Третьем Латеранском соборе. Человек этот в глазах барона представлял собой образец того, каким надлежало быть священнослужителю: опытным наставником, мудрым учителем, настоящим духовным пастырем, вторым отцом, которому любой родитель почел бы за счастье отдать на воспитание свое

чадо, да и что говорить, сам с радостью принял бы поучение. Пятидесятилетний Гвильом едва ли не во всем являлся противоположностью архиепископу Кесарии, чья алчность и распущенность стали уже притчей во языцех всего Утремера; чью возлюбленную, жену купца из Наплуза Пасхию де Ривери, стали с некоторых пор называть мадам архиепископесса.

Надо ли говорить, что сеньор Рамлы обрадовался встрече с Гвильомом? Однако разговор вышел довольно грустным, хотя святитель Тирский и желал совсем другого. Он не мог скрыть озабоченности, поскольку, как человек умный, проницательный и весьма дальновидный, загодя предчувствовал приближение грозы, собиравшейся не только над Византией, но и над всем христианским Востоком. Как человек весьма небезразличный к его судьбам, он считал себя обязанным поделиться тревожными мыслями с тем, которому, бесспорно, симпатизировал.

— Увы, сын мой,— сказал он с искренним огорчением,— император умирает. Он сам знает это, но не желает верить, полагаясь на прогнозы астрологов.

— Да, монсеньер,— кивнув, произнес Бальдуэн.— Я также слышал, что базилевсу, да продлит Господь его благословенное царствование, предсказано впереди еще целых четырнадцать лет. За это время наследник Алексей вырастет, встанет на ноги, ведь ему тогда исполнится почти двадцать пять.

Архиепископ вздохнул, ему очень хотелось верить в слова барона, но не верилось, Гвильом прежде всего полагался на свои выводы, а они были неутешительны.

— Я, так же как и вы, молю Бога, чтобы пророчество исполнилось... Мне бы этого очень хотелось, но... Базилевс признался мне, что та страшная битва не дает ему покоя. По ночам души тех, кто погиб там, приходят к нему...

— Но, монсеньер...— возразил барон Рамлы.— Война есть война, а император вел немало войн, как и подобает правителю. В каждом сражении, чьей бы победой оно не заканчивалось, потери несут обе стороны. Что же станет с полководцами, если к ним по ночам начнут являться солдаты, павшие в битвах? С ними теперь Господь, их душам нечего беспокоить монарха.

— Все так, сын мой,— согласился Гвильом.— Его мучает другое. Он не может простить себе, что не вмешался, лично не возглавил контратаку и тем погубил войско. Кроме того, супруга его очень убивалась, опла-

кивая судьбу младшего брата, сложившего голову в этой несчастной битве. Она очень любила Бальдуэна.

— Что ж поделаться, монсеньер? Ведь он погиб, как полагается рыцарю, сражаясь за своего сюзерена. Разве подобает монарху думать о погибших солдатах и женских слезах, что пролиты на их могилах? Ему надлежит печься о благе живых, тех, кто надеется на его милость, полагается на мудрость и силу.

Архиепископ Тирский покачал головой и вздохнул.

— Вот именно, — сказал он. — Когда великий правитель вдруг начинает размышлять о том, о чем думает император Мануил, значит, он вольно или невольно подводит итог своей жизни. И, что особенно печально, ничего нельзя исправить, нет никакой возможности хоть как-нибудь предотвратить беду. Несмотря ни на что, базилевс даже не сделал распоряжений на случай кончины, он упорно верит, что проживет еще долго... Впрочем, где уж нам учить других, когда мы бессильны в своем отечестве? Нет ли у вас, сын мой, такого чувства, будто Господь нарочно испытывает нас? Проверяет, достойны ли мы того, что оставили нам деды, прадеды?

— Есть, ваше святейшество, — тихо признался барон. — Подобно строителям башни Вавилонской... даже и не им самим, а... не знаю, как и выразить это. Кажется мне порой, будто на разных языках говорим мы с Куртенэ, Храмом и бароном князем Ренольдом. А король, как маятник, склоняется то к ним, то к нам...

— Его величество был очень способным и чувствительным мальчиком, — произнес Гвильом. — Любил учиться, постигать науки, я так радовался за него и за всех нас, пока не открылась болезнь... Мне особенно тяжело видеть, как ужасная язва поедает его год за годом. Как ни печально, но судьба его предрешена, оттого я особенно рад вашей помолвке с принцессой. Дай-то Бог, она родит вам здоровых сыновей... Наше спасение в единении всех сил королевства, наше будущее только в наших руках, ну и в руках Господа, конечно. Никто другой не сможет нам помочь.

Бальдуэн счел должным возразить:

— Но... монсеньер? А как же клятва королей Франции и Англии? Они взяли крест и дали обет прийти нам на помощь, как только урядят с неотложными делами в своих землях.

Архиепископ внимательно посмотрел на барона, которого уважал за ум и особенно образованность, не

столь часто встречающуюся и не пользовавшуюся еще среди западного рыцарства должным почтением. Наивность рыцаря удивляла. Как стало очевидно Гвильому, сеньор Рамлы искренне полагал, что нестроения в королевстве Иерусалимском есть явление исключительное, и в иных странах короли и герцоги не сталкиваются с точно такими же проблемами.

— Едва ли они когда-нибудь смогут добиться порядка у себя дома, сын мой, — проговорил тирский святой. — Оба супруга прекрасной Алиеноры Аквитанской, и нынешний, и особенно бывший, соревнуются о ее приданом. Да и как не понять их? В руках у короля Анри половина французских земель. Им никогда не решить спора. А даже и случись такое, собственные бароны тут же поссорятся с сюзеренами и начнется еще худшая кутерьма... Нет, не чужие монархи нужны Святой Земле, а лишь воины, рыцари и простые солдаты... А пуще всего нужен нам теперь мир с соседями, время, чтобы королевство могло окрепнуть, набраться сил.

— И время не за нас, ваше святейшество. Мы заключили с Саладином перемирие. Позиции султана оно несомненно усилило, а вот наши... Впрочем, нам ничего не оставалось делать. Если бы только тамплиеры не смяли наши ряды во время трусливого бегства с поля боя! — Сообразив вдруг, что архиепископу может показаться, будто он вздумал помахать кулаками после драки, Бальдуэн поспешил выразить согласие с собеседником: — Да, вы совершенно правы, только единство спасет нас. А его нет...

— Как это ни прискорбно, сын мой, — кивнул Гвильом и добавил: — Ни в князьях светских, ни в церковных...

Он намеренно не стал развивать тему, барон сделал это сам.

— Монсеньер, может, и грешно обсуждать это, может, и преждевременно, но... — начал он нерешительно и, приложив руку к сердцу, продолжал: — Его святейшество Аморик де Несль плох, а архиепископ Кесарийский и Куртенэ ждут не дождутся его смерти, чтобы проглотить патриарший престол. От своего лица, а так же от имени брата и графа Раймунда прошу вас вмешаться. Мы тоже не сидим сложа руки, но... если уж в нас не будет единства, чего же тогда говорить про всю Землю? Если с патриархом, да продлит Господь его дни, что-нибудь случится в ближайшее время, Графиня

добьется своего, она посадит на его место Ираклия... Вы что-то сказали, монсеньер?

Видя, как зашевелились губы Гвильома, Бальдуэн умолк, решив, что просто не услышал слов архиепископа Тира. На самом же деле тот ничего и не сказал, ему не слишком хотелось делиться с бароном плодами горьких раздумий.

— Святой Крест Господень, потерянный и вновь обретенный одним Ираклием, будет другим Ираклием потерян уже навсегда, — произнес Гвильом и пояснил: — Существует пророчество... Что можно сделать? Я лишь молю Бога, чтобы оно не сбылось⁴⁶.

С тех пор Бальдуэн не раз вспоминал их с советником короля беседу, но особенно часто то, что сказал канцлер под конец разговора. Какой-то безысходностью веяло от слов архиепископа, когда он произносил их.

«Клянусь, если случится мне стать у трона, — твердо решил барон Рамлы, — я сделаю все, но не допущу Ираклия на святительский престол Града Господнего».

Со смешанным чувством радости и тревоги поднимался он на палубу галеры, в конце зимы тысяча сто восьмидесятого года от Рождества Христова отплывавшей из Константинополя в Сен-Симеон.

* * *

Они скакали через лес — прекрасный, светловолосый, голубоглазый рыцарь Галлард на вороном коне, рядом с ним на белом — юная королева Женестьева с бледным лицом христианской мученицы и длинными черными волосами, разметавшимися по плечам. Оба знали — встреча эта, скорее всего, станет последней в их жизни, потому что завтра он отправится в дальние края, откуда, может быть, вернется немощным слепым стариком или даже вовсе никогда не вернется. Или же он вернется, но умрет она, иссохнув от тоски по нему.

И все же лучше ему уехать, хотя, может быть, он и погибнет в дальних странах, а она умрет без него от тоски, но иного выхода у храброго Галларда и прекрасной Женестьевы все равно нет, потому что судьба и так разлучила их: он — простой рыцарь, слуга короля, а она — жена монарха, его сюзерена, и жизнь и честь ее священны для вассала. Но любовь не знает чинов, она

проникает сквозь самые крепкие каменные стены, и никакие, даже очень толстые дубовые ворота не могут устоять перед ударами бьющихся в унисон сердец. Но увы, влюбленные понимают, что им все равно не будет счастья: ведь, если они решат убежать, их поймут, и тогда король казнит его, а ее запрет в монастырь.

Им вообще не следовало встречаться сегодня вечером, но ни он, ни она не смогли устоять от желания взглянуть друг на друга при свете полной луны, только взглянуть один-единственный, последний раз. Однако им обоим хочется проститься в том месте, где они впервые встретились, когда он скакал на своем вороном коне, спеша к ее мужу, королю, с вестью о том, что враги его поднимают головы на границах королевства; а она в платье простой фрейлины одна собирала цветы на поляне и плела венок, сама не зная для кого.

Галларда еще ребенком увез в пограничный замок дядюшка, в общем, гонец очень долго отсутствовал и, конечно, никогда прежде жены короля не видел. И вот, спеша в замок сюзерена, он остановился и спросил дорогу, а Женевьева просто из озорства указала не в ту сторону, он заблудился и снова встретил ее. Спешившись, рыцарь попросил объяснить, в чем дело. Королева же вместо этого надела на его прекрасные светлые волосы законченный венок и, смеясь, убежала в чащу, указав напоследок правильную дорогу.

И теперь на голове у него был надет этот самый венок, который и не думал увядать, хотя прошли уже и та весна, когда влюбленные встретились, и лето даже заканчивалось, наступала осень. Галлард и Женевьева поняли — это символ охватившего их чувства. Пока не увянет венок, будет жива любовь.

И вот королева и ее возлюбленный добрались на свою полянку. Они остановили лошадей; он спрыгнул на землю и подошел к белому коню королевы, чтобы помочь ей сойти вниз. В свете луны Женевьева показалась Галларду такой прекрасной, что огонь безрассудства охватил рыцаря. Когда королева спускалась, она как-то незаметно оказалась в его объятиях, обвила руками его шею, и они поцеловались. Больше они не могли сдерживать своих чувств.

Забыв о времени, они предавались любви до самого конца ночи, когда сон сморил их, без сил лежавших, прижавшись друг к другу, под раскидистым дубом среди травы и разбросанной всюду одежды. Пробудились Галлард и Женевьева с рассветом и пришли в ужас от

осознания страшного факта, что их исчезновение ни в коем случае не могло остаться незамеченным в королевском замке. Но куда страшнее оказалось открытие, сделанное ими в следующее мгновение. Они точно помнили, что засыпали, лежа вместе, а проснулись порознь, более того, в землю между ними была воткнута длинная стрела с белым оперением — такими стрелами пользовался один лишь король. Тут другая мысль молнией поразила сознание любовников — исчез венок, символ их любви! Они поняли — сам король был тут и видел их, он, конечно же, и взял венок.

Они вернулись в замок, ожидая разоблачения.

Вообще-то рыцарь хотел сам пойти к королю и сказать ему, что хотя он, как человек оскорбивший своего сюзерена, и заслужил казни, но все равно король не имел права брать венки. Однако королева отговорила возлюбленного от этого. Прошел почти целый день, но король даже и вида не подал, что ему известно про прелюбодеяние жены. Между тем Галларду давно пришла пора уезжать, как-никак рыцарь дал обет, который не смел нарушить — сражаться с сарацинами во славу Христовой веры.

В общем, обескураженный, сел он в седло и поскакал в порт, чтобы отплыть на Восток. Но путь Галларда лежал через поляну, где ночью он и Женевьева предавались греховной любви. Проезжая там, он не мог не посмотреть на то место. Стрела находилась там, где они и оставили ее. Все как будто было так, как утром, но что-то заставило рыцаря замедлить бег коня и посмотреть вверх — о чудо, венок преспокойно висел себе на ветке. Всадник снял его кончиком копыя и надел себе на голову, а чтобы ветер на море не сдул венок, оторвал полоску материи от плаща и, обмотав вокруг головы, надежно спрятал венок.

Когда плавание закончилось, рыцарь вновь разматывал ткань, чтобы носить символ своей любви, как корону, но — о ужас! — венок засох. Сердце влюбленного наполнилось горестью и печалью — королева разлюбила его. Тогда он решил погибнуть и нанялся служить в пограничный замок, на который то и дело совершали набеги неверные. Как только он прибыл туда, король Вавилонии, для которого крепость эта была точно бельмо на глазу, двинул на нее несметное войско.

Защитники начали молиться в отчаянии, но новый товарищ велел им уходить, сказав, что один будет сдерживать натиск неверных, пока все солдаты гарнизона

не окажутся в безопасности. Он заставил их покинуть крепость, сам же, вскочив в седло своего прекрасного вороного коня, помчался на язычников и сражался с ними, пока все товарищи-крестоносцы не оказались в безопасности. Между тем и они не теряли времени даром, послали к своему королю за помощью.

Тот немедленно поднял верную дружину; соединив силы, христиане выбили язычников из замка, но рыцаря они не нашли — он, конечно, погиб. Единственное, что осталось от него, был вороной конь, бродивший в лесочке, и засохший венчик, висевший на луке седла...

— Он погиб? — спросила принцесса, всхлипывая и утирая слезы платочком. — Прав-вда погиб? Погиб и так и не узнал, что она не разлюбила его? Она ведь н-не разлюб-би-и-и...?

— Нет, ваше высочество, — покачал головой молодой светловолосый и голубоглазый рыцарь — точно-точно такой же, как и герой истории, которую он рассказывал Сибилле, — и попросил: — Слушайте же дальше, моя госпожа?

— Д-да... — закивала принцесса и, немного придя в себя, призналась: — Я просто умираю, как хочу услышать, чем все кончилось? Ведь все кончилось хорошо?

— Моя несравненная, — низким голосом проговорил, буквально пропел юноша и, взяв в ладони руку Сибиллы, коснулся тонкой кожи трепетными губами. — Если вы прикажете, я доскажу все просто своими словами.

— Но это же и так *ваши* слова, мессир? — удивилась она. — Вы же говорили...

Рыцарь улыбнулся и ласково посмотрел в заплаканное личико принцессы.

— Я имел в виду другое, — сказал он. — Я могу просто пересказать все, что произошло дальше коротко и не стихами.

— Нет, — запротестовала Сибилла. — Хочу стихами!

— Тогда наберитесь терпения, моя божественная фея. Я продолжаю.

Юная вдова вновь погрузилась в поток драматичных событий жизни прекрасного рыцаря Галларда и влюбленной в него королевы Женевьевы, в мир, который рисовал для Сибиллы другой прекрасный рыцарь. Лишь для нее одной он, опустившись на колени, исполнял свое фаблю, куда более красивое, чем та песня, что пел на Рождество трубадур из Лангедока, приглашенный ко двору братом-королем.

Принцесса виделась себе королевой, неутешно рыдавшей в замке. Бедняжка Женевьева думала, что ее любовь помогает возлюбленному жить и побеждать врагов, а она стала причиной гибели Галларда. И что самое ужасное, королева из песни ни о чем не догадывалась, а она, принцесса Сибилла, напротив, знала правду, и правда эта заставляла ее страдать.

Но может быть, еще не все потеряно? Ведь один из воинов бросил клич — нельзя предавать забвению память погибшего. Их новый товарищ, не успев даже и обжиться в замке, пожертвовал собой, чтобы спасти остальных. Они знали только его имя и страну, из которой он пришел, — что если там осталась у него возлюбленная? И вот трое рыцарей отправляются в замок короля и королевы. Они приводят коня с завядшим венком на седельной луке и рассказывают сюзерену о том, как геройски сражался и погиб его вассал.

Женевьева, слушая рассказ, бледнеет и уходит. Она все поняла — король сыграл с ними злую шутку, он подменил венок. Несчастливая королева забирается на самую высокую башню, решая покончить с собой. Она обращается с молитвами к Христу и Деве Марии, умоляя их о прощении греха, который она не может не совершить, ибо мысль о том, что из-за нее погиб тот, кого она так любила, сведет ее с ума. В молитвах своих королева представляет себе лицо Богородицы, та смотрит на нее с сожалением, но не осуждающе, а потом говорит: «Подожди немножко».

Женевьева поднимает голову и видит белого лебедя, который несет в клюве тот самый венок, который наделал столько бед. Королева в удивлении протягивает руки, и — о чудо! — лебедь обращается в того самого рыцаря. Он рассказывает ей, как, израненный, лишился чувств, а угодив в плен, в бреду все время только и говорил о ней, своей возлюбленной. Это тронуло сердце султана Вавилонии, он велел вылечить храбреца, в одиночку напавшего на целую армию, а потом позвал придворного колдуна и тот превратил рыцаря в лебедя. «Ты полетишь в тот замок и сам все увидишь, — сказал колдун. — Если она любит тебя, ты превратишься в человека, если нет — до смерти останешься птицей».

— А потом? — улыбаясь сквозь слезы проговорила Сибилла. — Что было потом?

— А потом, моя королева, — прошептал феб, — король признался в содеянном и отпустил королеву; она и ее любимый обвенчались. В то время как раз умер его

дядюшка, барон, правивший в пограничном замке, где рыцарь провел детство. Замок и все земли достались племяннику, Галлард и Женевьева зажили там счастливо...

«Трубадур» поцеловал руку принцессы.

— Правда все так кончилось? — прошептала она и, не удержавшись, погладила его прекрасные светлые волосы. — И они были счастливы?

— Конечно, — ответил он, вновь и вновь со все большим жаром целуя ее руки, одежду, шею, губы... — Да, любимая, да, они были очень, очень счастливы друг с другом.

Такого принцесса еще никогда не испытывала. Феб так впился ей в губы, что она почувствовала, как душа покидает ее. Не понимая, что происходит — ничего подобного во время поцелуев она раньше не чувствовала, — Сибилла прижала к себе своего трубадура. Сильные руки рыцаря подхватили женщину и легко, точно она была бесплотным ангелом, подняли из кресла.

Принцесса так и не поняла, что происходит. То ли это он так закружил ее по комнате, то ли комната сама закружилась вокруг них. Сибилла даже не заметила, как оказалась на постели, и лишь тогда осознала, что происходит, когда ощутила его в себе и вскрикнула, но не от боли, как бывало в объятиях мужа, а от восхищения. Принцесса ни на миг не сомневалась — прощаясь со своим рыцарем, королева из песни златокудрого аквитанского Аполлона переживала в ту ночь на поляне под луной то же самое.

Впервые за многие годы, а может, и за всю жизнь принцесса почувствовала себя счастливой.

Разница между сказкой и жизнью в данном случае заключалась в том, что у Сибиллы и Гвидо де Лузиньяна было куда больше оснований рассчитывать растянуть приятное мгновение на годы, в том, правда, случае, если бы венценосному братцу королю не пришлось в голову отрубить дерзкому соблазнителью голову, на что его величество имел полное право.

V

Графиня Агнесса могла торжествовать победу. Все получилось как нельзя более удачно.

Правда опять-таки не сразу. Когда Бальдуэну де Мезлю доложили о поведении сестры, он велел для

начала бросить феба Гюи в подвал башни Давида, но скоро сдался на настойчивые просьбы тамплиеров, пришедших замолвить словечко за молодого человека, — ну оступился, с кем не бывает? Тут до ушей короля дошли слухи о тайных намерениях двух своих самых именитых родичей: граф Раймунд и князь Боэмунд, как выяснилось, сговаривались против сюзерена, замыслили сбросить его с трона. Слухи, правда, не подтвердились, но тут о своих правах заявила и Сибилла, она уперлась, сказав, что не пойдет замуж ни за кого, кроме избранника. Пришлось выпускать прекрасного пуатуэна, как называли в Утремере рыцарей из Лузиньяна, на волю, и не просто выпускать...

Счастличик Бальдуэн Ибелин прибыл в Святую Землю в начале весны лишь с тем, чтобы узнать — его возлюбленная выходит замуж за другого. В светлый день Воскресенья Христова двадцатого апреля тысяча сто восьмидесятого года Сибилла и Гюи обвенчались, получив в совместное владение фьеф отца новобрачной, и стали отныне именоваться графом и графиней Яффы и Аскалона⁴⁷.

Ибелины получили пощечину, и король понимал это. Он попытался заделать стремительно расширяющуюся трещину между двумя партиями. Чтобы хоть как-то приостановить грозивший вот-вот начаться открытый раскол, монарх решил связать представителей обеих группировок узами кровного родства. В самом начале октября он организовал помолвку четырнадцатилетнего Онфруа де Торона, приемного сына Ренольда Шатийонского, и восьмилетней Изабеллы, падчерицы Балиана Ибелина. Принимая во внимание нежный возраст невесты, само бракосочетание было отложено на три года.

В следующем году молодой армянский князь Рубен Третий, сын небезызвестного Тороса Рубеняна, женился на Элизабет, дочери Этьени де Мийи и сестре наследника Петры Онфруа де Торона. Решительно, первые годы восьмого десятилетия двенадцатого столетия от Рождества Христова сделались для Утремера временем свадеб и помолвок. Но для всего христианского Востока годы те стали также грозным преддверием грядущих событий.

Южный сосед киликийского князя, вдовец Боэмунд Заика, в конце семидесятых женился на родственнице

Мануила Комнина, но вскоре с большим скандалом развелся с тем лишь только, чтобы посадить рядом с собой на престол предков обычную горожанку.

Базилевс Мануил не мог вмешаться и приструнить зарвавшегося вассала — императора Второго Рима больше не было в живых. Он скончался в начале шесть тысяч шестьсот восемьдесят девятого года, в четырнадцатый индикт двадцать четвертого числа, и на Византийский трон, к которому немедленно потянулись жадные лапы претендентов, вступил отрок Алексей Второй. Христианские вассалы базилевса на Востоке, Боэмунд и Рубен, наконец-то почувствовали облегчение — новому самодержцу было уже не до них — и отметили свое освобождение от пристального внимания императорского ока тем, что... поссорились между собой.

В то время как в Византии, на севере Сирии и в Киликии христиане были заняты выяснением отношений между собой, внутри Иерусалимского королевства все сильнее нарастали центробежные силы. Помолвка Онфруа и Изабеллы не возымела должного действия, очень скоро дама Агнесса в очередной раз продемонстрировала всем сторонникам единства, как тщетны их чаяния — мира с Ибелинами у Куртенэ быть не могло⁴⁸.

Шестого октября тысяча сто восьмидесятого года скончался патриарх Иерусалимский Аморик де Несль, спустя десять дней клирики Святой Земли избрали на его место архиепископа Кесарии, кандидатуру которого, как нетрудно понять с подачи матери, предложил король. Правда, обсуждалась и вторая — архиепископ Тира, однако Бальдуэн, разумеется, утвердил первую. Сбылась мечта некогда безвестного оверньского священника — Ираклий сделался патриархом Иерусалима; хозяином в уделе Иисусовом стал невенчаный супруг прекрасной Пасхии, которую уже скоро буквально все, от простых граждан до благородных господ, стали уважительно именовать мадам патриархесса.

Новоизбранный глава духовной организации королевства латинян не забыл слов архиепископа Гвильома, предупреждавшего клир о мрачном пророчестве, в котором говорилось о Святом Кресте и двух Ираклиях. Уже в апреле следующего года один из лучших людей Утремера испытал на себе ярость мести патриарха; найдя подходящий предлог, Ираклий отлучил тирского святителя от церкви. Годом позже, устав искать справедливости в родном отечестве, Гвильом отправился в Рим,

а еще спустя год или полтора скончался при невыясненных обстоятельствах⁴⁹.

Той же осенью, когда умер патриарх Аморик, сменили руководителя ордена и тамплиеры. Одо де Сент-Аман загостился у Салах ед-Дина в Дамаске. Хозяин, как водится, решил подзаработать на своей победе и повел с магистром речь о выкупе, на что тот ответил, что бедному рыцарю нечего предложить за себя, кроме своего пояса и обеденного ножа. «Ну что ж, торг есть торг», — надо полагать, подумал султан и вышел с другим предложением. На сей раз он с магистра денег за освобождение требовать не стал, мол, раз так, уважаемый, давайте обменяем вас на кого-нибудь из знатных мусульманских пленников, томящихся в плену у ваших единоверцев. Гранмэтр оскорбился и заявил, что за него не достаточно и десяти самых важных язычников. В общем, он тоже решил показать, что не лыком шит — уж если торговаться, то на полную катушку.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но в процессе торгов брат Одо неожиданно скончался. Место его занял один из ветеранов братства, в давнем прошлом магистр Испанской провинции брат Арнольд де Торрож⁵⁰. Вскоре после этого небезызвестный Жерар де Ридфор сложил с себя обязанности маршала Иерусалима, поскольку новый глава Дома предложил известному своей храбростью и благочестием молодому человеку занять одну из самых престижных должностей в иерархии ордена: так заклятый враг графа Раймунда сделался сенешалем Храма.

Между тем Ренольда де Шатийона мало волновали дела церковные, если только они не касались его лично, не затрагивали его персональных интересов. Он всегда абсолютно искренне полагал, что богатства, собранные попами, могли бы куда лучше послужить на благо и во имя торжества дела крестоносцев, если бы их использовали не для украшения храмов, а для снаряжения многочисленных и хорошо вооруженных армий, способных вести непрестанную войну с неверными. Хотя близился к концу уже пятый год его управления Горной Аравией, князь так до сих пор и не смог выбрать времени, чтобы вплотную заняться исполнением своих тайных замыслов. Однако он вовсе не собирался забывать о них.

Сладострастная Агнесса, любившая в перерывах между жаркими объятиями обсуждать государствен-

ные дела, знала, что и, главное, кому говорила. Не зря упоминала она про дороги, проходившие через наследственный удел Этьени де Мийи. Караванные пути неверных! Какие несметные богатства перемещались из Египта в Сирию и из Сирии в Египет! Из-за этого только и стоило жениться на даме из Крака. Иных достоинств у нее, на взгляд супруга, как будто и не имелось — скучная святоша! Не святоша даже, а... В общем, довольно скоро он перестал посещать жену по ночам, несмотря на то что она далеко еще не утратила былой красоты. Однако красота эта была не такой, которая могла бы увлечь странника-пилигрима, который в свои пятьдесят с лишним оставался еще во многом таким же мальчишкой, каким впервые пришел в Святую Землю.

Как высоко вознес его Бог и в какую пропасть бросил потом?! И вот строптивый раб снова сделался угоден Верховному Сюзерену.

Ренольд был счастлив, счастлив, пожалуй, даже больше, чем тогда, когда, сочетавшись браком с Констанс, воссел на престол ее предков. Здесь, на самых сухих и пустынных границах Иерусалимского королевства, люди были другими, они нравились князю, и он нравился им. Здесь не то что в Антиохии, где все время приходилось ожидать предательства вельмож или бунта черни. Здесь он чувствовал себя настоящим хозяином.

Хотя территория Заиорданья и не уступала размерами княжеству Антиохийскому, особенно в его нынешних границах, и даже, пожалуй, превосходила его, подданных у повелителя Горной Аравии было в несколько раз меньше. Земли Ренольда представляли собой почти безводную пустыню — горы, долины, окрашенные одной и той же желтой краской разных оттенков, где-то более светлых, где-то темных или, точнее, грязных тонов. Особенно контрастными казались среди всего этого зеленые пятна оазисов, главных источников богатства барона Керака. Соль из копей у Мертвого моря, сахар из Пальмиры также приносили доход сеньору. Ну и, разумеется, стада кочевников. Бедуины безропотно платили франкам дань — ведь платить всегда кому-нибудь нужно, так не все ли равно, какому богу молится тот, кому следует отдавать положенное?

Бедные сыны Аравии, родины ислама и коллеги пророка Мухаммеда по ремеслу, были не больше мусульманами, чем сеньор Трансиордании — христианином. Хотя при случае и они и он не ленились поминать

имя Божье: «Да будет на то воля Господа!» — или так: «Аллах велик, да смилуется он над правоверными!» Смилуется? При таком соседе, как Ренольд де Шатийон, — едва ли.

Впрочем, это смотря по тому, о каких правоверных идет речь. *Правоверный* шейх Дауд, разбойничьи шайки которого вырезали на пути домой безоружных *правоверных* египтян, разбитых франками при Монжисаре, не раз помогал иб-ринзу кафиров Арно в его явно не угодных Аллаху делах. Правда, поскольку слово «аллах» и означает бог, а он един на небе, то, возможно, убийство, как христиан, так и мусульман, для него в равной степени противно или... приятно. Последнего также не следует исключать, особенно учитывая многочисленные примеры из собственного горького опыта человечества, который оно почерпнуло в ходе длительного и трудного процесса эволюции.

В общем, пока франки Иерусалима и турки Дамаска и Каира выяснили, чей бог лучше или кто из них правильнее ему молится, князь Ренольд и шейх Дауд пришли к выводу, что настало время заняться решением практических вопросов, пополнением собственной казны за счет благочестивых мусульманских паломников. Ренольд и Дауд давно собирались как следует поохотиться к востоку от Красного моря, в аль-Хиджазе, земле, также принадлежавшей султану Египта — да что же это такое, куда ни повернись, везде уже он?!

Тем временем двухлетнее перемирие между королем Иерусалима и Салах ед-Дином, в подписании которого участвовал и Ренольд, сделало турок совершенно беспечными — они начали ездить туда-сюда, когда только им заблагорассудится, и, что самое возмутительное, почти без охраны.

Наконец благоприятный момент представился.

В начале лета в резиденцию сеньора Петры прилетела весть о том, что огромный караван вышел из Сирии в Мекку. Князь собрал войска и двинулся на юг, имея целью осадить Айлу, заявив, что хватит-де неверным поганить своим присутствием стены христианской крепости! Странно, что при этом Ренольд взял в поход лишь тех, у кого имелись по две и более лошади, а что касается осадных приспособлений, то их он как-то даже и не подумал захватить с собой, вероятно полагая, что Господь и без того дарует ему немедленную победу — ну как же может Иисус не помочь столь благочестивому христианину?

На пути к заливу Акаба франки вдруг резко повернули влево и, двигаясь в восточном направлении, через несколько дней пути повстречали бедуинов, которые и сообщили, что караван уже миновал то место, где они первоначально собирались напасть на него. Дауд не особенно волновался, он хорошо знал дорогу, по которой двигались паломники и купцы, и предложил напасть на них неподалеку от оазиса на развилке, прежде чем часть караванщиков свернет к Тайме.

Проделав путь более чем в сто лье, франки и их союзники нагнали караван на расстоянии одного перехода от оазиса.

Оттуда, где расположились участники рейда, хорошо просматривалась местность, на которой разбили лагерь ничего не подозревавшие мусульмане. Они, конечно, также видели костры, разведенные дружинами Ренольда и Дауда, но даже и не догадывались о целях соседей. Да и разве могла сравниться жалкая лужица огоньков где-то в стороне в горах с морем огней, разожженных паломниками на равнине?

Этьенни очень не хотелось отпускать в поход сына, но Ренольд настоял; парень уже входил в возраст, и ему предстояло вскоре надеть шпоры. Прежде этого ему, как и любому другому благородному юноше, надлежало в полной мере отведать жизни настоящего солдата, а где же сделать это лучше всего, как не на войне? По закону, не принесший омажа юноша участвовал в рейде в качестве сержанта, или ескьюера, взрослого рыцаря — князь определил пасынка в щитоносцы к Жослену.

Нельзя сказать, чтобы Храмовник очень обрадовался — Онфрэ явно родился не для битв, он рос при матери, которая, по единодушному убеждению большинства воинов, слишком уж берегла сыночка. Не то чтобы Онфрэ отказывался выполнять нелегкие обязанности слуги, он честно старался, но толку от его стараний выходило немного. Однако другого оруженосца у Жослена не имелось, и потому ему чуть ли не все приходилось делать самому. Поскольку ескьюер Храмовника являлся одновременно и наследником сеньора Трансиордании Онфрэ делались кое-какие послабления, например ему позволялось сидеть за одним столом, точнее, у одного костра с Ренольдом.

В ночь перед делом здесь же оказался и вождь бедуинов, пришедший к князю в гости. Они выпили, поговорили о том о сем.

— Скажи, сеньор Дауд, — начал Караколь, люби-

мый оруженосец князя, выполнявший здесь и роль виночерпия и прислуживавший господину за трапезой. — Как же так получается, что Аллах не разрешает правоверным пить вина, а ты и твои разудалые храбрцы пьют его? Да как пьют?! Даже и среди тамплиеров не всякий за ними угонится. Хотя среди них немало больших мастеров опорожнять чаши, божиться и костерить всех, кого ни попадя, на чем свет стоит.

Говорил Караколь, большой любитель пошутить и позадирать рыцарей, особенно Жослена, на ужасном подобии арабского, однако суть вопроса шейх все же понял.

— Да,— сказал он, кивая,— Аллах в этом смысле очень строг. Но сейчас ночь, и он спит.

— А вдруг нет? — делая страшные глаза, поинтересовался Караколь. — Вдруг он бодрствует и все видит?

— Должен же он когда-нибудь отдыхать? — произнес Дауд, складывая ладони лодочкой и поднимая глаза к глубокому черному небу, искрившемуся мириадами больших и малых звезд. — А потом... у него столько забот, разве есть время следить за каким-то бедным пастухом?

Бедным пастухом вождь кочевников именовал себя; он был отнюдь не прост, ценил свободу больше жизни и уж тем более больше какого-то там Аллаха. Дауд ненавидел всех правителей, стремившихся надеть на него ошейник, особенно когда те пытались использовать для достижения своих целей религию, старались отобрать у него волю под предлогом необходимости объединения всех сил ислама для борьбы с кафирами. Особенно «нежную симпатию» испытывал шейх к Салах ед-Дину, называя его не иначе, как самозванцем или великим королем рабов, и все еще жил под впечатлением событий почти уже четырехлетней давности, когда кочевники Дауда вволю порезвились, тысячами убивая безоружных египтян, моливших единоверцев о пощаде во имя Аллаха.

— Ну раз с Аллахом все улажено, тогда еще вина? — предложил Караколь.

— Не откажусь.

— Как же получается, твоя милость? — продолжал виночерпий, зная, что слова его придутся по душе шейху. — Как же так вышло, что твои пастухи искромсали в капусту войско султана правоверных?

— Я уже попросил за это прощения у Аллаха,— с притворным смирением проговорил Дауд. — Мы обозна-

лись. Никто из моих воинов и предположить не мог, что солдаты великого короля Египта могут разгуливать по нашим горам и долам без оружия. Мы подумали, что это бараны и решили — не худо бы заготовить мясца впрок? Грех был бы не сделать этого, ведь эмир Арно позволяет нам брать соль в его коях по весьма низкой цене, почти даром, за то мы и благодарим эмира, ну и Аллаха, конечно.

Ренольд, которому суть диалога переводил Жослен, усмехнулся и произнес:

— Скажи шейху Дауду, что соль он и впредь станет получать по той же цене. Главное, чтобы он и впредь заготавливал побольше жирных египетских барашков.

— А чем сирийские хуже? — любопытствовал Дауд, кивая в сторону моря огней, и в глазах его появился хищный блеск. — По мне, так они уже достаточно нагуляли вес. А что скажет на это эмир Арно?

— Это точно! — Все, кто был у костра энергично закивали, а князь спросил: — Скажи-ка, шейх Дауд, а правда, что ты всегда с одного удара отсекаешь башку... м-м-м... барану?

Услышав перевод вопроса, вождь бедуинов заулыбался и, скромно опуская глаза, признался:

— Да. Если, конечно, баран стоит и не дрыгается. Один прихвостень великого короля Египта умолял меня не убивать его. Я велел ему встать на колени и вознести молитву Аллаху, дабы тот смилостивился над ним.

Шейх умел рассказывать, он, как и положено в таких случаях, сделал паузу, во время которой Онфрэ не выдержал и спросил:

— И что же было дальше?!

Жослен переводить не стал, но Дауд и без того понял смысл вопроса.

— Он начал молиться... Но в словах его не доставало искренности, и Аллах не услышал его просьбы.

— Как? — Захлопал глазами Онфрэ.

— А вот так! — Вождь бедуинов вскочил и, выхватив саблю, взмахнул ей.

Клинок просвистел в воздухе, а юноша во все глаза уставился на баранью ногу, которую все еще держал в руке, хотя, увлеченный разговорами взрослых, давно забыл о еде. Сабля Дауда точно бритва срезала кость всего в двух вершках от пальцев наследника Горной Аравии.

— Вот это да! — только и промолвил тот и обратился к Ренольду. — А вы, государь, могли бы так?

Тот пожал плечами, а потом протянул пасынку валявшуюся у ног обглоданную кость.

— Подержишь? — предложил он, кладя руку на эфес меча.

— А-а-а... — пролепетал Онфрэ и часто-часто заморгал, и все захохотали.

Князь усмехнулся и бросил кость за спину.

— Еще вина, сир Онфруа? — с наигранной почти-тельностью спросил Караколь, склоняясь на наследником и дыша тому в затылок запахом чеснока.

— Нет... то есть... да... то есть... — пролепетал озадаченный юноша и вдруг закричал: — Ай! Ой! Что это?! Что это?! — Он вскочил и запрыгал точно укушенный, изгибаясь всем телом и размахивая руками в тщетных попытках дотянуться до середины спины. — Что там? Что туда попало?!

— Черный смэрть, — нарочно с любимым немецким акцентом проговорил Караколь. — Стряцний болёщой жюк кусать малёнький Фрэ за жёпа.

— Помогите!!!

Никто не откликнулся на призыв юноши, но вовсе не по причине особенной черствости, а просто потому, что ни один из сидевших у костра рыцарей не мог прийти в себя от смеха. Некоторые попадали на землю и, катаясь по ней, хохотали до колик. Громче всех заливался шейх Дауд, он то и дело откидывался назад, задирая подбородок и хватаясь за живот, при этом длинный клин его бороды тряся, как язык ящерицы.

Единственным человеком, кое-как сумевшим справиться с собой, оказался господин несчастного юноши. Жослен вскочил и довольно чувствительно стукнул кулаком по покрытой кольчугой спине Онфрэ.

— Здесь?

— Ниже!!!

— Здесь?

— Левее!!! Он отполз!

— Здесь?

— Да! — Впрочем, Храмовник и сам понял, что попал. Несмотря на всеобщее «лошадиное ржание» у костра, все же треск лопнувшего тела большого жука был слышен довольно отчетливо.

Никем не останавливаемый Караколь продолжал паясничать:

— О бэдний жюк! Насталь его смердь! Он паль как геройский солдат в неравный схватка с храбрый рыт-цар Жосцелин. Бэ-э-эдний жюк! Жена будэт плакат над

ним! А ведь он не быть опасный, просто жьирный, как откормленный баран...

— Заткнись,— негромко бросил князь, и оруженосец вмиг умолк.

Рыцари тоже мало-помалу уgomонились, но еще долго кого-нибудь из них неожиданно охватывал приступ беззвучного смеха.

— Отправляйся-ка ты спать, малыш,— проговорил Ренольд, когда веселье закончилось и пасынок немного успокоился. Князь перевел взгляд на Жослена.— Уложите вашего оруженосца, шевалье. Я не хочу, чтобы он завтра уснул в седле.

Юноша насупился, но приказ исполнил. Оба они поднялись и отошли в сторонку.

— Может, немного прогуляемся, мессир? — с надеждой спросил Онфрэ Жослена.— Мне совсем не хочется спать.

Храмовник кивнул:

— Хорошо.

— Батюшка рассердился на меня? — спросил юноша, когда они отошли уже достаточно далеко от стоянки и, поднявшись на пригорок, остановились, окидывая взглядом лагерь паломников.— Я невежливо повел себя? Но ведь он может так, как шейх Дауд?

— Даже лучше,— ответил рыцарь.— Видел бы ты нашего сеньора при Монжисаре! Турки бежали от одного его вида. Но он все равно нагонял некоторых из них, а одного, которому вздумалось сопротивляться, развалил наполю, прямо от плеча до седла! — Он выразительно провел рукой по своей груди.— Я сам видел, как тот распался на две половинки! В какой-то миг и не понял, что произошло: сеньор'взмахнул мечом, а язычник сидит, как ни в чем не бывало. Потом лошадь под ним шевельнулась, и он брык... одна часть — в одну сторону, вторая — в другую. А господин даже и не взглянул, дальше поскакал.

— Я много слышал про ту битву,— с некоторой завистью признался Онфрэ.— Все говорят про то, как наши из Ультржурдена там отличились. Вам повезло, вы-то там были, а я...

Жослен пожал плечами. Его и наследника Заиорданской сеньории разделяли всего каких-нибудь пять лет, но сын Этьенни де Мийи был еще мальчишкой, а его рыцарь — взрослым человеком, побывавшим к тому же во многих битвах и стычках с врагом и даже в плену у неверных. Между тем скоро статусу юноши предстоя-

ло претерпеть серьезные изменения. Так или иначе, роль оруженосца Онфрэ играл в последний раз в жизни. Он — наследник Петры, возможно, когда-то наступит день и Жослен назовет сегодняшнего своего слугу сеньором, принесет ему омаж и, обращаясь к нему, будет говорить: «государь». Больше того, чего доброго, в один прекрасный день Онфруа де Торон станет королем Иерусалимским, как-никак он помолвлен с сестрой теперешнего монарха.

Подумав об этом, Храмовник сказал:

— Скоро тебе приносить омаж. Станешь рыцарем и будешь сражаться в битвах.

— Я так волнуюсь...

— Из-за завтрашнего дела? — поинтересовался Жослен, спускаясь с холма и неторопливо шагая по направлению к огням. — Это ерунда.

— Да нет... А вы, мессир, вы ведь не так давно приносили присягу. Что вы чувствовали?

— Не спал всю ночь, — честно признался рыцарь. — Сидел в часовенке при казарме в Монреале и думал.

— О Боге?

— О Боге? — переспросил Жослен. — Да... То есть полагается, конечно, молиться и думать о возвышенном, а я... Сначала, конечно, молился и все такое, а потом стал вспоминать, как мы с сеньором сидели в башне в Алеппо. Как бежали оттуда и потом прятались у одной купчихи... Там я встретил одну девицу, служанку...

— У вас с ней были... — начал Онфрэ и замялся, краснея.

— Да.

— Сколько же лет вам было, мессир?

— Четырнадцать. Вот о ней-то я и думал перед святым распятием в часовне. А наутро... все так быстро произошло. Честно говоря, я и не думал, что столько народу соберется. Весь Монреаль сбежался, любят люди на что-нибудь поглазеть. Клирики читали молитвы, распевали псалмы. Мне надели шпоры, сеньор опоясал меня вот этим мечом. — Жослен похлопал по рукояти. — Я встал на колени, сеньор *слегка шлепнул* меня по физиономии — у меня аж искры из глаз посыпались, и я сразу на одно ухо оглох и уже не слышал даже, как произнес положенное: «Сир, я становлюсь вашим человеком». Я испугался, что вообще не сказал этих слов, и давай второй раз, громче, а он мне: «Что орешь? Я не глухой». Я теперь знаю, для чего придут-

мали, чтобы при посвящении вассал вкладывал свои руки в ладонь сюзерена, если бы не это, я бы точно упал, а так он удержал меня. Потом постельничий Юбэрт начал читать присягу, а я повторял за ним слово в слово, потом князь поцеловал меня. Вот и все. Так я стал его рыцарем, человеком рук и губ.

Осознавая всю «пропасть лет и событий», разделяющую их, наследник Трансиордании вздохнул:

— А у меня еще ничего не было.

— Все будет, Онфрэ, обязательно будет, — утешил его Жослен и вдруг насторожился: — Смотри, кто это там?

За разговором они не заметили, как отошли от костров довольно далеко и теперь находились не более, чем в полумиле от лагеря караванщиков. Те двое, которых заметил рыцарь, явно вышли оттуда и направлялись в сторону стоянки франков и бедуинов.

«Разведчики? — подумал сначала Храмовник. — Нет, едва ли».

— По-моему, одна из них — женщина? — предположил юноша.

— Похоже, ты прав, — согласился Жослен.

Свет полной луны позволял неплохо рассмотреть их.

— Давай-ка посмотрим, узнаем, кто это, — предложил рыцарь. — Сейчас они скроются вон за тем валуном. Я встречу их, когда они станут выходить оттуда, а ты спускайся — зайдешь к ним сзади. Нельзя дать им уйти.

Рыцарь и оруженосец разделились. Жослена немного озадачило то, что «разведчики» не вышли из-за камня, как ожидалось, но менять планов не стал, так как опасался оставлять Онфрэ один на один с врагами. Появление Храмовника стало для паломников совершенной неожиданностью. Они, как мгновенно сообразил бдительный франк, явно не собирались ни за кем шпионить и отделились от своих с одной целью — заняться любовью.

— Не двигаться, неверная собака! — приказал Жослен по-арабски, когда мужчина, услышав скрип камешков под подошвами рыцарских сапог, резко обернулся.

Сабли при нем не было, зато нашелся довольно внушительных размеров кинжал. Выхватив его, сарацин бросился на Храмовника с такой стремительностью, что тот не успел отскочить. Острие клинка разорвало несколько звеньев кольчуги на боку рыцаря. Тот

отлетел в сторону и чуть не упал, ему стоило немалого труда удержаться на ногах.

— Умри, неверный пес! — закричал сарацин и снова атаковал.

Жослен отбил выпад мечом, который перекинул из левой в правую руку. Заметив Онфруа, метавшегося поблизости с обнаженным клинком, рыцарь крикнул:

— Не мешай мне! Нехристь мой! Держи бабу, не дай ей убежать!

Длинный кавалерийский меч Храмовника, очень удобный для того, чтобы рубить им сидя в седле, не слишком-то подходил для нанесения и отражения колющих ударов, а язычник все не унимался. Он на чем свет стоит костерил противника и непрестанно нападал, франк же лишь оборонялся. Он попробовал выставить вперед острие меча, пытаясь удержать бешеного араба на расстоянии, но тот поднырнул под руку Жослена и со всего размаха ударил его в живот. Лишь в самый последний момент Храмовнику удалось отскочить и поставить подножку противнику, по инерции промчавшемуся мимо.

Франк подбежал к упавшему врагу, поднял меч над головой и изо всех сил опустил его на распростертое на земле тело, целясь в область шеи, надеясь одним ударом отсечь язычнику голову. Однако холодная сталь не нашла добычи, сарацин успел извернуться и избежать смерти. Клинок Жослена, ударившись о камень, высек сног искр. Тем временем гнусный язычник с прежним воодушевлением и упорством устремился в атаку, чтобы как можно скорее тем или иным способом угробить противника. Подняв камень, араб швырнул его в рыцаря, но тот пригнулся.

— А-а-а! Дьявол! Проклятый агарянин! — закричал Онфрэ, которому метательный снаряд язычника угодил в ногу — парню определенно не везло тем вечером!

Второй камень задел Храмовника, и он понял, что просто обязан уничтожить сарацина немедленно. Взяв рукоять меча обеими руками, Жослен двинулся на араба, рубя перед собой воздух сверху вниз, справа налево и слева на право. Теперь отступить начал язычник. Однако он не просто отходил, а нарочно затягивал поединок, ожидая, когда рыцарь устанет и движения его станут медленнее. Времени для этого понадобилось немного, тяжелая экипировка франка свое дело сделала, по всему было видно, что Жослен утомлен. Тем не менее он

не желал, чтобы оруженосец помог ему — еще только не хватало, чтобы язычник ранил наследника Горной Аравии.

— Не лезь, Фрэ! — прохрипел Храмовник, заметив, что Онфруа хочет вмешаться. — Стереди ее! Это важнее. Если она уйдет, безбожники всполошатся!

Слишком длинная тирада не пошла на пользу рыцарю, дыхание его сбилось, он, в очередной раз излишне усердно рубанув пространство перед собой, зашатался и чуть не упал. Можно сказать, что бой складывался по классическим для Востока правилам: христианин делал ставку на силу, язычник полагался на ловкость. И вот наконец, решив, что подходящий момент для контратаки настал, сарацин со всей стремительностью бросился на франка. Острие меча Жослена находилось в крайней нижней точке траектории удара, и сам воин оказывался совершенно беззащитен перед кинжалом язычника. Понимая это, тот хищно улыбнулся, мысленно подводя итог. Одного врага уже можно было считать покойником, второй не представлял серьезной опасности, его араб собирался захватить живым — очень бы интересно узнать, что делают неверные на таком удалении от своих земель?

Все эти калькуляции заняли всего какую-то долю мгновения.

— Прощайся с жизнью, кафир! — воскликнул язычник и, сделав выпад... закричал от боли: — А-а-а!

Онфрэ открыл рот, не понимая, куда девался кинжал араба. Тот стоял, лишь чудом сохраняя равновесие, продолжая вытягивать отрубленную почти по локоть правую руку. Жослен же, переминаясь с ноги на ногу, подыскивал удобную позицию для решающего удара. При этом Храмовник вовсе не выглядел таким уж измученным, как казалось буквально только что.

— Ну, пес? — спросил он противника по-арабски. — Так кому из нас надо прощаться с жизнью? — Не получив ответа, Жослен крикнул уже по-французски: — Смотри, Онфрэ!

Серебром сверкнул в свете луны рыцарский клинок, и голова сарацина скатилась на землю.

— Здорово... — проговорил юноша, невероятно пораженный всем увиденным. — Я думал, ты выдохся.

— Как бы не так, — усмехнулся Храмовник. — Мне этот прием показал мой бывший сеньор, брат Бертье. Делаешь вид, что выбился из сил, противник решает, что ему осталось только прикончить тебя, а ты... Кто

это такой? — строго спросил он женщину по-арабски. Однако та, похоже, лишилась дара речи от страха. Рыцарь обратился к оруженосцу: — Ты говорил, что у тебя не было случая развлечься с бабой? Можешь сделать это теперь. Дарю ее тебе.

Тут способность говорить немедленно вернулась к женщине.

— Нет! Нет! Благородные господа! — воскликнула она на провансальском диалекте. — Сжальтесь! Я — христианка! Пленница!

— Пленница? — с ноткой недоверия в голосе спросил Жослен, кивая в сторону трупа. — Зачем же ты пошла с ним?

— Он — помощник начальника стражи, мессир! Я рабыня одной из его жен. Как я могла отказать ему?

— Откуда ты и как тебя зовут?

— Жаклин, мессир, — ответила женщина. — Я — из Лангедока, из города Монпелье, может, слышали? Мы с мужем отправились в Святую Землю, чтобы помолиться у Гроба Господня. Наш корабль застигла буря, он пошел ко дну, муж мой утонул со всем нашим небольшим имуществом. Я же оказалась среди тех, кому посчастливилось уцепиться за обломки, которые и прибило к берегу.

— То были земли язычников?

— О да! Они всех нас продали в рабство!

— Ах скоты неверные! Они же знали, что вы — паломники! — в гневе вскричал рыцарь. — Ну ничего, милая, мы отомстим за тебя!

И они отомстили.

Едва забрезжил рассвет, полторы сотни рыцарей Ренольда вместе с бедуинами напали на просыпавшихся караванщиков. То была славная потеха. Всадники рубили, топтали конями практически не способных сопротивляться мужчин, а иной раз под горячую руку и женщин и даже детей. Сердце Жослена переполнял благородный гнев и восторг — как же приятно было, исполняя волю Божью, потянувшись с седла, рубить бегущих язычников, вонзать острый клинок в мягкую плоть!

Это вдохновенное чувство захватило даже юного Онфрэ. Первое боевое крещение удалось на славу. Теперь у наследника Горной Аравии появились все основания называться рыцарем, с полным правом примет он от бывалого воина и шпоры, и отцовский меч, что много

лет тоскует по солдатской руке, и ритуальную пощечину — последнюю пощечину, которую не нужно смывать кровью. Кровью? Кровью! Кровью обидчика.

Чего-чего, а крови хватало. И обид, впрочем, тоже. Щедро отплатили франки богомерзким язычникам за то зло, которое причинили они их господину, князю Скалы Пустыни, Ренольду Шатийонскому.

Дикая вакханалия прекратилась только после полудня, когда, воздав врагам по заслугам, рыцари и их союзники принялись пировать рядом с трупами. Воины поднимали кубки за здоровье своих вождей, приведших экспедицию к успеху. Ренольд и Дауд порешили не останавливаться на достигнутом, отправить доставшуюся им огромную добычу — больше тысячи верблюдов, груженных всевозможным добром, множество коней, скота и рабов, всего на сумму, примерно вдвое превышавшую ту, которую заплатил князь за собственную свободу, — в свои земли с конвоем.

Сами же дерзкие мстители настолько вошли во вкус, что горели желанием продолжить веселье, а князь даже хотел изгоном взять Медину, до которой оставалось еще добрых сто лье пути. По дороге туда его нагнала весть, что племянник Салах ед-Дина Фарухшах вторгся в пределы христианских территорий и угрожает Кераку.

Ренольд нехотя повернул назад и, разграбив на прощанье селения в оазисе, ускоренным маршем двинулся в свой удел.

VI

Весть о действиях мусульман пришла очень быстро и как нельзя более своевременно. Получилось, так видно, прежде всего оттого, что принес ее настоящий специалист своего дела — Раурт де Тарс, памятный жителям Триполи праведник, по прозвищу Вестоносец.

Последние годы рыцарь этот служил Бозмунду Заике, но отъехал от него по причине недовольства. Ренольд не стал расспрашивать — любой, кто уходил от князя Антиохии или графа Триполи, мог рассчитывать на теплый прием в Горной Аравии, по крайней мере пока там правил пятидесятипятiletний уроженец Шатийона. Да и кроме того, Раурт пришелся новому сюзерену по душе; рыцарь не жаловался ни на одного из своих прежних хозяев, а лишь сказал, что не нашел в них тех, кого жаждал обрести. Позже, правда, при-

знался: «Теперь каждый воин в Леванте, кто ищет удачи, кто не привык, чтобы меч его ржавел в ножнах, мечтает наняться на службу к государю Заиорданских земель». При этом Раурт вовсе не льстил сеньору Керака: рассказы о храбрости Ренольда и удали его рыцарей привлекали смельчаков, спешивших встать под его знамена. Тот, кто искренне стремился исполнять христианский долг, не разбивая лоб в поклонах, а вспарывая животы и отрубая головы неверным, мог рассчитывать на теплый прием у сеньора Петры.

Однако некоторых героев князю пришлось... покупать.

Дело все в том, что Ив де Гардари устал терпеть насмешки прирожденных наездников, с легкой руки князя потешавшихся над моряком еще со времени знаменитой битвы при Монжисаре, и решил не просто доказать господину собственную полезность, но и разом утереть нос товарищам. Несмотря на то что ватранг, которого все в Керাকে считали немцем, давно уже сумел с помощью Жослена обзавестись хорошим конем, мало что изменилось, все равно Ивенс по-прежнему держался в седле не так, как подобало рыцарю. И тут уж никто, даже Храмовник не мог ничего поделать — юноша из Страны Городов родился не для лихой кавалерийской атаки. Он вырос не на земле — в море, в море и надлежало ему умереть.

В начале тысяча сто восемьдесят второго года от Рождества Христова Ренольд с отборной дружиной отбыл в Акру, где в то время находился король.

Бальдуэн ле Мезль уже перестал сердиться на сеньора Петры за рейд в аль-Хиджаз, хотя поначалу и признавал справедливыми требования Салах ед-Дина вернуть захваченную удальцами Ренольда добычу. Иерусалимский правитель довольно настойчиво требовал сделать это. Он кричал и топал ногами, напрасно расходуя и без того свои невеликие силы. Юный монарх только и сделал, что выпустил пар; все кончилось ничем, Куртенэ и тамплиеры не забывали своих в беде. Но, как нам хорошо известно, останавливаться на достигнутом было вовсе не в обычае пилигрима из Шатийона. В общем, не успела отгреметь над головой князя одна гроза, как в ней, головушке этой буйной, полной дум о судьбах христианства, вызрел уже новый, куда более дерзкий план.

Нетрудно понять, кто навел сеньора на мысль устроить морскую прогулку, прорубить окно в... Африку. Ивенс просто бредил этой идеей; в середине апреля он вернулся из Каира, куда ездил с торговыми агентами ордена Храма покупать галеры... для учреждения заграничной торговли. Из всех граждан Трансиордании Ив де Гардари наиболее подходил на должность... ну, уж если не морского министра, то по меньшей мере главного советника. Но, как поначалу показалось господину, Ивенс совершенно не оправдал себя в роли купца. Словом, едва посланный в Каир уполномоченный вернулся, князь схватился за голову. За всем, как убеждался Ренольд, надо было следить самому, а то недолго и без штанов остаться. В общем, вышла промашка, ибо ватранг, мягко говоря, не слишком почтительно обошелся с казной, доверенной ему господином.

И это в такой момент?!

Пришли достоверные известия об активизации Салах ед-Дина в Египте — султан готовился выступить в Сирию с большим войском, — надлежало с толком потратить каждый динар, каждый дирхем из награбленного в аль-Хиджазе на вооружение дружины и на предварительные выплаты наемникам, и что же? Ивенс преподнес сюрприз, порадовал, что называется! Потратил совершенно немыслимое количество денег на то, чтобы закупить на одном из самых больших невольничьих рынков мира никому не нужных рабов, в то время как после прошлогоднего рейда в Кераке и Монреале своих не знали куда девать!

Когда Ренольд осознал наконец, что Ивенс не шутит и что он действительно приобрел вместо обещанных кораблей всех этих огромных, бородатых и косматых, полуголых, оборванных мужчин, князь пришел в ярость. Первым делом он съездил ватрангу по физиономии, однако тот не упал, как обычно случалось с теми, кому прежде доводилось отведать кулака забияки из Шатийона, а, утерев разбитые губы и сплюнув на землю зуб, поинтересовался:

— За что ж так-то, государь?!

— За то, что деньги на ветер пустил! — зарычал Ренольд, несколько теряясь из-за необычайной устойчивости воина: «Неужели до того ослаб? Неужто уж и рука больше не та?! Постарел?!»

Ничего хуже, ничего страшнее для рыцаря, чем лишиться сил, стать вдруг слабым, как женщина или ребенок, и придумать нельзя.

— Где корабли?!

— Команда есть и корабли будут! — заявил Ивенс, указывая на притихшую толпу, чем только подлил масла в огонь гнева своего господина. — Ты бы послушал, государь, прежде чем бить?

На сей раз князь постарался от души, однако ватранг, хотя и сделал несколько скачков, чтобы не потерять равновесия, все равно сумел устоять на ногах.

— Послушать тебя?! — переспросил Ренольд, примериваясь для нового удара. — Я тебя послушаю, если скажешь, на кой черт мне этот сброд?!

— А кто воевать будет?

— Воевать?! *De parbleus!* Ты французских рыцарей воевать учить станешь? Сам на лошади сидеть не можешь! Воин! Дьявол тебя заберит!

— На море, государь, от лошади проку нет, — возразил ватранг, вытирая рукавом кровь с лица и внимательно следя за приготовлениями сеньора. — А скажи мне, кто грести будет? Кто к рулю встанет?

— Грести?! — Гнев явно мешал Ренольду как следует прицелиться. Ивенс же между тем решил не испытывать на себе мощи кулака господина, поэтому следующий удар его пришелся моряку в защищенную только кожаны́м камзолом грудь. — У меня полны подвалы неверной сволочи! Приколочу их к веслам гвоздями, как миленькие грести станут! И без рулей обойдусь!

Тут до него дошла наконец вся комичность положения, в котором он оказался, — к каким веслам прикует он мусульманских пленников, если у него, собственно, нет кораблей? Гнусность деяния Ивенса — уж не отпирался бы, пропил казну, так и скажи, мол, пропил, государь, хочешь казни, хочешь милуй! — помноженная на его дьявольское упорство, стали ветром, породившим бурю. Его нежелание признать свою неправоту, повиниться, покаяться нашли все-таки достойное воздаяние. На сей раз, видно, сам Господь направлял руку князя, он не промазал, и сила удара оказалась такой, какой нужно. Ватранг упал.

— Уходи с глаз долой! — склонившись над ним, с гневом и обидой бросил Ренольд. — Не нужен мне ни ты, ни твои корабли! И сброд свой забирай! Благодарити Бога, что встретил я тебя в тяжелый час, и ты тогда, не в пример дням сегодняшним, был мне другом. Молись Господу, а то бы вздернул тебя!

— Вздергивай! Вздергивай! Твое право! Все верно, казну твою я потратил не так, как обещал! — с вызо-

вом закричал Ивенс.— Однако прежде дай сказать! Я всегда верил тебе и служил из любви! Я не купил кораблей, потому что понял — никто не поверит, что сеньор Керака решил вдруг стать торговцем. Раньше, чем мы выйдем в море, язычники проведуют о наших планах и успеют приготовиться. Что сделаем мы тогда с тремя, пусть даже пятью галерами против тридцати или сорока? Я придумал другое, а ты даже не захотел меня послушать!

— Я тебя послушаю! — зловеще улыбаясь, пообещал Ренольд.— Только я ведь предлагал тебе уйти подобру-поздорову, а вот теперь точно вздерну! Но прежде уважу просьбу. Говори, да покороче!

— Что ж! — Ватранг поднялся и показал на толпу приобретенных в Каире пленников, которые, исподлобья глядя на разгневанного господина, ожидали окончания перепалки.— Я привел тебе викингов. Они не только самые лучшие моряки на всем белом свете, но и плотники. У тебя в лесах Моабитских растет лес, вполне годный для строительства кораблей. Эти люди срубят суда и станут на них экипажами. Ни один раб, прикованный к веслу, не может грести так же быстро, как свободный викинг. Мы обрушимся на неверных, как гром среди ясного неба! В прежние времена, как я слышал от воинов, конунги и ярлы на нескольких драккарах брали великие крепости. Даже Париж покорился им. На моей родине конунг Гардарики Хэльгу сумел захватить даже Киев, город, размерами больший, чем Алеппо и Дамаск, взятые вместе. О том сложили песни, и по сей день поют их старцы-гуслеры.

Страстная речь Ивенса поразила князя, он, как оказалось, и не знал этого человека. Тем не менее сеньор Горной Аравии не спешил менять гнев на милость.

— Так ты говоришь, они — доблестные воины? — спросил он, показывая на хмурых ватрангов.— Как же тогда эти собачьи дети ухитрились угодить в плен?

Тут бы кому-нибудь и напомнить Ренольду Шатийонскому, что и сам он, несмотря на храбрость и ратную удаль, сделался узником донжона в Алеппо. Однако, как нетрудно догадаться, никто не стал проводить подобных параллелей. Ивенсу такое и в голову не пришло, а привезенные им бородачи не знали французского языка и едва ли понимали, о чем шла речь. Впрочем, Ренольд так думал, но, как выяснилось, ошибся. Один

из викингов, немолодой и далеко не самый крупный, вышел вперед и на вполне понятном для любого жителя Утремера наречии проговорил:

— Славный и храбрый государь. Прости меня, но я скажу, мы — не собачьи дети. А уж кому и как довелось потерять свободу, на то все воля Господа. Я сам попал в плен раненым, как и многие иные из тех, кого ты видишь тут. Другие были взяты тонущими или найдены полуживыми после того, как буря выбросила их на вражеский берег. Тут ты не встретишь труса. А потому не пожалеешь и о деньгах, потраченных на богоугодное дело. Всевышний вернет тебе сторицей из имущества врагов. Свое дело мы знаем.

Речь моряка пришлась Ренольду по душе, он спросил:

— Кто ты? Какой веры? Откуда знаешь наш язык?

— Зовут меня Хакон Корабельщик, или, как прозывают некоторые, Джакомо. Отец мой — Олаф Викинг молился Христу, а служил английским королям. Людей, подобных мне и моему отцу, называют на Острове норманнами, хотя так же зовутся и другие, те, что живут в Валланде и не ходят по морю. На их-то языке и говорят англичане⁵¹. Я же долго жил среди них, ведь на Острове батюшка мой встретил мою мать. С детства я изведаль, что такое море. На нем, почитай, родился, на нем и умру.

— Да что вы все о смерти? — сердясь уже более притворно, чем всерьез, поинтересовался князь. — Заладили тоже!

Джакомо пожал плечами:

— От нее не убежишь. Ты — рыцарь, тебе на коне свою смерть встречать, нам на палубе.

— Вот о ней-то и хочу спросить тебя, Корабельщик. — Нахмурился Ренольд. — Правда ли вы такие же воины, как и мастера? Сможете ли построить корабли?

Джакомо обернулся к товарищам и посмотрел на них, а потом, ничего у них не спрашивая, ответил:

— Дай, государь, секиру добрую. Ею срубим тебе корабли, ею отнесем головы твоим врагам!

— Добро. Леса у меня много, велю вам строить мне суда. Но для начала вы сделаете другое — покажете себя на суше. Король неверных язычников Саладин грозит походом на Святой Город. Коль скоро вы христиане, то для вас нет выше чести, чем отдать жизнь за Гроб Господень и Истинный Крест, на котором принял муки Спаситель.

Ренольд уже давно заметил, что некоторые из викингов со вниманием прислушивались к разговору — тех, кто понимал французский, оказалось немало, а уж имя главного противника христиан и значение слов «Vraie Croix» знали все.

— За Святой Крест! — закричали они. — Покажем королю неверных! Прочумим его! Будет знать, как грозить христианам!

Хотя отцы, деды и даже прадеды большинства из морских разбойников, подобно прочим европейцам, молились Христу, призывавшему возлюбить ближних, в тот момент об этом как-то забывалось и скорее казалось, что возносят они хвалы древнему богу войны. Так и думалось, что вот-вот закричат они: «Вотан! Воден! Один!», призывая на помощь того, которому дали множество имен. Как бы ни называли они его, просили всегда одного: «Великий Небесный Воин, помоги нам победить в битве! Даруй нам, воинам морским, счастья напитаться крови врагов, а мы обещаем тебе за то принести достойную жертву!»

Стала дворцом из сказки Валгалла, ушли в прошлое пиры в чертогах Одина, и дочери его, валькирии, не прислуживают больше за праздничным столом храбрецам, павшим с мечом в руке. Всем, отдавшим жизнь в сражениях за Христову веру, открыта дорога в царство милосердного Бога, принявшего венец мученика. Что с того, если путь к трону Его будет, как и прежде, освещать воинам дьявольский огонь языческого божества? Коль скоро воюют они за правое дело — как же, ведь Крест Господень величайшая из святынь, так учит церковь, можно ли сомневаться? — стало быть, станут теперь не демонами войны, но ангелами битвы, святой битвы против неверных.

— Да здравствует ярл Райнхольд! Ура хёвдингу Петраланда! — ревели две сотни глоток. — Веди нас, государь!

Когда ликование чуть поутихло, Ивенс спросил:

— Так что, государь, ты прощаешь меня?

Ренольд покрутил длинный ус — все слышали вопрос и ждали ответа господина.

— Прощаю, — сказал он. — Чаю, не зря потратил ты казну. Вижу, добрых воинов вызволил из неволи. Но помните — по вашим делам вас жаловать стану, а не по речам!

Не имея возможности наказать воинов сеньора Петры, Салах ед-Дин сорвал зло на простых паломниках. Как раз случилось так, что несколько их кораблей, будучи застигнуты штормом, причалили в порту Дамискетты. Султан схватил и бросил в тюрьму полторы тысячи пилигримов, ни в чем неповинных людей, даже и не слышавших о том, что мир на Востоке нарушен. Тем временем Фарухшах ограбил деревни на склонах горы Фавор, приведя в Дамаск двенадцать тысяч голов скота и тысячу пленников.

В пятый день месяца мухаррама нового, пятьсот семьдесят восьмого года лунной хиджры Салах ед-Дин выступил из Египта⁵². Ренольд убедил короля двинуться с войсками, чтобы преградить султану дорогу, пролегавшую по землям к югу от Мертвого моря. Однако новым солдатам сеньора Керака, бывшим невольникам, не довелось отомстить врагам, сойдясь с ними в сражении на суше. Таинственным и необъяснимым образом мусульмане смогли обойти франков и, избежав встречи с ними, без боя проскочить в Сирию. Десятого июля тысяча сто восемьдесят второго года от Рождества Христова, спустя два месяца после начала похода, соединенные силы Салах ед-Дина и его племянника вторглись в Палестину южнее Галилейского моря.

Бальдуэн ле Мезль поспешил туда из Трансиордании, призвав на помощь патриарха, который присоединился к королю, прихватив с собой из Иерусалима главную христианскую святыню, чтобы воодушевлять войска. Латиняне встретили противника у замка госпиталяров Бельвуар. Франки сдержали яростные атаки врага, но и ответные удары рыцарей не смогли смешать рядов ветеранов султана. В конечном итоге обе армии разошлись и, как часто бывает при ничейном исходе встречи, каждая сторона объявила победителям себя.

Однако Салах ед-Дин на этом не успокоился. В августе египтяне вернулись и ускоренным маршем достигли Бейрута, рассчитывая, видно, захватить его с ходу, но не смогли. К концу тысяча сто восемьдесят второго года султан, убедившись в том, что его агрессия встречает со стороны христиан достойный отпор, вмешался в дела единоверцев на севере, где ссорившиеся между собой государи Дома Зенги переживали не лучшие времена. Раздрай начался, как всегда, из-за... образовавшейся вакансии на державном престоле. На

сей раз речь шла об Алеппо. Годом раньше описываемых событий, в начале декабря тысяча сто восемьдесят первого от колик скончался восемнадцатилетний наследник Нур ед-Дина Малик ас-Салих Исмаил. Природа, как известно, не терпит пустоты, и родичи покойного, правившие в Мосуле, тут же принялись интриговать вокруг престола белой столицы атабеков. Султан Египта и Сирии просто не мог не вмешаться.

Тринадцатого числа месяца раджаба пятьсот семьдесят восьмого года лунной хиджры Салах ед-Дин осадил Мосул. Как случилось уже не раз за последние годы, Зенгииды позвали на помощь франков. Те совершили ряд успешных рейдов, угрожали даже Дамаску, новой столице султана; однако штурмовать город Бальдуэн не стал, и армия его, нагруженная добычей, вернулась в свои земли.

Тем временем во владениях Ренольда полным ходом шли приготовления к «торговой экспедиции» на Красное море. Ивенс не подвел, не зря потратил он деньги господина. Некоторые из бывших пленников успели отличиться в рядах королевской армии и зарекомендовали себя хорошими воинами, другие же тем временем строили обещанные сеньору суда. Мастера изготавливали части будущих кораблей, собирали их, подгоняли, а затем... вновь разбирали, чтобы в таком виде посуху доставить на юг. Заправлял ватагой Джакомо, за которым прочно закрепилось его прозвище Корабельщик.

Выступать Ренольд намеревался с началом рождественского поста, чтобы, захватив Айлу, спустить галеры на воду, перебраться на Иль-де-Грэ и захватить замок, расположенный на острове, до наступления нового года. Дальше он собирался действовать по обстоятельствам: либо лично возглавить рейд по портам аль-Хиджаза, либо, ограничившись лишь возвращением захваченных турками морских крепостей, оставить там гарнизоны и вернуться в Керак. Все зависело от того, какими окажутся первые шаги предприятия, будет ли удача с самого начала сопутствовать христианам. Надлежало как можно дольше соблюдать секретность, дабы не позволить врагу ничего пронюхать заранее. Большинству подданных, тем, кому до поры до времени не полагалось знать, чем занимаются чужаки, было запрещено посещать их лагерь, стоявший на довольно большом удалении от замка.

Запрет не мог, конечно, не подогревать любопытства и не возбуждать самых разнообразных слухов. Так или иначе, но, несмотря на все старания, мусульмане что-то пронюхали, и вот с импровизированной судостроительной верфи пришла весть — пойманы шпионы племянника султана, Фарухшаха.

Разведчиков оказалось пятеро, но не таковы были морские бродяги, чтобы позволить кому-то скрытно подобраться к ним и наблюдать за их действиями, — сами разбойники, дикие звери по сути своей, они нюхом учуяли опасность. Они незаметно окружили соглядатаев, так, что те даже сообразить не успели, как на них со всех сторон набросились и, прижав к земле, скрутили, а потом поволокли в лагерь и принялись задавать вопросы. Викинги допрашивали шпионов жестко, и к моменту прибытия князя, в живых их осталось всего двое, фактически один, так как другой умирал.

— Что ж не дождались меня? — недовольно спросил Ренольд. — Не умеете допытаться правды, так не беритесь.

Раздражение сеньора понять нетрудно, ведь он привез с собой специалиста, персонального брадобрея и по совместительству важного государственного человека — палача, Рогара Трехпалого.

Джакомо развел руками и сказал:

— Прости, государь, недоглядели. Одного сразу задавили — Берси Магнуссон упал на него, чтобы не убежал, когда мы их хватали. Тот затих, думали затаился, прикидывается, мол, ждет момента, чтобы деру дать, а потом, смотрим, а он мертвый. Ничего ему не делали, вот тебе крест, господин, — преданно глядя на Ренольда, уверял Корабельщик, точно держал ответ за какое-нибудь страшное прегрешение, например за вред, нанесенный собаке сеньора, а не за смерть какого-то сарацина. — Дохлый оказался, слабый, не выдержал веса нашего Медвежонка. Викинги прозвали парня так потому, что те, кто плавал с ним, помнят его еще совсем малышом. Ему и теперь нет даже двадцати. Поговаривают, старый вояка ярл Магнус согрешил с великаншей, а она взяла и подложила на порог его дома плод их страсти. Верно, так все и было, иначе зачем же понадобилось столь знатному мужу сажать себе на колени подкидыша? Да уж, наш Берси и правда крупноват, один может нести бревно, которое даже викинги поднимают вчетвером⁵³.

Поговорить Джакомо любил, и потому, чтобы узнать обстоятельства дела, князю пришлось пригрозить Корабельщику приватной беседой с Рогаром Трехпалым. Тем не менее, как клятвенно уверял англичанин, на все вообще была воля Господня, поскольку Бог так ослабил шпионов, что ни один не смог выдержать колодок. Что такое колодки в понимании Джакомо, Ренольд уразумел, благодаря разъяснению своего братора.

— Они переборщили,— посетовал он, указывая на умиравшего сарацина.— Раздавили ему все хозяйство. Теперь с тем, который остался, придется обращаться аккуратно, как с девственницей в первую брачную ночь.

— Чего уж особенно возиться с ним? — пробурчал Корабельщик.— Они вроде все сказали. Кто послал и зачем, признались, так чего еще нужно?

— Возможно, в замке есть кто-то, кто помогает им,— нехотя проговорил князь.— Я до сих пор не пойму, как удалось Саладину с войском обойти нас? Почему он направился через Синай к Акабе? Кто-то предупредил его, что мы ждем его в другом месте, ведь так? Но каким образом? Ведь никто из нашего войска не покидал лагеря!

Джакомо насупился и, почесав бороду, сказал:

— Тогда дело другое. Выходит, они нам не все сказали; им велели не просто разведать, как лучше напасть на замок, а выведать, что мы тут строим и к чему готовимся. Тогда, князь, прости меня. Оплошка вышла, погорячились мы с пленными.

— Ничего.— Ренольд повернулся и посмотрел на братора: — Старый добрый Рогар дознается правды у сарацина.

— Истинно так, государь.— Трехпалый закивал и расплылся в улыбке.— Если только неверный пес не проглотит свой язык, он все расскажет нам.

При всем этом разговоре присутствовали сопровождавшие князя рыцари и сержанты, среди свиты находился и Жослен, и оруженосец Караколь, и, конечно, Ивенс, более всех переживавший из-за того, что его подопечные сделали что-то не так. Викинги также собрались, полукругом вступив Джакомо, их лидера еще со времен первой встречи с новым господином. Среди северян особенно выделялся один, Ренольд приметил его еще тогда весной в Акре. Огромный детина с пегой гривой и темно-русыми, отроду нечесанными волосами, он даже на фоне Ивенса и своих товарищей казался гигантом.

«Если такой упадет на другого человека, то, чего доброго, придавит», — подумал Ренольд и спросил:

— Ты, верно, и есть Берси Медвежонок?

— Да... — мотнув гривой, ответил парень.

— Здоров жеребец. Такому не всякая кобыла согдится. Иная небось не пронесет его и полмили?

Все ждали гнева сеньора и очень обрадовались, почувствовав в нем желание пошутить. Собравшиеся засмеялись; за полгода, проведенные среди франков, практически все викинги освоились тут и прекрасно понимали разговорную речь. Но право говорить от имени дружины принадлежало одному Джакомо.

— Жаль разочаровывать тебя, государь, — проговорил он со вздохом, — но ты ошибаешься. Одна мелкая арабская кобылка из тех, которых ты послал нам, дабы добрые мастера не отвлекались и не тратили времени, чтобы варить кашу и заниматься прочими мелочами, прекрасно чувствует себя под седлом Берси. И представь, под утро частенько мы видим его запыхавшимся, точно не он ее, а она прищпоривает его всю ночь. Наш друг даже похудел от такого галопа. Вот так-то вот, господин наш, а ведь и ростом и весом она чуть не вдвое меньше его! Нет, что касается женщин, то они у язычников будут покрепче мужиков!

— Придется перевести его в пехоту, — с улыбкой произнес Ренольд, и все, поняв — пронесло, принялись веселиться от души. Все, кроме Берси, который воспринял сказанное князем за чистую монету.

— Не делай этого, государь! — воскликнул он с волнением. — Прости меня за то, что придавил того сарацина. Я так и слышал, как в нем что-то сломалось, — уж очень неудачно он упал!

— А подружка твоя, чаю я, всякий раз падает удачно? — поинтересовался Ренольд, чем вызвал смущение здоровяка, которое только подогрело веселье его товарищей и свитских князя — те потешались ничуть не меньше.

— Молю тебя, государь, не отбирай у меня Лэйлу! Нет мне никого на свете милее, чем она. Я готов умереть за нее!

— Вот как? — проговорил сеньор с неопределенной интонацией и, увидев, как, ожидая непоправимого, напрягся Берси, улыбнулся. — Ладно! Дарю ее тебе насовсем. Коли мила она тебе, гуляйте свадьбу. — Он сорвал с пояса увесистый кошель и бросил викингу. — Вот вам с молодой на обзаведение от меня. Вина и

закуски пришлю на всю ватагу. Погуляете и в дорогу.

Медвежонок поймал кошелек и, растолкав товарищей, точно медведь сквозь бурелом, прорвался к Ренольду. Упав на колени, парень принялся целовать руки князя и благодарить его. Потом вскочил и, пробормотав что-то вроде: «Погоди! Пстой!», помчался обратно, причем вновь растолкал взвеселившихся викингов, разбросав их, точно свирепый шторм рыбацьи лодчонки.

— Когда в дорогу-то, князь? Может, повременим чуток? Гляди, и шестой корабль еще не достроили? — без тени улыбки напомнил Джакомо, продемонстрировав лишний раз всю серьезность, с которым относился к делу. — Совсем немного осталось.

— Некогда, Корабельщик. Может статься, в следующий раз шпионов похитрее да поопытнее пришлют... Играйте свадьбу и в поход!

Джакомо явно хотел возразить, он даже уже открыл рот, но тут ряды викингов заколебались — ураган возвращался. Берси не знал обходных путей и обратно шел все той же дорогой. На сей раз никто не хотел становиться на его пути, все просто расступились, давая ему пройти.

— Вот, государы! — вскричал гигант, протягивая Ренольду... сокола в черном колпачке. — Ты отдал мне Лэйлу и одарил. Но не в чести у викингов принять подарок и не воздать дарителю. Как учили нас деды, каждый дар ждет ответного. Прежде не было у меня никого дороже Крысолова. Теперь отдам его тебе за твою безмерную щедрость. Дважды обязан я тебе — и волей и счастьем. Имел бы две жизни, отдал бы их обе за тебя, за род твой, за города твои и земли!

Сказав это, викинг прошептал соколу какие-то слова на датском языке и снял колпачок. Князь протянул руку и, когда птица, посмотрев сначала на хозяина, а потом на Ренольда, перешла на нее, спросил Магнусона:

— Откуда у тебя столь добрый терсель?⁵⁴ И почему ты называешь его Крысоловом? Разве он охотится на крыс?

— Еще невольником проклятых неверных сарацин, государь, — начал Берси, насупившись, — нашел я его по дороге в крепость только что вылупившимся птенцом. Кормил своей кровью, а когда удавалось, ловил крыс и давал ему их мясо. Он ел и рос у меня под

рубахой. Так что крысы были его первой добычей. Думал я отпустить его на волю, потому что сам уже и не чаял когда-нибудь ее увидеть. Но пришел в Кайру твой ярл Йоханс и выкупил нас с Крысоловом и товарищей наших. Тогда я начал учить моего ястреба охотиться. Теперь он лучший, какого ты только сможешь найти. Бери его, князь. Он поймает для тебя много дичи!

По дороге в замок все молчали, даже Караколь; он попробовал было побалагурить на тему предстоящей свадьбы косматого викинга, но никто не поддержал его. Более того, Ренольд, лишний раз демонстрируя, что ему не до шуток, как бывало, ускакал вперед один. Если он поступал так, то все знали, его лучше не трогать. Несмотря на это, Жослен, которому ввиду отсутствия настоящего сокольничего доверили подарок Берси Магнуссона, нарушил правило и после непродолжительных колебаний последовал за сеньором.

— Простите, мессир! — нагнав его, воскликнул Храмовник. — Я много думал над тем, кто же... предатель. И теперь у меня почти не осталось сомнений, весть Саладину послал Раурт!

Ренольд резко обернулся к молодому рыцарю и, покачав головой, сказал:

— Это очень серьезное обвинение, шевалье.

Князь знал, что его бывший оруженосец, товарищ по заключению в донжоне Алеппо, мальчишка, выросший на глазах во взрослого воина, возненавидел нового вассала господина с первого дня, когда Вестоносец впервые появился в лагере латинян и бедуинов неподалеку от Таймы. Раурт и двое туркопулов из Керака прискакали вскоре после того, как солдаты Ренольда и кочевники Дауда разграбили караван.

Рыцарь приехал наниматься в дружину к господину Горной Аравии, как раз когда в земли князя вторглись орды Тураншаха. Поскольку он принес тревожную весть, то никому не показалось удивительным, что баронесса Этьения послала его с несколькими всадниками передать мужу, что пора возвращаться. Так и получилось, что Раурт, еще даже и не начав свою службу Ренольду, уже оказал своему господину важную услугу. Видимо, внимание князя, оказываемое пришельцу, будило в Жослене ревность, заставляя видеть в Вестоносце врага.

Храмовник не раз пытался заговорить с Ренольдом о давно уже возникших подозрениях, но тот неизменно останавливал рыцаря. Сегодня Жослен горел решимостью высказать собственное мнение, хотя бы и рискуя навлечь на себя немилость сеньора.

— Я готов бросить ему вызов, мессир! Пусть Господь рассудит нас. Правый одержит верх в честном поединке!

— Но какие у тебя основания думать, что Раурт — предатель?

— Множество, государь! — настаивал Храмовник. — Зачем, например, он держит голубей?

— Голуби в замке есть не только у него, — возразил князь, пожимая плечами. Он не стал уходить от прямого разговора, но явно намеревался высмеять молодого вассала. — Многие держат таких птиц, кто для лакомства, кто для забавы. Нигде в Писании не сказано, что христианину грешно иметь голубей... или соколов, или каких-нибудь других животных и птиц. Даже Ной взял в свой ковчег разных тварей. И заметьте при этом, шевалье, — Господь не запретил ему брать голубей, а, напротив, настоятельно советовал ни в коем случае таковых не забыть в спешке.

— Да? Да, государь? — Ренольд попал в центр мишени, он выбрал самый подходящий тон для общения с Жосленом. Тот, образно говоря, приготовился к драке, а его лишь вышучивал тот, кому он не мог бросить вызов. — Вы так думаете?! Но почему никто другой не брал с собой этих чертовых голубей в лагерь у Петры, где вы с его величеством ждали Саладина? Я еще понимаю, когда рыцарь не может расстаться с соколом, но у этого Раурта из Тарса и сокола-то никакого нет!

— Так ведь и у тебя нет, — как бы между прочим заметил князь. Ему нравилось злить Храмовника, чья горячность развеивала угрюмое настроение, немедленно овладевавшее Ренольдом, когда он начинал думать о предателе.

— Но у меня нет и голубей! *Таких* голубей! И ни у кого ни в Керাকে, ни в Монреале нет их!

— Каких?

— Таких, государь! Это почтовые голуби!

Жослен чем-то напоминал сеньору друга далеких, давно, казалось, забытых времен — молочного брата, товарища детских игр, сделавшегося оруженосцем, а спустя многие годы рыцарем и дослужившегося до

звания маршала Антиохии. Ангеррана также в свое время одолевали мысли о шпионах, которые денно и ночью только и думали о том, как бы учинить какую-нибудь каверзу христианам и особенно его господину. От Ангеррана мысли Ренольда сами собой переключались к голубям, так не дававшим покоя юному спутнику, от голубей к Ангеррану, вернее, к Антиохии и первым своим незабываемым дням, проведенным на Востоке.

Незабываемые дни? Или годы? И то и другое. При чем определение «незабываемые» в подобных случаях как раз вернее всего говорит о том, сколь многое из случившегося тогда забылось, вернее, оказалось как бы спрятанным в дальний угол мозга, оттеснено и затенено другими, куда более приятными или, напротив, неприятными воспоминаниями.

«Голуби. Голуби? Голуби!» — В сознании князя одна за другой сменялись картины. Корчма. Драка с грифонами. Отобранный у хозяина постоянного двора мех. Найденная в нем пластинка с загадочными письменами и рисунком — словно два серпа, вписанных в овал один напротив другого. Король Бальдуэн, дядя нынешнего монарха, сказал, что это не серпы, а арабские девятки — знак...

Перед мысленным взором сеньора Петры предстала серебряная вещица, которую извлек из кошелька Идеальный король. «Что это, сир?» — спросил тогда еще простой рыцарь, молодой безземельный башелёр из Европы Ренольд де Шатийон. Однако в тот день он, выздоравливавший после ранения, мог позволить себе не только сидеть, но даже и лежать в присутствии Иерусалимского короля. «Эту штуковину здешняя городская стража обнаружила на стене после той схватки с заговорщиками, в которой вы так отличились. Этот предмет, наверное, обронил в пылу сражения кто-то из вожаков, — проговорил тогда Бальдуэн. — Она называется «саратан» и является знаком четвертого месяца в календаре, которым пользуются некоторые из язычников. Еще, как говорят их маги, рисунок этот символизирует посланца».

Повелитель Горной Аравии вдруг очень внимательно посмотрел в покрасневшее от гнева и обиды лицо Жослена.

«Посланца? Гонца? Того, кто приносит вести? Вестноносца? — подумал Ренольд. — А ведь Ангерран видел у корчмаря голубей, подобных тем, о которых говорит этот мальчишка! Мальчишка? Да и сыновья трактир-

щика были тогда мальчишками... Нет, не может быть! Но кого, черт его дери, мне напоминает этот Раурт? Нет! Он — рыцарь, хотя и похож на грифона... Да тот никогда не рискнул бы сунуться ко мне! Нет! Все вздор! Полнейший вздор!»

— Все вздор, шевалье! — повторил князь вслух. — Полнейший вздор.

— Нет не вздор! — воскликнул Жослен, выходя в своем поведении за рамки, допустимые в общении со старшим. — Не вздор! Вспомните, как он прискакал в наш лагерь под Таймой и сказал, что неверные опустошают окрестности Керака!

Трудно сказать, почему, возможно из-за того, что молодой рыцарь напоминал ему людей из далекого прошлого, но Ренольд не спешил ставить вассала на место.

— А разве Раурт сказал неправду?

— Нет, мессир!

— Вот как? Получается, дама Этьения заодно с ним, ведь это она послала его к нам с этой вестью?

Жослен так энергично замотал головой, что даже сокол у него на руке забеспокоился. Он и так, казалось, внимательно прислушивался из-под своего черного колпачка к разговорам людей, точно беспокоясь, что новый хозяин обсуждает его судьбу.

— Нет же! Нет, государь! Сеньора Этьения, конечно, не вспомнит теперь, но я уверен, ту весть, с которой она послала к нам Раурта, он сам и сообщил ей.

— Ничего удивительного тут нет, шевалье. Рыцарь встретил крестьян, они сказали ему о нашествии нехристей, а он поспешил в замок. Обычная история.

— Тогда почему язычники отступили раньше нашего появления? Ведь за то время, которое понадобилось Раурту, чтобы достигнуть нашего лагеря, и нам, чтобы покрыть сто лье, отделявшие нас от ваших земель, язычники могли разорить все окрестности Керака, а между тем они не тронули даже посевов. Да и вообще, турок у крепости никто не видел! А почему? Да потому, что они не пошли дальше границы. У Фарухшаха просто не было людей, чтобы осуществить глубокий рейд в ваши земли!

— Зачем же Раурту понадобилось врать? — начал Ренольд и нахмурился — впервые он подумал о том, что Жослен не так уж не прав, и его ненависть к Вестоносцу не есть обычная ревность, свойственная многим молодым людям, любящим своих господ.

Храмовник уловил перемены в настроении господина.

— Вспомните, мессир,— проговорил он, стараясь, чтобы слова его звучали как можно убедительнее.— Вспомните о ваших планах. После того как Господь помог нам проучить неверных, вы хотели идти на Медину. Бедуины не осмелились протестовать, но многим, я видел, это не понравилось. Кто-то из них предупредил Фарухшаха или самого Саладина, и они отправили сюда этого рыцаря. Почему именно его, я не знаю. Может быть, шпионов несколько, и Раурт — один из них. Возможно, у них есть какой-нибудь главный соглядатай. Я специально наблюдал за этим... этим человеком. И вот что я вам скажу, он хорошо знает местность к югу от Монреаля, это я выяснил из наших разговоров, а вот когда мы ездили в Иерусалим северной дорогой, она, как я понял, была Раурту незнакома, что просто невозможно, если бы он тогда приехал в Керак по ней!

Князь задумался, и Жослен, видя, что слова его безусловно произвели какое-то впечатление на сюзерена, умолк.

— Ты хочешь сказать,— произнес Ренольд спустя какое-то время,— что никакого вторжения неверных тогда не было и в помине?

Рыцарь кивнул, а сеньор продолжал:

— Саладин просто провел меня? Один человек выполнил работу целого войска?

— Не совсем так, мессир,— покачал головой Храмовник.— Фарухшах не мог собрать настоящую армию, но сколько-то воинов он отправил. Они опустошили окраинные селения, но к самому Керaku идти, конечно же, не решились.

Ренольд только хмыкнул и пришпорил коня. На сей раз Жослен не рискнул последовать за господином, но тот скоро устал от одиночества и, неожиданно развернувшись, подъехал к свите. Рыцари и сержанты натянули поводья.

— Ну что, друзья мои? — спросил их князь.— Может, испытаем сокола? Таков ли он, как уверял хозяин и воспитатель?

— Птичка невелика, государь,— Караколь, утомившийся от вынужденного молчания, первым подал голос.— Хотя, если она, несмотря ни на что, столь же сильна, как благодетельствованный вами варвар, мы могли бы поохотиться на верблюдов. Она принесет вам

одного или двух в клюве. Для прочей дичи дар этот вряд ли представляет опасность. Но с другой стороны, если сокол столь же прыток, как его прежний хозяин, то переловит даже пауков. Если, конечно, их не перебил славный и храбрый шевалье Жослен, всеми признанная гроза этих тварей.

— Охотиться с птицей, которая едва видела вас? — удивился один из рыцарей. — Да еще без сокольника? Едва ли стоит тратить время, государь. Ведь мы уже приехали.

К этому высказыванию присоединился и Ивенс, опасавшийся, что птица с непривычки поведет себя не так, как следует, и князь из-за этого опять рассердится на викингов. Между тем никто из них не знал, отчего вдруг в полумиле от замка, стены которого мрачной громадой возвышались на вершине горы, хозяину вздумалось скакать обратно. Князю же просто не хотелось возвращаться домой, ведь первое, что пришлось бы сделать ему там, бросить в застенок понравившегося рыцаря.

— Охота — великое дело, мессир! — воскликнул Жослен. — Испытайте сокола сейчас же! Я уверен, этот здоровяк славно выучил своего питомца! Берегитесь, лисы земли Моавской! Трепещите, лопухие фанаки!

Клич Храмовника воодушевил свиту Ренольда, рыцари и сержаны, забыв обо всем, поскакали в излюбленное место охоты на песчаных лис. Однако охота не задалась; они нашли нору и принялись выкуривать оттуда зверя, но лиса, едва выскочив, забежала за холм и там исчезла, словно провалилась сквозь землю. Зоркий ястреб Берси Магнуссона не нашел фанака, чем вызвал насмешки многих охотников, особенно, конечно, Каракоя.

— Наверное, мы напрасно решили потревожить лопухого, — сказал он с притворным огорчением. — Птичка, вскормленная кровью крыс, предпочитает обедать только этими благородными животными. Не прикажете ли лучше затравить тушканчика, государь?

Ренольд ничего не ответил, а лишь жестом показал фальконьеру, чтобы тот надел на голову птицы колпачок. Многие поняли — раздражение возвращается к князю, и мысленно вознесли молитвы Всевышнему, прося Его послать им удачу, чтобы хоть чем-нибудь отвлечь их государя от мрачных раздумий.

Господь услышал рабов своих.

— Смотрите, что это?! — воскликнул один из рыцарей.

— Где?! — закричали другие. — Что?!

— Вон там мелькнуло!

— Это не фанак!

Жослен, которому по-прежнему приходилось исполнять роль сокольничего, не спешил отпускать птицу — как бы она не подвела вторично. Вся свита сеньора устремилась туда, куда указывал рыцарь, первым заметивший неведомого зверя. Он не прятался, а бежал от преследовавших его конников по прямой, что вполне свойственно зайцу, но как никогда не поступает лиса. Впрочем, животное не было ни зайцем ни лисой.

Кого-то осенила невероятная догадка:

— Кот! Ну и жирна же тварь!

— Котяра! — подхватили еще несколько голосов. — Смотрите, как ожохла!

— Отличный воротник выйдет! — закричал Караколь. — Будет с чем пойти на свадьбу к Берси и Лэйле! Кстати, государь, а не следует ли послать прежде к молодоженам попа? Чаю я, не худо бы крестить невесту, да и жениха заодно не помешало бы!

Не останавливаемый сеньором оруженосец разошелся до того, что осмелился на опасную шалость. Поскольку никто не отдавал приказа оставить в покое огромного грязно-рыжего кота, обратившегося в бегство при виде превосходящих сил противника, скачка продолжалась. Караколь, оказавшись в какой-то момент между князем и Храмовником, протянул руку и с ловкостью, достойной наездника-виртуоза, сорвал с головы птицы колпачок; Жослен от неожиданности слишком сильно дернулся и закричал на оруженосца сеньора.

Едва ли сокол хорошо понимал французский и мог по достоинству оценить залп ругательств, которыми разразился новоявленный фальконьер, однако тон его, по всей вероятности, воспринял на свой счет. Птица взмахнула крыльями и, прежде, чем Жослен успел что-либо предпринять, взмыла в небо. При этом Крысолов даже и не взглянул в сторону кота, а, развернувшись, полетел куда-то в совершенно другом направлении.

Ренольд отпустил поводья, конь, почувствовав желание всадника, стал сбавлять ход и скоро остановился. Часть рыцарей и сержанов, скакавших впереди, продолжала преследование, но другие, среди которых оказался также и Караколь, повернули лошадей и подъехали к господину.

— Птичка полетела к родимому гнезду, — сочувственно вздыхая, проговорил оруженосец ни к кому особенно не обращаясь и, приложив ладони козырьком ко лбу, посмотрел вдаль. — Похоже, это у викингов и называется достойным отдарком? Раз — и нету! Если они так же станут воевать с язычниками, как их соколы атаковать фанакон, плакали денежки, потраченные на них Ивом де Гардари. Много же пользы принесут нашему государю доблестные северные воины, о храбрости которых мы столько слышали... в последнее время.

Жослену, сочувствовавшему косматому Берси, очень хотелось крикнуть: «Заткни пасть, холоп!», но рыцарь предпочел держать язык за зубами — и без того уже успел покричать! Напрасно он ратовал за охоту; по всей видимости, пока на них охотился только Крысолов, фанакон могли не опасаться за свою жизнь. К тому же Храмовник видел, что большинство свитских сеньора на стороне языкастого оруженосца, позволявшего себе порой довольно дерзкие выходки. Ренольд же молчал, поднявшись на пригорок, он думал о чем-то своем, поджидая возвращения загонщиков... кота.

Одни не желали, другие не осмеливались одернуть Караколя, и он, пользуясь всеобщим попустительством, продолжал:

— Чаю я, мессире, птичка полетела обратно в Вавилонию. Там, верно, и крысы вкуснее, и в плену у неверных всегда достаточно морских олухов вроде нашего новоиспеченного женишка. Надо бы нам прийти в гости и попробовать на вкус, какова невеста. Поди скушает? Немудрено! Если соколик, что попался красотке, такой же охотник до ее прелестей, как его ястребок до фанакон, то она обрадуется визиту французских петушков! — Караколь закатил глаза и, засунув кулаки себе подмышки, энергично задвигал руками, выпячивая глаза. — Куд-кудах! Куд-кудах! Где курочка? Вот идут петушки!

Рыцари смеялись, князь же участия в веселье не принимал. Жослен также. Отъехав в сторонку, он от нечего делать начал смотреть вдаль, на дымку, поднимающуюся с поверхности Мертвого моря. Солнце уже давно перевалило за полдень и потихоньку двигалось на запад. Храмовник поднял глаза повыше и заметил приближавшуюся точку. Она быстро росла и вот... Сердце его радостно забило — Крысолов возвращался.

Скоро все увидели птицу, державшую что-то белое в своих когтистых лапах. Как ни в чем не бывало,

ястреб совершил над головами рыцарей круг, потом другой, а затем сев на землю поблизости от коня князя, положил добычу, клюнул ее для порядка и отошел.

— Ило-ило-йо! — позвал новоиспеченный сокольник. — Иди ко мне, молодец!

Птица взлетела и уселась на протянутую руку рыцаря.

Тем временем один из сержанов посмотрел на принесенную соколом добычу и в удивлении воскликнул: — Голубь?! Ого! Да у него что-то есть на лапке!

Впрочем, и другие всадники заметили это и принялись кричать:

— Смотрите, государь! Какой-то мешочек!

«Неужели Господь услышал мои молитвы?! — подумал Жослен, единственный из всех сразу догадавшийся о том, какую добычу принес Крысолов. — Благодарю тебя, Боже!»

В следующее мгновение понял и князь.

— Срежь и подай мне, — приказал он сержану, который первым заметил мешочек. — А ты, Караколь, — продолжал он, даже не глядя в сторону оруженосца, — подними колпачок и поди-ка поймай моему лучшему соколу крысу...

— Но, государь...

— Нет, конечно, нет, приятель, — словно сменяя гнев на милость, проговорил Ренольд и добавил, принимая из рук сержана мешочек: — Крысу, Караколь, ты оставишь себе. А соколу отдашь свой ужин. И не спорь понапрасну. — Он развернул маленький сложенный в несколько раз листочек очень тонкого и, конечно, очень дорогого пергамента. — Идите-ка сюда, шевалье Жослен. Извините, что отвлекаю вас от обязанностей фальконьера, но я сроду не умел разбирать эту тарабарщину.

Приняв от сеньора пергамент, рыцарь наморщил лоб и засопел, пытаясь прочитать крохотные завитушки арабской вязи.

— Тут сказано о ваших планах, мессир. Я не все сразу могу понять... И еще тот, кто писал, просит того, кому пишет, позаботиться о своей семье, которая живет в Антиохии... Следующее письмо он отправит, когда войско выступит... Остальное я...

— Хватит и этого, — сказал князь. — В Антиохии? Ну что ж, мы позаботимся... обо всем позаботимся... Давай мне письмо.

— Сам Господь вразумил тирсея, государь! — воскликнул переводчик.

— Не иначе,— хмыкнул князь и добавил негромко: — Охотнички скачут... Черт бы их побрал.

Не успел Храмовник передать сеньору послание шпиона, как раздался топот копыт, лошадиное ржание и вполне соответствующий ему рыцарский смех — возвращалась погоня. Впереди всех, держа в руке огромного рыжего кота, скакал Ивенс.

— Охота удалась хоть отчасти, государь! — крикнул он, подъезжая.

— Ты поймал его? — не скрывал удивления Ренольд.

— Нет,— покачал головой ватранг. — Поль Ушастый. Но я собираюсь выкупить у него этого важного пленника. Разве не жаль делать из такой твари воротник?

— Да... — кивая головой, протянул князь. — Охота и правда удалась.

VIII

Агнессе де Куртенэ нравился пожалованный сыном удел, но более всего радовало ее, что вотчина одного из тех, кого она ненавидела пуще язычников, старого коннетабля Онфруа, принадлежала теперь ей, Графине. Пожалуй, ничто не свидетельствовало так о силе матери короля, ничто в большей степени не символизировало ее победу над баронами земли, как пожалование ей Бальдуэном Торона. Другим важным замком покойного пэра Утремера, Хунином, также владели теперь Куртенэ. Сенешаль Иерусалима сгребал под себя земельные и денежные фьефы. Проявляя недюжинный талант стяжателя, он ухитрялся приобретать собственность, почти не тратя на это средств. Некоторые злые языки уже начинали поговаривать, что в королевстве появилась еще одна сеньория, сеньория графа Жослена⁵⁵.

Все, в том числе и быстрое обогащение братца, шло на пользу Графине и созданной ею партии, даже помолвка, организованная королем,— одна из бесплодных его попыток помирить между собой непримиримых врагов. Добавим, одна из тщетных, последних попыток. Двадцатидвухлетний Бальдуэн ле Мезль умирал, единственный гарант хрупкой стабильности уже превратился в живой труп. Отпраздновав Рождество в Тире, молодой монарх отправился в Назарет, где в первый же месяц нового, тысяча сто восемьдесят третьего года подхватил лихорадку. Кризис миновал, но болезнь обо-

стрила проказу, которая, точно пробудившись ото сна, с новой, утроенной силой принялась уничтожать несчастного короля.

Он едва мог пошевелить конечностями, практически совсем лишился чрезвычайно острого, почти орлиного зрения, еще так недавно в битве при Монжисаре позволившего Бальдуэну единственному из всех латинян сразу разглядеть в «святом Георгии» сеньора Керака. В конце зимы правитель Иерусалима не мог даже поставить своей подписи на документах, однако, как и полагалось истинному христианину, продолжал нести мученический крест, изо всех сил пытаясь оставаться верным королевскому долгу, выполнять монаршую работу.

С началом восьмидесятых, предчувствуя скорый конец, Бальдуэн становился все несговорчивее. Он упорно не желал позволять ни одной из партий взять верх над другой, стремясь не принимать решений, усиливших позиции либо Куртенэ за счет Раймунда Триполийского и Ибелинов, либо дававших пулемам ощутимое преимущество над матерью и ее сторонниками. Иногда это удавалось, но с таким трудом, что, одержав маленькую, подчас крохотную победу на поле дипломатии в своем собственном государстве, король чувствовал себя так, будто выиграл баталию вроде монжисарской.

Но, увы, отнюдь не радость и гордость приносили Бальдуэну собственные свершения, а лишь скорбь и усталость. Добытое с таким непосильным для его наполовину съеденного болезнью организма трудом обращалось в прах уже на следующий день.

Граф Триполи и Ибелины не скрывали обид: королю не дороги собственные бароны? Сюзерен не нуждается более в советах верных вассалов? За что же такая немилость? Разве они делом не доказали ему преданности? Разве не готовы умереть за него? Господь все видит! Он рассудит! Откроет очи доброму правителю на козни недоброжелателей! «Кто? Кто?! — случалось, кричал король, теряя остатки терпения. — О чем вы говорите, мессеры?! Неужели вы всерьез считаете *мою* мать и дядю *моими* недоброжелателями?! Побойтесь же Господа, чье имя упоминаете! Устрашитесь гнева Иисуса Христа, на которого уповаете!»

Находя монарха своего доведенным до крайности, бароны отступали, но долго еще дулись точно мыши на крупу. Между тем и Куртенэ не отставали: ваше вели-

чество, если женщина, которая родила вас, не нужна вам более, прогоните ее прочь! Не велите ей даже переступить порога *ваших* покоев! Изгоните из *вашего* дворца! Из *вашего* королевства! Зачем вы проявили милость к самым близким вам людям? Чего ради пожаловали богатые уделы? Отберите все это, отдайте тем, кто ближе вам, чей совет любезнее *вашему* слуху! Пусть они останутся с вами... до черных дней, когда отвернутся от вас, забыв все *ваши* благодеяния, оказанные им! Тогда, если по воле Божьей не будет еще поздно, призовите к себе тех, кого ныне отталкиваете от себя с презрением! Господь видит правду! Лучше с сумой в рубище бродить по земле, питаться подаяннем, чем жить в богатстве и видеть возле вас недостойных советников, предателей и слуг антихриста!

Вовсю усердствовал и новый патриарх, едва ли не в каждое острое мгновение готовый со всей решимостью бросить под ноги королю святительский посох и омофор, навеки удалиться в монастырь, дабы, сделавшись простым монахом, предать всего себя единственно молитвам о спасении души государя.

«Да что ж такое-то, матушка?! Дядя?! Ваше святешество?! — с трудом шевеля изъеденными проказой губами, стонал Бальдуэн. — Как же можно называть антихристом слуг Христа? Разве мало сил на борьбу с язычниками положили граф Раймунд, братья Ибелины и прочие бароны Святой Земли?! Побойтесь же Бога! Великий грех совершаете! Молить будете Его о прощении — не простит! Не отмолите вовек! Никто не отмолит!»

Теперь матери подпевала еще и сестра, она, как и полагалось хорошей жене, старалась во всем блюсти интересы мужа. Чем сильнее Сибилла пыталась убедить брата в наличии у ее прекрасного витязя каких-либо иных достоинств, кроме так милых ей качеств пылкого любовника, нежного супруга и замечательного поэта, тем сильнее Бальдуэн уверялся в никчемности Гвидо Лузиньянского. Однако, заболев, король не нашел иного выхода, кроме как вверить королевство в руки потомка Мелюзины. По сути дела, передача власти являла собой нечто большее, чем обычное регентство, малыш Гюи получал под свой контроль все королевство, Бальдуэн же оставлял за собой только Иерусалим с годовым содержанием в десять тысяч безантов.

Агнесса ликовала: управлять дочерью и зятем не составляло большого труда — новоиспеченный бальи

неизменно оказывался весьма восприимчивым к советам тещи и старшего брата, коннетабля Аморика. Господь вновь услышал ее молитвы и даровал еще одну победу правому — вновь помог нанести ощутимое поражение Раймунду и его клике. И это после того, как в начале прошлого года Бог оставил Графиню, позволив Ибелинам отвесить ей звонкую пощечину.

Правда, как часто случается, в начале ситуация казалась прямо противоположной.

Минувшей зимой граф Раумунд собрал дружину, но не для войны с язычниками, с которыми христиане в ту пору уже повоевали немало, а для того только, чтобы поехать во вторую свою вотчину, княжество Галилейское. Ближайшая дорога в Тивериаду лежала через земли Графини и ее брата. Не желая испрашивать формального пропуска у главного врага, Раймунд проследовал во владения друга и соратника Ренольда Сидонского, после чего оказался на территории, принадлежавшей собственно королю.

Бальдуэн ле Мезль, не получив соответствующего уведомления, очень рассердился и послал отряд с приказом перехватить вассала. Из-за самоволия отдельных рыцарей графа произошла коротенькая стычка. Он немедленно прекратил ее, виновных наказал, но правитель Иерусалима продолжал чувствовать себя оскорбленным и велел графу немедленно явиться с объяснениями. Агнесса и ее брат опередили Раймунда, но поддержка баронов склонила чашу весов в пользу правителя Заморского Лангедока. Уговорили! И король поверил, хотя не раз доносили ему о крамольных разговорах графа — снится ночью, ох снится, и при свете дня грезится потомку тулузского бастарда трон Иерусалимский!

Что ж, если король не поверил верным свидетельствам измены Раймунда, придется ложью добиться того, чего не смогла достичь правда.

Графиня по обыкновению принимала посланника в собственной спальне, так уж повелось искони у нее. Сколько спален осталось позади после детской в графском дворце, в далекой, навсегда потерянной, отобранной у батюшки неверными Эдессы? Там родились и провели нежные годы королева Мелисанда, княгиня Алис и графиня Одьерн.

Там в свой черед появилась на свет и Агнесса де Куртенэ, оттуда ее, одиннадцатилетнюю девчонку, вме-

сте с десятилетним братом мать, спасаясь от язычников, увезла в Тель-Башир, дедову вотчину. Потом была Антиохия, потом свадьба с бароном Мараша, скорое вдовство, а дальше... Иерусалим, Яффа, Рамла, снова Иерусалим, Акра и множество городов и городков Утремера между ними, и везде были спальни, где она принимала множество самых разных мужчин. Теперь здесь, в Тороне, в пожалованном сыном богатом уделе, после многих побед над баронами земли наступал, казалось, ее черед подумать о приближавшейся старости. Тем более что дворянин, явившийся к Графине с секретной миссией, точно годился хозяйке Торона в сыновья, ибо родился в один год с королем. Ей между тем скоро исполнялось пятьдесят.

Посланец из Заиорданья оказался в покоях Агнессы уже во второй раз. Около месяца назад он привез письмо от своего сеньора.

Прочитав то, что сообщал ей сир Ренольд, Графиня не могла сдержать нетерпения. Внутри вспыхнул огонь, который едва мог скрыть толстый слой белил, покрывавший полные щеки. Глаза женщины засверкали. «Поезжайте немедленно, шевалье Жослен! — воскликнула она. — Привезите сюда эту су... эту даму и ее отпрысков! Я щедро вознагражу вас!» — «О нет! — ответил молодой человек. — Мне не нужно наград. Я служу своему господину, верному вассалу его величества короля Бальдуэна! Для меня нет и не может быть большей радости, чем помочь нашему великому христианскому государю узреть истину. Заслонить его величество от смертоносного жала стрелы, выпущенной из лука злого умысла недостойных слуг его!»

Теперь Жослен вновь вернулся сюда, где с таким нетерпением ждала весточки Графиня. Зная это, он оставил товарищей, сопровождавших важную пленницу, еще, впрочем, не подозревавшую о подлинном положении вещей, и со всей возможной быстротой поскакал в Торон. Молодой человек ни за что не захотел бы признаться себе в том, что, загоняя коней, летел из Антиохии в Галилею для того только, чтобы принести матери короля благую весть. Нет, чаяний своей души, столь же глубоко греховных, сколь же и сокровенных, он не открыл бы не то что на исповеди священнику, но и под пыткой палачу, даже такому искусному, как брадобрей Рогар.

На протяжении всего пути в Антиохию, город своего детства, Жослен ни разу толком не подумал о торжест-

венности момента, что и понятно, ведь ему предстояло не свидание с друзьями и близкими, не приятная прогулка по памятным местам, а сложная задача. Только вот отчего, несмотря на сугубую важность поручения, из головы рыцаря не шли слова дамы Агнессы, ставшие ответом на его лихую тираду относительно *смертоносной стрелы и лука злого умысла*. «О, да вы не только воин, верный слуга своего государя, но и, судя по всему, прекрасный поэт. Надеюсь, по вашему возвращении у меня будет шанс послушать ваши сочинения?» Ах какие глаза были при этом у Графини! Какие глаза! А какой голос!

Рифмы и прекрасные образы переполняли его сердце и разум. Сколько поэм сочинил он, сколько песен спел ей? Как досадовал на себя, что не воспользовался возможностью и не научился играть на лютне или фиддле?⁵⁶ А ведь мог! Жил в Тортосе один музыкант, сарацин-невольник; благодаря ему и постиг юный Жослен сложную арабскую грамоту. Не то чтобы уж *очень* постиг, но... никогда и не думал, к каким неожиданным результатам приведет его ученость, никак не гадал, что вновь так неожиданно и скоро повернется судьба — в один день! В один день сокол, подаренный сеньору, явил ему по воле Божьей подтверждение правоты молодого вассала. Однако меньше всего думал тогда Храмовник, что на путях посольских застигнет его великое потрясение, обожжет душу любовный пламень.

Так на беду или на счастье пошла наука? А вот поди угадай! Что лучше, упасть в пропасть или подняться к вершинам? Иной счастливец восходит к славе, точно на гору взбирается. Стремится туда неустанно, а зачем? Чего для? Того лишь ради, чтобы, достигнув вершины, встретить там... смерть свою.

И туда и обратно ехал гонец впереди всех — как старший мог позволить себе, — да и то головой крутил, не услышал бы кто звучащей в сердце музыки?! А возвратясь в Торон с победой, почувствовал вдруг, что ни одна из поэм, сочиненных дорогой, не годится, и не потому, что плохи они, а потому, что... никогда не откроет он рта в присутствии этой дамы, не рискнет оскорбить ее слух... Да что там слух?! Даже в мыслях своих не имел он права прикоснуться к ней!

— Угощайтесь, мессир, — проговорила Агнесса, когда служанка-монахиня, накрыв на стол, удалилась. — Выпейте чего-нибудь и закусите. Передохните с дороги, пока вам приготовят ванну.

— Спасибо, государыня... Я весьма благодарен вам... Но я... я не стою ваших забот... К тому же я... я не устал. Совсем не устал и готов немедленно скакать туда, куда вы прикажете.

— Правда? — с улыбкой, особенно завораживающей в уютном полумраке спальни, поинтересовалась дама, и Жослен, не понимая ее тона, с горячностью воскликнул:

— Да! Только прикажите и я немедленно вскочу в седло, чтобы мчаться на край света!

— Я тронута, мессир,— проговорила она.— А могли ли я рассчитывать на такую же решительность с вашей стороны в том случае, если мой приказ или просьба не будут касаться посольских обязанностей? Что, если я попрошу вас о чем-нибудь другом?

— Все что угодно, государыня! Ваша просьба для меня — приказ!

Графиня вновь улыбнулась:

— Что ж, тогда выпейте и съешьте что-нибудь. Это приказ,— добавила она и рассмеялась.— Не будьте так скованны. Позвольте мне самой налить вам. Желаете вина?

— Да...

— Или может, ликера?

— Да...

— Ну вот и прекрасно.

Трудно сказать, вполне ли рыцарь разделял это утверждение; особенной страсти к вину он не испытывал, хотя при случае никогда не отказывался поднять кубок во здравие короля, сеньора и всего христианского воинства. Обычно выпитое пробуждало в Храмовнике веселость, и тогда он, без того не страдавший отсутствием храбрости, делался и вовсе безрассудным, готовым пуститься в самую рискованную авантюру, броситься в безнадежную атаку, в одиночку сражаться хоть с десятком противников.

Сейчас он испытывал такое ощущение, какое, вероятно, бывает у тех, кому при штурме вражеской крепости упадет на голову бревно или камень. Чтобы угодить хозяйке, он выпил и вина, и ликера, и еще какого-то вина, и снова ликера, приготовленного по особому рецепту травником-ромеем.

— Не-е... не люблю я грифонов,— признался Жослен, в конце концов почувствовав себя хоть одной ногой на привычной, не зыбкой почве — точно с палубы сошел после недельного плавания.— Они очень хит-

рые... Хотя ликер недурен... Еще? Нет... да... Конечно, почему бы нет, я привычен к вину... В походах, государыня... в походах...

— Позвольте тогда послужить вам, мессир.— Он ощутил на своем лице дыхание Агнессы, а потом крепкий жадный поцелуй, такой непохожий на те, которыми осыпала его робкая — как бы кто не увидел и не подумал чего дурного! — и благодарная Жаклин, пленница, которую он спас. Ничего дурного в замке про нее никто и не думал — кому какое дело до того, что бедная вдова иногда пускает в свою постель неженатого рыцаря?

Он не понимал, происходило ли все наяву, или он заснул после утомительной скачки и погрузился в мир грез, в который против своего желания, а может, и добровольно все чаще и чаще окунался в последние недели. Жослен даже не мог сказать, долгим или коротким оказалось плавание к волшебным берегам, только услышал вдруг голос служанки, обращавшейся к госпоже:

— Ванна давно готова, государыня.

— Поди прочь, Мария! — донеслось в ответ.

— Но как же...

— Поди прочь, я сказала!

В ванну ту рыцарь все-таки попал и даже едва не утонул в ней, разомлев и погрузившись в горячую воду по самую макушку. Спасибо слуге — вытащил вовремя. Пробудился Жослен, когда стали звонить к утрени, но решил, что все это часть его сна, и продолжал благополучно спать.

Графиня же ни в коем случае не могла пропустить время молитвы, не поблагодарить Господа за помощь.

Спутники Храмовника продолжали путь, несмотря на то что стемнело, и прискакали в Торон как раз тогда, когда их командир мылся. Узнав, что долгожданная гостья прибыла, Агнесса пожелала видеть ее немедленно.

Она вошла в комнату, где та находилась, и увидела черноволосую, довольно некрасивую женщину лет тридцати.

— Что такое? Кто вы, мадам? — спросила она с тревогой.— Где мой муж?

— Вы так горите нетерпением его увидеть? — осведомилась Графиня тоном, который только еще больше всполошил гостью.— Вам придется немного подождать.

— Что с ним? Он уже скончался?

— Скончался? — Сердечная улыбка Агнессы напоминала оскал варана. — Пока еще нет.

— Пока...

— Пока, мадам, — кивнула Графиня. — И признаюсь вам, от вас во многом будет зависеть, сколь долгим будет это *пока*.

— От меня? Я полагала, что от Господа Бога?

— Разумеется, — согласилась хозяйка. — Ведь ни что в мире не происходит без Его воли.

Женщина явно ничего не понимала.

— Ко мне прибыл гонец и сообщил, что мой муж тяжело болен и немедленно хочет видеть меня и детей, — пробормотала она. — Разве это не так? Тот человек показал мне письмо...

— И что же говорилось в том письме?

— Не знаю... — призналась гостья и пояснила: — Я едва умею читать... К тому же письмо было адресовано не мне. А товарищу мужа, где он просил того человека взять на себя заботы о своей семье, то есть о нас... Но кто вы? — Растерянность вновь сменилась недоумением. — Где мои мальчишки? Где Венсан и малыш Паоло?

— Не стоит беспокоиться, мадам, — проговорила Графиня. — За детьми присмотрят мои слуги. А мы тем временем побеседуем, мадам Катарина. Мне кое о чем хочется вас спросить. Например, кто тот человек, которому писал ваш муж?

— Как? — захлопала глазами та. — Он вместе с моим мужем служит одному высокопоставленному сеньору...

— Безусловно. Все кому-нибудь служат, так уж устроен мир.

— Спросите его сами, если не верите мне, — произнесла недобровольная гостья. — Тот человек привез меня сюда...

— С чего это вы взяли?

— Я... Как?... Но он...

— Самое время рассказать все, мадам Катарина.

— Рассказать что?!

— Все. Все, что вам известно про сношения вашего мужа с неверными. Вам знакомы слова «государственная измена»?

— ?!!!

— Говорите, душечка. Да поскорее. Или позвать палача?

Красное море зовется Красным вовсе не от того, что красно от крови, просто беспощадное в своей щедрости солнце докрасна опалило его берега, подобно тому, как поступает оно с белой кожей северянок, впервые оказавшихся в жарких краях. Краснолицая и обветренная Африка и краснолицая же Азия смотрят друг на друга, как сестры-близнецы.

На берегах их живут с одной стороны чернокожие, с другой — почти чернокожие, загоревшие до черна люди. Живут неплохо, трудятся, молятся, иногда воюют. Кто побывал у них в гостях, сам видел. А кто только не побывал тут?! И индусы, и уроженцы земли Чин, и мусульмане Персии, и христиане Европы, не заживали только одни скандинавы. Лучшие на Земле мореходы, первыми ступившие на земли неведомого заокеанского континента, что спустя полтысячелетия после них заново «откроет» Кристоаль Колон, никогда не видели берегов Красного моря.

Датчане — викинги, потомки Эйрика Рыжего и Лейфа Счастливого, проложивших путь в Грюнланд, никогда не бывали здесь. Какое упущение! Славный Райнхольд, хёвдинг Петраланда, соратник великого Бальвина, конунга Йорсалаланда, — так называли ватранги, выкупленные из неволи Ивом де Гардари, своего нового господина, — предоставил им такую возможность. Он разрешил морякам отправиться и *посмотреть, как живут люди по ту сторону моря*⁵⁷. Ничего лучше никто другой и выдумать бы не мог.

Душа разбойника остается душой разбойника, не важно, сидит ли он в седле могучего жеребца или держит поводья коня пены, скользящего по лебяжьей стезе⁵⁸. Но душа душой, а тело телом, и как златокудрый гигант Ивенс (правда, среди своих он таковым отнюдь не казался) никогда не сумел бы стать настоящим кавалеристом, так и князь Ренольд с юных лет ненавидел качку. Ему лишь однажды давным-давно в молодые годы довелось путешествовать морем из Адалии в Сен-Симеон, однако поездку ту рыцарь запомнил надолго, можно сказать на всю жизнь, так что и теперь, спустя тридцать пять лет после нее, предпочитал иметь под ногами твердую землю, а не шаткую скрипучую палубу⁵⁹.

Словом, захватив в конце тысяча сто восемьдесят второго года Айлу и сделав таким образом себе и своей сеньории рождественский подарок, князь остался во

вновь обретенной крепости и с двумя кораблями осадил островной замок Иль-де-Грэ, гарнизон которого не пожелал сдаться. Остальные три судна ушли на юг под командованием капитана Йоханса, как называли Ива некоторые из товарищей. Мирно, не причиняя никому вреда, участники экспедиции проследовали заливом Акаба и вышли в Красное море. Здесь после нескольких дней такого же тихого плавания, не сулившего ничего дурного жителям прибрежных селений, одним ясным декабрьским утром капитан Йоханс подбросил на ладони монетку с профилем султана Египта и, одарив лукавым взглядом товарищей, подкинул ее высоко в небо, а когда золотой упал на палубу, удовлетворенно кивнув, подытожил: «Ну что ж, братья. Кайсар Вавилонии смотрит на нас. Видно зовет к себе в гости. Не след нам обижать короля неверных! Ну, рулевой, поворачивай! — крикнул он, указывая на правый западный берег. — Примемся братья за дело, во имя Божие!»

И они принялись.

Словно вихрь, смертоносный черный ветер с небес, налетела на побережье Африки стая ястребов. От того места, где причалили викинги тем ясным утром, и на много миль южнее до самого Айдхаба⁶⁰ не осталось ни одного сколь-либо заметного порта, который бы не испытал на себе ярости свирепых северян. Тем, кому приходило в голову сопротивляться, эту самую голову сносили немедленно, впрочем, тем, кто смиренно молил о пощаде, тоже. Так зимой тысяча сто восемьдесят второго — восемьдесят третьего года от Рождества Христова Красное море сделалось наконец-то красным... от крови африканцев. Добычи было столько, что после каждого следующего города викинги выбрасывали из трюма все, что взяли прежде, оставляя только золото и драгоценности да минимальный запас провизии.

Даже серебро летело за борт — волей-неволей получалось, что каждый кусочек еды и глоток вина обходился морским волкам в цену мелкой монеты, а хорошая трапеза для одного воина стоила нескольких марок. Но никто не считался с этим: викинги — воины, а не купцы или рыбаки, что ловят селедку в северном море. Богат улов или плох? Что за беда? Воины из Вика пьют кровь врагов, причащаются их плотью! А кто считал убитых мусульман? Считать? Вот еще забота!⁶¹

Дорогую цену пришлось заплатить единоверцам тех, кто когда-то взял в плен викингов. Узнай работороговец, продавший их слуге сеньора Петры, какой товар сбыл

с рук, схватился бы за голову — вот продешевил-то! Страшно представить, сколько душ загубили северяне: каждый, ворвавшись в город или селение, жаждал встретить того, кто лишил его свободы, но не находил, множа горы трупов у себя за спиной. Не десятки, сотни неверных уничтожил каждый из христиан, вот во что обошелся нубийцам пир вольницы Ренольда де Шатийона. Но то было только начало.

Предавая огню и мечу земли врагов, оставляя за собой лишь безлюдные дымившемся развалины, викинги добрались наконец до самого большого и важного порта, который захватили и разграбили с не меньшим энтузиазмом и не меньшей легкостью, чем и прочие города. Блудный сын Гардирики воссел на трон правителя Айдхаба, а верная дружина объявила своего капитана Йохансом конунгом Красной земли. Но новоявленный король, признанный вождь морских бродяг, не мог усидеть на месте; предоставив утомленным плаванием сухопутным франкам, составлявшим команду самого большого из трех судов свободу, действий — они горели желанием ограбить караван, шедший из долины Нила через Нубийскую пустыню, — Йоханс вновь вышел в море на двух кораблях.

Бог — неизвестно, правда, какой — был на стороне искателей удачи; они очень скоро нашли ее, встретив в нескольких десятках миль к юго-востоку от Айдхаба один за другим два корабля — первый из Адена⁶², второй из Индии. Точно так же, один за другим в порядке появления, они и пошли на дно вместе с командой, пассажирами и... грузом. Прежде чем отправить купцов в рай, викинги взыскали с них провозную пошлину — только золото, все, какое нашлось на борту.

Они устали грабить, но не устали лить кровь врагов. Наступала очередь азиатского побережья Красного моря, Аль-Хиджаза, уже спознавшегося с мечом солдат Ренольда.

Потопив купеческие суда, конунг Йоханс и командир дружины второго драккара Хакон Корабельщик призадумались, как бы это им лучше приступить к выполнению намеченных задач? Но сама судьба бросала за них кости.

Моряку лучше всего думается на ходу под всплеск весел и бесконечную песню загребного. Она предназначена для того, чтобы не скучали гребцы, а ритм ее

помогает им грести дружнее. Потому-то слова ее просты, как само весло, и нет в ней изысканных, порой совершенно непонятных чужаку образов и сравнений, подобных тем, которыми изобилуют милые сердцу любого викинга саги скальдов. Сочиняет песню, как сам загребной — известно ведь, каждый морской волк в душе поэт, — так и любой другой член команды, которому на ум пришел какой-нибудь стих. Иногда, когда покидает вдохновение, поют что-нибудь общеизвестное.

Йоханс-конунг и Хакон-ярл развернули корабли и, не спеша, двинулись в северо-западном направлении, держа курс к фарватеру Джидды, главного порта Мекки, городу пророка Мухаммеда.

Йо-хо! Йо-хо! Берегись!
Йо-хо! Йо-хо! Сторонись!
Лодьи плывут славные,
Вои на них храбрые.
Мечи, топоры наточены,
Рукояти их позолочены.
Йо-хо! Йо-хо! Берегись!
Йо-хо! Йо-хо! Сторонись! —

бормотал свою песню Берси Магнуссон, налегая на весло привычной к работе гребца заскоруждой мозолистой ладонью. Но не с товарищами-викингами было его сердце, думал он о Лэйле, нареченной в крещении Лауренсией, Лаурой, — как-то она поживает сейчас?

Сам не заметил воин, как кончилась песня.

— Эй, Берси! Что умолк? — окликнул гиганта один из гребцов.

— Видать, не мила ему вольница, скорее в рабство торопится, — проговорил кто-то с незлой усмешкой. — Красотка Лэйла-Лаура завладела викингом.

— Украла сердце! — подхватил другой моряк.

Берси встрепенулся, он начал вращать головой, стараясь понять, кто из товарищей решил подшутить над ним, но никто больше голоса не подавал.

— Йо-хо! Берегись! — закричал сидевший рядом с ним Свен Кривоносый, старый и опытный воин, лицо которого изуродовала упавшая во время резни на вражеском корабле мачта. — Йо-хо! Сторонись!

Некоторые из викингов засмеялись.

— Смотрите у меня, — пробурчал Магнуссон. — Вот как поколочу, будете знать!

— Йо-хо! Йо-хо! Берегись! — как ни в чем не бывало повторил Свен. — Йо-хо! Йо-хо! Сторонись!

Один из шутников подхватил:

Йо-хо! Йо-хо! Берегись!
Йо-хо! Йо-хо! Сторонись!
Там песок и тут песок,
Нам дорога на восток.
Чтобы снять песок с зубов,
Нам не хватит всех ветров.
Йо-хо! Йо-хо! Берегись!
Йо-хо! Йо-хо! Сторонись!

И продолжал:

Йо-хо! Йо-хо! Берегись!
Йо-хо! Йо-хо! Сторонись!
Мы видали много стран
И бескрайний океан.
Море, солнце, ветер, скалы,
Что еще годится нам?
Йо-хо! Йо-хо! Берегись!
Йо-хо! Йо-хо! Сторонись!

Не успел он умолкнуть, как кто-то, голосом, сильно похожим на тот, которым осмелились упомянуть имя прекрасной возлюбленной Берси — возлюбленные не бывают *не* прекрасными, — принялся выводить особенно громко:

Йо-хо! Йо-хо! Берегись!
Йо-хо! Йо-хо! Сторонись!
Черномазые мартышки
Женщин наших не затмят.
Эх ни дна им ни покрышки,
Но в постели как вопят!
Йо-хо! Йо-хо! Берегись!
Йо-хо! Йо-хо! Сторонись!

— Как ты смеешь, Торви?! — воскликнул Магнуссон. — Как ты смеешь так говорить?! Лэйла лучше всех!

— Ты сбиваешь нас с ритма, — посетовал тот, к кому обращался разгневанный Берси. — К тому же я и слова не сказал про твою Лэйлу. Подтвердите, викинги, разве не так?

— Да, да, — закивали гребцы. — Про Лэйлу ни слова никто не говорил. Кроме разве что одного, Берси Магнуссона. Но это нам понятно...

— Можно и по-другому, — пожал плечами Свен.

Йо-хо! Йо-хо! Берегись!
Йо-хо! Йо-хо! Сторонись!
Черномазые красотки
И толсты, и веселы.
Наши жены, наши девки
Им в подметки не годны.
Йо-хо! Йо-хо! Берегись!
Йо-хо! Йо-хо! Сторонись!

— Я тебя поколочу, Свен! — пообещал Берси и добавил: — Если не перестанешь, разворочу твою физиономию!

— Кто же виноват, что ты перестал петь? — качая головой, проговорил Кривоносый с притворным сожалением. — А физиономии моей... ей уже не сможет повредить даже твой кулак, Медвежонок!

Тут в разговор вмешался сам конунг Йоханс. Он повернулся и посмотрел на товарищей; комичное они представляли зрелище — могучие воины, просоленные, обветренные морские волки, напялившие на себя самые дорогие одежды, которые только удалось найти в сокровищницах врагов. Драгоценные шелка и бархаты выглядели теперь не лучше, чем те лохмотья, в которых они щеголяли, когда избавитель Ивенс вытащил их из подземелья.

— Эй, викинги! — прикрикнул он на гребцов. — Хватит препираться. Кажется, у нас будет дело! Смотрите!

Не успел он произнести эти слова, как со второго драккара раздался звук рога, что означало — не один только Ивенс заметил вдали паруса. Он затрубил в ответ и знаками показал своим гребцам, чтобы подняли весла. Когда лодья Хакона подошла поближе, конунг, сложив ладони рупором, закричал:

— Похоже, к нам на пир решили пожаловать гости.

— Чаю, брат, они из Алхайдсайза, проклятой Господом земли белоголовок, — крикнул в ответ Корабельщик. — Прослышали про нас и решили помериться силами. Четыре паруса. Их галеры вдвое больше наших судов, значит, на каждого викинга придется по четыре барана. Добрый может получиться пир.

— Верно говоришь, брат, — согласился Ивенс, но уточнил: — На пиру таком и наши многие упьются — не поднимешь. Мы во многих и многих днях пути от Петраланда, и нам нельзя терять людей.

Хакон спросил:

— Что ты решил, брат?

— Помнишь, как поступили Харальд Весельчак и Трюггва Ястреб, когда враги обрушились на них с большой силой? — поинтересовался в ответ конунг Йоханс.

— Помню, брат, — прокричал Корабельщик. — Как же мне не помнить Харальда-конунга и старого ярла Хаука? Как-никак я был с ними в том деле.

— Вот и отлично... — Ивенс не закончил, услышав шум позади себя. Кажется, гроза все же прогремела. Малышу Берси надоели шуточки товарищей, и он, воспользовавшись тем, что руки теперь освободились от весла, как и обещал, принялся вершить суд скорый и правый — бить тех, кто осмеливался отпускать шутки в адрес прекрасной Лэйлы, ну и заодно тех, кто попался под руку. — Эй, викинги! — закричал конунг. — А ну-ка уймись! Берси! Клянусь всеми святыми, Медвежонок, я прикажу выбросить тебя за борт!

Никто словно бы и не слышал слов предводителя; что же касалось его угрозы в адрес зачинщика смуты, то пока что вышвыриванием за борт занимался как раз сам Берси Магнуссон. Но хуже всего, кулаков оказалось явно недостаточно — зазвенело железо. Как бывает во время потасовки, все находившиеся на борту, разделились на две группы — одни дрались, а другие пытались разнимать.

Сознавая опасность последствий всего происходившего, Ивенс немедленно призвал на помощь Хакона. Однако хорошего вышло мало: точно бес вселился в викингов, и прибытие дружины Корабельщика лишь увеличило количество участников драки. Могучие северные воины, казалось, вознамерились преподнести врагам подарок — истребить друг друга до подхода мусульманских галер, позволить белоголовикам взять себя измученными и истекающими кровью: нежась на перинах дракона, скоро забыли викинги смрад узилищ, звон кандалов, тяжкий позор плена.

Конунг Йоханс и ярл Хакон ошиблись.

Те, кто находился на борту четырех кораблей, чьи паруса завидели на горизонте зоркие викинги, вовсе не стремились на пир к морским разбойникам, не горели желанием встретиться с ними хотя бы потому уже, что имели весьма миролюбивые намерения. Трюм и палуба самого большого из судов были заполнены паломниками, спешившими в Мекку в конце священного месяца

рамадан пятьсот семьдесят восьмого года лунной хиджры. Остальные три корабля, меньшие по размеру, просто сопровождали их, в какой-то мере совмещая приятное с полезным — ведь и воинам не грех помолиться в святом для каждого правоверного городе.

Удача сопутствовала пилигримам из Каира, весь путь от Колсума⁶³ до вод Джидды они проделали без приключений и, поскольку, выйдя в Красное море, все время держались берега Аль-Хиджаза, ничего не слышали об ужасах, творимых неведомыми захватчиками на нубийском побережье. Почти ничего, так как какой-то слух все же дошел до паломников, когда они в последний раз причаливали в африканском порту Египта. Но сведения выглядели такими невероятными, такими противоречивыми, что большинству история о страшных косматых великанах, появлявшихся внезапно, точно демоны из морской воды, и сеявших повсюду смерть, казалась сущей выдумкой, а уж чтобы в исконно мусульманских водах орудовала шайка диких кафиров-северян — и в кошмарном никому сне не привиделось бы.

Тем не менее все на борту флагмана маленького флота оживились, когда один из матросов заметил впереди чужие суда. Произошло это гораздо позже, но не потому, что Аллах обделил хорошим зрением правоверных, а потому, что паруса на неопознанных кораблях оказались спущены. Попутный ветер нес вперед египетские галеры, и скоро даже и не самым зорким стало очевидно: оказавшиеся на их пути небольшие гребные суденышки никем не управляются, а просто дрейфуют, причем в южном направлении, качаясь на волнах. Сначала решили, что команда зачем-то покинула свои корабли, но позже удалось разглядеть людей, лежавших, а точнее, валявшихся на палубах то тут то там, зачастую в неестественных для живых людей позах. Когда подошли ближе, стала видна кровь на одежде, огромных мечях и топорах, которые люди не выпустили из рук, даже умирая.

— Это демоны! — восклицали одни. — Те самые, о которых нам рассказывали! Смотрите, какие они страшные! Разве люди бывают такими?

— Но что случилось с ними? — спрашивали другие. — Наверное, Аллах наказал их и поразил огненными молниями с неба?

Раздавались и иные предположения:

— Он лишил демонов разума, и они, в исступлении бросившись друг на друга, истребили самих себя.

Впрочем, высказывалось и еще одно мнение:

— Блеск золота застлал глаза исчадий ада, сделав их безумными.

Даже мертвые, демоны казались страшными; так бы и проплыл мимо конвой и галера с паломниками, но... Пожалуй, последняя догадка выглядела наиболее реалистичной, поскольку палубы обоих суденышек толстым слоем покрывали золотые монеты, из-за них-то, как видно, и разгорелся кровавый спор. Золота было столько, что не взять его у мертвых казалось любому нормальному человеку просто нелепо.

Когда одна из галер сопровождения приблизилась к первому драккару, моряки на борту ее протянули длинные багры, крючьями вцепляясь в борта корабля мертвецов. Мусульмане в нетерпении — как же, такое богатство послал Аллах! — тесня друг друга, ждали момента, чтобы перебраться на судно демонов, как вдруг... Покойники ожили, причем все разом. Окровавленные «трупы» вскочили как один и, издав гортанный клич, бросились на врага. Прежде чем правоверные успели что-либо сообразить, большинство их пало под неистовым напором дьявольских отродий. Самыми счастливыми оказались те, кто успел прыгнуть за борт, остальных нашла сталь мечей и секир викингов.

Так случилось, что лодья Хакона первой встретилась с мусульманами. Когда на беду и горе собственные багры белоголовых моряков вцепились в борта драккара Корабельщика, судно Ивенса и ближайшую из галер сопровождения разделяло еще полтора десятка саженей. Прежде чем капитан понял, что происходит, и нашел в себе силы справиться с суеверным ужасом, охватившим всех правоверных, раньше, чем он, осознав происходящее, отдал приказ: «Право руля», расстояние между судами сократилось до шести-семи саженей. Галера ускользала, поскольку «ожившая», подобно первой, команда второго драккара не успела вовремя сесть за весла.

Видя это, Йоханс-конунг, мгновенно забыв, что он христианин, мысленно воззвал к древнему Богу викингов:

— Один! Великий Один! Помоги нам!

Все товарищи его, как один, даже брат Гудгорм Гиллекрист⁶⁴, их капеллан, также не вспоминая о Христе, с именем которого отправились они в поход против гнусных белоголовиков и коноедов, закричали во все глотки:

— Один! Один! Один! Великий Один! Помоги нам! Один!

Но все они знали — бог, к которому они обратились, ничего не дает тем, кто не берет желаемого сам. В ту самую секунду, когда капитан-араб уже думал, что ему и команде его удастся избежать участи товарищамусульман с первой галеры, конунг Йоханс, как следует разбежавшись, прыгнул и, перемахнув расстояние в четыре-пять сажений, приземлился на палубе вражеского корабля. В несколько скачков он достиг руля и, хватив кулаком кормщика по голове, резко изменил направление движения галеры.

В следующее мгновение некоторые из товарищей предводителя морских разбойников устремились вслед за ним. Кое-кто упал в воду, но большинству удалось достигнуть цели. Судьба корабля была решена. Все увиденное лишило язычников мужества — какой смысл сражаться с бессмертными демонами? — и хотя правоверные еще сохранили способность сопротивляться, вместо этого они падали на колени, истово моля о пощаде. Но не для того «умерли» морские волки, чтобы, «ожив», щадить врагов. Викинги не нуждались в пленных, и скоро среди живых на палубе галеры кроме самих северян остались лишь рабы-гребцы.

Капитан третьей галеры сопровождения не думал уже ни о сражении, ни об участии паломников на борту большого и неповоротливого гребного судна. Предоставив благочестивых пилигримов их собственной судьбе, он попытался спастись бегством, но... Не напрасно уверял Ив де Гардари своего господина в том, что свободные викинги гребут куда лучше, чем рабы. Покончив с мусульманами на первых двух судах, северяне быстро перебрались на свои драккары и, догнав галеру беглецов, потопили ее впопыхах вместе с несчастными гребцами.

Настал черед паломников.

Их корабль двигался медленно, и викинги решили потешиться. Пеня воду десятками весел, их драккары принялись кружить вокруг огромной галеры. Мусульмане попробовали отбиться, имевшиеся среди них лучники осыпали врагов стрелами, но те, спрятавшись за выставленными по бортам щитами, принялись вести ответную стрельбу. Более того, они обматывали стрелы паклей и поджигали ее, а уж потом отпускали тетивы. Скоро корабль вспыхнул, и на палубе его началась невообразимая паника: все, мужчины, женщины и дети, охваченные ужасом, метались, кричали и давили друг

друга; о сопротивлении никто и не думал. Как раз в этот момент, услышав призывный звук трубы Йоханс-конунга, викинги с двух сторон подплыли к кораблю и бросились на штурм.

Они угомонились не раньше, чем галера начала крениться, тогда победители и освобожденные от оков гребцы, рабы-христиане, покинули тонущий корабль. Некоторые упали в воду, откуда товарищи выловили их. Никого из мусульман, не взирая ни на пол, ни на возраст, не пощадили, предоставив им вдоволь напиться Эгировой влаги или встретить смерть в пляске деревьев. Ни к лицу настоящим воинам убивать безоружных, но выход нашелся сам, судьбу вчерашних господ вверили спасенным невольникам: уж те не забыли ласки хозяев. За шрамы от бича галерного надсмотрщика пришлось платить всем, даже тем, кто ни в чем и никогда не провинился перед христианами, — таковы уж законы войны, демон ее, или ангел битвы, никогда сполна не насыщается кровью и страданиями приносимых ему жертв.

Вволю натешившись, викинги решили допросить спасенных гребцов, среди которых оказались представители не менее двух десятков народов. По большей части франки — французы, испанцы, англичане и сицилийцы, а также ромеи, то есть те, кто воевал с последователями учения Муххамеда на море. Проще сказать, кого там только не было. Попадались даже совсем «сухопутные», бедолаги из земель унгров и ляхов. Все они, узнав в спасителях христиан, конечно, радовались и шумно, каждый на родном языке, выражали свои чувства. Неожиданно во всем этом гаме Ивенс услышал звуки знакомой речи, языка, на котором говорил он в далеком детстве в далекой стране, прозванной морскими разбойниками Страной Городов.

— Как звать тебя и откуда ты? — спросил конунг старика, одетого в одну лишь невообразимо грязную набедренную повязку, черного от грязи и солнца, косматого, обросшего длинной поседевшей бородой. Бывший раб никак не мог поверить в то, что доблестный вождь славных викингов обращается к нему на его родном языке, и, тараща безумные глаза, молча скалился, демонстрируя жалкие остатки зубов.

— Михайло Удалец, — ответил он наконец. — С Нова Городи... Нешто ты, витязь, речь русскую разумеешь?

— Разумею, — машинально повторил Ивенс, чувствуя себя уже увереннее — губы, как по волшебству,

сами артикулировали нужные звуки.— Немного... Скажи, как давно ты стал пленником?

— Почитай уж года два,— ответил новгородец и добавил невесело: — Я у них долгожителем был. Всех, кто со мной на лавку сел в цепи, давно рыбам скормили. Ну да ничего, теперь и для нехристей черед настал попить солененькой водички. Полакомятся ими рыбки!

Не слушая последних слов Удальца, Ивенс, точно не веря себе, проговорил:

— А ведь и я из Нова Города...

Это признание произвело на освобожденного гребца неожиданное действие. Он вдруг бухнулся на колени и, обхватив ноги конунга, плача повторял, причитал:

— Земляк, земляк, земляк... То-то речь слышу я новгородскую! Не верил! Не верил! Не чаял!

— Успокойся, уймись...— начал Ивенс, не привыкший к подобным проявлениям чувств.— Осуши слезы, старче...

— Старче? Старче... Я, витязь, и сорока не прожил,— проговорил новгородец, всхлипывая.— Молод был да удал, оттого Удальцом прозвали. А и правда удалец, коль довелось перед смертью глотнуть свободы...

Как друг и земляк конунга, Микьяль Зубастый — так окрестил его кто-то из остряков-ватрангов — получил не только зеленые сапоги, богатый шелковый халат, содранный с одного из помощников капитана галеры, и чью-то почти совсем не перемазанную кровью белоснежную чалму, которую немедленно пустил на портянки, но и право участвовать в обсуждении дальнейших планов дружины. Благо Удалец, как многие в Новгороде, понимал датский язык. Земляк смог дать Ивенсу полезный совет в деле, которое задумал предводитель морских разбойников. Он же решил с пользой употребить доставшиеся им два мусульманских корабля — сыграть роль утонувших паломников и заявиться в Джидду, порт, который от Мекки отделяло всего каких-нибудь полсотни миль.

Михайло не знал, как угодить избавителю.

— Не ходи туда, витязь! — воскликнул новгородец, когда поднятый моряками гвалт — каждый ведь лез со своим предложением, самым умным, самым дельным, — несколько поутих. — Не ходи в Джидду, там шарифы с большим войском и укрепления знатные. Много людей положишь, прежде чем возьмешь ее.

— Викинги не боятся смерти! — воскликнул Рольф Зоркий — помощник Хакона Корабельщика, одновременно с Ивенсом первым заметивший паруса судов мусульман.— Мы возьмем и Джидду, и Мекку! Пустим еще кровушки белоголовикам!

— Снесем головы коноедом! — подхватил Свен Кровоносый. Его лицо, и без того лишенное привлекательности, украшал теперь внушительных размеров «фонарь» под левым глазом — памятка, оставленная Берси Магнуссоном. Не только у Свена, у многих имелись такие — ватранги здорово потрудились, выясняя между собой отношения.— Окропим мечи кровушкой баранов!

Все дружно принялись изъявлять поддержку словам Рольфа и Свена. Викинги, как и полагается настоящим поэтам, не могли не побалагурить на тему крови баранов, ведь кровь, которой они перемазали свою одежду и мечи, дабы ввести в заблуждение противника и лучше исполнить роль покойников, была взята у овцы — продукты ввиду жаркого климата приходилось перевозить, если можно так выразиться, в натуральном виде.

— Баранов тут целые стада,— произнес новгородец и добавил: — Но к чему, витязь, тебе самые бодучие?

— Что ты предлагаешь, Микьяль? — спросил Ивенс.

— Сухопутные бараны не страшны тебе,— пояснил Удалец.— А вот морские, соберись их несколько десятков, забодают даже волка.

Малопонятная речь спасенного раба вызвала раздражение ватаги.

— Что он говорит?! — спросил кто-то.

— Тихо! — прикрикнул на товарищей конунг.

— Ну-ка братья! — поддержал его Хакон, пользовавшийся уважением обеих дружин.— Когда это было, чтобы викинги отказывались выслушать речь человека сведущего? Микьяль Зубастый оставил половину своих клыков в здешних местах. Он-то знает, что говорит.

— Слушаем Микьяля! — закричал все тот же Свен.

— Пусть Микьяль говорит! — вторя ему, загорланил Рольф.— Говори, Микьяль!

— Говори! Говори!

Одновременно смущенный и подбодренный бурными изъявлениями благорасположения со стороны избавителей, новгородец продолжил, стараясь, чтобы все понимали его.

— Джидда — крепость сильная, князь,— произнес он.— Много сил и времени уйдет у тебя, прежде чем ты покорешь ее. А что дальше сделаешь? Пойдешь на

Мекку? Если ты захватишь ее, язычники обрушатся на тебя всей своей черной силой, на одного викинга выйдет тысячи. Да что тысячи? Мириады богомерзких сыроядцев! А ты вот что сделай. Не бери Джидды, и Мекки не трогай. Есть тут три города, где неверные строят корабли. Я видел их верфи. Если налетишь вихрем, как ястреб на суслика, сможешь ты сжечь вражьи лодьи, и тогда никто на море не сможет противустать тебе.

Удалец сам не заметил, как сбился, перешел на родной язык; однако тот, кому предназначалась страстная речь спасенного раба, понял его и повторил для своих, прибавив:

— И тогда мы вернемся, чтобы взять другие города язычников! Дело сказал Микьяль Зубастый!

— Дело! Дело! — завопили викинги. — Дело!

Скоры на решения морские дьяволы: тут же высокое собрание и постановило — атаковать названные Удалцом три города немедленно. Никто даже и не подумал послать весточку франкам, оставшимся на африканском берегу. Один из драккаров, несмотря на возражения некоторых соратников, предлагавших просто взять его на буксир, по приказу Ивенса вытащили на берег и замаскировали так, что он сделался совершенно незаметным с моря, второму надлежало стать «пленником» мусульманских галер.

Освобожденным невольникам вновь пришлось занять свои места на скамьях за веслами. Викинги же, укоротив волосы и бороды, вымазавшись для правдоподобия сажей, украсили головы выловленными из воды белыми барашками бурнусов, оставленных прежними владельцами, отправившимися на встречу с Эгиром, и заняли места на палубе.

То и дело раздавался хохот одного или другого из молодцов — увидишь приятеля в таком маскарадном наряде, живот надорвешь от смеха.

Кому смех, а кому и слезы.

Трюк сработал превосходно. Трижды сбрасывали волки овечьи шкуры, трижды уходили они так же быстро, как и появлялись, оставляя за собой горы трупов, дымящиеся развалины и пылающие верфи и причалы. Ар-Рахиб, Ямбо и аль-Хавра, порты самой Мекки, самой Медины, разделили судьбу Айдхаба и других городов африканского побережья.

Едва ли кто-нибудь и когда-нибудь, стремясь отомстить врагам за обиды, тратил деньги с такой же пользой, как сделал это сеньор Горной Аравии. Давно уже христиане в Азии не наносили мусульманам столь чувствительных ударов. В то время как королевство латинян и великая Восточная империя топтались на месте, лишь «покусывали» и «царапали» противника в пограничных конфликтах, морские дружинники Ренольда де Шатийона рвали врага на части зубами и когтями, точно волки или ястребы.

Вряд ли стоит даже предполагать, что мир ислама никоим образом не отреагировал на бесчинства находников.

Даже Зенгида Алеппо и Мосула, в последнее время не раз уже прибегавшие к помощи франков в борьбе против Салах ед-Дина, и те оказались в трудном положении, не зная, что отвечать подданным, как оправдать свой союз с оскорбителями истинной веры. Тот же, чьих интересов все происходившее касалось в первую очередь, и вовсе не собирался сидеть сложа руки. Брат Салах ед-Дина, правитель Египта Малик аль-Адиль, принял меры.

Михайло Удалец поступал абсолютно правильно, убеждая прекрасного витязя, светлого конунга Йоханса уничтожить флот противника непосредственно в портах, обещая своему избавителю господство на Красном море. Однако новгородец не учел одного фактора — Египет по-прежнему оставался там, где и был — к северо-западу от места, выбранного викингами в качестве точки приложения собственных сил и талантов. Разграбление портов Судана и даже уничтожение каравана в Нубийской пустыне нанесло богатейшей стране ущерб в большей степени моральный, нежели материальный, но, что самое важное, в гавань Суэца из Дамьетты, что на Средиземном море, была доставлена сухопутным путем настоящая морская армада. Все, что предстояло сделать теперь адмиралу Хусам ед-Дину Лулу, получившему приказ Малик аль-Адила, — укомплектовать команды кораблей, каковое повеление он и исполнил, набрав в Северной Африке маграбских матросов, считавшихся одними из самых лучших в мире ислама⁶⁵.

Как писал арабский хронист, доблестный и славный Лулу обрушился на кафилов, точно чайка на рыбу,

подобно молнии рассек он мрак... ну и так далее, как обычно пишут о победителях.

Надо полагать, это была большая *молния*, как-никак ей предстояло *рассечь мрак*, созданный аж тремя кораблями. Страшно даже и подумать о том, чтобы поставить под сомнение доблесть и славу евнуха Хусам, ведь в прежние времена египтянам случалось проигрывать битвы с неприятелем, которого они порой превосходили численно раз этак в сто. Впрочем, то дела прошлые, да к тому же речь шла о сухопутных баталиях, на море дела мусульман обычно шли лучше. Так или иначе, но как раз в начале месяца гои по древнему календарю северян, или в начале же месяца зуль-каада пятьсот семьдесят восьмого года лунной хиджры, то есть в конце февраля тысяча сто восемьдесят третьего года от Рождества Христова, «чайки» Лулу застигли «стаю рыб» на выходе из аль-Хавры.

Применить трюк Харальда Весельчака и Трюггви Хаука, так прекрасно сработавший прежде, на сей раз не представлялось возможным, тогда Йоханс-конунг приказал гребцам всю налечь на весла, умереть на них, но оставить мусульман далеко позади. Прочим он же велел облегчить судно, и золото мусульман полетело за борт с такой же легкостью, с какой лилось оно в трюм. Как ни старались бывшие рабы на галерах, все равно единственный драккар викингов шел резвее — ах, почему конунг не послушался совета и не взял с собой вторую лодью?!

Враг и верно словно бы превратился в белокрылую птицу, чье крыло простиралось так далеко, что неминуемо накрыло бы беглецов.

Правильно оценивая ситуацию, Ивенс затрубил в рог, и стоявший у руля одной из двух трофейных галер Корабельщик приказал своим резко развернуться навстречу «птице», чей хищный клюв уже нацелился, чтобы схватить первую жертву. Маневр Хакона повторил и Эйнар Черный, один из дружинников конунга, командовавший второй галерой. Сам Ивенс напал на судно, на котором, как показалось ему, находился предводитель сарацин.

С *искрами визга* стали закружиться викинги и враги их *в вихре Одина*; вспыхнул *спор секир*, раздался *топот копий*, ручьями хлынула *навья пена*, *брага волчья* — закипела смертельная схватка, полилась кровь. И вот скоро клюв «чайки» разлетелся на кусочки. Однако в отличие от настоящей птицы, она не

погибла, крылья ее, как руки, заключили северян в объятия. Как бы храбро ни сражались они, как бы отчаянно ни рубились, дружинников конунга Йоханса было во много раз меньше, чем моряков Лулу.

Солнце уже собиралось на покой, намереваясь заночевать в Нубийской пустыне, когда неравная битва завершилась.

Драккар со всей награбленной добычей, которую не успели еще выбросить удалые разбойники, пошел ко дну, одна из галер присоединилась к нему, другая осталась на плаву. Многие погибли в сече, как Хакон Корабельщик или Свен Кривоносый, другие утонули, как Эйнар Черный или Рольф Зоркий. Раненого конунга Йоханса и оглушенного упавшей мачтой Берси Магнуссона победители успели выловить из воды вместе с тремя дюжинами товарищей и большей частью гребцов — не повезло бедолагам, видно, так уж Бог судил им — оставаться пленниками мусульман.

Впрочем, добросердечный евнуч Хусам решил избавить их от участи невольников. Тем из них, кого захватили на африканском берегу — главным образом франкам, — по замыслу адмирала полагалось отправиться в Каир, чтобы там прилюдно лишиться буйной головы; сегодняшних пленников та же самая процедура ждала во время следующего хаджа в Мекке через год. Впрочем, кое-кто из числа разодетых в пух и прах ближайших подручников Лулу — не скрещивали они меча с викингами — посчитал подобное наказание слишком мягким.

Один из них, долгодородый старец, облаченный в дорогой халат и белоснежную чалму, воскликнул, указывая на Ивенса, стоявшего на корме адмиральского судна, на полшага впереди своей безоружной, окровавленной и совершенно обессиленной ватаги:

— О великий флотоводец, несравненный воин, ты великодушен, но посмотри на этого варвара! Глаза его излучают ненависть. Не допусти умаления своей чести, не позволяй ему так смотреть на правоверных. Он оскорбляет тебя своим взглядом.

— Что ты предлагаешь, ибн Муббарак? — спросил адмирал. — О чем желаешь попросить, мой любимый помощник?

Лулу решительно не понимал, к чему клонил длиннобородый. Тонкоголосый, как все евнухи, Хусам ед-

Дин буквально раздувался от сознания собственного величия, он так гордился одержанной над христианами победой, что сам, дабы поскорее продемонстрировать правоверным свой улов, с частью кораблей немедленно с места битвы отплыл в направлении Джидды, намереваясь спустя дня два прибыть в ближайший к Мекке порт.

— О отмеченный благодатью Аллаха, разве не следует наказать его за дерзость?

— Как? Ему и без того предстоит провести целый год в кандалах в ожидании позорной смерти. Ведь его зарежут, как барана в священный праздник курбан-байрам. — Адмирал буквально лучился благодушием. — Разве этого недостаточно?

Вождь морских разбойников очень плохо понимал язык тех, кто впервые пленил его более десяти лет назад, однако сообразил, что речь идет о нем. Кроме того, и голос и лицо обладателя длинной и явно лелеемой хозяином бороды показались ватрангу знакомыми. Он всмотрелся в лицо ибн Муббарака, и... буквально открыл рот, пораженный невероятной догадкой.

— Ты? — еле слышно произнес донельзя озадаченный Ивенс по-датски и добавил, но отчего-то уже на языке франков: — Но ты же умер?..

Викинг отвел глаза, но в следующий момент, не выдержав, вновь метнул взгляд в бородача. Тот, обращаясь к адмиралу, по-своему прокомментировал реакцию пленника:

— Он испугался, о великий из величайших флотоводцев, о лучший из лучших полководцев и воителей, что жили на земле! Сделай же так, чтобы этот закат стал последним закатом в его жизни. Чтобы Бахр аль-Ахмар, лазурную гладь которого осмелился бороздить противный Аллаху корабль неверных, сей варвар запомнил на все оставшиеся дни его жизни. Пусть он никогда не увидит рассвета! Прикажи вынуть ему глаза!

— Рамдала?! — Ивенс воззрился на ибн Муббарака. — Я даже поверить не могу! Неужели это ты?

— Я, — подмигнув, ответил долgebородый по-французски и добавил: — Другого шанса у тебя не будет.

— Что ты сказал, мой ибн Муббарак? — Лулу свел брови.

— О несравненный! О великий! — начал тот. — Я произнес слова магического заклинания, потому что этот варвар попытался сглазить тебя. Он, как я посмотрю, колдун и может напускать порчу на людей.

Слова ибн Муббарака нешуточно напугали адмирала. Он немедленно отдал распоряжения, и несколько матросов, схватив Ивенса, поволокли его к краю палубы. Викинги заволновались, но другие воины весьма красноречиво подняли сабли. Берси Магнуссон, уже пришедший в себя после удара мачтой, оскалился точь-в-точь как настоящий взрослый, матерый медведь.

— Эх, недоброе задумали учинить нехристи,— пробурчал себе под нос Микьяль Зубастый, единственный из всех галерников, находившийся на драккаре конунга и сражавшийся бок о бок со своим земляком.— Ох недоброе!

— Что? — переспросил один из викингов, поскольку слова свои новгородец произнес на родном языке.— Что ты сказал?

— Они хотят ослепить его! — прошептал Удалец по-датски.— Я и раньше понял по разговору того пса с длинной бородой, что он предлагает нечто гнусное, но теперь воочию вижу. Посмотри!

Среди победителей не оказалось никого, кто знал бы язык викингов. Дабы объяснить, какая участь уготована предводителю, евнух Хусам воспользовался услугами все того же ибн Муббарака, коротко бросив:

— Втолкуй ему, что его ждет.

— О величайший из великих! — воскликнул длиннородый.— Но мне неизвестно, на каком наречии говорит этот гнусный варвар!

Лулу махнул рукой:

— Не важно. Ты справишься, мой любимый помощник, мой любимый врачеватель и звездочет.

— Может, ему знакома речь тех франков, которых твои воины, о наискуснейший из флотоводцев, захватили в Айдхабе? Я попробую.

— Пробуй.

— Неверный,— начал ибн Муббарак и, сделав коротенькую паузу, продолжал: — Адмирал Хусам ед-Дин Лулу приказал ослепить тебя... Ты понял, что я сказал?

— Куда понятнее,— отозвался Ивенс, повернув лицо к переводчику. Один из чернокожих матросов уже вцепился в светлые кудри конунга и красноречиво провел по его щеке острием ножа.— А что будет с моими товарищами?

Ибн Муббарак на секунду задумался и вдруг сказал:

— Их тоже ослепят. Скажи им это!

— Спасибо, Рамдала. Если это, конечно, ты, а не твой дух. Впрочем, даже если и так, все равно спасибо.

Долгобородый лишь на миг смежил веки. В следующее мгновение он повернулся к господину и доложил:

— Он понял меня, о славнейший. Я сказал ему, что он — неверный пес. Что этот закат — последнее, что ему отпущено лицезреть в этой жизни.

— Молодец! — сказал Лулу, кивая, и подал знак матросам: — Начинайте!

— За мной ваша очередь! — крикнул Ивенс через плечо своим. — Делай, как я!

Победоносный адмирал и его свита попятились в страхе: похоже, верно говорил мудрый ибн Муббарак, предводитель морских бродяг знал с нечистой силой. Он, еще совсем недавно истекавший кровью, на глазах терявший последние силы, неожиданно преобразился. Ватранг сжал кулаки и одним движением стряхнул висевших на его руках матросов. В следующий момент он мотнул головой и, оставляя в руке чернокожего моряка ключья белых волос, оттолкнулся от края палубы и прыгнул в черные воды предзакатного моря.

— За ним! — закричал новгородец на родном языке.

Однако, несмотря на это, товарищи прекрасно поняли его, и ни грозные окрики, ни сталь сарацинских мечей не могли остановить морских разбойников, бросившихся за борт по примеру конунга. Не всем, далеко не всем удалось проложить себе путь к свободе. Умереть в бою, как и полагается викингу, — вот то единственное, о чем могли они просить у Бога. Почти все они так или иначе избежали плена: одни погибли сразу, зарубленные на палубе, другим удалось спрыгнуть в море, а некоторые умудрились завладеть оружием врагов и умерли сражаясь.

И хотя Лулу остановил галеру, приказав выловить беглецов из воды, ни один не дался в руки мусульманам — еще в пору детства вступившие на лебяжью стезю, предпочитали умереть на ней.

— Ладно, — сквозь зубы процедил раздосадованный адмирал. — Предпочитаете кормить рыб — ваше дело! Правоверным на празднике хватит и гребцов с галер!

Адмирал дал приказ продолжать плавание. Однако, вспомнив о том, кому обязан всем случившимся, он, сведя брови, воззрился на ибн Муббарака.

— А тебя, скотина, я посажу в темницу, как только мы ступим на пристань Джидды! — пообещал евнух.

— О величайший из флотоводцев! — воскликнул врачеватель и звездочет, смиренно складывая руки. — Я достоин наихудшей, наипозорнейшей казни!

Ибн Муббарак в смирении закатил глаза, он знал — Хусам ед-Дин Лулу, точно Бог кафиrow, обожает тех, кто кается.

Х

Когда в ноябре тысяча сто восемьдесят второго года войско готовилось выступить из Керака на юг к заливу Акаба, Раурт забеспокоился: голубь, отправленный им в Дамаск, все не возвращался. Птица не могла ошибиться, сбиться с пути, ведь самец всегда возвращается либо в место, где вырос, либо туда, где живет его самка. «Что же случилось? — спрашивал себя Вестоносец. — Голубь погиб? Или Жюльен решил пока не отправлять ответа?»

Решив, что тот, кому он писал, просто ждет следующего послания, обещанного отчета о развитии событий, Раурт собрался уже отправить второго голубя, как вдруг случилась беда: проходимец Эскобар, кот, привезенный Ивом де Гардари с охоты на фанака, добрался до голубятни. Все птицы погибли. Князь, узнав о случившемся, воспринял все близко к сердцу, пообещал казнить животное и взыскать стоимость ущерба с хозяина. Правда, прежде чем заковать зверя в кандалы, его надо было поймать, кот же, заподозрив неладное, сбежал. Сеньор, чувствуя свою вину перед несправедливо обиженным вассалом, пожаловал ему тугой кошель серебра. Но несмотря на столь явное благорасположение сеньора, Вестоносцу никогда ничего так не хотелось в жизни, как оказаться подальше от правителя Заиорданских земель Иерусалимского королевства.

А как хорошо жилось Раурту в Антиохии!

Целых семь лет провел он при дворе князя Боэмунда Заики. Поначалу боялся, что кто-нибудь опознает в нем Рубена, сына корчмаря Аршака, но... много воды унес Оронт в Средиземное море с тех давних пор. Более четверти века прошло со дня печально знаменитого заговора, в котором принял активное участие почти семнадцатилетний Рубен.

Года два или даже три после отъезда из Триполи никто не трогал Раурта. Его первенец Венсан подросток и уже постигал рыцарскую науку. Спустя три месяца после окончания празднеств в честь бракосочетания

вдовца князя Боэмунда с родственницей Мануила, Теодорой, Катарина наконец-то родила мужу второго сына, которого назвали в честь ее отца, Паоло. А примерно через год после этого радостного события в Антиохии появился старый друг Жюльен. Он пришел с купеческим караваном и задержался в городе надолго, даже купил небольшую хлебную лавочку.

Несколько раз они встречались наедине.

— А ты стал холодноват, дружок,— пожурил он любовника.— Да, возраст делает свое дело. Даже самый высокий и самый жаркий костер когда-нибудь начинает угасать, если время от времени не подкладывать в него поленьев.

Раурт поспешил с оправданиями, но Жюльен только скривился и, махнув рукой, проговорил:

— Не думай об этом. Я здесь не для того, чтобы вспоминать прошлое в постели. К тому же тот огонь, что poznали мы в юности, даже и теперь не может идти в сравнение с тлеющими угольями, возле которых приходится греться природному князю, высокородному властителю града сего. Не удивляйся, милый мой рыцарь. Не так уж много времени и, признаюсь, умения потребовалось мне, чтобы заглянуть под одеяло его сиятельства. Увы, юная Теодора не из тех, чей пламень способен растопить лед. Заика, как поговаривают, все чаще чешет затылок, спрашивая себя, а что же, собственно, он приобрел, заключив этот брак? Базилевс был его зятем, мужем сестры, теперь князь женился на племяннице самодержца. Ну и что? Оказалось, что вовсе нет нужды становиться родственником Мануила дважды — вполне хватило бы и одного раза.

До Раурта и до самого не раз уже долетали слухи о том, что Боэмунд не слишком доволен молодой женой. Иные придворные шепотом, озираясь, сообщали под огромным секретом, будто князь жаловался на Мануила, тот, мол, обманул его, подсунул холодную как труп девку, вследствие чего счастливому супругу в самый неподходящий момент мерещится всякая чертовщина и даже нападает дрожь, отчего он немедленно делается слаб в коленках.

Циничный Жюльен довольно ехидно заметил на это:

— Что толку обижаться на императора? Кто может знать до битвы, какой она будет? Или князюшка решил, что самодержцу полагалось прежде самому проверить, хороша ли невеста в постели? К тому же... возможно, дела обстоят не так уж отчаянно плохо. Все же

ребеночек у молодых откуда-то появился! Хотя, вероятно, мы имеем дело с новым свидетельством вмешательства в дела людские Святого Духа? Надеюсь, что нет. Едва ли я проживу еще тридцать лет, чтобы увидеть, как малышка Констанс, названная Бозмундом в честь любимой матушки, начнет творить чудеса, достойные Иисусовых.

— Ты богохульствуешь, Жюльен, — насупившись, проговорил Раурт, чем привел товарища в буйный восторг. Отсмеявшись, он проговорил, утирая платочком выступившие на глазах слезы:

— Друг мой, нет худшего сборника богохульных историй и изречений, чем, скажем, Святое Писание. Ведь это ж волосы на голове встают дыбом, стоит попытаться уловить хоть малейший смысл в Его деяниях, найти в Его поступках какую-то логику.

— Тебе, я вижу, ближе Коран? — с вызовом спросил Раурт, вызвав в товарище новую волну веселья.

— Откровения нищего неграмотного пастуха Махмудки, преисполненного обиды на весь мир и очумевшего в горах от одиночества? — переспросил Жюльен. — Ты, верно, не в себе, если можешь представить, чтобы я мог всерьез разделять мнение, будто Коран — священная книга? Пергамент, на котором впервые начертали арабской вязью мудрость Небес, столь же свят, сколь и сама эта мудрость, а она в свою очередь свята не более, чем овцы, в которых за неимением лучшей мишени посылал свои стрелы пророк.

Эти слова совершенно обескуражили Раурта, а Жюльен откровенно смеялся, глядя ему в глаза.

— Знаю, знаю, знаю все, что ты собираешься мне сказать. Читаю по твоему лицу вопрос: «А как же Саладин? Ведь он, твой господин, предводитель джихада?» Да не хлопай так глазами, а то я умру от колик. Прежде всего он — правитель, а правителям нужна религия, которая лучше всего служит исполнению их планов. Вера — прекрасная уздечка для подданных. Это понимали еще древние. Вот, например, равноапостольный святой Константин Великий, отец-основатель Второго Рима. Церковь чтит его за то, что он сделал христианство государственной религией империи, но не любит вспоминать, что сам он в то же время вовсе и не был христианином.

— А как же... знак креста, явленный ему самим Господом?

Раурт, несомненно, имел в виду легендарную битву

Константина с Максенцием, где войска императоров-соправителей, претендовавших на единоличную власть, столкнулись прямо на Мильвинском мосту в Риме. Сражение стоило жизни сопернику Константина. Панегририст последнего, Евсевий, уверял, что спустя много лет сам император, лежа на смертном одре, признался, будто Господь явил ему в небе знак креста с начертанным рядом пророчеством: «Сим победишь».

— Вот ведь какая штука... — усмехнулся Жюльен. — Никто другой в тот день не видел в небе ничего, кроме лебедей. Может, Господь хотел сказать Константину: «Сим перелетишь» — ведь победитель не долго повластвовал в Риме Первом и переселился в Византию, — а Евсевий просто оказался слегка туговат на ухо и не отличил сигно от цигно?..⁶⁶ Или же император на смертном одре плохо ворочал языком? Трудно сказать; те, кто творит историю, и те, кто записывает ее, видят порой совершенно разные вещи.

Сделав такое категоричное заключение, Жюльен подвел итог философским прениям.

— Но я, дружок, не для того так надолго поселился в этом паршивом городишке, чтобы тратить время на богословские или любые другие отвлеченные беседы, — сказал он. — Кроме того, я не случайно завел речь об интимной жизни твоего сюзерена. Заика обратил внимание на некую придворную даму по имени Сибилла. Как мне думается, она могла бы оказаться полезной для... для нас. Саладину давно хотелось подыскать в Антиохии подходящего информатора. Нет сведений ценнее, чем те, которые получают в спальне. Тут все дело в природе мужчины; ему иногда просто необходимо чем-нибудь поражать воображение своей пассивностью, чтобы доказать, что он — самый лучший. Прежде всего, конечно, себе, а не ей. А ведь, выбираясь из супружеской постели, Боэмунд вовсе не чувствует себя несокрушимым гигантом. Он, даром что князь, жизнь у него не ахти. Лично я бы не позавидовал. Он с детства ненавидел всех — мать, отчима, слуг, а теперь еще тихо злобствует на Мануила с его Теодорой. Так же спятить можно. Ему просто необходимо хоть кого-нибудь любить. Для разнообразия...

Когда Жюльен закончил монолог, Раурт спросил:

— А чего ты, собственно, хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты подружился с Сибиллой и разъяснил этой... *девице*, что, если ей удастся взнудать князя по всем правилам, она получит ощутимые

выгоды сразу с двух сторон: первое, она делается метрессой правителя Антиохии и, второе, на мой взгляд куда более важное, станет другом самого могущественного из властителей Востока. Понимаешь меня?

— Понимаю, — кивнул Раурт, — но не все. Не ясно мне, отчего бы тебе самому не поговорить с ней?

Жюльен ухмыльнулся:

— Помилуй Боже! Кто я такой? Какой-то паршивый купчишка. Лавочник. Ты — другое дело. Ты — рыцарь, вассал князя Боэмунда. Тебе и карты в руки, зря, что ли, ты носишь шпоры?

Всегда на протяжении их долгих отношений Рубен-Расул-Раурт неизменно самым лучшим образом выполнял все, чего требовал от него товарищ. Не оплошал Вестоносец и на сей раз.

Добиться внимания Сибиллы оказалось проще простого: ее глазки загорались, встречаясь с заинтересованным взглядом любого более или менее привлекательного кавалера, даже и далеко не юного, такого, как, например, рыцарь Раурт из Тарса. Впрочем, ему довольно скоро пришлось объяснить даме, что интересуют его вовсе не ее прелести. Сибилле шел всего девятнадцатый год, однако она оказалась не только сластолюбива, но и весьма понятлива и мгновенно оценила выгоды, которые сулило ей сотрудничество с *заинтересованными лицами*. Взамен дама выдвинула собственное условие. «Хочу стать княгиней!» — заявила она. К удивлению Раурта, выслушав ответ Сибиллы, Жюльен реагировал спокойно.

— Передай ей, что это будет зависеть не только от нас, — совершенно серьезно ответил он и добавил: — Но свое дело мы сделаем.

Жюльен так и не объяснил Раурту значение этих слов, однако Сибилла получила то, что хотела. Своевременная смерть царственного родича Теодоры развязала руки его сирийскому родичу и вассалу. У тридцатипятилетнего князя Боэмунда, без памяти влюбившегося в юную прелестницу и намертво угодившего в ее маленькие, но очень цепкие и остренькие коготки, появилась возможность отослать ненавистную жену в монастырь и жениться на Сибилле. Султан Салах ед-Дин также не прогадал, он нашел в княгине Антиохии превосходную шпионку и теперь всегда получал сведения, так сказать, из первых рук.

В общем все оказались в выигрыше. Все, кроме Раурта. Сделав свое дело, он оказался больше не нужен

в родном городе. Единственное, чего хотел младший сын корчмаря Аршака на пороге своего пятидесятилетия, — спокойствия. Но именно его-то он и не получил. Старый друг, бывший любовник, не забывал о Вестоносце. Так Раурт из Тарса оказался в Краке Моабитском при дворе Ренольда Шатийонского. Все шло удачно, князь, как и предсказывал Жюльен, не узнал в новом вассале давнего знакомого — был бы жив верный Ангерран, тогда другое дело.

Неприятностям, как хорошо известно, стоит только начаться. Гибель голубей стала первым предвестием страшной беды. Вскоре после падения Айлы, едва закончились праздники — Рождество, Новый год и Крещение Господне, князь неожиданно призвал Раурта к себе и как бы невзначай спросил:

— Как поживает ваша жена, шевадье? Как дети?

— Я сам волнуюсь о них, государь, — ответил Вестоносец и вдруг похолодел от ужаса. Ведь, поступая на службу к новому сеньору, рыцарь сказал ему, что холост. — То есть... о чем вы, мессир? Какая жена? У меня нет ни жены, ни детей!

— Правда? А мне показалось....

— Они были у меня, мессир... Я... я — вдово...

Он никак не решался произнести слова «вдовец», опасаясь накликать беду на Катарину и сыновей.

Ренольд же никоим образом не собирался давить на рыцаря, подвергать сомнению его слова или пытаться уличить во лжи, он всего лишь кликнул стражника и велел позвать к себе Жослена, который только накануне вечером прибыл в Айлу.

Заслышав шаги Храмовника, князь, кривя тонкие губы в нехорошей усмешке, проговорил:

— Господь совершил чудо, шевадье Раурт... *де Тарс*. Он возвращает вам утраченную семью. Посмотрите, кто пожаловал к нам в гости.

Вестоносец повернулся и похолодел.

Появившийся в дверях Жослен держал за руку любимчика Раурта — пятилетнего Паоло. Он обрадовался отцу и хотел броситься к нему, но Жослен не пустил мальчика и за его спиной сделал знак Раурту, чтобы тот не спешил приближаться.

Резко повернувшись к Ренольду и встретившись взглядом с тем, чьей судьбой так легкомысленно играл, Вестоносец понял — князь знает все, если и не все, то

очень многое, значит, настало время платить долги. Во что же оценит сеньор Петры утрату власти и четырнадцать лет, лучших лет жизни, проведенных им в подземелье донжона в белой столице атабеков?

* * *

Двадцатидвухлетний король Бальдуэн ле Мезль все чаще втайне молил Бога послать ему избавление от мучений. Смерть становилась все желаннее, он мечтал о ней, как голодный мечтает о куске хлеба, как путник, умирающий от жажды в пустыне, — о глотке воды. Он мечтал о смерти, потому жизнь его превратилась в сплошной кошмар.

«За что, за что наказуешь меня, Господи? — вопрошал он в минуты отчаяния. — Чем так согрешил я перед Тобой? Неужто мало Тебе мучений плоти моей? Отчего не позволишь мне удалиться от дел, чтобы невеликий остаток дней моих провести в молитвах во имя Твое? Разве недостало Тебе того, что обрек Ты меня на безбрачие, не дал счастья иметь детей, лишил возможности взрастить кровных наследников? Так отчего не послал Ты государству моему мужа многомудрого, дабы с легким сердцем завещал я ему свой трон? Разве многого возжелал я? Ведь одного только и хочу — с чистой совестью удалиться от дел, зная, что государство, построенное отцами, дедами и прадедами нашими, не погибнет, не распадется, не растает без следа, едва предстану пред ликом Твоим. Суди меня, коли грешен, но царство, что создали здесь те, кто славит имя Твое, огради! Спаси верующих в Тебя от меча язычников, что занесен ныне над головами их. Не о себе прошу, о тех, повелевать коими поставил меня Ты. Сжался, сжался над землей этой, Господи!»

Бог не отвечал на молитвы прокаженного короля. Точно намеренно стремясь погубить его государство, Всевышний день ото дня множил смуту.

Не успел король сложить с себя фактическую власть и передать ее мужу сестры, как Сибилла, явно подстрекаемая матушкой, заставила Гюи де Лузиньяна атаковать старых противников Куртенэ. Ничего нового Графиня не изобрела: все то же самое, что и в прошлом году, хорошо знакомое обвинение — государственная измена. Однако на сей раз дама Агнесса нашла подходящего свидетеля, отмахнуться от показаний которого

оказалось не так-то просто. В злом умысле против короны уличал графа Раймунда его же бывший рыцарь, Раурт де Тарс. Он уверял короля, что не раз слышал, как граф и Ибелины говорили о том, что неплохо было бы заменить на престоле внука Мелисанды на сына ее сестры, графини Триполи Одьерн, то есть на Раймунда.

Хотел того Бальдуэн или нет, но понимал, что должен провести разбирательство и раз и навсегда покончить с проблемой. Король также понимал, и это более всего томило его, — ни один человек во всем государстве не мог разрешить задачу, только он. Надо было собирать заседание Высшей курии, разбирать дело графа и его обвинителей; при этом совершенно невозможно было перепоручить председательство регенту, поскольку не только Раймунд, а и Ибелины чего доброго отказались бы подчиняться, а это означало бы уже не просто раскол, а самую настоящую гражданскую войну. Однако до тех пор, пока монарх отказывался принимать и выслушивать свидетеля обвинения, проблемы как бы не существовало. Между тем не тот пост занимал в государстве Бальдуэн, чтобы его запросто оставили в покое.

— Опять, матушка! Опять! — простонал король в отчаянии. — В прошлом году и в этом все та же история?! Опять измена?!

— Государь, — ласково проговорила Агнесса. — Я забочусь только о делах королевства. О *ваших* делах. То, что хочет сообщить вам этот человек, — правда. Он служил графу и многое слышал из того, что говорилось в кулуарах дворца в Триполи.

— Служил? — переспросил Бальдуэн и добавил: — Насколько я понимаю, прошло уже восемь лет, как ваш Раурт оставил Триполи и переехал в Антиохию.

— Все верно, государь, — согласилась мать. — Однако сути дела это не меняет. Если сир Раймунд вождеделел вашей короны тогда, то что мешает ему желать того же и сегодня? Где гарантия, что он не воспользуется вашей болезнью, дабы завладеть тронем Иерусалима?

Аргумент безотказный: не существовало правителя, который бы остался равнодушен к мнимому или подлинному намерению кого-либо из подданных посягнуть на его трон. Часто для принятия самого жесткого решения хватало одного лишь подозрения в злом умысле. Бальдуэн заколебался; он жаждал возможности *передать* власть в достойные руки, но вовсе не хотел

отдавать ее одному из своих вассалов, пусть даже такому, как граф Триполи, близкому родственнику и многими уважаемому магнату. Да и кому понравится иметь в подручниках человека, тайно мечтающего самовольно распорядиться судьбой собственного господина?

Однако король все же спросил:

— Отчего же рыцарь этот молчал столько лет?

— Не трудно понять, ваше величество, — ответила Агнесса. — Он опасался мести графа, ведь вы могли не поверить ему, так как имели бы основания предположить, что он пытается отомстить бывшему сюзерену. Как-никак Раймунд Триполийский безосновательно обвинил Раурта из Тарса в убийстве Милона де Планси и подверг испытанию железом.

— Но что изменилось теперь? Разве все не осталось на прежних местах?

— Выслушайте его сами, государь, — вместо ответа попросила Графиня. — Как сказал мне ваш дядюшка, сенешаль Жослен, к которому и обратился рыцарь Раурт, все эти годы он полагался на волю Господа, столь чудесным образом защитившего его от злобы графа...

— А что же это он *теперь* перестал на нее полагаться? Что изменилось?

— Сей богобоязненный человек прослышал о прошлогодней... м-м-м... проделке сира Раймунда и понял, что не может дольше молчать.

Несмотря на теплоту, с которой говорила мать, Бальдуэн чувствовал фальшь в ее голосе. Впрочем, он уже давно никому не хотел верить, ему казалось, что все, все вокруг обманывают его. И, по правде говоря, нельзя сказать, чтобы он слишком сильно заблуждался.

— Я даже знаю, матушка, от кого он услышал об этой, как вы называете ее, проделке. Впрочем, вы тоже знаете. Вот уж кто мастер на всяческие *проделки*, так это сеньор Петры, сир Ренольд. На днях только я получил свежее донесение об одной из них. До Мекки добрался! Каково? Этак делать станем, самый ленивый язычник возьмется за оружие!

— Что тут плохого, государь? — с притворным удивлением поинтересовалась Агнесса. — Князь выполнял свой долг рыцаря и христианина. Разве не в том состоит подвиг крестоносца, чтобы без усталости воевать с нехристями? Разорять их города и деревни? Без усталости уничтожать неверных агарян? Не тому ли учит нас церковь и верховный пастырь ее, апостолик римский?

— Ох матушка... — тяжело вздыхая, проговорил Бальдуэн. — Апостолик там, а мы тут. Сколько лет уже никого не дозовешься. Король французский Луи скончался, так и не исполнив обета. Его величество Анри Плантагенет в добром здравии, но тоже что-то сюда не торопится. Шесть лет прошло, а он все не спешит *подвиг крестоносца* свершать. И не долит крест на рамена возложенный. А без поддержки из Европы нам не до подвигов, сберечь бы от врага свою землю. Так-то вот...

Он умолк, и Агнесса также довольно долго не произносила ни слова, и королю уже стало казаться, что она отступила. Но не тут-то было.

— Выслушайте шевалье Раурта, ваше величество, — со всей нежностью, на которую только была способна, вновь попросила Графиня. — Поверьте, я лишь пекусь о *вашем* благе.

— Опять вы за свое? — с трудом шевеля губами, спросил Бальдуэн. — Не довольно ли вам, матушка?

— Чего не довольно, государь? — не поняла Агнесса.

— Печься о моем благе?

В ответ Графиня лишь вздохнула и после многозначительной паузы проговорила:

— Я знаю, как трудно вам, государь. Но я — та, которая родила вас, — рядом с вами. Если бы вы только...

— Бросьте, мадам! — оборвал ее король. — Вы рядом только тогда, когда *вам* это нужно! Где были вы и батюшка, когда со мной стряслась беда? Почему ни вы, ни он не оставили все дела и не пришли утешить меня?

— Но я не могла! — воскликнула Агнесса. — Пэры королевства, бароны земли запретили мне видеться даже с вашей сестрой, не говоря уже о вас.

В голосе Графини звучала боль, но Бальдуэну не хотелось щадить мать, он считал, что невыносимые мучения, выпавшие на его долю, дают ему право на это.

— Полноте, матушка, — проговорил он с горечью. — Если бы вы тогда, чтобы оказаться рядом со мной в трудную минуту, проявили хотя бы половину той же настойчивости, с которой нынче пытаетесь поссорить меня с графом, уверен, никакие препятствия не помешали бы вам!

Правитель Иерусалима искренне негодовал, он словно бы вернулся в те, казавшиеся теперь такими далекими времена очень рано закончившегося детства — Бог наказывал его уже тогда. Но за что? За что?!

— За что? За что?! — эхом откликнулось в ушах. — За что?! За что вы так со мной, государь?!

Король едва видел лицо матери, но как показалось ему, губы ее затряслись, а на глаза навернулись слезы.

— Пусть Бог накажет меня,— проговорила Агнесса с вызовом.— Пусть покарает, если я не хотела быть с вами... Что ж, вы правы,— продолжала она.— Наверное, я должна была бы требовать, чтобы они позволили мне находиться с вами в тот трудный... тот страшный момент вашей жизни. Поступайте, как считаете нужным, ваше величество. Я более не стану докучать вам ненужной заботой. А теперь позвольте мне уйти.

В комнате стало тихо, только где-то назойливо жужжала муха.

— Простите. Простите меня, матушка,— проговорил Бальдуэн.— Конечно, я выслушаю рыцаря Раурта. Пусть придет... пусть придет завтра.— Он почувствовал, как мать обняла его за плечи и поцеловала в голову.— Если у вас все, тогда ступайте,— закончил король, сглатывая подкативший к горлу комок.

* * *

Выслушать Раурта, конечно, пришлось. Пришлось также и баронов скликать на суд. Принимая во внимание физическое состояние короля, который уже не мог держаться в седле, заседание Курии проводили во дворце в Акре.

Как и следовало ожидать, граф Триполи решительно отверг все выдвинутые против него обвинения. Возможно, оттого, что король почти никого не видел, его слух сделался особенно чувствителен к вибрациям голосов. Король не сомневался — свидетель врал, он пришел в королевский дворец не по собственной воле, его заставили прийти сюда и давать показания против Раймунда — может, подкупили, может, запугали, не суть важно. Однако и граф кривил душой, уверяя, что все обвинения рыцаря Раурта ложны. Один из самых могущественных вассалов короны, пэр Утремера также безбожно врал.

Что же касалось собравшихся — большинства баронов, клириков и магистров обоих орденов, часть магнатов грудью встала на защиту *оговоренного* графа, другие столь же вдохновенно поддерживали противоположную точку зрения, не скрывая уверенности в том, что все, в чем обвиняли графа, — чистая правда. В какой-то момент, слушая весь этот гвалт взаимных упреков,

граничивших порой с оскорблениями, Бальдуэн стал вдруг осознавать, что истина в этом собрании не интересовала никого. Впрочем, король, пожалуй, преувеличивал, некоторые из присутствовавших держались нейтралитета и, так же как и он, хотели сделать все для того, чтобы удержать государство на краю пропасти, в которую оно грозило вот-вот свалиться.

Обращала на себя внимание далеко не безынтeресная личность магистра госпитальеров Рожера де Мулена. Наверное, впервые за многие годы во главе ордена святого Иоанна оказался сравнительно широко и весьма независимо мыслящий человек. Он, по крайней мере, не унаследовал от предшественников слепой ненависти к извечным соперникам — тамплиерам. Вероятно, происходило это вследствие симпатии, необъяснимым образом возникшей между руководителями обоих братств. Возможно, причиной ее служила довольно заметная разница в возрасте: магистр Рожер испытывал своего рода уважение перед сединой мэтра Арнольда. По крайней мере, глава госпитальеров не кинулся немедленно поддерживать Раймунда, своего *собрата* и врага Храма⁶⁷.

Говорить громко, так, чтобы хорошо слышали все, Бальдуэн уже не мог, потому он пользовался услугами дяди. Когда пришло время, король велел объявить собранию о своем решении.

— Но, сир? — удивился граф Жослен. — Вы в самом деле намерены положиться на...

— Да, — оборвал Бальдуэн сенешаля. — Да, дядюшка. Говорите же! Или мне попросить кого-нибудь другого?

— Мессеры, — начал граф, — прошу тишины, господа. — Когда всеобщий гул смолк, сенешаль, говоря от имени монарха, довел до членов Курии его предложение. Бароны и клирики в большинстве своем поддержали короля. Жослен подвел итог заседанию: — Я, Бальдуэн, милостью Божьей в Святом Граде Иерусалимском шестой король латинян⁶⁸, выслушав волю благородных сеньоров и духовных особ Святой Земли, уповаю на Господа и повелеваю доверить выяснение правды суду Божьему. Да явит Господь наш истину, сохранив правого и покарав лжеца в честном поединке между шевалье Рауртом из Тарса и сиром Раймундом, сиятельным графом Триполи и князем Галилеи, или любым рыцарем, который добровольно вызовется выступить на его стороне...

Жослен Эдесский продолжал оглашать вердикт Курии, но Бальдуэн уже не слушал дядю; для короля завершилась очередная процедура, он наконец свалил со своих слабых плеч еще одно неприятное дело и мог теперь забыть о нем. Однако кроме государя Иерусалима среди присутствовавших находился по крайней мере один человек, чьи уши словно бы паклей заложило, едва суд устами сенешаля вынес приговор. Если для Бальдуэна все проблемы, связанные с обвинением в измене, выдвинутым против вассала, остались позади, для Раурта, напротив, все самое интересное только начиналось. В случае, если он проиграл бы поединок, его ждала бы неминуемая гибель: либо смерть от оружия противника, либо веревка.

«Все... Теперь все. На сей раз Он не помилует! — мысленно произнес Раурт и вдруг поймал себя на том, что думает не о Боге, чьим судом ему вновь выпало судиться, а... о Жюльене.— Неужто он и по сей день пребывает в неведении? Нет, он не мог не насторожиться. Ведь прошло уже три с лишним месяца, как я не посылал ему весточки, хотя обещал отправить донесение сразу же после того, как войско выступит в поход!»

Разумеется, такой человек, как Жюльен, не мог «не заметить» недавних событий произошедших в окрестностях Красного моря.

Между тем моментом, когда почтовый голубь, покинув чердак одной из башен, где Вестonosец держал птиц, взял курс на Дамаск, и тем, когда Высшая курия королевства вынесла мудрый приговор, иб-ринз Арно успел не только взять Айлу, но и потерять ее. Двух кораблей оказалось недостаточно, чтобы быстро захватить островной замок, и предприятие быстро наскучило князю — он терпеть не мог длительных осад. Кроме того, неотложные дела требовали его присутствия в столице, и потому он покинул осаждавших Иль-де-Грэ воинов. В отсутствие Ренольда Хусам ед-Дину Лулу и его армаде, отправлявшейся к берегам аль-Хиджаза, дабы положить конец бесчинствам светловолосых демонов в землях ислама, не составило труда не только прогнать малочисленных франков от Иль-де-Грэ, но также и заставить их покинуть едва завоеванную Айлу.

Таким образом, по результатам усилий экспедиции сеньора Керака на севере Акабы с точки зрения территориальных приобретений можно было считать нулевым,

чего нельзя, конечно, сказать о моральном аспекте данной экспедиции. Эхо, которым откликнулся в мусульманском мире *звон льдин кольчуги* ватажников Йоханса-конунга, буквально всколыхнуло всех правоверных.

Надо сказать, что Раурту от этого легче не становилось. Сражаться с ним в судебном поединке вызвался молодой европейский рыцарь, отпрыск весьма знатного рода, Амбруаз де Басош. Один из предков его, Жервез, служил еще Бальдуэну Булоньскому и принял мученическую смерть от рук язычников. Амбруаз служил Раймунду как князю Галилеи⁶⁹.

Как и полагается христианину накануне испытания, Раурт молился. Он не стал откровенничать со священником на исповеди, предпочитая общаться с Богом напрямую. Охваченный страхом перед испытанием, рыцарь, надеясь заговорить зубы Всевышнему или его матушке, старательно бил поклоны Господу и Святой Деве все три дня, отведенные королем на подготовку к ордалии.

Трудно сказать, слышал ли Бог мольбы Раурта — по крайней мере никакого знака Он ему не подавал, — но в конце последнего дня в часовенке у алтаря рядом с Рауртом, в сотый или даже в тысячный раз бормотавшим *paternoster* (Отче наш), опустился некто в монашеском плаще с глубоко надвинутым капюшоном. Рыцарь поначалу даже и не обратил на него внимания.

Покончив с традиционной молитвой, Вестоносец, как делал уже много раз, вновь вплотную подступил к интересовавшей его теме.

— Господи, иже сущий на Небе, — шептал он. — Спаси, помоги, ибо грехи, что возложил я на душу мою, тяжки. Много ужасного совершил я на веку своем, такого, за которое нет и не будет мне прощения. Тебе все ведомо, от Тебя ничего не скроется. Зри же: грех, в котором каюсь я сегодня, не только мой грех. Я солгал, оклеветал невинного, потому что испугался. Не своей волей пришел я на суд, но волею сильных мира сего. И не за себя прошу, Господи, а за жену свою, мать детей моих. Сохрани меня ради семьи, ради близких моих. Не дай погибнуть, прежде чем увижу первенца моего рыцарем. Укрепи же дух мой, помоги...

— Боже, какая скучная песня! — вздохнул сосед в плаще с капюшоном. — Я бы на твоём месте просил Всевышнего укрепить не дух, а руку, если ты действи-

тельно хочешь дожить до *светлого* момента, когда твой Венсан принесет омаж.

— Кто ты?! — Раурт резко повернулся. Ему показалось, что в полумраке часовни глаза «монаха» вспыхнули дьявольским огнем.

— Тот, кого ты звал.

Вестonosец оторопел. Вообще-то призывал он Бога, который, как хорошо известно, не имеет обыкновения являться всем и каждому: в лучшем случае Он посылает ангела. Однако у тех в обиходе костюмы белого цвета, к тому же их глаза не блестят, они излучают свет. Хотя, если подумать, может ли тот, кто до сих пор не встречал ни одного ангела, утверждать со всей уверенностью, что они именно таковы, какими их принято считать?

Самое простое объяснение пришло в разгоряченный молениями ум последним.

— Жюльен? — воскликнул Раурт. — Ты?!

— А ты ждал кого-то еще? — не без ехидства осведомился старый друг. — Если так, напрасно, иных друзей в *этом* мире у тебя нет.

— Ты снова исчез...

— Это ты исчез, — возразил «монах». — Перестал присылать донесения. Повелитель правоверных уже начал гневаться. Что случилось?

— О-о-о... — Вестonosец открыл рот, собираясь завести длинный рассказ о цепи событий, приведших его в эту часовню. — Я... я...

— Давай сэкономим время, тем более что у нас его крайне мало. Я кое-что узнал окольными путями. Скажу откровенно, у тебя просто какой-то талант влипнуть в неприятности! Спасибо, хоть на сей раз ты не в тюрьме.

«Он сказал — *у нас!*» — Раурт не скрывал радости.

Жюльен продолжал:

— Каким образом князь сумел опознать тебя? Тебя допрашивали? Пытали? Ты что-нибудь рассказал про меня?

— Нет... — не глядя на друга, пробормотал Вестonosец. Его действительно не пытали, поскольку Ренольду пришло на ум, что не следует портить «товарный вид» свидетеля. В общем-то необходимости вести допрос с пристрастием и не возникло, поскольку Раурт, едва увидев инструментарий Рогара Трехпалого, сделался весьма общительным, лишив палача приятной возможности в очередной раз честно послужить господину. К тому же отпираться было бессмысленно: когда с Весто-

носца сорвали одежду, князь увидел выжженный на теле предателя хорошо знакомый знак — саратан — и мгновенно все понял.

— А что же тогда?

— Меня не опознали, — неожиданно легко соврал рыцарь. — Просто пронюхали про то, что у меня есть семья в Антиохии...

— Каким образом? Нашелся кто-то, кто знал про них?

— Нет. Не знаю. Наверное. Это, скорее всего, Жослен Храмовник. Он ненавидит меня.

— Ненавидит? Отчего? — спросил Жюльен. — Кто он такой? Он и в самом деле тамплиер? Ты не говорил, что в Керাকে появился коментурий Храмовников.

Раурт в нескольких словах изложил все, что знал о Жослене. Выслушав, Жюльен спросил:

— Он следил за тобой?

— Не знаю, черт меня возьми! — с раздражением бросил Вестоносец, совершенно забывая, что находится в святилище. — Если бы ты позаботился о Катарине и мальчиках, о чем я умолял тебя в последнем моем послании, этим сволочам не удалось бы накинуть мне на шею удавку.

— О чем ты говоришь? — искренне удивился Жюльен. — Я сам лично распечатывал то письмо. Там не было ничего, кроме того, что князь ведет какие-то скрытые приготовления в лагере у Мертвого моря. Теперь-то мы знаем, что это были за приготовления...

— Черт побери! Ты говоришь о *предпоследнем* письме! В тот момент мне не удавалось ничего больше вызнать, и я просил тебя послать соглядатаев. Но потом я сумел выведать кое-что важное... Значит, ты не получил последнего послания? — он сделал коротенькую паузу и продолжал: — Я уже тогда предчувствовал недоброе. Так и вышло! Сначала Эскобар передушил всех голубей... С этого все и началось! Даже раньше, с Жослена, он все время косился на меня...

Жюльен посмотрел на внезапно прозревшего Раурта как-то особенно. Тот забеспокоился: ему что-то очень не понравилось во взгляде товарища.

— Что такое? — спросил Вестоносец. — Что ты хочешь сказать?

— Точнее, спросить. Например, кто такой Жослен? — с явным безразличием в тоне поинтересовался Жюльен.

— Рыцарь. Они с князем Ренольдом вместе были в плену.

— Вот как? Он из Антиохии?

— Да. Но тут не то, что ты думаешь,— опережая следующий вопрос друга, проговорил Раурт.— Когда турки захватили князя, Жослена еще на свете не было. Они познакомились в Алеппо.

— Расскажи мне о нем поподробнее,— неожиданно попросил Жюльен.

— Ничего особенного,— с раздражением бросил Вестносец.— Его тетка была служанкой княгини Констанс Марго, кажется, так ее звали. Какое, черт побери, это имеет значение?

«Марго? — подумал Жюльен и кивнул.— Надо будет разузнать о ней. На всякий случай...»

— А кто такой Эскобар? — спросил он.

— Кот,— неприязненно поморщившись, ответил Раурт.— Его поймали, когда охотились на фанака, как раз в тот день, когда я отправил тебе последнее донесение. Такая тварь... Жирная сволочь! Он их даже не съел, представляешь?! Просто передушил, гад!

— Кого? Охотников?

— Моих голубей!

— Меня больше интересуют охотники,— признался Жюльен.— Скажи, они травили лису собаками?

— Нет,— раздраженно бросил Раурт.— Кажется, с птицей. Да не все ли равно?

— Конечно, все равно,— согласился Жюльен, и в глазах его потеплело. Он спросил: — А ты правда ничего не говорил обо мне князю?

— Да что ты заладил? — отмахнулся Вестносец, но, решив врать с умом, признался: — Говорил, конечно. Но не больше, чем на том суде в Триполи. Не было смысла отпираться, они могли допросить слугу. Думаю, что в канцелярии сохранилась запись... хотя, может, и нет. Так или иначе, я не видел смысла отпираться и теперь. Если бы меня поймали на лжи, то больше не поверили бы ни слову, стали бы пытаться...

— Ты все сделал правильно,— подытожил беседу Жюльен.— Не думай, что я боюсь кого-нибудь. Просто хочу знать точно, *какой* информацией обо мне располагают сеньор Керака, тамплиеры и семейство Куртенэ.

Раурта, как легко предположить, интересовало другое.

— Ты сможешь мне?

— Каким образом? — захлопал глазами Жюльен.— Сесть вместо тебя на коня и скрестить оружие с храб-

рым Амбруазом? Я не рыцарь. Это ты у нас жаждал шпор. Тебе и копые в руки.

— Как?

— У тебя совершенно нет чувства юмора,— пожурил Раурта товарищ.— Разумеется, раз уж я оказался здесь, то помогу тебе.

— Каким образом?

— Один раз нам с тобой уже удалось провести Провидение, не так ли?

— Да, но... но как? — протянул Раурт.— Как?

— Верно! Ты научился проникать в глубь вещей! Как? — это прекрасный вопрос. Самый подходящий в данном случае. Лучше и придумать ничего нельзя.— Жюльен покачал головой и весело подмигнул другу.— Прикинем наши шансы. Значит, так... Подкупить доблестного шевалье Амбруаза нам едва ли удастся. Отбросим этот вариант. Может, уговорить его упасть с лошади?

— Мне не до шуток,— напомнил Вестonosец. Он понимал, что у друга, как у ярмарочного жонглера, всегда есть в запасе ловкий трюк, однако манера Жюльена разговаривать с ним, Рауртом, как с недоразвитым эсклавоном, раздражала.— В какой-то мере я оказался в нынешнем положении и по твоей вине. Я не выдал тебя, так уж и ты будь добр...

— Искренне благодарю тебя,— без выражения произнес «ангел-хранитель» и продолжал с таким видом, будто говорил о чем-то совершенно очевидном: — Если к всаднику не подобраться, остается уговорить коня. Просто и понятно, разве нет?

— Э-э-э...

— Мэ-э-э... — передразнил Жюльен и твердо и, главное, без тени иронии произнес: — Это уж моя забота. Так что хватит валять дурака и бить поклоны. Поди проверь лучше, хорошо ли твой оруженосец приготовил коня и оружие... Ладно, думаю, мы обо всем договорились,— закончил он, вставая.— Сначала уйду я, а спустя какое-то время ты. Не беспокойся ни о чем.

«Слава тебе Господи», — подумал Вестonosец с видимым облегчением, однако какой-то червячок сомнения все-таки грыз его душу.

Вскоре после того, как Жюльен покинул часовню, явился оруженосец Раурта с докладом о том, что пора отправляться на ристалище.

Народу в поле собралось довольно много, хотя никому специально не объявляли о предстоящем поединке — не турнир все-таки, — но и не делали секрета из того, что два рыцаря ясным весенним утром посредством оружия выяснят волю Божию.

Знатные рыцари и клирики приехали верхом, как на суд или на военный совет, и, не спешиваясь, расположились по центру, напротив того места, где противникам предстояло, разогнав жеребцов, столкнуться и изломать копыя. Три дня, отведенные королем на подготовку, оказались длительным сроком, и у многих ноблей нашлись неотложные дела в их вотчинах или в столице, потому среди зрителей не было заинтересованных лиц — ни Раймунда, ни Ибелинов, равно как и главных представителей партии Агнессы де Куртенэ. Правда, присутствовали пасынки графа, Юго и Гвильом Галилейские, священнослужители, и в их числе архидьякон Тира Иосия и епископ Лидды Годфруа, несколько госпитальеров во главе с командором Арзуфа Гольтьером. Ну и, конечно, храмовники, которых привел маршалль Дома, белокурый красавец Жак де Майи, более всего на свете почитавший бесшабашную сшибку и свои прекрасные белые локоны, в беспорядке разметавшиеся по плечам. Короля представлял виконт Акры Гвильом де Флор.

На одном конце огороженного специально сколоченным забором поля находился шатер шевалье Амбруаза, на другом, как и полагалось, палатка Раурта. Несмотря на некоторое неравенство противников — галилеянин хотя и являлся младшим в семье, но происходил из знатного рода, — жеребец и кольчужное облачение Вестоносца практически не уступали дистриеру и доспехам противника. Здесь постарались Ренольд и тамплиеры — в их планы по понятным причинам проигрыш Раурта не входил. Однако все остальное, если отвлечься от божественного промысла, зависело от удали всадника.

Вот тут, по крайней мере для самого Вестоносца, разница представлялась ощутимой: двадцатипятилетний Амбруаз превосходил его и ростом, и шириной плеч, и, как можно было предположить, рыцарской выучкой. Науку эту он, в отличие от пятидесятилетнего Раурта, получившего шпоры уже в отнюдь не юном возрасте, начал постигать с молодых ногтей. Но не в этом заключалась главная проблема, поскольку, как всем известно, маленький Давид поразил огромного Голиа-

фа — правый победил неправого. Правый неправого! Любезный Господу одолел того, кто стал противен Ему.

Несмотря на обещания Жюльена, товарищ его никак не мог унять беспокойства. Невзирая на бессчетное количество раз произнесенные *paternoster* и прочие страстные молитвы, представитель стороны обвинения сейчас не слишком-то подходил для таких серьезных испытаний, как суд Божий. Раурт убеждал себя, что волноваться нет причины, ведь Жюльен спас его в куда более сложной ситуации, из которой и в самом деле не было выхода. Теперь же расклад сил был более благоприятным, ведь копье Амбруаза — не раскаленное железо. К тому же Вестоносец догадывался, что означало выражение «уговорить коня». Припомнилась их задуманная беседа в уютном гнездышке Жюльена в Триполи холодной осенью тысяча сто шестидесятого года.

Тогда после жаркой ночи любовник разговорился и поведал Расулу, как чаще называли его в те годы, некоторые подробности смерти мужа королевы Мелисанды, Фульке Анжуйского. Король Иерусалима упал с лошади во время охоты здесь, в окрестностях Акры, и собственное седло проломило рыжеволосую голову Фульке. Коня, на котором король погнался за тем роковым в его жизни зайцем, накануне поили отдельно.

Спустя два дня после того разговора с Жюльеном Расул отправился в Алеппо, чтобы предупредить губернатора Магреддина о рейде князя Антиохии. Та поездка стоила свободы Ренольду де Шатийону. Сегодня утром Раурт сумел ввести Жюльена в заблуждение относительно истинного положения вещей: сеньор Горной Аравии знал многое, если не все, знал, конечно же, и о роли нынешнего подручника Саладина, Улу, в том деле. Вестоносец не сказал товарищу правды главным образом потому, что боялся, как бы Жюльен не пожелал покинуть ристалище из опасения, как бы люди Ренольда не устроили ему здесь засаду.

С помощью оруженосца рыцарь облачился в тяжелую кольчугу, натянул кольчужные чулки, надел табар. Затем подошел священник и служка с ларцом, в котором хранились святые мощи. Раурту пришлось взять себя в руки, чтобы произнести клятву в правоте своего дела. Как ни странно, но Господь не поразил его молнией на месте. Вестоносец приободрился: в конце концов, разве граф Раймунд не оговорил некогда своего

верного слугу? На вопрос: «Клянешься ли ты, шевалье Раурт из Тарса, что не имеешь в намерениях воспользоваться в предстоящем поединке колдовством, дабы исказить волю Господа?» — он также ответил твердо: «Да».

Когда раздался предупредительный сигнал герольда, наступил момент надевать шлем — глухой «горшок» с крестообразной смотровой щелью. Такие шлемы с середины столетия стали получать все более широкое распространение в Европе, а в последнее время и на Востоке. Они не очень-то годились для войны, однако прекрасно подходили для турниров, особенно если один противник подло нацеливал кончик тупого турнирного копья в лицо другому.

Вот тут-то и вышла заминка. Растерянный мальчишка-оруженосец сообщил, что куда-то пропала специальная пуховая шапочка, которую обычно поддевали под шлем прямо на плетеный капюшон кольчуги. Без нее, получив удар по голове, особенно сверху, запросто можно было как минимум лишиться сознания.

— Куда она подевалась?! Куда?! — закричал Раурт, брызгая слюной и с отвращением и ненавистью глядя в глупое веснушчатое лицо Рыжего Жанно, примерно ровесника Венсана.— Где проклятая шапочка, мерзавец?!

— Клянусь вам, мессир! — захлопал тот ресницами.— Клянусь, она была...

— Тогда где она сейчас, скотина?! Где?! Где она, сын потаскухи?!

Вестносец не сдержался и отвесил оруженосцу звонкую пощечину, отчего тот отлетел назад и, не удержавшись, сел на землю.

— Мессир! Я как раз держал ее в руках, когда приходил тот человек... Не бейте меня!

— Как-кой еще человек?! — Рыцарь не мог удержаться от соблазна и не дать Жанно пинка. Если учесть, что на ногах у Раурта были кольчужные чулки, можно себе представить, что удар получился чувствительным. Оруженосец отполз в сторону и вскочил, впредь стараясь держаться на солидном расстоянии от сеньора. Тот уже понял, что гоняться за мальчишкой в полном облачении занятие не из легких и лучше, пожалуй, побережь пыл для поединка.— Как-кой человек?!

— Монах! Он еще строго так спросил меня, в порядке ли ваш конь и снаряжение. Можете сами спросить его.

— Кого?! — Злость вновь начала закипать в душе Раурта.— Кого спросить?!

— Монаха,— пояснил Жанно.— Я видел его потом здесь.

— Где?

— Там...— мальчишка указал в направлении деревянного забора с противоположной стороны ристалища, куда, как раз напротив места сбора почетных гостей, сбежалась довольно внушительная толпа теснивших друг друга простолюдинов.— Тогда народу было меньше...

— Да там до черта монахов!

— Этот особенный,— прижимая ладони к груди, не сдавался оруженосец.— У него на руке перстень с большим смарагдом. Очень дорогой, очень-очень дорогой перстень...

Труба герольда прервала причитания Рыжего Жанно. Впрочем, рыцарь и сам понимал, что мальчишка не ошибся — перстень, о котором шла речь, Раурт знал превосходно, поскольку получил его в благодарность за услуги от одного эмира почти тридцать пять лет назад и позже подарил Жюльену. Правда, в часовне у него как будто бы перстня не было, но, с другой стороны, взволнованный Вестносец мог и не заметить, да и вообще, что это меняло?

— Пусть рыцари приготовятся к схватке,— прокричал герольд, когда смолк звук рога, а затем обратился к публике: — Ведомо ли вам, что сегодняшней поединок особенный — и цель его узнать волю Божию?

— Да! Да! — закричали с разных сторон.— Ведомо!

— Ведомо ли вам,— продолжал герольд,— что никто ни жестом, ни словом, ни каким-либо иным образом, например бесовским наговором или ведьминым волхованием, не должен вмешиваться в отправление суда Господня? Не мешать сражающимся под страхом суровой кары?

— Да! Ведомо!

— А ведомо ли вам, какое наказание полагается тому, кто дерзнет препятствовать священному акту Небесного правосудия?

— Да!

— Знайте, что любой простолюдин поплатится за святотатство головой своей. Рыцарь же лишится руки, ноги или глаза.— Закончив излагать собравшимся правила поведения, герольд с позволения виконта Гвильома вновь обратился к участникам поединка: — Готовы ли вы, благородный шевалье Амбруаз де Басош, оружи-

ем своим доказать перед лицом Господа правоту вашего сюзерена?

— Готов! — рывкнул Амбруаз.

Когда затем герольд спросил практически то же самое у Раурта, он, разумеется, дал такой же ответ.

Ввиду отсутствия проклятой шапочки Жанно предложил набить шлем господина соломой, за что получил хорошую оплеуху кулаком в кольчужной перчатке.

«Ничего,— решил Вестносец.— Дай Бог, до пешей схватки на мечах не дойдет. Для копейного боя и так сгодится».

Одно настораживало Раурта, дестриер противника вел себя довольно спокойно, а вот его собственный конь, очевидно чувствовавший настроение всадника, то и дело храпел, встряхивал головой или просто начинал как-то уж очень нервно переминаться с ноги на ногу.

«Скорее бы уж, что ли, сигнал,— подумал рыцарь.— Скорее бы уж все кончилось».

Услышав трубу герольда, он вздохнул с облегчением и пришпорил жеребца. Для начала оба участника поединка дважды проскакали друг мимо друга с поднятыми копьями. На третий раз, по сигналу рога, они набрали скорость и в нужный момент разом опустили свое оружие.

Раурт, сгорбившись, прикрылся длинным треугольным щитом от самой смотровой щели шлема до колена и нацелил наконечник своего копья в голову Амбруазу. Рыцари столкнулись, но первая попытка не принесла ни одному из них победы. Вестносец промахнулся, однако в свою очередь сумел принять острие украшенного лентами копья противника на щит. Оно пропорол его основание насквозь и застряло в специально подложенной подушке — дальше все равно не пустил бы деревянный треугольный флажок на рожне. Превосходное ясеневое древко не выдержало нагрузки и с треском переломилось пополам.

Зрители дружно ахнули: теперь, когда первая атака закончилась, они имели полное право дать волю чувствам, не опасаясь лишиться кто головы, а кто какой-нибудь другой необходимой части тела. По условиям данного конкретного поединка, всадники имели возможность сделать еще две попытки, после чего им полагалось покинуть седла и, освободившись с помощью оруженосцев от металлических союзок⁷⁰, с мечами в руках драться в пешем строю. В таком случае шансы

более молодого и выносливого галилеянина заметно возрастали.

— Где же обещанная тобой помощь, Жюльен?! — прошептал себе под нос Раурт, зная, что никто, кроме разве что собственного жеребца, не слышит его. — Помоги мне, Господи.

Бойцы разъехались для новой сшибки. Они яростно атаковали друг друга, но вновь безрезультатно: Вестоносец, как и в первый раз, промахнулся, а противник его опять лишился копья. Только теперь оно разлетелось на несколько кусков, видно, оказалось чересчур пересушенным, и представителю обвинения пришлось менять щит — благо, имелся один запасной.

Рыцари поскакали каждый в свой конец ристалища.

Раурт понимал — в третий раз ему во что бы то ни стало необходимо осуществить свое намерение: угодив кончиком копья в «горшок» на голове Амбруаза де Басоша, если и не убить его, то по крайней мере вывести из строя, лишить возможности продолжать поединок. Внезапно Вестоносец почувствовал, как страх стал уходить, и впервые за все время подумал:

«А ведь если я одолею его, мне причитаются его доспехи и конь! А это совсем не так плохо!»

Рыцарь забыл обо всем остальном, даже о том, что для того, чтобы получить боевое облачение и дестриера противника, недурно было бы для начала одолеть его.

«Помоги! Помоги мне, Господи!» — Раурт мысленно шептал молитву, сосредоточив все внимание на спрятанной под стальным «ведром» голове шевалье Амбруаза, он и не думал вжиматься в седло, как поступал его оппонент. Для Вестоносца не осталось теперь ничего, только шлем противника и кончик собственного копья.

Они снова столкнулись, ударились друг в друга со всего маха.

— Есть! — завопил Раурт. — Есть!

Он не видел, что стало с Амбруазом, даже как будто бы не слышал треска сломавшегося копья, он лишь почувствовал — попал! Резко натянув поводья не в меру разогнавшегося жеребца, Раурт развернул животное и увидел то, что случилось. Белый дестриер противника скакал, никем не останавливаемый, в направлении палатки победителя — правильно, там теперь скакуну и место, благородному шевалье Амбруазу конь теперь более никогда уже не понадобится! Галилеянин лежал, распростершись на земле, и не подавал признаков жизни. Даже если он сейчас и поднялся бы, все

равно сто против одного — Амбруаз, скорее всего, не смог бы продолжать поединок. А это означало... это означало, что сегодня еще до заката веревка стянет не его, Раурта, шею.

«Победа! Победа! — ухало у него в голове. — Победа! Спасен! Спасен! Благодарю! Благодарю тебя, Господи! Спасибо тебе! Спасибо тебе, Пресвятая Богоматерь!»

Теперь зрители могли сколько угодно выражать свой восторг. Конечно, восторг, и ничего другого — какие еще эмоции может вызвать у христиан тот, чью правоту подтвердил сам Бог? Даже те в толпе, кто сочувствовал Амбруазу, теперь рукоплескали победителю. Все или почти все были на его стороне. Понимая важность момента, Раурт не спешил, его конь медленно, шагом приближался к недвижимому противнику.

Поравнявшись с «трибуной», Вестносец гордо посмотрел на расположившихся в седлах ноблей. Большинство из них, особенно такие, как Жак де Майи, искренне радовались победе Раурта, но некоторые, например княжичи Галилейские, сыновья Эскивы де Бюр, отводили глаза — они искренне переживали за отчима, чью вину перед королем Иерусалимским подтверждали результаты поединка.

Ликование буквально переполняло Раурта. Он даже не остановился возле побежденного Амбруаза, так как хотел непременно растянуть момент триумфа и собирался, проехав несколько туазов, развернуть коня и, возвратившись к поверженному врагу, спешиться. Сжимая шенкелями бока жеребца, он начал медленно, даже торжественно поворачиваться, как вдруг внимание его привлек вспыхнувший зеленым дьявольским глазом крупный смарагд на руке одного из одетых в простой шерстяной плащ монахов, стоявшего возле коня какого-то важного церковного иерарха.

Вестносец не мог не узнать этого перстня.

«Жюльен? Но почему ты здесь?»

«Отгадай?» — прозвучало в голове.

Не успел Раурт осознать, что ответ Жюльена всего лишь пригрезился ему, как конь под седлом победителя тревожно заржал и начал становиться на дыбы. Всадник вцепился в поводья. Ему удалось не свалиться на землю, однако время радоваться еще не настало. В жеребца словно бы вселился бес. Он громко заржал, затанцевал под хозяином, а потом ни с того ни с сего поскакал, точно пришпоренный, вдоль барьера. Могло показаться, что животное заметило призрака и решило, не дожидаясь

решения всадника, самостоятельно атаковать его. Однако хуже всего было то, что жеребец никак не реагировал на попытки хозяина подчинить его своей воле, а с каждым мгновением набирал и набирал скорость. Глина, пыль и мелкие камушки веером летели из-под копыт.

И вот уже промелькнул сбоку шатер Амбруаза де Басоша, осталось позади ристалище и зрители. Конь, казалось, летел, как будто бы у него в единый миг отрасли крылья. Он совершенно не замечал тяжести облаченного в железо седока, более того, к собственно-му неопишуемому ужасу, Раурт и сам почти не чувствовал собственного веса.

«Как муж Мелисанды! — вспыхнуло в мозгу Вестноса. — Как рыжий король Фульке! За что, Жюльен? За что?!»

Долго такая скачка продолжаться не могла. Конь споткнулся, и, вылетая из седла, несчастный сын корчмаря из Антиохии еще раз мысленно воззвал к Господу. Но Бог не услышал его мольбы.

Последним, что увидел в своей жизни рыцарь Раурт из Тарса, была жесткая каменистая земля; в следующее мгновение Вестносец ударился головой об огромный валун и, дернувшись, подобно побежденному противнику, затих навсегда.

XI

Как уже говорилось выше, в конце тысяча сто семьдесят первого года скончался восемнадцатилетний наследник Нур ед-Дина Малик ас-Салих Исмаил, и по смерти его Алеппо завладели наследники Кудб ед-Дина Маудуда, младшего сына Имад ед-Дина Зенги. Скоро они осуществили своеобразную рокировку: старший из них, Изз ед-Дин, атабек Мосула, отдал младшему, Имад ед-Дину, атабеку Синджара, Алеппо в обмен на прежний удел, то есть на Синджар, богатый город в между-речье Тигра и Евфрата.

Подобный вариант не устроил одного весьма важно-го и влиятельного господина, некоего Кукбури, командовавшего вооруженными силами белой столицы атабеков. Чтобы отделаться от назойливого военачальника, ему пожаловали во владение Харран, город, расположенный на реке Балих, притоке Евфрата.

Имея в своем распоряжении богатый удел, Кукбури получил прекрасную возможность «отплатить» гос-

подам за благодеяния и с удвоенными силами принял ся строить против них козни и интриги. Он склонил на свою сторону Ортокидов; так на севере началась ожесточенная война мусульман против мусульман. Как нетрудно предположить, единственным, кто по-настоящему выгадал в результате этой заварушки, оказался Салах ед-Дин. Он прибрал к рукам почти всю Месопотамию, захватил Эдессу, а также и парочку-другую городов, расположенных поблизости от нее. Штурмом взял Синджар. Завоевал расположенный на реке Тигр город Диарбекир, который вместе со всем добром, включая одну из лучших библиотек исламского мира, пожаловал союзнику, князю Хизн-Кайфы, находившейся милях в шестидесяти пяти вниз по течению Тигра.

Салах ед-Дина немного отвлекла смерть племянника Фарухшаха в Дамаске и вторжения франков поздней осенью-зимой того же года, однако в следующем, тысяча сто восемьдесят третьем году от Рождества Христова султан Египта и Сирии наконец присоединил к своим обширным владениям вотчину покойного господина — непокорную белую столицу атабеков. Семнадцатого июня по календарю франков, или двадцать третьего числа месяца раби аль-авваль пятьсот семьдесят девятого года лунной хиджры Имад ед-Дин под смешки бывших подданных отправился в свой *родной* Синджар, любезно пожалованный ему Салах ед-Дином, который на следующий день осуществил торжественный въезд в город.

Спустя немногим более двух месяцев султан вернулся в Дамаск. Теперь вчерашний курдский выскочка стал самым настоящим императором, чьи владения простирались от Киренаики до самого Тигра. Уже скоро в письмах к римскому понтифику Салах ед-Дин начнет величать себя: *«rex omnium regum Orientalium»* — повелитель всего Востока. Но это позже, а пока ему удалось как следует нагнать страху на своих; Изз ед-Дин Мосульский, не помышляя больше о войне со столь могущественным властителем, в страхе затаился за высокими стенами своей столицы. Султан Анатолии искал дружбы с султаном Египта и Сирии, князья-сельджуки хотели бы, но не имели сил бросить ему вызов. Византия, в которой после кровавых убийств коронованных особ, воцарился сластолюбивый старец, шестидесятичетырехлетний Андроник Комнин, больше ни для кого не представляла угрозы⁷¹.

Для Салах ед-Дина наступал момент обратить свой грозный взор на Запад, где на узкой полоске прибрежной земли от Александретты на севере и до Дарона на юге, да еще и в Заиорданье продолжали жить самые заклятые враги истинной веры, латиняне, наследники великих пилигримов Первого похода.

Не пробыв и месяца в своей столице, султан во главе армии, закаленной в боях с единоверцами, двинулся в Палестину и двадцать девятого сентября, форсировав Иордан немного южнее Галилейского моря, занял город Бейзан, чьи жители при первом известии о приближении неприятеля бежали под защиту стен Тивериады.

Регент Иерусалимского королевства, собрав войска, выступил навстречу неприятелю.

К первому октября в лагерь, что приказал разбить под Сефорией граф Яффы и Аскалона Гвидо Лузиньянский, собрались все бароны земли, и, конечно, самые главные из них: Ренольд де Шатийон, братья Ибелинские, Гольтьер Кесарийский и Ренольд Сидонский. На призыв откликнулся Раймунд Триполийский, а также и госпитальеры, прибывшие в Сефорию во главе с магистром Рожером. Пришли также и два знатных крестоносца из Европы — герцог Брабанта Годфруа и аквитанец Рауль де Молеон со своими дружинами⁷².

Спешил в Галилею и Онфруа де Торон. Однако пасынку сеньора Петры не повезло, он, можно сказать, провалил свое первое самостоятельное задание; не доходя до места сбора войск на склонах горы Гелвуй, солдаты Салах ед-Дина устроили юному наследнику князь-волка засаду. Самому Онфруа посчастливилось избежать плена, но большая часть его отряда была перебита или захвачена противником.

Тем временем из Сефории лагерь переместился к Голиафовым прудам. Здесь превосходящие силы мусульман атаквали авангард, возглавляемый братом Гвидо, Амориком, и едва не обратили франков в бегство, однако своевременная поддержка, оказанная коннетаблю тестем, Бальдуэном Рамлехским, и его братом Балианом, помогла спасти ситуацию.

Салах ед-Дин растянул фланги своей армии, словно бы собирался окружить латинян, однако решительных действий не предпринимал. Пять дней ни одна, ни другая сторона не отваживались атаковать. В лагере христиан начался голод, и наемники-итальянцы стали роптать, пока некоторые из дружинников сеньора Трансиордании не надоумили товарищей заняться рыбалкой.

Рыбы в прудах оказалось достаточно, и угроза голодного бунта миновала. Теперь франки могли находиться на удачно выбранной позиции сколь угодно долго.

Их противник, напротив, нервничал.

Он привел в Галилею огромную армию, которая могла раздавить сравнительно небольшие христианские дружины. Однако закаленные и проверенные во многих битвах ветераны составляли лишь небольшую часть войска Салах ед-Дина. Недисциплинированные орды добровольцев из вновь завоеванных земель пришли к султаном-победителем в надежде на легкую поживу. Между тем великий воитель колебался, он не решался атаковать и в то же время, видимо все еще памятуя о побоище под Рамлой шесть лет назад, не позволял солдатам вплотную заняться грабежом окрестностей. Армия султана, разместившаяся в районе ключей Туванни, начала таять.

Между тем в лагере франков не умолкали ожесточенные споры: князь Ренольд и сиятельные французские пилигримы и их рыцари требовали от регента приказа ударить на противника, граф Раймунд и Ибелины настаивали на прямо противоположном, упирая на то, что несмотря на дезертирство отдельных мусульманских шейхов и их отрядов, войско Салах ед-Дина все равно многочисленнее христианского.

Златокудрый потомок феи озера, прекрасный трубадур и похититель сердца принцессы Сибиллы, оказался в сложном положении. Он неплохо относился ко многим баронам, даже к тем из них, кто не принадлежал к числу его явных сторонников. Так или иначе, ему не хотелось обидеть ни графа Триполи, ни сеньоров Рамлы и Наплуза, ни грозного князя Петры, ни тем более заморских гостей. Поскольку разом удовлетворить все их требования возможным ни в коем случае не представлялось, Гюи колебался; утром он давал обещание одним, после полудня принимал предложение других, а к ночи уверял первых, что завтра непременно последует их совету. При всем при том молодой балли не мог взять в толк, отчего и те и другие так сердятся на него.

Мучительные колебания регента Иерусалимского королевства завершились восьмого октября; Салах ед-Дин, так и не решившись напасть на франков, покинул пределы Галилеи и увел свои поредевшие войска обратно за Иордан. Ренольд де Шатийон и европейцы обрушились на Гюи с упреками, в то время как Ибелины и граф Триполи, добившись своего, потирали руки. Они

первыми отъехали в свои вотчины, предвидя, что скоро вновь покинут их, дабы явиться на зов короля Иерусалима. Они прекрасно понимали, что нерешительность регента, его мягкотелость и нежелание кого-либо обидеть будут единодушно расценены всеми как трусость и слабость.

Узнав о случившемся, Графиня, оставив все дела, устремилась в столицу, но опоздала и, прибыв в Иерусалим, нашла ситуацию куда более серьезной, чем могла предположить. Кто-то ловко сумел настроить Бальдуэна против Гюи, а также внушить мысль последнему, что король — его враг, который хочет, ни больше ни меньше, развести зятя с сестрой.

На самом же деле умиравшим монархом в последнее время завладела некая негосударственная идея — он внезапно захотел провести недолгий остаток жизни вдали от двора, в городе, где прошло его детство. Одним словом, Бальдуэн решил поменяться с зятем, отдать ему Иерусалим, а себе взять Тир. Больной монарх не видел абсолютно ничего сверхъестественного в подобном обмене и никак не предполагал, что его предложение вызовет такую гневную отповедь. «Зачем вам Тир, государь? — заявил Гюи. — Живите себе в Иерусалиме. К чему такая сентиментальность в вашем положении? Не все ли вам равно, где... где жить?»

Король лишился дара речи, но повергли его в такое состояние не только и даже не столько наглость и цинизм родственника, а мгновенное, полное и бесповоротное осознание того факта, что... умереть спокойно ему не придется! Сказано: «И грехи родителей падут на детей их». Каковы же были грехи бабки Мелисанды, если с лихвой хватило и внуку? Не отмолила, нет, не отмолила королева-святоша! А может, и не отмаливала вовсе? Так или иначе, Господь, точно какой-нибудь бессердечный язычник, отказал страждущему в милостыне, не подал и жалкого обола голодному.

Страдания научили Бальдуэна ле Мезля долготерпению, но всему бывает предел. Когда король понял, что даже и в такой малости ему отказано, он чуть не лишился рассудка от внезапно охватившего его приступа ненависти к зятю. Разумеется, как монарх, Бальдуэн мог произвести обмен владениями вопреки воле графа Яффы, но это означало, что... о морском прибое, шум которого не раз слышался правителю Иерусалима в

мечтах, следовало забыть навсегда. Управлять, управлять самому и дальше, до самой смерти, править страной, все ниже и ниже сгибаясь под непосильным уже бременем власти,— вот что означал для несчастного прокаженного монарха отказ Гвидо де Лузиньяна. «Я не желаю видеть вас более, мессир,— едва сдерживаясь, чтобы из последних сил не закричать на зятя, произнес король.— Прошу вас убраться вон из моего дворца. Вы более не регент». — «Вот как? — скривился Гюи.— Я уйду из *вашего* дворца, сир. Но единолично отрешить меня от власти, данной мне Высшей курией, вы не в праве. Как бы там ни было, я вернусь сюда!»

Не раз и не два вспоминалась Бальдуэну бабка. Ведь и во времена ее молодости немало смуты наделал в королевстве граф Яффы, любовник Мелисанды Юго де Пьюзе. Нынешний правитель первой сеньории Утремера не придумал ничего лучшего, чем повторить подвиг своего далекого предшественника. Что же с этой Яффой в самом-то деле?! Колдовство, что ли, какое?

Когда двадцать третьего октября тысяча сто восемьдесят третьего года высшее собрание Иерусалима в составе князя Боэмунда, графа Раймунда, Гольтьера Кесарийского, обоих Ибелинов и некоторых других баронов отрешило от власти Гвидо де Лузиньяна, он ни много ни мало сложил с себя вассальную клятву Бальдуэну и удалился в Яффу, намереваясь драться с любым королевским эмиссаром, который вознамерился бы против воли хозяина войти в город.

Поскольку военных талантов у Гюи было не в пример меньше, чем дури, спеси и гонора, то вскоре злополучная Яффа перешла под прямое управление короны, графу же с супругой пришлось срочно спасаться бегством в Аскалон. Жители поддержали своего сеньора в распре с сюзереном. О том, чтобы штурмовать город, с огромным трудом отвоеванный у мусульман тридцать лет назад, не могло идти и речи. Нужно было что-то делать, однако король не собирался прощать зятя. «Нет,— упрямо повторял Бальдуэн многочисленным доброхотам.— Нет. Нет и нет! Не говорите мне о нем. Я не желаю знать этого человека! Мне плевать на то, что он раскаивается!»

Когда король узнал о прибытии ко двору матери, он приказал дяде не пускать ее к нему. «Но как же так, сир,— начал было сенешаль.— Она же ваша ма...» — «Как хотите! Объясните своей сестре, что я... я... неважно, я приказываю вам, вот и все!»

Оказавшись таким образом между молотом и наковальной, Жослен Эдесский ужасно перепугался. Он вообще терпеть не мог за что-нибудь отвечать: просто удивительно, до чего же ни сын, ни внук знаменитого Тель-Баширского волка Жослена, первого из Куртенэ на Востоке, не походили на славного предка. Неутомимый воин, даже и на смертном одре наводивший ужас на врагов, казалось, не передал потомкам ни капли тех качеств, что прославили его самого. Правда, точности ради скажем, что справедливо такое утверждение лишь в отношении наследников-мужчин; внучка Жослена Первого оказалась вполне достойной деда.

— Не ходите к нему, сестрица, — тараща глазами, проговорил сенешаль, приходя на помощь стражнику, не решившемуся остановить мать короля. — Он в гневе. Просто в бешенстве. Я никогда еще не видел его таким.

— Полноте, братец, — возразила Графиня и спросила: — Он в спальне?

— Нет. — Жослен энергично замотал головой. — Велел перенести себя в приемную и посадить на трон. На малый...

— Зачем?

— Как же, сестрица? — удивился сенешаль. — У него же патриарх.

— Патриарх?

— Да. И кроме того, тамплиеры и даже иоанниты. Они пришли просить за графа Гвидо.

— Давно они там?

— В общем-то — нет... — проговорил брат. — Вошли с третьей стражей.

— Что ж, подождем, — решила Агнесса.

Ждать пришлось недолго.

Застучали по каменным плитам пола подошвы сапог, и мимо сенешаля и его сестры, печатаая шаг, прошагал сутулый и седой пожилой рыцарь в белом плаще с красным восьмиконечным крестом. Спутник старика, напротив, был молод, спину он держал прямо, а плечи его, словно бы специально для того, чтобы еще больше подчеркнуть контраст между обликом главы обоих могущественных военных орденов, покрывал красный плащ с белым крестом. Рыцари, не привыкшие оглядываться по сторонам, даже не заметили стоявших поодаль матери короля и ее брата. Зато патриарх, следовавший в нескольких шагах позади, Агнессу увидел, хотя и явно не горел желанием завести разговор.

— Что случилось, монсеньер? — спросила она после короткого обмена приветствиями. — Куда вы так летите?

— Туда, куда нас послал его величество, государыня, — ответил Ираклий, он уже давно не называл Графиню «душа моя», с тех пор как перестал разделять с ней постель. Пасхия де Ривери, мадам патриархесса, полностью завладела если уж не душой, то телом самого святого человека самой святой для христиан земли. Недавно она в очередной раз осчастливила мужа наследником, хотя в том, кто на самом деле был отцом ребенка Пасхии, в Утремере не сомневался никто.

— И куда же он вас послал, если не секрет, конечно?

— В Европу.

— В Европу?! Я не ослышалась? Зачем?!

Патриарх хмыкнул, словно бы желая сказать: «Известное дело зачем! С глаз долой! Совсем взбесился ваш отпрыск, душа моя!»

— Может, объясните нам, монсеньер? — попросил сенешаль. — Что там произошло?

Ираклий вздохнул, возводя очи горе, и наконец произнес:

— Извольте, мессир. Мы, брат Арнольд, брат Рожер и я, пришли попросить его величество смягчить свой гнев и разрешить графу Гюи принести ему извинения. Мы сказали, что граф страшно раскаивается в содеянном...

— А он? — перебила патриарха Агнесса.

Тот махнул рукой:

— Да что он?

— Я имею в виду не короля, а моего зятя, — уточнила Графиня. — Он и верно раскаивается?

— Между нами говоря — нет, — признался Ираклий и поспешил добавить: — Он — скверный мальчишка и весьма глупый. Хотя в его возрасте это в какой-то мере извинительно.

— Как вы, монсеньер, могли допустить такое? — с упреком обратилась женщина к высшему церковному иерарху Святой Земли. — Ведь вы же были с войсками в Сефории и у прудов Голиафа. Как же вы позволили Раймунду и Ибелинам выставить регента перед королем в дурном свете?

— Но, мадам...

— А потом, уже после того? Отчего же вы оставили его одного? Не подали совета? Нельзя, нельзя было допускать, чтобы граф Гвидо и мой сын поссорились!

Патриарх, опешивший от обвинений, только разводил руками.

— Мне пришлось заехать с инспекцией в Наплуз... — начал он, но смешался, прекрасно понимая, что Агнессе известно место проживания Пасхии. — Но это же по дороге...

Графиня покачала головой и посмотрела на Ираклия с упреком, точно желала сказать: «И вы еще говорите о чьей-то глупости?» — или: «Как быстро вы охладели к делу, которому мы все отдали столько сил, — заботе о благе и процветании нашего государства! Как вы могли сыграть на руку Раймунду и Ибелинам? Или они уже больше не ваши враги, монсеньер?»

Под ее взглядом патриарх смешался.

— Так что сказал вам король, ваше святейшество? — спросила Агнесса после некоторой паузы.

— Да, монсеньер, — поддакнул сгоравший от нетерпения сенешаль, — что сказал вам государь?

— Он накричал на нас, — насупясь, проговорил Ираклий. — Велел употребить все свое красноречие и напор на что-нибудь более полезное для Святой Земли и дела латинян на Востоке. Одним словом, он приказал нам всем троим ехать с посольством сначала в Рим к папе Луцию, затем ко двору императора Фридерика и к королям Франции и Англии.

— Когда?

— Сразу же после коронации племянника.

— Что?! — воскликнули разом Жослен и Агнесса. — Чьей коронации?!

— Как чьей? — опешил Ираклий. — Ясно чьей, Бальдуэнета, мадам.

— Когда?!

— На Рождество, государыня моя, — ответил патриарх. — На Рождество.

— Но когда его величество решил это? — удивился граф. — Он и словом не обмолвился мне. Как же так?

Разговоры о коронации сына Сибиллы начались сразу же после того, как заседание Высшей курии отредило графа Яффы от регентства и объявило наследником престола Иерусалима шестилетнего Бальдуэнета. Однако одно дело назначить наследника, и совсем другое — короновать. При таком варианте после смерти нынешнего монарха прав регентства мог запросто потребовать, а при теперешнем соотношении сил в государстве и реально получить их граф Раймунд.

Агнесса понимала — надо любой ценой сорвать коронацию.

— Жерар де Ридфор и вы, монсеньер,— проговорила она.— И вы братец. Вы трое во что бы то ни стало должны сделать так, чтобы Арно Торожский и Рожер де Мулен как можно быстрее исполнили волю короля.

— Правильно! — воскликнул сообразительный Жослен.— Тогда и вам, ваше святейшество, нельзя будет не последовать за ними. Ведь король поручил это важное дело всем троим! А без вас-то уж точно никакая коронация не состоится! Как же без патриарха? Никак!

— Именно так,— подвела итог беседе Агнесса.— Я же постараюсь уговорить сына смягчить свой гнев и согласиться принять покаяние зятя.

На том и порешили.

Однако справиться со своей задачей Графине против ожидания не удалось. Когда она повела пробную атаку на сына, тот лишь усмехнулся, вернее, издал какой-то булькающий, напоминающий фырканье звук и сказал:

— Отдохните, матушка.

— Что значит «отдохните», ваше величество?

— Развейтесь.

— Не понимаю.

— Съездите к кому-нибудь в гости. Например, на свадьбу в Керак. Ведь сеньор Петры ваш друг, не так ли? — Не дав матери ответить, Бальдуэн произнес: — А теперь ступайте и не докучайте мне больше просьбами. Клянусь муками Господними, я никогда не прощу Гвидо де Лузиньяна.— И повторил: — Никогда. Даже если на том свете меня за это будут ждать муки худшие, чем те, которые выпали на мою долю здесь.

Впервые за многие годы, с тех пор, как сын ее стал королем, Агнесса де Куртенэ почувствовала — Бальдуэн не сдастся, не сдастся, чего бы это ему ни стоило.

Ей пришлось отступить.

XII

Свадьба в Кераке вошла в историю крестовых походов как весьма занимательный и, до известной степени, трагикомичный эпизод из жизни Левантийского царства.

Князь решил отпраздновать свадьбу пасынка и наследника с большим размахом. Готовиться к этому знаменательному событию стали заранее, оттого-то сень-

ор Горной Аравии и не принимал участия в семейных разборках сюзерена и его ближайших родственников; у Ренольда и Этьени ушла масса времени, средств и сил на организацию торжества. Они пригласили в Керак всех магнатов Утремера, даже тех, кого в силу известных причин ненавидели и считали врагами: скажем, графа Раймунда, хотя его дама из Крака несмотря на то, что прошло много лет, продолжала винить в смерти второго супруга.

Как и следовало предположить, откликнулись далеко не все: иные отказались, сославшись на занятость, на слухи о грозивших их вотчинам вражеских находениях, необходимость урядить неотложные дела промеж вассалов. В общем уважительные причины нашлись, но подарки так или иначе прислали все: свадьба — такое дело, тут скупиться грех. Под венец шли не Онфруа Торонский, внук барона земли, прославленного коннетабля Онфруа Старого, и принцесса Изабелла, дочь покойного короля Аморика и второй его супруги, родственницы базилевса Мануила Марии Комнины, заключался союз двух партий. Союзу пасынка Ренольда де Шатийона и падчерицы Балиана Ибелинского полагалось суровой ниткой сшить трещавшую по швам рогожку, называвшуюся королевством латинян в Иерусалиме.

Как знать, может, нитка та, учитывая юный возраст брачующихся, и оправдала бы в будущем надежды умиравшего монарха и всех тех, кто не принадлежал ни к одной из партий Утремера, может, и удалось бы связать воедино расползавшиеся части царства Левантийского, если бы только сшивать и вправду приходилось швы. К сожалению, пользуясь портняжной терминологией, одежда уже *поползла* — не выдерживала сама материя. Впрочем, в ноябре тысяча сто восемьдесят третьего года никто в Керাকে не думал об этом. У королевства все еще оказывалось достаточно сил, чтобы сдерживать натиск самого повелителя Востока. Несмотря на превосходство мусульман в людских и материальных ресурсах, игра еще шла пятьдесят на пятьдесят, ибо боевой дух рыцарства не угас, а на троне сидел король, несмотря на свою физическую немощь, пользовавшийся уважением подданных... Словом, той поздней осенью у гостей и хозяев Скалы Пустыни было предостаточно оснований веселиться и не забивать себе голову всякими ненужными проблемами.

Однако, несмотря на желание никого не обидеть, Ренольд и Этьения, рассылая приглашения, совершен-

но забыли об одном человеке, а он между тем считал, что имеет все основания принять участие в празднике и заглянуть в глаза счастливому отцу семейства. Звали этого человека, как вы уже возможно догадались, султан Салах ед-Дин, и ему страшно не терпелось исполнить обет, данный вскоре после того, как пришли известия об ужасных деяниях солдат князя Петры в исконных землях ислама.

Как и любой правитель, сумевший прорваться к высшей власти из самых низов (властители-турки вообще с большой осторожностью относились к курдам), пройти по головам, а зачастую и по трупам (вскоре мы увидим, что султан не остановится перед тем, чтобы убрать с дороги двоюродного брата), Салах ед-Дин нуждался в постоянных акциях демонстрации подданным своего невероятного радения исламу, ведь именно джихад и возвеличил его — не будь франков, не было бы и Саладина. Кроме всего прочего, существовал халиф Багдада, без одобрения с его стороны политики султана последнему оказалось бы нелегко выдавать себя за защитника правоверных и вождя священной войны. Словом, великий мусульманский воитель поклялся отомстить князю Ренольду.

Отомстить ему было просто необходимо и вот еще по какой причине. Как писал один из советников Салах ед-Дина кади аль-Фадель: «Крак как нарыв в горле правоверных, как прах, омрачающий свет солнца, как удавка на нашей шее; Крак — разбойник, затаившийся в темноте и ждущий удобного момента нанести удар в спину». Тут уж никак нельзя тянуть с мезтью, неуютно как-то именоваться повелителем *всего* Востока, когда самому невозможно без опаски проехать из Каира в Дамаск и приходится пробираться по Трансиордании под покровом ночной темноты либо идти с огромным войском. Однако, чтобы исполнить обет, приходилось прежде потрудиться. Итак, собственные силы Салах ед-Дина, усиленные прибывшими из Египта подкреплениями, в середине месяца раджаба пятьсот семьдесят девятого года лунной хиджры вторглись в Горную Аравию.

Жители ее, по большей части христиане-сирийцы, ища защиты для себя и своих отар, спрятались за мощными стенами Керака. Вот так гостями на торжестве сеньора волей-неволей стали не только приглашен-

ные нобли Утремера, труверы и трубадуры, певцы и жонглеры со всего христианского мира, но и множество всякого народа, как выражались в ту пору, подлого звания. И хотя беженцы, как водится, и опережали неприятельское войско, неся с собой весть о его приближении, живописуя ужасы, им творимые, повествуя о несметной численности и свирепости захватчиков, все равно мусульмане появились неожиданно.

Почти тридцать пять лет тому назад молодой Ре-нольд, волею судеб очутившийся внутри стен осажденной Антиохии, в споре с патриархом Эмери упрекнул святителя за то, что тот, возглавляя Высшую курию княжества, слишком рано отдал приказ закрыть ворота, чем обрек на неволю или гибель сотни и тысячи несчастных христиан, спасавшихся от орд язычников; и теперь, спустя многие годы, сделавшись уже зрелым мужем, пилигрим из Шатийона остался таким же, как был тогда, до самого последнего момента не желал он прекратить доступ в замок пастухов и крестьян из окрестных земель.

Отчасти поэтому, отчасти же ввиду многочисленности мусульман и мощи их напора Салах ед-Дину удалось почти сразу захватить нижний город. Ободренные удачей, сарацины горели желанием развить успех, намереваясь, что называется, на плечах противника ворваться в замок, тем более что десятки людей, стремившиеся любой ценой проникнуть в цитадель, сгрудились у моста, не давая не только поднять его, но даже и закрыть ворота. По счастью, обороной одного из участков стены уже потерянной нижней крепости ведали неугомонные храбрецы северяне. Когда врагу удалось прорваться, ватранги, или немцы, как называли их франки в Керাকে, последними оставили свой пост и теперь оказались в арьергарде охваченной паникой колонны христиан, запрудившей мост.

Ах если бы только прославленный адмирал Лулу знал, к чему привело его попустительство, его легкомысленное «предпочитаете кормить рыб — ваше дело!». Доблестный флотоводец не учел одного важного обстоятельства — викингов очень трудно победить, но еще труднее утопить их в море, потому что море — их колыбель. В ней судьба, как любящая мать, и спрятала отчаянных храбрецов, которые предпочли смерть неволе, укрыла их плащом ночи.

Но не всем, далеко не всем им удалось доплыть до берега, едва половина из тех, кто прыгнул в воду за предводителем, вышли из нее. Вот тут-то и пригодился спрятанный на берегу драккар. Выкинув из трюма все лишнее — золото, серебро да драгоценные камни, — оставив лишь вино и сухари да бранное железо, морские разбойники сели на скамьи и налегли на весла. Шли только ночью, днем прятали лодку у берега.

Случалось, садились на мель. Как-то раз едва не попались в руки местных жителей. Те, подкравшись к спавшим морякам, чуть не захватили их врасплох, но снова Бог помог — только вот опять вопрос: «Какой?» Гудгорм Гиллекрист уверял тозарищей, что все-таки Иисус. Рыбаки-мусульмане, отважившиеся напасть на крохотную дружину конунга Йоханса, а следом и все, кто жил в деревушке, от стариков до младенцев, были уничтожены, и не потому, что согласно закону Одина любой, поднявший руку на викинга, должен умереть, а потому, что не могли христиане допустить, чтобы кто-нибудь сообщил об их очередном «воскресении» властям. Дважды восставали они из мертвых, в третий, знали, обмануть врага не удастся.

В конце морского путешествия чуть вновь не угодили в плен — слишком поздно заметили, чьи штандарты развеваются над башнями Айлы. Чтобы покрыть то, ничтожное по меркам похода расстояние, что отделяло северную точку залива Акаба от владений Райнхольда, хёвдинга Петраланда, морякам понадобился едва ли не месяц. Суша не море! Спасаясь от преследователей, викинги забрались в самую глубь пещер к югу от развалин античной Петры, где и заблудились в лабиринте туннелей и лазов.

Ивенс уже начал проклинать себя за столь неистребимое желание выжить; он и пятеро уцелевших товарищей молили Бога, чтобы он помог им найти выход, пусть даже возле него снаружи окажется целая сотня — целая тысяча мусульман! Они страдали от голода, мучились от жажды, поскольку Гудгорм Гиллекрист, к великому сожалению, не обладал способностями Моисея извлекать воду из камня или же Иисус не открыл своему слуге правильной точки для приложения усилий. Однако, и это было ужаснее всего, викинги пришли к выводу, что обречены на жалкую смерть всего в нескольких милях от Монреалья.

Однажды, когда, утратив всякую надежду, викинги блуждали в поисках выхода, они услышали за стеной

из розового песчаника какие-то звуки. Микьяль Зубастый, который уже еле передвигал ноги, заявил, что там журчит ручей. Сначала моряки решили, что новый товарищ их спятил. Он же рассердился — откуда только силы взялись? — и начал кричать, чтобы его зарезали, если это не так. В конце концов земляк конунга так надоед Берси Магнуссону, что гигант со всего маху ударился о стену и... проломил ее. Каково же было всеобщее удивление, когда за проломом обнаружилась большая, освещенная факелами пещера, в которой нашлась не только вода, но даже пища, неизвестно кем туда принесенная и приготовленная.

Не слишком-то разбираясь, чей ужин (а может, завтрак или обед, тут сказать трудно) они съедают, викинги подкрепили силы, напились воды и отдохнули, а затем с новыми силами принялись искать выход — ведь тот, кто принес в пещеру еду, каким-то образом входил и выходил оттуда. На первых порах их постигло разочарование: в одном из туннелей викинги нашли людей, не просто людей, воинов-латинян, несколько человек, облаченных в кольчуги и поверх них в черные табары с красными восьмиконечными крестами, но, о горе, те были мертвы, зарезаны, а некоторые по всей видимости, загрызены каким-то страшным зверем. Тот, кто убил сержанов-храмовников, судя по всему, не бедствовал, так как не покусился на их доспехи и одежду. Или же он просто спешил? Ясно было одно, смерть нашла тамплиеров совсем недавно и, возможно убийцы их все еще бродили где-то поблизости. У викингов появился шанс умереть с мечом в руке, даже не выходя из пещеры. Лучше бы, конечно, на свежем воздухе, но... и это уже кое-что. Спасибо тебе, Господи.

Бог или дьявол помог морским разбойникам? Кто знает. Так или иначе, они нашли путь наружу, потому что, осмотрев как следует место гибели сержанов, увидели капли крови, ниточкой уходившие в туннель. Кровь свидетеля или убийцы — а не все ли равно? — указала морякам дорогу, и на другой день, славя силу Небес, они уже подходили к Монреалю.

Так или иначе, но тогда конунгу Йохансу, Берси Магнуссону, Гудгорму Гиллекристу, Микьялю Зубастому и Тори Кормщику подраться не удалось, а им очень хотелось отомстить мусульманам за смерть товарищей. На сей раз викинги не собирались упускать своего шанса.

Вот так они, все пятеро, и встали на пути у язычников, стремившихся ворваться в цитадель Керака — ишь, чего захотели, нехристи!

Много раз они пытались прорваться через заслон, но неизменно отступали, унося с собой раненых и убитых. Но вот Ивенс, видя, что христиане-беженцы вне опасности, дал приказ товарищам отходить. Однако, хотя толпа за их спинами рассосалась, безумие желавших спастись людей оказалось столь велико, что они, давя друг друга, ухитрились оборвать даже цепи подъемного моста, в результате чего тот сделался неподъемным. Данное обстоятельство давало неверным возможность, преодолев живую преграду из Ивенса и его товарищей, воспользоваться тараном, и им, чего доброго, удалось бы проломить ворота.

Из четверых соратников предводителя ватаги только один Берси Магнуссон упорно не желал оставить его; остальные, утолив кровожадность тем, что убили каждый по нескольку язычников, пусть и нехотя, но подчинились. Мусульмане отступили на десяток шагов, собираясь с силами для новой атаки. Они воспрянули духом, увидев, что численность противника уменьшилась. В то же время шансы солдат салах ед-Дина проникнуть в город стремительно уменьшались — франки, не видя иного способа обезопасить замок, принялись рубить доски моста.

— Я не пойду! — заявил Берси.

— Я — твой конунг, — ответил Ивенс, с деловитым видом выдергивая из толстого войлочного гамбезона, который носил поверх кольчуги, засевшую там сарацинскую стрелу. — Я приказываю тебе.

— Никто не смеет приказывать викингу! — взвился гигант. — Я останусь!

— Жалко будет, если твоя Лаура останется вдовой, — покачал головой предводитель и добавил: — А маленький Рауль — сиротой.

И верно, когда викинги вернулись в Керак, жена Медвежонка уже находилась на седьмом месяце беременности, а еще спустя два, как и полагается, подарила мужу сына, которого тот назвал в честь деда Берси, родителя его приемного отца, Магнуса, Рольфом: по-французски имя это звучало как Рауль.

Однако даже упоминание о жене и ребенке, нежно любимых гигантом, не поколебало его уверенности.

— Она вышла замуж за викинга, — заявил он. — Ее дело ждать меня, пока я буду сражаться, и оплакивать, если я погибну.

Ивенс почесал бороду и покачал головой. Он оглянулся назад и хитро усмехнулся из-за посетившей его идеи. Работа у плотников кипела вовсю, но прочное дерево поддавалось плохо.

— Знаешь что, Берси, — немного торжественно начал конунг. — Пока все равно эти белоголовики думают, умереть им сейчас или попозже, ты поди помоги парням рубить мост, а когда закончите, возвращайся.

— М-да? — пробурчал Медвежонок, чувствуя, что командир затеял какой-то подвох.

— Да. Ты только посмотри, как они рубят! Клянусь царством Хель⁷³, они никогда не держали в руке секиры. Покажи им, как умеют орудовать топором настоящие викинги!

Магнуссона словно подменили. Он просиял и посмотрел на конунга чуть ли не с теплотой:

— Клянусь Эгиром! Не бывать мне в пляске Хильд, если я один не справлюсь с этой работой! Я мигом, Йоханс!

Медвежонок подошел к франкам, рубившим мост, и, вырвав у одного из них топор, самого легонько оттолкнул в сторону. Бедняге повезло, он успел схватиться за болтавшуюся цепь, а то бы непременно свалился в ров. Берси же, поплевав на руки, взялся за рукоять секиры. Храбрый и доблестный викинг даже и не подумал, что, закончив работу, неизбежно окажется по ту сторону моста, то есть там, куда его так старался спроводить предводитель.

Пока Берси самозабвенно орудовал топором, мусульмане, видя перед собой всего одного противника, наконец-то отважились на новую атаку. Ивенс достал из-за спины висевший на ременной петле щит и, приняв на него удары сабель валом валивших турок, заработал правой рукой. Напор противника был очень силен, и в какой-то момент Ивенс оказался лицом к лицу с одним сарацином, прижатым к ватрангу толпой товарищей.

Положение создалось, в общем-то, комичное, по крайней мере для христианина. Иногда случается так, что передний эшелон атакующих, натолкнувшись на какую-нибудь преграду, останавливается, а задние продолжают напирать, в результате чего первые лишаются возможности не то что сражаться, но порой даже и пошевелиться. Поскольку Ивенс не желал отступить ни на шаг, ему и сарацину оставалось только смотреть друг на друга и, бормоча малопонятные угрозы, выразительно скалить зубы. Впрочем, у ватранга имелось некото-

рое преимущество, хотя меч его застрял в теле одного из атакующих: тот давно умер, но продолжал стоять, подпираемый со всех сторон живыми товарищами, что это позволило моряку, отпустив рукоять оружия и подавшись немного назад, выхватить нож, чтобы пырнуть им мусульманина.

Ивенс собирался было так и поступить, но в последний момент передумал: лицо турка показалось ему знакомым. Тот тоже как будто бы узнал ватранга.

— Ивенáх? — спросил он.

— Хасан? — не веря своим глазам, отозвался Ивенс. — Что ты тут делаешь? Чего тебе, старому черту тут нужно?

Хасан, еще в бытность стражником в Алеппо научившийся неплохо понимать речь франков, закатил глаза и с некоторой горечью произнес:

— Мал-мало воюем. Ваша город взять хотим. А ты?

— Воюю, — проговорил викинг и добавил: — Черта с два вы у меня войдете в крепость!

— Наша много, — покачал головой Хасан, сделав таким образом единственное движение, которое он мог себе позволить. — Очень-очень много. Повелитель здорово осерчал на вас, а в особенности на ваш князь. Теперь великий султан так просто не уходит.

— А мы гонца к королю нарядили! — оскалился Ивенс. — Как придет, как выплет вашему повелителю! Будет знать, как сюда соваться! Не сидится ему в своей вотчине, чего к нам полез?!

— Это наша повелитель вашему королю придет и выплет, — не остался в долгу Хасан. — Это ваша полезла! — Ему не слишком хотелось спорить, он огрызался только для порядка. Бывшего стражника темницы в Алеппо гораздо больше интересовало другое. — Смотрел, смотрел, — признался он, — ты или не ты? Вот поближе подходил, гляжу — ты. Не юн стал, совсем не юн. Возмужал мал-мало. Семью завел?

— Нет. А ты?

— Я старый, — вздохнул Хасан. — Помирать скоро...

Оставив без внимания стариковские жалобы сарацина, Ивенс воскликнул:

— Знаешь, кого я встретил? Не поверишь! Рамдалу, или как он там по-вашему-то? Авдалла? Так вот, жив он! Язычникам служит! Представляешь?!

— Ясный дела, жив, — как ни в чем не бывало отозвался противник, даже и не обратив внимания на слово «язычники». — Такой разве убьешь?

— Его ж на наших глазах убили?

— Он морок навел на стражников,— уверенно произнес Хасан.— Они и поверили, что застрелили его. А женщина тот потому им его тело не отдал, что знал — он жив. Такой, как он, голова надо рубить совсем. Тогда он совсем умирать.

Наступила пауза. Каждый подумал о своем. Те же из турок, кто находился сзади, сообразили наконец, сколь тщетны их усилия, и стали отступать, уволокивая убитых. Хасан, отойдя на несколько шагов, вдруг вскинул голову и закричал:

— Эй, Ивенах! Ивенах! Та женщин овдовел! Давно, давно овдовел! Муж ее помер. Много лет, говорили, помер! Совсем. Она с сын...

— Где она?! Где?! — воскликнул Ивенс, который сразу понял, что Хасан имел в виду Кристину.— Как она?!

Бывший стражник прокричал что-то в ответ, но ватранг не расслышал: как раз в тот момент старания Берси Магнуссона увенчались успехом и огромная машина моста с грохотом рухнула в ров за спиной у Ивенса. Тот невольно оглянулся, а когда вновь повернулся и посмотрел на турок, Хасан уже исчез в толпе. Теперь для них больше не было смысла атаковать викинга, оставалось лишь отомстить упорному кафиру. Однако, прежде чем сарацины решились напасть, он, закинув за плечо свой огромный меч, достал висевший на поясе за спиной якорь-кошку и принялся раскручивать линь.

Действия христианина здорово озадачили турок: они сообразили, что происходит, только тогда, когда он, благополучно закинув якорь, крепко зацепившийся «когтями» за зубец стены, проделал уже половину пути вверх. Вытащив луки, мусульмане осыпали храбреца градом стрел, практически не причинивших ему никакого вреда, поскольку острые наконечники вязли в толще войлока его гамбезона. А если какая-нибудь из стрел и пробивала его, дальнейшее продвижение ее останавливали кольца доспехов или толстая кожа штанов Ивенса⁷⁴.

Тут подоспели воины, дежурившие на стене: они схватились за линь и принялись тянуть его вверх, так очень скоро викинг оказался вне опасности.

«Кристина,— думал он, не обращая внимания на восторженные выкрики товарищей и дружеские по-

хлопывания по спине — все видели, какой урон нанесли врагам «немцы», а в особенности их предводитель. — Кристина, как она там? Сын? У нее же *не было сына?*»

Все веселились — как-никак свадьба. А осада — что она? Так себе! Ерунда! Восхищенный подвигом Ива де Гардари, князь Ренольд посвятил ватранга в рыцари. Но, несмотря на это, никогда еще гордый и бесстрашный морской разбойник не чувствовал себя таким одиноким и несчастным. Может, он просто постарел? И в самом-то деле? Ведь четвертый десяток лет его уже перевалил за середину.

Тем временем наступала пора начать долгожданную брачную церемонию. Голь и бедноту, как водится, в княжеский дворец не пустили: там едва хватало места для ноблей с дамами и многочисленной челядью. Однако праздник есть праздник, он — для всех, не пристало подданным скучать на свадьбе своего будущего господина.

Паломник из Шатийона, с юных лет известный своей щедростью, открыл подвалы замка для податного народа. Солдаты гарнизона выкатили бочки с вином, тут же резали свиней и баранов — благо и тех и других хватало в избытке, хотя, несмотря на это, отправляя гонца в Иерусалим, князь просил короля поторапливаться, мотивируя это тем, что положение весьма угрожающее, так как в Кераке не хватает пищи⁷⁵.

В общем-то, ситуация сложилась малоприятная; ее даже можно было бы назвать трагической, если бы не некоторая комичность всего происходившего; под стенами замка в нижнем городе бесчинствовали солдаты Салах ед-Дина, а в самой цитадели пир шел горой. Чтобы жизнь не казалась христианам слишком сладкой, у подножия Скалы Пустыни были установлены девять мангонелей, которые время от времени перекидывали во двор крепости огромные камни, трупы людей и животных и прочую дрянь, совершенно не соответствовавшую торжественности момента⁷⁶.

Впрочем, последнее делалось со зла, поскольку тяжелые снаряды мощных камнебросалок, которым полагалось разрушать стены замка, не приносили им почти никакого вреда, слишком крепкие стены оказались у Керака — не по зубам пришлась льву Салах ед-Дину волчья нора иб-ринза Арно.

Поскольку, как уже говорилось, большинство обитателей крепости не удостоились счастья лицезреть обряд венчания, они затеяли свою шутейную свадьбу. Жонглеров и певцов хватало, однако организацию и проведение «брачной церемонии» взял на себя оруженосец князя Караколь. Вообще-то ему полагалось находиться внутри дворца, однако в последнее время любителю пошутить здорово не везло. Началось все с того памятного дня, когда Берси Магнуссон подарил хёвдингу Петраланда сокола. Птица, оказавшая столь серьезную услугу своему новому хозяину, отчего-то невзлюбила Караколя. Она точно понимала человеческую речь, и в частности язык франков, и не забыла шуток оруженосца. И вот однажды пришел момент для мести; по оплошности сокольничего Крысолов напал на Караколя, вцепился в лицо и совершенно изуродовал его.

Но нет, как уверяют, худа без добра; многие вспомнили, что у оруженосца когда-то было имя, и иные стали называть его Русселем. Однако... нет, видно, и такой бочки меда, в которую бы ни у кого не возникло искушения подлить немного дегтя: к забытому, как казалось, навсегда имени добавили новое прозвище — Бельмастый. И хуже того, изменилось также и отношение Ренольда к весельчаку; предложив тогда Караколю поймать крысу, князь не забыл о своем желании и, хотя как будто бы сменил гнев на милость, в дальнейшем явно охладил к шуткам слуги. В общем он на деле превратился в шута, причем в шута нелюбимого. В день бракосочетания ему передали волю господина: Томас Ла Брасс, отмеченный Ренольдом и занявший место Бельмастого, принес ему кошель с серебром: «Сеньор желает, чтобы ты повеселил его эсклавонов».

Все еще надеясь на возврат княжеской милости, бывший оруженосец, воодушевившись, более чем рьяно взялся за дело. Он решил показать господину, какого верного слугу, какого бессребреника тот может потерять, и заявил, что не возьмет себе ни единого денье, а все потратит на устройство церемонии. Поверх пестрой шутовской одежды, которую Ренольд велел носить Караколю всегда, он напялил несколько плащей и гарнашей⁷⁷, разной длины, разного качества и отделки. Получилось некое подобие одеяний священнослужителя — стихаря, далматики и фелони.

Дабы усугубить сходство собственной персоны с архиепископом, *митрополитом* Горной Аравии, шут раздобыл где-то длинную льняную полосу с вышив-

кой, весьма сильно смахивавшую на настоящую эпит-рахиль.

На облачение для помощников шут также не поспешил. Все они разделились в пух и прах, в особенности «новобрачные», на их роль выбрали нищего однорукого бродягу, случайно оказавшегося в замке накануне начала осады, и деревенскую дурочку. Калеке Караколь дал два денье и пообещал, что после «свадьбы» не отберет праздничную одежду и пожалует несколько золотых — сколько именно, то будет зависеть от поведения «жениха». Дурочка же давно мечтала о замужестве, она, скорее всего, принимала все за чистую монету. Правда, Чернозубая Берта ничего не говорила, а лишь хихикала и, пуская слюну, бросала полные умиления взгляды на своего «суженого», получившего в Керাকে нежное прозвище «Crapaulds» — «Жаба».

Для начала Караколь решил отслужить что-то вроде обедни, хотя в действительности он, можно сказать, «свалил» все обряды в одну «кучу», а заодно и кое-кому отомстить. Так как главного своего ненавистника, сокола Крысолова, бывший оруженосец никоим образом наказать не мог — хозяин недвусмысленно дал ему понять, что, если с птицей что-нибудь случится, не важно, по чьей вине, головы лишится все равно шут, — Караколь выместил зло на ни в чем не повинном Эскобаре. Нельзя, конечно, утверждать, будто бы кот и вправду был безгрешнее новорожденного младенца, однако лично Бельмастому он ничего не сделал, кроме разве что одного — Эскобара поймали как раз в тот самый день, с которого для Караколя и начались теперешние неприятности. Передувив голубей Раурта, наглый кот, видимо почуяв, что наказывать его больше некому, через некоторое время как не в чем ни бывало вернулся в замок.

Теперь гнусному животному предстояло заплатить за свои «злодеяния»: к большому удовольствию собравшейся толпы, «архиепископ» заставил кота петь «Кирие элейсон». Для того, чтобы зверь попадал в такт с остальными певчими, «служба» колот его длинной булавкой. Душераздирающие вопли Эскобара заставляли публику просто-таки кататься со смеху. Экзекуция могла продолжаться сколько угодно: засунутый в кожаный мешок с узким отверстием для головы, кот не имел возможности не только вырваться, но и хоть как-нибудь отомстить мучителям, поцарапав или укусив хотя бы одного из них.

Когда пение молитв закончилось, кота просто выбросили вместе с мешком. Один из крестьян пожалел Эскобара и, надрезав кожу мешка, освободил животное. Несчастный опозоренный кот поспешил спастись бегством. Он спрятался и до окончания торжеств не показывался никому на глаза.

Тем временем под грохот мангонелей веселье продолжалось как во дворце, так и повсюду в замке. Торжественная процессия, сопровождавшая «жениха» и «невесту», приближалась к «архиепископу». Когда они подошли поближе, Караколь, закатывая глаза к небу, проговорил, намеренно коверкая имена настоящих брачующихся и их близких:

— Тебе, маленький Фруэ, сын достопочтенной дамы Эстибонии, чей муж предпочитает ей служанок и сарацинских пленниц, тебе, наследник песка, глины и овечьего дерьма, надлежит принять причастие. Спешите же вкусить крови Господа нашего, Иисуса Христа.

Те, кто находился в курсе затей шута, едва сдерживались, чтобы не лопнуть со смеху. Они прятали лица и ждали продолжения. Выдержав должную паузу, Караколь приказал:

— Открой рот.

Ничего не подозревавший Крапольд повиновался; тогда «архиепископ» подал знак, и один из «служек», подскочив к «жениху», сунул ему в рот огромную деревянную ложку.

— Тьфу! Тьфу! — Выплюнув причастие, калека закричал: — Это же моча! Хороша же твоя кровь Христова!

— Не может быть! — с притворным ужасом воскликнул Караколь. — Кровь Господа скисла?! Немедленно заешь ее плотью Иисусовой!

Существуют глупцы, которые попадают на одну и ту же удочку несколько раз. Крапольд оказался одним из них. Он вновь открыл рот, вероятно ожидая, что ему и правда положат туда облатку. Впрочем, так оно и произошло, однако вкус «плоти Господней» понравился «жениху» еще меньше, чем «кровь».

— Это же г...но! — в негодовании вскричал он и принялся плевать еще отчаяннее. — Дьявол! За два денье...

— Какое богохульство, Фруэ! — не дав ему закончить, ахнул шут. — Ты назвал плоть Господа нашего г...ном?! — Караколь мелко и часто закрестился. — Боже, прости ему! Боже, прости ему! Боже, прости ему! — Наклонившись к «жениху», шут напомнил: —

Не только за два денье, но и за прекрасную одежду, дружок. Шелка и бархаты, что надеты на тебе, стоят не один золотой.

Толпа гудела от смеха, а оскорбленный в лучших чувствах Крапольд, кривясь, озирался по сторонам, время от времени сплевывая на землю. Единственное, что грело его душу, так это мысли о прочной одежде и сапогах, которых, как он прикидывал, ему хватит надолго. Ну и, конечно, о золотых, которые посулил ему устроитель свадьбы.

— Не говори никому, Фруэ,— прошептал кто-то из зрителей ему на ухо.— Теперь наступает очередь невесты. Неужели ты хочешь, чтобы она пропустила причастие?

Калека покосился на Бертю, продолжавшую глупо улыбаться и, представив себе, что той только еще предстоит пройти через процедуру, для него уже оставшуюся позади, фыркнул и замолчал, в нетерпении ожидая развития событий.

— А теперь твоя очередь, принцесса белла-Инсапелла, дочь достославного короля Аджюжерика и прекрасной гречанки Мальорёзии,— возвестил Караколь,— принять святое причастие. Готова ли ты к тому, чтобы вкусить кровь и плоть Господа нашего?

Чернозубая заулыбалась и энергично закивала.

— Разомкни сладкие уста, в которые сегодня тебя поцелует законный супруг.

«Невеста» широко разинула рот, обнажая два ряда сгнивших зубов. Под дикий хохот толпы она спокойно проглотила «кровь» и, заев ее «облаткой», благодарными глазами уставилась на «архиепископа».

— Вот так подобает вкушать святое причастие, Крапо! — крикнул кто-то.

— Все как и полагается по ромейскому обряду! — добавил другой. — Моча и дерьмо — причастие, достойное схизматиков!

Последняя шутка не встретила особого понимания, поскольку латинян среди зрителей оказалось немного, в основном солдаты, которых их командиры и товарищи — по жребию или за обещание в будущем выставить угощение — отпустили с дежурства на стенах. Четко чувствуя малейшие колебания настроений толпы, Караколь решил повторить процедуру. Когда «невеста» уже в третий раз вкушала «плоти Христовой», собравшиеся забыли про неосторожное высказывание в адрес схизматиков и их обрядов.

В этот момент одна из катапулт выпустила по Кераку огромный камень. Зрители «церемонии бракосочетания» издали дружный вздох, но крики солдат на стене успокоили толпу — этот снаряд мусульман, как и предыдущие, не нанес замку особого вреда. Венчание продолжалось, точнее, оно только начиналось.

— Согласен ли ты, Фруэ, сын дамы Эстибонии, взять в жены стоящую рядом с тобой перед алтарем девицу, прекрасную, как роза, принцессу Инсапеллу, любить ее и быть с нею вместе до гроба, то есть до тех пор, пока Господь не разлучит вас?

— Да,— пробурчал себе под нос Крапольд. Церемония переставала нравиться ему.

— Не слышу.

— Да! — рявкнул «жених».

— Не слышу... не слышу в твоем голосе радости, Фруэ,— покачал головой «епископ».— Скажи так, чтобы мы все поняли, как ты счастлив.

— Да,— в третий раз повторил «брачующийся».

— Да? — подхватили зрители.— Он сказал — да? Каков молодец!

— Горячая ему предстоит ночка!

— Не оплошай, Крапо... то есть Фруэ!

— Раз он согласен,— проговорил один из «служек»,— тогда сделаем вот так!

Он подбежал к калеке и под хохот и улюлюканье ремнями прикрепил к его бедрам муляж огромного фаллоса.

— Теперь прекрасной Инсапелле не придется скучать,— прокомментировал свои действия помощник шута.— У муженька-то больше, чем у осла!

— А он и есть больше, чем осел! — крикнул кто-то в наступившей на мгновение тишине.

— Но и жена должна не оплошать! — напомнил Караколь, и «служки» бросились приторачивать к ней искусственный кожаный зад.— Теперь никто не скажет, что прекрасная Инсапелла худа и костлява. Найдется ли хоть один жеребец, который останется равнодушен к такому крупу?

— Даже и ишак не пройдет мимо! — с уверенностью заявил один из зрителей.

— Значит, наследничек будет мулом? — спросил другой.

Раздались и другие реплики, суть которых сводилась к одному и тому же.

Когда зрители вволю поупражнялись в остроумии, «архиепископ» обратился к невесте:

— Согласна ли ты, прекрасная Инсапелла, стать женой этого славного рыцаря сира Фруэ и не расставаться с ним до гроба? До тех пор, пока Господь не разлучит вас?

— Э-э-э! Э-э-э! — закивала Берта. — Э-э-э!

Однако дотошный Караколь спросил:

— Можно ли считать это выражением твоего согласия?

— Э-э-э! Э-э-э!

— Прекрасно! Объявляю вас мужем и женой! — заключил шут и крикнул подручникам: — Давайте елей!

Заподозрив неладное, Крапольд забеспокоился. В тревоге он оглянулся, но опоздал — вездесущие «служки» вылили на него, как, впрочем, и на «невесту», по целому кожаному ведру дерьма, вызвав взрыв необузданного, дикого хохота зрителей.

— Увенчайте их коронами! — давась от смеха, приказал Караколь, и помощники его нахлобучили опорожненные ведра на головы «новобрачным». — Да здравствует славный союз двух любящих сердец! Пусть новобрачные целуют друг друга!

Внезапно раздался громкий свист ветра. Всеобщее ликование смолкло. Казалось, что все собравшиеся разом закрыли рты руками. Сердца некоторых христиан наполнились страхом: они видели и понимали, что сейчас случится, но так же, как и их товарищи, стоявшие рядом, но еще не осознававшие ужаса происходящего, не могли сделать и шагу. Огромный камень, весом не менее чем в пять кантаров, медленно, словно бы нарочно давая людям осознать неумолимость Божьей воли и неотвратимость кары Господней за только что совершенный грех, с достоинством, вполне подобающим собственным размерам, перелетел через стену и рухнул прямо в толпу зрителей.

Недолгой оказалась супружеская жизнь благородного Фруэ и прекрасной Инсапеллы. Они сдержали обещание, оставшись вместе до самой смерти. В компании с ними еще около дюжины «гостей» отправились продолжать пир на Небеса или... в Преисподнюю — как-никак действо, в котором все принимали участие, трудно называть угодным Богу. Среди стонов раненых, завываний и стенаний перепуганных женщин и криков мужчин очень скоро раздался чей-то полный суеверного ужаса голос, а может быть, сразу несколько голосов:

— Кара Господня! В наказание нам за богомерзкие деяния наши!

— Кара Господня! — дружно подхватили другие. — Наказание от Бога!

К чести Караколя скажем, он почти всегда очень быстро шевелил мозгами. В общем, «архиепископ» вовремя понял, что дело для него пахнет чем-то куда менее приятным, нежели даже «елей», которым «помазали» «новобрачных». «Служки» соображали не столь стремительно, и толпа, только что бурно радовавшаяся их проделкам, исполнившись благочестия, давила и рвала несчастных на куски.

Шут бежал под защиту дворцовой охраны.

Хозяин замка, где происходило настоящее бракосочетание, которое давно уже закончилось, пировал с гостями. Он велел им не волноваться и продолжать праздник, сам же со стражниками вышел к толпе. Как известно, к властителям, которые потакают притхам толпы, сеньор Петры не принадлежал. Когда собравшиеся потребовали отдать им Караколя, Ренольд велел воинам обнажить мечи. Очень скоро все закончилось: смутьяны обратились в бегство, а некоторых из бунтовщиков со связанными за спиной руками столкнули со стен в ров. Туда же выбросили тела мертвецов.

Князь решил никого не вешать, дабы не портить настроения дамам, и без того напуганным ситуацией — не каждому приятно гостить в осажденном замке. Инцидент, таким образом, оказался исчерпан: нобли за столами продолжали веселиться, спасенный от гнева толпы Караколь отправился в надежное укрытие, в темницу, — сеньор вовсе не спешил прощать его за учиненные безобразия, — а новобрачные... *настоящие новобрачные* — в опочивальню.

Белокурый ангел Онфруа де Торон и темноволосая черноглазая принцесса Изабелла представляли собой прекрасную пару; они ни в малой степени не походили на тех двух бедолаг, чьи жизни унес снаряд, брошенный сарацинской катапульты. Камень лишь исправил ошибку Создателя: ей-же-ей не стоило Господу Богу создавать таких *человеков* — что это в самом-то деле за подобия Творца? Нонсенс, чушь, чепуха! Лучше уж, Всеблагий, твори Ты таких, как наследник Петры и его невеста!

Впрочем, точности ради заметим, что уж и не невеста, а жена, самая настоящая жена перед тем же

Богом — обвенчаны они. Ему семнадцать, ей — одиннадцать. Он, хотя обликом муж, красен, словно жена, станом изящен и сладок речами⁷⁸. Она — дитя, у которого ради высших интересов отобрали детство. Даже для Востока двенадцатого столетия от Рождества Христова, где девушки выходили замуж очень рано, такой брак мог быть оправдан лишь серьезнейшей политической необходимостью.

Но напрасно король рассчитывал помирить враждующих баронов, слишком уж сильна была ненависть, чересчур глубока пропасть. Не успело начаться торжество, как Мария Комнина обнаружила, что ей воспретили доступ в покои дочери. Дама Этъения не позволила невестке видеться с матерью, дабы оградить Онфруа с юной супругой от вредных нашептываний заморской интриганки — нечего жене приятеля графа Раймунда разводить интриги в Кераке!

Ни жива ни мертва от страха, отправилась Изабелла к алтарю, как во сне отвечала она на вопросы митрополита Горной Аравии, точно изваянная из белого мрамора, сидела она на пиру. Новоиспеченная жена радовалась долгожданной возможности покинуть зал, чтобы не видеть охваченных дурашливой веселостью взрослых, не слушать непристойностей, то и дело, и по мере поглощения вина из хозяйских подвалов все чаще, слетавших с губ мужчин, не ловить заинтересованных — эти мужчины такие свиньи! — или сочувственных — без мужиков все равно никуда, как-то у тебя получится с этим херувимчиком? — взглядов женщин.

И вместе с тем, уходя, она знала, что, покинув пирующих, попадет из огня да в полымя. Мысль о необходимости делать с малознакомым парнем что-то такое, о чем не могли как следует рассказать ни мать, ни няньки, приводила принцессу в ужас. «Как нашей прелестнице повезло,— говорили ее собственные служанки в милом сердцу Наплузе и здесь, в мрачном Кераке.— Выходит за такого красавца». «Ну и что ж с того? — возражали другие.— Она и сама что розовый бутончик, прекрасный цветок. Как же ей да не за красивого идти? Скажете тоже! А какие детки у них родятся!» Но хоть бы одна объяснила толком, что же нужно делать, чтобы эти детки родились! Все только твердят: «Разоблачишься. Ляжешь. Скажешь: “Возьми меня, муж мой, господин мой”, а там... а там все само собой случится!»

И вот они остались вдвоем.

Преодолевая дрожь, с закрытыми глазами Изабелла села на кровать и молча начала стягивать с себя расшитую золотыми и серебряными нитями, украшенную жемчугом и драгоценными камнями длинную, едва не до пят котту с широкими рукавами — в ней выходила замуж за короля Аморика мать. Затем сняла соркени — более короткую, немногим ниже колен, подчеркивающую фигуру шелковую блузу с обтягивающими рукавами — специально заказанную к свадьбе у самого лучшего портного в Наплузе.

Наступил черед камизы.

Во дворце матери в Наплузе одеваться и раздеваться Изабелле, как и дочери любого нобля, помогали служанки, однако она прекрасно могла справиться с этим и сама. Надо было только встать, наклониться, взять в руки край подола тонкой льняной рубашки и одним движением сдернуть ее с себя. Так просто. Потом останется только лечь и сказать волшебные слова, после которых... все случится само собой. В последний раз мысленно попросив Богородицу помочь ей, Изабелла сняла камизу и, бросив ее на кровать, поспешила спрятать под одеялом покрывшееся мурашками тело.

Теперь слова, те самые...

Все то безумно долгое время, пока она боролась с собой, девушка и не думала о муже. Она даже не знала, где он находился: где-то тут, в комнате, но где именно?

— Возь... ми... муж... господин мой, — пролепетала Изабелла и, внезапно почувствовав на щеке прикосновение, вскрикнула от неожиданности: — Что?!

Онфруа со страху отдернул руку:

— Мадам?

— О мессир, это вы? — спросила она, во все глаза уставясь на супруга. — Я подумала... Я... — Она запнулась: «Боже мой! До чего же нелепо! Что еще я могла подумать? Мы же одни!»

— Можно мне присесть? — осторожно поинтересовался Онфруа и, когда супруга кивнула, опустившись на краешек кровати, произнес: — Вы такая красивая. Я просто хотел погладить вашу щеку... Вы боитесь меня?

— Я? Нет... С чего вы так решили?

— Вы... вы так вздрогнули, когда я коснулся вас.

— Это от неожиданности, мессир, — нашлась Изабелла. — Я всегда так делаю, когда кто-нибудь неожиданно прикасается ко мне.

— Я тоже, — признался Онфруа. — Честно говоря, я терпеть этого не могу. Оруженосец батюшки, Караколь, очень любил подкрадываться сзади и делать всякие пакости. Один раз, когда мы были в походе в Пагании⁷⁹ и ужинали у костра, он засунул мне за шиворот ядовитого жука...

— Ой! — воскликнула новобрачная. — Как же можно?!

— Ничего страшного, — встряхнул кудрями новоиспеченный муж. — Жослен, один из рыцарей батюшки, убил его.

— Оруженосца?

— Жука, мадам.

— И он не укусил вас, мессир?

— Кто?..

— Жук.

— Не успел.

На какое-то время они умолкли, и в голове у Изабеллы вновь всплыла формула, волшебное заклинание, которое ей надлежало произнести. Она так задумалась, что не услышала вопроса, и, поняв, что допустила бестактность, переспросила:

— Простите, мессир, что вы сказали?

— Вы заметили, мадам, что башню, где мы с вами находимся, не обстреливают? — повторил Онфруа.

Откровенно говоря, новобрачная была так поглощена собственными переживаниями, что ее едва ли бы взволновало даже начавшееся землетрясение: где уж тут обращать внимание на метательные снаряды мангонелей Салах ед-Дина, отскакивавшие от крепких стен Керака, точно горох от стенки?

— А что, они и правда не обстреливают нас, мессир? — спросила Изабелла. — Да... странно. Почему же?

— Матушка послала королю неверных свежайших хлебов, вина и самых лучших кушаний с нашего стола: блюд из баранины, ягнятины и говядины, — сообщил наследник Трансиордании. — Она выразила сожаление, что не может пригласить его в гости, просила не гневаться на нее за это и принять угощения. Он поблагодарил и пообещал не обстреливать ту часть замка, где мы с вами будем... будем... Ну в общем... в... возляжем на ложе.

Он неожиданно умолк.

— Да... — протянула новобрачная и, чтобы хоть как-то разрядить неловкую ситуацию, поинтересовалась: — А они что, встречались раньше?

— Вы еще спрашиваете, государыня моя! — Онфруа просиял. — Конечно! Когда-то очень-очень давно, когда моя матушка была совсем молоденькой девушкой, как вы теперь или даже моложе. Однажды ее отец, сеньор Петры, разгромил сарацин в Моисеевой долине. Франки перебили всех мужчин, а женщин и детей взяли в плен. Одна из женщин оказалась женой богатого князя. Тогда мой дед отпустил всех пленниц, а ее с маленьким сыном оставил, дожидаясь от князя выкупа. Маме так понравился мальчик, сын князя, что, пока его отец собирал деньги, чтобы заплатить моему деду, мама каждый день играла с ребенком...

— Вон как,— захопала глазами Изабелла. — Но при чем тут Саладин, мессир?

— Как? — в свою очередь удивился рассказчик. — Так ведь это он и был!⁸⁰

— А-а-а! — обрадовалась принцесса. — Как романтично! Лучше, чем у трубадуров! Ведь это же просто невероятно! А если бы ваша матушка оказалась в заложниках у Салах ед-Дина, как вы думаете, он стал бы сажать ее к себе на коленки? Стал бы играть с ней?

— Наверное...

Почувствовав, что супругу не очень-то интересна предложенная ей тема, Изабелла спросила:

— А вы уже бывали во многих походах?

— Да нет... — признался Онфруа. — Ходили мы в Паганию, это когда мне жука засунули... Потом ждали Саладина в Синае, да он обошел нас. Потом Айлу брали... Но то все с батюшкой, а потом я один повел дружину в Эсдрилонскую долину, где наши стояли против неверных...

— И что?

— Всего-то чуть мы не дошли, — хмуро отозвался наследник Горной Аравии. — Устроили нам язычники засаду... Только мы с Жосленом и спаслись да еще человек с десятков рыцарей и сержанов. Тех, у кого кони повыносливее оказались.

Изабелла ужасно терялась, когда муж умолкал. Теперь, впервые как следует разглядев супруга, новобрачная нашла, что он и правда очень красив. Но самое главное, от него исходила какая-то удивительная нежность; она, точно облаком тепла, окутывала и согревала дрожавшую под одеялом принцессу, заставляя отступать страхи, делая мысли о предстоящем ей испытании не столь тревожными. Она все еще боялась неизбежного, но уже не так сильно.

Слава Богу, что молодость не умеет грустить долго. Онфруа вспомнил что-то приятное, и лицо его просветлело.

— А знаете, мадам,— начал он, с теплотой глядя на супругу.— Ведь Саладин в благодарность за угощение прислал нам с матушкой новых книг!

— Новых книг? — переспросила Изабелла.— Но... но как же вы их читаете?

— Это нетрудно,— ответил Онфруа.— Меня с детства учил Джафар, один колченогий язычник, что жил у нас в Монреале. Я и говорю и читаю свободно. Когда Джафар умер, то у нас в замке как раз объявился Жослен Храмовник. Он тоже умеет говорить по-арабски, но читает неважно. Я как-то сказал ему, мол, давай переведем с тобой книгу, чтобы другие рыцари и их жены могли прочитать...

— А он?

— А он...— юный супруг пожал плечами.— На кой, говорит, мне дьявол их истории? Наши интереснее. К тому же, сказал он, половина рыцарей по-французски-то еле-еле слова разбирает, а дамы вообще дуры!

— Это он так говорит? — вздернула подбородок Изабелла.— Невежа!

— Да нет, мадам,— улыбнулся Онфруа.— Он это оттого, что влюблен по уши.

Изабелла заметно оживилась:

— В кого?!

Новобрачный отвел глаза и промолчал.

— Это секрет, мессир? — с горечью произнесла супруга.— Вы, наверное, дали слово рыцаря никому не рассказывать? Хорошо, я не стану спрашивать...

Наследник Трансиордании оказался в сложном положении. Впервые в жизни он оказался рядом с человеком, воспринимавшим его всерьез, более того, готовым едва ли не в рот ему заглядывать! Наконец-то он почувствовал себя взрослым, даже несколько пожившим человеком, и ему ни за что не хотелось разочаровывать эту милую, эту очаровательную девчонку, с которой ему теперь предстояло прожить всю долгую, кажущуюся почти бесконечной жизнь. Однако не сохранить тайну, доверенную ему Жосленом — тот как-то в сильном подпитии, что случалось с ним редко, проболтался о даме своего сердца,— Онфруа также не имел права. Наконец он все же не выдержал и сказал:

— Поклянитесь, мадам! Поклянитесь, что никому не откроете того, что я вам скажу!

— Клянусь! — не задумываясь воскликнула Изабелла.

— Он влюблен в даму Агнессу.

— В какую Агнессу? — не скрывая разочарования, поинтересовалась новобрачная.— Придворную вашей матушки?

— Нет! В графиню Агнессу!

— В мать моего брата?! — совершенно иным тоном переспросила Изабелла.— Это правда?! О, какой ужас!

— Что же тут ужасного? — удивился Онфруа.

— Она такая плохая!

— Что же в ней плохого?

— Как что? — Изабелла уставилась на мужа.— Ведь Графиня плетет интриги при дворе. Она против моей матушки и графа Раймунда, друга моего батюшки. Не короля, а теперешнего батюшки...— уточнила она и, пораженная неожиданно сделанным открытием, умолкла, но тут же продолжала, с испугом глядя на мужа: — Да и ваша матушка, мессир, и батюшка ваш против моей матушки. А ведь я теперь должна любить их, как родных. Что же делать?

О если бы юный наследник Горной Аравии знал, что делать! Он был бы, наверное, самым великим человеком в Утремере. Однако Онфруа и понятия не имел, что ответить жене-ребенку.

Впрочем, нашелся он быстро:

— А хотите, мадам, я почитаю вам книжку?

— Книжку?

— Да. Одну из тех, которые прислал Саладин.

Изабелла на мгновение задумалась, а потом ответила:

— Отчего же? Почитайте.

Онфруа попросил супругу подождать и, удалившись из спальни, довольно скоро вернулся с двумя большими томами, каждый весом в добрых фунтов двадцать.

— Альф лайла ва лайла,— начал он и пояснил: — По-нашему это означает: «Тысяча и одна ночь». Вы наверняка слышали некоторые истории, но это полный сборник.

Изабелла поспешила продемонстрировать эрудицию.

— Как же, как же,— воскликнула она,— я знаю! Тут сказано про Аладдина и Али-Бу? Верно, мессир?

— Верно! — Онфруа кивнул,— на арабском он зовется Али-Бабой.

— Да-да, конечно...

— А про Синдбада Морехода вы знаете?

— Я не слышала про Симбада...— сдалась Изабелла.

— Так слушайте, мадам!

Догорали свечи в подсвечниках, вставал за стенами Керака поздний осенний рассвет. Били первую стражу дня. Продолжалась осада, народ в церквях и часовнях молил Бога о спасении, а юноша-супруг читал маленькой жене про сказочные приключения. Про страны, так непохожие на ту, в которой они жили, про несметные богатства, про прекрасную любовь.

Когда Онфруа закрыл вторую книгу, Изабелла во все глаза смотрела на него.

— Я люблю вас, мессир,— прошептала она.— Я счастлива, что стала вашей женой.

— И я люблю вас, мадам,— ответил он ласково.— И я счастлив видеть вас своей супругой. Прекраснее вас нет никого на свете. Клянусь солнцем и луной, клянусь всеми звездами, я ни за что и никогда не расстанусь с вами! Я буду любить вас всегда, покуда не умру! Всегда, покуда существует этот мир!⁶¹

— Я так счастлива,— повторила она и призналась: — Я боялась...— Внезапно в глазах новобрачной вспыхнули искорки испуга.— Но ночь прошла, мессир! Как же?.. Что же мы теперь?..

Она не решалась сказать вслух того, что думала. Первая ночь молодых закончилась, что скажут взрослые, не найдя наутро подтверждений чистоты невесты? Мать и отчим будут опозорены, а свекровь станет есть невестку, а то, чего доброго, расторгнут брак, отнимут у Изабеллы ее прекрасного принца из сказки.

Принцесса решительно откинула одеяло и, вновь зажмуриваясь, произнесла:

— Возьми меня, муж мой, господин мой...

Почувствовав, как муж поцеловал ее плоский живот, Изабелла напряглась. Она ждала, но...

— Не сейчас, любовь моя,— прошептал Онфруа.— Я не могу сделать то, что ты велишь, в спешке. У нас еще будут ночи. Завтра, послезавтра... У нас будет много ночей.

— Но, мессир... любимый мой...— начала новобрачная, все еще не решаясь рассказать ему о причинах беспокойства — хотя не маленький, должен и сам понимать!

Он понял и... чуть не до смерти напугал свою супругу, выхватив висевший на поясе кинжал. Новобрачная во все глаза уставилась на мужа — что он собрался сделать? От удивления она буквально онемела и не могла произнести ни слова, не то что закричать.

Тем временем наследник Петры засучил рукав и смело рассек острым как бритва лезвием кожу руки.

— Что вы делаете, мессир?! — обретая дар речи, воскликнула Изабелла.

Онфруа улыбнулся и, вытянув руку над простыней, обильно окропил ее своей кровью.

— Теперь все улажено, любовь моя, не так ли?

— Ах, мессир! — юная супруга засияла от счастья. — Теперь я люблю вас еще больше. Я люблю вас так, как никто и никогда не любил никого на свете! Но завтра я не позволю вам читать мне сказки.

Схватив руку Онфруа, Изабелла принялась заливать рану. Почувствовав во рту вкус его крови, она задрожала, охваченная неведомым ей доселе трепетом.

У них нашлось время и на сказки и на любовь. И ничего, что медовый месяц молодоженов проходил за стенами мрачной каменной громады Керака, и день и ночь осыпаемой ядрами катапульта; ничто не могло омрачить их счастья. Они даже и не заметили, как однажды утром — прошло всего-то две недели со дня венчания — грохот камнебросалок смолк, зато раздались восторженные крики: «Язычник уходит!», «Неверные поджали хвост!», «Сам король Бальдуэн спешит нам на помощь!», «Король и армия Иерусалима уже у горы Неве!».

Так оно и было.

Гонцам из Керака удалось добраться до столицы королевства.

Выслушал их и, назначив командующим армии графа Триполи, король, хотя и практически прикованный к постели, не решился все же отправить его одного и велел нести себя в портшезе.

Декабрь только начинался, а месяц шаабан пятьсот семьдесят девятого года лунной хиджры уже перевалил за половину, когда султан, узнав о приближении войска латинян, снял осаду и ушел в Дамаск, куда и прибыл примерно за неделю до начала священного месяца рамадан. В общем, можно сказать, что повелителю Египта и Сирии надоело угощаться подачками со стола дамы Этьени и он накануне месячного поста решил немножко попраздновать в более комфортных условиях в своей столице, со своим народом, словом, в кругу семьи и среди друзей.

Вновь могущественный правитель не решился помериться силами с умирающим королем франков, чья сила духа, казалось, возрастала по мере того, как, изгнивая, умирали члены.

Примерно в то самое время, когда Салах ед-Дин подходил к Дамаску, ликующие жители и гости Керака на руках вносили своего монарха в замок. Так уж получилось, что Бальдуэну пришлось лично прибыть, дабы поздравить с замужеством сводную сестру. Праздники возобновились, но не продолжались долго, король желал встречать Рождество в столице.

Он ушел, уже зная, что поход этот станет последним в его жизни.

Бальдуэн ле Мезль прожил еще более года, но до конца дней своих он не поднимался с постели, продолжая тем не менее держать бразды правления государством в своих разлагавшихся руках. Тогда, в самом конце тысяча сто восемьдесят третьего года, по сути дела, закончился еще один этап в жизни Утремера, хотя никто, собственно говоря, не заметил этого.

Когда враг покинул пределы земли Моава, когда ушла армия Иерусалима, рыцарь Ивенс пришел к князю попрощаться. Тот, выслушав краткий рассказ о причинах такого решения, не разгневался, против ожидания, а лишь вздохнул и спросил:

— Думаешь, найдешь ее?

— Не знаю, государь,— честно ответил викинг и добавил: — Пойду. Авось Господь укажет путь.

— Не найдешь да ходить устанешь, приходи, приму,— пообещал князь.— Другого бы не принял, а тебя приму, Ив де Гардари.

— Не взыщи, государь, не вернусь я,— покачал головой белокурый гигант.— И не Ив я, и не Ивенс, Иоанном меня мать с отцом нарекли. Сон мне был, что Ксения так нашего сына назвала. Не найду ее, пойду на родину. Может, и дойду.

Он умолк, и на какое-то время в беседе двух храбрых воинов воцарилась пауза. Наконец старший из них нарушил ее.

— Один пойдешь или и остальных возьмешь?

— Нет, государь. У Берси семья тут, Гиллекрист и Кормщик тебе сгодятся, а вот земляка своего я заберу. Тебе он ни к чему, а мне... Все. Теперь прощай.

— Прощай.

Давайте обратимся к мнению современника, все того же Эрнуля, который говорит, что Саладин был очень рад, что получил замок. Он выкупил жен и детей, которых они продали, и вернул им, и сделал каждому щедрый подарок, и велел проводить их в земли христиан. А поступил он так потому, что они держались так долго, как только могли, да к тому же и без своего государя. *«Salehadins fut mout liés quant on li ot rendu le castiel. Et si fist racater lors femes et lors enfans qu'il avoient vendu, si lors fist rendre, et lor donna grand avoires et si les fist conduire en tiere crestiiens. Pour ce lors fist ce, qu'il avoient si bien et si longuement tenu lor castiel, tant com il peurent et sans signor».*

Точно так же обошелся он и с гарнизоном Монреаля, сдавшегося в сходной ситуации спустя примерно полгода в апреле-мае тысяча сто восемьдесят девятого.

Франки отправились в Антиохию. Среди них был и Берси Магнуссон с женой Лаурой и сыном Раулем. Встретил ли там Медвежонок морского конунга, рыцаря Ива де Гардари? И разыскал ли наконец Ивенс свою ненаглядную Ксению-Крестину? Хроники не сообщают об этом; где уж тут упомянуть всех ангелов битвы, когда имена иных богов ее затерялись, перепутались или просто ускользнули от внимания потомков. Ничего не известно и про самого Жослена, достоверно лишь одно, он дожил до старости и написал историю своего отца, из которой до нас дошли лишь несколько фрагментов. Сам коментур, скорее всего, погиб во время пожара в Антиохии, в доме, где он жил в год смерти князя Боэмунда Кривого. Интересно, как складывалась его судьба и пересекались ли его пути и пути его товарищей из Керака? Ответа нет, приходится лишь вздохнуть и развести руками.

В общем, современники молчат, исследователижимают плечами. Что тут скажешь? Слишком тесен этот мир, чтобы хорошие люди в нем не могли найти друг друга. Лично я думаю, что они встретились, а вы как считаете?

Часть третья

БОТРУНСКАЯ НЕВЕСТА

**ПОВЕСТЬ О БОЛЬНОЙ БЕДЕ ЛЕВАНТИЙСКОМУ
ЦАРСТВУ, О КОРОЛЕ ИЕРУСАЛИМСКОМ, О МА-
ГИСТРЕ ХРАМА, О СУЛТАНЕ САЛАДИНЕ И О
СЛАВНЫХ ДЕЯНИЯХ БАРОНОВ УТРЕМЕРА,**

включая

КЛЮЧИ КРЕССОНА

и

БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ

Repris

(KARNEATIN)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Году этак в тысяча сто тридцать пятом, во времена правления короля Фульке, в период, когда еще только начинался медленный отлив крестоносного моря и Левантийское царство находилось в самом расцвете сил, Мараш, по-французски *Mares* — Мар (княжество Антиохийское), или Кайсун (графство Эдесское), северные форпосты Утремера и крепость Айлу, что на самом юге королевства Иерусалимского, разделяло расстояние немногим менее шестисот пятидесяти римских миль, то есть примерно девятьсот пятьдесят километров. По нашим, российским меркам это суцая ерунда — ночь в поезде от Москвы и, скажем, до Казани.

Учитывая тот факт, что в описываемую нами пору хайвэев и автобанов еще не изобрели, подобное путеше-

ствие заняло бы у группы всадников от трех недель до месяца. Но дело даже не в этом, а в том, что вышеозначенной территорией управляли четыре христианских государя, связанные между собой узами если и не дружбы, то уж, во всяком случае, родства, и молились они одному и тому же Богу, следуя одним и тем же канонам римской католической церкви. Подданными их в подавляющем большинстве были также христиане, преимущественно ортодоксы (православные). В общем, делая поправку на пресловутую феодальную раздробленность, можно утверждать, что латинский Ближний Восток был единым.

Теперь, спустя почти девятьсот лет после взятия Иерусалима крестоносцами и по прошествии восьми с небольшим столетий с того момента, как их потомки потеряли Святой Город, на территории бывшего княжества Антиохийского, графств Эдессы и Триполи, а также королевства Иерусалимского находится пять государств (не считая Палестинской автономии — сектора Газа, или земли древних филистимлян, с которыми очень любили повоювать древние евреи).

Упомянутые выше Мараш и Кайсун, равно как Антиохия и Эдесса (Анатакия и Урфа), оказались на южных, нищих — это определение правомочно едва ли не для всех исламских стран, где нет больших запасов полезных ископаемых, таких, как, скажем, нефть, — аграрных окраинах Турции. Латтакия (вдовый удел Алис, матери первой жены нашего героя) и Тортоса (в середине двенадцатого века ставшая форпостом тамплиеров) — в Сирии. Южная часть графства Триполи, в том числе и сам город, и северные владения королевства Иерусалимского, включая Тир, — в охваченном постоянно вспыхивающими то тут то там непрекращающимися вооруженными конфликтами Ливане.

Сеньория Ренольда де Шатийона попала в состав Транс Иордании, ставшей самостоятельным государством под названием Хасимитское королевство Иордания (оно, как и почти все вышеперечисленные исламские страны, кроме Турции, получили независимость от Великобритании после Второй мировой войны). Только Элат (или Айла; о Хевроне умолчим... из вежливости) оказался на территории Израиля, единственной страны продвинутой культуры и, естественно, не принадлежащей к мусульманскому миру.

В Израиле же теперь находится основная часть Иерусалимского королевства от Акры на севере до

Аскалона на юге. Там же и Тиберийское озеро (Галилейское море) вместе со злополучной Тивериадой (отчего она злополучная, вы скоро узнаете), вотчиной Эскивы де Бюр, супруги графа Раймунда Третьего; а раз так, то и Назарет, и Крессон, и Сефория, и фатальный Хаттинмы, взглянув на карту, обнаружим именно там.

Воинственный дух знаменитых пилигримов Первого похода истаял, иссяк в их наследниках. Наслаждаясь невиданными на Западе богатствами и роскошью, они быстро утратили стремление сражаться за идеалы, начертанные на знаменах тех, кто пришел сюда, откликнувшись на призыв римского понтифика. Образ мыслей европейских паломников двенадцатого, да, к слову заметить, и тринадцатого столетия в корне отличался от точки зрения тех, кто родился и вырос на земле, которую во все времена никто и ни за что не желал оставить в покое, оправдывая это ее... святостью.

Скажем сразу, современные исследователи (тут речь идет о западных, главным образом американских и английских, поскольку в отечестве нашем тема крестовых походов всерьез не рассматривалась с времен советских, а с тех пор взгляды на многие проблемы истории поменялись у нас, согласитесь, в корне) в споре между пришельцами из-за моря и магнатами Утремера, «пуленами», единодушно встают на сторону последних. Они-де понимали, что только мирное сосуществование с соседями-мусульманами могло обеспечить будущее Левантскому царству. Мол, живи спокойно на берегу исламского моря и, Боже упаси, не дуй на воду, а то буря поднимется.

Не будем спорить с мудрыми людьми, просто достанем опять карту Святой Земли и как следует взглядемся в нее. Как мы уже говорили, спустя девятьсот лет после образования в регионе латинских княжеств там находится аж целых пять... м-м-м... с половиной государств, а как выглядела карта Леванта за девятьсот, или лучше (для ровного счета) за тысячу лет до эпохи крестовых походов?

Ровно за десять веков до того момента, когда славный рыцарь Боэмунд Отрантский с семью сотнями конных рыцарей разгромил орду эмира Алеппо, спешившего на помощь туркам осажденной Антиохии, а будущий король еще не *освобожденного* Иерусалима Бальдуэн Булоньский только еще обосновывался на престоле вновь образованного графства Эдесского, принцепсом Великого Рима сделался второй из *Пяти добрых императоров* — Марк Ульпий Траян⁸².

За девятнадцать лет своего правления он укрепил одни и расширил другие границы империи. Римские легионеры омыли свои сапоги... в Индийском океане (они подчинили себе всю Месопотамию вплоть до берегов Персидского залива), а их победоносный предводитель сокрушался, что из-за старости боги не даруют ему возможности повторить подвиг Александра Великого. Впрочем, возможно, он просто скромничал. Размеры империи Траяна и без того поражали воображение: она простиралась от (ну что тут поделать?) Индийского океана до границ современной Шотландии, включала в себя всю Северную Африку, территории нынешней Испании, Франции, Италии, Греции, Турции, Ирана, Египта, весь юг Германии и земли к северу от Дуная до самых Карпат, а заодно и Святую Землю вместе с Дамаском, Алеппо (тогда Берия) и Петрой, об истории которой мы уже упоминали в предисловии ко второй части данного повествования.

Однако, еще будучи не старым, на третьем году своего правления Траян приблизил к себе некоего молодого человека по имени Адриан, снискавшего расположение бездетной императрицы Помпеи Плоцины и женившегося на любимой племяннице императора. Этот человек, несмотря на то что современники находили его во всем непохожим на Траяна, и унаследовал по смерти его великое царство. Адриан Август не искал славы великого полководца, он, как говорят, объявил, что римляне завоевали уже так много земель, что им пора перейти от завоеваний к мирной жизни, к дружбе с соседями, то есть с теми, кого они, как выражаются в наше время, «подвинули», утеснили и в прошлом хоть чего-нибудь да лишили.

Адриана считают одним из самых великих императоров Рима, ведь при нем империя процветала и имела самые большие границы на протяжении всей истории, но, как это ни печально, именно решение Адриана перейти от войны к миру и привело к разрушению могущественнейшего царства, поскольку соседи разделяли миролюбие римлян до тех пор, пока жил страх перед непоколебимой мощью непобедимых легионов. Итак, перейдя от завоевательной, если угодно, *агрессивной* политики к оборонительной, Рим стал слабеть, дряхлеть и в конечном итоге погиб.

Возможно, единственным выходом для него была непрекращающаяся война, война до победы, до последнего моря. Но и тогда Рим все равно ждала смерть, в

какой-то момент он, как выброшенный на берег кит, костяк которого не выдерживает веса плоти, рухнул бы под собственной тяжестью.

Крестоносцы, обосновавшиеся в Святой Земле спустя четыре с половиной столетия после того, как ромен, наследники Великого Рима на Востоке, покинули ее, отступив под напором последователей учения Мухамеда, не являлись частью военной машины древнего Рима. Они чурались дисциплины древних легионов, их маленькие дружины, состоявшие из непослушных своевольных храбрецов, не знали продуманной стратегии великого Цезаря, Помпея и Траяна, они чуждались накопленной в веках мудрости других народов, и, что самое главное, они были очень немногочисленны и потому не имели возможности осушить море мусульманского мира. Однако перед ними стояла та же проблема, что и перед римлянами, — воевать и рано или поздно погибнуть или... погибнуть не воюя, то есть либо умереть от старости, либо пасть в сражении, и каждый выбирал свой путь — путь Траяна или его наследника.

A.D. MCLXXXIV— MCLXXXVII

I

За весь тысяча сто восемьдесят четвертый год от Рождества Христова не случилось ни одного хоть сколько-нибудь из ряда вон выходящего события, если не считать того, что мелочно-мстительный и по-глупому задиристый граф Яффы и Аскалона в очередной раз доставил неприятность венценосному шуринау.

Дело в том, что бедуины, издавна пасшие в окрестностях Аскалона свои стада, даже после того, как мечети города превратились в христианские церкви, получили милостивое позволение латинского короля делать это и впредь. Разумеется, за право пользоваться пастбищами кочевники платили некоторую дань, но не графам Аскалона, а правителям Иерусалима. В течение тридцати с лишним лет данное положение вещей не приводило ни к каким недоразумениям. Конечно, бедуины — на то они и кочевники — иной раз, не делая особых скидок и единоверцам, ловили отдельных ротозеев, рисковавших прогуливаться в одиночестве слишком далеко от города, и продавали их в рабство.

В тысяча семьдесят седьмом году все те же бедуины не погнушались, как мы помним, бессовестно вырезать остатки безоружной армии Египта, чем в любом случае не нанесли вреда христианам. Вот, собственно, и все. Теперь же несказанно раздосадованный зять Бальдуэна — мало того, что регентства лишили, даже Яффу отобрали! Ну не обидно ли? — не зная, как отомстить королю, не придумал ничего лучше, чем... отыграться на бедуинах. Гвидо напал на пастухов, перерезал их, а скот увел в Аскалон.

Приблизительно в то же самое время Салах ед-Дин в очередной раз попытался выполнить условия клятвы — наказать сеньора Петры. Султан явился под стены Керака в августе. «Попробовав на зуб» прочность укреплений, Салах ед-Дин понял, что с ходу ему города взять не удастся, и попытался выманить защитников за стены и навязать им сражение в поле, однако вскоре обнаружил, сколь тщетными оказались его старания. Единственное, что смогли сделать мусульмане, — это нанести хоть какой-нибудь ущерб своим врагам. Воины султана, как и полагается во время безуспешной осады, с удвоенной энергией предались разграблению окрестностей.

В то время, откликнувшись на зов осажденных единоверцев, из Иерусалима прислали помощь. Оказавшись в горах, несколькими милями севернее столицы Горной Аравии, королевская армия встала лагерем. От места расположения язычников франков отделяло несколько лье. Однако до битвы не дошло. Салах ед-Дин отступил. Латиняне с триумфом вошли в Керак, но скоро поняли, что совершили оплошность. Вместо того, чтобы ретироваться в Дамаск, султан, воспользовавшись тем, что главные силы противника остались много южнее и Палестина оказалась фактически незащищенной, вторгся в христианские земли и опустошил окрестности Наплуза и Себастии.

Зима выдалась засушливая, и с приближением весны угроза голода для королевства франков начала становиться все более реальной.

Между тем Бальдуэн ле Мезль почувствовал, что мучениям его наступает конец. Двадцатичетырехлетний король слег и на сей раз уже окончательно — теперь он знал наверное, что больше не поднимется. Умирая, он все же мог надеяться, что хоть какие-то из его желаний подданные исполнят. Пэры Утремера,

бароны земли, стали собираться к престолу Святого Города.

Приехал и сеньор Петры, а вместе с ним и его верный слуга Жослен Храмовник. Он несказанно удивился, узнав, что король желает поговорить с ним наедине, но еще сильнее сделалось удивление рыцаря, когда ему и в самом деле удалось увидеться с монархом, поскольку нобли королевства ревностно следили друг за другом, опасаясь, как бы кто-нибудь из них не сумел воспользоваться тяжелым положением сюзерена к собственной выгоде. Они, естественно, понимали, что он собирается объявить посмертную волю и намерен заставить всех и каждого поклясться выполнить ее до конца. Однако никто из магнатов и, уж конечно, менее значительных сеньоров не знал, каковым будет завещание Бальдуэна ле Мезля.

— Здравствуйте, шевалье, — проговорил умирающий в ответ на приветствие Храмовника. — Голос у вас не изменился, все такой же звонкий... А внешне вы, наверное, стали совсем другим? Сколько мы не виделись, года три?

— Да, государь. А что касается моего облика... — Жослен пожал плечами. — Мне представляется, будто я такой же, каким и был, разве что подрос немного...

— А обо мне такого не скажешь, шевалье? — с некоторым подобием горькой усмешки проговорил король, покрытый поверх одежды тончайшими пеленами. — Хотя... я, если можно так выразиться, тоже подрос... в обратную сторону.

— Что вы, сир?! — воскликнул рыцарь. — Как можно говорить такое?

— Это правда, друг мой, — грустно произнес Бальдуэн и попросил: — Не будем об этом. Я рад, что вы пришли. Я хотел увидеться с вами наедине перед смертью... ради всего святого, не тратьте времени на возражения! Теперь мне более нет нужды в вас, как в хироманте, чтобы узнать собственную судьбу — линий ее больше не осталось на моих ладонях, как, впрочем, и самих ладоней... — Жослен едва удержался, заставив себя промолчать, за что немедленно удостоился благодарного замечания: — Спасибо вам... и за то, что послушались тоже.

Храмовник удивился:

— А за что же еще?

— За искренность, — пояснил король, и тут только приглашенный уразумел, что даже говорить — тяжелое испытание для Бальдуэна, между тем сейчас он как никогда нуждался в собеседнике. — *Они* полагают, что вкуче со способностью лицедреть их лица я также лишился возможности заглядывать в их души. *Они* ошибаются. За тот недолгий век, что отпустил мне Господь в этом мире, я стал стариком. Утратив зрение, я вижу их куда лучше, чем раньше, ибо подобно любому из мудрецов, ведаю их помыслы... — Король сделал паузу, и Жослен также молчал, прекрасно понимая, кого тот имел в виду, говоря «они» и «их помыслы». — Нет ни одного достойного. Ни одного. Мой зять старше меня двумя годами, но он — вздорный бесхарактерный мальчишка, добыча моей глупенькой сестрицы.

После этих слов Бальдуэн вновь умолк и, отдохнув немного, продолжил:

— Мой родной дядя думает только о собственном кармане и барышах. Одна отрада, что граф Эдесский, кажется, вышел наконец-то из-под влияния моей матушки, совершенно ослепшей от ненависти к баронам, и начал совершать хоть сколько-нибудь разумные поступки. Он, по крайней мере, сообразил, сколь пагубна ссора между пэрами, и первым протянул руку графу Раймунду. У меня появилась хоть слабая надежда, что после смерти моей они не перессорятся. — Боль душевная пересиливала боль физическую, Бальдуэн воскликнул: — Неужели они не понимают, как важно сохранять мир до нового Великого похода?! — И безнадежно добавил: — Только вот когда наконец он состоится?! Миссия наших магистров и патриарха, как вам известно, не увенчалась успехом.

Храмовник кивнул; все уже знали, что высшие духовные особы Утремера тщетно потратили время и деньги, призывая западное рыцарство к новому массовому вооруженному паломничеству. Как короли Франции и Англии, молодой Филипп Август и до времени состарившийся Анри Плантагенет, так и правитель Священной Римской империи рыжебородый рубака Фридрих отделались обещаниями и денежными подачками. Генрих, например, пожертвовал очень большую сумму тамплиерам, дабы те молились за помин души святого Томаса. Однако ни один монарх и не подумал сдвинуться с места. Единственными знатными рыцарями, взявшими крест, оказались Конрад Монферратский и его отец, маркиз Гвильгельмо Старый, первый свекор

принцессы Сибиллы и дед наследника престола, маленького Бальдуэнета. Конрад, впрочем, отстал по дороге; неотложные дела задержали его в Константинополе... на два с половиной года⁸³.

Ряды посланцев Бальдуэна поредели, обратно в Иерусалим вернулись только двое из троих, Ираклий и Рожер де Мулен, старик Арнольд де Торрож скончался в пути. Тамплиеры после бурных дебатов, вызванных обсуждением кандидатур двух претендентов на освободившийся пост — гранд-командора Иерусалима, казначея Дома Жильбера Хрипатого и сенешаля Жерара, избрали своим новым главой последнего. Это означало, что теперь врагом Раймунда становился, ни больше ни меньше, весь орден Храма. Едва ли подобный расклад добавлял радости умиравшему королю, который думал о единственном преемнике, которого мог теперь назначить после себя⁸⁴.

— Вот что я решил, шевалье Жослен,— начал он после очередной паузы.— Возьмите на столике пергамент, чернильницу и перо.

— Осмелюсь спросить, сир, это ведь будет черновик?

— Да.

— Так, может, лучше взять церу?

— Я сам знаю, что лучше, берите пергамент,— повышая голос, потребовал король.— Пишите по-латыни следующее: «Я, Бальдуэн, милостью Божией...— Когда Храмовник написал традиционную формулу, монарх продолжал: — Желая, чтобы все члены Высшей курии, все бароны земли, патриарх Святого Града Господнего и все духовные иерархи, а также магистры братства Храма Соломонова и братства святого Иоанна поклялись перед Господом мне, ныне стоящему при кончине греховного существования, что по смерти моей они изберут своим правителем племянника моего Бальдуэнета, сына моей сестры Сибиллы и маркиза Гвильома Монферратского. Что станут слушаться его; регентом же королевства и попечителем юного монарха делают графа Триполи и князя Галилеи Раймунда, моего двоюродного дядю... Почему вы не пишете, шевалье?

— Я пишу, сир,— проговорил Жослен.

— Но я не слышу, как скрипит перо.

— Оно... оно засорилось, государь...

— Господи ты, Боже мой! — в сердцах воскликнул король.— Отчего, когда произносишь имя Раймунда де Триполи, у всех немедленно что-нибудь случается?! Точно имя дьявола упоминаешь!

Он хотел добавить еще: «Немедленно пишите, шевалье, или я велю выгнать вас вон!» — но, подумав, что никому не станет от этого лучше, спросил устало:

— *Что вы написали?*

— Регентом королевства и попечителем юного короля сделают графа... — отчеканил Храмовник и добавил: — Потом перо...

— Хорошо, — перебил его Бальдуэн. — Поскольку это все равно черновик, вычеркните слово «попечителем». Довольно с графа и регентства. Напишите так: «Прокуратором Святого Града Господня и всего королевства латинян да изберут они графа Раймунда... да, не забудьте проставить всех его титулов и написать, что за труды ему на период исполнения государственных обязанностей будет пожалован город Бейрут с пригородами. Попечителем же юного короля пусть сделают моего дядю, сенешаля графа Жослена Эдесского...» Так и в самом деле лучше, — подытожил он. — Если мальчик, да защитит его Господь, умрет, графа, по крайней мере, нельзя будет обвинить в злом умысле.

Рыцарь, старательно фиксировавший волю короля, не расслышал его последних слов и спросил:

— Простите, ваше величество, что вы сказали?

— Если Всевышнему будет угодно призвать моего наследника к себе до достижения им возраста, подобающего для самостоятельного правления... Это тоже надо записать, но постоит пока... — Бальдуэн задумался. Он представил себе щедедушного семилетнего мальчика и уточнил: — До достижения им десятилетнего возраста, пусть граф Триполи остается бальи до тех пор, пока четыре величайших государя Европы: апостолик римский, короли Англии, Франции и император Рима — не соберутся на суд и не изъявят своего решения поддерживать права той из дочерей моего отца короля Аморика, которую сочтут наиболее достойной трона Иерусалима.

— Но ее высочество принцесса Сибилла — ваша сестра, государь, — напомнил Жослен, видимо решив, что король забыл о данном факте. — Она старшая из дочерей вашего батюшки, покойного короля Аморика.

— Но не единственная, — уточнил Бальдуэн. — К тому же, надеюсь, до этого не дойдет. Да поможет нам Господь, да продлит он дни моего преемника, да пошлет согласие между баронами. — В последнее, судя по его дальнейшим словам, умирающий правитель Святой Земли верил меньше всего. — И еще, — продолжал он. — Пусть изготовят специальный ковчег и переложат в

него королевскую инсигнию, дабы в случае безвременной кончины моего племянника ни одна из... ни одна из клик... Этого не пишите, шевалье. Напишите, что я желаю, чтобы у ковчега этого было три замка, как тогда, когда мы делали специальный сбор для борьбы с язычниками. Может быть, можно использовать один из них...⁸⁵

— Но... зачем, сир? Корона ведь не деньги?

— Хуже,— тихо произнес король,— куда хуже. Пусть один из трех ключей хранится у патриарха, второй — у магистра Госпиталья, а третий — Храма. Вот и все, дальше не пишите. Надеюсь, вам понятно, что даже если двое из них, например магистр Жерар и патриарх, сговорятся и решат в нарушение клятвы предпринять какие-то действия, чтобы самостоятельно решить проблемы наследования престола, то они вряд ли смогут подбить на такое дело магистра Рожера. С другой стороны, и графу Раймунду окажется нелегко получить знаки королевской власти, если он вздумает захватить корону.

Казалось, впервые за многие годы правления в Святом Граде Иерусалимском Бальдуэн ле Мезль вздохнул свободно. Наконец-то, пусть хотя бы и на смертном одре, он смог вмешаться в бесконечную партию, разыгрываемую вокруг его трона. Бароны не посмеют ослушаться его, пока он еще жив. Делая знаки королевской власти недостижимыми для обеих сторон, ведущих непрерывную борьбу за «шахматным столом», шестой правитель Иерусалима создавал «на доске» самую настоящую патовую ситуацию. Если только...

— Ваше величество,— с ужасом проговорил Жослен в наступившей тишине.— А если... если кто-нибудь захочет открыть ковчег обманом?

Для человека двадцатого века такое предположение показалось бы наиболее естественным — и действительно, что стоит всемогущим вельможам сострять еще один экземпляр заветного ключа? В наше время — да хоть десять, хоть миллион. Однако для молодого рыцаря и его венценосного собеседника, живших в конце двенадцатого столетия от Рождества Христова, такое предположение казалось столь же чудовищным, сколь и... бессмысленным. У них существовало иное понятие о легитимности таких процедур, как коронация.

— Но как? — проговорил первый из них.— Им ни за что не удастся скрыть обман. Народ не примет такого властителя. Никто не встанет под его знамена. Он

останется один, окруженный кучкой бессильных что-либо изменить сторонников, соучастников собственного злодеяния.

— Верно, государь! — Храмовник просиял, восхищенный мудростью короля. — Как ловко, а? Мне бы и в голову ничего подобного не пришло! Никто не смог бы придумать лучше, чем вы!

Бальдуэн не разделял восторгов рыцаря и после долгого молчания произнес:

— Вымарайте-ка слова «после моей смерти»... Нет, я, кажется, сказал там: «По смерти моей»?

— Да, ваше величество, — поспешил подтвердить Жослен. — Именно так вы и изволили выразиться.

— Нет, нет, мой друг... — В тоне короля вновь слышалось что-то похожее на горькую иронию. — Я не раздумал умирать. Просто я подумал, что будет лучше... Напишите так: «После того, как вам... — то есть им, баронам, и всем прочим, кого вы там перечислили, — станет ветою моя последняя воля...»

— Иными словами, государь, вы желаете, чтобы коронация вашего племянника произошла при вашей жизни.

— И как можно быстрее, шевалье. Поскольку жизни этой уже почти не осталось. Вы все исправили?

— Да, сир.

— Тогда прочтите мне все снова, шевалье. Все, что получилось, от начала до конца.

Когда Жослен исполнил приказ короля, тот произнес:

— А теперь спрячьте пергамент мне под подушку... Нет, лучше под перину. Уберите письменные принадлежности, чтобы все выглядело так, как будто бы вы ничего и не писали. Теперь поклянитесь мне перед Господом, что никому и ничего не расскажете о том, что делали здесь, даже вашему сеньору.

— Клянусь, государь.

— Велите позвать слуг и скажите сенешалю Жослену, чтобы созывал баронов на совет.

— Это все, ваше величество?

— Да, — твердо ответил Бальдуэн ле Мезль. — Прощайте, шевалье.

— Прощайте, государь.

Ни патриарх, ни сенешаль, ни его сестра, ни кто-либо из пэров Утремера не мог оспорить завещание прокаженного монарха, обнародованное на совещании

Высшей курии. Все они, включая и руководителей военных орденов, торжественно поклялись исполнить его последнюю волю. На следующий же день после церемонии принесения клятвы Балиан Ибелинский принес захворавшего наследника в Церковь Гроба Господня, где патриарх Ираклий короновал мальчика королем Иерусалимским Бальдуэном Пятым.

Случилось это в феврале, а спустя чуть более недели, уже в марте, дядя юного монарха наконец-то покинул сей мир, дабы предстать перед Создателем, столь жестоко распорядившимся судьбой этого молодого человека. Из правителей, восседавших на троне в мрачном дворце латинских королей Иерусалима, Бальдуэн де Мезль был последним, кто стоил славы Годфруа Бульонского и Бальдуэна Булоньского.

II

Когда останки короля Бальдуэна нашли последнее пристанище в храме, где только что венчался на царство его преемник, бальи вновь собрал совет баронов, дабы решить, какую политику избрать в отношениях с соседями-мусульманами. Собрание Курии практически единодушно проголосовало за мир с Салах ед-Дином — угроза голода в той или иной степени страшила всех, и богатых и бедных.

Граф Раймунд, со свойственным ему размахом, предложил султану перемирие на целых четыре года. Салах ед-Дин усматривал свою выгоду от прекращения военных действий с франками, у него в очередной раз возникли сложности с единоверцами. На сей раз, поскольку империя его уже достаточно разрослась, речь шла о родственниках. Повелителю Востока редко приходилось сидеть без дела.

Едва он успел навести порядок в Египте, как дал о себе знать Изз ед-Дин Мосульский, родич бывшего господина. Господина? Ну нет! К началу месяца муххарамы нового пятьсот восемьдесят первого года лунной хиджры вспоминать о подобных глупостях стало неприлично да и не безопасно. Всегда ли зверь сам бежит на ловца? Не случается ли ловцу подтолкнуть его? Как знать, может, стремление напакостить Салах ед-Дину в одном из последних, не смиренных еще Зенгиидов как раз и проснулось потому, что у султана оказались развязаны руки?

Так или иначе, наличие *свободных* войск пришлось властителю Египта и Сирии вполне кстати. В середине апреля тысяча сто восемьдесят пятого года, спустя месяц после похорон Бальдуэна ле Мезля и по прошествии декады со дня активизации строптивного Изз ед-Дина, армия султана форсировала Евфрат в районе города Береджика, когда-то давным-давно, в незапамятные времена, принадлежавшего графам Эдессы. В месяц раби аль-авваль Салах ед-Дин, несмотря на угрозы со стороны султана Икониума, а также военную помощь, отправленную Зенгидам султаном Персоармении Сокманом Вторым, уже стоял перед стенами Мосула.

Взять крепкий орешек повелитель Востока не смог, зато тут как-то очень вовремя — и двух месяцев не прошло — Аллах наказал Сокмана, — а не помогай кому не надо! Могущественный владыка скончался, и Салах ед-Дин воспользовался моментом, чтобы окончательно прибрать к рукам Диарбекир и Майяфаракин. Но тут Всевышний переменял волю и наказал на сей раз уже Салах ед-Дина — а не покушайся на чужое! Теперь настала очередь султана Египта и Сирии всерьез готовиться к встрече с Аллахом. Случилось это в Харране, городе верного подручника Салах ед-Дина, эмира Кукбури.

Малик аль-Адиль Саф ед-Дин Абу Бакр Моххамед, брат повелителя Востока, прозванный франками Сафадин, недавно получил назначение на пост губернатора Алеппо⁸⁶. Он, конечно же, прислал дорогому родственнику самых лучших врачей, которых только мог найти на всем мусульманском Востоке, однако ничего не помогало. Наконец наступил момент, когда Салах ед-Дину пришлось испытать из чаши горечи, что деньденской подавал Господь Бог к столу недавно почившего христианского короля.

Нет, лепра, страшнейшая из болезней Средневековья, бич Древнего Востока, где жара как нельзя лучше способствует размножению болезнетворных бактерий, не стала уделом великого Салах ед-Дина, однако и он, чувствуя приближение смерти, с отчаянием видел, что едва созданная им держава готова распасться на части. Даже в сердцах родичей султана не жило согласие, а значит, не было в них должного понимания величия его миссии. Так чего же тут говорить об эмирах? Многие из них, лишь вчера приведенные к покорности, готовые на союз хоть с самим Мелеком⁸⁷, искали способов оттяпать куски пожирнее от огромного пирога, испеченного султаном, забывая о нем самом, трясущемся в лихорадке на тончайших шелковых простынях.

Несмотря на горькие снадобья, что заставляли глотать его всевозможные лекари, болезнь и не думала отступать. По малейшему подозрению в попытке отравления как врачеватели, так и повара в мгновение лишились голов, но даже и такое радикальное средство не помогало, больному не делалось лучше. Никто, казалось, не мог распознать причин самого заболевания. Салах ед-Дину не осталось ничего другого, как приготовиться к смерти. Он созвал всех своих вельмож и заставил их поклясться на Коране в верности его сыновьям.

Все поняли, дни повелителя Востока сочтены.

Спустя несколько дней после последнего проблеска сознания у Салах ед-Дина в Харране появился длиннобородый немолодой человек, попросивший, вернее, потребовавший пропустить его к султану. Наглеца сначала подняли на смех, когда он стал упорствовать, немного побили, а потом чуть не бросили в тюрьму. Не сделали этого только потому, что упрямец пригрозил слугам и охране всяческими карами небесными и в довершение всего заявил, что, если они не пропустят его, их всех до одного казнят сыновья величайшего из величайших правителей. На вопрос: «Это почему же мы должны верить тебе?» — он начал кричать: «Можете и не верить! Главное, как следует запомните, чтобы потом понапрасну не тратить сил, напрягая ваши бараньи мозги, потому что вам скоро придется воскресить в памяти этот день. Когда вас повесят на крестах или насадят на кол за то, что вы не помогли спасти от смерти вашего повелителя!»

Подобные заявления почти всегда действительны; с одной стороны, людям на государственной службе недосуг слушать всякий бред, что несет досужий прохожий или просто блаженный, а с другой стороны... а ну как узнают, что ты отослал прочь того, кто мог принести пользу господину? В таких случаях на помощь зовут начальство, или, как еще выражаются, старших... по званию.

Таким старшим, как иногда случается, оказался совсем молодой человек, по сути дела отрок, как видно появившийся на месте спора случайно. Несмотря на то что его сопровождал солидный вельможа, дворцовая челядь немедленно начала гнуть спины перед мальчиком. Уяснив суть дела, во всяком случае такой, какой она виделась слугам и страже, юноша обратился к изрядно разволновавшемуся бородачу:

— Кто такой и как тебя зовут?

— Сперва ты назови свое имя! — заявил наглец.

Начальник стражи хотел ударить его, однако отрок поднял руку и, выгнув бровь, приказал:

— Не трогай его!

Затем вновь повернувшись к незнакомцу, произнес:

— Меня зовут Малик аль-Афдаль, я — старший сын великого повелителя Египта и Сирии, султана Юсуфа. Я назвал себя, теперь твоя очередь. Как твое имя?

Бородач прищурился и заявил:

— Я — Муса ибн Маймун ибн Хубайдаллах!

При его словах спутник аль-Афдаля даже подпрыгнул, а молодой человек, едва скрывая улыбку, проговорил:

— Тогда выходит, вас уже двое. Потому что он — тоже Муса ибн Маймун ибн Хубайдаллах. Или, как он сам себя называет на языке своего народа, Моисей бен Маймон⁸⁸. Его я знаю давно, можно сказать, всю жизнь — он лечит меня и моего отца, а что касается тебя, то я...

Реакция «ибн Хубайдаллаха Второго» не могла не поразить. Он не только осмелился перебить сына повелителя, но и как ни в чем не бывало спросил:

— Как, я сказал, меня зовут?

— ?!!

— У меня отфрафитеальное проифношение, пре-крашный юношша, нашледник фефликого фултана, надешты прафроверных,— пояснил бородач, и лицо его расплылось в умильной улыбке.— Вшо потому, што шлуги фефликого фултана фыбили мне жуб. Меня жовут Муса ибн Муббарак ибн Абдаллах. Пошкольку я про-ижнес швое имя небрефно, тебе и пошлыфалось, будто я нажфался ибн Маймуном ибн Хубайдаллахом. Мо-вешь наживать меня прошто ибн Муббаракком.

— И чего же ты хочешь, ибн Муббарак? — спросил аль-Афдаль и, не дожидаясь ответа, предложил: — Давай-ка отойдем в сторонку все втроем.

Когда они отошли, спутник юноши, не позволив самозванцу открыть рта, поспешил высказать свое предположение:

— Сдается мне, ваше высочество, этому человеку всего более подошла бы роль шута.

— Я — врачеватель и... — топорща длинную седую бороду, взвился Муса ибн Муббарак, но, вспомнив про необходимость изображать речь беззубого, продолжил по-иному: — Я — жвездочет и фрачеватель. Я прифол

фыполнить фолю Фсефыфнего! Шпашти пфеликого фултана!

— Лучше будет, если ты, уважаемый ибн Муббарак, постарайся говорить так, чтобы мы могли понять тебя,— произнес аль-Афдаль, но тут, прежде чем тот успел что-либо сказать, опять вмешался Бен Маймон.

— Осмелюсь высказать суждение, ваше высочество,— возразил он.— Думаю, что ему следует продолжать валять дурака. У него это прекрасно получается, а известно ведь, дабы достигнуть лучшего результата, каждому надлежит делать то, к чему он наиболее способен. У этого человека настоящий дар потешать публику. О, если бы смех мог сейчас помочь вашему отцу, нашему великому и любимому повелителю!

— Глупость ему уж точно не поможет! — скороговоркой пробормотал ибн Муббарак и добавил медленнее: — По воле Аллаха мне посчастливилось создать чудодейственную микстуру, с помощью которой я и хочу излечить надежду правоверных от тяжелой болезни.

— Ты говоришь правду?! Ты действительно можешь сделать то, что говоришь?! — с воодушевлением воскликнул аль-Афдаль, но его спутник поспешил остудить пыл отрока.

— Многие, ваше высочество, пытались сделать это, но, увы, ничего до сих пор не получалось даже у лучших докторов.

— Это так,— вздохнул аль-Афдаль, но во взгляде, обращенном к более чем странному, неизвестно откуда взявшемуся бородачу, теплилась надежда.— Все усилия спасти моего отца оказались тщетными. Ему не становится лучше, сколько бы мы ни молились и сколько бы ни старались врачи... Что это за микстура, создать которую Аллах вразумил тебя, ибн Муббарак?

— О прекрасный юноша, наследник великого повелителя, звезды ислама! — воскликнул врачеватель и звездочет, совершенно забывая об «акценте» беззубого.— Никто не сказал бы лучше, чем ты! Именно так, именно так! Сам Аллах вразумил меня, поскольку я даже и не знаю, как мне удалось смешать ингредиенты. Однако лекарство помогло многим из тех, на которых я попробовал его действие. Причем те, кому я давал его, излечивались от самой страшной лихорадки всего за несколько дней. А появилось оно так. Однажды я оказался в пустыне, где забрел в пещеру, в которой увидел налет на стене, как мне подумалось, вызванный сыростью, царившей в том месте. Я уже хотел пойти дальше,

но тут вдруг передумал и решил, воспользовавшись прохладой пещеры, немного отдохнуть в ней, пока жара снаружи спадет. — Он сделал маленькую паузу и, заметив интерес в глазах обоих собеседников, продолжал: — Не знаю, долго ли, коротко ли я спал, но только во сне я услышал чей-то голос и, пробудившись, понял, что должен проделать с плесенью манипуляции, о которых вещал мне неведомый некто. Я выполнил все его указания, сделал все, как он велел, и тут... проснулся...

И юный принц и его спутник в изумлении уставились на бородача, он же, заметив их недоверие, умолк. Первым тишину нарушил аль-Афдаль.

— Но ты же сказал, что уже пробудился прежде? — спросил он. — Нельзя проснуться дважды в одном сне.

Бен Маймон также не удержался от вопроса:

— А какие действия ты проделывал с той плесенью? Ты запомнил их? Каковы пропорции?

— О, если бы я знал! — воскликнул ибн Муббарак. — Я создал в жизни не одно лекарство, но никогда ни до того ни после не получалось у меня ничего подобного. Голос все время говорил со мной, но...

— Но что?! — воскликнул аль-Афдаль.

Врачеватель и звездочет почесал длинную седую бороду.

— Он говорил о четырех стихиях, об огне, воде, земле и воздухе, что олицетворяют собой материю, — нехотя признался он, понимая, что все сказанное им слишком неопределенно. — Все дело в ее свойствах — сухости и влажности, а также в теплоте и холоде, заключенных в ней. Я думаю, мне удалось найти новое сочетание этих качеств и так создать мое лекарство.

— Но выходит, нельзя определить, из чего оно сделано, — задумчиво проговорил Бен Маймон. — Поскольку неизвестны пропорции...

— Возможно, суть даже не в этом, — качая головой, предположил ибн Муббарак. — Полагаю, что тут все дело в голосе. Он, скорее всего, привнес в мою смесь божественное дыхание, добавив в нее особый, пятый элемент.

— Ну это вы загнули! — воскликнул придворный лекарь. Казалось, он вот-вот добавит: «уважаемый коллега», совершенно забывая, что еще совсем недавно предлагал определить незнакомца в шуты. — Пятая стихия, или квинтэссенция, — она есть часть Божества. Нетленный эфир!

— Хорошо, посмотрим на это иначе, — как ни в чем не бывало предложил врачеватель и звездочет. — Если четыре стихии являются единой материей, непрерывно пребывающей в движении, то отчего бы им в каком-то их своих сочетаний не создать нечто неповторимое?

— Такое, конечно, возможно, — согласился Бен Маймон. — Если очистить от примесей земли даже самый неблагородный из металлов, то в конечном итоге можно получить золото. Вероятно, то же самое можно проделать и с плесенью... Однако так мы не узнаем...

Впрочем, ученый муж не успел развить свою мысль. Аль-Афдаль более не мог выносить беседы двух мудрецов, которые, казалось, забыли о главном, о его отце, нуждавшемся в немедленной помощи.

— О чем вы говорите?! — воскликнул он, с возмущением глядя на своего врача. — И вы, многоуважаемый Муса ибн Муббарак?! Главное ведь не в том, сумеете ли вы создать лекарство в будущем, а в том, хватит ли его, чтобы спасти от смерти моего отца, великого повелителя, защитника веры, помощника Аллаха?! Ему немедленно нужно дать вашу микстуру, ваш чудодейственный бальзам!.. Но с вами нет никакой поклажи: где же он?!

— Клянусь мудростью Моисея, великого пророка Израиля, в честь которого нарекли меня, недостойного, несчастные родители мои! — вскричал Бен Маймон. — Клянусь всеми сорока годами, что скитался по пустыне Синайской народ Божий! Клянусь матерью своей и отцом! Одумайтесь, ваше высочество! Как же можно давать непроверенное лекарство великому повелителю, не проверив прежде действия снадобья, состав которого неизвестен никому, даже и его создателю?!

«Коллеги» вновь не сошлись во мнениях.

— Так ли важно больному, почему горчит микстура, несущая ему исцеление? — взвился ибн Муббарак и добавил, отвечая на вопрос принца: — Мое скромное имущество хранится у одной благочестивой вдовы, иудейки по вере. Я не решился взять склянки с моим снадобьем, опасаясь — и как выяснилось, не напрасно, — недоверия и насмешек со стороны слуг и даже побоев стражи. Подумать только, чудесный бальзам, который мне по воле Аллаха удалось приготовить, вместо того, чтобы оказать жизненно важную услугу лучшему из помощников Его, могли запросто разбить безмозглые солдаты!

Тут отрок, вспомнив, что, несмотря на почтенный возраст спорщиков, он все-таки наследник своего отца,

человек, которому всего несколько дней назад присягли и клялись в верности десятки знатных вельмож, каждый из которых в свою очередь повелевал десятками или даже сотнями храбрых воинов, готовых умереть за своего господина, решил раз и навсегда прекратить препирательства. Однако сделать это оказалось не так-то просто.

Во-первых, строптивый бородач ни за что не пожелал доверять чудодейственное лекарство посыльным и настаивал на том, чтобы ему позволили отправиться к вдове самостоятельно. Во-вторых, Бен Маймон, хотя и согласился на то, чтобы чудесную микстуру принесли, клялся, что употребит всю свою власть придворного врача Салах ед-Дина, но не позволит использовать ее для лечения султана прежде, чем она будет опробована по крайней мере на трех больных лихорадкой в самой тяжелой форме. В третьих, сам аль-Афдаль опасался, что из-за проб лекарства окажется недостаточно для исцеления отца, но более всего он не хотел терять драгоценного времени — не хватало еще, чтобы испытуемые выздоровели, а тот, ради кого все затевалось, тем временем скончался.

Точку зрения отрока разделял и ибн Муббарак, которого аль-Афдаль, кроме всего прочего не желал теперь ни на минуту упускать из виду — вдруг испугается ревности придворного лекаря и сбежит? В конце концов удалось найти компромисс: принц сам в компании Бен Маймона, нескольких слуг и мамелюков и, разумеется, хозяина лекарства отправлялся с визитом к вдове, количество испытуемых уменьшалось с трех до двух и тяжесть заболевания, которым они страдали, решающего значения не имела.

Дорога к дому благочестивой иудейки пролежала через главную площадь Харрана. Когда отряд, состоявший из десятка всадников в богатой одежде, на добрых конях, восседавшего на осле крикливого бородача, его коллеги, покачивавшегося на спине мула, и охваченного нетерпением юного аль-Афдаля, теребившего поводья чистокровной арабской кобылы, оказался там вторично уже на обратном пути, движение его невольно замедлилось. Всей кавалькаде пришлось продираться сквозь огромную толпу, успевшую собраться ради того, чтобы посмотреть на казнь.

Взглянув на некоторых из несчастных, которым в этот ясный зимний день предстояло умереть, ибн Муббарак нахмурился.

— Кто это такие, ваше высочество? — спросил он, глядя на принца снизу вверх. Тот переадресовал вопрос десятнику мамелюков, он в свою очередь спросил у пехотинца, расталкивавшего толпу, не желавшую дать дорогу даже столь высоким особам.

Также по эстафете до врачевателя и звездочета дошел ответ. Суть его не отличалась замысловатостью. Кто такие? Известное дело — разный сброд: воры, изменники, а также двое кафиров, которых удалось схватить в Халебе. Они ходили по домам, прикидываясь странниками, но сами что-то вынюхивали, в общем, понятно — шпионили, хотели разузнать, сколько войск находится в городе и каково настроение жителей, довольны ли они новой властью.

Отчего их не казнили там, где поймали? Великий и мудрый правитель Халеба, брат султана Юсуфа Малик аль-Адилъ нашел весьма мудрым прислать злодеев в Харран, дабы их обезглавили тут, в городе, где неведомая болезнь приковала к постели вождя джихада. Пусть смерть этих жалких и недостойных рабов умилюстит Аллаха и таким образом послужит на благо повелителю Египта и Сирии.

— Двое из них, ваше высочество, могли бы оказать куда более полезными для него, если бы остались живы, — сказал ибн Муббарак и, видя недоумение в глазах принца, пояснил: — Насколько я разбираюсь в лихорадке, они больны и, если палачи не поспешат, могут отдать душу своему Богу раньше, чем свершится возмездие. Я предлагаю взять их в качестве испытуемых. Зачем искать кого-то еще, если эти двое как раз в том состоянии, которое нужно, дабы усыпить все подозрения уважаемого ибн Хубайдаллаха относительно качества моего снадобья.

Кавалькада остановилась.

— Эти люди как раз и есть те шпионы, которых поймали в Халебе, — пояснил аль-Афдаль, выслушав распорядителя казни. — Подарок отцу от моего дяди аль-Адила.

— По-моему, ваше высочество, — заявил бородач как ни в чем не бывало, — ваш дядя не мог в данной ситуации сделать лучшего подарка своему брату. Вы не находите? Я ясно вижу волю Аллаха. Если бы он не внушил вашему дяде прислать этих двоих... м-м-м... неверных скотов сюда, нам пришлось бы еще потратить какое-то время на поиски подходящих больных.

— Больных немало и среди солдат султана, — резон-

но заметил Бен Маймон. — За тем, чтобы найти испытуемых, дело не станет.

— Зачем же искать их, когда они тут? — возразил «научный оппонент». — Они вполне подойдут. Вы же сами, уважаемый, не доверяете действию моего препарата. Что, если вы окажетесь правы и испытуемые умрут?

— Тогда и ты умрешь, — жестко глядя на бородача, пообещал принц, немедленно забыв о вежливости, зато вспомнив о своем высоком положении. — Решено, — подытожил он тут же. — Мы берем этих двоих. Казнить их можно и после того, как они поправятся.

Решительно юному наследнику трудно было отказать в логике, равно как ибн Муббаруку в настырности.

Впрочем, последнего качества было не занимать и старшему сыну повелителя Востока. Дабы сломить сопротивление Бен Маймона и придворных медиков, аль-Афдаль, едва у подопытных кафиров наметилось улучшение состояния, собрал что-то вроде консилиума, на который естественно пригласил и вельмож, поскольку последнее слово все равно оставалось не за врачами, а за чиновниками. Аль-Афдаль знал, что многие из них проголосуют за применение микстуры никому не ведомого целителя, поскольку горят искренним желанием поскорее увидеть повелителя здоровым, другие же скажут: да, надеясь на прямо противоположный исход лечения.

Результат превзошел все ожидания, перед самым христианским Рождеством, спустя всего две недели после начала лечения, главный больной великой империи пошел на поправку. Как и полагается любому владыке, он, придя в себя, первым делом возжелал наградить того, кто по воле Аллаха сумел сотворить чудо.

Услышав его просьбу, султан пришел в неопишваемое изумление.

— Ты хочешь получить в награду такую малость? — спросил он. — Чего стоит жизнь этих псов? Я отпущу их и даже награжу.

Однако, как тут же выяснилось, Салах ед-Дин заблуждался. Нашлись советники, которые просветили его относительно личностей испытуемых.

— Их опознали, это не только шпионы, но, хуже того, они — разбойники, — хмурясь, проговорил он, когда лекарь в очередной раз пришел проведать его и как бы между прочим сообщил, что кое-кто из право-

верных отчего-то не спешит выполнить приказ повелителя. — Оба они — злейшие враги веры, нечестивцы, осмелившиеся совершать свои кровавые злодеяния в исконных землях ислама. Один был их вождем и сумел уйти от славного Лулу! Теперь уже никуда не уйдет.

— Почему, о великий из великих?

Салах ед-Дин неодобрительно посмотрел на врачавателя и звездочета:

— Потому что на сей раз он попался мне.

— Того, кого славный Лулу упустил, — неожиданно произнес ибн Муббарак, — великий Салах ед-Дин может и отпустить.

— Чего ради мне отпускать его?

Исцелитель умел отвечать вопросом на вопрос:

— Разве не верно говорят все про моего повелителя, что он — справедливейший из справедливых? Разве не заслуженно славят всюду его необычайное благородство? Разве попусту восхваляют во всех землях его умение прощать своих *БЫВШИХ* врагов?

— Бывших?

— Да, о великий, ведь прошло уже два года с тех пор, как Ивенах и его друг не воюют с правоверными.

— Два года? О чем ты говоришь? — воскликнул султан. — Не прошло и нескольких месяцев, как стража моего брата схватила его в Халебе! Он шпионил, это ничуть не меньшее, а порой и куда большее преступление, ведь то, что сделано одним соглядатаем, иной раз оказывается на поверку ценнее того, что могут совершить в бою сотни отборных воинов. Ведь они — руки и ноги битвы, а он — ее глаза и уши!

Лицо ибн Муббарака расплылось в восхищенной улыбке.

— О величайший из великих и мудрейший из мудрейших! — воскликнул он. — Такие слова достойны того, чтобы их писали золотом на самом прочном камне. Потомки обязаны помнить о том, кто произнес их, всегда. Но в одном ты, о справедливейший, ошибаешься. Тот человек не соглядатай. Он лишь несчастный, который пожертвовал славой воина, дабы хотя бы еще раз увидеть своими глазами ту, которую любил когда-то.

— Но что он делал в Халебе? — удивился Салах ед-Дин.

— Она когда-то жила там, о великий, — пояснил врачеватель и звездочет и со вздохом добавил: — Вот он и пришел туда, надеясь разыскать ее. Оттого-то и расспрашивал всех, желая узнать хоть что-нибудь о

том, что случилось с ней. Но никто ничего не сказал ему — ведь после большого пожара многое изменилось, — а потом он и его друг из очень далекой северной страны попали в руки стражников. Эти двое — моряки и никогда бы не пришли по доброй воле в Халеб, где были обречены угодить в плен.

Султан кивнул и сказал:

— Верно. Это безумие.

— Разве шпионы способны совершать безумные поступки, повелитель?

— Да, — кивнул Салах ед-Дин, — безумие — прерогатива тех, кто действует явно. — И добавил: — Например, правителей.

Последнее слово принадлежало султану, и он сказал его.

В середине января тысяча сто восемьдесят шестого года Иоанн из Гардарики и Михайло Удалец покинули Харран, а в феврале уже достигли Антиохии, дабы продолжить бесполезные до сих пор поиски.

Если у христиан год только начинался, у мусульман он уже заканчивался. Однако до завершения трудного, едва не ставшего для него роковым пятьсот восемьдесят первого года лунной хиджры султан Юсуф ибн Айюб успел пережить два довольно приятных события, имевших место одно за другим. Последний из гордых Зенгиидов стал наконец вассалом сына Наджм ед-Дина Айюба, незначительного курдского эмира, верного подручника Нур ед-Дина. Мосул остался в управлении Изз ед-Дина, однако земли к югу от города перешли под управление людей, специально назначенных повелителем Востока.

Сам он уже находился в Хомсе, где правил Назр ед-Дин, сын знаменитого Ширку, человека, очень во многом благодаря которому так стремительно взошла звезда султана Египта и Сирии. Именно Сирия — на завоеванный отцом Египет он даже не рассчитывал — и стоила Назр ед-Дину жизни. Он не понимал, отчего ему, сыну благодетеля Салах ед-Дина, приходится прозябать в каком-то Хомсе, в то время как... Словом, Назр ед-Дин немного не рассчитал, поторопился, сделав чересчур далеко идущие выводы из болезни султана.

В общем, никто в Хомсе не удивился, почему эмир вдруг скончался в собственной постели вскоре после сердечной встречи, оказанной им двоюродному братцу.

Великие правители приносят великие жертвы⁸⁹.

Утвердив в правах наследника покойного родича, двенадцатилетнего Ширку Второго, Салах ед-Дин, видимо, посчитал, что деньги могут испортить мальчика, находящегося в столь нежном возрасте, и конфисковал значительную часть средств Назр ед-Дина. Дитя, однако, продемонстрировало весьма незаурядный талант политика, процитировав подходящий стих из Корана, суливший всякие кары тому, кто дерзнет ограбить сироту.

Салах ед-Дин, буквально чудом спасшийся от смерти и сделавшийся вследствие перенесенной болезни особенно суеверным, решил не спорить с автором такой авторитетной книжки, как Коран, и вернул не в меру грамотному внуку своего благодетеля его казну. Лев веры Ширку больше полагался на саблю, Ширку Второй — на слова из Священного Писания мусульман — трудно сказать, что тут лучше.

III

Мирное соглашение, так своевременно подписанное мудрым и дальновидным прокуратором королевства Раймундом, графом Триполи, князем Галилеи и сеньором Бейрута, с султаном Египта и Сирии, повелителем Востока Салах ед-Дином, привело к большому оживлению торговли — вместо ожидавшегося голода наступило едва ли не изобилие. В гаванях портовых городов, таких, как Тир и, конечно, Акра, с трудом находилось место для новых кораблей, все привозивших и увозивших товары.

В тысяча сто четвертом году от Рождества Христова древняя Птолемиада, Аккон, Акра, или Сен-Жан д'Акр, сдалась на милость победителей-христиан и не прогадала, поскольку сразу же стала морскими воротами едва основанного государства. (Вспомним, что Тир пал только спустя двадцать лет, к тому же Акра, что очень важно, имела гавань, защищенную от всех ветров, кроме лишь тех, что дули с континента, а это, принимая во внимание, сколь ненадежными судами были средневековые парусники и галеры, являлось весьма выигрышным фактором.) Более чем за восемьдесят лет латинского владычества город успел сделаться самой настоящей второй столицей королевства Иерусалимского. Прави-

тели Утремера часто и подолгу живали в нем, принимали иностранных послов, устраивали, как, например, во времена Второго похода королева Мелисанда, грандиозные ассамблеи.

Во времена правления маленького правнука знаменитой властительницы, постоянно недомогавшего короля-ребенка, словно в насмешку над славными предками названного Бальдуэном, Акра, точно почувствовав дуновения ветров скорых перемен, по-кошачьи насторожившись, стала тайком примерять корону Иерусалима. Оно и понятно, бытие, как нам известно, определяет сознание; издавна богатый порт процветал и становился все богаче и пресыщеннее. Ему уже не хватало простых развлечений, к тому же, не имея статуса святого города, как Иерусалим, Акра могла позволить себе куда больше капризов — положение обязывает или... *не* обязывает.

Трудно не понять, отчего дама Акра так нравилась даме Агнессе де Куртенэ. Обе они прожили нелегкую жизнь, не раз переходили из рук в руки и помнили многих повелителей, чьи войска входили в ворота, когда торжественным маршем, а когда и врываясь, охваченные безумством битвы. Обе не утратили вкуса к жизни, предпочитая горячую и острую пищу трапезе постника. Обе жаждали все более и более сильных ощущений.

Наступило лето тысяча сто восемьдесят шестого года, пятьдесят третье лето в жизни Графини; более того, оно уже заканчивалось, стремительно летело под уклон. Только, казалось, палило огнем, заставляя клокотать в жилах кровь, июльское солнце, а вот уже и август пришел, пришел и прошел незаметно. Приближалась осень. Несмотря на то что жара в Леванте и осенью заставляet забывать о смене времен года, осень жизни человеческой приходит к тем, кто живет здесь, так же, как и к тем, кто весь свой век проводит в самых холодных странах, а может, даже и скорее.

Ночи властолюбивой и страстной женщины делались все длиннее, любовники — моложе, а социальный статус — ниже. Давно уже шли в ход слуги. Она не долго повластвовала в пожалованном сыном-королем Тороне, где многие молодые люди успели довольно близко узнать хозяйку и вспоминали ее отнюдь не как матушку-государыню. Скоро удел надоел Графине; она все больше предпочитала находиться вне стен крепости, а потом и вовсе вернула ее короне, получив в качестве

компенсации денежный фьеф в любезной сердцу Акре. Разве могло найтись в Леванте место более подходящее для человека, подобного Агнессе?

Выиграла она или проиграла? Этот вопрос Графиня задавала себе не раз, но дать уверенного, твердого ответа не могла. Наверное, проиграла.

Несмотря на все старания, ей все же не удалось одолеть ненавистных Ибелинов и Раймунда. Самое большее, чего она достигла, — отомстила барону Рамлы за тот полный издевательства взгляд на рождественском пиру семь лет назад. Изволили, мессир, мечтать жениться на принцессе? Что? Не получилось? Как же это вы так? Левантийские красотки предпочитают жеребцов из Пуату жеребяткам-пуленам!

Бальдуэн Ибелинский не забыл и никогда не забудет, кто дал ему пощечину, кто плюнул в лицо, заставив утереться и проглотить обиду. И только-то?

Сколько труда, сколько сил пошло прахом?! Все потому, что строптивый мальчишка, которого Агнесса когда-то носила под сердцем, сводил на нет любые начинания матери; чем больше она старалась убедить его в чем-либо, тем меньше это удавалось. Смерть сына и его завещание уравнили силы враждующих партий. А ведь все вполне могло повернуться иначе, если бы другой строптивый мальчишка послушался умных людей — тамплиеров, патриарха, барона Керака, свою тещу, наконец! Победа выскользнула из рук Агнессы, точно дорогая любимая чаша из рук нерасторопной служанки. Ах, если бы только малыш Гюи смог продержаться в регентах до кончины короля! Но нет, теперь муж Сибиллы отстранен, а проклятый Ибелин пробрался в королевскую спальню!⁹⁰

Графине вновь не осталось ничего другого, как только уповать на чудо.

Она посылала Марию с богатыми дарами за советом к отшельнику Петры, но та не нашла его. Именно это обстоятельство отчего-то более всего убеждало Агнессу в том, что она проиграла. Проиграла, потому что ничья не устраивала ее. Но никто не мог ничего поделать в сложившейся ситуации, даже великий магистр Храма оказался бессилён отомстить злейшему врагу. Порой Графине даже начинало казаться, что фламандца перестала интересовать месть. И верно, прошло уже больше двенадцати лет. Может статься, унижительная обида забылась, болезненная рана, нанесенная графом Триполи никому не известному в Утремере рыцарю из Крас-

ного Замка, успела зарости, даже и беспокоить его перестала?

Теперь положение Жерара куда предпочтительнее, чем Раймунда. Графов довольно во многих землях, а магистр Дома Храма один на всей земле. Выше него только римский понтифик и Господь Бог. Подумать только, если бы властитель Триполи отдал фламандцу в жены глупышку Люси де Ботрун, тот по сей день оставался бы никому не известным ленником! Велика ли шишка сеньор Ботруна? Как бишь его... Пливанус или Плибанус? А... Плибано! Сразу и не вспомнишь! А кто такой Жерар де Ридфор, знают во всем христианском мире, не один договор с неверными их князья не считают вступившим в силу, если на нем не стоит подпись и печать главы братства Храма. И все же... неужели не засвербит, не заноеет рубец? Неужели благородный фламандский рыцарь забыл, как его оскорбил какой-то южанин, потомок бастарда из Лангедока? Неужели простил? Стыд и позор! Какой-то итальянский торгаш заткнул его за пояс, увел из-под носа фьеф!

Но с другой стороны, что может сделать мэтр Жерар? Что? Хм... Уж кто-кто, а магистр Храма точно знает, что надо сделать, кому помолиться — дорожка, как говорят, протоптана. Может, стоило как-то расшевелить былое? Каким-то образом подтолкнуть главу могущественного ордена к действиям? Но как? И каким способом?

Что до Графини, то она даже не молилась. Почти не молилась. Она устала обращаться к Богу с молитвами. Чего ради, если Он не затрудняет себя ответами на них? Да и о чем стала бы она просить Всевышнего? Желать смерти внука Агнесса не могла, хотя и не испытывала к нему никаких родственных чувств. Кроме того, с устранением с политической арены Утремера Бальдуэна Пятого мало что изменилось бы. Королевская инсигния сразу же после церемонии коронации мальчика заняла место во вместительном сундуке с тремя замками. Для того чтобы надеть корону на не слишком умную голову Сибиллы, пришлось бы открыть его, для чего в свою очередь потребовалось бы согласие Рожера де Мулена и его ключ. Даже если допустить, что магистр Госпиталя пойдет навстречу, как проделать все достаточно быстро, чтобы проклятый Раймунд не успел ничего предпринять до срока? Получалось, чтобы успеть обстригать дельце, пришлось бы начинать действовать... до смерти Бальдуэнета.

Хорошо еще, что дядя его на смертном одре вверил заботы о здоровье племянника сенешалю Жослену, а не графу Раймунду. Теперь брат Агнессы на вполне законных основаниях постоянно находился при практически все время хворавшем отроке. Впрочем, баллы также страшно интересовался здоровьем монарха и без конца наведывался в Акру.

«Бойтесь пропустить момент, мессир? — мысленно спрашивала Графиня регента. — Небось по ночам снится себе в короне? Не мучайте себя понапрасну! Не терзайтесь зря! Вы не получите ее!» Иногда Раймунд отвечал: «Ваша дочь, мадам, также никогда не станет королевой. Напрасно вы старались, потому что Гюи де Лузиньян самый последний из тех, кого мы, бароны земли, захотим видеть своим сюзереном. Мы выберем Изабеллу. Конечно, Онфруа Торонский ничем не лучше вашего зятя. Если не считать того, что у юного наследника Горной Аравии нет такой замечательной тещи, как вы, мадам!» «Погодите у меня, пулены!» — шипела от злости Агнесса. Ах, как ей хотелось вцепиться в огромный крючковатый нос графа и... оторвать его!

С начала августа юному монарху вновь стало нездоровиться. Все волновались, хотя никто и не видел в данном факте ничего необычного, как и в том, что к середине месяца хворь неожиданно отступила. Произошло это как раз тогда, когда регент, прослышавший о болезни Бальдуэнета, заявился в Акру, чтобы повидать его. Получалось, что граф напрасно волновался, однако уезжать сразу показалось ему как-то не слишком удобным, и он с радостью принял предложение сенешаля немного отдохнуть в его обществе.

Надо сказать, что граф Эдесский весьма неплохо вжился в роль доброго товарища Раймунда, которому как-то за чаркой доброго вина признался, что порядком сыт опекой сестрицы. Ее внушения смертельно надоели Жослену, он, как человек не злой и весьма отходчивый, не понимал, сколько можно ненавидеть Ибелинов? Того же регента? Не пора ли уж и о душе подумать? Не девочка, ей-Богу! Ведь бабушка давно!

Сорокашестилетний граф Триполи и пятидесятидвухлетний сенешаль Иерусалима сами не заметили, как подружились и чем дальше, тем больше приходили к уверенности, что делить им нечего, по крайней мере сейчас. Благодаря графу Жослену Раймунд на удивле-

ние легко мирился с присутствием в Акре Гвидо де Лузиньяна — мать и отчим больного монарха просто не могли не быть рядом с ним в трудный час. Впрочем, как только кризис миновал, они уехали в Аскалон.

В тоже время Агнессу, как ни странно, почти не раздражало отступничество брата, тем более что в Акру по делам приехал его тезка, подданный сеньора Петры Жослен Храмовник. Он просто восхищал Графиню своей преданностью и восторженной любовью, достойной увековечения на страницах рыцарского романа. Двадцатипятилетний Жослен как будто и не замечал разницы в возрасте, он продолжал витать в облаках, жить в мире грез; его не смущало даже то, что предмет обожания не раз опускал его с небес на землю, заставляя без подготовки переходить от романтики и поэзии к необузданным плотским утехам. Дама сердца намеренно делала все, чтобы оттолкнуть от себя своего верного рыцаря, точно испытывая на прочность его чувства к ней. Она знала, что играет с огнем, но, понимая это, ничего не могла с собой поделать. Агнесса словно бы бросала вызов самим Небесам, в исступлении обращаясь к Богу: «Ты смеешься надо мной, да? Издеваешься? Так вот, мне надоело! Забирай все! Забирай и оставь меня!»

Обида душила Графиню, подталкивая ее к грани безумства. Между тем одна мысль, одна страшная мысль все неотступнее, все навязчивее преследовала Агнессу. «Еще год-два, и никто уже не заинтересуется тобой. И никакие масла, притирания и бальзамы, на которые ты выбрасываешь немислимые деньги, не помогут тебе. В самом дешевом, самом вонючем портовом притоне никто не даст за тебя и ломаного обола!» — без жалости говорила она себе, смотрясь в богато украшенное *стеклянное* зеркало из Венеции, обошедшееся «недорого», в стоимость всего лишь одной касалии, которую она еще давно уступила братцу. Зато Агнесса знала наверное, что такого не было даже у проклятой ромейки, жены ненавистного Балиана Наплузского. Помнится, сенешаль аж ахнул, когда узнал, на какие нужды сестре понадобились деньги, мол, чем металлическое-то плохо? По мне, так лучше и не надо! Теперь и она знала, что не надо. Лет бы двадцать назад... Ах, если бы существовало на земле такое зеркало, в котором можно было увидеть себя молодой!

В конец концов Графиня не выдержала, она не придумала ничего лучше, чем одним августовским вечером открыться любовнику, сказать ему, чего она желает.

— Но, мадам... — хлопая глазами, начал Жослен. — Вы хотите?..

— Я хочу, чтобы ты охранял меня, пока я буду торговать собой.

— Зачем? — Он чуть не подавился своим вопросом.

— Хочу знать, чего я стою!

— Как? — каркнул Храмовник.

Агнессу его реакция насмешила.

— Просто, — с невозмутимым видом ответила она. — Ты же рыцарь. Разве *честь* для тебя не в том, чтобы защищать *даму* своего сердца?

— Но, мадам...

— Что такое? Ты отказываешься? Тогда ступай прочь! Я найду кого-нибудь другого!

Тут, однако, Жослен продемонстрировал неожиданную смекалку, показывавшую в то же время, что он не совсем еще утратил голову от любви.

— Я не отказываюсь, мадам, — сказал он, качая головой. — Простою... вам никто и никогда не даст настоящей цены...

— Вот как?!

— Да... я думаю, — продолжал он, — отчего бы вам не купить... э-э-э... такое заведение. Во-первых, оно приносило бы вам доход, во-вторых... жизнь проститутки не так уж увлекательна...

Агнесса не скрывала своего удивления.

— Откуда ты знаешь?!

— Ну... — смешался Храмовник, но тут же нашелся: — Бывая в этом городе, да и в иных подобных местах, я частенько захожу куда-нибудь утолить жажду... выпить вина. Вообще-то я хожу в *приличные* заведения, но случается забрести и в такие, где полно девиц, ищущих спрос на свои ласки. Иные, как я заметил, идут нарасхват. Бедняжки счастливы и готовы на все ради лишнего безанта. Некоторым даже кажется, что они сами выбирают себе мужчин. Но век бабочек короток. Деньги быстро уходят, и очень скоро прелестницы начинают получать тумачков куда больше, чем золота. Да и, честно говоря, золота им уже никто не дает, даже на серебро и то скупятся.

— Для человека, которому просто *случается забрести в какие-то там места*, ты слишком хорошо информирован, — прокомментировала слова любовника Графиня. Его речь несколько обескуражила ее, она отчего-то считала, что он ей верен. Какая наивность!

— Или наблюдателен, мадам, — поспешил отпарировать Жослен.

Преимущество женщин в их слабости, именно благодаря ей их прощают за удары, наносить которые считается недостойным мужчины.

— А как же быть с вашим обещанием выполнять все мои желания? — спросила Агнесса. — Наверное, я ошиблась и вы просто *не любите* меня. Так ваши клятвы ложны?

Она уже передумала, кураж пропал, но... позволить какому-то мальчишке взять верх над собой женщина просто не могла, не имела права. Пусть даже он и не знал, в какую игру играет. Если еще и он перестанет ее слушаться, тогда... Что же тогда? Продать зеркало и в монастырь?

«Монастырь? Зеркало? — мысленно повторяла Графиня. — Зеркало? Монастырь? Зеркало? Зеркало... Продать его? Кому? Может, Марии Наплузской?!»

Между тем пауза затягивалась. Храмовник угрюмо молчал.

«Раз... два... — пульсировала жилка на виске. — Три, — отдавалось в голове. — Три... Почему обязательно три? Три... Три чего? Три замка... Три ключа! Три ключа... Три! Ираклий, Жерар и... Рожер! Три ключа!»

— Я к вашим услугам, мадам, — произнес Жослен: — Я готов.

Агнесса едва удержалась, чтобы не броситься на шею рыцарю. Теперь она знала, вернее, чувствовала, что удастся, непременно удастся, как именно, почему и отчего — не известно, но удастся, удастся, и это главное! Графиня даже сама удивилась, сколь простой показалась посетившая ее мысль — как только такое не пришло в голову раньше. Определенно она была занята не тем, чем нужно!

— О мессир, — проговорила Агнесса, и тонкие губы ее задрожали. — Я восхищена вами! Теперь я вижу, сколь велика ваша любовь ко мне! Но я прошу у вас прощения за то, что позволила себе заставлять вас пройти через столь ужасное испытание. Нет, разумеется, нет, я никогда не собиралась делать того, для чего просила вас пойти со мной. У меня будет другая просьба.

Жослен, не ожидавший уже от возлюбленной ничего хорошего, опять пробормотал что-то насчет того, что он готов для нее на все. Однако Агнесса желала, или требовала — кому как нравится, — немногого.

— Вы умеете сочинять стихи? — спросила она, окончательно переходя с ним на вы, что делала, как прави-

ло, или в моменты тихой ярости, или в состоянии буйного восторга.

— Нет, мадам. То есть да... То есть не очень...— начал рыцарь и признался: — Всегда, едва я подумаю о вас, моя голова наполняется стихами. Но стоит мне попробовать записать хоть одни для вас, моя государыня, как все они превращаются в какое-то жалкое мычание! В противное слуху бляение! Нет, ни воск, ни пергамент, ни бумага не способны передать и мизерной доли того, что я хочу сказать вам.

— Не стоит быть настолько строгим к себе,— пожурила Храмовника Графиня.— К тому же я прошу вас написать послание вовсе не мне.

— А кому? — Сердце Жослена упало — опять? Она любит кого-то другого?! О, как же он был слеп! Ее речи были лишь уловкой! Представив себе, какое испытание дама сердца приготовила ему на сей раз, рыцарь сделался чернее тучи.

— Кому? — переспросила Агнесса, в глазах которой вспыхивали искорки торжества.— Одной очень важной особе, мой друг... Да не хмурьтесь вы так, Боже мой! Конечно же, это — мужчина, но... моей целью вовсе не является сделать ему приятное. Напротив, я хочу, чтобы строки, которые вы написали, заставили его взвиться от ярости до потолка.

Определенно, сам Господь водил рукой Храмовника, когда тот кропал послание. Пассажи поэта всякий раз приводили в восторг гостеприимную хозяйку. Жослен явно наговаривал на себя, Бог, не скупясь, отсыпал ему таланта к сочинительству если уж и не хвалебных песен любимой женщине, так издевательских виршей. Дело в том, что, вода пером по строчкам, рыцарь и понятия не имел, к кому обращается, и, полагая, что пишет кому-то из бывших любовников Агнессы, старался от души.

— Прекрасно! — похвалила Графиня.— Вы великолепны, мессир!.. Бедный Бальдуэнет! Несчастный малыш...

— Что-что? — переспросил Жослен.

— Я вспомнила... м-м-м... о сыне, мой друг...— Агнесса приложила платочек к сухим глазам.

— О простите, государыня...

— Нет-нет... не извиняйтесь... Вы замечательный поэт. Я восхищена вами.

Она не напрасно расточала похвалы и ни капельки не льстила любовнику. Он и верно потрудился на славу. Когда тот, кому адресовалось письмо, прочел его, то пришел в ярость, куда более сильную, чем Графиня даже могла представить себе.

В присутствии двоих своих товарищей, храбрейших из храбрейших и честнейших из честнейших рыцарей ордена, Жерар дю Тампль поклялся, что до смерти не забудет графу Раймунду ботрунского сватовства.

Правду ли говорили, что десятый по счету глава ордена Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломонова знался с нечистой силой, теперь сказать нелегко. Слишком уж противоречивы свидетельства. Трудно также утверждать, будто молитвы, обращенные к дьяволу, оказываются действеннее тех, что предназначаются для ушей Всевышнего, по причине чрезвычайной занятости последнего или слишком большой удаленности — земля то под ногами, а до ближайшего облака не дотянешься.

Так или иначе, не успел Раймунд Триполийский, облобызавшись с сенешалем Жосленом, отбыть из Акры, как на пути в Иерусалим, куда балы намеревался захватить, застигла его горькая весть — отрок-король при смерти. Едва расставшись, графы-попечители несчастного племянника не менее несчастного короля Бальдуэна ле Мезля вновь встретились у постели своего маленького сюзерена.

На сей раз они пробыли там недолго; мальчик умер в конце августа, не дожив даже до девяти лет.

— Мессир, — со вздохом произнес сенешаль, когда он и Раймунд покинули спальню, где, словно уснувший, лежал с закрытыми глазами их юный король. — Полагаю, нам с вами надо разделить обязанности. Первое, что сделаю я, пошлю гонца в Аскалон. Пусть принцесса Сибилла поторопится в Иерусалим. Я тоже поеду туда, дабы утешить племянницу и заняться организацией похорон. Коннетабля же Аморика, напротив, как мне кажется, следует отозвать из столицы, дабы у него и патриарха не возникло соблазна нарушить клятву и попытаться короновать принцессу.

Балы прекрасно понимал, что Ираклий не из тех, кого останавливают такие условности, как клятвы, но все-таки спросил:

— А такое возможно, мессир?

Граф Жослен кивнул:

— Да, друг мой. Более того, опасность вполне реальна. Мне доподлинно известно, что сестра моя состоит с ним в переписке и буквально позавчера отправила в Иерусалим подробнейшее письмо с отчетом о состоянии здоровья внука, прими Господь его душу. Несчастное дитя.

Оба перекрестились, и сенешаль закончил фразу:

— Полагаю, она не замедлит известить его святейшество о кончине государя, так что патриарх будет одним из первых в столице, кто узнает о кончине государя.

— Тогда нельзя мешкать, мессир,— с некоторой горячностью воскликнул граф Раймунд.— Нужно отозвать сира Аморика, хотя... едва ли даже его святейшество отважится на такое. К тому же коннетабль муж весьма разумный. Он, конечно, поддержит брата, но... в его распоряжении слишком мало войска.

— И все же следует отозвать его,— упрямо повторил граф Эдесский.— Вы увидите, сколь дальновидно будет поступить таким образом. Однако сделать это можете только вы, как регент. Все вполне разумно, мы с вами уезжаем отсюда, а сеньор коннетабль, напротив, приезжает.

— Мы с вами, мессир? — переспросил граф Трипольский.

— Ну да, ваше сиятельство,— с той же интонацией произнес сенешаль.— Вы же должны собрать баронов. По-моему, будет вполне разумно, если вы созовете совет Курии у себя в княжестве Галилейском, разве нет? Ведь вы становитесь фактическим правителем королевства. Вам, вероятно, придется исполнять эти нелегкие обязанности довольно долго. Ведь вопрос наследования престола предстоит решать римскому апостолику и монархам Европы, а они, как мы, к огорчению нашему, не раз убеждались, спешить не любят...

Слушая неторопливую речь графа Жослена, бальи впервые по-иному представил себе сложившуюся ситуацию. Раймунд не раз подумывал о короне, но всегда между ней и им находился кто-то другой, теперь же... Конечно, регентство — это всего лишь регентство, но регентство в отсутствие короля совсем не то же самое, что *при* короле, пусть даже маленьком, или тяжело больном, или, и такое бывало, находящимся в плену у турок.

— Но нам-то с вами мешкать нельзя,— продолжал сенешаль.— Надо действовать сообща и как можно скорее. Пока сестрице моей и патриарху не удалось

провернуть дельце и протащить выскочку из Пуату в короли. А то ведь, чего доброго, придется приносить омаж этому глупцу.

— Омаж, мессир?

— Омаж, друг мой,— подтвердил граф Жослен.— Чтобы этого не произошло, надо взять все под свой контроль прежде, чем пронюхают тамплиеры.

Раймунд Триполийский энергично кивнул, сбрасывая с себя оцепенение. Корона, корона, корона! Тамплиеры? Именно тамплиеры!

«Неужели Жерар де Ридфор все еще ненавидит меня? — спрашивал себя граф.— Не верю, столько лет прошло! И все же... достаточно одного его слова, и до полутысячи самых дисциплинированных рыцарей Леванта, как по мановению волшебной палочки, в единый миг вскочат в седла. Так ли уж высоко ценит мое почетное членство в их ордене Рожер де Мулен? Сумеет ли он сказать нет Жерару, если тот потребует... Нет... Нет! Никто не поддержит Гвидо. Это чушь! Напрасные опасения! Что смогут сделать Ренольд Шатийонский и Жерар против Госпиталя и соединенных сил баронов земли? Жерар — ничего, а вот...»

— А что сеньор Петры? — поинтересовался Раймунд, задумчиво глядя на сенешаля.— Сколько у него рыцарей?

— Не более полусотни, как я думаю, друг мой,— ответил тот и добавил: — Князь вряд ли вообще станет вмешиваться. Он недомогает, как-никак ему шестьдесят. Кроме того, прежде чем самый быстрый гонец доберется до Керака, я успею навести порядок в Иерусалиме.

— Пятьдесят рыцарей? Так мало? — удивился граф Триполи.— Вы уверены, мессир? В последний раз, когда Саладин со всей силой приходил в Галилею, барон Петры приводил довольно большую дружину.

— Вам показалось, мессир,— обнадежил Жослен Раймунда.— Князь и правда собрал немаленький отряд, но состоял он в основном из наемников. Ничего не скажу, сир Ренольд умеет заставить их слушаться себя, ведь и сам он когда-то служил наемником.

— Наемником? — переспросил регент, и неожиданно перед его мысленным взором появился молодой рыцарь на коне, грозивший окровавленным мечом перепуганным солдатам на стенах Триполи. Раймунду тогда было всего девять, но он уже знал, что со временем унаследует вотчину отца. А вот что удалой разбой-

ник, нищий башелёр из Шатийона станет одним из пэров Утремера, в те дни никто не мог и помыслить. «Почему? Почему судьба благоволит к таким, как он?» — подумал граф с досадой: — Наемником? Конечно...

— Да, мессир,— охотно подтвердил Жослен и добавил: — Он же пришлый.

Последнее слово, сказанное сенешалем, развеяло нахлынувшую было задумчивость графа Триполийского. Граф Эдессы проводил четкую черту, давал понять — вот мы, пулены, а вот они, выскочки, пришельцы из-за моря, из Пуату ли, из Шатийона ли, неважно. И это стало для Раймунда лучшим подтверждением лояльности собеседника. Что ж, раз так, Гвидо де Лузиньяну никогда не видать короны Иерусалима!

— Да, друг мой,— проговорил регент решительно.— Вы абсолютно правы. Надо действовать немедленно. Давайте-ка наряжать гонцов.

IV

Птица не человек, дорога ее — синее небо, по которому летит она прямо к цели, гордо, с презрением поглядывая на людей, вынужденных удлинять путь свой, изнуряя себя и коней в блужданиях по узким тропам среди гор и холмов земли.

От Акры до Тивериады, главного города земли Галилейской, родовой вотчины графини Эскивы де Бюр, супруги прокуратора Иерусалимского, для голубя, орла или какой-нибудь другой птицы всего тридцать римских миль и миль сорок или даже немного больше для всадника. До столицы Горной Аравии, неприступного Крака Моабитского, что на Скале Пустыни, раза в четыре больше. Не близкий путь для вестника; день и ночь скачи, все равно никак не успеть в Керак раньше, чем сиятельный граф прибудет в Тивериаду, куда на зов регента вскоре начнут съезжаться бароны земли. Как опередить его? Способ один — превратиться в птицу и полететь.

Сказано — сделано. И вот у молодого вассала князя Ренольда Жослена, про прозвищу Храмовник, выросли крылья. Не успели графы-попечители закрыть глаза королю Бальдуэну, как гонец Агнессы де Куртенэ вспрыгнул в седло и, безжалостно прищпоривая коня, помчался на юг.

Ввиду особой значимости миссии Графиня не покупила, и Бювьер, жеребец, некогда подаренный ей молодому любовнику, получил в напарники еще двух быстроногих кобыл, дабы гонец мог скакать день и ночь без сна и отдыха.

Чтобы облегчить нагрузку, рыцарь не взял почти никакой поклажи — лишь несколько сухарей, чтобы не умереть с голоду, да мех вина с пряностями, чтобы подкреплять силы, — не надел даже доспехов. Облачившись в дорожное платье, обмотав голову скрывавшим лицо кеффе, Храмовник стал почти неотличим от кочевника-араба, лишь выглядывавшие из-под плаща ножны меча, символа креста, на котором пострадал Спаситель за род людской, обличал в посланнике благородной дамы Агнессы христианина.

Еще дала Графиня своему верному рыцарю в дорогу чудодейственное вещество. «Здесь волшебная трава ресина́, — сказала она, протягивая Жослену напоминавший крохотную амфору для вина или масла бронзовый сосуд, дно которого вполне уместилось на ладони. Сбоку «амфоры» торчал казавшийся совершенно неуместным хвостик с небольшим отверстием. — Когда силы совсем оставят тебя и ты почувствуешь, что не можешь больше скакать, разожги огонь и заставь ее тлеть, а потом, накрывшись плащом, вдыхай аромат. Скоро огонь побежит по жилам твоим, и ты вновь ощутишь легкость в членах. Тогда скорее закрывай крышку и садись в седло. Увидишь, путь твой станет короче».

В конце второго дня пути случилось странное знамение.

Солнце, стоявшее еще довольно высоко, вдруг стало меркнуть. Черный мрак начал окутывать все вокруг, но это не означало наступления ночи, потому что звезд не было. Задул пронзительный ветер, пробиравший до костей, стало холодно. А потом... пошел серебряный снег.

Поначалу зрелище поражало, восхищало, удивляло, Жослен даже забыл о холоде и о невероятной усталости. Однако скоро он с ужасом обнаружил, что сбился с дороги. Точнее, дорога просто исчезла, как будто гонец оказался застигнутым песчаной бурей или невероятной силы проливным дождем, скрывающим все вокруг.

Храмовник не собирался сдаваться так просто, он знал верное средство против козней нечистого. Спрыгнув на землю, рыцарь воткнул меч в землю и, закрыв глаза, принялся истово молиться Христу. Помогло! Дья-

вольское наваждение исчезло. Снег перестал падать, он не остался лежать на земле и даже не превратился в воду, а просто исчез, и Жослен обнаружил себя стоящим посреди пустыни под звездным небом. Вдали виднелось зарево пожара — вероятно, горел большой город.

— Где я? Что это за город? — спросил Жослен вслух, ни к кому, конечно, не обращаясь, потому что никого вокруг не видел. Но вместе с тем он был не один, потому что услышал ответ, прозвучавший не в мозгу, как случается, когда человек говорит сам с собой, а... скорее всего, с неба.

— Город тот, что видишь ты в пламени, зовется Мегиддон. Египтяне пришли, убили жителей его, а дома их сожгли.

Храмовник вскочил и, размахивая во все стороны мечом, закричал:

— Кто ты? Кто говорит со мной?!

— Ты скакал день и ночь, рыцарь, а многого ли достиг? — вместо ответа поинтересовался голос.

Тут Жослену пришла в голову ужасная мысль о том, что неизвестный совершенно прав, поскольку упомянутый город в незапамятные времена находился в Эсдрилонской долине. Получалось, что за все время бешеной скачки гонец удалился менее чем на десять лье от Акры. Даже если проклятый Раймунд Триполийский покинул город не сразу, а спустя день или два, как надеялась Агнесса де Куртенэ, отправляя в путь любовника, все равно граф уже давным-давно прибыл в Тивериаду и скоро бароны начнут съезжаться к нему.

— Что же делать?! — воскликнул гонец. — Как же могло случиться такое?

— Может, ты ходил по кругу?

— Невозможно! Я проезжал через города и селения к югу от Галилеи еще вчера! — Тут вдруг Храмовник сообразил, кто говорит с ним, и вслепую атаковал невидимого противника там, где тот мог, скорее всего, находиться. Но удар не достиг цели. — Где ты, сатана?! Я не поддамся тебе! Выходи на бой! Что прячешься? Боишься меня, отродье Тьмы?! Получай!

Дьявольский хохот раздался у рыцаря за спиной. Он резко повернулся и... Клинок со свистом рассек воздух. Смех послышался справа. Потом слева. Потом, и того хуже, откуда-то сверху. Что-то подсказало Жослену: пусть к спасению — тьма, все дело в ней! Если без усталости рубить мечом мрак, в конечном итоге удастся проложить себе дорогу к свету.

Однако тьма не расступалась. Храмовник решил передохнуть.

— Если меч не помог, может, попробуешь крест? — спросил дьявол. — Удобно, когда один и тот же предмет годится и для молитвы о милосердии, и для кровавого дела, не так ли?

— Ты не собьешь меня с толку, сатана! — тяжело дыша, прохрипел Жослен. — Тот город — не Мегиддон! Я уже переправился через Иордан! Иерихон и тот остался позади!

— Правильно, — как ни в чем не бывало согласился голос. — Город тот зовется Содомом. Господь разрушил его за грехи жителей его.

— Ты врешь!

— Вот как? Так ты не веришь тому, что сказано в Писании? Разве там не сказано, что города Содом и Гоморра со всеми, кто жил в них, сделались мерзки пред очами Божьими?

Между тем такое провокационное замечание не смутило рыцаря, которого, как настоящего гонца, более всего интересовала топография. Кем бы ни оказался неизвестный, вздумавший зло подшутить над Храмовником, он просчитался — за десять лет, проведенных в земле Моавской, Жослен изучил все пути и дороги, пролежавшие по территории Трансиордании, уж кто-кто, а он прекрасно знал, что ни при каких условиях не мог оказаться в районе древних городов, уничтоженных за грехи их жителей огнем Господним.

— Ты врешь! — вновь повторил Жослен. — Хочешь запутать меня? Сделать так, чтобы я сбился с пути? У тебя не получится это!

— А зачем? — поинтересовался голос. — Для чего мне желать, чтобы ты заблудился?

— Потому что ты — дьявол! — ни мгновения не сомневаясь, ответил рыцарь. — Ты — исчадие ада! Враг веры Христовой и всего рода человеческого, как безбожные агаряне-турки, с которыми мы воюем во имя Божие!

— Значит, я помогаю туркам?

— Да!

— Отчего же ты так думаешь?

— А оттого, что, если я не успею ко времени, в королевстве франков возьмет верх предатель, который служит безбожникам и только и ждет момента, чтобы передать Святую Землю в их руки. — Храмовник чувствовал, как с каждым произнесенным словом силы

возвращаются к нему.— А ты — слуга его! Думаешь, я не узнал тебя, Караколь? Думаешь, если тебе с помощью колдовства удалось сделаться невидимым, ты сможешь провести меня?!

Со своей точки зрения, Жослен размышлял вполне логично. После печально известного потешного венчания во время бракосочетания Онфруа и Изабеллы Руссель Бельмастый, или Караколь, едва не лишился если уж не головы, то по крайней мере языка. Шута спасло то, что Ренольд отложил экзекуцию до окончания торжеств. Неизвестно, чем бы все закончилось, но, уезжая из замка, где теперь предстояло жить его падчерице, Балиан Ибелинский попросил за Караколя, который чем-то приглянулся ему.

Князь оказался в весьма неудобном положении. Будучи человеком гостеприимным, он не хотел обидеть гостя отказом, однако видеть Караколя подле себя он также больше не желал. «Вот что, мессир,— сказал он барону,— я не стану наказывать этого мерзавца, но с условием, что вы возьмете его себе». Вероятно, Ренольд считал, что Балиан откажется, но тот согласился. Так Караколь сменил хозяина.

Наверное, Жослен и не вспомнил бы о бывшем оруженосце господина, если бы не встретил его накануне смерти Бальдуэнета в Акре в компании сморщенного старика, одетого в монашескую рясу с капюшоном. Храмовник и сам не знал, отчего старик так не понравился ему. Скорее всего, из-за перстня с большим и удивительно ярким смарагдом на указательном пальце левой руки, выглядывавшей из-под длинного рукава. Такое украшение куда больше подошло бы какому-нибудь барону или даже князю, а не скромному служителю Божьему.

Так или иначе, но эти двое показались Храмовнику очень подозрительными. Поговорить об этом с дамой Агнессой он не успел: скоропостижно скончался Бальдуэнет, и пришлось срочно собираться в дорогу. Однако теперь Жослена осенило: старик имел прямое отношение к смерти короля, а раз так, то...

«Нет! Караколь тут не при чем! — вдруг ясно осознал гонец.— Это он! Это тот проклятый старик с перстнем! Ну, конечно, как я сразу не догадался? Ведь он — колдун! Или... демон?!»

Едва Жослен подумал так, враг понял, что раскрыт, и вместо обычного человеческого голоса рыцарь услышал сразу множество исходивших со всех сторон зву-

ков: змеиное шипение, рычание льва и вой гиены. Но исчадь ада не смогло провести Храмовника. Теперь он знал, что ему надлежит делать, чтобы одолеть посланца Князя тьмы. Вскочив в седло, он натянул удила и, вздыбив коня, закричал:

— Я не боюсь тебя, Люцифер! Ты боишься меня! Уходи прочь, я не стану с тобой сражаться! Ты слаб! Ты не смог обмануть меня, где уж тебе одолеть меня в поединке! Ты проиграешь! Ты уже проиграл!

Вновь послышалось змеиное шипение, но сквозь него до Жослена все же донеслись звуки родной французской речи:

— Ты — слепец! Ты слепец, и неведомо тебе, что нынешняя твоя победа — твое завтрашнее поражение, а мое сегодняшнее поражение — моя завтрашняя победа. Ибо, чем выше поднимаешься ты, тем вернее разобьешься, рухнув с высоты. Знай, тот город, что видел ты, — не Мегиддон, и не Содом, и не Иерихон, то Святой Град Господень — Иерусалим! И пожар, что узрел ты, не есть пламень прошлых веков, а огонь, что в слепой гордыне возжигало племя твое! В нем и погибнет оно, сгорит, обратится в дым и в синеве небесной истает без следа! Не останется даже и памяти о нем! Ты спрашивал, кто я? Так знай! Я — ангел Господень! Я — посланец его, и пришел изречь обреченным слово его! Ты слышал его, так утрашись же и беги, пока еще не поздно! Своим мечом франки выкоют себе могилу, а ты станешь похоронщиком собственного отца! Я все сказал тебе. Так прощай же, глупец!

— Тебе не одурачить меня! — воскликнул обескураженный рыцарь. — Мой отец Тибо де Валь-а-Васар умер давно, еще до моего рождения! А моя мать...

— Горе тому, кто слеп! — безжалостно ответил голос.

— Эй ты! Ты! — завопил Жослен. — А ну-ка стой! Не смей исчезать! Скажи мне! Скажи мне, кто...

Он умолял и грозил, но напрасно, сатана не откликнулся, он оставил рыцаря, посеяв в душе его смятение. Но все же одно было хорошо — силы зла отступили. В подтверждение этого тьма рассеялась, плывавший вдалеке город исчез, солнце ушло, утонуло за горами, растворилось в мареве над Мертвым морем, оставив после себя только зарево. Впереди на далеком холме Жослен увидел замок размером не более чечевичного зерна. Гонец прищпорил жеребца, и конь, которого рыцарь, как мог, щадил в безумной скачке, понял, что настал его черед.

Едва рассвело, один из стражников на северной стене Керака, бросив привычный взгляд на пустынные холмы, замер, потом отвернулся, но спустя немного времени вновь посмотрел в том же направлении и перекрестился.

— Смотри-ка, Симон,— окликнул он одного из товарищей и указал на дорогу: — Никак, черный рыцарь?

— Болтаешь! — рассердился солдат.— Взбрело с перепоя!

— Какого перепоя? — искренне обиделся тот. Понять его можно — когда это кому что-нибудь мерещилось от ковша воды? — Протри глаза! Я верно говорю!

Симон все же последовал совету и, открыв рот, проговорил:

— Точно...

Тут одетого во все черное всадника, бессильно припавшего к гриве идущего шагом вороного коня, заметили и остальные.

— Демон! — Многие в суеверном ужасе закрестились.— Чур меня, чур!

— Сарацин!

— Мертвый?

— К нам идет? — воскликнул кто-то не то со страхом, не то с удивлением и в следующее мгновение добавил, расплываясь в дурашливой улыбке: — Да это же Бювьер!

Конь, точно услышав собственное имя,— чего никак не могло произойти на таком расстоянии,— остановился и закивал головой, а всадник, сидевший на нем, неожиданно встрепенулся и медленно, точно поддерживаемый чьими-то невидимыми руками, сполз с седла на землю.

Стражники всполошились, старший помчался докладывать маршалу, тот нашел нужным известить сеньора. Пока суть да дело, Жослена втащили в замок и начали приводить в чувство: обильно оросили водой, влили в рот вина. Наконец посланец открыл глаза и, увидев лицо склонившегося над ним Ренольда, проговорил:

— Король скончался.

Когда утихли возгласы гурьбой обступивших Храмовника воинов, он облилиз губы и попросил:

— Пусть все уйдут, государь.

— Отойдите все,— приказал Ренольд и, когда солдаты исполнили повеление, обратился к Жослену: — Говори.

— Ее сиятельство, графиня Агнесса послала меня сказать, чтобы вы немедленно выступали в Иерусалим.

Князь все понял.

— А остальные? — спросил он.

— Какой сегодня день?

— Четвертый от календ⁹¹.

— Успел, — блаженно улыбаясь, произнес гонец. —

К тамплиерам и патриарху послали. В Аскалон тоже. Не теряйте времени, мессир.

Времени не терял никто, кроме разве что бальи Иерусалима, графа Раймунда. И очень зря, потому что его коллега-попечитель и не думал уезжать из Акры. Вверив тело умершего монарха тамплиерам, которые и повезли скорбный груз в столицу, граф Эдесский принялся действовать решительно, как никогда прежде.

Как ни мала была дружина, находившаяся в распоряжении сенешаля, как ни скромнен отряд коннетабля Аморики, вызванного в Акру Раймундом, все же соединенных сил сторонников Куртенэ оказалось достаточно, чтобы именем *королевы* Сибиллы захватить Тир и Бейрут, главные прибрежные города, расположенные к северу от второй столицы. Теперь лишь один Сидон контролировался сторонником Раймунда, бароном Ренольдом.

В Иерусалим входили войска сеньора Петры и графа Аскалона, стягивали силы храмовники. Магистра братства святого Иоанна известие о смерти Бальдуэнета застало в главной резиденции Госпиталя. Город бурлил, как горная река весной. Общественное мнение явно склонялось на сторону старшей дочери короля Аморики: трое из четырех жителей хотели видеть королевой именно ее. «Королева Сибилла! Да здравствует королева Сибилла!» — кричали они все чаще.

Королева? Между ней и короной теперь стоял лишь один человек — глава иоаннитов Рожер де Мулен.

А раз так, можно сказать, что трон находился всего в нескольких шагах от Сибиллы. Несмотря на то что сама она, слабая женщина, со свитой оставалась в королевском дворце, набольшие мужи Утремера, желавшие видеть ее своей госпожой, собрались во дворце патриарха, то есть не более чем в сотне туазов от резиденции госпитальеров, где находился недостающий ключ. И что еще более обидно, для того чтобы доставить хозяина в Церковь Святого Гроба Господня, где и полагалось происходить коронации, коню магистра Рожера пришлось бы сделать всего десяток другой шагов,

так как эта самая церковь находилась рядом с Госпиталем. Однако, к немалой досаде Ираклия, его вельможных гостей и принцессы, отправляться в столь «далекое» путешествие третий *ключник* не спешил.

К нему, естественно, посылали, и не раз. Патриарх не погнушался лично поинтересоваться намерениями мэтра Рожера и использовал, казалось, уже все свое безграничное обаяние, дабы уговорить его составить себе компанию в богоугодном деле, негоже, мол, государству оставаться в такой острый момент без короля, так оно-де все равно, что тело без головы, что войско без знамени. Когда магистр иоаннитов напомнил Ираклию клятву, данную Бальдуэну ле Мезлю, верховный святитель Утремера счел это издевательством, но стерпел, предложив собственные услуги для того, чтобы разрешить магистра от клятвы и таким образом снять с его души тяжкий груз.

Рожер вежливо отказался.

Тогда попытал счастья Жерар де Ридфор. Он решил зайти с другой стороны, напомнил про дружбу, которая при нем и храбром и славном рыцаре, каким все тамплиеры, несомненно, считают нынешнего магистра Госпиталья, пышным цветом расцвела между обоими братствами, постоянно враждовавшими в прежние времена. Иоаннит ответил, что также очень ценит благорасположение храмовников, и в особенности их главы, к братьям госпитальерам, но не может нарушить клятву, данную королю при последнем часе его.

Брат Жерар покинул брата Рожера в состоянии крайнего озлобления и, уходя, бормотал что-то относительно того, что не забудет «добра», но все без толку. Наступал черед Гюи и Ренольда.

— Может быть, просто прирезать этого упрянца да взять его ключ?! — со свойственной ему решительностью осведомился у собравшихся муж соискательницы престола. — Что вы на меня так смотрите, господа?

— Помолчали бы вы, мессир, — попросил гранмэтр Храма насколько возможно спокойнее и шепотом добавил: — К дьяволу. И вообще, пошли бы вы... проведали ее высочество.

— Мессир! — взвился Гюи, краснея до корней прекрасных светлых волос. — Мессир! Вы... вы...

Патриарх попытался успокоить обоих рыцарей.

— Господа?! Господа?! — запричитал он. — Ну что вы, господа?! Перестаньте же ссориться во имя Божие! Надо думать не о том, а...

— Да оставьте вы Бога, монсеньер, ко всем чертям! — перебил его сеньор Петры, находившийся на некотором удалении от остальных, у окна, и в задумчивости накручивавший на палец длинный ус, некогда пшеничный, а теперь словно бы выцветший от седины.

— Сын мой! — округлил глаза Ираклий.

— Простите, ваше святейшество.— Ренольд скривил рот в брезгливой улыбке.— Я имел в виду совсем другое. Граф Раймунд со всеми баронами съехались в Наплуз у барона Балиана...

— Это всем известно! — не преминул напомнить граф Аскалона.— Лучше скажите, как заставить этого мерзавца открыть ковчег?

Князь, точно он и не слышал слов Гюи, продолжал:

— Дружины Триполи и Галилеи вместе превосходят силы Аскалона и то войско, которое есть у коннетабля Аморика и сенешаля Жослена, раза в полтора. Добавьте к ним Рамлу и собственно Наплуз, приплюсуйте туда и остальных баронов и еще Боэмунда Антиохийского, вряд ли он останется в стороне, ведь граф Раймунд крестник его старшего сына. Вычтите Гольтье-ра Кесарийского...

— Сир Гольтьер с нами? — глупо заулыбался Гюи, переводя взгляд по очереди то на одного, то на другого, то на третьего магната государства, корона которого так упрямо не желала идти к нему в руки. Он чувствовал себя мальчишкой рядом с этими умудренными сединами вельможами, каждый из которых, за исключением разве что магистра Храма, годился в отцы златокудрому потомку Мелюзины.— Я не знал... Это... это хорошо, правда?

— Не особенно,— без выражения ответил Ренольд.— У сира Гольтье-ра дружина приблизительно равна моей. Так что и меня можно не считать, равно как и храмовников.

— Во имя Иисуса! — с пафосом воскликнул патриарх.— Неужели они решатся силой взять Град Господень?! Я проклянущу их! Отлучу от церкви! Изгоню из храмов!

— Полно вам, ваше святейшество,— примирительным тоном проговорил князь.— Зачем же так сурово? Сразу изгонять?

— А что же делать, мессир? Может, подскажите?! — всплеснул руками Ираклий.— Как нам убедить этого твердолобого, этого закоснелого, этого... этого... Я даже не знаю, как назвать человека, которому наплевать на интересы Святой Земли!

Патриарх очень нервничал. Остальным-то что? Ни один монарх, даже случись горе и им бы стал граф Раймунд, практически не в состоянии лишить фьефа графа Гюи или князя Ренольда и уж тем более будет бессилён навредить магистру Храма. А вот что касается святительского престола Иерусалима... Ираклий прекрасно отдавал себе отчет в том, что в голове, которую ему рано или поздно предстояло увенчать короной, могла развиться пренеприятнейшая идея собрать клириков и поставить перед ними вопрос о соответствии их руководителя занимаемому положению.

Между тем граф Аскалона считал себя стороной, которая в случае неудачи предприятия более всего может пострадать. Терзания святителя Иерусалимского заботили его куда меньше, чем мысль о короне. Не то, чтобы Гюи нравилось за все отвечать, но вот перспектива самому никому не давать отчета в своих действиях его вполне устраивала. Сидя на феоде, греясь в лучах умиленных взглядов любимой супруги, он уже порядком забыл о том, как утомительно отбиваться от наседающих на тебя баронов — каждый ведь лезет с советом, каждый своего требует, всяк норовит уму разуму поучить!

— И правда, господа! Что же делать?! — воскликнул Гюи.

— Давайте отправимся к нему все вместе, — предложил Ренольд. — Придем и спросим, кого он хочет видеть королем, сира Гвидо Лузиньянского, графа Раймунда или моего пасынка Онфруа?

— А при чем тут Онфруа, мессир? — хором спросили трое других участников совещания.

— Вы, верно, забыли, господа. Ведь его жена Изабелла, а она как-никак принцесса. — Он сделал паузу и продолжал: — Вот давайте и спросим многоуважаемого магистра Госпиталья, хочет ли он жить в королевстве, где властвуют грифоны? Может, ему податься в Константинополь? Перенести туда резиденцию?

Жерар де Ридфор только хмыкнул, вероятно представив себе госпитальеров, переезжающих на постоянное место жительства в Восточную империю.

Патриарх покачал головой:

— Этак-то он и вовсе осерчает.

— А что нам терять? — спросил князь. — Если мы не коронуем принцессу Сибиллу теперь же, мы не коронуем ее уже никогда. Или вам неизвестно, что народ Иерусалима сегодня поет осанны тем, кого завтра распинает на кресте?

Граф Раймунд узнал о том, что его попросту обманули, довольно поздно.

Открыв двурушничество сенешаля, бальи отправил гонцов в Триполи, а сам, собрав дружину Галилеи, вместе со старшими пасынками Юго и Гвильомом в начале первой декады сентября тысяча сто восемьдесят шестого года пожаловал в Наплуз на огонек к лучшему другу барону Балиану, куда уже начали прибывать и другие нобли Иерусалимского королевства, возмущенные предательством патриарха и Куртенэ.

Регент дважды собирал собрание, но всякий раз прения заканчивались ничем. Одни требовали немедленного похода на Иерусалим, другие настаивали на том, чтобы сначала обезопасить тыл — выбить войска коннетабля Аморика и сенешаля Жослена из Акры, Тира и Бейрута, а уж потом без спешки и постоянной необходимости оглядываться назад предъявлять претензии сторонникам принцессы Сибиллы в столице. Самое же неприятное, по крайней мере для графа, высказанное тремя его вассалами, сеньорами Ботруна, Джебаила и Мараклеи, предложение сделать королем Раймунда было встречено остальными баронами весьма холодно, хотя хитроумный Плибано и дал им недвусмысленно понять, что в обмен на увенчание регента иерусалимской короной последний гарантирует им продолжительный мир с Салах ед-Дином. Не все пулены жаждали мира, некоторым речи пизанца показались изменническими. Плибано стусевался и, поджав хвост, ушел в тень; больше о перспективах избрания на трон прокуратора не заговаривал никто.

Между тем, как всякий радушный хозяин, сеньор Балиан не жалел ни казны, ни провианта, ни вина для своих многочисленных, шумных и, что самое главное, невероятно прожорливых гостей. Он из кожи вон лез, дабы не допустить уныния среди соратников. Певцы и жонглеры без устали потешали на пирах рыцарей, но более всего восхитил их сам сеньор Наплуза, который как раз накануне всей заварушки приобрел неплохого жеребца, которого, ко всеобщему неописуемому удовольствию, назвал Геркулесом⁹².

Тетка патриарха немедленно получил возможность выбрать себе «жену», с которой и был «обвенчан» привычным к «епископской» службе Караколем. Надо ли говорить, что, прежде чем вести «новобрачную» к ал-

тарю, ее нарекли Пасхией де Ривери? Настоящая мадам патриархесса в Наплузе, где законный супруг ее имел свое дело, разумеется, отсутствовала, предпочитая компанию любострастного святителя, но рыцарей это, конечно же, не смущало.

Нетрудно понять, что за всем этим как-то немного забыли о серьезности положения. И напрасно, потому что, пока в Маленьком Дамаске «венчались» жеребец Геркулес и кобыла Пасхия, в Святом Городе тезка коня увенчал короной голову двадцатилетней принцессы Сибиллы. Весть эта, вовсе не благая, заставила баронов наконец отставить кубки и вскочить в седла.

Новость принес Антуан, конный сержан из дружины барона Балиана. Приехав в Иерусалим, посланник баронов земли узнал о том, что церемония коронации вот-вот состоится. Тогда он пошел к одному своему знакомому монаху и попросил того помочь пробраться в церковь Гроба Господня, оцепленную солдатами из Заиорданья и Аскалона. Монах поступил просто, он раздобыл для Антуана рясу, и оба приятеля проникли в храм через боковую дверь так, что солдаты не обратили на них внимания. Одним словом, Антуан сделался свидетелем венчания Сибиллы на царство, о чем мог теперь поведать разодетым в пух и прах вельможам, которые специально ради того, чтобы послушать простого солдата, собрались на поле под стенами Наплуза. Антуан чувствовал себя страшно неудобно, стоя на земле перед сидевшими в седлах магнатами, ему казалось, что он попал на суд, где, вопреки всем правилам, должно было рассматриваться его дело.

— Как им удалось уговорить сира Рожера, мессир? — спросил один из баронов. — Я считал его человеком, не способным совершить клятвопреступление.

— Полагаю, мессиры, он не выдержал их натиска, — ответил посланник. — Его святейшество патриарх Ираклий ходил уговаривать его, но сеньор Рожер не сдавался. Затем пошел сеньор Жерар, потом, когда магистр Госпиталя отказал и ему, уже на следующий день, народ начал шуметь и требовать коронации, тогда они пошли к нему втроем: его святейшество, великий магистр Храма и князь Петры Ренольд. О чем они говорили, я не знаю, но только, как я слышал, вышли они оттуда страшно злые... Я этого сам не видел, но, как мне рассказывали, на его святейшестве просто лица не было, а сир Жерар бормотал угрозы и проклятия в адрес сира Рожера...

— Оно и понятно! — воскликнул Юго Хромой, барон Жебаила, вассал графа Раймунда.— Храмовник способен на все, он ни за что не простит того, что его унизили отказом! Но что же случилось, как они получили ключ?

Антуан развел руками, как бы желая сказать: «Ну что ж тут поделаешь?», и произнес:

— Он, мессир, выкинул ключ в окно им под ноги, и ни один из иоаннитов не пошел в храм. Его святейшество обрадовался ключу, а сир Жерар только еще больше разозлился, но князь Ренольд сказал ему, что, раз дело сделано, нечего и говорить. Мол, надо скорее идти и короновать ее высочество принцессу, то есть, простите, ее величество королеву Сибиллу. Они сели на коней и отправились в церковь.

— А Гюи?! Они короновали и его?! — не выдержал Гвильом Галилейский.

— Нет,— качая головой, проговорил посланец из Иерусалима.— Это уж я видел сам. Когда его святейшество патриарх Иракий возложил корону на голову ее высочеству, то есть, простите, ее величеству, он протянул ей вторую корону и сказал: «Ваше величество, государыня наша, выберите достойнейшего из рыцарей Иерусалима и сделайте его нашим государем». Принцесса, то есть королева, назвала своим избранником графа Гвидо и велела ему приблизиться, а когда он подошел и преклонил колено, надела на него корону, и все присягнули ей и ему. Потом, когда все вышли из церкви, народ начал славить новых монархов. Иные пели: «Наплевали на пулена, корону дали пуатуэну!», а сир Жерар воскликнул: «Корона Иерусалима стоит ботрунской невесты!» Что он хотел сказать, я не знаю, но только, я видел, он ликовал⁹³.

Не только Антуан, но и далеко не все собравшиеся понимали суть высказывания гранмэтра Храма, но находились среди них и такие, кто быстрее других осознал суть произошедшего. Если для Жерара де Ридфора коронация означала главным образом, что месть за давние обиды исполнена самым блестящим образом, то для большинства магнатов королевства победа партии Куртенэ являлась свершившимся фактом, хотели они того или нет, Гвидо де Лузиньян сделался их королем, и теперь им оставалось лишь принести присягу новому сюзерену.

Однако не все спешили сделать это.

Едва сержан окончил рассказ, вперед выехал Бальдуэн Ибелин.

— Господа,— начал он и сделал паузу, ожидая наступления тишины.— Мы с вами чересчур долго пребывали в благодушии, праздновали и веселились, вместо того чтобы действовать в интересах королевства, напрасно полагая, будто слово чести может иметь значение для тех, в ком ее нет ни капли. Теперь худшее свершилось, клятвопреступникам удалось осуществить их планы, королем стал тот, кто стал. Все мы с вами хорошо знаем графа Гвидо, имели возможность наблюдать его в период регентства три года назад, поэтому говорить о нем означает лишь попусту тратить время. Я взял слово не для этого, а с тем чтобы сказать — я, Бальдуэн Ибелинский, барон Рамлы, не преклоню колена перед человеком столь низкого происхождения, к тому же завладевшим тронном путем предательства и лжи. Тот, кто теперь сделался королем, столь глуп, что и года не пройдет, как он потеряет королевство. Однако он не просто потеряет его, он его погубит. Я же не желаю быть свидетелем позора. Одним словом, я покидаю королевство Иерусалимское и буду искать себе удела в иной земле, предлагаю и вам, господа, последовать моему примеру.

Закончив свою краткую речь, старший Ибелин вернулся в строй.

Сказанное бароном вызвало большое волнение. Поднялся шум, магнаты, унимая жеребцов, начавших нервно переступать с ноги на ногу и качать головами — животным передавалось настроение всадников,— громкими криками изъявляли бурную поддержку Бальдуэну и высказывали желание последовать его примеру. Однако далеко не все еще хотели верить, будто все потеряно — несколько пар глаз в нетерпеливом ожидании обратились к прокуратору Иерусалимскому, который выехал вперед и, развернув коня, оглядел сразу же притихших рыцарей.

— Друзья мои,— произнес он с теплотой,— мои товарищи. Почти все мы с вами родились здесь, у нас нет другого дома, кроме Святой Земли. Каждый из нас волен решать сам за себя, кто-то хочет остаться, другой предпочитает искать себе счастья в других государствах. Между тем не в обычаях христианских рыцарей отступать, прежде чем не станет очевидно, что ничего уже нельзя сделать, что игра проиграна. Коронация, свершенная в Иерусалиме, незаконна, ибо от предков наших повелось — кому надлежит вручить скипетр и державу, решать собранием баронов земли. Мы же с вами не давали своего слова принцессе Сибилле. С нами

ее сестра, юная принцесса Изабелла, ей мы и вольны передать власть, ее провозгласить нашим избранным сюзереном.— Он умолк на мгновение-другое, давая возможность всем осознать суть предложения, которое, хотя и не являлось для собравшихся абсолютной новостью, теперь фактически впервые предлагалось к голосованию.— Да здравствует Изабелла, милостью Божьей королева Иерусалимская!

— Да здравствует Изабелла! Да здравствует наша королева! — разом закричали все бароны.— Да здравствует Изабелла! Ура королеве!

— Велите привести сюда принцессу. Быстрее! — прошептал балъи Балиану, который, поймав взгляд графа, поспешил подъехать к нему.— Пусть ее доставят сюда не мешкая.

Пока все магнаты Утремера вопили свое «да здравствует», да «да здравствует королева», пока посланные за Изабеллой люди сломя голову мчались во дворец к ни о чем не подозревавшей принцессе, один из собравшихся не ликовал и не радовался.

«Не хочу. Не хочу. Не хочу! — тупо уставившись в одну точку, повторял он, сжавшись и внутренне трясясь от страха, точно заяц, точно загнанный в угол зверек.— Не хочу! Милая, милая моя, ненаглядная моя Изабелла! Ну зачем, зачем родилась ты принцессой?!»

Вернувшись в город, магнаты Утремера долго пировали и разошлись спать лишь за полночь, полные решимости действовать.

Сразу после утрени начались приготовления, и скоро войско изготовилось к выступлению. В суматохе сборов как-то не сразу и заметили исчезновение весьма важного человека. К огромному удивлению баронов, выяснилось, что муж избранной ими королевой принцессы Изабеллы еще затемно, когда все они только собирались в церковь, покинул Наплуз и поспешно отбыл в неизвестном направлении.

* * *

Когда новоиспеченной королеве доложили, что ее внимания добивается неожиданный визитер, она сначала испугалась и сказалась больной, но, понимая, что не принять его не сможет, вскоре «выздоровела».

— Государыня! — воскликнул Онфруа, едва входя в покои Сибиллы. — Не прогоняйте меня во имя Господа! — Королева вздрогнула, когда юноша, бросившись к ней, опустился на колени и принялся с жаром целовать ее руку. — Прошу вас, выслушайте!

— Я слушаю вас, мессир, — холодно проговорила королева. Поскольку гость еще ни разу не назвал ее величеством, она внутренне сжалась, готовясь к неприятному разговору. А что если он начнет умолять ее... о чем? Скажем, разделить трон с сестрой? Нет! Это невозможно!

«Ах, отчего нет здесь матушки?! — Пожалуй, впервые за многие годы Сибилла нуждалась в совете и помощи матери, но та осталась в Акре, довольно осмотрительно рассудив, что ее присутствие не добавит популярности дочери и зятю. — Как нарочно! Что мне отвечать ему?.. Какой красавчик! Сестрице повезло... Нет, он слишком хорош собой, излишне женственен. Мой Гюи не в пример лучше. Он и красив, и храбр, и умен. А какие фаблио, какие стихи сочиняет? Кажется, все дни и ночи напролет только и делала бы, что слушала и слушала его звонкий голос! Такого мужа, как он, нет ни у одной королевы ни в одном государстве! Как хорошо, что он наконец стал королем!.. А этот? Что же мне ему...»

Все эти мысли вихрем промчались в голове Сибиллы, так что Онфруа де Торон только и успел произнести второе свое: «Не прогоняйте меня, государыня!»

— Я слушаю, слушаю вас, мессир, — повторила королева. — Мне сказали, что у вас ко мне срочное и неотложное дело, я даже... м-м-м... встала с постели, хотя мне и... э-э-э... не здорovится. Так что же у вас ко мне? Говорите.

— Умоляю, поймите меня правильно, ваше величество!

«Ваше величество? Это уже лучше».

— Да... но... но скажите же хоть что-нибудь.

— Государыня... моя жена... ваша сестра... О Господи! Мы просим вас... Не прогоняйте меня, пожалуйста.

— Да чего вы от меня хотите?! — воскликнула Сибилла, совершенно сбита с толку. Окрик королевы лишил Онфруа остатков мужества. Он изо всех сил вцепился в ее руку. — Мне больно!

— Боже мой, государыня! — Наследник Горной Аравии в ужасе отпустил ее. — Простите... Бароны, ее батюшка и граф-регент просили...

— Я не согласна!

— Господи! Господи, Боже мой! — причитал Онфруа.

— Нет! — Сибилла была на грани истерики. — Нет!

— Вы должны, ваше величество! Вы должны!

— Нет! — взвизгнула Сибилла так громко, что в двери ее покоев ввалился перепуганный стражник. — Вон отсюда! — закричала она ему.

— Что же делать?! Все погибло!

— Пойдите прочь!

— Не гоните меня, государыня! — С открытым ртом и вытаращенными глазами он казался ужасно глупым и отчего-то напоминал королеве барана... с волчьими зубами? — Не гоните! Вы должны...

— Никому я ничего не должна!

— Должны! Вы должны принять мою клятву!

— Клятву? Какую еще клятву?

— Как же, государыня?! Как же? Вы должны принять мой омаж!

— Омаж? — Тут Сибилла наконец уразумела, чего от нее хотят, и добавила со вздохом облегчения: — Ну, конечно, мессир... Может, лучше вам для начала принести присягу королю?

— Как вы велите, государыня. — Онфруа кивнул, и королева невольно улыбнулась, расцветая под преданным взглядом нового вассала.

«Боже мой, как трудно управлять государством!» — подумала она.

* * *

Непредсказуемый, неожиданный, безумный поступок Онфруа де Торона лишил магнатов Утремера знамени, им не осталось ничего иного, кроме как покориться судьбе. В начале октября король Гвидо собрал баронов в Акре, где они принесли ему вассальную присягу.

Бальдуэн Ибелинский так же, как и другие — приехали все, кроме графа Раймунда, — присутствовал на церемонии, но, когда подошла его очередь преклонить колено, он отказался сделать это, сказав, что покидает пределы королевства, а земли свои передает малолетнему сыну Томасу, который и исполнит все надлежащие формальности перед сюзереном, когда войдет в подобающий возраст. После чего барон отправился в Антиохию к князю Боэмунду Заике, от которого получил во

владение фьеф, более богатый, чем имел. Кроме Ибелина старшего намерение покинуть Гвидо де Лузиньяна осуществили лишь несколько незначительных вассалов⁹⁴.

В общем, несмотря на кипевшие страсти, получилось так, что как будто бы никто ничего особенно не потерял. Правда, уже несколько позже, когда король Гюи, оскорбленный поведением Раймунда Триполийского, возжаждал мести, Балиан Ибелинский заявил монарху в глаза: «Ваше величество, вы уже утратили лучшего рыцаря в лице сеньора Бальдуэна. Если теперь вы лишитесь совета графа Раймунда, вы — конченный человек». Похоже, более никто или почти никто в Левантийском государстве не разделял мнения барона Наплуза по данному вопросу. Во всяком случае, утраты как-то не заметили.

Тем временем кое-кто даже сделал даже небольшие приобретения.

Сеньор Петры, у которого в последнее время вошло в обыкновение периодически напоминать мусульманам, что он не друг им даже в годы перемирий, снова впал в соблазн и решил поохотиться... на верблюдов. Из окон башен своего неприступного замка он наблюдал за их беспрестанным движением по его землям то в одну, то в другую сторону. Это вызывало у него головокружение, и однажды, в самом конце тысяча сто восемьдесят шестого года, князь не выдержал.

Такой добычи не помнили в Кераке даже старожилы. Все, что перевозили на своих спинах неприхотливые дромоны пустыни, перекочевало за стены города. Таким образом Ренольд наконец полностью возместил протори и убытки, нанесенные его владениям двумя походами Салах ед-Дина, как-никак добыча франкского демона составила ни больше ни меньше, чем двести тысяч динаров.

Можно не сомневаться в том, что султан потребовал компенсаций, но нет оснований сомневаться и в том, что он их не получил, поскольку послов его в Керак даже не впустили. Ренольд заявил им через посредников что-то вроде: «Помолитесь своему Магомету, может, он поможет пленникам получить свободу?» Уразумев, что тут они едва ли чего добьются, ходоки из Дамаска поехали в Иерусалим, где король Гвидо, пообещав им во всем разобраться, направил депешу в столицу

Горной Аравии. Зная Ренольда де Шатийона, догадаться, чем закончилась эта суета, нетрудно. Султан вновь поклялся отомстить, но все, что он смог сделать, — это лично сопровождать караван, возвращавшийся из Мекки, куда ездила сестра повелителя Египта и Сирии.

В первый день месяца мухаррама нового, пятьсот восемьдесят третьего года лунной хиджры войска стали собираться в Дамаске⁹⁵. Сколько их туда съехалось, можно только гадать, однако, если учесть, что в Босру (город примерно в двух, максимум в трех дневных переходах к югу от Дамаска) они прибыли только в середине апреля, становится понятно — султан созвал большую часть своих вассалов, словно бы готовился к решительной войне против сеньора Керака. Правда, повелитель Востока ограничился тем, что опустошил окрестности обеих неприступных крепостей.

Арабский хронист писал потом, что *князь-волк поджал хвост и спрятался в своей норе, едва почуяв запах льва*. Очень живая метафора, особенно если принять во внимание соотношение численности воинских соединений той и другой стороны.

Так или иначе, караван беспрепятственно проследовал мимо Керака⁹⁶.

V

И вот отшумели зимние ливни, отдаваясь в Галилейских горах веселым журчанием ключей Крессона, наступила весна тысяча сто восемьдесят седьмого года от Рождества Христова, восемьдесят восьмая весна Иерусалимского королевства.

После рейда Ренольда самые главные магнаты Левантийского царства, граф Триполи и князь Боэмунд Антиохийский, поспешили заключить мир с Салах ед-Дином. Отставной регент, желая обезопасить себя на все случаи жизни, выговорил условие, согласно которому княжество Эскивы де Бюр включалось в число территорий, которые воины султана обязались не трогать, даже если между королем Иерусалима и султаном начнется самая серьезная, так называемая тотальная война. Опять-таки пользуясь современной формулировкой, можем сказать, что князь Антиохии и граф Триполи заключили с врагом сепаратный мир, по мнению же большинства сограждан Раймунда, он, явно играя на руку сарацинам, попросту совершил измену. Зная, что

граф принял в Тивериаду небольшой контингент мамелюков султана и заручился с его стороны обещанием однозначной поддержки на случай войны графа с сюзереном, нельзя не признать, что современники Раймунда были в чем-то правы.

Теперь, когда во владениях его наступил долгожданный покой, установился непрочный, хрупкий даже, мир между родичами и эмирами, руки у Салах ед-Дина оказались развязанными. Теперь он мог наконец обратить львиный взор свой на запад, туда, где на узкой прибрежной полоске земли продолжали жить враги правоверных, кафиры, положить конец существованию которых на карте Ближнего Востока клялось уже не одно поколение вождей ислама. Казалось, огромному орлу, которого напоминала теперь держава султана, стоит только взмахнуть крыльями — одно в Египте, другое в Месопотамии, — чтобы навсегда скрылось солнце от франков и поднялся ветер, тот самый ветер свободы, которого так ждали все ревнители *истинного* учения, нашептанного под покровом ночной темноты Аллахом аравийскому пастуху Мухаммеду.

В Дамаске, как известно, находилась голова «орла»; и вот теперь, склонив ее вправо, «величественная птица» немигающим взглядом изучала свою добычу — франков, подобно сусликам или слепым кротам копошившихся между гор и пригорков на оси примерно миль в семьдесят, соединяющей Святой Город и Тивериаду.

Правитель Галилеи, граф Триполи, и его ненавистник, правдами или неправдами завоевавший все-таки корону Иерусалимскую, никак не могли разрешить между собой пустяковых имущественно-территориальных споров. Раймунд, как и практически все люди, жившие в двенадцатом столетии, молился часто и подолгу, но нельзя сказать, чтобы Всевышний отвечал на его просьбы, как, скажем, на мольбы дамы Агнессы, как ни сетовала она на невнимание Его. Вот уж за чьи обиды Господь воздал, так это за Графинюшкины, сполна отмстил за оскорбительную процедуру развода с мужем-королем четверть века назад, за долгие годы унижения. Теперь ее дочь и зять завладели престолом, оставив с носом ненавистных Ибелинов и их дружка из Заморского Лангедока.

Граф мог простить Богу многое, даже коронацию Гвидо, вызвавшую столь бурное ликование в душе магистра Храма, — дьявол с ним, пусть торжествует, в

конце концов, правитель Триполи и в самом деле чувствовал нечто похожее на вину перед Жераром де Ридфором. Сенешаль Жослен? Полноте! Граф без графства, глуповатый, несмотря на всю свою оборотистость, и, по сути дела, не злой человек, главной его целью являлось набрать побольше земли и денежных фьефов, точно это могло вернуть ему престиж. Что касается политики, то тут он ничего и никогда не делал сам. Единственное дело, которое удалось ему в жизни, — роль доброхота Раймунда, сыгранная им в Акре летом прошлого года. А вот Агнесса! Теперь бывший балы как никогда более отчетливо видел, кто все это время дергал судьбу за ниточки, как опытный кукловод.

Но что ему оставалось делать? Раймунд не воевал с женщинами.

Трезво оценивая ситуацию, граф тем не менее не мог смириться с поражением. Он не терял надежды и... молился, конечно же, молился — а как же без этого? Однако, отчаявшись получить сколь-либо вразумительный ответ от Всевышнего, властелин Заморского Лангедока находил утешение в беседах с обычными людьми, в частности со своей умной супругой и духовником, исполнявшим в некоторых случаях также роль секретаря или канцлера, — отцом Маттеусом.

Вот его-то и призвал граф, когда получил известия о том, что король направляет к нему в Тивериаду послов, чья нелегкая задача состояла в том, чтобы найти какое-нибудь компромиссное решение проблемы взаимоотношений между королем и самым большим магнатом государства. Даже и Балиану Ибелинскому не удалось помирить с Гюи Раймунда, которого барон специально навещал в начале года, когда король уже созывал войска для похода в Галилею. Несмотря на то что правитель Иерусалимский оставил тогда намерение осадить Тивериаду, он не снял своих требований и по-прежнему настаивал на том, чтобы бывший регент возвратил Бейрут короне, а также отчитался о тратах государственных денег в период своего пребывания на посту балы.

Пасха в тот году выпала на конец марта, а спустя месяц после праздника светлого Воскресения Христова в город Эскивы де Бюр прилетела весть о том, что делегация наконец-то в пути.

— Ну и что мне делать, святой отец? — искренне развел руками Раймунд. — Они едут, но я не хочу их видеть.

— Даже сира Балиана, государь? — уточнил капеллан.

Не глядя на него, граф кивнул:

— Да. Невзирая на то, что я рад ему, всегда рад. Барон Наплуза — достойнейший из людей королевства; он и его брат, а также сеньор Сидона Ренольд — мои друзья, но я знаю заранее, что они скажут мне теперь. Они примутся уговаривать меня отдать Бейрут этому... этому... этому выскочке, этому глупцу... Нет, хуже, безумцу! Безумцу, прислушивающемуся к нашептываниям своей глупой жены и бесстыдной тещи, принимающему решения по наущениям сеньора Керака и магистра Храма, все действия которых направлены только на то, чтобы вернее погубить королевство! Когда им говорят, что без мощной поддержки христианского рыцарства Запада, без их полков мы теперь не можем противостоять Саладину, они смеются и отвечают, что не надеются дождаться помощи из Европы при жизни. Ну так они получают ее после смерти!

Сообразив, что в создавшейся обстановке его слова звучат слишком двусмысленно, правитель Триполи и Галилеи поспешил внести ясность:

— Если мы начнем войну с султаном теперь, когда на троне Святого Града Господня сидит этот шут в короне, то погубим себя и погибнем все. Все!.. Знаете, что сказал сеньор Петры, когда покойный король Бальдуэн просил его уважать акты перемирия, им же, между прочим, в числе прочих подписанные? Он сказал: «Пока я, благодарение Господу, жив, буду без устали убивать неверных агарян правой рукой. А когда она устанет, переложу меч в левую!» Каково?! Его величество заметил, что, сколько бы язычников сеньор Керака ни убил обеими руками, все равно их всегда окажется достаточно, чтобы убить его. И что вы думаете? Он только фыркнул в ответ: «Я не боюсь смерти, ибо пришел сюда еще молодым как раз для того, чтобы умереть за Истинный Крест и за Гроб Господень!» Как же, интересуется его Крест! Порой поневоле подумаешь, а не нарочно ли они все это делают? Может, им не терпится вместо Креста, которым они то и дело клянутся, лицезреть, как полумесяц увенчает Скальный Купол?

Раймунд в негодовании умолк, а капеллан, как и полагается лицу духовного звания, проговорил примирительным тоном:

— Мессир, вы мой господин. Мой государь, и другого у меня нет, грех мне желать иного, а потому и не

будет его. Но в то же время и прежде всего на свете вы — еще и раб Божий, вверивший мне попечительство о своей душе. По воле Божьей вы — сын мой духовный, и я в ответе за вас перед Господом. Безусловно, вы правы. То, что свершилось в Святом Городе в прошлом сентябре, — подлость по отношению не только к вам, но и ко всем, кто остался верен клятве, принесенной покойному королю. Однако христианину подобает прощать врагам своим. Не гордыня ли днесь говорит в вас, сыне? Не дьявол ли нашептывает на ухо вам прельстительные речи, соблазняет вас, дабы вернее поддержать вражду между вами и королем. Я не оправдываю графа Гвидо и тех, кто помог ему обманом завладеть короной, но, коль скоро она венчает *его* голову, он — государь в Святом Граде Господнем. Каков ни есть правитель государства латинян в земле Иерусалимской, он знамя ее и оплот в трудную эту годину...

— Какой оплот?! — не выдержал Раймунд. — Какое знамя? Что ты плетешь?!.. Простите, святой отец! Но вы говорите такое...

Как и следовало ожидать, Маттеус, ответил со смирением, но и с достоинством:

— Если угодно вам, государь, выслушать меня, я буду говорить, велите замолчать, я умолкну.

Своими словами капеллан вводил духовного сына в сильное искушение, ему вдруг очень захотелось прогнать прочь святого отца. Но... с кем тогда беседовать? С рыцарями, половине из которых все равно, с кем драться, с Салах ед-Дином или с королем Гюи? С пасынками, выражающими приемному отцу, как и полагается хорошим детям, однозначную поддержку? С женой? А она не то же ли самое, только другими словами, говорила ему буквально вчера? И позавчера, и третьего дня также? Помиришь, помиришь, помиришь! Помиришь, значит, покорись?! Ну нет! И все же...

Даже и Балиан, когда приезжал в прошлый раз, уговаривал согласиться на компромисс. Мол, мессир, вы отдадите Бейрут, а король забудет про отчет за израсходованные государственные деньги. Бейрут, по чести сказать, все равно рано или поздно придется отдать, пожалован-то он был на период регентства, а какое уж тут регентство, смех один. Да и что значит — отдать? Город фактически уже с прошлой осени находится в руках короля. Однако согласиться означало в глазах Раймунда признать себя казнокрадом. Он, конечно, тратил не скупясь, налево и направо. Султану за

обещание не соваться в Галилею из общего заплатил, опять же, подарки — пустыми же послов не пошлешь? А шутка ли сказать, во что содержание мамелюков, проглотов языческих, в Тивериаде обходится? Когда у них только пост наступит?! Опять же, кобылу арабскую приобрел; часть, известное дело, слуги разворовали, да и так ушло туда-сюда по мелочи...

И все-таки граф понимал, что отец Маттеус прав, но вот если бы... если бы только Гвидо подождал немного, не давил, не требовал, а по-человечески как-то... Но как? Если бы (ах, опять это если!), если бы Раймунд спросил себя честно: «Как это вы себе все, мессир, представляете? Что по-вашему означает “по-человечески”»? Едут теперь к вам с миром, так чего же вам еще надо?!»

Видя по лицу государя, какие чувства обуревают его, капеллан молчал, ожидая, когда духовный сын сам вспомнит о духовном отце.

— Так вы советуете мне принять послов, святой отец? — спросил граф после затянувшейся паузы.

— Да, государь, — кивнул капеллан. — Король молод, вы же сами говорите, что благоразумие — редкий гость в его дворце. Да и откуда же взяться благоразумию? — продолжал священник. — Ведь вот опять же вы сами и сказали, мудрых советников рядом с королем или вовсе нет, или число их ничтожно мало. Но несмотря на это, его величество проявил дальновидность. Поддержите же и вы его. Не пожалейте для правителя Святого Града Господня нескольких зерен добра из закровов души вашей. Посейте их ныне не скупясь, и завтра сторицей соберете урожай.

Отец Маттеус говорил негромко, неторопливо, господину даже начинало казаться, будто капеллан излучает какой-то особенный свет. Измученная злобой и бесплодной борьбой душа графа нуждалась в утешении, слова духовника приносили облегчение.

— Что ж, святой отец, — подытожил все сказанное Раймунд. — Я нахожу, что в ваших словах есть смысл. Спасибо вам за то, что напомнили мне о долге христианина. Я приму послов и посмотрю, что можно сделать, дабы утончить досадную трещину, расколовшую государство.

Капеллан просиял.

— Благодарю вас, государь, — воскликнул он и с воодушевлением добавил: — Пройдет время, и вы встанете рядом с королем, сделаетесь лучшим его советни-

ком, к благу и процветанию нашего государства, созданного франками по воле и во имя Божие! Благодарные потомки назовут вас спасителем отечества и станут воспевать вас, превознося деяния и слава имя ваше в веках! Спасибо вам, государь, за принятое решение, ибо оно достойно великих людей!

Давно уже графу не спалось так крепко, не дышалось так легко, как в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое апреля. Он, казалось, вечность уже не пробуждался с таким хорошим настроением, как в то утро. День начался славно, просто замечательно, так бы ему и закончиться, так нет же, едва солнце перевалило за полдень, как Раймунду сообщили, что его непременно желает видеть посланник Салах ед-Дина. Нельзя сказать, чтобы граф обрадовался — мир они заключили, так чего же еще могло понадобиться султану? В данном случае вполне применима английская поговорка, появившаяся, конечно, много позднее описываемых событий: «Отсутствие новостей — уже хорошие новости».

Решив не откладывать дела в долгий ящик и поскорее отделаться от гонца, Раймунд принял его сразу же, как смог.

Едва граф увидел посланца, как понял, что ничего хорошего встреча эта не сулит. Еще не зная, что собирался сказать ему одетый в зеленый халат сморщенный старик, Раймунд уверился, что услышит что-то очень неприятное. Взгляд его невольно задержался на большом смарагде в перстне, украшавшем левую руку визитера. Впрочем, граф, безусловно, узнал бы Улу и без этого знака.

— Чего тебе нужно? — спросил Раймунд.

— Поговорить, ваше сиятельство.

— Поговорить? С какой это стати я стану с тобой разговаривать? — кривя губы в надменной ухмылке, поинтересовался граф. — Ты — язык и уши своего господина. Доведи до моего внимания его волю и уходи, у меня нет времени. Когда я решу, что ответить, я тебя позову.

Гонец не показал вида, что обижен, хотя слова хозяина Тивериады задели его.

— Что же, мессир, — произнес он как ни в чем не бывало. — Тогда слушайте просьбу султана Салах ед-Дина, властителя Египта и Сирии, повелителя всего

Востока, властелина больших и малых народов, защитника правоверных... и тому подобное.— Старикку надоело перечислять титулы государя, которому он служил. Улу явно не слишком стремился скрыть свое пренебрежение, он знал, что может это себе позволить.

— О чем просит меня султан?

— Во имя мирного договора с вашей светлостью графом франков мой господин просит разрешения для своих солдат войти в Галилею.

Раймунд чуть не свалился с трона:

— Что ты сказал?! Зачем это?!

— Принц аль-Афдаль, который ныне находится в Баниасе,— проговорил старик с плохо скрытой насмешкой,— хочет посмотреть земли Галилеи. *Ваши*, мессир, земли.— Ответ так озадачил графа, что тот временно лишился дара речи, а гонец продолжал: — Его высочество бывал в разных местах, а вот в стране, где проповедовал пророк Иса, никогда. Принцу захотелось испить воды из родников Крессона. Говорят, она очень чистая, ведь ее пил сам христианский пророк, а последователи Магомета чтят всех пророков... по-разному, конечно.

— Да, но...

— Всего один день, ваше сиятельство,— пояснил Улу.— Послезавтра с восходом солнца, если, конечно, вы соблаговолите дать на то свое милостивое дозволение, его солдаты войдут в *ваше* княжество, а перед закатом покинут его. Ничего страшного не случится. Завтра к вам из Баниаса явятся послы, которые от имени молодого наследника клятвенно пообещают вам, что войны его не тронут ни одного человека из тех, которые живут в ваших землях. А вот зверей... если бы вы также разрешили молодому принцу поохотиться... султан был бы вам особенно признателен.

Раймунд едва смог скрыть охватившее его волнение. С одной стороны, это не так уж плохо, но с другой... Он не верил в благонамеренность Салах ед-Дина. Зачем ему понадобилось отправлять в поход старшего сына с войсками в Галилею? Ведь не просто ради того, чтобы приятно провести время? Поохотиться? Черта с два! — Тут он вспомнил про посольство. Как все некстати!

Старик словно бы прочитал мысли графа, потому что продолжал:

— Простите, что осмеливаюсь советовать, ваше сиятельство, но я бы рекомендовал вам сегодня же послать человека в Наплуз.

— В Наплуз?

— Да. Надо предупредить послов, которые направляются к вам. Ведь они еще ничего не знают о вашей любезности, которую вы оказа... то есть, я хотел сказать, наверняка окажете султану. Как бы не случилось беды. Среди послов есть очень горячие головы. Никак не пойму, отчего это на таких людей пал выбор молодого короля франков? Разве у него не нашлось других, более подходящий для столь тонкого дела, как посольское? Уж я-то испытал на себе, как нелегка доля вестноносца. В мои-то годы скакать по дорогам? Да ничего не поделаешь, пришлось ради вас пожертвовать самым верным человеком. — В речи посланника Салах ед-Дина присутствовало что-то особенное. Хотя говорил он довольно медленно, но картинки, возникавшие в воображении собеседника, сменялись тем не менее с удивительной быстротой. — Я говорю про Раурта из Тарса.

Однако граф не собирался позволить какому-то ренегату сбить себя с толку.

— При чем тут Раурт? — спросил Раймунд. — И отчего это *им пришлось пожертвовать*? И что значит — *ради вас*? Насколько помню, я тебя ни о чем не просил.

— Конечно, мессир, — согласился Улу. — Вы просили Бога. Но он не любит ничего делать своими руками. Хотя вы, если вам угодно, можете считать, что лошадь его во время ордалии под Акрой понесла по воле Господа.

Граф еще сильнее нахмурился. Он вспомнил про поединок, на котором погибли оба участника. И если рыцарь Амбруаз де Басош пал... по воле Всевышнего от руки противника, то того-то уж точно покарал Господь. Поскольку обвинитель погиб, дело, за которое отдал жизнь молодой галилеянин, сочли правым, а Раймунд таким образом очистился от обвинений в измене, что спустя несколько месяцев и открыло ему дорогу к регентству.

— Так лошадь взбесилась не сама по себе? — озадаченно проговорил правитель Триполи и Галилеи.

— По воле Всевышнего, — осторожно произнес Улу и уточнил: — Ведь ничто в этом мире не происходит *само по себе*, не так ли?

Воцарилась весьма продолжительная пауза: немало времени понадобилось графу, чтобы «переварить» неожиданную информацию. Он так разволновался, что и не заметил даже, что гонец забыл поименовать его мессиром, сиятельством или хотя бы светлостью.

— Откуда тебе известно про посольство? — спросил наконец Раймунд.

— Это не такой уж большой секрет. И поскольку они выехали сегодня с рассветом, весть в Кафр-Севт пришла перед полуднем — ведь голуби летают быстро. Поскольку я ждал ее, то времени на сборы мне не потребовалось. Я оседлал мула и приехал сюда.

— Ты же говорил, что прибыл от Саладина?

Улу улыбнулся и, спеша скорее развеять недоверие высокой особы, со всей учтивостью пояснил:

— Мессир, я действительно прибыл как *посланник султана*, но это же не означает одновременно, что я все время сидел в Дамаске и ждал его приказа. Если бы *мы* в *нашей империи* поступали так, то она давным-давно пришла бы в упадок, рассыпалась просто из-за того, что никто и никогда не знал бы, что ему делать. Наша задача — опережать события, а иногда и создавать их. К тому же просьба султана — по сути дела, моя просьба.

— Что ты мелешь?! Ты же сам сказал, что принц аль-Афдаль...

Посмотрев в лицо старику, граф неожиданно умолк.

— Чтобы сэкономить время, которого весьма мало и у меня, и уж тем более у такой знатной особы, как ваше сиятельство, я все-таки закончу рассказ. Или вам не интересно знать, кто вошел в состав посольства?

— Мне все равно, — бросил Раймунд, которому не хотелось открывать собственную неосведомленность перед каким-то мерзавцем-отступником. — Кажется, собирался магистр Госпиталя, архиепископ Тира Иосия... Ну, и барон Наплуза, конечно. Наверное, кто-то еще...

— Да, конечно. Только что не сам король с патриархом.

— Что?! — Голос Раймунда загремел. — А ну-ка говори мне, кто еще?!

— Я как раз и собирался сделать это, ваше сиятельство, — прижимая руки к груди, как заправский восточный вельможа, проговорил старик. — К вам в гости направляется магистр Храма, хорошо известный вам Жерар де Ридфор. — Поскольку граф молчал, гонец добавил: — Вот я и подумал, отчего же не совместить приятное с полезным? Полагаю, что весьма разумно было бы предоставить возможность наследнику султана исполнить свою мечту и прогуляться по землям Галилеи. А вы как думаете, мессир?

Раймунд не ответил, в душе его закипала злоба. Ах вот как, *ваше величество*?! Решили дать мне пощечи-

ну? Думаете, я собираюсь сносить подобные издевательства? Ну уж нет!

— У тебя все? — не слыша своего голоса, спросил граф и, не дожидаясь ответа, закончил: — Ступай. Передай своему господину, что во имя нашей дружбы я рад оказать ему любезность. — Когда Улу удалился, правитель Триполи и Галилеи сжал кулаки и ударил по подлокотникам кресел: — Ну что ж, *друзья мои*, мы еще посмотри, кто кого!

VI

От столицы королевства до Наплуза, прозванного мусульманами Маленьким Дамаском, не больше тридцати миль по прямой, по дороге раза в полтора больше — двенадцать-пятнадцать лье. Всем вышеозначенным делегатам: архиепископу Иосии, магистрам орденов и Балиану Ибелинскому в сопровождении десяти рыцарей-госпитальеров — вполне хватило длинного весеннего дня, чтобы добраться туда еще засветло.

Хозяин, как и полагается, устроил для гостей знатный пир, а утром, едва рассвело, все сели в седла и отправились дальше. Вернее так, отправились дальше все, кроме сира Балиана, у которого возникли срочные дела дома. Поэтому решили по-другому: все члены миротворческой миссии отправятся на север, чтобы утром первого мая встретиться в Кастеллум-Фабе — замке Ла-Фев в Эсдрилонской долине.

Вечером тридцатого апреля, когда барон Наплуза с несколькими своими рыцарями уже садился в седло, чтобы за ночь покрыть следующие пятнадцать лье, отделявшие его город от условленного места встречи, из Тивериады неожиданно прибыл гонец с известием, прочитав которое Балиан пришел в замешательство.

— Но зачем все это? — спросил он ученого слугу, грума и старшего оруженосца Эрнуля, впоследствии автора одной из лучших хроник Утремера двенадцатого столетия. — Почему он согласился?

— О чем вы, мессир? — естественно, поинтересовался оруженосец; сеньор все еще продолжал держать письмо в руке.

Вместо ответа барон протянул Эрнулю послание из Тивериады.

— На, сам почитай, — предложил он и добавил со вздохом: — Говорил я ему, что Саладин из тех, кому

палец в рот не клади, того гляди руку по локоть оттяпает? Говорил! А он...

Прочитав послание графа Триполи, хронист потемнел лицом и — господин, цена учености слуги, довольно много позволял ему, — произнес:

— Но... это же измена, государь! Явная измена! Что же будет?

— Может, еще и ничего, — теща себя тщетной надеждой, проговорил сеньор Наплуза. — Если граф догадался послать такие известия по всем города и крепостям Галилеи, тогда есть шанс, что все обойдется. По крайней мере не случится беды, хотя... Господи Боже, неужели все напрасно? Сколько я убеждал этого мальчишку прекратить ссоры с графом? Вроде бы убедил, так вот на тебе! Теперь сенешаль и его клика начнут зудеть на ухо королю: вот, поверили вы графу Раймунду и его доброту Балиану, а они вон чего удумали! Силу демонстрируют, мол, не отдадите Бейрут обратно, завтра в союзе с Саладином на вас пойдем, не побрезгуем — зря что ли давно с агарянами кумимся? Вот и верь им после всего! Я прямо слышу, как они это говорят!

Но Эрнуль, предпочитавший пользоваться больше пером, чем языком, как любой, кто много слушает и наблюдает, давно уже изучил господина и знал — не из-за того, что и кто скажет, так разволновался он сейчас, другое страшило барона.

— А его сиятельство граф знает, что к нему едет гранмэтр Храма? — спросил хронист.

— Должен. Я же послал Караколя вперед, когда мы выезжали. Думаю, он уже доскакал в Тивериаду. — Сомневаясь в том, что все сделал правильно, Балиан добавил: — Надо было известить его заранее, но я же не знал, поедет магистр или нет. Король настоял, я согласился с условием, что с Жераром де Ридфором не будет свиты. Ведь таким образом получается, будто он просто составляет нам компанию. — Барон Наплуза вздохнул: — По крайней мере я надеялся, что сумею убедить в том сира Раймунда. — Вспомнив об уехавших вперед делегатах, Ибелин закончил не слишком, впрочем, оптимистично: — Хвала Господу, что нет с ними ни одного тамплиера, кроме самого магистра и двух его товарищей. Так, может, ничего еще и не случится?

— Да, — согласился Эрнуль. — В одиночку магистр вряд ли сумеет натворить бед. Не станет же он в самом деле один атаковать семь тысяч конников Саладина? Это же смешно, правда?

Сеньор между тем не разделял оптимизма слуги.

— М-да... Если только... — покачав головой, начал Балиан и принужденно улыбнулся, прогоняя печаль. — Ладно, нечего гадать на звездах. Выступаем!

Однако едва маленький отряд барона Наплуза выехал за ворота, как столкнулся с посланником епископа Себастии⁹⁷, находившейся всего в каких-нибудь двух-двух с половиной лье от Маленького Дамаска. Епископ напоминал сеньору о своем приглашении на мессу в честь дня святых Филиппа и Якова.

«А черт! — мысленно в сердцах воскликнул сир Балиан. — Как же я забыл? Придется сделать небольшой крючок. Как же некстати в самом-то деле! Впрочем... — Тут он подумал о том, что Эрнуль, конечно же, прав. Граф Раймунд, разумеется, разослал уведомления о необычном рейде сарацин в Галилею по всем ее градам и весям. А раз так, то гонец, отправленный в крепость Ла-Фев, расположенную почти вдвое ближе от Тивериады, чем Наплуз, наверняка прискакал туда еще засветло⁹⁸. — Ничего, придется не поспать ночку — поскачем в землю Эсдрилонскую сразу после утрени. К полудню доберемся. Все равно до конца дня в Тивериаду нам теперь из-за турок не проехать».

Решив так, барон Наплуза, очистил душу от сомнений и с радостью и даже воодушевлением откликнулся на приглашение епископа Себастии.

Несмотря на разницу в расстоянии, в Кастеллум-Фабе, небольшой замок Ла Фев тамплиеров, получивший свое название от соседней деревушки эль-Фулах, что означает всего лишь — фасоль, гонец с известием о предстоящем приходе мамелюков доскакал приблизительно одновременно с тем, которого отправили в Наплуз⁹⁹. Однако в Ла-Фев полученная депеша вызвала весьма бурные дебаты. Архиепископ Тирский и главы обоих орденов оценивали известие по-разному. Жерар де Ридфор отреагировал на него именно так, как и представлял себе Балиан де Наплуз.

— Господа! Сир Раймунд решил показать королю свою силу! — заявил великий магистр Храма. — Это же очевидно. Он хочет дать понять, что, если ему не отдадут Бейрут и не перестанут требовать отчета о суммах, которые он украл за период своего узурпаторства, эти язычники завтра точно так же придут защищать его от посланцев законного короля. И все это накануне нашей

мирной миссии? Здорово, не правда ли? Мы не должны показывать ему, что испугались его мамелюков!

— Что вы предлагаете? — спросил практичный Рожер де Мулен.

— Я ничего не предлагаю! — заявил Жерар. — У меня здесь почти три десятка рыцарей и конных сержанов. Кроме того, я уже послал человека в Кагун. Там находится мой маршал Жак де Майи с семью десятками рыцарей. Это не более чем в двух лье отсюда, так что брат Жак приедет сюда к ночи, но прежде разошлет приказы другим тамплиерам, и все они, кто окажется поблизости, съедутся завтра в Назарет. Там мы также получим дополнительное подкрепление — по моим сведениям, в городе есть до четырех десятков светских рыцарей. Добавьте сюда десяток ваших госпитальеров, что сопровождают нас, и мы получим полторы сотни прекрасной конницы. Мы атакуем и раздавим агарян, ведь их всего-то семьсот!

Тут вмешался святитель Тирский.

— Верно ли это, господа? — спросил он с тревогой. — Поговаривают о том, что неверных будет много больше?

— Вздор, ваше святейшество! Откуда вам знать? Мы же только приехали! — закричал гранмэтр Храма и взмахнул пергаментом, присланным князем Галилеи. — Хотите, прочтите сами! Тут черным по белому сказано — семьсот конников барона Харрана Кукбури. Они будут сопровождать принца, старшего сына Саладина. Мы нападём на них и захватим аль-Афдаля, а потом в обмен на его свободу потребуем у короля язычников Дамаск!

Магистр Госпиталя покачал головой и прищелкнул языком:

— Саладин не отдаст Дамаска, мессир. Никто не отдаст столицы даже и за единственного сына, а у султана к тому же есть и другие наследники. Скорее так, он придет со всей своей силой и осадит Иерусалим, а там уже, как Бог пожелает. Да и сомнительно, чтобы такую важную персону, как аль-Афдаль, сопровождали бы всего семьсот человек. Тут что-то не так. Может, это какая-нибудь очередная сарацинская хитрость?

— Да вы что, господа, не верите мне что ли?! — взвился Жерар. — Или вы не верите князю Галилеи?! Вот его письмо, в котором говорится о семи сотнях мамелюков и принце аль-Афдале, которому, видите ли, захотелось поохотиться у источников Крессона. Какое

кошунство?! Подумайте-ка вы, мессир, и вы, монсеньер, разве можно не воспользоваться таким шансом?

Предлагая товарищам ознакомиться с посланием Раймунда Триполийского и Галилейского, магистр Храма документа между тем из рук не выпускал. Главный тамплиер принял его из рук гонца, сам распечатал и сам же прочитал, в общем, так уж получилось, что текста послания никто, кроме Жерара, не читал. Рожеру де Мулену было по большому счету плевать на то, что писал граф Раймунд, а архиепископ Тирский, хотя и очень хотел, считал неудобным испросить пергамент и лично ознакомиться с ним.

— Вы, господа, люди военные, — произнес Иосия, — я же, напротив, мирный. Мое дело, славить Господа и заботиться о душах паствы моей. Видит Бог, оба вы правы, вы, брат Рожер, когда говорите о странности миссии язычников и о возможной каверзе, которую они, вероятно, удумали подстроить христианам; и вы, брат Жерар, когда рассуждаете о том, сколь оскорбительно для христиан сносить присутствие неверных агарян на земле, по которой ступала нога Господа нашего Иисуса Христа. Мне представляется разумным ваше решение собрать какие возможно силы, но также не могу не отметить я резонности замечания магистра Госпиталя относительно каверзы, вероятно замышляемой Саладином. Следует посмотреть, сколько язычников придет завтра в Галилею, и выяснить их намерения, узнать, правда ли с ними сам наследник короля Вавилонии, и уж тогда держать совет о том, что предпринять в дальнейшем. Вот таково мое слово, господа, а уж послушаете вы его или нет, то — ваше дело. За него вам отчет держать перед Господом, как держим мы отчет перед ним за все худые и добрые деяния наши на земле.

Речь архиепископа крайне понравилась гранмэтру Храма, который хлопнул себя по коленкам и заявил: — Так значит решено, господа? Наутро все отправимся в Назарет?!

— Не возражаю, — меланхолично пожал плечами Рожер де Мулен. — В Назарет так в Назарет. Все ближе к Тивериаде.

Товарищи по посольству, утомленные диспутом, давно отправились на покой, но фламандец Жерар бодрствовал, дожидаясь прибытия маршала Жака де Майи. Однако даже после того, как семьдесят тамплиеров из Кагуна, разбив лагерь под стенами Ла-Фева, угомони-

лись, их верховный вождь не лег спать. Отослав обоих товарищей, в одиночестве отправился он на облюбованную еще в день прибытия гору в полумиле от крепости. Разжег костер, достал из седельной сумки три черепа — довольно неожиданные для христианина предметы — и, усевшись на землю, положил их между собой и костром. Прodelав все это, он посмотрел в пустые глазницы черепов и, обращаясь к тому из них, который находился посредине, проговорил:

— Привет тебе, отшельник Петры. Ты был хитер, но Господь помог мне, и я перехитрил тебя. Ты называл себя исполнителем воли Божьей, тем, кто ведаёт тайное, но ты лгал! Ты мог обмануть людей, но не того, кого Всевышний избрал для великой миссии. Потому-то Господь открыл мне глаза и, вложив в руку меч, велел покарать тебя. Ибо я тот, кто живет и действует не ради себя, а ради Господа, ради торжества истинной веры. Даже того высокого поста, который по праву занимаю ныне, искал я лишь затем, чтобы лучше послужить Всевышнему, и то, что Христос возложил на меня многотрудные обязанности старейшины общины вернейших слуг своих, есть лучшее доказательство правильности избранного мной пути. Сам Иисус ведет меня по нему! Пусть же, как и ты ныне, станут прахом те, кто осмеливается встать на моей дороге! Во имя Господа нашего, нашего Верховного Создателя. Амины!

В какой-то момент Жерар поднес к лицу сжатые кулаки, а затем, резко разжав пальцы, швырнул на землю костяные фишки, те самые, которые видели немногие из живых в пещере из розового камня далеко-далеко отсюда, в пустынной Заиорданской земле. Он довольно долго смотрел на диковинную мозаику, шевеля губами так, как будто читал невидимую книгу. В глазах фламандца время от времени вспыхивали безумные огоньки. Судя по всему, «прочитанное» пришлось ему по душе, потому что, закончив странный и непонятный непосвященному ритуал, глава Дома Храма хищно улыбнулся.

— Сам Господь подает мне знак! — прошептал он с дрожью восторга, обращаясь не то к черепу отшельника, не то к кому-то еще, чье незримое присутствие чувствовал в тот миг возле костра. — Любои, кто осмеливается становиться у меня на пути, умрет! Завтра же! Так было и так будет! Амины!

Жерар де Ридфор укрепился духом, сомнения покинули его, ведь Всевышний сам подтвердил его правоту. Значит, завтра? Да! Завтра!

Не чувствуя тяжести доспехов, легко, словно ступая по облаку, магистр сбежал с пригорка вниз, птицей вспорхнул в седло и поскакал к лагерю, разбитому рыцарями марешала Жака под стенами крепости Ла-Фев. Костер, разожженный Жераром, горел еще долго, но давно уже превратилось в дым брошенное магистром в огонь послание графа Раймунда. Таким же дымом суждено было стать всем врагам верного служителя Божия, Господь ясно давал понять, чего он хочет!

Наутро трое главных участников важной дипломатической миссии в сопровождении сотни рыцарей отправились в Назарет, расположенный в семи с половиной милях к северу от места сбора, то есть от замка Ла-Фев.

Ближе к полудню пришли известия о том, что несметное войско сарацин, проследовав мимо Тивериады и миновав деревню, называвшуюся на благородном языке франков Марескаллия, а на варварском наречии язычников Лубия или Любих, направляются к Крессону. Несмотря на то что, как доносили, отряд мусульман насчитывал явно значительно больше семисот всадников, главы орденов, располагавшие немногим более чем полутора сотнями рыцарской конницы, решили все же двинуться навстречу неприятелю. Для начала они собрали на площади толпу жителей Назарета, и гранмэтр Храма обратился к ним с речью.

— Назаретяне, города, где жил Спаситель, — начал он и, сделав паузу, чтобы выслушать возгласы одобрения, продолжал: — Нечестивые агаряне дерзнули вторгнуться в пределы Галилеи, копыта их лошадей поганят земли, по которым ступала нога Господа нашего Иисуса Христа.

Послышалось сразу несколько голосов:

— Язычники! Неверные псы! Доколе нам терпеть издевательства богомерзких сынов Агари?!

— Успокойтесь, жители Назарета! — вволю насладившись проявлениями народного гнева, продолжал Жерар. — Войско, которое вы видите, не случайно собралось тут. Мы выступаем на север, чтобы встретить неверных, разгромить их и отомстить за злодеяния, которые они причинили христианам. Советую вам не сидеть сложа руки, а идти следом за нами. Я не призываю вас сражаться, у нас довольно мужей, годных для битвы. Однако мне не хотелось бы, чтобы имущество врагов, которое мы не сможем унести с собой,

растащили гиены и шакалы. Собирайте же мешки и торока, у кого что есть, кладите их на спины мулов и ослов и отправляйтесь за войском, что добудете вы — будет вашим и ничьим больше!

Толпе речь оратора пришлось по душе:

— Да здравствует Господь! Слава храмовникам! Да благословит Всевышний великого магистра Храма за его щедрость! Да здравствуют христианские воины, которые, не щадя себя, бьются за братию свою!

Триумф его немного подпортил какой-то сомневающийся.

— А не мало ли вас, доблестные рыцари? — спросил он, очень удачно воспользовавшись моментом, когда шум немного поутих. — Говорят, язычников десятки тысяч?

— Что ж с того? — не смутился Жерар. — Кем выглядел Давид рядом с Голиафом? Однако гигант был повержен и филистимляне бежали! Спешите же за нами и вы увидите то же самое! Господь сотворит чудо, как делал Он многожды, заставляя уверовать даже Фому Неверующего! К чему слова? Ступайте и смотрите!

Сказав это, он почел свое выступление законченным. Затрубили рога, маршал Жак и братья-десятники бросились раздавать команды, и вот все войско храбрецов тронулось в путь, провожаемое восторженными возгласами горожан. Некоторое из них поспешили откликнуться на призыв магистра Храма и, захватив из дома побольше вместительных мешков, последовали за рыцарями.

Жослен, прозванный Храмовником, вновь загостился в Акре. Он считал себя вправе насладиться небольшим отдыхом, которого, как искренне полагал, вполне заслуживал после столь блестящим образом исполненной службы гонца. Тем ранним августовским утром, когда посланник дамы Агнессы прибыл в столицу Горной Аравии, он, едва придя в себя, вновь сел в седло, не пожелав остаться в стороне и пропустить заварушку, как назвал князь события, последовавшие сразу за смертью короля Бальдуэнета.

Спустя некоторое время после возвращения в Керак, уже после удачного набега на сарацинский караван, Ренольд решил отметить верного слугу и оказал ему большую честь, предложив жениться на только что осиротевшей тринадцатилетней дочери одного из вассалов, державшего замок Ормоз, расположенный на полпути

между Монреалем и древней Петрой. Услышав отказ Жослена, сеньор очень удивился и спросил: «Тебе не нравится крепость? Слишком мала? Сгоняй рабов, надстраивай башни и стены, расширяй пределы. Денег на обзаведение дам. Увижу, что тратишь на дело, еще пожалую. Ну так как?» — «Спаси вас Бог, государь. Не хочу я жениться». — «Но когда-то же надо? Тебе уже двадцать пять. Пора. Может, тебе не по душе юная Сесиль? Она и верно худовата, но у нее еще все впереди. Ей всего-то тринадцать. Дозреет, расцветет. Какие ее годы?»

И все-таки рыцарь, рискуя разозлить сеньора, отказался. Против ожидания Ренольд не стал гневаться, а, подумав немного, сказал: «Ну что ж, если ты решил схватить за хвост удачу, Бог тебе в помощь. Мне в свое время повезло. Даст Господь, и тебе тоже повезет». Больше они не говорили об этом, и Жослен так и не узнал, имел ли в виду князь свою первую женитьбу, превратившую сына небогатого французского графа во властителя процветающего княжества в Северной Сирии, или говорил о чем-то другом? «Даст Господь, и тебе тоже повезет» — эта фраза, произнесенная Ренольдом, звучала уж очень по-отчески. В душе молодого рыцаря она всколыхнула целую волну переживаний. Возможно ли? Может ли такое быть? Нет, сатана просто искушал его! И все же... «И тебе тоже... И тебе тоже...» Ничего особенного, любой пожилой умудренный сединами рыцарь, тем более такой могущественный вельможа, такой славный воин, именем которого пугают непослушных детей жены нечестивых агарян по всему Востоку, вполне может вот так, по-отчески разговаривать с любым молодым воином, будь тот хоть граф, хоть князь, и уж тем более с собственным вассалом, безземельным башелёром. Храмовник гнал от себя ненужные мысли, но они возвращались, и он снова прогонял их.

Хотел ли Жослен, как выразился сюзерен, схватить за хвост удачу, в единый миг перепрыгнуть через пропасть условностей, в одночасье сделаться знатным бароном? Трудно сказать, едва ли. Слишком большую часть помыслов его занимала Агнесса де Куртенэ — его счастье и его проклятье. Однако, как ни хотелось рыцарю находиться возле своей дамы сердца, он понимал, что отдых, на который он обменял предложенные ему руку и сердце юной Сесиль д'Ормоз, кончился и пора отправляться домой: слухи о военных приготовлениях Салах ед-Дина становились все более достоверными, вассалы султана начинали собираться в Хауране.

Поговаривали, что турки нападут в священный для христиан праздник Пасхи, но этого не случилось, поскольку повелителю Востока пришлось самому идти в Трансиорданию, чтобы сопровождать караван в Дамаск. Жослену не мог не льстить тот факт, что из-за действий его господина, а значит, и в какой-то мере из-за него самого — ведь они с Бювьером весьма отличились в рейде, когда франки захватили караван прошедшей зимой, убив многих язычников мечом и еще больше богомерзких агарян затоптав копытами, — такой могущественный властитель, как Салах ед-Дин, вынужден тратить время на охрану купцов и женщин. Когда Пасха прошла и ничего не случилось, тогда стали ждать неприятностей на Троицын день.

Жослен собирался встретить этот праздник в Акре, но не рассчитал собственных возможностей, и когда средства стали истощаться — хоть иди и грабь еще один караван в одиночку! — рыцарь не без грусти покинул вторую столицу королевства и отправился в немилое ему теперь, унылое Заиорданье. Сперва он хотел ехать вдоль берега до Кесарии, чтобы оттуда повернуть к Себастии и Наплузу, но потом передумал и избрал дорогу через Галилею. Не видя смысла спешить, он, прибыв в Назарет в конце апреля, сам не зная зачем, решил задержаться в городе на праздник святых Филиппа и Якова, провести там день-другой и продолжить путь в понедельник, четвертого мая. Тем временем в пятницу первого числа в город приехали магистры обоих военных орденов и Иосия Тирский. Архиепископ остался в Назарете, а все рыцари, которые только оказались там, получили приглашение принять участие в экспедиции против сарацин.

Жослен не смог бы отказаться, даже если бы очень захотел, поскольку магистр Храма, едва увидев, сразу же узнал в нем приближенного князя Ренольда и, на беду Жослена, страшно не любившего никем командовать, оказал ему большую любезность, вверил под его начало десяток светских рыцарей. Как выразился сам Жерар, он сделал молодого человека командором-десятником, *командор де шевалье*.

Пройдя около шести миль по дороге на север, к полудню войско латинян оказалось недалеко от Кресона, где перед глазами франков передового отряда, едва они поднялись на вершину очередного холма, от-

крылось устрашающее зрелище — стан врага. Внизу в благодатной долине расположились несколько тысяч всадников, чьи кони утоляли жажду возле звонких чистых ключей.

Получив известие о появлении неприятеля, Жерар де Ридфор, против чьего руководства экспедицией не возражал никто, даже его коллега магистр Госпиталья, пришел в восторг и немедленно поскакал вперед, дабы лично убедиться, что дела обстоят так, как доносили рыцари авангарда. Рожер де Мулен, маршал Жак де Майи с братьями командорами и десятники, возглавлявшие отряды светских рыцарей, последовали за Жераром. Всего на пригорок поднялось немногим больше полутора десятков человек.

— По-моему, турок больше, чем мы с вами предполагали, мессир,— почти равнодушно проговорил глава ордена иоаннитов и так же меланхолично поинтересовался: — Вы не находите?

— Я нахожу, мессир,— согласился гранмэтр Храма, но поспешил уточнить: — Нахожу, что изменник Раймунд намеренно ввел нас в заблуждение, сообщив неправильное число язычников, которых он предательским образом допустил на христианские земли.

— Зачем бы ему это делать? — спросил Рожер де Мулен.

— Я — не изменник, мессир,— заявил Жерар де Ридфор, кривя рот в брезгливой ухмылке,— и потому помыслы изменника мне неведомы. Очень жаль, что у меня с собой нет его грамоты, а то бы я показал ее вам и вы бы во всем сами убедились. Клянусь белым цветом своего плаща и красным крестом на нем!

— Нет нужды в клятвах, мессир,— усмехнулся магистр Госпиталья и, указав на мусульман внизу, добавил: — Я уже и так во всем убедился без всякой там грамоты.

— Вот и отлично! — воскликнул мэтр Храма и, обращаясь уже ко всем собравшимся, сказал: — Видите вон тот зеленый шатер на краю лагеря агарян? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Это шатер принца аль-Афдаля, наследника Саладина. Мы атакуем всей силой, захватим сына султана и привезем его в Иерусалим!

Магистр ордена иоаннитов покачал головой и щелкнул языком, демонстрируя таким образом, что не разделяет оптимизма коллеги:

— Едва ли нам удастся преуспеть в этом предприятии. Разумеется, мы не боимся смерти, но, полагаю,

оставшись в живых, могли бы еще послужить на благо латинян.

— Верно, мессир! — поддержал Рожера маршалль Храма Жак. — Тут по полсотни язычников на каждого из нас. Стоит ли так спешить расстаться с головой ради безнадежного дела? Даже если мы и сумеем захватить принца, язычники все равно догонят нас, их кобылы бегают быстрее наших дестриеров.

Ах, если бы белокурый храбрец и красавец Жак де Майи промолчал? Холодная уверенность магистра Госпиталя, скорее всего, перевесила бы горячую безрассудность его коллеги.

Жерар де Ридфор развернул коня так, чтобы иметь возможность смотреть в лицо маршалу, а потом сказал со всей надменностью, на которую только оказался способен:

— Ты так дорожишь своими прекрасными волосами, брат Жак, что боишься потерять их вместе с головой?

Обветренное лицо Жака де Мийи побагровело. Выдержав издевательский взгляд магистра, маршалль, забывая о субординации ордена, с вызовом бросил своему господину:

— Ничтожество! Я отдам жизнь в битве, как подобает рыцарю, ты же оборотишь им тыл, как предатель!

Гранмэтр Храма вытянул руку, указывая на мусульман, и спросил:

— Вот как? Может там покажешь свою удасть?!

Не дожидаясь ответа, он сжал шенкелями бока коня и, повернувшись к остальным спутникам, спросил:

— А вы как думаете, мессеры? Желаете драться, как подобает героям? Или, может быть, предпочитаете отступить, как трусы?! Ступайте и объявите всем рыцарям, что тот, кто сумеет захватить принца Малькафдаля, получит из казны ордена Храма тысячу золотых! А два товарища, которые помогут ему в этом, по пятьсот!

Что тогда нашло на Жослена, он и сам, спустя многие годы, дожив до глубоких седин, не смог объяснить. Вероятно, во всем было виновато отрочество, проведенное бок о бок с рыцарем-монахом, служба и страстная мечта мальчишки-пажа стать таким же, как *его* рыцарь, облачиться в белый, украшенный хищными красными восьмиконечными крестами плащ. Молодому воину и в голову не пришло, что *собрат* Храма, мудрый и осторожный рыцарь Бертье, едва ли одобрил бы подобное поведение своего воспитанника. Между тем, преж-

де чем магистр Жерар закончил свое короткое обращение к собравшимся, Жослен что было мочи завопил:

— Да здравствует Храм! Le Baussant! Le Baussant! Le Baussant! Non nobis, Dominus, non nobis!

— Le Baussant! Le Baussant! Le Baussant! — немедленно подхватили тамплиеры, которые находились тут в подавляющем большинстве.— Не себе, Господи, не себе, но имени Твоему воздаем славу! Смерть язычникам!

Разногласия исчезли, теперь все присутствующие, те, кто одобрял план Жерара, и те, кто считал атаку на мамелюков безумием, не мешкая, построили свои отряды. Еще несколько мгновений, и ошетилившаяся копейными жалами рыцарская фаланга, пустив коней в галоп по отлогому склону, врезалась в массы неверных.

Приблизительно в то же самое время, когда Жослен Храмовник, не жалея связок, горланил свое «Le Baussant!» и «Non nobis, Dominus...», Балиан Ибелинский с товарищами подъезжал к крепости Ла-Фев. Оказавшись в виду замка, он понял, что ошибался, когда думал, будто гранмэтр Храма окажется единственным тамплиером, с которым им придется иметь дело во время нелегкой миротворческой миссии,— палатки рыцарей, в строгом соответствии с правилами ордена установленные под стенами замка, являлись красноречивым свидетельством обратного.

Маленький лагерь тамплиеров оказался совершенно пуст, но что было еще более удивительно, пустовал так же и замок: сколько бы ни бродили Эрнуль и другие спутники барона, обходя комнату за комнатой помещения крепости, стараясь обнаружить в ней хоть малейший намек на судьбу обитателей, сделать это им не удавалось. Если бы не животные, разгуливавшие там как ни в чем не бывало, могло показаться, что некий очень страшный и очень могущественный колдун наложил на все живое в Ла-Феве какое-то заклятие. В одном небольшом зале Эрнуль нашел двух рыцарей, однако узнать что-либо у них не представлялось возможным, поскольку оба находились при последнем издыхании.

Подождав какое-то время, сир Балиан, горя нетерпением, решил ехать в Назарет. Но не успели он и его свита проехать милю, как услышали конский топот.

— Всадник, государь? — встревоженно глядя на сеньора, произнес Эрнуль. За последние час или два

никто ни разу не говорил вслух, чего ждет, но с течением времени все только больше уверялись, что ничего хорошего случиться не может. — Кажется, он один. Спешит...

Судя по стуку копыт, наездник не жалел коня и мчался во весь опор.

Впрочем, на сей раз неопределенность разрешилась быстро. Едва всадник сделался виден, все сразу же опознали в нем рыцаря, а, приглядевшись, по кресту на белом табаре узнали тамплиера. Правда, разглядеть крест на ставшей красной от крови материи оказалось очень нелегко. Шлема на голове храмовника не было, а русые волосы потемнели и слиплись от крови и пота.

Останавливаться всадник не собирался. Едва приблизившись к Балиану и его свите, он закричал:

— Горе! Ужасное горе! Господь отвернулся от нас за грехи наши! Все погибло! Все мертвы! Магистр Жерар и магистр Рожер пали в битве! Маршал Жак тоже! Никто не спасся! Не ходите в Назарет! Сейчас неверные возьмут его! Их тысячи тысяч!

— Как это случилось? — крикнул барон Наплуза уже практически в спину не прекращавшему скачки рыцарю, но тот не ответил.

Несмотря на охватившее его сильное волнение, сеньор Балиан все же приказал продолжить путь.

Прибыв в Назарет, барон нашел, что дела обстоят несколько иначе, чем считал спасшийся тамплиер. Магистр Госпиталя и маршал Храма и правда пали в битве — Жак де Майи не привык бросать слов на ветер, он обещал погибнуть, как герой, что и сделал, отправив на тот свет не один десяток язычников. Меланхоличный Рожер де Мулен, когда дошло до большой крови, забыл о своей меланхолии и, точно только и мечтал умереть в этот прекрасный первый майский день за Иисуса Христа и Святой Гроб Господень, сражался как лев и погиб одним из последних. То же сделали почти все тамплиеры и все до одного госпитальеры, сопровождавшие миссию. Большая часть светских рыцарей погибла, оставшиеся попали в плен. Что же касалось жадных до добычи жителей Назарета, в этой экспедиции ни один из них не добыл себе ничего, кроме ошейника раба.

Вырваться из адской мясорубки удалось всего трем христианам, в числе которых находился и всадник, встретившийся Балиану, а также сам Жерар де Ридфор и один светский рыцарь из-за прозвища ошибочно при-

нятый слугой барона Наплуза за тамплиера и потому оставшийся в летописи Эрнуля безымянным храмовником. Все трое счастливых получили тяжелые ранения — у Жослена, например, половина лица превратилась в одну зияющую рану, однако он не бросил магистра, который из-за полученных ранений едва мог держаться в седле.

Впрочем, когда наплузцы прибыли в Назарет, оба, и Жерар и Жослен, уже лежали в постелях, отдавшись во власть эскулапов¹⁰⁰.

Трудно назвать причины, вызвавшие радость великого магистра ордена Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломонова во время его ночного бдения на холме вблизи крепости Ла-Фев, но так или иначе безрассудный поступок его, стоивший жизни почти полутора сотням замечательных рыцарей, привел к самым лучшим результатам для королевства. Раймунд Триполийский и Галилейский пришел в ужас от содеянного, едва увидев головы храмовников, надетые на острия копий возвращавшихся домой после рейда мамелюков. Сердца отборных конников властелина всего Востока были исполненных благодарностью к Аллаху, даровавшему правоверным победу в двадцатый день месяца сафара, в пятницу, святой для мусульман день. Сарацины достигли окрестностей Тивериады задолго до приближения заката, так как тронулись в обратный путь сразу же после битвы, словно бы только затем и приходили, чтобы сразиться с тамплиерами и убить их.

Граф потребовал от эмира Кукбури (это его шатер Жерар де Ридфор принял за шатер аль-Афдаля, который вообще в походе не участвовал) ответа за содеянное. Тот, не скрывая радости — как же, такую большую победу одержали?! — заметил, что послы принца и наследника султана обещали не трогать никого из тех, кто живет в землях князя Галилеи, но те люди, что пали от меча правоверных при Крессоне, пришли из других мест. Тут Раймунд окончательно осознал, как ловко Салах ед-Дин использовал его — в свете всего случившегося мир с неверными окончательно превращал графа в предателя.

Когда Балиан Ибелинский и архиепископ Тирский прибыли в Тивериаду, Раймунд, забыв о своих прежних требованиях, искренне покаялся перед ними и, первым делом расторгнув мир с турками, немедленно отправил-

ся в Иерусалим, чтобы повиниться перед королем. Как почти всякий поверхностный и легкомысленный человек, Гвидо де Лузиньян обладал весьма отходчивым сердцем. Он не умел злиться долго и от души обрадовался покорности графа — необходимость все время точить на него зуб угнетала короля и даже в определенной мере отравляла ему существование. Он не считал для себя унижительным попросить у Раймунда прощения за, мягко говоря, не слишком честный способ, которым воспользовался, чтобы добыть корону¹⁰¹.

Видно, не зря говорят, будто нет худа без добра, — гибель христиан оказалась не напрасной. Наконец-то все бароны королевства, оставив взаимное нелюбие и ревность, сплотились перед лицом грозного врага.

VII

Никогда еще мир в земле латинян не наступал столь своевременно — слухи об активной подготовке Салах-ед-Дина к военным действиям против Иерусалимского королевства находили все больше подтверждений. К востоку от Галилейского моря весь Хауран бурлил, переполненный войсками, стекавшими туда из Алеппо, Мардина и даже Мосула словом, отовсюду; казалось, весь мусульманский мир собирал силы для ответного удара, некоего *антикрестового* похода против кафиров.

Те также не дремали. Для слишком многих христиан после Крессона компромиссное сосуществование с соседями, ранее возможное и даже желанное, сделалось ныне неприемлемым. Все, кто не умел держать меч, от мирного пахаря, до богатого купца, дружно залезали кто в кубышку, кто в мошну, отдавая подчас последнее правительству, чтобы оно могло снарядить побольше добрых воинов, рыцарей и пехотинцев. Открывали сокровищницы и лица духовного звания, и они все как один, от простого священника, главы бедного прихода, до князей церкви — епископов, архиепископов и самого патриарха — несли сбереженное королю.

Военные ордена, горя желанием отомстить за гибель товарищей, снаряжали в поход всех имевшихся в наличии рыцарей, за исключением весьма небольшого их числа, потребного для охраны замков. Получалось, что Тампль и Госпиталь вместе отправили к Гюи в Акру более полутысячи прекрасно подготовленных и велико-

лепно вооруженных рыцарей, самых дисциплинированных в христианском мире воинов — их можно было назвать настоящими боевыми машинами. Примерно столько же составили вместе соединенные силы баронов земли и их вассалов. Еще около двухсот рыцарей наняли на деньги Генриха Английского.

Священнослужители традиционно поставляли властителям Утремера пехоту; их стараниями удалось собрать около девяти тысяч воинов. Снаряжались на битву и туркопулы, легкая кавалерия, обученная действовать по образцу византийской конницы. Их набралось не меньше полутора тысяч. Таким образом, к концу июня тысяча сто восемьдесят седьмого года от Рождества Христова в лагере под Акрой собралась огромная армия, ядром которой, как и всегда, являлась, конечно же, тяжелая рыцарская конница, составлявшая примерно тысячу двести единиц.

Даже Боэмунд Антиохийский, связанный с султаном мирным договором, обещал прислать в помощь единоверцам елико возможно больший контингент под командованием Бальдуэна Ибелинского. Правда, ни сам князь, ни его новоиспеченный вассал особенно не торопились, видимо руководствуясь здесь латинской мудростью — *festina lente*, что означает — поспешай медленно. Хотя, надо все же отдать должное князю, он отправил к графу Триполи его крестника, своего юного наследника, старшего и любимого сына, Раймунда с небольшой свитой из тридцати пяти рыцарей. Младший и последний сын правителя Антиохии и его первой жены Оргвиллозы Гаренской, будущий князь Боэмунд Кривой, сыгравший впоследствии весьма значительную роль в жизни Жослена Храмовника, которого теперь все чаще стали называть Ле Балафре, а спустя годы враги-мусульмане прозвали аль-Маштубом, Меченым, пока еще не вошел в возраст, подходящий для войны.

Казалось, собрались все, не пришел только патриарх. К немалой своей досаде, он ужасно не вовремя занедужил; правда, злые языки утверждали, будто святитель Иерусалимский не пожелал оставить горячо любимую «супругу», мадам патриархессе как раз подошел срок осчастливить любимого очередным младенцем. Правда это или нет, не знаем, известно одно: наисвятейший Иракий отправил Истинный Крест в Акру с приором Святого Гроба Господня, дабы тот вручил святыню епископу Руфино. Сам патриарх остался

в столице и скоро забыл и про Салах ед-Дина, и про паству, и про рыцарей, а заодно и про Истинный Крест.

Зато султан не забыл про христиан.

Семнадцатого числа месяца раби-ас-сани пятьсот восемьдесят третьего года лунной хиджры¹⁰² он устроил смотр войскам возле аль-Аштера в Хауране. Всего под знамена султана сошлось более двенадцати тысяч конников, как и полагается, четко по десять человек на одного рыцаря, и примерно десять тысяч пехоты, нищих оборванцев, вылезших из горных нор и пещер, готовых зарезать или просто загрызть зубами любого за медяк или даже бесплатно¹⁰³.

Сам Салах ед-Дин принял на себя командование центром войска, под начало племянника Таки ед-Дина отдал правый фланг, а левый вверил доблестному Кукбури, воздав честь эмиру за победу над храмовниками в долине у ключей Крессона.

Четыре дня султан, послав часть добровольцев опустошать и жечь христианский берег Иордана, благодаря их усердию скоро превратившийся в сплошное огненное море, бездействовал. Остальному войску, дабы его не так сильно долило вынужденное бездействие, было сказано, что повелитель правоверных дни и ночи проводит в молитвах Аллаху.

Салах ед-Дин, конечно же, молился, но причиной задержки, столь раздражавшей некоторых из воинов, особенно тех, кто пришел за легкой поживой, являлись дела более земные, нежели божественные. Султан ждал вестей от своих разведчиков.

Донесения поступали одно за другим: их приносили голуби, нищие странники, купцы-мусульмане или их слуги. Иногда правитель огромной империи не гнушался выслушивать их наедине или... почти наедине, поскольку, где бы ни находился он, в походном шатре или во дворце, весь интерьер вокруг обустроивался таким образом, чтобы за собеседником султана могли внимательно наблюдать два или три специальных мамелюка, не обремененных никакой иной службой, кроме этой.

Крепко запомнил Салах ед-Дин истории, приключавшиеся с ним, и не раз, в годы молодости, во времена, когда только начинал он свой нелегкий путь восхождения к вершинам власти. И хотя прошло уже много лет, султан стал старше — как-никак уже полвека прожил он на земле, — но из памяти не истерлись воспоминания

о клетке, в которой ему пришлось жить, трясаясь от постоянного страха получить в спину кинжал ассасина. Их хозяин, их бог, которого они ценили куда выше Аллаха, тоже не помолодел. Он простил султана Египта и Сирии, но кто знает, не бродят ли поблизости невидимые, как тени в ночи, хитрые как змеи, коварные как лисы последователи учения исмаилита ас-Сабаха, слуги Старца Горы, верные господину, как вши нищему побиршке? Кто скажет, что на уме у Рашид ед-Дина Синана?

В общем султан считал, и порой небезосновательно, что не может доверять никому, а уж особенно шпионам, не ведающим чести перевертышам. Отчего бы тому, кто вчера предал своего хозяина, отринул веру, сегодня не предать нового господина и вновь не сменить веру? Повелитель Востока в глубине души презирал таких людей, но понимал, что без хороших соглядатаев, толковых информаторов в стане врага, он слеп и глух. А султан просто не мог позволить себе роскоши оставаться слепым и глухим, особенно теперь. Вот почему Салах ед-Дина в немалой степени тревожило, куда же исчез его *верный Улу?*

Ум и особенно хитрость этого человека, его умение всегда добиваться от людей своего, находить самые простые решения в самых сложных ситуациях порой просто поражали султана, но более всего не давала покоя одна мысль, и повелитель Востока спрашивал себя: «Кому же служит он, служа мне? Уж не своему ли народу? А может, себе самому?» — или: «Кому молится он? Аллаху или Христу? А может, тому и другому? А может, никому?» Вопрос этот сделался теперь сугубо животрепещущим, ибо Салах ед-Дин знал — наступил самый решительный момент в его жизни. Потому что пришло время сделать самый важный шаг. Теперь или никогда. Завтра он рухнет в пропасть или вознесется выше всех и по праву станет наконец тем, кем давно уже величает себя, ибо пока мечеть Омара в Эль-Кудсе находится в руках кафиrow, сын курдского эмира не может сказать правоверным: «Я — величайший из вождей джихада. Ибо я завершил победой дело, которому отдали жизни сотни тысяч мусульман». Он знал, что тогда, только тогда сможет он оправдать всю цепь предательств и убийств, им совершенную.

Один Аллах ведает, чего стоило Салах ед-Дину отдать приказ умертвить сына Ширку. Но не сделай он этого, эмиры не поняли бы, на что способен он ради великой цели. Во имя джихада, во имя Аллаха, бла-

гословившего двоюродного брата на священную войну против неверных, Назр ед-Дин *должен был умереть*. Он умер не напрасно. Его смерть предотвратила, возможно, десятки, возможно, сотни или даже тысячи смертей. Подействовало. Другие родичи поняли, что впредь пощады не будет. Султан не обманывал себя, потому что знал, они лишь притихли, затаились, ожидая удобного момента, чтобы вонзить нож ему в спину.

Стоит ли рисковать теперь? Не лучше ли подождать еще?

А что если другой такой же благоприятной возможности сразиться с франками больше не представится? Что если завтра придется направлять мечи собравшихся здесь замечательных, закаленных в десятках больших и малых битв воинов, чтобы вновь приводить к покорности своих? А что если завтра придется думать не о покорности подданных, а о том лишь, чтобы сохранить свою жизнь? Что если завтра произойдет то же, что случилось тогда в Иудее под Тель-Джезиром в окрестностях города Рамлах? Ведь тогда ему чудом, лишь благодаря вмешательству Аллаха, удалось спастись, и чудо же предотвратило восстание в Каире. Однако теперь ставки были куда выше. Так каков же истинный расклад сил на скрытой от игрока шахматной доске?

Он не мог позволить себе не знать расположения фигур. Вот почему ему, как никогда прежде, хотелось знать, с кем же Улу? Ведь именно его донесения и дожидался, не решаясь отдать всему войску приказ переправляться через Иордан, владыка Востока. Но царь соглядатаев молчал. Другие же шпионы в один голос говорили — франки сильны, как никогда. Их много, и они готовы драться. Так как же поступить? Армия не будет ждать долго. Может, все же перейти через Иордан? Дать солдатам разграбить Галилею, а потом отступить? Или подойти прямо к Акре, где собрались кафиры, и отважиться на битву с ними там? Или заставить их самих двинуться к нему? Но как?! А может быть, честолюбивый Улу потому и молчит, что его план провалился? Ведь в прошлый раз получилось все наоборот. Его хитроумный маневр привел к результатам, прямо противоположным ожидаемым. Он надеялся, что франки вконец поссорятся, а они сплотились воедино, как в старые времена.

Так что же, самолюбие не позволяет великому шпиону явиться на глаза повелителю? А если нет? Если

он переметнулся и служит теперь своим соплеменникам? Как угадать?

Люди, скрывавшиеся за ширмами и драпировками, в доли мгновения среагируют и бросятся на того, кто вознамерится выхватить из складок одежды спрятанный, утаенный от всевидящих глаз стоявших снаружи стражников кинжал. Сколь бы ловок ни оказался злоумышленник, сколь бы стремительно ни действовал он, ему не позволят нанести роковой удар.

Но как могут верные слуги угадать тайные движения невидимой руки, сжимающей невидимый кинжал предательства? Здесь никто не поможет правителю, ибо это — его работа, на то он и властелин, чтобы разбираться в скрытых от взора простого смертного движениях души подданных. Никто? Да, никто не поможет. Разве что Аллах.

Во вторник, в двадцать первый день месяца раби-асани, сомнения кончились. Улу наконец появился и, как уверял сам, принес самые благоприятные вести.

— Но то, что ты говоришь, — начал Салах ед-Дин, едва соглядатай закончил краткий рассказ, — во многом противоречит донесениям других... других гонцов.

— Правильно, повелитель, — согласился Улу. — Ведь они докладывают только о том, что видели или слышали.

— А разве не в том и состоит задача соглядатая?

— Часть задачи, господин, — уточнил шпион. — Потому-то с ней может справиться любой или почти любой. Пастух может пересчитать проехавших мимо всадников так же, как он считает своих овец. Купец может достоверно поведать о качестве вооружения солдат неприятеля, ведь в конечном итоге оно — товар, а торговец на то и торговец, чтобы знать цену товару. Подкупленный придворный или стражник расскажет о слухах, которые бродят во дворце, а за ними порой кроется очень многое. Блудливая жена государственно-го мужа проболтается в постели любовнику о решении, принятом на собрании пэров. Сребролюбивая подруга графа или князя доложит о его тайных помыслах.

Поскольку он умолк словно бы на полуслове, султан, подождав секунду-другую, поинтересовался:

— Разве этого мало? Каждому из них достаточно просто как можно точнее передать свой рассказ, и мы будем знать правду о том, что творится в стане неприятеля, не хуже, а то и лучше, чем он сам.

— Не спешите, государь, — покачал головой Улу. — Я ведь еще не закончил.

Как бы вкрадчиво ни звучала речь шпиона, все равно султан чувствовал, сколь мало в действительности присутствует в ней истинного почтения.

— Ты верно считаешь иначе? Хочешь сказать, будто ведаешь тайное? То, о чем не подозревают и сами франки? — спросил Салах ед-Дин: — Отчего же тогда все вышло не по-твоему? Вместо того, чтобы начать резаться друг с другом, они объединились? Ведь ты уверял меня, что, если послать мамелюков прогуляться по Галилее, послы, узнав об этом, окончательно объявят Рамона, эмира Тибарии, предателем и мутамелек эль-Кудса пойдет на него войной, не так ли? А что получилось? Выходит, ты просчитался?

Великий соглядатай прикусил губу. Ни разу за много-много лет не чувствовал он себя так, как сегодня.

— Вы, безусловно, правы, мой государь, — со смирением проговорил Улу, не без труда подавив обиду. — На все воля Аллаха. Бывает, что как ни скрупулезен, как ни тщателен расчет человека, Всевышний решает по-своему. Кто бы мог поверить, что сто пятьдесят конников атакуют семь тысяч? Такое, конечно, случилось, но очень-очень давно, в те времена воинственный пыл рыцарей значительно превосходил боевой дух правоверных.

— Очень удачно, что ты завел речь о боевом духе. Как отовсюду доносят мне, именно дух рыцарей теперь особенно силен. Но, что самое плохое, они снова вместе, все как один. И сплотиться им помогло безумство фанатика. Теперь узы дружбы, связывающие вчерашних недругов, крепки, как никогда.

— Прекрасно сказано, мой повелитель! Но да будет известно вам что если безумства фанатиков оказалось достаточно, чтобы сплотить франков, его хватит и на то, чтобы разорвать любые, самые крепкие узы, которые, как на первый взгляд может показаться, связывают теперь баронов земли и всех латинских рыцарей! Всевышний не зря пощадил того, кто смешал мои карты, то, что фанатик жив, вселяет в меня не просто надежду, а уверенность в победе правоверных.

Султану неожиданно захотелось задать подручнику вопрос: «А кого ты называешь правоверными, мой верный Улу?», но вместо этого он негромко воскликнул:

— Вот как?! Отчего же?

Прежде чем ответить, Улу помедлил немного, а потом спросил:

— Позвольте ли вы мне дать вам один совет, государь?

Салах ед-Дин кивнул, и лучший из его шпионов, благодарно поклонившись, продолжал:

— Не повторяйте ошибки прошлых лет. Я поясню. Три с половиной года назад вы перешли Нахр-аль-Урдун с большой силой и имели все шансы победить франков, которых тогда собралось меньше, чем ныне. Но они не приняли боя. Так может случиться и в этот раз, если только... Если только вы не поступите иначе. Вместо того, чтобы просто разбить лагерь, опустошить окрестности и ждать, пока франки сами придут к вам, подтолкните их.

«Но как?! Как?!» — хотелось спросить султану, однако он терпеливо молчал.

— Эмир Рамон и четверо его пасынков в Акконе, но жена Эскива осталась дома. Отделите часть ваших людей, добровольцев, которые особенно жаждут сражения, и прикажите захватить Табарию, но только нижний замок. Не велите воинам под страхом смерти врываться в цитадель, даже если сделать это окажется проще простого. Франки ничего не поймут, объясняя все глупостью врагов. Так вы убьете двух зайцев. Во-первых, выпустите пар из самых ретивых, во-вторых, что важнее, превратите столицу Галилеи в приманку. Поверьте мне, я хорошо знаю рыцарей, они не останутся безучастными к судьбе дамы, особенно если гонец, которого она, конечно, отправит в Аккон просить помощи, распишет, сколь безнадежно, сколь безвыходно положение осажденных.

— Это правда?! — вскричал Салах ед-Дин. — Никто не говорил мне о жене эмира Рамона! Но пойдут ли франки выручать ее, если он потребует от них этого?!

Ответ Улу поразил султана:

— Как раз потому и пойдут, что *не* потребует!

— Вот как? — Султану стоило немалого труда скрыть свое удивление.

— А что ему жена, великий государь?

— Но... она у него одна?

— Ну и что с того? Разве она мать *его* детей? Да и потом? Что может случиться с ней у вас в плену?

— Ничего... — немного подумав, произнес Салах ед-Дин.

По сути дела, захватив графиню Триполи, княгиню Галилеи султан мало что выигрывал. Какой прок от женщины? Рано или поздно муж предложит султану выкуп, и тому не останется ничего другого, как согласиться. Да и вообще лучше при первой возможности самому вернуть ее супругу, а то начнут посмеиваться,

что, мол, повелитель всего Востока захватывает в плен чужих жен — знать, не хватает силенок справиться с мужьями?

— Люди всегда поступают так, как свойственно их натуре, — проговорил Улу. — Потому-то храбрец, очертя голову бросающийся в битву, всегда и побеждает там, где ситуация требует лихой атаки, но почти неминуемо терпит поражение, когда нужно терпеливо ждать подходящего момента. Ну и, разумеется, наоборот. Эмир Рамон по своему обыкновению изберет выжидательную тактику и начнет склонять к тому всех остальных. Как знать, не усмотрят ли некоторые друзья эмира Галилеи в его упорном нежелании идти на выручку собственной жене свидетельство тайного сговора с противником? Звучит невероятно, но... разве не бывает так, что случаются самые невероятные вещи? Ведь иной раз, чем больше стирают белую материю, тем более грязной она начинает казаться. Поскольку возникает вопрос: «К чему стирать чистое?»

«В его словах есть резон, — подумал султан. — Он умен, этот франк, очень умен. Умен? Не слишком ли?»

Вскоре беседа завершилась, и Улу покинул шатер господина, а тот, едва гость ушел, позвал одного из тайных свидетелей беседы. Тут надо уточнить, что все стражи, скрывавшиеся за ширмами или пологам, подбирались из числа людей, лишенных слуха, отсутствие которого, как считалось, обостряло другие чувства, в частности зрение. Однако сегодня среди них присутствовал некто, чьим ушам султан решился доверить тайный разговор.

— Что ты думаешь о нем, мой врачеватель и звездочет? — спросил Салах ед-Дин.

Муса ибн Муббарак какое-то время подумал, а потом сказал:

— Пожалуй, то, что этот человек говорил моему повелителю сегодня, заслуживает доверия. Но сам по себе соглядатай твой лжив, господин.

— Как любой шпион, — согласился султан и добавил: — А ты сам во всем ли правдив?

— Нет, о великий! — воскликнул лекарь, складывая руки на груди и опуская глаза. Впрочем, прежде чем ответить, он вновь поднял их и без страха посмотрел на господина. — Я — недостойный раб того, кому служу. Но я верен тебе, потому что по воле Аллаха моя

жалкая судьба сплелась с твоей. Чем я был до тебя? Псом, который мечтал найти хозяина. И вот я обрел его, так зачем же мне кусать руку дающего? Этот человек другой. Он подобен волку-одиночке или, точнее, чтобы не оскорблять благородное животное, шакалу с умом змеи. Разум и пронзительность его заслуживают восхищения, но душонка его гадка, а ненависть и презрение ко всем вокруг столь невероятны, что заставляют меня содрогаться от ужаса. Прости меня, величайший из величайших правителей, но не заблуждайся, думая, будто ты используешь его. Все наоборот, ведь он один из тех, кто заставляет всех служить себе.

— Но в чем я могу служить ему? Золото? Он не просит много. Положение? Но у него нет никакого положения. Имущество? Он не владеет ничем. Мне же он не раз помогал, как никто другой.

Ибн Муббарак нахмурился, потер лоб и, дергая себя за кончик длинной, совсем уже седой бороды, произнес:

— Мой господин, повелитель мой. Ни золото, ни положение, ни имущество сами по себе не нужны ему. Отказ от них — великое лукавство, ибо благодаря нежеланию ревностно приобретать материальное, что свойственно всякому, человек этот убеждает тебя в своей верности. Ведь ты думаешь: раз ему не нужно ничего, значит, он служит мне из любви. Но посмотри, разве этот так?

— Нет, — не раздумывая, ответил Салах ед-Дин. — Не так. Я и сам не раз задавался вопросом: что же нужно ему?

— Твоя власть.

Султан внимательно посмотрел на врачевателя и звездочета — уж не случилось ли с ним несчастья? Не повредился ли он рассудком? Не хотелось бы потерять такого мудреца. Упаси Аллах! Нет такого правителя на земле, который бы не нуждался в великих умах. Но что, если груз собственных мыслей оказался непосилен для ибн-Муббарака? Какая жалость!

— Моя власть? — поинтересовался Салах ед-Дин. — Ты хочешь сказать, что Улу метит на мой трон? — Он мог бы добавить: «Тут столько желающих, что, если они бросятся все разом, никто не заметит, как во всеобщей давке этого старика раздавят, как клопа», — но лишь спросил: — Может, на тебя жара так подействовала? Много лет уже такой не бывало. Хочешь вина, охлажденного снегом с горы Гермон? Не стесняйся, налей себе сам.

— Благодарю, великий государь,— произнес ибн Муббарак, прикладывая ладонь к груди.— И не беспокойся, я не спятил. Твой трон не нужен ему. Но, чем больше власть, которой обладаешь ты, тем шире его возможности потешать поселившегося в нем беса. Но беда не в сегодняшней одержимости Улу, а в том, что завтра демон, владеющий им, потребует новой жертвы. Ведь ему не жаль оболочки, тем более она скоро и сама по себе, окончательно износившись, точно старый халат, придет в негодность. Бес же, подобно наезднику, которому не жаль лошади, все поднимает и поднимает планку, требуя все большего и большего. Улу же полагает, что сам управляет всем, а на деле это демон использует его, чтобы тешить себя людскими распрями. Таким вот образом получается, что нечистому удастся заставить служить себе даже таких владык, как ты. Вот и подумай сам, что тут есть что.

Это было уже слишком для султана, у него просто не хватило бы ни сил, ни времени на подобные размышления.

— Я велю обезглавить его! — закричал Салах ед-Дин.— Немедленно!

— А что это даст, мой повелитель? Бес лишится тела, да и только. Он только посмеется над тобой и найдет себе новое.

— Хорошо! Я прикажу пытаться Улу, и мои люди с позором изгонят беса! Что ты на это скажешь?

Врачеватель и звездочет покачал головой.

— Недурной выход, великий государь,— согласился он.— Но очень трудоемкий, шумный и, главное, не такой уж эффективный в данном случае.

— Почему же?

— Потому, господин мой, что палачи станут истязать его тело. Они, конечно, свое дело знают. Но полно, им ли добраться до души? Улу стар и слаб, он умрет быстро, а демон, покидая оболочку, будет торжествовать, ведь ему удалось заставить величайшего из смертных совершить несправедливость.

— Что же делать? — Султан был явно озадачен.

— Не мучай себя этой мыслью, мой повелитель,— предложил ибн Муббарак.— Аллах поможет тебе, он сам даст знак, как поступить с бесом.

— Но как я узнаю?

— Ты почувствуешь, государь. Отринь сомнения, смело иди к цели, и Всевышний вознаградит тебя.

Отринуть сомнения? Как раз это владыка всего Востока и собирался сделать.

Наутро в первый день июля тысяча сто восемьдесят седьмого года от Рождества Христова, или двадцать второго числа месяца раби-ас-сани пятьсот восемьдесят третьего года лунной хиджры, сарацинское войско переправилось через Иордан вблизи Сеннабры. На следующий день большая часть армии султана расположилась лагерем возле местечка Кафр-Севт, что в пяти-шести милях к западу от самой южной точки на берегу Галилейского моря. Тем временем отряд добровольцев подошел к Тивериаде и после короткого сражения захватил город, оставив в руках графини Эскивы только цитадель.

По счастью, в то время, пока язычники предавались грабежу домов граждан и резали тех несчастных, кто не успел спрятаться за стенами замка, мужественной даме удалось отправить гонца в Акру. По пути туда он, к огромной радости, узнал, что королевская армия, получив известия о первых враждебных действиях язычников, уже вышла из второй столицы и встала лагерем в Сефории, на расстоянии всего одного лье от печально известного Крессона. Таким образом, славные христианские воины, единственные, на кого (кроме, конечно Бога) уповали несчастные дамы госпожи Эскивы, приблизились к Тивериаде без малого на двадцать миль, то есть оказались как бы на полпути к осажденной столице княжества Галилейского.

Между лагерем Салах ед-Дина и короля Гюи лежало приблизительно пять-шесть лье пути. Как и три с половиной года назад, когда турки стояли лагерем в окрестностях Тувании, а франки располагались у прудов Голиафа, позиция последних оказалась выбрана весьма удачно. Окрестности Сефории изобиловали зеленью, здесь хватало и пастбищ для скота, и воды, и тенистых деревьев, чтобы укрыться под их раскидистыми ветвями, что в страшную жару, стоявшую в то лето, совсем не казалось таким уж малозначительным фактором¹⁰⁴.

Еще на первом военном совете, который Гвидо де Лузиньян держал в Акре, когда стало известно о бесчинствах язычников, грабивших и паливших деревни чуть ли не под самым Назаретом, выступление графа Триполи князя Галилеи Раймунда способствовало на первых порах принятию за основу выжидательной тактики. Однако, когда бароны вновь собрались для обсуждения дальнейших планов, прибыл гонец из Тивериады, чтобы

со страстью живописать весь ужас положения, в котором оказалась одна из самых благородных дам королевства и немногочисленные защитники города.

— Страхом и стенаниями объята все цитадель города, — говорил посланец графини Эскивы. — День и ночь молятся христиане Господу, прося милости его. Госпожа наша облачилась в кольчугу и шлем. С рассвета и до заката не уходит она со стен, и воины, видя такой пример, готовы биться насмерть, но не пустить нехристей в крепость. Пока, милостью Божьей, хоть один из них жив, неверные агаряне не преуспеют в гнусных замыслах своих. Но много ли храбрецов? Горсть! А врагов? Им несть числа! Великие армии собрались под стенами замка. Грабят и убивают, режут враги рода человеческого христиан без счета, льют их кровь, как воду, так что озеро вблизи города стало красным от нее и соленым от слез придворных дам и служанок мужественной госпожи нашей. Едва осушив слезы, спрашивают они: «Где же наши удалцы? Где герои? Где рыцари христианские? Ужели не придут они на помощь? Отдадут на погибель жен и матерей своих? Неужто позволят неверным собакам пленить их, дабы надругаться над ними? Верно оставили нас Иисус и мать Его Пресвятая Богородица! Не верим, не верим, говорят они, что случится такое. Господь вложит в уши франкам стенания наши, и придут к нам на помощь и спасут нас король Гвидо и храбрые бароны! Выгонят язычников из города христианского и из всех земель, где ступала нога Спасителя и святых апостолов, учеников Его!»

Не надо думать, будто гонца подослал султан или его главный шпион, злокозненный и, по мнению специалистов в данной области, одержимый неуемными бесами тщеславия и гордыни старец Улу. Воин старался, абсолютно искренне полагая, что, чем цветистее обрисует он обстановку, тем вернее добьется эффекта — скорой подмоги осажденным; ибо это тут, в Сефории, всего вдоволь, и еды и питья, и на несколько миль вокруг ни одного мусульманина, а в Тивериаде?! Там за стенами многочисленный враг, а внутри стен женщины да младенцы. На стенах — вооруженные слуги, да калеки, не годные к делу в походе, все же прочие с государем, графом Раймундом.

С правителем Триполи и Галилеи находились все четверо пасынков, уже взрослые Юго и Гвильом, принимавшие участие еще в знаменитой битве при Мон-

жисаре десять лет назад, и совсем юные Оттон и Рауль, еще не вошедшие в возраст рыцарей. Отроки, присутствовавшие с отчимом и старшими братьями на военном совете, так взволновались, выслушав рассказ гонца об ужасной осаде и о страшной участи, грозившей матери и всем ее фрейлинам и служанкам, что не выдержали и со слезами на глазах принялись молить рыцарей немедленно выступить на помощь Тивериаде.

Те, всегда отличавшиеся особенной отзывчивостью в случаях, когда беда грозила слабым женщинам, один за другим выезжали вперед и требовали от короля дать им приказ выступать — как они могли бросить на произвол судьбы дам, запертых в цитадели города, расположенного всего в каких-нибудь шести-семи лье от них? Гвидо де Лузиньян, не менее других тронутый рассказом посланника графини, уже собирался открыть рот, чтобы отдать соответствующие распоряжения, но тут разрешения выступить попросил сам Раймунд, хозяин Тивериады, супруг мужественной дамы Эскивы. Что он собирался сказать? Не нужно слов, мессир, все рыцари и так с вами, они готовы помочь вам!

Разумеется, уважая право каждого высказаться, никто ничего подобного не произнес. Граф выехал вперед и громко начал:

— Ваше величество, сеньоры прелаты, уважаемые пэры королевства и бароны земли, христианские рыцари...

Беличественный вид, с которым Раймунд начал свою речь, его зычный голос вызвали гул одобрения. Когда он стих, выступающий продолжил:

— Друзья мои. Город Тивериада, как и все княжество Галилейское, — мой удел. Дама Эскива — моя супруга. Трудно выразить словами мою благодарность вам за ваш искренний порыв, за желание помочь, за стремление выручить из беды слабых женщин. Ничего другого я, признаюсь, и не ожидал от вас. Господь да воздаст вам за чистоту помыслов ваших и желание положить живот ваш за други своя. Но... — он сделал паузу, и в тишине ее не было слышно ничего, кроме привычного жужжания мух и гула большого лагеря, раскинувшегося вокруг стоявшего на возвышении красного королевского шатра в полумиле от места проведения военного совета. — Но, — произнес граф и добавил, подняв вверх руку: — Я, именем Всевышнего, молю вас отказаться от данного предприятия и покуда оставаться в сем благословенном месте...

— Что?! — переспросил кто-то негромко, и теплый, как парное молоко, почти осязаемый вечерний воздух взорвался ревом негодования. Все старались перекричать друг друга: — Что он сказал?! Остаться здесь?! Чего ради! Разве мы вышли на прогулку?! Враг разоряет *вашу* землю, мессир, опомнитесь! Это не только *ваш* город и *ваша* земля! Это еще и Святая Земля! Земля, по которой ступала нога Спасителя!

Королю и епископу Акры стоило немалого труда призвать рыцарей к порядку. Когда это наконец удалось, Раймунд вновь заговорил.

— Я прошу не забывать вас, мессирсы, — произнес он твердо, — что мы, как кто-то из вас очень верно заметил, не на прогулке и не на охоте, а на войне. Некоторым из вас, как детям моим, Оттону и Раулю, она в диковинку, другие, как сеньор Керака, состарились в битвах...

— Не заговаривай мне зубы, предатель, — процедил сквозь зубы Ренольд, услышав свое имя. — Я прекрасно знаю, что ты сейчас скажешь!

— ...и я также не юн. Бывал во многих сражениях и стычках и знаю, что в такой войне, как та, на которую мы собрались, главное — занять выгодную позицию, а именно это мы, благодаря мудрости нашего короля, и сделали. Здесь Саладин, как и три с половиной года назад, никогда не решится атаковать нас. Между тем половина его войска — добровольцы. Им все равно, с кем воевать, с соседним эмиром или с нами. Они пошли с султаном в надежде на пожизну. Между тем Саладин не забыл урока, полученного в Иудее, когда именно из-за таких вот *неуправляемых* добровольцев погибла его армия, а сам он оказался на волосок от смерти. Словом, он не даст им выйти из-под его контроля. Вместе с тем если в ближайшее время они не получат возможности грабить, то уйдут, и никто не удержит их. Тогда уйдет и он, потому что поймет...

— И что с того?! — воскликнул один из молодых баронов. — Разве что-нибудь помешает ему вернуться?

— Тише, мессир! — прикрикнул на нетерпеливого нарушителя сам король. — Граф закончит, тогда и вы сможете высказаться. Прошу вас, ваше сиятельство, продолжайте.

— Благодарю, сир, — с искренним чувством произнес Раймунд. — К Тивериаде ведут две дороги, одна — та, что кончается у моста в Сеннабре и имеет в этом самом месте ответвление на север вдоль берега. Она не

годится по двум причинам: во-первых, слишком узка для такой армии, как наша, во-вторых, проходит через Кафр-Севт, где, как мы знаем, сейчас находится лагерь Саладина. Другая идет сначала чуть севернее, а потом поворачивает на восток и через горы выводит к деревням Марескаллия и Хаттин, оттуда около восьми-девяти миль до города — дорога здесь идет все время вниз и выходит к берегу озера в миле к северу от Тивериады. Главная неприятность заключается в том, что, если мы захотим достигнуть цели этим путем, нам придется с рассвета и до вечера идти под палящим солнцем по местности, где нет ни единого деревца, чтобы укрыться от зноя, ни одного источника, где мы могли бы пополнить запасы воды. Я считаю, что отваживаться на такое в нынешнюю жару — самоубийство. Но и это еще не все, за каждым холмиком, за каждым перевалом нас будут поджидать засады; затаившиеся там турки, неожиданно напав на нас и выпустив тучи стрел, сами сумеют скрыться прежде, чем мы успеем что-либо сделать. Таким образом, еще до битвы армия наша понесет большие потери и, попусту расточив силы, погибнет. Если сегодня мы потеряем один город, но, сохранив армию, спасем королевство, то завтра вернем город. Если же сегодня мы рискуем армией ради одного города, то можем потерять армию и с ней королевство и тогда уже не вернем ни этого города, ни многих иных, которые потеряем. Я не предлагаю отказаться от битвы, но зачем же нам идти к Саладину, пусть он *сам* идет сюда! Все, вот теперь я закончил. Благодарю вас, господа, за то, что выслушали меня.

Сказав это, Раймунд вернулся в строй.

Части рыцарей, особенно молодежи и незначительным вассалам, находившимся довольно далеко от пригорка, служившего всем, и в том числе графу, своеобразной трибуной, в его страстной речи многого просто не удалось расслышать, и потому, воспользовавшись моментом, они принялись выяснять друг у друга, что же все-таки он хотел сказать. Надо ли говорить, что порядка от этого ни в коем случае не прибавилось? Кроме того, часть баронов, находившихся ближе к центру, принялась горланить, перекрикивая один другого. Как часто бывает на собраниях во время всеобщего гвалта, унять который не в силах ни один председательствующий, в какой-то момент тишина наступила сама собой. И в этот момент раздался громкий насмешливый голос магистра Храма, который, как будто бы ни к кому не обращаясь, крикнул:

— Клянусь, этот человек — оборотень! Я видел на нем волчью шкуру!

Это заявление вызвало взрыв хохота. Те же, кто не расслышал его, зашептали: «Что? Что? Что он сказал?» Другие же вторили им: «Кто? Кто сказал? Где оборотень?» Шепот этот докатился до ушей магистра и он, развивая успех, добавил:

— Да я ошибся! Она — медвежья!¹⁰⁵

Видя настроение, охватывающее собрание, Гюи по совету сенешаля и епископа Руфино предоставил слово князю Петры. Понимая, что теперь они, скорее всего, услышат прямо противоположное мнение, расшумевшиеся бароны быстро притихли.

— Господа,— произнес князь, все такой же высокий и широкоплечий, как в молодости, но уже совершенно седой. Правда, седина на длинных, некогда пшеничных усах его, кончики которых свисали ниже подбородка, и на густой, но короткой бороде, которую он теперь носил, не казалась слишком уж заметной, она лишь добавляла рыцарю особый шарм состарившегося в битвах воителя. Величественный вид старого воина, восседавшего на могучем коне, вызвал в толпе товарищей, перед которыми собирался держать речь Ренольд де Шатийон, одобрительный ропот. Когда все приготовились слушать его, князь продолжил: — Друзья... я буду краток. Сиятельный граф Раймунд и так уже все сказал, что тут добавить? Он так красноречиво поведал нам о трудностях, которые нас ждут, что, клянусь вам, когда я слушал его, мне хотелось, не дожидаясь окончания совета, немедленно развернуть коня и скакать в Акру, сесть там на первый попавшийся корабль и умолять капитана увезти меня как можно дальше от Святой Земли и от Саладина. Как же? У него такая огромная армия, где уж нам воевать с ним? Предлагаю и вам, государи мои, последовать за мной! Айда!

Тут жеребец Ренольда как будто бы против воли хозяина принялся в нетерпении рыть копытами землю и мотать головой. Рыцари захохотали, понимая, что не такой князь наездник, чтобы позволять собственному коню своевольничать. Дабы не превращать заседание в фарс, сеньор Петры, мгновенно уняв жеребца, заговорил вновь, уже вполне серьезно:

— Ну а тем, господа, кто не испугался огромной армии неверных, которой нас страдал сиятельный граф, я хотел бы напомнить, что чем больше дров бросают в костер, тем он ярче горит. Чем большее сильного и

многочисленного врага мы сумеем разгромить, тем значительнее будет наша победа! — Речь его прервали аплодисменты. Переждав их, князь продолжал: — Мне и моим рыцарям не раз приходилось совершать рейды в безводные районы, населенные язычниками. Порой нам приходилось передвигаться по местности, не встречая воды целый день или даже два. Поверьте, в Горной Аравии и в местностях к югу от нее такая жара, что стоит сегодня в Галилее, не редкость. Напротив, для нас редкость ее отсутствие. Тогда мы все стучим зубами от холода... Есть много способов сохранять влагу. Мы могли бы наполнить водой все мехи, бочки из-под вина и масла, которых мы достаточно опорожнили за один только сегодняшней день, тростниковые фляги, короче, все сосуды, которые только у нас найдутся. Так мы сможем унести с собой достаточно воды, чтобы не умереть от жажды самим, но, самое главное, сберечь коней.

Вновь слышались аплодисменты и возгласы одобрения, но князь поднял руку, давая понять, что осталось еще одно предложение. Все приготовились слушать его с нетерпением, и Ренольд не заставил себя ждать.

— Но... — произнес он с важным видом, словно бы передразнивая графа Раймунда, и точно так же, как тот, повторил: — Но... Но есть и иное решение. Правда оно не отменяет первого — позаботиться о воде следует в любом случае. Словом, мы могли бы сократить дорогу. Точнее, избрать ту, что хотя и уже, и хуже, зато короче и вернее приведет нас к основным силам неприятеля в Кафр-Севте. Как только султан услышит, что мы собираемся атаковать его, он сам, если Господу будет угодно, немедленно снимет осаду с Тивериады. А если стоять на месте, толку не будет, как и в прошлый раз, Иисус свидетель. Саладин уйдет, но он придет опять, и как знать, сумеем ли мы в следующий раз собрать такое же сильное и боеспособное войско? Жалко, если все теперь снова закончится ничем. Сегодня он вторгся в Галилею, а завтра, кто знает, двинется на Иерусалим? Всегда лучше атаковать, когда есть возможность, чем сидеть и ждать, когда атакуют тебя. Даст Бог, одолеем нехристей. Вот каково мое мнение, господа, и я весьма благодарен вам за то, что вы выслушали его. А там решайте, как вам поступить.

— Мы не сможем атаковать турок у Кафр-Севта! — выезжая на полкорпуса вперед, закричал граф Раймунд, едва князь Петры покинул «трибуну». — Там недостаточно места, чтобы развернуться!

— Вот всегда так, — тихо фыркнул Ренольд, вызвав смешки стоявших рядом. — Нам недостаточно, а Саладину даже лишку.

Несмотря на то что слов оппонента правитель Триполи и Галилеи не слышал, он снова выехал на пригорок и, словно бы желая поддержать спор, воскликнул:

— К тому же, если неверные пронюхают про наши намерения, то могут сделать завалы в одном-двух местах, а когда мы остановимся, чтобы расчистить дорогу, нападут на нас с холмов.

— Да мне плевать на это, — еле слышно произнес князь, утрачивая интерес к собранию. — У нас есть король. Скажет — драться, буду драться. Велит стоять тут, буду стоять.

Кто-то еще что-то кричал с места, кто-то выезжал на «трибуну» и произносил длинную речь, но Ренольд, все сильнее отключаясь от происходившего вокруг, думал о чем-то своем. Отчего-то вспомнилась молодость, те, давно, казалось, забытые времена, когда он впервые ступил на берег Утремера полный иллюзий и желания объять огромный и необъятный мир Востока, мечтавший победить всех язычников и стать... ну пусть хоть в мечтах, императором, христианским повелителем Вавилонии. Господи, как же глуп и смешон был он тогда. Князь Петры попытался представить себе лицо покойной Констанс и не смог. От княгини мысли как-то сами собой перешли к Марго. Какова она теперь? Какова? Полно, жива ли еще? От Марго путь размышлений неожиданно привел Ренольда в отвратительный донжон в Алеппо, в тюрьму, которая, как он уже думал, будет его могилой. Тут он вдруг увидел чумазого мальчишку-пажа в грязной рваной рубаше. Жослен Храмовник... За юным оруженосцем при не владевшем никаким оружием, умиравшем рыцаре вновь следовала Марго. Круг замкнулся.

«А ведь мы так и не поговорили о ней, — неожиданно вспомнил князь. — За тринадцать лет не нашли подходящего момента, чтобы разобраться, что же за тайну унес с собой в могилу прежний его хозяин. Как же его звали?.. Вот дьявол! Не помню! Черт меня возьми, я что, уже такой старик?!»

Кто-то потряс Ренольда за плечо, тот встрепенулся и невидящим взглядом уставился на белокурого ангелочка. Ангелочек? Онфруа в свои двадцать продолжал оставаться ангелочком, хотя, если уж продолжать цепочку сравнений, теперь он скорее походил на слегка состарившегося херувима.

С беспокойством взглядываясь в лицо отчима, юноша проговорил:

— Батюшка! Батюшка? Мессир? Вы не задремали? Извольте, его величество речь держал, а теперь голосовать велит.

Можно было бы особенно и не напрягаться. Все споры свелись к одному — идти или не идти завтра к Тивериаде, выручать графиню Эскиву из беды или пожертвовать ею и ее городом?

Несмотря на страстные речи некоторых из собравшихся и слезы отроков Оттона и Рауля, совет, с небольшим преимуществом, проголосовал за предложение Раймунда. Еще на три дня армия оставалась в Сефории.

IX

Жослен Храмовник, или Жослен ле Балафре, пребывал в весьма благодушном настроении — Бог с ним, что он так и не добрался до Горной Аравии. Прошло почти полтора месяца после Крессонского побоища, прежде чем он встретился со своими. И ездить никуда не пришлось, они сами прибыли в Акру по зову короля. Князь, увидев физиономию вассала, наполовину закрытую повязкой, только хмыкнул и, покачав головой, произнес: «Клянусь святым Райнальдом, моим покровителем, герой. Герой, да и только!»

Некоторые из рыцарей, особенно молодежь, стали относиться к товарищу с особым почтением, кое-кто даже пытался лезть с вопросами, мол, как? да что? но одноглазый воитель отвечал с безразличной ухмылкой: «Ничего особенного. Порубились немного. Дело обычное, что тут рассказывать?»

Еще до приезда своих из Заиорданья Жослен, едва встав с кровати, поскакал в Акру, чтобы увидиться с дамой Агнессой, спеша как можно скорее похвастаться перед ней ранами, полученными в битве. Графиня сделала вид, что восхищена. Старая служанка Агнессы, монахиня Мария, вела себя куда откровеннее и не скрывала испуга по поводу увечья, полученного верным рыцарем госпожи.

Увечья? Все же глупый народ женщины!

Жослен вовсе и не считал, что его изувечили — проливать кровь, особенно когда ты молод, обычное дело. А кому тогда воевать? Старикам? Женщинам? Младенцам? Или, может, попам? За ответом далеко ходить не приходилось. Однако возможность поквитаться с язычниками за раны и за смерть товарищей вдохновляла Храмовника. Он знал, чувствовал — приближается час великой битвы. И что очень важно, в канун ее магистр Жерар оказал молодому человеку великую честь — *сам* предложил принять его в орден! «Ты — тамплиер и именем своим и духом. Буду рад видеть тебя среди братии. Что же до лепты, которую, вступая, каждый должен внести в казну Дома, пусть твоя удаля в битве с богомерзкими язычниками станет твоим вкладом! Капитул не будет возражать. Пусть только попробуют встать у меня на пути!»

Искренне польщенный Жослен, разумеется, рассыпался в благодарностях, но ответил, что сначала, как и подобает доброму рыцарю, испросит благословения у сеньора. Что может быть естественнее и проще? Между тем возможности сделать это все как-то не представлялось. Можно, конечно, было просто подойти к князю и сказать что-то вроде: «Государь, вы были добры ко мне, и я служил вам честно, но теперь я хочу оставить службу, ибо избрал себе другого сюзерена, более достойного, чем даже вы, самого Господа. Прошу вас не держать на меня за то обиды». Сеньор, безусловно, отпустил бы его и благословил, но... слова дьявола, сказанные им в ту ночь, когда скачка и... уж если честно признаться, трава ресина, чуть не сделали безумным гонца дамы Агнессы, никак не шли у него из головы. Но что мог сделать молодой рыцарь со своими переживаниями? Ах, если бы знать, где теперь тетя Марго! И отчего ему за все эти годы не пришло в голову отыскать ее? Отыскать, но как? Как? Или зачем?

Приготовления к войне и связанные с ними хлопоты отвлекали Жослена от опасных мыслей. Ввиду важности момента жизнь как бы разделилась на две части: первая, которая *была* до будущей победы над язычниками (победы и только победы, а как же иначе?), заканчивалась, а вторая, которой предстояло начаться сразу же по окончании предстоявшей битвы, обещала стать совсем другой. В ней, в той, завтрашней жизни все будет просто и понятно и ответы на все вопросы найдутся сами собой. Завтра, завтра, завтра... Завтра развеются печали и будут оплачены прежние труды. Все это завтра. Скорее бы, что ли?!

Рыцарь ждал битвы, он не сомневался, что, когда закончатся дебаты баронов, герольды оповестят всех о начале похода. Однако, не успели члены Курии возвратиться с поля, где проходил военный совет, как по лагерю разнеслась весть: остаемся. Некоторые радовались, но большинство воинов недоумевали: мы драться пришли или что?

Настроение у Жослена внезапно испортилось — он, признаться, совершенно растерялся — и, зная, что лучшее средство от хандры, общение с самыми прекрасными, сами благороднейшими животными на свете, с конями, отправился в стан дружины Петры, где находился его Бювьер и одна из кобыл, подаренных ему Графиней в прошлом году. Гюзаль — считалось, что у лошади была арабская кровь, — прибежала тогда в Керак следом за жеребцом, другая так и пропала. Где именно, хозяин мог только гадать, так как после «разговора с дьяволом» и до момента, когда увидел над собой лицо князя, он почти ничего не помнил. И на том спасибо, кобыл он не жалел, рассчитывая сбересть главное — боевого коня.

Поскольку своих слуг, даже оруженосца, Жослен не имел, животные находились под присмотром княжеского конюха Жербо Скопца. Именно его и окликнул рыцарь, подходя к коням, мирно пощипывавшим травку вокруг пригорка, на котором стоял шатер сеньора и палатки его вассалов.

— Эй, ты, коровья задница! — ласково окликнул рыцарь конюха. — Ты где? Не прячься, я вижу тебя! Опять напился, сволочь?

Жербо не отвечал, но Храмовник мог поклясться, что видел его сновавшим между лошадьми. Жослен встревожился, но, обнаружив, что Гюзаль и Бювьер в полном порядке, успокоился — в конце-то концов, что делать конюху рядом с пасущимися животными в лагере, когда на несколько миль вокруг нет ни одного язычника? Он, наверное, у костров с остальными, пьет вино и рассказывает байки или завалился спать, поручив присмотр за конями помощникам. Небось, радуется, что можно расслабиться: не любит подлый народишко воевать во имя Господне, хотя пограбить никто не прочь.

«Этот скот надрался и храпит, как дракон, а я беспокоюсь?! — окончательно убедил себя Храмовник и повернулся, чтобы уходить. — Нет! Дьявол! Тут кто-то есть!»

Услышав, как кто-то чихнул всего в двух или трех туазах от него, он выхватил кинжал:

— Выходи! Хуже будет! Попробуешь сбежать, догону и прирежу на месте.

— Мессир,— раздался в темноте знакомый голос.— Что уж вы так, мессир? Али не узнаете своих?

Холодные отблески мириада мириад звезд июльско-го неба и свет сотен костров вокруг давали возможность видеть все довольно хорошо, но, конечно, далеко не так, как днем. Оттого рыцарю потребовалось какое-то время, чтобы узнать обращавшегося к нему человека.

— Караколь? — удивился Храмовник, опуская кинжал и уже собираясь убрать его в ножны. Однако рука его, словно бы против его воли остановилась.— Ты что тут делаешь? Заблудился? Ваши же дальше стоят? Или...

— О славный бдителный риттер Жоослин,— залопотал бывший оруженосец князя, изображая акцент немца, как бывало любил делать.— Стращный враг салтан Саладин ходить-бродить вокрук. Р-р-р-р! Р-р-р-р! Страшно! Ужасно! Но язичник просчит-тал-лся, христиа-анне могут спать спокойно, когда риттер Жоослин на посту. Он не дремайт, он начеку!

Но Храмовник не собирался веселиться и позволять Караколю обращать все в шутку.

— А ну-ка заткнись! — рявкнул он.— Что тут делал? Отвечай!

Прежде чем шут успел ответить, рыцарь решительно шагнул к нему и... Караколь бросился бежать, но довольно скоро, поскользнувшись на куче навоза, упал навзничь и, ударившись о землю, выронил из рук какую-то шкатулку наподобие той, которую в прошлом году подарила своему гонцу Графиня.

Рыцарь, с грозными окриками устремившийся в погоню, не успел среагировать и, споткнувшись о беглеца, рыбкой растянулся на траве, но кинжала из рук не выпустил.

Бывший оруженосец князя успел подняться, но, вместо того чтобы убежать, принялся шарить по земле в поисках оброненного предмета. Жослен подскочил к Караколю и пнул его в бок тяжелым рыцарским сапогом. Тот охнул и опрокинулся на спину, но перевернулся и снова оказался на четвереньках, однако лишь затем, чтобы вновь отведать удара ноги Храмовника. На сей раз шуту не удалась даже попытка подняться. Противник прыгнул ему на грудь и, упершись в нее

коленом, всем весом придавил к земле. А для того, чтобы убедить Караколя в тщетности надежд освободиться, легко, почти не нажимая, провел лезвием кинжала по горлу.

— Что ты тут делал, собака! Отвечай или прирежу!

— Отпусти!

— Сейчас! Отвечай! — требовал рыцарь. — Решил испортить коней? Что было у тебя в руке?!

— Ничего! Ничего не было! Не убивай меня! — умолял бывший оруженосец.

— Как бы не так, бельмастая скотина! — скаля зубы, прорычал Жослен. — Кто тебя подослал?! Кому ты служишь? Предателям Ибелинам?! Изменнику графу Раймунду?! Саладину?!

В ответ Караколь только лепетал какую-то чушь и просил отпустить его, но Храмовник не собирался поддаваться на уловки врага и, чтобы сделать того откровеннее, полоснул по его бритой щеке кинжалом.

Понимая, что рыцарь не шутит, шут завизжал:

— Нет! Нет! Нет! Не надо! Я все скажу!

— Говори, бельмастая сволочь!

Но из глотки Караколя несло только какое-то бульканье:

— Улу! Улу! Улу!

Жослен понял, что ему придется зарезать бывшего оруженосца господина, и уже почти совсем собрался сделать это, как какая-то мысль точно обухом по голове ударила его:

— Этот тот старик, с которым я видел тебя в Акре в прошлом году в августе?! Тот колдун со смарагдовым перстнем?!

— Он не колдун! — даже и в состоянии близком к сумасшествию, в котором находился отставной шут, он понимал, что за связь с колдуном в такой ситуации уж точно не помилуют — раз колдун — значит, порча. — Он не колдун! Не колдун! Он святой! Святой странник!

— Рогар Трехпалый разберется, кто святой, а кто нет! — пообещал Жослен. — Он соскучился по работе!

Храмовник знал, что говорил.

— Только не это! Только не это! — взмолился бывший оруженосец. — Пощадите, мессир!

Теперь самым важным для Жослена представлялось захватить колдуна.

— Может, и пощажу! Если скажешь мне, где он!

— О-о-о!!! — завыл Караколь. — О-о-о!!!

— Не выть! Отвечать!

— Он пошел...

— Куда?! Я не отстану, дьявол бельмастый! Где колдун?

— У графа...

— У какого графа? — наседал Жослен, требуя ответа уже по привычке, он и так понял, о каком графе шла речь, хотя бы уже потому, что в лагере был всего один граф, поскольку сенешаль по приказу короля уехал в Акру, чтобы лично встретить важных крестоносцев из-за моря, появление которых ожидалось со дня на день. — У изменника Раймунда?

— Да...

— Предатель! Проклятый предатель!.. Эй, что вы делаете?! Обезумели?! — Храмовник едва успел вернуться от занесенной над его головой дубины. Удар, по счастью, получился скользящий и пришелся в защищенное кольчугой плечо — воинственный рыцарь не снимал главной части доспехов со вчерашнего утра. Однако силушкой Бог неожиданного помощника Каракоча не обидел. Жослен отлетел в сторону и упал на траву. Взлетел вверх топор. — Эй ты! Скотина! Свинья богомерзкая!

Считается, что доброе проклятие недурная защита даже от меча — интересно, поможет ли с топором?

— Постой, Пьер! — владелец дубины схватил товарища за рукав. — Это же наш рыцарь! Жослен! Мессир! Мессир! Простите ради Господа! Мы обознались в темноте! Простите, мессир! Поговаривают, в лагере какие-то колдуны наводят порчу на коней, вот мы и пошли...

— Ловите! Ловите его, сукины сыны! — вместо ответа завопил Храмовник, указывая на Каракоча, который, воспользовавшись паникой, что-то схватив с земли, во весь дух помчался прочь. — Не дайте ему уйти! — Конюхи явно не спешили выполнять распоряжение. Пришлось применить самое верное средство: — Это же Бельмастый! Он и есть колдун! Ох хотел отравить лошадей со зла на нашего сеньора!

Большого святотатства, чем попытка причинить вред коню, для человека, который всю жизнь ходит за лошадьми, и представить себе нельзя. Обоих конюхов как ветром сдуло. Спусти несколько мгновений где-то немного в стороне раздалась чьи-то крики и ругательства.

«Упустили, олухи! — в отчаянии заключил Жослен. — Вот шлюхины дети!»

Но он ошибся, Руссель Бельмастый не сумел уйти от резвых парней, однако и Рогар Трехпалый лишился

развлечения на сегодняшний вечер. Караколь слишком быстро удирает, и Пьер из опасения вновь опростоволоситься швырнул в него свой топор. Конюх никак не рассчитывал, что попадет беглецу прямо в голову. Он целил в ноги, но тот, видимо, в самый неподходящий момент поднялся, преодолевая какой-то бугорок. В общем, бывший оруженосец, бывший шут, бывший подручник колдуна теперь сделался... *БЫВШИМ* человеком.

Он погиб и не мог сказать больше, чем сказал, но оставалась шкатулка и упоминание о том, что Улу, или как бы там ни звался колдун с перстнем, зачем-то направился к прихвостню султана язычников графу Раймунду. Зачем? А то не ясно?! Здесь пахло не просто изменой, а... а... Жослен терялся, не находя подходящего определения. Но самое страшное, теперь никто, кроме владельца приметного перстня, не знал ответа на вопрос: «Сколько еще шпионов и диверсантов заслано в лагерь христиан? Но главное, кто эти люди и какие задания они получили?»

Надо ли говорить, что простой рыцарь вроде Жослена, вздумай он призвать к ответу сиятельного предателя, получил бы такую отповедь, что вылетел бы из шатра графа со скоростью стрелы, выпущенной из самого мощного арбалета? Но Храмовник и не думал идти к Раймунду сам, он решил обратиться к своему сеньору и, вскочив на спину Гюзали, поспешил к князю. Солдат у палатки сеньора сказал Жослену, что господин принимает благословение от святой женщины, пожилой монахини, пожелавшей напутствовать христиан накануне испытания.

— Это важно! У меня срочное дело! — рассердился рыцарь. — Поймали шпиона!

— Раз так важно, идите к маршалу Гольтьеру, мессир, — посоветовал стражник. — Господин нарочно велел мне не пускать никого. Так что уж не взыщите.

Если бы не последние слова солдата, Жослен, скорее всего, разозлился бы, но так он подумал, что и правда следовало бы доложить Гольтьеру Дюрусу, маршалу Иерусалима, как-никак он официальное лицо и к тому же первый помощник брата короля — вот пусть и разбирается!

— Верная мысль! Спасибо, что подсказал мне! — похвалил Храмовник стражника и, чтобы срезать дорогу, направился к палатке маршала через расположенные тамплиеров.

Проезжая поблизости от шатра Жерара де Ридфора, Жослен увидел толпу братьев рыцарей и посреди них великого магистра, восседавшего на прекрасной арабской лошади. Он что-то рассказывал рыцарям, которые время от времени смеялись или, напротив, шумно выражали возмущение. Поприветствовав храмовников, озабоченный сделанным открытием рыцарь уже хотел двигаться дальше, как вдруг мэтр Жерар окликнул его:

— Куда это наш друг так спешит на ночь глядя? Без седла и даже без уздечки? Может быть, на лагерь напали сарацины, а мы и не знаем? Поведайте нам, каковы причины, *брат Жослен*?

— Да вот незадача, мессир! — взволнованно воскликнул рыцарь и, подъехав поближе, показал на шкатулку у себя в руке. — Поймали шпиона Саладина, да слуги придавили его сгоряча. А вот это вот осталось. Наверное, какое-то дьявольское зелье. Уверен, мерзавец хотел испортить наших лошадей.

— Что Саладин мерзавец — несомненно, — изображая непонимание, согласился сир Жерар. — Но зачем же вы придавили его? Это вы погорячились! Нельзя так обращаться с королями неверных! Кое-кому из христиан будет одиноко на этом свете без своего дружка язычника!

Рыцари засмеялись, понимая, в какую мишень направил стрелу своего остроумия их предводитель. Жослен улыбнулся из вежливости, но тут же продолжил без тени веселья:

— Мессир! Это очень серьезно! Тот, кто подослал изменника, пошел разговаривать с его сиятельством графом Триполи. Я направлялся к маршалу Гольтьеру...

Ухмылка сползла с лица Жерара де Ридфора.

— Что-что?! — переспросил он. — Что ты сказал?! А ну-ка повтори!

Х

Солдат, охранявший вход в шатер Ренольда де Шатийона, туго знал свое дело и очень правильно поступил, что не пустил к нему посетителя — не след рыцарской мелюзге отвлекать сеньора в столь поздний час, а особенно когда тот общается с людьми Божьими.

Князь, как известно, не слишком-то жаловал подобный народец, но, сам не зная отчего, вероятно из-за

раздражения, вызванного результатами заседания, вернее, их отсутствием, подумал, что ему не повредит немного *успокоить душу*. Подумав таким образом, Ренольд велел стражнику позвать женщину, намереваясь высказать ей наболевшее, а может, даже и исповедаться перед ней, совершенно незнакомым человеком. Однако, едва старица переступила порог палатки сеньора Петры, он понял, что ошибался, так как знает визитершу, и возможно, даже очень хорошо.

— Где я видел вас, святая мать? — спросил он, понимая, что определенно встречал ее много раз. — Вы...

— Мария, мессир, сестра Мария, — проговорила она. — Я служу Господу и услужаю...

Князь поднял руку:

— У тебя важная весть от госпожи?

— В каком-то смысле.

— Что это значит?

— По крайней мере для меня она важная, — пояснила Мария и добавила: — А для вас... как мне знать?

— Выйдите все, — приказал Ренольд слугам и, когда последний из них уходил, окликнул его: — Скажи страже, чтобы никого ко мне не пускали. — Отдав распоряжения, он обратился к монахине: — Говори.

Вместо этого она откинула капюшон, и тут только князь подумал, что никогда прежде не видел лица Марии. В шатре наступила гробовая тишина, даже шум снаружи перестал доноситься под его своды, будто бы он находился не среди десятков шатров и сотен, даже тысяч палаток в огромном лагере христиан, а где-нибудь в безлюдных горах или в пустыне.

— Марго? — произнес князь в сильнейшем изумлении, качая головой, и повторил, все еще отказываясь верить собственным глазам: — Марго? Ты ли это?

— Я, ваше сиятельство, — тихо ответила монахиня. И хотя она поседела, а под глазами во множестве собрались морщинки, лицо ее показалось Ренольду таким же круглым и гладким, как в те давние годы. — Но я давно уже не ношу мирского имени, как, впрочем, не надеваю и мирского платья.

Вновь воцарилась длительная пауза, нарушая которую, сеньор Петры спросил:

— Тебя прислала дама Агнесса?

— Нет, мессир. Простите меня, но я... просто я почувствовала, что час мой близок, и мне захотелось увидеть вас прежде... Прежде чем я умру. Умру, так и не замолив грехов ни своих, ни вашей несчастной суп-

руги, светлой княгини Констанс. Да придут с ней ангелы Господни. Они страдали, очень страдали перед смертью. — Мария перекрестилась и проговорила: — А я обещала уйти от мира, навсегда затвориться и больше никогда не произносить ни слова, не тратить ни унции сил ума и души на мирские заботы. Но ничего не получилось. И теперь дорога Небесная закрыта для меня навеки. Спущусь я вниз под землю на муки вечные... Простите глупую старуху, мессир, простите, что обманула вашего человека и вас, но... что значит еще один грех перед неизбежным наказанием?

— Присядь, Марго, — предложил князь, который, так же как и его гостя, продолжал стоять. — Отдохни немного. Может, желаешь выпить вина или чем-нибудь подкрепиться?

Она покачала головой и осталась на месте, явно не собираясь ни принимать приглашение, ни уходить.

— Ты, верно, пришла не только затем, чтобы увидеть меня?

— Нет, ваше сиятельство, — покачала головой Мария. — Я хотела попросить вас...

— О чем?

Монахиня замаялась, тогда Ренольд, как и полагается хозяину, не желая томить гостью, произнес:

— А давно мы не виделись, Марго? Помнишь старые времена?

— Да, мессир. Двадцать семь лет. Почти двадцать семь лет назад вы ушли в тот поход. О Боже, как у меня тогда ныло сердце, и ее высочество княгиня Констанс не находила себе места. Вестей все не было, а когда они пришли, мы поняли, что лучше бы нам никогда не слышать их. Потом промеж придворными началась настоящая война. Все шло в ход, даже память о вас и ту хотели уничтожить! — Глаза сестры Марии вспыхнули огнем, как мало походила она теперь на смиренную служительницу Божию. — Мы с княгиней все молились и молились за вас, прося у Господа спасти вас, вытащить из неволи. Но Бог не слышал! С юга приехал король Бальдуэн, с севера явились послы базилевса Мануила и предатель князь Торос. Забыл, как молил вас не воевать с ним! Забыл, как император разорял его землю, стал холопом его и рабом. Чуть не за волосы таскал сиятельную княгиню! Выгнали ее в Латтакию, во вдовый удел при живом-то муже!

Ренольд сжал кулаки, не знал он, что воспоминания о столь давно минувших днях смогут так задеть его.

— Долго госпожа моя там не прожила. Стала хворать и умерла, а перед смертью завещала мне месть. Но как я, слабая женщина, безродная служанка, могла отомстить? Но пуще всего велела мне государыня наша беречь Жослена, мальчика, которого я...

— Так это правда? — спросил Ренольд и понял, что на самом деле никогда и не сомневался в этом. Может, потому так и не хотел он заговорить об этом с пажом, которого сам посвятил в рыцари. Не врал, не болтал попусту, уходя в другой мир, верный Тонно.— Но почему же ты...

— Мессир! — взмолилась монахиня.— Если уж позволили мне говорить, так слушайте и не перебивайте. А нет, так лучше прогоните! Ведомо мне, что не увидимся мы больше, и потому хочу, чтобы знали вы правду. По совету командора Тортосы отдала я Жослена в пажи славному рыцарю Бертье, собрату Дома воинов Храма, сама же удалилась от мира в монастырь на горе Елеонской, в обитель Божью, в Святую Вифанию, дабы посвятить себя молитвам. Целых шесть лет я умоляла Господа о помощи, за все это время не прикоснулась к скоромному, ни произнесла ни слова, и потому все, кроме святой матери Иветты, считали меня немой. Все шло своим чередом, пока однажды, уже на седьмом году моего монашества, не пришел черед предстать перед Господом сестре Дезидерии. Многие годы провела она в обители, как и я, замаливая грехи, однако даже и на смертном одре не решалась открыть исповеднику самый тяжкий из них, ибо в молодости зналась с самим дьяволом. Страшась ада, она доверила тайну мне, полагая, что я никогда не смогу никому рассказать о ней...

Монахиня сделала маленькую паузу лишь для того, чтобы перевести дыхание, и заговорила вновь:

— Сестра Дезидерия рассказала, что в юные годы, когда жила в Провансе, стала участницей сатанинских игрищ и треб. Целые деревни в то время поклонялись там не Христу, а демонам. Церкви пустовали, потому что никто не мог найти для них священников, те же отцы, которые отваживались отправиться туда с именем Господним, пропадали в лесах, гибли в болотах, даже если двигались в сопровождении солдат. Стоило им сделать привал в лесу или около него, как начинались странные вещи: то глубокий беспробудный сон охватывал людей, то, напротив, начинали они грезить наяву и разбегались в страхе перед огнедышащими демонами и ужасными чудовищами. Только один отец

Альберт не оставил прихода, но вовсе не из-за святости своей, ведь он и был главным слугой сатаны в тех местах. Приспешники нечистого ничего не боялись, зная, что солдаты и священники никогда не пройдут через заколдованные чаши. Между тем Альберт тот имел одну нужду. Он мечтал найти святой сосуд, в который собрали кровь висевшего на кресте Иисуса...

— Зачем дьяволу священная чаша? — не сдержался удивленный князь и предположил: — Может статья, он хотел навредить христианам?

— Верно, мессир, — закивала монахиня, — но не только из-за этого. Из страха, как бы рыцарь в белых одеждах и с чистым сердцем, не запятанным никаким грехом, не нашел его раньше, ибо только тот, у кого оказался бы этот сосуд, смог бы противустать оборотню. Страшась кары за свои деяния, Альберт каждый год отправлял какого-нибудь юношу в Святую Землю, дабы они искали Чашу Грейль, так называется кубок, однако они не возвращались, гибли¹⁰⁶. И вот однажды очередь дошла до возлюбленного Дезидерии. Но он не хотел исполнять волю колдуна. Тогда они вдвоем тайно бежали в Святую Землю и поклялись, что найдут Чашу Грейль и с ее помощью погубят колдуна. Но, видно, Альберт что-то пронюхал и наложил на возлюбленного Дезидерии заклятие, потому что, сколько они ни искали священный кубок, так и не нашли его, хотя и долго скитались повсюду. Дезидерия вне брака родила мальчика, который скончался в страшных корчах. Его смерть открыла глаза матери. Как сама она сказала, Всевышний явил ей тем, что в сердце ее избранника не было места добру. Так она и ее возлюбленный расстались, но на прощанье он бросил ей в злобе страшные слова: «Господа нет, он умер или спит! Так или иначе ему нет дела до людей! Потому я отвергаю Небо! Я сам буду Богом! Вернее, его частью, той, что всегда творит зло и именуется глупцами сатаной. Я буду обманывать и дурачить глупых людишек! А ты, жалкая праведница, придешь ко мне в трудный час и попросишь меня о помощи!» Сестра Дезидерия поклялась, что никогда не придет к нему, как бы худо ни стало ей. Она спряталась от дьявола в святой обители и сдержала слово. Прошло много лет, прежде чем до сестры Дезидерии дошел слух об отшельнике гор, и она, сразу же поняв, кто это, устранилась, поняв, что сатана, вселившийся в возлюбленного дней ее молодости, начал творить зло. Она молилась Господу, но тот не слышал ее. Она сделала

все, что могла, дабы отомолить грехи свои, я же преступила запреты, вмешалась в отправление воли Всевышнего и буду гореть в аду. Но я не жалею! — с вызовом воскликнула Мария. — Как я должна была поступить, если Бог оставался глух к моим мольбам? Даже и Богородица не отвечала мне! Ведь едва успели мы отпеть сестру нашу, как пришла ко мне весть, что Жослен в плену. Могла ли я смириться с тем, что Господь вознамерился забрать у меня все? Нет. И вот, решив, что настал для меня самый трудный час, я отправилась к отшельнику, чтобы попросить его выручить из беды моего сына и его отца. Разве не случилось этого? Скажете, не было чуда? Не пали оковы с запястий ваших?!

— Ты — великая грешница, Марго, — тихо, с теплотой произнес Ренольд. — А Жослен... что ж, я всегда считал, что он заслуживал лучшей участи. Не поздно еще исправить ошибку!

Князь вознамерился уже крикнуть слугу.

— Постойте, ваше сиятельство, — попросила монахиня, коснувшись его руки. — Не зовите Жослена. Я не хочу, чтобы он знал, кто его мать. На что я ему? Достаточно, что вы теперь все знаете. Вы и так были очень добры к нему, я пришла просить...

Ренольд не скрывал удивления:

— О чем же тогда?

— Прогоните его теперь, мессир!

— Ты не в себе, Марго? — нахмурился князь. — Ты, верно, устала? Ведь я просил тебя присесть. Напрасно ты отказалась.

Они стояли теперь совсем близко. Ренольду показалось, что монахиня покачнулась, и он, поспешив подхватить ее под локти, привлек к себе.

— отошлите его в Иерусалим, в Керак, куда-нибудь еще... — прошептала Мария. — Только не оставляйте здесь теперь. Не оставляйте, мессир! Я знаю, он проклянет меня, если вы скажете ему, о чем я просила вас, но... Надвигается страшная гроза. Будет битва. Страшная сеча, которой еще не бывало прежде у латинян с язычниками.

Ренольд погладил женщину по плечу, такому же круглому, как и в давние годы.

— Успокойся, Марго, какая битва? О чем ты говоришь? Мы с баронами только что до хрипоты спорили, аж глотки посрывали, и все для того, чтобы порешить остаться здесь на три дня. На три дня? На неделю? Я уже начинаю подумывать, что не доживу до хорошей сечи.

— Ну что ж, мессир, вам лучше знать, но умоляю вас, не давайте ему соваться в самое пекло. Вы — знатный сеньор и опытный воин, неверные не смогут вам ничего сделать, а он... ходит и гордится тем, что лишился глаза! Не понимает, что сегодня — глаз, завтра — голова! Обещайте мне, ваше сиятельство, во имя памяти покойной госпожи моей, вашей супруги.

Князь усмехнулся.

— Это мне пообещать легко, — проговорил он и улыбнулся одними губами. — Если только ты не говоришь о полуденном зное. Тут я ничего не могу поделать, разве только послать его во Францию или куда-нибудь дальше, в Англию например? — Внезапно посерьезнев, он добавил: — Ладно, если дойдет дело до похода, в чем лично я очень сомневаюсь, обещаю тебе отослать его в Керак.

— Спасибо, мессир. Благослови вас Господь. Я буду молиться за вас и за Жослена.

Она хотела еще что-то сказать, но не успела, снаружи раздались резкие, показавшиеся даже пронзительными, звуки труб герольдов.

— Постой, Марго, — произнес Ренольд, мягко отстраняя от себя гостью. — Должно быть, случилось, что-то важное.

* * *

Они расстались, так толком и не поговорив.

Не прошло и четверти часа, как явился посланник от короля — с рассветом войску предстояло выступить в поход на выручку осажденным в Тивериаде дамам. Такому решению все были обязаны прежде всего двум обстоятельствам: неожиданному столкновению Каракола и Жослена Храмовника и последовавшей за этим встрече все того же Жослена с Жераром де Ридфором.

Выслушав рассказ молодого рыцаря, великий магистр тамплиеров немедленно пришел в состояние горячего возбуждения. Он принялся потирать руки, повторяя одну и ту же фразу: «Ну, что я говорил? Ну, что я говорил?! Изволили не верить, господа?! Теперь нате вот, убедитесь сами!» Он стал созывать людей и скоро, прихватив с собой Жослена, в сопровождении нескольких храмовников и иоаннитов, а также священнослужителей и рыцарей барона Балиана Ибелина, палатки которых находились поблизости, организовал настоящую делегацию к графу Раймунду и потребовал от него выдачи шпиона язычников.

Граф, как нетрудно предположить, заявил, будто знать не знает ни про какого шпиона и требует покинуть пределы расположения его дружины. Хотя сеньор Триполи и Галилеи возмущался совершенно искренне, все же многие, и не только тамплиеры, но даже и рыцари из Наплуза, усомнились в правдивости его слов.

Никто не решился потребовать от Раймунда впустить делегацию в шатер, но и сам хозяин сразу не предложил им войти, дабы тут же очиститься от подозрений. Когда же он наконец со всей надменностью, на которую только оказался способен, заявил: «Извольте, господа. Войдите в мой шатер и общитесь с ним, если вам угодно», — не оставалось уже решительно никакого смысла делать это, поскольку тот, кто прятался там, получил достаточно времени, чтобы сбежать.

Главу ордена Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломона нулевой результат удовлетворить, разумеется, не мог. Он вместе с братьями и Жосленом прошествовал к шатру Гвидо де Лузиньяна и попросил его о личной встрече. Король удивился, но согласился принять магистра. Когда по просьбе Жерара все покинули королевские покои, он, велел Жослену вкратце пересказать всю историю встречи с отравителем коней, заявил:

— Вот видите, сир? Я же говорил, что граф Раймунд — изменник? Получается, что вы поверили предателю!

— Но что же делать, мессир? — в ужасе воскликнул молодой монарх. — Беда в том, что вы уже не первый, кто докладывает мне про шпионов и колдунов, подосланных Саладином. Накануне заседания маршал Гольран известил меня о том, что наемники-датчане поймали ведьму, подосланную неверными. Она наложила заклятие на их коней, так что те теперь отказываются пить. Рыцари решили сжечь колдунью, но, представьте себе, огонь не причинил ей вреда. Пришлось им отрубить ей голову секирой.

— И после этого вы еще спрашиваете, государь? — становясь в позу заправского оратора, спросил Жерар. — Ответ может быть только один — делать то, чего так опасается изменник!

— Но мы же уже решили? — неуверенно проговорил король. — И потом... я ни за что не поверю, что граф способен на такое. Портить коней — это уж слишком, согласитесь.

— Ваше величество! — не сдавался великий магистр тамплиеров, решив пропустить вопрос Гюи мимо

ушей.— Еще и года не прошло, как вы стали королем. Вы, наверное, первый правитель Святой Земли, которому удалось собрать такую огромную армию в первые месяцы своего правления. И что же? Все напрасно? Что до меня, так я просто ума не приложу, что мне отвечать королю Англии, когда он приедет сюда и спросит меня, куда братья рыцари потратили его денежки? Сто с лишним тысяч полновесных золотых!

— Но... мы же снарядили армию...— протянул Гвидо.

— Армию, которая только и делает, что ест и пьет, и совсем не собирается воевать? Едва ли, государь, кто-нибудь из христианских монархов Европы останется доволен, если его средства употребят с такой же пользой для дела христиан.

— М-м-м...

Видя, что несмотря ни на что, король колеблется, магистр зашел с другой стороны.

— До Тивериады всего каких-нибудь шесть лье,— произнес он.— Неужели мы, христианские рыцари, позволим язычникам обесчестить благородных дам, беззащитных женщин, которые со слезами на глазах молят нас о помощи? Я говорю — мы, хотя храмовники — монахи и им не пристало думать о женщинах, но разве сердце мужчины может остаться глухим к рыданиям тех, кому не на кого больше надеяться? Клянусь вам, тамплиеры скорее откажутся от службы Дому и продадут свои плащи, чем по собственной воле предадут на погибель христиан!

— Но... мессир,— попытался возразить Гюи,— ведь в Тивериаде жена графа? Если уж он сам...

— У предателей нет сердца, сир! — с пафосом произнес Жерар.— Только представьте себе, ваше величество, если бы королева умоляла вас о помощи? Могли ли бы вы остаться на месте?!

— Конечно, нет! — взвился король.— О чем вы говорите, мессир?

— Вот видите, государь?!

— Так что же делать? — вновь спросил Гюи, обращаясь теперь отчего-то к Жослену, о котором все забыли, но который, не получив приказа удалиться, все время, пока шел разговор, находился рядом.

Для полного счастья в тот вечер, а точнее уже ночь, спутнику магистра не хватало только подать какой-нибудь мудрый совет королю Иерусалимскому.

— Сир? Вы меня спрашиваете?

— Н-ну да...— окинув рыцаря рассеянным взглядом, отозвался Гвидо.— Вас. А кого же еще? Вас и... и мэтра Жерара.

— А-а-а... а я согласен,— поспешил отделаться от участия в принятии решения государственной важности Жослен Меченый.

Поступок его вполне понятен и легко объясним, но в следующее мгновение и король произнес то же самое.

— Собственно говоря, и я тоже,— сказал он и добавил: — Почему бы нет?

Лучше бы он принял это решение сразу. Хотя после окончания военного совета и до того судьбоносного момента, когда в лагере христиан раздались звуки труб герольдов, прошло не более часа или полутора, недоумение и раздражение охватило солдат, даже некоторых из тех, кто еще совсем недавно высказывал недовольство по поводу решения короля и баронов остаться в Сефории,— никто ведь не любит, когда у командиров по семь пятниц на неделе.

Получилось, что почти не спали и собирались впопыхах. Кто-то повел коней в ночное, другие решили, что спешить не стоит и лучше поить и вываживать лошадей с утра — авось король опять передумает, что ж зря горячку-то пороть? Кто-то что-то забывал, кто-то дурью орал на него за это или даже колотил чем ни попадя. В общем, суматоха творилась неимоверная, пожалуй, даже большая, чем всегда, или так лишь казалось Жослену, никогда еще не бывавшему на такой большой войне?

Впрочем, он едва не лишился возможности участвовать в походе и чуть не уехал не солоно хлебавши; сеньору вдруг взбрело в голову отправить его с поручением в Керак. Однако впервые в жизни рыцарь проявил не то что строптивость, а самое настоящее непослушание. Он даже бросил в лицо господину слова, о которых жалел потом до конца жизни.

— Помните, мессир,— начал он,— тогда в Алеппо, когда мы с вами сидели в подземелье башни? Я тогда сказал, что вижу по вашей руке, что нам предстоит провести с вами тринадцать лет? Так вот, они истекли, потому что тогда, когда я говорил вам об этом, тоже был пятый день от июльских нон!¹⁰⁷ Я желаю оставить службу, ибо собираюсь стать тамплиером. Хотел, как полагается, попросить вашего благословения, но... но... раз вы так!

В глазах его стояли слезы обиды — человек, которому он верил больше всех на свете, которого считал своим отцом, вне зависимости от того, являлся он таковым или нет, сеньор, за которого был готов пожертвовать жизнью, отсылал его с депешей к даме Этьени, как будто не нашлось у него какого-нибудь туркопула или сержана?! И ведь главное, в какой момент?! Когда великое христианское воинство поднялось наконец, чтобы положить конец бесчинствам язычников в землях, по которым ступала нога Спасителя! Большой подлости и коварства и придумать бы никто не мог! Жослен задыхался от возмущения и ненавидел себя за собственную слабость — еще не хватало разреветься тут, как, говорят, сделал на военном совете Рауль Галилейский! Если уж письмо такое важное, что его можно доверить только рыцарю, послали бы что ли Онфруа, тот бы с радостью ускакал отсюда к своей ненаглядной принцессе.

Впрочем, даже находясь в состоянии сильнейшего волнения, Жослен все равно понимал — наследник Петры несчастен куда больше, чем он, потому что для Храмовника выход существовал, а для Онфруа — нет. Хотел он того или нет, ему все равно пришлось бы оставаться тут.

— Ступай, не держу, — сказал князь, как показалось рыцарю, с одобрением, и прибавил: — Что стоишь? Ты свободен.

И Жослен ушел.

Выслушав просьбу молодого рыцаря, гранмэтр Жерар позвал новых товарищей, заменивших храбрецов, которые сложили головы у ключей Крессона; затем отдал какое-то распоряжение слуге-сарацину и, когда тот, поклонившись, удалился, произнес:

— Я бы предпочел устроить твоё торжественное посвящение в члены Дома после боя прямо на поле, среди трупов врагов и, как и полагается, при полном собрании капитула, но... сейчас момент особый, мы выступаем в поход. Как знать, какова воля Господа? Может статься, он судил тебе, как и каждому рыцарю, с честью пасть в сражении за Святой Крест Господень? Ты сражался как рыцарь Христа и потому имеешь право умереть, нося на плечах плащ с красным восьмиконечным крестом. Итак, приступим. Поклянись братьям в том, что ты по роду рыцарь?

Жослен с удивлением уставился на магистра, взявшего на себя роль прецептора.

— Мы знаем, что ты рыцарь,— пояснил тот с некоторым недовольством,— но таковы правила. Мы спросим тебя трижды и перейдем к следующему вопросу не ранее, чем трижды услышим четкий ответ. Ну же.

Кандидат в члены Дома Храма исполнил повеление. Жерар удовлетворенно кивнул:

— Замечательно. Продолжим.

Процедура требовала, чтобы вступающий в орден клятвенно подтвердил, что он законнорожденный и не состоит в браке, что находится в добром здравии и не обременен долгами, исповедует католическую веру, не находится под действием церковного отлучения и, кроме того, не является членом какого-нибудь другого братства. Каждый вопрос, как и первый, прецептор задавал трижды, и принимаемый отвечал. Потом один из товарищей главы ордена подсказал кандидату, чтобы тот униженно попросил у Жерара воды и хлеба.

— Крепко подумай, рыцарь, прежде, чем принять решение,— сурово глядя на Жослена, проговорил магистр.— Знай же, ты должен будешь отринуть собственные желанья и полностью подчинить себя чужой воле. Ты должен будешь поститься, когда захочешь есть, бодрствовать, когда захочешь спать, терпеть жажду, когда захочешь пить. Сможешь ли ты соблюдать эти условия, дорогой наш брат, не потому ль ты хочешь вступить в нашу общину, что прежде наблюдал только лишь внешнюю сторону нашей жизни? Ты видел лишь, что мы ездим на добрых лошадях, носим дорогие доспехи, хорошо питаемся и имеем справную одежду, не решил ли ты, что вся жизнь наша — сплошное удовольствие? Не получится ли так, что ты обнаружишь, что подчиняться чужой воле, отказавшись от своей, весьма обременительно для тебя? Еще раз предупреждаю тебя, когда пожелаешь ты остаться в этой стране, тебя могут отправить за море; когда захочешь быть в Иерусалиме, тебя пошлют в Триполи, или в Антиохию, или в Армению, или в Апулию, или в Сицилию, или в Ломбардию, или во Францию, или в Бургундию, или в Англию. Поклянись ли ты теперь именем Господа нашего и Святой Богородицы, что всегда будешь выполнять указания магистра Храма и всех тех, кто поставлен над тобою?

— Да, государь мой, если то угодно Господу,— произнес одними губами товарищ Жерара, и Жослен слово в слово повторил сказанное.

Магистр предупредил рыцаря о том, что теперь его оружие рыцаря и боевой конь должны будут всегда находиться при нем, и спросил:

— Клянешься ли ты всегда и везде без усталости сражаться с неверными?

— Да.

— Знай же, что рыцарь Христа не может развернуть коня и самовольно покинуть поле битвы. Не может без приказа сдать крепость, отдать или уступить за плату что-либо из имущества братии врагу. Где бы он ни находился, член Дома Храма не имеет права оставить без помощи христианина. Ну и, конечно, тебе придется забыть об удовольствиях и не только о плотских утехах в обществе женщин, тебе нельзя будет также принимать ванну, пользоваться лекарствами, делать себе кровопускание и без разрешения начальника отлучаться с территории общины в город.

Жерар де Ридфор говорил довольно долго, а кандидат, точно во сне, повторял одно лишь да. Да, да, да, да, да...

Наконец процедура подошла к концу, хотя, как позже обнаружил Жослен, прецептор здорово сократил ее ввиду остроты момента. Что ж, если уж ничего нельзя, то и на том спасибо.

— Теперь во имя Господа, Богородицы и Святой католической Церкви, во имя отца нашего, апостолика римского, всего братства Храма, мы принимаем тебя в нашу общину, дабы ты разделил наш общий подвиг во имя Божье,— возвестил Жерар де Ридфор и закончил: — Прими же и ты нас как участников тех добрых дел, которые ты уже совершил или совершишь в будущем. Мы обещаем тебе хлеб и воду, а также скромные одежды члена нашего братства и вместе с тем лишения и каждодневный труд.

Товарищ магистра помог новоиспеченному брату подняться, и все четверо расцеловались. В какой-то момент — рыцарь по прозвищу Храмовник, ставший настоящим храмовником, даже и не понял, в какой точно,— на плечи ему накинули принесенный слугой белый плащ с кроваво-красным крестом.

— Приветствуем тебя, брат Жослен ле Балафре.— произнес Жерар, и оба его товарища повторили:

— Приветствуем тебя, брат.

— Приветствуем...

Брат!

Едва солнце встало над Галилейских горами, тамплиер Жослен ле Балафре, сняв шлем, сбросив кольчужный капюшон и обмотав голову белым кеффе, верхом на Гюзали занял место в арьергардных колоннах войска Иерусалимского короля. Там же, согласно принятому накануне решению, находились госпитальеры и отряды из Заиорданья, а также дружина барона Наплуза.

Центром войска командовал сам король и его брат, коннетабль Аморик. Авангард, как и полагалось по закону, вел хозяин той местности, по которой проходило войско.

Если душа новоиспеченного храмовника пела и сердце, казалось, было готово выпрыгнуть из груди, то предводитель передовых отрядов христианского войска отправился в поход мрачнее тучи.

Получив приказ к выступлению, граф буквально застонал от злости и досады. Более всего он не желал допустить столкновения с Салах ед-Дином именно теперь. Пусть потом, через год, пусть даже через несколько месяцев, но не нынче, несмотря на то, и даже в какой-то степени потому, что султан так подло обманул его. Правитель Триполи и Галилеи хотел, чтобы все забыли про... про его предательство.

Предательство.

Да, безумец Жерар сам атаковал мамелюков, сам стал причиной гибели христиан, но все же... в глазах большинства он выглядел героем — не пожалел отдать жизнь за святое дело, — ведь магистр получил раны. А то, что Господь пощадил его в сече, не дал погибнуть, лишь подчеркивало правоту деяний фанатика. Все, казалось, оборачивалось против графа Триполи. Как хорошо, как славно было бы, если бы бароны, оставив ревность, согласились бы сделать его своим королем? Так нет же! Не пожелали!

Мерзкий ренегат Улу! О если бы он попался под руку Раймунду два месяца назад?! Граф считал, что никогда не увидит гнусного изменника, посмевшего вести с ним столь бесчестную игру. И что же? После всего, что случилось, он вернулся, пришел, когда пожелал... его хозяин. Хозяин? Так ли?

Старик со смарагдовым перстнем появился как раз после заседания Курии, где, несмотря на откровенные

насмешки магистра Храма и яркую речь Ренольда де Шатийона, вызвавшую горячую поддержку, особенно в рядах наемников и смутьянов, благоразумные доводы триполитанца возымели все же должное действие на рыцарей. Граф хотел сразу приказать страже вышвырнуть Улу вон или даже немедленно зарезать его, но, исполненный благодушия после своей победы на военном совете, передумал, решив, что всегда успеет разделаться со шпионом. Тот, словно ничего и не подозревая о намерениях графа, сказал, что султан хочет решительного сражения, и нужно, чтобы франки вышли из Сефории и пошли к Тивериаде северной дорогой. «Я только что сделал все, чтобы этого не случилось,— глядя в глаза посланцу Салах ед-Дина, усмехнулся Раймунд.— А теперь вон отсюда, или ты предпочитаешь, чтобы тебе перерезали глотку?» Слово бы и не слышав ни гневной отповеди, ни откровенных угроз, Улу продолжал: «Султан велел... велел передать вам, мессир, что, если вы поможете ему, он поможет вам. А если Всевышний также поможет султану и он разобьет франков, повелитель всего Востока обещает, несмотря ни на что, придерживаться расторгнутого вами мирного договора. Великий владыка правоверных понимает, что заставило вас поступить таким образом, и не гневается на вас. Он клянется вам, что не станет трогать ваших земель не только в Триполи, но также и в Галилее». Граф ненадолго задумался, но ответить так и не успел, поскольку пришел Жерар де Ридфор с очередным обвинением в предательстве. Улу пришлось скрыться, и больше он не появлялся.

Когда прозвучал приказ выступать, первое, что сделал Раймунд, отправил в Кафр-Севт нескольких из вернейших галилеян под командованием Бальдуэна де Фотина, Рауля Бруктуса и Левкиуса Тивериадского, велел им сказать, что пожелание султана выполнено, а значит, условие тайного соглашения, предложенного Улу от имени господина, соблюдены.

* * *

Утро выдалось жарким из жарких — ни облачка на синем-синем небе, ни малейшего дуновения ветерка. Благодаря посольству Бальдуэна, Рауля и Левкиуса Салах ед-Дин еще до наступления утра из вернейшего источника узнал о предстоящем походе христианской

армии. Ни один шпион, даже Улу, не мог бы оказать султану большей услуги, чем граф Раймунд. Немедленно, еще до рассвета, повелитель Востока отправил на север отряды конных лучников, а вскоре после этого, сотворив утреннюю молитву, сам со всем войском выступил из Кафр-Севта.

Любой, кто даст себе труд посмотреть на карту, увидит, что расстояние, отделяющее лагерь султана Египта и Сирии от осажденной его отрядами Тивериады, примерно раза в два с половиной меньше, чем то, которое предстояло преодолеть франкам. Задолго до того, как они покрыли хотя бы половину пути, сарацины уже разбили лагерь поблизости от деревни Хаттин, как раз на дороге, по которой теперь неминуемо пришлось бы пройти латинянам, чтобы достигнуть Тивериады. Но самое важное — стоянка их находилась в единственной точке в округе, где можно было найти воду и корм для скота.

Впрочем, христиане и их вожди еще ни о чем таком даже и не думали. Им и без того хватало забот. Поскольку пехота еле тащилась, вся армия двигалась катострофически медленно, турки же, действовавшие в своей обычной манере, наскакивали, осыпали войско стрелами и мгновенного исчезали. Они особенно не целились, но все равно, хоть куда-нибудь да попадали, убивая если не людей, защищенных кольчугами и гамбезонами, прикрывавшихся щитами, прятавших головы под металлом шлемов, то коней и вьючных животных, тащивших на спинах кроме прочей поклажи самый главный капитал войска — воду. Иногда стрелы просто дырявили всевозможные емкости и драгоценная влага из них проливалась на землю.

Но, что хуже всего, примерно в десятом часу дня, когда перевалившее за полдень солнце палило особенно яростно и до Тивериады оставалась примерно полпути — около десяти миль; птице, летящей по прямой, пришлось бы покрыть расстояние всего в шесть, — неожиданно взбунтовались лошади некоторых из тамплиеров и братьев рыцарей ордена святого Иоанна. Кони становились на дыбы, ржали, били копытами, стараясь сбросить седоков, и некоторым это удавалось.

Вскоре ко всеобщему лошадиному безумству присоединились также кони какой-то части дружинников князя Ренольда — по счастью, весьма небольшой. Казалось, буйство вот-вот охватит коней во всей армии. Но этого не произошло, однако же, движение арьергарда замед-

лилось и вскоре прекратилось вовсе. Великому магистру Храма пришлось отрядить гонца к королю, дабы сообщить ему, что кони братьев не могут идти дальше. Надо ли удивляться, что такого рода миссию Жерар де Ридфор поручил новому члену ордена, напутствовав его примерно так: «Ты у нас теперь, почитай, приятель его величества. Тебе и вожжи в руки, брат Жослен!»

Нельзя сказать, что кони храмовников выбрали самый подходящий момент для своих фокусов. В центре колонны только что произошел весьма неприятный инцидент: один из оруженосцев самого короля Гвидо увидел орла, парившего в небе над армией. Птица несла в своих когтях семь стрел и, пролетая над головой его величества, прокричала: «Горе! Горе граду Иерусалимскому!» Никто более из окружения правителя Иерусалима никакого орла не видел и, конечно же, не слышал ни одного из «сказанных им» слов; однако никому не пришло в голову, что ескьюер просто-напросто спятил от жары, многие решили, что Господь избрал оруженосца, дабы продемонстрировать ему свою волю. «Горе! Горе граду Иерусалимскому! — в суеверном страхе шептали сержанты и наемники-пехотинцы. — Горе! Горе граду Святому и нам несчастным горе! Господь отвернулся от нас!»

И вот не успели маршал Гольтьер и коннетабль Аморик навести порядок в колонне, как явился с вестью представитель храмовников.

Нетрудно понять, Жослен оказался не единственным, кого отрядили к Гюи с вопросами. Когда произошла остановка — далеко не первая за текущий день, — часть баронов, желая выяснить причины, послала к сюзерену гонцов, другие отправились к нему лично, в том числе и граф Триполийский, который прискакал в центр колонны собственной персоной.

— Что случилось, ваше величество? — воскликнул он с раздражением. — Нам надлежало достигнуть этого места не позднее полудня. И что же? Уже вечер близится! Так мы не доберемся к озеру и до темноты! Надо немедленно двигаться!

— Тамплиеры и рыцари-иоанниты не могут продолжать путь, мессир, — ответил король с некоторым упреком. — Их коней охватило странное безумие.

— Надо думать, оно перекинулось на животных от магистра Жерара, — процедил сквозь зубы еле слышно Раймунд.

Жослен каким-то образом расслышал эти слова — вероятно, их донесло до него легкое дуновение ветер-

ка — воздушная стихия одна решила хоть немного пожалеть франков и время от времени обдувала их лица, опаленные прямыми лучами безжалостного солнца.

— Оно перекинулось на них от человека, который *специально* наводил порчу на лошадей! — закричал Ле Балафре, забывая о разнице в положении своем и графа. Принадлежность к великому Дому Храма придавала молодому человеку смелости. — Мы чуть не схватили его. К сожалению, тот мерзавец погиб, и мы никогда не узнаем, где побывал он со своим дьявольским порошком! Возможно, именно он испортил коней братьев рыцарей! Или же он имел помощников, которые и совершили это гнусное деяние. Точно неизвестно, зато прекрасно известно другое подослал его некий Улу! Старик с перстнем, в который вделан очень большой и чистый смарагд! Перед тем, как погибнуть, вредитель успел признаться в том, что его хозяин направился в шатер графа Раймунда! К чему бы это?

— Кто ты такой, чтобы бросать мне обвинения?! — взвился властитель Триполи и Галилеи. — Как ты смеешь, мальчишка?!

Жослен будто окаменел. Он понимал, что произносит какие-то слова, но они звучали как будто бы сами по себе, точно рождаясь где-то снаружи, и лишь потом возвращались в его сознание, словно сказанные кем-то другим, кем-то, кому было вполне по чину дерзко разговаривать со столь значительными особами.

— А разве кто-то бросил вам хоть одно обвинение, мессир? — спросил молодой рыцарь с обескураживающим спокойствием. — Вы сами выдаете себя своим замешательством. Вы — предатель. Если я говорю неправду, бейтесь со мной в честном поединке или, если ваше сиятельство находит солдата Дома недостойным того, чтобы самому скрестить с ним оружие, выставьте бойца, и по воле Божьей я убью его. Убью, потому что со мной Господь, ибо я сказал истину!

Едва Жослен закончил свою речь, как десятки людей с жаром заговорили разом, стараясь перекричать друг друга. Одни держали сторону молодого рыцаря, другие, напротив, возмущались его бесстыдством. Наконец Гюи не выдержал, наклонился и что-то шепнул брату, находившемуся рядом. Коннетабль Аморик, набрав в легкие побольше воздуха, закричал:

— Тихо, господа! Дайте сказать королю!

Когда все умолкли, правитель Иерусалимский поднял руку и, обращаясь к графу, произнес:

— Ни слова больше, мессир! Я не позволяю вам ответить на обвинение. Никаких разговорах о поединках! Никаких! И ни единого упоминания о чем бы то ни было предательстве! Сегодня предатель тот, кто забывает, где мы! Для чего мы здесь! В чем наша задача!

Гюи картинно вскинул руку и обвел взглядом баронов и рыцарей. Те закивали, а коннетабль тихо, так, чтобы не слышал никто из собравшихся, но достаточно громко, для чтобы сказанное им достигло ушей короля, прошептал:

— Прекрасная речь, братец, но бесполезная.

— Почему?

— Потому что надо что-то решать.

— С ними? — не скрывая удивления, спросил Гюи, имея в виду, конечно, конфликт между Ле Балафре и графом. Королю казалось, что как раз тут-то он все уже решил. Но брат с детства умел испортить ему настроение.

— С нами, — без тени почтения ответил Аморик. — Нельзя же просто так стоять на месте!

— Что вы предлагаете?

— Надо прорываться к воде, — не задумываясь, ответил коннетабль и, поскольку к их диалогу с нескрываемым вниманием прислушивались и остальные, добавил: — Государь.

Едва сир Аморик произнес эти слова, как большинство баронов принялось выражать ему всяческую поддержку. Гвидо слушал со вниманием, а когда советчики угомонились, спросил их:

— А что же делать с тамплиерами и остальными, чьи лошади не могут идти дальше? Скажите мне, господа, прошу вас?

— Пусть те, у кого кони ослабли, спешиваются, — предложил кто-то.

Его поддержали, но уже не так единодушно, а король вновь задал вопрос, обращаясь к тому, кто высказал предложение:

— А если ослабнет конь под вами, мессир? Или под вашим товарищем? Или под вашим сюзереном? Или подо мной, вашим королем? Как вы поступите в этом случае? Не отвечайте, мессир. Я вижу по вашим глазам. Так вот, господа, я предпочитаю спешиться сам. Ежели вам угодно, я отдам приказ прорываться и лично с копьём наперевес возглавлю тех, у кого по воле Господа пришли в негодность кони.

— Но государь?! — воскликнул Раймунд Триполийский. — Нам нельзя останавливаться!

— Моим людям, мессир, нужен отдых, — проговорил Гюи, — они измотаны. На сегодня мы прошли достаточно. Поскольку вы наш проводник, наши глаза, я прошу вас, выберите подходящее место для стоянки.

— Это приказ, сир?

— Да, ваше сиятельство.

— О Боже! — с болью в голосе закричал граф. — Господи ты мой Иисусе Христе! Война окончена! Мы — покойники! Королевства больше нет!

Люди притихли, пораженные речью Раймунда, и только кони, негромко, видимо чувствуя всю важность момента, всхрапывали и прядали ушами.

Тишину нарушил король.

— Давайте, мессир, сделаем все возможное, чтобы ваши мрачные пророчества не оправдались, — произнес он с достоинством и, гордо вскинув подбородок, обвел взглядом баронов. — Благодарю вас, граф, — закончил он, давая понять, что решение принято и разговор окончен.

— Слушаюсь, государь, — еле слышно ответил Раймунд.

XII

Нет, не трудно понять принцессу Сибиллу! Какая женщина из живших в последней четверти двенадцатого столетия смогла бы устоять перед таким кавалером? Королева была права, ее Гюи был самым настоящим рыцарем, в том смысле, в котором понятие это окончательно вошло в обиход немного позже.

Между тем, невзирая на всю рыцарственность, едва ли приходится рассчитывать на то, что младший из потомков женщины-змеи Мелюзины умел мыслить диалектически. Гвидо де Лузиньян, несомненно, не знал постулата о том, что все живое, прекратив свой рост (иными словами движение) и остановившись, начинает рано или поздно увядать.

Армия королевства Иерусалимского, как и любая армия, представляла собой некий живой организм; остановившись до времени, она стала разлагаться, и виною тому служило солнце и... бездействие. На марше люди шли, преодолевая жару, изнывая под тяжестью доспехов, моля Бога о спасении под градом сарацинских стрел. Если бы добросердечный и благородный король повел солдат на прорыв, они забыли бы о тяго-

тах и лишениях, с оружием в руках прокладывая себе путь к озеру, к спасительной влаге, от отсутствия которой страдали многие, особенно пехотинцы, которые не имели такого количества вьючных животных, как рыцари. К тому же последние сидели в седлах и, конечно, уставали куда меньше.

Остановившись, воины начали искать возможности утолить жажду и подкрепить силы. Еды у них хватало, но... сухая пища без воды не лезла в глотку, а единственный колодец возле деревни Марескаллия, где по совету графа Раймунда христиане устроили стоянку, оказался пересохшим. Бездействие лишь усиливало отчаяние.

Скажите-ка на милость, что это за отдых, если нет костра, на котором в котелке варится похлебка? Что за ночевка без доброго глотка вина и неторопливой беседы на сон грядущий? Какое вино, если все мысли только о воде? Какая беседа, если губы пересохли и потрескались? О чем говорить, когда в лагере мусульман, там, впереди, за Рогами Хаттина, двумя и правда похожими на рога горками, высотой каждая локтей по пятьдесят-шестьдесят, вдоволь всего, особенно воды¹⁰⁸. Нечестивые язычники ликуют, поют песни и молятся своему богу, ложному богу! Но их Аллах не оставил их, как оставил Бог христиан. Говорят, за грехи. За *какие* грехи? За *чьи*? За грехи тех, кто привел нас сюда? Зачем, зачем мы пошли?!

Некоторые из пехотинцев в отчаяние отваживались на риск: пытались отыскать путь к воде, но находили только смерть или попадали в плен.

Никто не знал, что и пели и молились в лагере неверных далеко не все. Многим не пришлось отдыхать ночь с пятницы на субботу, двадцать пятого числа месяца раби ас-сани. Большая часть воинов Салах ед-Дина ждала приказа. Когда загорелась трава, когда дым и копоть, лишь усиливая страдания франков, точно туманом стали обволакивать их расположения, султан отдал распоряжения, и к рассвету четвертого июля, дня святого Мартина Горячего, все великая армия франков оказалась в окружении. Даже ни зверь, ни человек не смог бы пробраться через кольцо мусульманского войска не замеченным¹⁰⁹.

К утру армии христиан практически не существовало. Ряды пехоты поредели: немалая часть солдат погибла во время марша, часть дезертировала, за тем лишь, чтобы в подавляющем большинстве также погибнуть или угодить в плен. Туркопулы, легкая кавалерия, си-

рийские христиане и полукровки, единственные способные наносить эффективные контрудары по конным лучникам, видя, сколь катастрофически медленно двигается армия, не выдержали и покинули ее, когда король, *пожалев* своих солдат, приказал разбивать лагерь в холмистых выжженных засухой окрестностях Марескаллии.

Пять или шесть тысяч пехотинцев — толпа, имевшая так мало общего со швейцарской или шведской пехотой грядущих столетий и совсем не напоминавшая грозных римских легионов, не помышляла уже ни о чем, кроме глотка воды, в обмен на это они, казалось, отдали бы все — семьи, имущество, свободу и даже самую жизнь. И только рыцари не унывали, у них еще оставалась вода, а значит, и силы на последнюю безнадежную схватку с врагом. Они не собирались дешево отдавать свои жизни. Более того, они все еще верили, что могут победить, по крайней мере прорваться.

Султан Египта и Сирии, чей конь стоял на холме, вглядывался в расположения врагов.

Салах ед-Дин не скрывал радости, наполнявшей его сердце. Наконец-то франки пришли туда, куда он захотел. Переход и особенно прошедшая ночь лишили их войско половины сил, теперь повелитель всего Востока имел куда больше шансов одолеть их, но... Он и теперь еще опасался, на всю жизнь врезался в память его ужас Тель-Джезира. А что если рыцари не захотят сдаться, а пожелают умереть, атакуют всей массой? Больше тысячи закованных в железо воинов на больших сильных конях, да к тому же еще и конные слуги — всего не менее четырех тысяч лошадей! Такой табун все еще в состоянии смять, сломать строй армии султана: ведь тут нет места, для того чтобы применить любимую тактику степняков — молниеносный набег и столь же молниеносное бегство врассыпную. Одна надежда, что они разом не бросятся на прорыв. А если все же бросятся? И если лучшие воины, мамелюки, дети-рабы, возвращенные в суровой муштре, преданные господину как собаки, не смогут на сей раз спасти султана?

Он призвал к себе племянника, Таки ед-Дина Омара, и верного Кукбури и отдал им секретный приказ. Они поняли, хотя и не сразу, они-то думали, что победа у них уже за пазухой, но нет, он, их повелитель, их вождь, имел на сей счет свое мнение.

Главный враг Салах ед-Дина, сеньор Петры, Ренольд де Шайтион, сидя в седле могучего жеребца на другом холмике в нескольких сотнях туазов от вражеского войска, со спокойствием стороннего наблюдателя смотрел, как рассеивается тьма и из нее появляются, выходят на свет Божий десятки тысяч голов, обмотанных белыми, серыми и даже какими-то и вовсе полосатыми тюрбанами. Все казалось нереальным, вызванным к жизни волею злого колдуна. Нечто подобное молодой пилигрим из Шайтиона видел очень давно, почти сорок лет назад, в нескольких милях от Араймы, в княжестве Триполи. Правда, тогда пригорок, на который он выехал, поднимался значительно выше, да и турки внизу не ждали появления чужаков, они спокойно поили коней у ближайшей речушки, больше похожей на ручей где-нибудь во Франции.

Франция, полноводная Луара и тихий Луэн, на берегу которого остались родные Жьен и Шатийон. Шевалье Ренольд никогда больше не вернется туда, он состарился здесь, здесь и умрет. Может быть, даже погибнет в сегодняшней битве. Почему бы нет? Чем плоха такая смерть? Разве позорно умереть в бою, когда тебе уже за шестьдесят, но рука тверда, глаз остр и норовистый жеребец под седлом послушен тебе? Ренольд имел полное право остаться дома, в Кераке. Отослав к королю положенные шесть десятков рыцарей, князь мог бы ни о чем больше не беспокоиться, окруженный неприступными стенами крепости. В подвалах ее еды для небольшого гарнизона хватило бы на год, так что, вздумай аль-Адиль сделать набег из Египта, христиане Горной Аравии отбились бы. Не следовало ли и в самом деле проявить осторожность? Ведь Салах ед-Дин клялся собственной рукой покарать франкского демона. Но разве можно представить себе, чтобы шатийонский забияка и на старости лет остававшийся все таким же молодым задиристым драчуном, отказался от битвы, пусть даже от безнадежной?

Огонь и клубы дыма, которые ветер — как не хватало христианам вчера его порывов, становившихся раз за разом все более сильными! — гнал на позиции франков, мешали думать и наслаждаться красотой утра. Оруженосцы и некоторые из рыцарей, стоявшие рядом и чуть поодаль, молчали, стараясь не отвлекать господина. Все приготовились к битве. Помолились, исповедались, надели чистое, теперь оставалось только начать наконец то, чего с таким нетерпением ждали, — драку.

— Эй, мессир! — воскликнул один из всадников князя. — Смотрите-ка, что там кричит этот нехристь? Чего хочет?

— Чего ему надо? — подхватил другой.

— Не ясно что ли? Сразиться желает, — проворчал один из рыцарей, такой же седой, как и сам сеньор. — Выехали бы, молодежь, да проучили мерзавца.

Обычай начинать сражения поединком — очень древний; случилось и в старину, и в более новые времена, что войско, чей богатырь оказывался повержен, приходило в ужас и в безумной панике бежало, даже и не скрестив клинка с неприятелем. В любом случае проигрыш бойца не шел на пользу стороне, которую он представлял. Салах ед-Дину очень бы не хотелось каких-нибудь осложнений, но запретить показать свою удалость одному из шейхов, тем более что тот относился к числу добровольцев, он не решился. Пусть его попытает счастья, если ему проломают голову, что ж, Аллах велик, значит, так тому и быть, а победит, христиане и вовсе падут духом¹¹⁰.

— Я, Сараф ед-Дин ибн-Солпан ибн-Гуныш, великий шейх из великого Мангураса, вызываю вас на бой, презренные трусы! — выкрикивал богато одетый всадник в сверкавшем драгоценными камнями зеленом шелковом халате и белой чалме, разъезжая вдоль порядков латинян на маленькой, но изящной лошадке и потрясая пикой. — Выходи любой, кто знатен, сражаться со мной в конном или пешем строю.

— Что он сказал? — обратился к старому рыцарю молодой, недавно прибывший из Франции. — Как его зовут? Он сказал — Фиц-Салтан? Это что, сын султана?! Правда? Это правда?! А что такое Гуниш? Вы не могли бы разъяснить мне, что он сказал, мессир? Могу ли я принять его вызов?

Глаза наемника загорелись огнем — ценный конь, богатая одежда, все это вполне могло пригодиться бедному пилигриму. Впрочем, языковой барьер сыграл шутку не только с чужаком, практически немым среди восточного люда нефранкского происхождения, но и с многими другими, даже с пехотинцами, большая часть которых родилась и выросла тут. По рядам христиан прокатился рокот — сам сын султана вызывает на бой латинских рыцарей! Кому же с ним драться? У короля нет сына, значит, кому-нибудь из самых знатных рыцарей?!

Старик-абориген ухмыльнулся и снисходительно произнес:

— Мессир, вы, верно, ослышались из-за ветра. На мой разум, он сказал не Гуниш, а Каниш — собачий сын. А уж принимать вам вызов или нет, теперь решайте сами. Хотя, чаю я, вы опоздали.

Сказав это, пожилой воин показал на всадника, быстро приближавшегося к «собачьему сыну». Храбреца заметили и другие; рыцари прищелкивали языками и качали головами: какой проворный! Что ж я-то сидел? Эй-ех! Пропала добыча!.. Пехотинцы, затаив дыхание, ждали исхода поединка и все чаще бросали нетерпеливые взгляды в сторону озера, находившегося где-то там, далеко-далеко внизу; им казалось, что сейчас они, припав к его краю, могут высосать до дна все его серебро — ни о какой другой добыче они и не помышляли.

Рыцари между тем, поскольку ничего другого им просто не осталось, продолжали строить предположения.

— Храмовник! — закричал кто-то. — Успел! Вот шустрые они, черти!

— Жадные! — поправил другой и добавил с вызовом: — Конь-то пока под всадником и халат на нем! Тамплиера, откликнувшегося на вызов, узнали.

— Да это Маркус!

Но, как всегда, нашлись скептики:

— Нет, это не он! У него конь другой!

— Это он, но его зовут не Маркус, а Маврикиус! — уточнил кто-то.

Наконец сыскался арбитр, способный рассудить спорщиков:

— Да ладно вам! Какая разница? Давайте посмотрим.

— Чего тут смотреть? — махнул рукой скептик.

В общем-то, он оказался прав.

Бойцы поприветствовали друг друга и разъехались. А потом помчались одни на другого. На что рассчитывал «сын султана», сказать трудно. После первого же столкновения он вылетел из седла и, упав на каменистую землю, остался лежать там без движения. Победитель подъехал, спрыгнул с коня и, выхватив кинжал, склонился над поверженным врагом. Добивать «собачьего сына» не пришлось. Маврикиус поднялся и знаками показал сначала туркам, потом, повернувшись, своим, что победил — мол, все честно, дайте добычу забрать, сволочи.

Однако не успел храбрый тамплиер опытными и привычными руками в мгновение ока ободрать тело

мертвого противника и, прихватив все ценное, и в особенности кобылу, направиться в расположение франков, как победа его обернулась самими неожиданными последствиями для всей армии.

В тот момент, когда седлаище Сараф ед-Дина из Мангураса навсегда отрывалось от седла драгоценного животного, ветер сыграл свою злую шутку. В общем-то, ничего такого особенного он не сделал, просто, видимо, устав дуть все время в одну сторону, сменил направление и погнал гарь и копоть на позиции сарацин. Те, конечно, не пришли в восторг, но и не расстроились, понимая, что проделка ветра — всего лишь шалость; тем временем христианские пехотинцы приняли ее слишком близко к сердцу.

Надо сказать, что после всего пережитого они вовсе не собирались драться и, недвусмысленно давая понять королю, сколь серьезны их намерения, покинули кавалерию, взобравшись на холмы. Как мыслилось солдатам дальнейшее развитие событий, сказать трудно, однако на настоятельные призывы Гвидо одуматься и вернуться пехотинцы не отвечали. Видимо полагаясь на то, что Господь сотворит какое-нибудь чудо специально для них. Войдем в их положение, они почти весь прошлый день и всю показавшуюся вечностью ночь ждали чего-то подобного. Победа рыцаря над «сыном султана» только подхлестнула их.

— Знак от Господа! — закричал кто-то, кривя пересохший рот. — Всевышний подал нам помощь!

— Сын султана убит!

— Убит? Как убит?

— Да, да! Сын самого Саладина!

— Прорвемся, братья! Во имя Господа! Во имя Христа! Во имя Девы Богородицы!

Чей-то слабый голос, советовавший не пороть горячку и обратиться за разъяснениями к командирам и рыцарями, утонул во всеобщем вое и... топоте ног. Огромная толпа, не более опасная для противника, чем стадо обезумевших овец, бросая оружие и доспехи, устремилась к своей главной цели — к воде. Ветер же вновь переменился, и бегущие люди, зажатые между холмами и озером, увы, только огненным, стали давить друг друга. Подоспевшим мусульманам оставалось лишь выставлять ножи и мечи, на которые латиняне нанизывались, как освежеванные бараны на вертел¹¹¹.

Среди христиан не осталось уже никого, кто помнил, как резали язычники многотысячные толпы без-

защитных фанатиков, брошенных Петром Пустынником на малоазиатском берегу, давным-давно, целых девяносто лет назад, во время знаменитого Первого похода. Гюи де Лузиньян, как и все заморские крестоносцы, слышал у себя в Европе в отцовском замке истории про ужасы, творимые язычниками, теперь он видел все воочию, и глаза его застилала слезы.

— Что же делать, мессир? — обратился он с извечным вопросом к Раймунду Триполийскому. — Что же делать?

— Что с вами, государь? — в свою очередь спросил тот.

— Я не могу, не могу видеть этого, граф! — бормотал король. — Это я! Я погубил этих людей! Я привел их сюда, и они погибли! Погибли из-за меня! Только из-за меня! Почему я не послушался вас?! Почему не велел войску остаться в Сефории?! Почему не отдал приказа прорываться, как об этом просили меня и вы и многие другие?! Но ведь я видел, как ужасно утомлены мои солдаты! Я лишь хотел, чтобы они отдохнули!

— Не стоит убиваться, ваше величество, — твердо проговорил Раймунд. — Мне, так же как и вам, жаль этих людей, но они пришли воевать. Не ваша вина, что они оказались слишком слабы. К тому же... солдаты, отказывающиеся на войне повиноваться приказам своего короля, — не солдаты, а сброд. На что они рассчитывали? Что неверные пощадят их? Глупцы!

— Мессир! Я никогда, никогда не смогу забыть их стонов! — продолжал Гвидо. — До конца моей жизни я буду слышать их, видеть кошмар, что творится здесь сегодня, и просыпаться в холодном поту! Господи! Господи! Боже ты мой! Почему? Почему Ты оставил меня?!

— Может, хватит причитать, братец? — склонившись к уху короля, произнес коннетабль. — Не прикажете ли атаковать?

Гюи затряс головой:

— Я не могу! Не могу! Не могу! Если и со всеми рыцарями будет то же... О Господи!

— Да оставьте вы Господа в самом-то деле! — воскликнул Аморик де Лузиньян, совершенно забывая об этикете и с силой сжимая локоть брата. — Не изволите ли приказать атаковать хотя бы кому-нибудь?!

— Да, да, — закивал Гюи, словно бы и не замечая боли. Затем он поднял голову и посмотрел на Раймунда мутными влажными глазами. — Атакуйте, мессир!

Атакуйте со всей вашей силой! Спасите хоть часть из тех несчастных! Пусть Бог поможет вам!

— Благодарю за честь, сир,— произнес граф и удалился, дабы отдать приказы.

Дружины Триполи и Галилеи, ведомые предводителем, а также небольшой контингент из Антиохии, возглавляемый крестником графа, первенцем князя Боэмунда Заики Раймундом, ударили врага, ломая копья, тупя мечи о шлемы и кольчуги язычников.

И снова султан Салах ед-Дин обращался с благодарственными молитвами к Аллаху — спасибо тебе, Всевышний, что не вразумил ты железных шейхов ударить всем вместе. Воины Таки ед-Дина помнили приказ, полученный накануне атаки франков, и с радостью выполнили его — кому же охота погибать под напором неистовых всадников? Сарацины расступились, и рыцарский клин, уничтожая все живое на своем пути, промчался сквозь ряды воинов ислама и скоро скрылся из вида, оставляя за собой длинный шлейф пыли.

Раймунд с крестником прорвались, спасли себя, четверых сыновей графини Эскивы и большую часть дружинников. По правде сказать, пехотинцам они помогли мало, проще говоря, вообще не помогли: неверные без устали продолжали уничтожать их и лишь иногда, устав от крови, брали кого-нибудь в плен. Единственное, что сделали для пеших единоверцев рыцари Галилеи и Триполи,— попросили не делать поблажек и прирезать несчастных, уже лишившихся рассудка от жажды.

Когда побоище закончилось, перед армией Салах ед-Дина остались лишь рыцари, немногим менее тысячи прекрасных воинов. Многовато! Сир Раймунд бежал с поля, кто следующий?

Когда дружина графа Триполи и князя Галилеи ударила сарацин и те, после недолгого сопротивления расступились и пропустили рыцарей, многие из их товарищей, все еще остававшихся перед армией султана, заговорили о том, чтобы попытаться сделать то же самое. Когда такие разговоры донесли до ушей Ренольда, он ответил вопрошавшим, что будет слушаться распоряжений короля, но если кому-нибудь не терпится последовать путем предателя, князь Петры таких держать не будет.

— Так что же делать, батюшка? — воскликнул Онфруа, демонстрируя если уж не единодушие, то изрядное единомыслие с королем, с уст которого в последнее время прямо-таки не сходил этот сакраментальный вопрос.— Их же целое море!

— А вы слезайте с коня, мессир, бросайте меч подальше, ложитесь и ждите,— раздался чей-то голос.— Язычники придут за вами.

— Что? — встрепенулся наследник Горной Аравии.— Кто это сказал?

— Мамочка вас выкупит, мессир,— произнес уже кто-то другой.

— А ну тихо, господа! — рыкнул тот старик-абориген, что перекрестил «сына султана» в «собачьего сына».

— Прорываться,— ответил князь на вопрос пасынка таким тоном, точно и не слышал шуточек рыцарей, и уточнил: — Прорываться всем вместе или никому.

— Но почему бы нам...— начал Онфруа, но отчим оборвал его:

— Я уже сказал, и будет об этом.

Князь мог бы продолжить: «Ни тебе, ни мне *он* уйти не даст. Но зато я могу сказать, кто будет следующим, кому удастся прорваться». Завидев приближавшегося всадника, Ренольд ненадолго задержал на нем взгляд. Пожалуй, князь ждал этого визита.

— Мессир! — едва приблизившись, взволнованно начал тот и добавил: — И вы господа... Приветствую вас.

— Слава ордену Бедных Рыцарей,— ответил один из воинов Трансиордании.

— Христа и Храма Соломонова,— подхватил второй.

— И брату Жослену,— не забыл о новоиспеченном тамплиере третий.— Во веки веков.

— Аминь! — закончил за него первый.

— Я хотел сказать: здравствовать во веки веков! — не согласился тот и, давась от смеха, крикнул: — Аллилуйя!

На сей раз никто, в том числе и сеньор, не собирался останавливать раздурчившихся солдат, в глазах которых Жослен, если и не являлся предателем, как, например, все тот же граф Раймунд, то уж, во всяком случае, перестал оставаться одним из них. Как всегда в таких случаях, некоторые из вассалов, и понятия не имевших о причинах отъезда товарища, обижались на него за сеньора. Кто-то даже злорадствовал, мол, что не загра-

вилось в братии? Обратно захотелось? Виниться пришел? Так-то!

Самое интересно, что молодой тамплиер и вправду пришел виниться. Всю ночь он думал и под утро пришел к осознанию собственной неправоты.

— Сир Ренольд... государь,— проговорил он, игнорируя насмешки,— я хотел бы... хотел бы поговорить с вами наедине. Это возможно?

— Говорите здесь, *мессир*,— ответил князь.— Во время битвы у меня нет секретов от моих рыцарей.

— Это личное, мессир. Хотя, если угодно... Я хотел бы попросить у вас прощения за резкость, допущенную мной в разговоре с вами.

— О чем вы? — переспросил Ренольд.— Я не помню никакой *резкости с вашей стороны...* в разговоре со мной.— Жослен закусил губу от отчаяния, но князь все-таки сменил гнев на милость.— Извольте,— сказал он.— Давайте отъедем.

— Государь...— начал Храмовник.— Я... я долго думал... во-первых, простите меня. Во-вторых... Сир Балиан и Ренольд, сеньор Сидона, собираются прорываться, они приглашают и некоторых тамплиеров... В общем... Я не понимаю, отчего бы нам всем не ударить язычников? Ведь чем меньше нас тут, тем мы слабее, разве не так? Если бы мы все вместе...

Перехватив взгляд князя, он осекся.

— Скажите все это королю,— проговорил тот.— А что касается друзей графа Раймунда... Они, я не сомневаюсь, прорвутся, а вот насчет тамплиеров я не уверен.

— Как? Но мы же будем прорываться все вместе?!

Ренольд кивнул и вместо ответа спросил:

— Кажется, одному из ваших повезло сегодня, не так ли?

— Что вы имеете в виду, мессир?

— По-моему, понять нетрудно. Я говорю о человеке, которому досталась добыча. Как его?

— Маврикиус, государь, но при чем тут...

— Он тоже собирается прорываться вместе с Ибелином?

— Нет, ваше сиятельство. Он говорит, что сегодня его счастливый день, ему повезло и еще должно повезти.

— Дурак.

— Почему?

— Сколько он хочет за лошадь? — деловито поинтересовался князь.— Ведь она не нужна ему, верно? У

него есть хороший конь, да к тому же этот Маркус великоват для той кобылы.

— Маврикиус, мессир. У него три коня, как и полагается рыцарю. У меня пока два, это потому что я...

— Неважно. Купи у него кобылу.

— Купить? Но зачем она мне?

Вместо ответа Ренольд отвязал от пояса тяжелый кошель и протянул его Жослену:

— Думаю, этого хватит... И не возражай, чтобы впредь не пришлось извиняться. Ты уже один раз возражал. Атакуй на Бювере, но если удастся прорваться, пересаживайся на эту кобылу и скачи без оглядки. Если успеешь, скинь доспехи, хотя бы ножные, чтобы ей было полегче.

Жослен хотел задать вопрос, но, вспомнив о предостережении, подавил в себе это желание.

— Ступай, — произнес Ренольд, закончив наставление. — Да пребудет с тобой Господь, Жослен ле Балафре. *Брат Жослен...* Ловко ты провел меня. Хотя я и ждал чего-то подобного.

Что-то в тоне бывшего сеньора качнуло стрелку весов сомнения души молодого тамплиера, и он наконец решился:

— Мессир... Отчего... Почему вы... почему вы хотели отослать меня? Скажите мне правду.

— Не могу.

— Мне было видение этой ночью... Тетя Марго и... это правда, что...

Ренольд едва заметно качнул головой, покрытой потемневшим от гари белым бурнусом:

— Правда.

— Она монахиня? — Жослен не сомневался ни в чем, и вопросы его звучали как утверждение. — Это она приходила к вам вечером в четверг после военного совета? Где она теперь?

— Довольно.

За тринадцать лет службы господину молодой рыцарь твердо усвоил, что «довольно» в его устах означает именно довольно, а никак не «продолжайте».

— Скажите только, где мне найти ее, государь?

— Она сама найдет тебя, — ответил князь и добавил: — Если то будет угодно Господу... Прощай.

Не сказав более ни слова, он развернул коня и направился к своим.

— До встречи, государь, — тихо произнес Жослен. Он знал, что отец не мог услышать его.

Дружины сира Балиана Ибелина, барона Наплуза, и Ренольда Сидонского, а вместе с ними несколько десятков тамплиеров ударили в левый фланг вражеского войска. Так же как и в случае с графом Раймундом, эмир Кукбури, чьи солдаты находились там, не велел им долго сопротивляться. Они, так же как накануне воины Таки ед-Дина, с радостью выполнили приказ и расступились, пропуская железный клин христиан.

Они были последними из тех, кому удалось прорваться. Когда силы рыцарей уменьшились по крайней мере на треть, Салах ед-Дин решил, что довольно ждать, и приказал наступать.

Сколь бы яростно ни атаковали мусульмане, рыцари всякий раз отбрасывали их, сарацины отступали, бросая убитых, уволакивая раненых. Но какими бы значительными ни оказались потери турок, бреши, пробитые в их порядках латинянами, неизменно заполнялись свежими бойцами.

Иссякала вода, падали и умирали от ран или изнеможения дестриеры. Один за одним гибли их хозяева. Оставшиеся в живых и еще способные держать оружие отходили все дальше, поднимаясь все выше к Рогам Хаттина, где, точно корона, венчающая голову дьявола, стоял красный шатер Иерусалимского короля.

Близился полдень, но султан Юсуф, повелитель всего Востока, знал — он еще не победил. Отчаянная отвага франков и восхищала и пугала его. Он поставил все на эту битву, он не мог проиграть. Так где же победа?! О всемогущий Аллах, помоги мне! Казалось, Всевышний колебался. Неужели он не поможет правоверным?!

Этот же вопрос султан читал и в глазах своего шестнадцатилетнего первенца. Салах ед-Дин отвернулся, чтобы не видеть лица юноши, чья судьба, как и судьба всей огромной империи, созданной сыном простого курдского эмира, решалась сегодня здесь, на востоке Галилеи, у Бухайрат-Табария, озера, называемого кафирами Галилейским морем.

Вновь и вновь сарацины атаковали, вновь и вновь откатывались они обратно к подножию горы. «Мои солдаты изнемогают, великий повелитель! Они ропщут! Кафиры не только сверху, но и внутри сделаны из железа! У них каменные сердца!» — докладывал то

один, то другой эмир или шейх. «Мои воины больше не могут, о великий! Они не в силах пробить эту стену! Франки дерутся, как звери! Как безумные! Может, нам побережь людей? Жажда и бескормица погубят их коней, а без них железные шейхи бессильны!» — «Нет, нет и нет! — в ярости отвечал им султан, теребя и кусая бороду. — Мне нужна победа! Победа! Любой ценой!»

И вот франки побежали.

— Ура! Ура! Отец! — захопал в ладоши аль-Аф-даль. — Победа! Мы разбили их!

— Успокойся! — Салах ед-Дин строго посмотрел на сына. — Пока ты видишь тот красный шатер, что стоит наверху, между двух горок, знай, враги не побеждены!

И верно. Не успел он произнести эти слова, как рыцари контратаковали, и теперь уже мусульмане обратились в бегство, отброшенные прямо к подножию холма, где располагался наблюдательный пункт их повелителя. В страхе смотрели они на него, а он кричал на них, то краснея, то бледнея, то и вовсе темнея лицом:

— Назад! Назад! Назад, правоверные! Покажите дьяволам! Пусть узрят ныне, что не прав пророк их и вера — ложна!

И язычники, воодушевленные кличем султана, вновь устремились в бой. И когда они пошли в атаку, ветер, точно демон, завыл со всевозраставшей силой, в ярости бросая пыль и копоть в лицо франкам. Так на холме у королевского шатра завязалась последняя битва. Он еще стоял, но сарацины уже издавали крики радости. Солдаты Таки ед-Дина убили епископа Акры и захватили Истинный Крест Господень.

— Победа! — со слезами на глазах произнес султан. — Победа! О Аллах! Спасибо тебе! Победа! Победа! Победа!

Он спешил и, забыв обо всем, начал бить поклоны Всевышнему, даровавшему ему великую победу в полдень двадцать пятого числа месяца раби-ас-сани пятьсот восемьдесят третьего года лунной хиджры¹¹².

XIV

Жара, жара, жара...

Жара этим летом выдалась необычная даже для этих мест. Горячий воздух, дрожь, поднимался от раскаленной полуденным солнцем земли, от грязно-желтых, выгоревших холмиков и пригорков, напрочь ли-

шенных какой-либо растительности, кроме чахлых кустиков, каким-то неведомым образом сумевших не погибнуть тут, где, казалось, не могло существовать ничто живое.

Да оно словно бы и не существовало в реальности, поскольку предметы утрачивали свои привычные очертания, точно смотревший на них человек видел все через тончайшую вуаль.

Хотя смотреть было особенно не на что: всюду, куда ни кинь взгляд, один и тот же унылый гористый ландшафт — пустыня. Воображаемая пелена мало что меняла; безводные впадины и пропеченные, как забытая на печи ячменная лепешка, возвышенности не становились ни сколь-либо привлекательнее, ни унылее оттого, что очертания их делались размытыми, а сами они, будто нарисованные на прозрачном, невидимом глазу простого смертного шелке, вибрировали повинуюсь незаметным для человека движениям аэра, подобно охваченному дрожью стану восточной танцовщицы.

Ни один звук также не привлекал внимания, только какой-то едва различимый гул словно висел в воздухе. И не в воздухе даже, просто безжизненная, не способная родить земля — не земля, песок, глина — будто пела какую-то свою, понятную одной ей песню.

Впрочем, гул этот словно бы приближался, делался все яснее, и вот уже становилось возможным различить стук копыт большого сильного коня. Какого всадника могло нести на своей спине такое животное? Конечно же, такого же большого и такого же сильного, как сам конь.

И вот стук стал громче; теперь уже и глухой мог различить стук лошадиных копыт, от которого содрогалась почва. Еще мгновение, и всадник, поднявшись на самый дальний пригорок, станет виден. Он появился там, откуда его ждали, но лишь на миг, а потом снова скрылся из вида, будто бы провалившись в бездну. Но неизвестный наездник не пропал, так как вновь появился на вершине склона, только для того, однако, чтобы вновь нырнуть в грязно-желтую пучину, так и оставшись неопознанным для наблюдателя.

Сколько бы ни щурился стоявший на земле человек, сколько бы ни вглядывался в дрожащий воздух, сколько бы ни прижимал ко лбу козырек ладони, все равно не успевал рассмотреть рыцаря. Между тем, когда тот в третий раз оказался в поле зрения смотревшего, не осталось и тени сомнения в том, что на замечательном

белом нормандском жеребце сидит тот, кому и положено, северянин, франк, облаченный в доспехи, как и подобает латинскому кавалларию.

Когда он в очередной раз скрылся и затем опять появился на одном из ближайших пригорков, даже вибрация раскаленного воздуха не мешала уже наблюдателю разглядеть одеяние рыцаря. Голова его скрывалась под великолепным белым тюрбаном, за плечами развевался белый же плащ, а грудь поверх серого кольчужного плетения покрывал также белый табар. На нем, сколько ни старался смотревший, он не мог увидеть никаких опознавательных знаков: не было там ни затейливого герба, которые в последние годы получили у рыцарства весьма широкое распространение, ни простого креста, из тех, что независимо от положения нашивали на свою одежду все воины Христа.

Лицо скрывалось под забралом, более похожим на белую маску, так как металл, из которого оружейник сковал эту деталь шлема, кто-то, вероятно подмастерья, заботливо обтянул белым полотном или даже шелком, чтобы солнце не слишком накаляло железо.

Щит также был белым, лишенным не только опознавательных знаков, но даже и простого, ни к чему не обязывавшего орнамента. В руках всадник держал покрытое толстым слоем белил рыцарское копьё длиной не менее чем в два с половиной туаза.

Наблюдатель насторожился; кавалларий мчался и мчался вперед, точно принадлежал к потустороннему миру, он, подобно демону, казалось, не замечал ничего вокруг, ибо ничего вокруг для него и не существовало. Мужчина, смотревший на приближавшегося белого всадника, носил шпоры, а потому не мог допустить мысли о том, чтобы такой же благородный человек, каким являлся он сам, атаковал бы его, пешего, так же не спрыгнув с коня и не назвав ни имени своего, ни причин, по которым желал вызвать незнакомца на поединок.

Если бы белый рыцарь, вопреки правилам, заведенным между людьми благородной крови, пренебрег законом, наблюдатель оказался бы в незавидном положении, так как не имел ни коня, ни копьё, ни даже кавалерийского меча. Вместе с тем стоявший на земле воин не желал не то что убежать, отойти в сторону, освободив путь всаднику.

«Кто ты?» — спросил смельчак безмолвного и безликого воина и, хотя не услышал собственного голоса, ответ все же получил:

«Твоя смерть».

И как только эти слова прозвучали в голове у того, кому предназначались, белый рыцарь опустил копьё. Однако безоружный воин остался на месте, мужественно глядя на приближавшееся к нему стальное, выкрашенное белилами копейное острие и закрепленный на рожне белый флажок.

Всадник показал себя опытным рыцарем, он прекрасно знал свое дело. Не сделав ни одного лишнего движения, он нацелил свое оружие прямо в лицо обреченному, но в последний момент передумал и, опустив копьё чуть ниже, воткнул его прямо в шею храбрецу.

«Никогда не думал, что это будет так, — сказал себе тот, чувствуя, как рвутся сухожилия и трещат позвонки. — Так? Значит, так? — спросил он себя и как бы между прочим заключил: — Значит, так... Ведь когда-то же это должно было случиться? Смерть приходит ко всем».

Больше он уже ни о чем не думал. Воин и сам не знал, видел ли он все, что произошло потом, своими глазами или это уже душа его, покидавшая тело, смотрела на убийцу со стороны.

Копьё не выдержало, сломалось: видно, слишком крепкой для него оказались и плоть храбреца, и его кости. Оно разлетелось на несколько кусков, которые медленно, словно на них наложили заклятие, вращались в дрожащем раскаленном воздухе, точно живые. Казалось, обломки эти не хотят упасть на землю, будто зная, что этот странный необъяснимый полет — последнее, что есть в их жизни, и, едва коснувшись почвы, они умрут, превратятся в ничто, станут ненужным мусором.

Белый рыцарь, точно ангел смерти, сделав то, зачем послал его всемогущий повелитель, исчез. Исчез и конь; оба они, должно быть, превратились в прекрасного белого лебедя, который, взмахнув ослепительно белыми крылами, вознесся над безрадостным обиталищем смертных и неспешно взмыл к голубому не тронутому безжалостным солнцем небу.

Ренольд знал, что не умер, просто, когда под ним пал конь, сам он еще какое-то время сражался, стоя на земле, но потом, получив удар по голове, потерял сознание. Когда он пришел в себя, враги уже протягивали к нему руки. Он приподнялся и увидел рядом на земле

других рыцарей, с которыми сражался бок о бок, и среди них практически бесполезного в бою Онфруа, теперь сидевшего и молившегося с закрытыми глазами. Когда победители схватили его, он начал кричать и отбиваться, но князь сказал ему, чтобы не боялся и вел себя спокойно. Вернее, не сказал, а прохрипел, потому что собственное горло более всего напоминало ему тот самый безнадежно пересохший колодец, к которому привел их предатель Раймунд.

Его сиятельство сбежал, не пожелал встретиться с любимым другом — какая неучтивость! И Балиан Ибелинский вместе с закадычным приятелем Ренольдом Сидонским под шумок улизнули: сарадины всегда знали, кто их атакует — получившая к концу двенадцатого века весьма широкое развитие геральдика как нельзя лучше помогала избежать ошибки.

В общем, сбежали почти все, кого султан *мог отпустить*, надеясь, что они и впредь окажутся полезны ему. Вот только тамплиеры, которые увязались за сеньорами Наплуза и Сидона, их бы Салах ед-Дин за здорово живешь не выпустил, им просто повезло. Все прочие оказались в плену. Так сеньор Горной Аравии впервые взглянул в глаза грозному противнику, маленькому, каким он показался коленопреклоненному князю, довольно скромно одетому, нервному человечку с жидковатой бородкой — волосы владыки всего Востока здорово поредели после болезни.

Кроме хозяина шатра, воздвигнутого воинами для повелителя посреди поля только что отшумевшей битвы, и его грозной недреманной стражи, всем остальным здесь полагалось стоять на коленях. Тут вновь собрались вместе те, кто еще два неполных дня назад до хрипоты спорил на военном совете в Сефории, идти или не идти выручать графиню Эскиву и ее дам в Тивериаде? Ну что ж, по крайней мере теперь уж сомнения позади. Правда, сейчас на рыцарях уже не было ни доспехов, ни богатых одежд, ни украшений, а лишь черные от пота, грязи, а иной раз и от крови, рубахи.

Знатных пленников — незнатных уже заковывали в кандалы — всего дюжины две лучших людей королевства, построили полумесяцем. (Что-то в этом есть, правда? У одних болезненная тяга к кресту, у других — к полумесяцу.) На одном конце его, слева от султана, оказались Гюи де Лузиньян, следом за ним князь Ренольд, дальше его пасынок, потом дед покойного короля-отрока Бальдуэна Гвильом, маркиз де Монферрат, —

не сиделось старику у себя в Италии! — и дальше, если можно так сказать, по убывающей до самого центра геометрической фигуры, которую представляли собой побежденные христиане.

По мере приближения к противоположному концу «серпа», каждый следующий пленник превосходил по важности предыдущего. Таким образом, справа от Салах ед-Дина, последние из почетных мест занимали сеньор Мараклеи и сын барона Александретты, дальше шли сеньоры Ботруна и Джебаила, злосчастный Плибано и Юго Хромой — их сюзерен, убегая, как-то позабыл прихватить с собой любимых вассалов, — следом стояли приор Госпиталя Гольтьер д'Арзуф, коннетабль Аморик и гранмэтр Храма Жерар. Победитель не собирался оскорблять или даже обижать пэров Утремера и баронов земли, у него имелись свои, далеко идущие планы относительно каждого из них. Все молчали, ожидая, когда заговорит хозяин шатра. Он не спешил, скользя внимательным взглядом по грязным, потным, а порой и окровавленным лицам «дорогих гостей». Ах как он мечтал об этом дне! Как ждал его! Как предвкушал такую вот встречу! Как молил о ней Аллаха!

Теперь Салах ед-Дин благодарил своего *правильного* бога за щедрый подарок и мог позволить себе даже великодушие. Самые мудрые из отцов джихада, предшественники султана Юсуфа, такие, как, например, Имад ед-Дин Зенги, знали, что милосердие, проявленное к побежденным, порой приносит плоды куда большие, нежели жестокость. Добро порождает добро. Милость оборачивается ответной милостью. Правда, что касалось последнего, Салах ед-Дин менее всего нуждался теперь в чьей-либо милости. Ждать милости — удел побежденных! От того, проявит он ее или нет, зависели жизни пленных франков.

Обводя взглядом присутствующих, султан прикидывал, кого из пленников сможет обменять на их города и земли. Как лучше сделать это? Иерусалим жители Святого Города за такого короля, как молодой Гвидо де Лузиньян, конечно, не отдадут; да почитай, ни за какого бы не отдали, а вот Аскалон — город, пожалованный зятю и сестре королем Бальдуэном ле Мезлем, пожалуй. О более щедром выкупе, чем сданные без боя крепости, и мечтать нельзя. Главное, чтобы горожане согласились. И очень удачно, что в плен попали и сеньор Трансиордании, и его наследник. Хозяин Керака и Крака Монреальского, князь-волк, оборотень, како-

вым считали его многие, не смог ускользнуть и теперь не избежит мести. Не будь здесь Онфруа, пришлось бы объяснять правоверным, почему откладывается месть.

«Но с чего же начать?» — подумал султан — даже и мусульманину нелегко убить безоружного пленника.

От размышлений Салах ед-Дина отвлек король франков, он, как и другие пленники, очень страдал от жажды. Гюи облизал пересохшие губы и сделал судорожный глоток, инстинктивно хватаясь за шею и сжимая пальцами кадык. Вспомнив о милосердии, султан дал знак стражнику, который наполнил огромный кубок розовой водой, специально охлажденной снегом с горы Гермон, который для этих целей сарацины ухитрялись перевозить даже в Египет.

Гвидо припал губами к краю чаши и принялся жадно пить. Он не увидел, а скорее почувствовал муки стоявшего рядом товарища и, оторвавшись от сказочного питья, протянул кубок Ренольду де Шатийону. Увидев это, Салах ед-Дин восторженно и что-то быстро прокричал переводчику, специально приведенному в шатер султана и терпеливо ожидавшему начала разговора.

— Повелитель велит сказать тебе, король христиан, — обратился толмач к королю, — что это ты, а не он дал пить этому человеку.

— Хорошо, — хлопая глазами проговорил Гюи, еще не понимая, куда клонит победитель. Тот между тем, дождавшись, когда князь передаст кубок дальше, приказал стражникам дать воды и другим пленникам, а потом через переводчика обратился к Ренольду:

— Понравилось ли вам питье, князь?

— Слабовато на мой вкус.

— Вы привыкли к более крепким напиткам?

— Да, — признался сеньор Петры. — Я предпочитаю кровь врагов.

Толмач открыл рот, но поперхнулся началом фразы. Увидев это Салах ед-Дин нахмурился:

— Переводи!

Выслушав ответ главного врага, он спросил:

— Князь Ренольд, если бы не вы были моим пленником, а я вашим, как, по вашему разумению, что бы вы тогда сделали со мной?

— С Божьей помощью я отрубил бы вам голову, — кривя влажные от розовой воды губы в ухмылке, проговорил сеньор Горной Аравии.

Переводчик сжался от страха, но не посмел даже и промедлить, опасаясь еще большего гнева господина.

Лицо султана потемнело, как не раз бывало во время битвы, когда он видел, как рыцари раз за разом отбрасывали его воинов.

— Ты! — вскрикнул он, подскакивая на месте и указывая пальцем на Ренольда. — Ты! Ты!.. Ты — мой пленник! Мой! А не я твой!

— То-то и жалость, — признался князь, но Салах-ед-Дин не слушал его, продолжая выкрикивать:

— Как ты смеешь говорить со мной так, свинья?! Как ты осмеливаешься вести себя так, будто ты хозяин положения?! Ты, который десятки раз клялся и преступал клятвы! Ты, который давал слово и нарушал его! Ты, который... который... Переводи, что стоишь?! — завопил он на толмача, осознавая, что князь скорее всего не понимает, что ему говорят.

— Таков обычай владык, и моя нога лишь ступала по еще теплomu следу того, кто шел впереди меня, — с достоинством произнес Ренольд и, не сводя глаз с султана, продолжал: — Разве я больший предатель и клятвопреступник, чем кто-то другой? Разве ты не предал своего господина? Не нарушил клятву, не изменил слову? Ведь не тебе завещал государство свое король Нураддин. Не тебе, а отроку, сыну своему, которого, как рассказывают, ты и убил. Убил, как и брата своего, что правил в Ла-Шамелли. Так кто больший предатель, я или ты? Я, который с мечом в руке воевал с врагами веры Христовой, или ты, обманом и подлостью завладевший землям своих единоверцев? Ты мнишь себя победителем, но ты украд победу! Ты знал, что тебе не одолеть франков в открытом и честном бою, понимал, что и с тобой случилось бы тоже самое, что с тем собачьим сыном, который осмелился бросить вызов рыцарям сегодня утром. И потому ты подсылал в стан наш наймитов, чтобы те испортили коней у лучших воинов. Теперь ты ликуешь, но недолго тебе ликовать! Найдется в земле франков рыцарь, которому нет равных, и отомстит тебе за обиды, которые ты нанес христианам!

Толмач только таращил глаза, не успевая переводить гневную отповедь коленапреклоненного князя. Между тем перевод султану и не требовался, он и так по реакции пленников понимал, что товарищ их говорит что-то очень оскорбительное для него. Более того, победитель знал, как звучит на языке врагов слово «предатель», и, конечно же, не мог не расслышать имени бывшего господина, упомянутого Ренольдом, как бы сильно тот ни искажил его, переиначив на свой манер.

— Ну хватит! — закричал Салах ед-Дин, брызгая слюной, и лицо его перекосилось от злобы. — Хватит! Замолчи!

Князь понял и произнес:

— Да я уж и закончил.

Их взгляды встретились.

Бесстрашно смотрел франкский демон на своего врага, и тому на мгновение показалось, что не глаза человека, а пылающие словно рубины, глаза серого хищника, оскалившего страшную пасть, смотрят прямо в душу его. Рука, давно уже трепетавшая на эфесе меча, потянула клинок. Свистнула в воздухе сталь, вонзаясь в беззащитную плоть.

Брызнула кровь. Капли ее попали на одежду и лица пленников и самого султана. Он, скаля зубы и до боли в костяшках пальцев сжимая рукоять, закричал мамелюкам:

— Отсеките! Отсеките ему голову!

Две дюжины глоток разом издали возглас ужаса. Гюи де Лузиньян и Онфруа де Торон, стоявшие один слева, а другой справа от князя, в безумном страхе отшатнулись, им уже слышалось, как султан приказывает: «Отсеките *им* головы!»

Тем временем кошмарное наваждение уже покинуло победителя. Бросив взгляд на правителя Иерусалимского и видя охвативший его животный страх, Салах ед-Дин улыбнулся. Сердце его наполнилось ликованием от сознания того, что обет, данный им правоверным, свершен: он покарал князя-волка.

— Не бойтесь, — проговорил султан, обращаясь к Гюи. — Король не убивает короля.

* * *

Солнце висело над горизонтом, уходя на ночлег в море, что омывает берега земель, принадлежащих франкам, пока еще принадлежащих им. Вечерний воздух все гуще наполнялся запахом тления многих тысяч трупов людей и лошадей, сладкий запах победы будоражил ноздри победителей, горький запах поражения лишь усугублял, делая еще горше, незавидную участь побежденных.

Длинная колонна потных, грязных и оборванных людей серой змеей, позвякивая кандалным железом, неспешно ползла по каменистой равнине. Ноги не несут, нет радости в измученном теле, да и куда спешить,

в рабство? Пленников не так уж много: пехоту сгоряча перебили, многие же рыцари сражались до последнего, зато оруженосцы их и конюхи в массе своей стали добычей победителей.

Покончив с ненавистным князем Петры Салах ед-Дин заверил короля и всех его баронов в том, что их жизням ничто не угрожает, ведь султан сам распорядился дать им попить, а по обычаям мусульман, пленник, которому предлагают вино, воду или еду, может не бояться смерти, поскольку закон теперь не велит убивать его. Большинству из них предстоит лишь небольшая пешая прогулка — до Дамаска максимум сто миль пути, не так уж много, дойдут. Рыцарей и всех, за кого могут дать выкуп, посадят в донжоны; некоторые уже бывали там, не впервой. Остальных же продадут, и они знают это, вот и ползет, стелется к земле людской ручей, сопровождаемый всадниками в войлочных куртках и тюрбанах.

Гордо подняты головы победителей, с презрением смотрят они на побежденных — тоже еще вояки! Правда, иные косятся на франков со злобой — потеряли друзей или родственников в сече. Ох как нелегко далась победа, однако, как бы там ни было, они добились своего и теперь, проходя мимо шатра повелителя, который в окружении небольшой, но богато одетой свиты, скрестив ноги, восседает на походном троне, салютуют Салах ед-Дину, он же с вельможами — все они также внесли вклад в общее дело — принимают заслуженные почести.

Нет ничего важнее для полководца, чем восхищение солдат, их вера в то, что с ним они не пропадут, одолеют любого врага, каким бы сильным, каким бы страшным он ни казался. Доверие воинов и любовь подданных — вот основа, которая крепче любого постамента для престола любого правителя, особенно если власть получил он не по наследству, не принял из рук отца или другого родича, а добыл в борьбе, долгие годы не выпуская из рук меча. Такие короли не теряются в трудный момент, не спрашивают хлопая глазами у подданных, что же теперь делать, как поступить? Такие правители знают ответы на эти вопросы. Выслушав мудрых советников, они сами, тщательно взвесив все за и против, принимают решения.

И все же, несмотря на радость, переполнявшую душу Салах ед-Дина, после разговора с пленниками у него в душе остался какой-то неприятный осадок.

«Как он сказал? — Султан нахмурился, стараясь вспомнить слова, произнесенные гордым и дерзким врагом перед смертью. — “Таков обычай владык, и моя нога лишь ступала по еще теплому следу того, кто шел впереди меня?” Кажется, так... Неважно, главное, он был прав. Абсолютно прав. Но прав и я, потому что важно не то, *как* берут власть, а *чего ради* ее берут, как поступают потом. Если деяния владыки ведут к процветанию подданных, возвеличиванию веры — правда на его стороне, какими бы методами он ни пользовался. А хитрость, как же без нее на войне? Франки не понимают этого, что ж, им же хуже. Разве я подобен этому глупцу из Мангураса? Нет, конечно, нет. И все же... предательство... Предательство... — Эта мысль и тревожила больше всего. — Король, приближающий к себе предателей, рано или поздно и сам может стать жертвой предательства одного из них...»

От размышлений о природе власти, которые неминуемо приходят в голову каждому правителю, султана отвлекло воспоминание о глупце, решившем отличиться перед битвой. Чего он добивался? Лишился жизни, добро бы в бою, а то...

Внезапно Салах ед-Дин понял, отчего *теперь* ему так не давал покоя незадачливый боец. Кобыла, его кобылу полководец запомнил, потому что довольно долго наблюдал за ее хозяином, разъезжавшим между двумя армиями. Тогда ее забрал победитель, но теперь...

«И халат его, — мелькнуло в голове у султана. — Ну, конечно, тот рыцарь взял все, а теперь его добычей завладел кто-то из моих воинов. Все правильно... Нет, не правильно!»

Как же живучи страхи, что некогда поселились в сердце человека? Тот, кто многие годы ждал подлого удара, даже в момент собственного триумфа не забыл о том, как вскакивал ночью в холодном поту, преследуемый кошмарами, полными злобных убийц. В одно мгновение Салах ед-Дин понял: воин, который сидит в седле лошади покойного глупца из Мангураса, не правозерный, хотя все — и одежда и головной убор и даже сапоги — все вплоть до сабли и пики, которой он как будто бы небрежно поигрывает, время от времени подкидывая в руке, обличает в нем сарацина. Что-то неуловимое, что-то такое... Внезапно султана осенило:

«Шпоры! У него франкские шпоры! О Аллах! Взгляд! Он смотрит сюда! На меня!»

Повелитель всего Востока не успел даже шевельнуться, но переодетый христианин словно бы прочитал мысли султана и, осознавая, что раскрыт, пришпорил кобылу, развернулся и помчался прямо на счастливого победителя латинян, поднимая над головой пику. Салах ед-Дин не понимал, что он кричал, но догадывался.

— Подохни! Подохни, сволочь! Подохни, предатель! — вопил воин по-французски.

Все происходившее казалось настолько невероятным, что растерялись даже опытные стражи, чьей единственной обязанностью являлось обеспечение безопасности господина. Кто-то бросился наперерез, но поздно — всадник уже метнул пику! Однако, по счастью, меткостью он не отличался, и она, просвистев в воздухе, угодила в кого-то из свитских султана, но и его не убила, а лишь ранила.

Больше ничего латинянин сделать не успел. Несколько рук вцепились в уздечку коня, в одежду всадника, и тот в считанные мгновения оказался на земле, а потом его с закрученными за спину руками притащили к подножию пьестала, на котором возвышался трон Салах ед-Дина.

Взлетела к небу сабля одного из стражей, но султан сделал знак и спросил через толмача:

— Ты — христианин, ведь так?

— Да, — ответил тот по-арабски.

— Ты знаешь язык правоверных?

— Смотря по тому, кого ты называешь правоверными. Твой язык я знаю, если хочешь спросить меня, спрашивай. Переводчик не нужен.

— Я вижу, — согласился Салах ед-Дин и подумал: «Что ж, князь Ренольд, как видно, вы ошиблись, и среди христиан есть такие, кто предпочитает победу любой ценой победе в честном бою!» — Как твое имя? Откуда ты родом?

— Меня зовут Жослен, — нехотя произнес рыцарь, — прозывают Ле Балафре, по вашему аль-Маштуб. Я родился в Антиохии.

— Ты благородный человек?

— Я — рыцарь.

— Зачем же ты хотел убить меня столь подлым образом?

— Не тебя.

— Вот как? — удивился повелитель всего Востока. — А кого же?

— Предателя.

«О Аллах! — взмолился султан. — Все сегодня как сговорились! Только и разговоров, что про предательство! Когда-нибудь это кончится? Ну и денек!»

— Шпиона, которого ты послал к предателю Раймунду, — пояснил Жослен и прибавил с сожалением: — Жаль, что промахнулся.

— Мой верный Улу, — окликнул Салах ед-Дин, поняв, о ком идет речь. — Приблизься-ка сюда. — Когда соглядатай подошел, он спросил его: — Ты знаешь этого человека?

— Да, великий повелитель. Это — Жослен Храмовник.

— Он член братства Храма?

— Нет, великий, — покачал головой шпион. — Таково его прозвище, сам он слуга князя Петры, которого вы изволили казнить собственной рукой за злодеяния, совершенные против правоверных.

— Даже так?

— Ты ошибся, предатель, — буркнул Жослен. — Я — тамплиер не только по прозванию.

— Ты продолжаешь это утверждать? — переспросил султан. — Подумай, прежде чем сказать.

— Чего тут думать?

— Тебе, наверное, неизвестно, что я приказал суфиям казнить всех храмовников, захваченных на поле боя? — поинтересовался Салах ед-Дин. — Ты, как тамплиер, можешь разделить их судьбу? Наверное, ты не знал?

— Знал, — возразил рыцарь и с вызывающей ухмылкой добавил: — Убивать пленных — большая доблесть. Когда-нибудь и твоих солдат, которые попадут в плен, вот так же перережут без жалости.

Султан пропустил это замечание мимо ушей и вновь спросил:

— Так ты знал, что если тебя поймают, то казнят?

— Конечно, знал. Или ты думаешь, я надеялся ускользнуть, после того как убил бы его? — Жослен мотнул головой в сторону Улу.

— Ты жалеешь, что не смог сделать этого?

— О чем теперь говорить?

Повелитель всего Востока на какое-то время задумался. Он посмотрел на рыцаря, которого мамелюки продолжали крепко держать за руки, затем перевел взгляд на шпиона, потом снова на Жослена и неожиданно проговорил:

— А если бы тебе представилась такая возможность?

— Какая?

— Убить его, зная, что потом тебя казнят.

— К сожалению, меня казнят и без этого, — с искренним огорчением произнес молодой тамплиер. — Но если бы Господь сотворил такое чудо, я был бы ему очень благодарен. К сожалению, я не смог бы славить имя Его слишком долго, но все же... Ты — могущественный царь, повелитель, зачем тебе дразнить обреченного? Тебе в том нет чести.

— Отпустите его, — приказал Салах ед-Дин и, поскольку мамелюки, державшие Жюслена не поверили своим ушам, повторил: — Отпустите! Отдайте ему саблю!

— Великий государь, — забеспокоился Улу, — вы отпускаете его? Он не просто ваш враг, он, как мне доподлинно известно, доводится князю Ренольду сыном! Его мать, монахиня Марго, живет в Акконе...

— Это правда, что твой отец — казненный мной князь Петры?

— Да! — Храмовник гордо вскинул голову, с вызовом глядя на султана. — Это правда! И я — самый счастливый человек на свете, потому что имею своим отцом такого славного мужа! Я горжусь им!

— Что ж тут такого? — удивился Салах ед-Дин. — Хорошему сыну и полагается гордиться отцом, кем бы того ни считали другие... Ну что ж, раз так — убей человека, которого ты так ненавидишь! — закончил он, не меняя тона, и оба, и рыцарь, и тот, чьей смерти он сильно желал, разом повернулись и во все глаза уставились на султана.

Первым пришел в себя изменник.

— Но великий государь?.. — начал он, понимая, что повелитель не шутит. — Я даровал тебе победу!..

Свита неодобрительно загнула, правоверные тяготились необходимостью терпеть рядом с собой в такой знаменательный день грязного шпиона, который, как многие утверждали, к тому же еще и знался с сам злым демоном Мелеком.

— Вот как? — с деланным удивлением воскликнул султан. — А я-то думал, что мне ее даровал Аллах? Аллах и мои доблестные воины. Их мудрые командиры, мои эмиры и шейхи. Но оказывается, я все время ошибался? Что ж, мой *верный* Улу, благодарю тебя.

Царь шпионов с мольбой уставился на Салах ед-Дина. Впервые демон, поселившийся в душе отрока Жюльена многие годы тому назад, допустил ошибку. Ренегат и предатель испугался и задрожал, ибо понял, что жизнь сыграла с ним скверную шутку. Все время

он думал, что держал в руках все ниточки судьбы. Да и как ему было думать иначе, ведь он заставлял служить себе многих могущественных владык? Короли, князья, эмиры и шейхи считали, что управляют им, но он смеялся над ними, потешался над их близорукостью. И вот свершилось! Как он мог расслабиться? Произнести эти роковые слова?!

Улу бросился к ногам султана, не жалея красноречия, чтобы убедить его в собственной лояльности. Это стало второй ошибкой предателя — видно, не зря говорят, что тот, кто собьется с верного пути, не сразу найдет дорогу обратно. Видя его отчаяние, Салах ед-Дин понял, что поступил правильно, именно об этом и говорил ему мудрый ибн Муббарак. Не существовало иного способа одолеть беса, поселившегося в царе соглядатаев, ибо победить его можно было, только ударив в то место, которое нечистый дух считал у себя более всего защищенным. Хитрый и проницательный человек, Улу, как часто случается с людьми, подобными ему, менее всего опасался предательства, полагая, что никто в целом свете не мог сравниться с ним в этом искусстве.

«Что ж, — с удовлетворением подумал султан, — сейчас этот юноша свершит свою месть. Но то будет не его, а моя победа. Именно так, моя! Ибо сегодня я одержал еще одну победу над дьяволом!»

— Что же ты стоишь, аль-Маштуб? — словно бы не замечая униженных просьб шпиона, обратился к Жослену Салах ед-Дин. — Вот враг твой. У тебя в руках сабля, что же ты медлишь?

— Я не палач, повелитель, — мрачно произнес храмовник. — Он не безоружен, пусть вынет свой меч и примет смерть, как подобает.

Салах ед-Дин понял, что на сей раз одним ударом убить двух зайцев у него не получится. Рыцарь, вероятно и сам того не зная, преподал урок хозяину всего Востока, не пожелав воспользоваться случаем и зарезать предателя, если еще не была утрачена возможность убить его в честном бою. Султан все понял.

«Ах вот как?! — подумал он. — Значит, ты, молодой и сильный, считаешь себя равным противником слабому старику, чей меч давно заржавел в ножнах? И это, по-твоему, честно?»

Точно так же считал и Улу.

— Это нечестно, великий государь! — закричал он. — Если уж речь идет о поединке, то... По обычаю франков я мог бы настаивать на праве просить о заступнике!

— Ты хочешь сказать, что тогда за тебя дрался бы другой? Я правильно понял? — поинтересовался Салах ед-Дин.— Но какой резон тому, кто хотел убить тебя, жертвовать жизнью ради того, чтобы убить кого-то еще? Однако определенный смысл в твоих словах есть. Ты действительно слабее. Как же мне уравнивать вас?

Окинув обоих оценивающим взглядом, он хищно улыбнулся и приказал:

— Отсеките христианину правую руку! Так будет честно!

Не успел Жослен опомниться, как мамелюки вновь схватили его. Один из них взмахнул отточенным как бритва клинком, и кисть правой руки рыцаря упала на землю.

— перевяжите его, чтобы не истек кровью!

Когда стражники исполнили и это приказание, султан дал команду начинать схватку.

Что ж, и франкам тоже была не чужда хитрость. Молодой тамплиер не стал говорить повелителю всего Востока, что родился левшой, как и рыцарь из Тортосы, учивший своего оруженосца владеть оружием. Благодаря брату Бертье Жослен умел превосходно сражаться как левой, так и правой рукой. И хотя кровь сочилась из обрубка, а перед глазами Храмовника плыли радужные круги, он довольно быстро справился с предателем, отсек ему голову и, бросив оружие, поднял ее, показывая султану.

Даже сердце язычника не закрыто для сочувствия. Тронутый любовью рыцаря Жослена к своему отцу, Саладин не казнил сына своего врага. Он даровал рыцарю жизнь и милостиво позволил ему уйти, разрешив взять коня и меч, а кроме того, предложил исполнить какое-нибудь желание, которое было у рыцаря. И брат Жослен сказал: «Отдай мне голову и тело отца моего». И султан ответил: «Нет, того, что просишь, я не могу сделать, ибо голову врага правоверных будут показывать во всех концах земли моей, чтобы знали мусульмане, как повелитель Востока карает врагов истинной веры». Тогда брат Жослен сказал: «Отдай мне хотя бы тело отца моего». Саладин спросил: «Зачем тебе?» Брат Жослен ответил: «Я похороню его». И султан сказал: «Хорошо, бери, но до заката уходи

из моего стана». Солнце еще не село, но уже катилось к краю земли на западе, и рыцарь сказал: «Хорошо. Отдай мне тело князя Ренольда, и я уйду из твоего стана до заката».

Саладин отдал тело князя брату Жослену, и он ушел как можно дальше, чтобы султан не передумал и не велел послать за ним погоню, а на рассвете, когда был уже далеко, похоронил отца своего в земле Галилейской, в одном ему известном месте. Сам же ушел в крепость Сен-Жан-д'Акр, а когда та сдалась, пошел в город Тир, а спустя много лет, служа Храму как прежде, стал служить и графу Триполи Боэмунду Кривому и с ним вместе еще через несколько лет завоевал город, где родился.

Вот так и закончилась история жизни и деяний славного рыцаря Ренольда де Шатийона, которую описал брат Жослен Антиохиец, коментур ордена Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломонова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опасения графа Раймунда вполне оправдались, потеряв армию, франки потеряли и королевство.

Стены городов и неприступных замков словно бы сами падали перед победоносным войском Салах ед-Дина. Первой сдалась Тивериада; как и предполагал граф, султан отпустил графиню Эскиву и всех, кто вместе с ней героически сдерживал осаду, позволив им уйти в Триполи. Восьмого июля султан подошел к Акре. Сенешаль Жослен де Куртенэ, лишь по счастливой случайности избежавший участи других знатных рыцарей, не помышлял о сопротивлении. Горожане думали иначе, они хотели драться. Чтобы предать Акру в руки мусульман, пришлось пролить кровь христиан. Тех, кто желал сражаться, заставили подчиниться силой оружия, и десятого июля город без боя сдался Салах ед-Дину, который пожаловал его старшему сыну. Аль-Афдаль отдал все брошенные христианскими купцами товары своим солдатам. Поведение юноши так разозлило Таки ед-Дина, чьи воины остались с носом, что он не стал препятствовать им, когда они, к большой досаде султана, разграбили сахарную фабрику.

Некоторых из баронов Салах ед-Дин освободил в обмен на их вотчины: так без боя им были приобретены Ботрун, Джебаил и Марклея. (Последний город находился на территории графства Триполи. Как видим, Салах ед-Дин не собирался держаться обещаний, данных Раймунду.) В Аскалоне фокус, что называется, не удался; когда к стенам привели Гвидо де Лузиньяна и магистра Жерара, король приказал жителям сдаться,

но те лишь посмеялись и, в довольно грубой форме высказав королю все, что они о нем думали, ворот не открыли. Однако продержались храбрецы недолго. Натиск штурмующих оказался настолько силен, а силы защитников настолько малы, что вскоре им пришлось покориться. Всех жителей вместе с их семьями отвезли в Египет, где, посадив на корабли, отправили в Европу. В Газе гарнизон тамплиеров, обязанный подчиняться приказам магистра, сдался по первому его требованию. Так Жерар получил свободу. Он сложил буйную голову спустя два года в странной битве под Акрой, когда одна часть войска султана бежала, преследуемая христианами, аж до роковой Тивериады, а другая резала начавших грабить вражеский лагерь рыцарей. Гюи же после своей неудачи с жителями Аскалона еще несколько месяцев оставался в плену. Он умер на престоле Кипра спустя семь лет после роковой битвы на Рогах Хаттина. Сибила оставила своего прекрасного феба в тысяча сто девяностом, ей было всего тридцать лет, когда, как выражались тогда, Господь призвал ее к себе.

В конце сентября тысяча сто восемьдесят седьмого дошла наконец очередь и до Иерусалима.

В тот момент в городе было всего *два рыцаря*, которые не пошли в поход по причине болезни, и полностью беженцев, главным образом жен рыцарей и воинов, погибших в битве или попавших в плен. Сил для обороны не хватало, однако сдавать Святой Город жители не собирались, предпочитая умереть на его стенах. (Все, кроме патриарха Ираклия, он, как всегда, думал совсем о другом.) Вскоре в столицу королевства прибыл третий рыцарь.

Впрочем, как скоро выяснилось, он-то как раз умирать на его стенах и не собирался, а приехал лишь за тем, чтобы забрать жену и детей. Звали рыцаря Балиан де Наплуз. Правда о Маленьком Дамаске Балиану пришлось забыть, так как город к тому времени уже находился в руках мусульман — сеньор даже и не подумал защищать его. В Иерусалиме же младший из Ибелинов показал себя настоящим героем и вошел в историю просто-таки мастером по сдаче городов и... прекрасным купцом. Он буквально выторговал у Салах ед-Дина довольно сносные условия сдачи. Правда, несмотря на это, большей частью жителей, тем из них, у которых не было достаточной суммы, чтобы заплатить выкуп, все

равно предстояло сделаться рабами. Однако этого не произошло, но не благодаря Балиану.

Султан непременно стремился торжественно войти в город двадцать седьмого раджаба (в том году — второго октября), в знаменательный для мусульман день, когда сам пророк Мухаммед, лет этак пятьсот назад, будучи как раз в Иерусалиме, во сне вознесся на небо, где недурно провел время в беседах с Аллахом. По понятным причинам Салах ед-Дин не желал, чтобы кто-нибудь проклинал его в такой ответственный момент. Кроме того, крови султан уже напился, а поскольку слишком уж кровожадным он не был, почти все латиняне так или иначе были отпущены.

Куда же отправились все эти толпы беженцев?

В Тир. В Тир, которому скоро предстояло стать последним оплотом почти совсем утраченного христианами королевства.

Почему же Тир, единственный из приморских городов устоял? Почему его не постигла та же судьба, что все прочие неприступные крепости и замки, из которых к концу тысяча сто восемьдесят восьмого года в руках христиан остались лишь Бофор, спасенный благодаря хитрости Ренольда Сидонского, Тортоса, где, несмотря на то что мусульмане захватили город, тамплиерам удалось удержать цитадель, Крак-де-Шевалье, и поныне поражающий своими размерами замок госпитальеров, их же Маркаб, Триполи, оставшийся франкам лишь благодаря прибытию сицилийского флота, да Антиохия с портом Сен-Семеон?

Тир, безусловно, разделил бы участь Акры и других город, если бы не одно обстоятельство. Когда-то мы походя, вскользь упоминали о Конраде Монферратском, застрывшим в Константинополе по пути в Святую Землю. Так вот, как раз когда Левантийское царство готовилось к решительному сражению с неверными, Конрад почувствовал... нет, не призыв свыше, просто брат невинно убиенного Райньеро, супруга Марии, дочери базилевса Мануила, сам оказался замешан в убийстве. В общем, ему пришлось поскорее убраться из Второго Рима, чтобы наконец-то исполнить давно данный обет крестоносца и прибыть в Святую Землю.

Дело было в июле, надо полагать, Конрад спешил в Акру к восемьдесят восьмой годовщине празднования *освобождения* Иерусалима латинянами. Разумеется, никто на судне даже и понятия не имел о страшной катастрофе, постигшей королевство. Однако, когда

корабль стал входить в гавань, капитан выразил свое удивление тем, что не звонит колокол, который подавал голос всякий раз, когда в порт прибывало какое-нибудь судно. Так или иначе, приказа бросить якорь капитан не отдал. Когда появился таможенник-араб, никто особенно не удивился, поскольку мусульмане в Утремере часто занимали подобные должности. Однако, когда араб как ни в чем не бывало сообщил капитану о том, что Акра уже три дня как принадлежит Салах ед-Дину, некоторые из пассажиров, в том числе и Конрад, были, мягко говоря, удивлены.

Случилось это тринадцатого июля, а четырнадцатого корабль уже причаливал в Тире, где собрались все те, кому удалось вырваться из котла на Рогах Хаттина. Все бароны и рыцари, конечно, были абсолютно деморализованы и довольно охотно признали Конрада своим лидером, тем более что большой специалист по сдаче городов, Баллан Ибелин, вскоре отправился в Иерусалим, а граф Триполи поспешил укрыться в своей вотчине, где уже в конце года скончался от плеврита, завещав графство крестнику Раймунду Антиохийскому, старшему сыну Боэмунда Заики. Правда, у некоторых историков существует мнение, что граф скончался от раны, но это едва ли верно. Один французский исследователь прошлого века говорит, что сорокасемилетний Раймунд умер от горя и скорби о потерянном королевстве. Кто его знает? Может быть, и так, но... думается, вряд ли.

Так или иначе, Конраду никто не мешал. Он выбросил в ров знамена Салах ед-Дина, которые тот прислал, когда начались переговоры. Тогда султан велел подвести к стенам отца Конрада, Гвильгельмо Старого, и пообещал сыну, что казнит старика, и... как пишет современный английский исследователь, долг рыцаря и крестоносца возобладал в Конраде над сыновними чувствами. Разумеется, султан просто пугал, как и следовало ожидать, он не стал приводить своей угрозы в действие.

А как же не хватало франкам накануне решительной битвы с врагами такого вот воителя, как Конрад де Монферрат! Как поступил бы он, окажись на месте Гюи? Отдал ли бы он приказ выступить на помощь Тивериаде или предпочел бы выжидательную тактику пуленов? Думается, он выбрал бы первое. Судя по некоторым фактам, третий сын престарелого маркиза обладал качествами, которые отличали знаменитых крестоносцев Первого похода, Бальдуэна Булоньского, Раймунда де

Сен-Жилля и Боэмунда Отрантского. А как поступил бы на месте короля Гюи в Сефории второго июля тысяча сто восемьдесят седьмого года тот же Боэмунд? Как сказал английский писатель, автор одной из многочисленных историй крестовых походов Альфред Дагган: «*When in trouble Bohemond always fought*». *Когда Боэмунд находился в большом затруднении и не знал, как поступить, он принимал решение сражаться.*

Трудно сказать. Догадки есть догадки. Ясно одно, как бы там ни складывалась ситуация, до тех пор, пока король не отдал приказа разбивать лагерь в безводной местности, франки еще не проиграли кампанию. Возможно, даже тогда, когда наступило утро дня святого Мартина, не все было потеряно. Вероятно, находишь войско под началом опытного и пользующегося уважением полководца, даже пехотинцы повели бы себя иначе. В те времена порой хватало пламенной речи, чтобы изменить настроение людей и иной раз диаметрально изменить ситуацию. Не случайно же Наполеон Бонапарт считал, что армия баранов, предводительствуемая львом, сильнее армии львов, которой командует баран.

Как бы там ни было, случилось то, что случилось, потому нам остается лишь продолжить подведение итогов.

Итак, Конрад показал Салах ед-Дину зубы, но султан не оценил всей зловещей прелести этого оскала. Позднее повелителю Востока пришлось раскаяться в том, что он не предпринял более решительной попытки взять Тир в победном июле, в конце года сделать это оказалось просто невозможно. Франки не просто оборонялись, они даже огрызались, осуществляли дерзкие вылазки, убивали правоверных, топили их корабли. Вскоре Конрад сделался признанным лидером латинян Утремера. Салах ед-Дин решился на хитрость; он освободил Гюи, полагая, что появление в Тире законного короля вызовет раскол в лагере христиан. Так бы, скорее всего, и произошло, но только Конрад не пожелал даже впустить Гвидо в город, закрыв ворота перед его носом.

Как ни странно, но дальновидность султана, проявленная им в случае с освобождением Гюи, принесла мусульманам одни лишь хлопоты, и... весьма неприятные. Оскорбившись ответом Конрада, Гвидо не поджал хвост, как можно было бы предположить, а со своей

маленькой дружиной двинулся к Акре и... осадил ее. У него сыскалось немало последователей, и скоро лагерь Иерусалимского короля, разбитый на горе Турон (теперь Тель-эль-Фуххар) у речушки Белус в миле на восток от Акры, стал разрастаться. Мусульмане поначалу не приняли его всерьез, но... На сей раз капризный характер короля как нельзя лучше послужил на благо дела латинян на Востоке, Гвидо положил начало реконкисте, первый этап которой закончился в мае тысяча сто девяносто первого года взятием Акры крестоносцами Третьего похода и казнью трехтысячного гарнизона мусульман.

Но это уже другая история...

А что же стало с сеньорией Ренольда де Шатийона? Какова была судьба Горной Аравии? Законный вопрос. Оборона Керака и Монреалья — один из самых героических эпизодов постхаттинского периода жизни королевства. Начался он с того, что дама Этьения, находившаяся в Иерусалиме на момент сдачи города мусульманам, попыталась в обмен на свободу ненаглядного чада сдать Салах ед-Дину Керак. Каков был ответ гарнизона, предугадать несложно. Этьения, как женщина имеющая подлинно рыцарское представление о чести, возвратила уже освобожденного Онфруа султану. Тот, хотя ничего особенного и не выиграл от этого, вскоре отпустил бесполезного пленника.

Что же до защитников крепости, князю не пришлось бы краснеть за них. Не напрасно он верил в своих подданных; больше года они мужественно сражались с врагом. Обложенный несметными полчищами египтян, гарнизон стойко держался. Султан, вероятно опасаясь падения боевого духа своих солдат, вынужденных столь долгое время топтаться под стенами неприступной твердыни, даже предлагал защитникам Керака деньги, если они прекратят сопротивление. Вместо этого они продали своих жен и детей бедуинам, чтобы, получив в обмен продовольствие, продолжать оборону, и сдались лишь тогда, когда была съедена последняя лошадь. Произошло это в священный для мусульман месяц рамадан пятьсот восемьдесят четвертого года лунной хиджры, то есть в период между двадцать четвертым октября и двадцать третьим ноября тысяча сто восемьдесят восьмого года от Рождества Христова.

А что же случилось с защитниками? Какова была их судьба?

На следующий день Иоанн из Гардарики и Михайло Удалец навсегда покинули Керак. Облачившись в платье странников, они ушли в сторону Дамаска.

В это же время, может, немногим раньше, а может, и позже, произошла и еще одна утрата в земле Заиорданской: неведомо куда исчез таинственный отшельник Петры. Был ли он на самом деле или лишь грезился тем, кто считал, что видел его и говорил с ним? Наверное, все же был, ведь не Громом же Небесным в самом деле объяснялась смерть дворецкого Жака? И вот еще, кто убил храмовников? Чья кровь, точно нить Ариадны, вывела морских разбойников из западни? Чей же ужин съели тогда скитальцы-викинги, уже, казалось, обреченные на медленную смерть от голода и жажды?

Кто же знает? Трапеза одного воина вполне подходит другому. Вкушая ее, он причащается святых таинств, становясь все более неразрывно связанным с никогда не виданным божеством. Взамен божество требует приносить себе новые и новые жертвы, влечет *посвященного* в неведомые дали, порождает в нем неукротимый нрав, воспитывает дух, что заставляет воина никогда не опускать оружие, никогда не сдаваться. Оно позволяет тому, кто верит в него всегда, даже в самый тяжелый час, с презрением заглядывать в глаза смерти, и вовсе не потому, что она не страшна, а потому, что тот, кто уходит, оставляет частичку себя тем, кто остается.

Так оно и получилось — те, кто остался, оказались достойны тех, кто ушел.

Но это уже другая история. Следующая.

КОММЕНТАРИИ

¹ *Aurea flamma*, или *Orie flambe*, — букв. золотой огонь — знамя французских королей. Башелёр (ст. фр.) *bachelors*, или *bachelier* (башелье), — молодой рыцарь, не имевший вассалов (но не слуг), не имевший возможности поднимать собственный флаг и сражавшийся под знаменами сеньора. (*Jeune gentilhomme qui, n'ayant pas moyen de lever la bannière...*) Такое толкование дает большой словарь французского языка 1863 г., выпущенный в Париже.

² Здесь донжон — тюрьма. Вообще же это центральная башня замка.

³ Интересно, что в 1168 г. Иерусалимский король получил от Каира колоссальный откуп — один миллион динаров.

⁴ Здесь автору пришлось несколько нарушить хронологию. Салах ед-Дин освободился от дел только поздней осенью 1174 г., наследник Нур ед-Дина и его мать покинули Дамаск в начале осени, тогда как наш рассказ берет начало летом этого года.

⁵ Туаза (*toise*) — старая французская мера длины в шесть стоп, то есть примерно 180 см.

⁶ Раззья — набег, синоним любимого рыцарского термина, *pillage*.

⁷ *Damoiseau*, или *valet gentilhomme*, иначе, паж, подросток, который до достижения совершеннолетия (в ту пору 14—16 лет) служит взрослому рыцарю в качестве оруженосца.

⁸ *Confrater*, буквально *собрат*, не полный член военномонашеского ордена. Между статусом брата и собрата есть немало отличий, да и само братство бывало разным, например, упомянутый здесь граф Триполи, Раймунд Третий, также с 1181 г. являлся собратом Госпиталя, оставаясь светским

властителем в своей вотчине. Среди всего прочего, иоанниты обязывались молиться о спасении души графа, что в ту эпоху считалось делом немаловажным, он мог бы, если бы ему вздумалось, быть похороненным на кладбище ордена. Со своей стороны братья госпитальеры требовали вещей более материальных, они ожидали от собрата щедрых donations, ежегодных вспомоществований, а также того, что он будет предупреждать орден о любой опасности, грозящей ему. Что же касается лично графа Раймунда, то его связь с госпитальерами, вероятнее всего, была обусловлена, кроме всего прочего, еще и тем, что с 1168 г. маршалом ордена св. Иоанна был некий Раймунд Тивериадский.

⁹ Аморик Первый вообще отличался жестокостью в отношениях с храмовниками. В 1166 г. он повесил двенадцать тамплиеров, обвиненных в сдаче крепости неприятелю без разрешения сеньора, каковое преступление по законам королевства со времен Бальдуэна Второго входило в число двенадцати подходивших под определение государственной измены. Для светского рыцаря оно могло повлечь за собой как минимум лишение фьефа и позорное изгнание. При этом даже и наследники его не могли рассчитывать получить владения отца-изменника.

¹⁰ Прежде Иракий был архидьяконом Иерусалима, а после того, как в 1173 г. скончался архиепископ Кесарии Эрве (Hermesius, или Hervesius), получил его кафедру.

¹¹ *Chevaliers flamen*. В «*Les Familles de Outre-mer*» Du Cange приводятся несколько версий прозвища Жерара, он называется Girard (*Gerard*) de Ridessor, de Ridesford (*Vidford*) и даже Bedefort. В современном варианте Gerard de Ridefort.

¹² Любопытно, что, по подсчетам сэра Стивена Рансимана, вес Люси де Ботрун составил 140 английских фунтов — 63 килограмма. Учитывая тот факт, что люди в средние века были ниже ростом, чем в наше время, в среднем на 5—8 см, девушка, надо полагать, была, что называется, в теле. Поскольку дородность считалась признаком здоровья, подобные дамы весьма ценились.

¹³ Отец Этьенни, некогда обменявший свой удел, город Наплуз, на грозные цитадели Горной Аравии, которую он передал дочери и ее первому мужу, под конец жизни сделался магистром Храма.

¹⁴ Слово «*prince*» означает в переводе с французского и «князь» и «принц», турки и арабы, конечно, произносили его на свой лад.

¹⁵ Индикты — пятнадцатилетние отрезки времени, принятые для исчисления времени еще в Древнем Риме. В Византии год начинался в сентябре, таким образом первый месяц

10 индикта — сентябрь 1176 г., или, по византийскому летоисчислению, 6685 г.

¹⁶ Тут оруженосец ошибся, Мануил Комнин, политический деятель середины XI в., императором не был.

¹⁷ За саратаном (знак рака) действительно следует лев — асад. Что до Салах ед-Дина, то он вполне мог родиться под знаком льва — месяц зу-ль-каада 531 г. лунной хиджры. Однако Нур ед-Дин, появившийся на свет в десятый месяц 511 г. лунной хиджры (в 1118 н. э.), — года собаки и, как можно с большой долей уверенности предположить, под знаком хут (рыбы), — не мог с полным правом называться саратаном. Скорее тут все дело в образности выражений рассказчика.

Теперь об именах, Нур ед-Дин в отличие от своего знаменитого отца, атабека Мосула Имад ед-Дина Зенги, никогда не величался сверх меры. Более того, как говорили некоторые из современников, могущественный правитель был не просто скромн, но даже и весьма склонен к самоуничижению. Например, он сам себя называл просто *этот Махмудка* или — тут явно сделала свое дело «астрологическая собака» — *этот пес Махмудка*. Где-то мы уже что-то подобное слышали, не правда ли? Был один такой весьма знаменитый политический деятель, называл себя — Ивашка, удельный князишка Московский, грозный именем и страшный деяниями «великий магистр ордена кромешников».

¹⁸ Год в Утремере начинался не с первого января, а со дня празднования Рождества. Иногда к номеру года добавляли еще число лет, прошедших со дня *освобождения* Иерусалима (15 июля, июльских ид 1099, дня взятия города крестоносцами). Скажем так, MCLXXIV *anno ab incarnatione Domini*, или просто A.D. (1174) до 14 июля включительно являлся LXXV семьдесят пятым годом *a capitone Jerusalem*, а с 15 и до своего окончания то есть до сочельника — LXXVI. Князья Антиохийские, особенно Боэмунд Заика, ставили год от основания княжества; поскольку Антиохия стала христианской 3 июня 1098 г., то там 1174 был LXXVI и LXXVII. Иногда особо отмечали годы правления какого-нибудь из правителей. Пользовались также римскими индиктами, тут 1174 г. был седьмым индиктом.

По мусульманскому календарю 1 января 1174 г. пришлось на 25 день джумада аль-уля (пятого месяца) 569 г., соответственно 1 января 1175 г. — 5 джумада аль-ахира (шестого месяца) 570. Период с 1 января (или в нашем случае с 25 декабря 1173 г.) по 31 августа 1174 г. соответствовал 6682 г. византийской эры; с 1 сентября по 31 декабря — 6683.

¹⁹ «*Comes Tripolitani et totus regni procurator*» — так на латыни, использовавшейся в королевстве в XII в. при составлении государственных актов, писался титул Раймунда.

²⁰ Сутки в средние века на христианском Востоке сменялись не в полночь, что естественно для нас, а с рассветом в первую стражу дня (всего было четыре дневные и четыре ночные стражи), или, по церковному счету, с утренней молитвы — второго канонического часа.

²¹ Монеты, наиболее пользовавшиеся доверием в те времена. «Михалики», то есть безанты базилевса Михаила VII (1168—1178), выпущенные до прихода к власти Комнинов, египетские золотые и тари, четвертая часть золотого, которые чеканили на монетном дворе первого герцога Апулии, Роберта Гвискара (1059—1085). Пятьсот золотых — немалая сумма. В XII в. столько в среднем стоила касалия (деревня).

²² Серебряные и бронзовые монеты.

²³ Подобные методы установления истины, в том числе и судебные поединки, весьма решительно осуждались церковью. Папы грозили участвовавшим в них всяческими карами, однако в Святой Земле, в частности в графстве Триполи, никто, похоже, и не подозревал о том, каким страшным грехом является ордалия.

²⁴ Выигрышными являлись следующие комбинации: 3-3, 5-5, 6-6 или 6-5, в то время как 1-1, 2-2, 4-4 или 1-2 — проигрышными. Все прочие варианты просто не считались.

²⁵ Строго говоря, титул султана Салах ед-Дин никогда не принимал, довольствуясь более скромным — малик, что означает король. Тем не менее многие хронисты-современники называли его султаном.

²⁶ Варяги, или ватранги, как, например, называли их ромеи, базилевсы которых любили брать могучих северян в свои личные гвардии, носили длинные мечи на правом плече.

²⁷ Дочь Ренольда де Шатийона и Констанс Антиохийской вышла замуж за Белу III, короля Венгрии.

²⁸ В 1071 г., в большей степени в результате интриг и предательства, чем вследствие отсутствия должных полководческих талантов, тогдашний император Византии Роман Диоген не только погубил огромную армию в сражении с турками, но и сам угодил к ним в плен.

²⁹ Катастрофе, случившейся с главной армией Византии 17 сентября 1176 г. в битве при Мириокефалоне, предшествовала хотя и менее значительная, но не менее ужасная. Второе войско ромеев, которое возглавлял кузен Мануила, Андроник Ватац, также потерпело сокрушительное поражение в Пафлагонии (территория на малоазиатском побережье Черного моря). Главнокомандующий лишился головы, которая в качестве презента отправилась к Килидж Арслану, что, как можно предположить, подняло дух не только самого султана, но и его воинов.

³⁰ Соглашение в Иври между Людовиком VII и Генрихом II.

³¹ Монашеский орден, основанный приблизительно в 1155—1157 г. группой бывших крестоносцев, живших в пещерах подле источника Илии на горе Кармель (отсюда название). Нищенствующие братья, как, например, францисканцы, кармелиты, как и члены многих других религиозных общин, видели свое предназначение в помощи больным, в частности прокаженным.

³² Или джумада II. 18 ноября 1177 г.

³³ Так часто называли Аскалон в средние века.

³⁴ Балиан был отцом покойного в то время Юго, третьего супруга Агнессы де Куртенэ, а также Бальдуэна и Балиана — ее злейших врагов. В описываемый момент городом владели госпитальеры.

³⁵ Монжисар! Монжисар и Святая Катерина, святая покровительница Петры! Вперед!

Mongisart, или *Montgisard*, существует вариант написания — *Mons Gisart*. Арабское название Тель-Джезир. Пятница 25 ноября 1177 г. была днем святой Катерины. Монастырь св. Катерины находился на горе Синай.

³⁶ По другим данным, у короля было всего 360 рыцарей, не считая тамплиеров.

³⁷ Речь идет о Густаве Шлумбергере (Гюставе Шлёмберже). Он, кстати, возражает хронисту и говорит о двух тысячах человек, которых потеряли христиане убитыми и ранеными, что едва ли верно. Вероятно, имеются в виду общие потери, понесенные франками за время кампании (за период с 18 по 25 ноября), включая тех солдат, которые первыми попытались прийти на помощь королю и, попав в засаду, погибли.

Несмотря на то что очень многие франки отличились в битве при Монжисаре — многие исследователи, в том числе P. Deschamps и G. Schlumberger, говорят об этом, — Ренольд де Шатийон заслужил особой похвалы. Они цитируют Эрнуля, доблесть которого превосходила храбрость всех прочих рыцарей: «*Or vous dirai del prince Renaud sires dou Crac qui fu en la bataille de Mongisart... ce fut cil qui le grignour prouence i fist*».

³⁸ Надо сказать, что войско мутамелека Бердуила (так называли Бальдуэна арабы), действовавшее в Заиорданье никогда не превышало 500 человек. Из них рыцарей всегда было не больше ста — ста двадцати человек.

Первым сеньором Горной Аравии стал некий придворный, виночерпий (*l'échanson*) Роман дю Пюи (1118). Ему наследовал сын, Рауль, который, однако, скоро лишился фьефа из-за разногласий с королем.

³⁹ Южнее Монреаля находились три более или менее значительных замка: Ормоз, Села и уже упомянутый Vaux Moïse.

Приблизительно на половине дороги между Кераком и монреалем располагалась Тафила, а примерно милях в пятидесяти пяти—шестидесяти к северу от главного замка находился Амман, нынешняя столица Иордании. Все основные стратегические пункты соединяла старая римская дорога. Путь хаджа из Дамаска в Мекку пролегал в среднем на удалении от восьми (в районе Аммана) до тридцати миль (в районе Керака) к востоку от замков христиан.

Главный замок христианской Трансиордании, Керак, представлял собой внушительное архитектурное сооружение. Суммарная длина все четырех стен его составляла около 700 м (восточная — 240, западная — 220, северная — 135, южная — 85). Глубина рва достигала 60 локтей (ок. 30 м). Для сравнения, длина Московского Кремля, построенного на рубеже XV—XVI вв., — чуть более 2 км.

⁴⁰ Характерно, что в королевских хартиях 1179 и 1180 г. первой стоит подпись Ренольда, потом только сенешаля Жослена Третьего. В феврале 1182 г. Ренольд вновь подписывает хартию первым, за ним Ренольд Сидонский, в то время как коннетабль только пятым. В том же феврале, но в другой хартии подпись Ренольда стоит второй, третьей — Жослена, четвертой — Аморики. В апреле следующего года первым подписывал Раймунд Триполийский, вторым — Жослен, а Ренольд — только третьим.

⁴¹ Более ста килограммов.

⁴² Eudes de Saint-Amand в разные времена был в королевстве Иерусалимском маршалом, дворецким (*le bouteiller*, или *pincerna*) и стольником (*l'échanson*).

⁴³ Le Baussant — знамя тамплиеров. «Non nobis...» — первые слова боевого клича храмовников: «*Non nobis, Dominus, non nobis, sed nomine tuo, da gloriam*». (Не себе, Господи, не себе, но имени Твоему воздаем славу.)

⁴⁴ Имя это приводится у хронистов и исследователей в самых разных транскрипциях. Есть, например, еще вариант — Гвийárd, Гийár и даже Ги.

⁴⁵ Лузиньяны, конечно, жили не в Англии, они были французами и не знали ни слова по-английски, но являлись вассалами английской короны.

⁴⁶ Речь идет об базилиевсе Ираклии, при котором за период с 614 по 619 г. Византия потеряла Сирию, Палестину и Египет, захваченные персами. Разумеется, был утрачен и Истинный Крест, на котором пострадал Спаситель. Однако уже к 630 г. Ираклий победил персов и вернул Святой Крест.

⁴⁷ Существует мнение, что слухи о заговоре Раймунда и Бозмунда так сильно подействовали на Бальдуэна, что он, желая укрепить позиции своего дома, решил ускорить бракосочетание сестры, благодаря чему она и ее избранник были

обвенчаны не на Пасху, а раньше, то есть во время Великого поста, что, конечно, вызвало разного рода пересуды.

⁴⁸ Если кто и выиграл от помолвки, так все та же Агнесса и ее брат. За честь породниться со сводной сестрой короля Онфруа уступил ему свои земли в Галилее, то есть дедовы вотчины, замки Торон и Хунин. Первый получила в удел мать Иерусалимского монарха, а второй — дядя, сенешаль граф Жослен Эдесский. Sir Steven Runciman цитирует арабского историка ибн Джубайра, который пишет, что Торон принадлежит «свинье, матери поросенка, который правит в Акре».

Как мы видим, соседи мусульмане и христиане в Святой Земле питали друг к другу подлинную любовь и искреннее уважение. Едва ли имеет смысл всерьез говорить о возможности мирного сосуществования тех и других на этой территории.

⁴⁹ Настолько невыясненных, что дата его смерти точно не установлена и по сей день. Его знаменитая летопись обрывается на 1183 г.

⁵⁰ Одо де Сент-Аман умер 8 октября 1180 г. Arnaud de Torroge (*Turri Rubea*, или *de la Tour Rouge*), то есть Арно из Красной башни.

⁵¹ Хакон, датское (в данном случае «датский», значит «вообще скандинавский») имя которого превратилось в христианское Джакомо (Иоахим), говорит о французских норманнах (офранцузившихся викингах), захвативших в 1066 г. Англию. С тех пор знать в этой стране, так же как и в Сицилии и Южной Италии, говорила на нормандском диалекте. Валланд — Франция.

⁵² 11 мая 1182 г. Когда султан проезжал по улицам Каира, кто-то в толпе крикнул: «Запомни же как пахли волоокие красавицы Неджда, более тебе уже не видать их никогда». Пророчество сбылось, Салах ед-Дин так до конца жизни больше и не вернулся в Египет.

⁵³ Берси Магнуссон — Медведь, сын Большого. Выражение «сажать себе на колено» означает «усыновлять».

⁵⁴ *Tiercel* (старофранцузское *tercel*) — ястреб-самец.

⁵⁵ Сеньория Жослена III графа Эдесского (*Josslyns III, comte de Rohais*).

В 1176 г. Жослен, став сенешалем, практически сразу же женился на третьей дочери Анри Буйвола (*Henri le Buffle*) и получил за ней *Chastiau du Rois* и *Montfort*. 5 февраля 1178 г. Жослен принес омаж Боэмунду Заике за фьеф в семь городков на территории княжества Антиохийского и обязался поставлять в дружину князя пять рыцарей. Также получал доходы в размере 3000 безантов с трех других городов, а с порта Сен-Симеон — 3000 литров вина.

2 апреля 1179 г. Жослен за 7500 безантов покупает у камергера Жана (Jean de Bellême), сменившего на этом посту Аморика де Лузиньяна, фьеф в 5 касалий (*casal*) около Акры. (С фьефа полагалось поставлять королю двух рыцарей.) 22 октября того же года — у Петромиллы, виконтессы Акры, две деревни и дом в Chastel-Neuf за 4500. Спустя всего месяц Жослен становится владельцем части территории Сен-Жоржде-Лабаниа на срок семь лет. В 1181 г. прибирает к рукам фьеф Филиппа ле Ру (Philippe le Roux), 24 февраля 1182 г. приобретает фьеф около Хайфы, который позднее выменивает на Chastel-Neuf. 19 марта 1183 г. Жослен покупает 14 городов у Жоффруа ле Тора (Geoffroy le Tors), который, становясь вассалом сенешаля, продолжает владеть оставшейся частью фьефа. Оба держателя земли обязуются снаряжать в королевскую армию шесть рыцарей (двоих — Жослен, четверых — Жоффруа).

После этого разбросанные по всей Галилее владения Жослена стали «стоять» ежегодно двадцать четыре рыцаря (напомним, что сама столица королевства «стояла» шестидесяти одного рыцаря, а сеньория Трансиорданская — шестидесяти). В дальнейшем «сеньория Жослена» продолжает расти.

Кроме того, он имел денежные фьефы в Акре с ежегодным доходом в 1000 и в 500 безантов. К тому же в результате хитрой комбинации практически завладел фьефом другого рыцаря (дополнительные 1000 безантов). Во все той же Акре сенешаль пользовался правом беспошлинной торговли сахаром и медом со своего фьефа в Ланаиаме (Lanahiam).

⁵⁶ Средневековое подобие скрипки.

⁵⁷ Именно так в своей истории аттестовал поход Ренольда Эрнуль: «*Le prince Renaud voulait crier et savoir quel manioient sour cele mer d'autre part*». Некоторые исследователи, например Paul Deschamps в своей «*Les châteaux des Croisés en Terre-sainte*», сообщают, что корабли сеньора Заиорданья были построены в Аскалоне и через пустыню на верблюдах доставлены к заливу Акаба. Однако sir Steven Runciman в «*A History of the Crusades*» говорит о том, что построены корабли были на территории Горной Аравии и даже испытаны на Мертвом море.

⁵⁸ Иносказания скальдической поэзии были весьма почитаемы северянами, которые любили давать обычным вещам самые причудливые названия. Например, море они называли дорогой качек, лебяжьей стезей или эгировой влагой (Эгир — морской великан); корабли — волами весла, конями пены, или стремнины; кровь — навьей пеной, волчьей брагой; золото — солнцем волн и перинами дракона; себя, воинов, — дубами сеч, вязами кольчуг; битву — топотом копий, спором секир, пляской Хильд и вихрем Одина, конунга — зачинщи-

ком бури, бранных птиц поильцем; мечи — жезлами ран, льдинами кольчуги и искрами визга стали, огонь — пляской древес.

Существовали, разумеется, еще сотни, а может быть, и тысячи образов.

⁵⁹ И не он один, великий король Львиное Сердце, страдал от морской болезни. Этим и объясняется то, что, где было возможно, король передвигался посуху, в то время как все его войско путешествовало на кораблях.

⁶⁰ До момента своего полного разрушения в 1428 г. этот важный порт находился на территории современного Судана, как раз напротив Мекки.

⁶¹ Викинг — человек из Вика, залива, расположенного между мысом Линдеснес в Норвегии и устьем реки Гёта в Швеции. С 1500 г. называется Скагеррак.

Марка — две трети фунта серебра — около 220 г.

⁶² Порт в Йемене.

⁶³ Ас-Сувайс, порт в самой северной точке Суэцкого залива.

⁶⁴ Гиллекрист (*Gille-Crist*) в переводе с языка викингов означает Слуга Христа.

⁶⁵ Лулу был не только адмиралом, но еще и камергером двора, главным евнухом.

⁶⁶ Пророчество, которое якобы видел Константин начертанным в небе на латыни, звучит так: «С этим знаком победишь». (*In hoc signo vinces*). В данном случае Жюльен намекает на то, что оно гласило: «*In hoc cygno vinces*», то есть: «С этим лебедем победишь». Слова «*signus*» — «знак» и «*cygnus*» — «лебедь» звучат очень похоже.

⁶⁷ Напомним, граф был собратом (*confrater*) братства Госпиталя.

⁶⁸ Формула эта выглядела на латыни, которой пользовались в ту пору для составления государственных актов со времен Бальдуэна Третьего, выглядела так: «*Ego Balduinus per gratiam Dei in sancta civitate Hirusalem Latinorum Rex sextus*». Его наследники, естественно, ставили в свои имена и порядковые номера. Предшественники Идеального короля, особенно первый государь Святого Города, пользовались иными формулами — например, Бальдуэн Первый подписывался так: «*Ego Balduinus, regnum Ierosolimitanorum dispositione Dei optinens*», или «*Balduinus ab exultante clero, principibus et populo, primus rex Franconorum*», или «*Dei gratia rex Jherosolimitanus Dei amore et timore*», или «*Dei gratia rex Jherusalem*». Бальдуэн Второй так: «*Dei gratia rex Jherusalem Latinorum secundus*». Фульке Анжуйский так: «*Dei gratia rex Jherusalem Latinorum tertis*».

⁶⁹ Некоторые историки считают, что Жервез де Басош был сыном сестры первого короля Иерусалима. После гибели

в 1105 г. тогдашнего князя Галилеи Юго де Сент-Омера Бальдуэн Булоньский отдал княжество Жервезу. Во владения его входил и только что построенный в ту пору Торон. Весной 1108 г. Жервез угодил в плен к Тохтекину, эмиру Дамаска. В обмен на свободу Жервеза Тохтекин потребовал от короля сдать Акру, Хайфу и Тивериаду. Король, разумеется, отказал, и Жервеза казнили.

⁷⁰ Башмаков (*avant-pieds*).

⁷¹ После смерти Мануила на престол был возведен его сын, одиннадцатилетний отрок Алексей II, императрица Мария Антиохийская стала регентшей, а племянник покойного базилевса, протосеваст Алексей Комнин, — ее любовником. Порфирородная Мария, дочь Мануила, и ее муж Райньеро де Монтферрат составили заговор против юного императора. Заговор провалился, и его участники бросились искать убежища в Святой Софии. Святотатственная попытка подручников регентши ворваться туда возмутила народ столицы, потребовавший простить заговорщиков. Несмотря на прощение, партия Марии не снискала благорасположения в горожанах, ненавидевших латинян в первую очередь из-за торговых льгот, которые имели в Константинополе итальянские коммуны. Тут патриотично настроенные представители знати вспомнили о престарелом Андронике Комнине, кузене Мануила, жившем в изгнании в Понте (северо-восточная Анатолия, южное побережье Черного моря).

При приближении войска Андроника ромеи вырезали купцов-латинян, лишь немногим из которых посчастливилось уцелеть. Протосеваст Алексей, любовник базилисы Марии, был брошен в тюрьму и ослеплен. Таинственным образом оказались убиты и порфирородная Мария с мужем Райньеро. Саму императрицу удавили, предварительно вынудив ее тринадцатилетнего сына подписать приказ о казни собственной матери. Андроник объявил себя соимператором, а спустя два месяца, в ноябре 1182 г., после убийства отрока Алексея, самодержцем и правителем самого большого на Земле христианского города. Спустя менее чем три года народ, так бурно радовавшийся приходу к власти *своего* базилевса, врага латинян, вскоре, несмотря ни на какой патриотизм, разорвал Андроника на площади.

Патриотизм, как мы убеждаемся, может оказаться опасен, в том числе и для самих патриотов. В общем, получилось так: нашим же салом нам же и по сусалам. Императором стал еще более патриотичный Исаак Ангел. Чехарда на троне Второго Рима продолжалась еще почти двадцать лет и завершилась 13 апреля 1204 г., когда крестоносцы Четвертого похода штурмом взяли Константинополь, на целых пятьдесят семь лет ставший столицей Франкской Романии.

⁷² Согласно хронике Гвильома Тирского, всего было 1300 рыцарей и 15 000 пехоты. Однако едва ли это верно, так как даже при Хаттине у христиан было 1200 рыцарей и не более 10000 пехоты.

⁷³ Эта фраза означает: клянусь адом.

⁷⁴ Хроника донесла до нас рассказ о подвиге рыцаря по имени *Yveins* (иначе *Ivenus*), который один преградил дорогу язычникам. Тех из них, кто осмеливался слишком приблизиться к нему, он просто убивал: «*Il ne bougeait mie et tuant tous ceux qui l'approchaient de trop près*».

⁷⁵ Вот что говорит по этому поводу Эрнуль, присутствовавший в замке как слуга отчима невесты. По словам хрониста, Ренольд (увидев, что Садах ед-Дин настроен серьезно и уходить не собирается) понял, в какое тяжелое положение попал. Находя, что в замке недостаточно еды, князь приказал сержану спуститься вниз со скалы и спешить в Иерусалим за помощью: «*Quand li princes Renaud vit c'on l'asaloit si durement et c'on le grevoit si et qu'il n'avoit mie plenté de viande el castiel, si fist avaler un siergant par la falise, et manda au roi en Jherusalem qu'il le secourust; et il ne le secouroit proçaiment, il perderoit le castiel, car il n'avoit gaires de viande*». Думается, что на самом деле хозяин Керака, грозясь сдать замок, на что по закону князь имел право в случае, если в крепости начался бы голод, просто сгущал краски, стремясь поскорее получить помощь — кому же охота круглосуточно находиться под обстрелом? Весьма сомнительно, чтобы Ренольд, зная, какую сильную «любовь» питает к нему султан, всерьез собирался сдаваться.

⁷⁶ Мангонели, требюшэ, перрье, «кошки» — все это тяжелые метательные машины (полезный груз до четверти тонны), получившие распространение на Востоке в XII в., с ростом мощи замковых укреплений.

⁷⁷ Короткий плащ, что-то вроде пончо.

⁷⁸ «*Vir feminae quam viro proprior, gestu mollis, sermone fructus*». (По определению автора одной из хроник XII века.)

⁷⁹ *Païenime* — то есть в земле неверных. (*Paganus* в переводе с латинского, или *païen* — с французского, означает — язычник.)

⁸⁰ Эрнуль повествует: «*Si envoia à Salehadin des de son fils pain et vin et bæufs et moutons; et si li manda salut, qu'il l'avant maintes fois portée entre ses bras quand il estoit esclave el castiel et elle estoit enfant. Quand Salehadin vit le présent, si en fut mout liès, si fit recevoir, et si l'en merchia mout hautement; et si demanda à ceux qui le présent avaient aporté, en lequele tour li espousés et espousée estoient et giroent, et il li monstrèrent. Dont vint Salehadin, si fist crier par tout son ost que nul ne fust si hardis qui à celle tour traisist, ne lançast, ne assaillist*». Она

(Этьения) послала Саладину от (стола) своего сына лепешек, говядины и баранины и велела кланяться ему, потому что когда-то давно, когда он был пленником в замке, она носила его на руках. Когда Саладин увидел подарки, он очень обрадовался, принял их и во всеуслышание благодарил. И он спросил у тех, кто принес подарки, в какой башне супруги возлягут на ложе (проведут ночь). Узнав об этом, Саладин велел своим солдатам не обстреливать и не штурмовать ту башню.

Поскольку история эта дожила до наших дней, значит современники всерьез верили в ее правдивость. Однако стоит лишь призвать на помощь арифметику, как станет ясно, что такого быть просто не могло, поскольку в год появления на свет наследницы Керака Салах ед-Дину исполнилось уже восемь лет. Эрнуля, похоже, подобные мелочи совершенно не смущали.

⁸¹ «Ах, не клянись луной непостоянной!..» Пройдет всего семь лет, и брак двух любящих друг друга людей будет объявлен... недействительным. Мария Комнин заявит, что дочь принудил выйти замуж сводный брат, король Бальдуэн. Разумеется, она выходила замуж не по своей воле, но была счастлива со своим первым мужем. На сей же раз Изабеллу действительно принудят и развестись и вступить в новый брак с итальянским героем, спасителем Иерусалимского королевства, Конрадом Монферратским, младшим братом первого мужа принцессы Сибиллы, Гвильгельмо. Произойдет вторая свадьба по иронии судьбы практически в один и тот же день, что и первая, 24 ноября, но только уже не 1183-го, а 1190 г.

Однако откроем секрет, и этот брак окажется далеко не последним в жизни Изабеллы, ей придется еще дважды идти под венец. Прожив на свете всего тридцать три года, она тем не менее переживет и четвертого супруга, короля Аморика Второго, который известен нам пока как коннетабль Иерусалима.

⁸² Нерва (правил AD 96—98), Траян (98—117), Адриан (117—138), Антоний Пий (138—161) и Марк Аврелий (161—180).

⁸³ Речь идет о архиепископе Кентерберийском Томасе Бекете, убитом, как считается, по приказу короля Англии Генриха (Анри) Второго Плантагенета в 1170 г. Деньги эти английский король не отдал храмовникам, а дал, то есть как бы положил в банк, поскольку те были известны как самые лучшие процентщики во всем христианском мире. Генрих предполагал использовать свой вклад на нужды крестового похода, отправиться в который поклялся еще в 1177 г. Впоследствии тамплиеры отдали эти деньги королю Иерусалима. На них снарядили двести рыцарей, участвовавших в битве при Хаттине.

Конрад де Монферрат прибывает в Утремер в середине июля 1187 г. и сыграет весьма примечательную роль в истории Левантйского царства.

⁸⁴ Арнольд де Торрож умер 30 сентября 1184 г. в Вероне. Грандкомандор Жильбер (Gilbert Érail), которому братия в тот раз предпочла Жерара де Ридфора, со временем все же добился своего. Позднее (в 1189) он стал магистром Прованса и Испании, затем (1190—1193) магистром Западных провинций (*maistre en Occident*), а уж потом наконец магистром Храма (1193—1201).

⁸⁵ В феврале 1183 г. был объявлен специальный однопроцентный налог на движимое имущество всех свободных граждан королевства, за исключением баронов и клира, которым полагалось платить два процента. Деньги с южных провинций королевства свозились в Иерусалим, с северных — в Акру, где перекочевывали в сундуки, каждый из которых имел три замка. Один ключ был у патриарха, второй у настоятеля церкви Святого Гроба, третий у коменданта башни Давида и т. д.

⁸⁶ До завоевания Алеппо аль-Адиль был правителем Египта. Салах ед-Дин собирался утвердить в Алеппо сына, аз-Закира Гази, но брат потребовал Алеппо себе. Тогда в Египет поехал Таки ед-Дин Омар (*Quahadin — li seneschal de raianie — Куадин, сенешаль Пагании, как называли его франки*), а с ним вместе, чтобы... *был на глазах*, кади аль-Фадель, главный советник Саладина. В 1186 г. Аль-Адиль вновь захотел вернуться в Египет, ему пошли навстречу, но теперь он стал лишь хранителем интересов другого отпрыска брата аль-Азиза Отмана

⁸⁷ Злой демон.

⁸⁸ Моисей бен Маймон. По-арабски это имя звучит так — Муса ибн Маймун ибн Убайд Аллах. (1135—1204). Еврейский философ, законник и врач. В описываемые времена личный врач Салах ед-Дина.

⁸⁹ Данное происшествие имело место как раз после праздника жертв (курбан-байрам, по-арабски аль ид аль кабир), отмечаемого ежегодно в десятый день месяца зу-ль-хиджжа. Атабек Мосула покорился 3 марта 1186 г., первый день курбан-байрам был 4 марта, труп Назр ед-Дина обнаружили пятого.

⁹⁰ Балиан Ибелинский исполнял обязанности камергера двора с 1183 по 1185 г.

⁹¹ 29 августа 1186 г.

⁹² То есть Гераклом. Два варианта имени героя мифологии — Hercules и Eracles.

⁹³ Старший брат Гюи, Годфруа, узнав о коронации, сказал, что *если уж теперь Гюи сделался королем, то он сам по*

праву должен стать Богом. *Quant la nouviele vint a lui que Guis, ses freres, estoit rois de Jherusalem dist dont deuist il bien iestre, par droit, Dieus!* Песенка, которую распевали жители Иерусалима, звучала в оригинале так: «*Maugre li Polein, aurons nou roi Potevin*». Хронисты свидетельствуют о том, какое Жерар сделал высказывание относительно коронации: «...tunc predictus magister Templi inspiciens eum dixit, quod corona bene valebat Bontronum», и даже приводят собственные слова магистра: «*Cette couronne vaut bien la mariage de Boutron!*» — «...магистр Храма сказал им, что корона вполне стоит Ботруна». Или: «*эта корона стоит женитьбы на (наследнице) Ботруна*».

⁹⁴ Согласно Эрнулю, «...iii tant de tiere qu'il n'avoit laissiés, et castiaus et cités». То есть втрое больше земли, чем он имел. Между тем, по другим сведениям, Бальдуэна Рамлехского все же вынудили совершить омаж новому королю, правда, он приносил присягу не от себя лично, а от имени Томаса.

⁹⁵ 13 марта 1187 г.

⁹⁶ До нас дошла раздирающая душу история о том, как злодей Ренольд де Шатийон напал на безоружных правоверных, всех их убил, а сестру султана изнасиловал и она умерла от горя и тоски в подвале одного из донжонов Крака Моабитского. Вот так она представлялась автору средневековой хроники: «*Li prince monta tantost a cheval, et ala au Crac, et assembla de gent ce que il post et alla et prist celle carrvane, et la seur de Salahadin qui avec estoit*». В общем, вскопчил князь на коня и поскакал в Керак, взял всех своих людей и захватил караван, с которым была сестра Саладина. Gustave Schlumberger в своей работе «*Renaud de Châtillon...*» даже говорит, что сестра Салах ед-Дина была женой Омара ибн-Ладжина и матерью Хусам ед-Дин Мохаммеда. Правда, автор не называет ее имени — увы, убеждение, что женщина — не человек, на мусульманском Востоке во времена дремучего Средневековья было весьма распространено.

Так или иначе, сюжет этот вдохновил многих романистов и даже одного талантливого кинодокументалиста; однако sir Steven Runciman во втором томе своего замечательного труда «*A History of The Crusades*», ссылаясь на заслуживающие уважения арабские источники, утверждает, что сестра султана ехала в том самом караване, который и отправился встречать ее брат.

В таком случае пришлось бы признать, что у Салах ед-Дина была еще какая-то «неучтенная» сестра или же хронист султана худо разбирался в родственных связях господина. Трудно поверить в это, как и в то, впрочем, что наш герой стал бы поступать столь низко: о его деяниях можно судить по-всякому, однако ничто не дает оснований предполагать,

что Ренольд де Шатийон имел обыкновение воевать с женщинами.

Когда король Иерусалима стал требовать от Ренольда вернуть добычу, *он ответил просто и доходчиво, что ничего из захваченного не вернет. Что же касается того, будто, мол, у Гвидо Иерусалимского был с султаном мир, князь пояснил: король — хозяин в своей земле, как я в своей, а у меня с сарацинами никаких договоров не было. Il respondi que il n'en rendreit point, et qui assi estoit il sires de sa terre come il (le roi) de la soe et que il n'avoit point de trives az Sarrasinz.*

⁹⁷ Себастья (также Севастия) — в древности Самария.

⁹⁸ От Тивериады до замка Ла-Фев, расположенного на дороге, которую избрали делегаты миссии, 22 римских мили. Между Наплузом и все той же Ла-Фев — 35.

⁹⁹ La fève, или la fève, и означает в переводе с французского боб или фасоль. На земле Галилеи тамплиерам также принадлежал считавшийся неприступным Сафед (*Safed*) — овальная цитадель 400 на 95 м с двойными стенами в среднем по 10 м высотой. Госпитальеры с 1168 г. также имели здесь мощный замок Бельвуар (*Belvoir*) — почти квадратную крепость 160 на 120 м с башнями и донжоном, с трех сторон окруженную рвом. Кроме того, Форбеле (*Forbelet*) — небольшой замок, примерно такой же, как Ла-Фев (*Castellum Fabe*), принадлежавший Храму.

¹⁰⁰ Некоторые исследователи (в частности, G. Schlumberger и J. Delaville Le Roulx), ссылаясь на источники, говорят, один о пяти, другой о трех или четырех сотнях пехотинцев, якобы участвовавших в экспедиции Жерара. Вероятно, некоторые из хронистов-современников принимали за солдат толпу жителей Назарета, также захваченных в плен; вполне возможно, с рыцарями было какое-то количество пеших оруженосцев. Delaville Le Roulx приводит число рыцарей, участвовавших в операции магистра Храма — от 110 до 140, и говорит о том, что отряд мамелюков разделился на два корпуса; больший из них (4000) и находился в районе ключей Крессона. Все тот же Delaville Le Roulx говорит о пяти рыцарях-госпитальерах, которым также удалось спастись.

¹⁰¹ Интересно здесь то, что граф Раймунд расторг договор с Салах ед-Дином только как князь Галилейский. Таким образом, складывалась довольно курьезная в нашем понимании ситуация: граф Триполи продолжал оставаться в мире с султаном, а вот князь Галилеи — нет. Получалось своего рода раздвоение... по счастью, не личности, а только, если можно так выразиться, политической фигуры сира Раймунда.

После битвы при Крессоне граф, как писали хронисты, устранился всем произошедшим так, что сказал: *«Немедленно поеду к королю и королеве и присягну им на верность».*

...comes Reimundis Tripolitanus... dicens: «...vadam et subjiciam me regi et reginae te senioribus Jerusalem...».

Встреча короля и сиятельного фелона (изменника, бунтовщика) произошла в долине Дофанской близ замка госпитальеров Иов (*Hiob*). Гюи спешился первым.

¹⁰² 26 июня 1187 г.

¹⁰³ P. Deschamps приводит такие данные о численности войск. Франки — 21 000, мусульмане — 60 000, хотя и добавляет, что последнее число колеблется от 60 000 до 100 000.

¹⁰⁴ Средняя температура лета в этих местах и так довольно высока — 30° Цельсия, зимы — 14°.

¹⁰⁵ Хронист приводит слова Жерара, которые тот выкрикивал с места: «*Ya il dou poil dou loup!*», и говорит о том, что *si dist qu'encore y avoit dou poil d'ours!*

¹⁰⁶ Мария говорит о так называемом Священном Граале, чаше, из которой пил Иисус во время тайной вечери. Существует довольно распространенное мнение, что в нее после распятия собрали кровь Христа. Впервые Грааль приобретает значение святыни в незаконченной поэме Кретьена де Труа «Персиваль, или Рыцарь (граф) Грааля». *Perceval, ou Le Conte du Graal* (последняя четверть XII в.).

¹⁰⁷ 3 июля.

¹⁰⁸ Примерно 30 м.

¹⁰⁹ Как уверял Эрнуль: «Что (даже) кошка не смогла бы прошмыгнуть через войско (мусульманское), чтобы ее не увидели». — «*Qu'un chat n'aurait pu s'eschapper de l'ost sans estre vu*».

В современном католическом календаре 4 июля не является днем св. Мартина.

¹¹⁰ По другим сведениям, мусульманин, вызвавший франков на поединок был мамелюком.

¹¹¹ Эрнуль сообщает нам, что из-за страданий, вызванных жаждой, пехотинцы сдались, сарацины побросав оружие: «*Neis li sergent a pié (geterent jus lor armes) se rendirent as Sarrasinz goule baée par destrece de soif*».

¹¹² «Уличите дьяволов в их неправоте» — таков, по словам самого Малика аль-Афдаля, был призыв отца к воинам, устремившимся в последнюю битву. S. Runciman и G. Schlumberger переводят их с арабского: «*Give the devil the liel*» и «*Que le démon soit convaincu de mensongel*».

По мнению того же G. Schlumberger, Истинный Крест был изрублен в битве.

ПРИЛОЖЕНИЕ К РОМАНУ «ФРАНКСКИЙ ДЕМОН»

Сопоставление календарей, принятых в мусульманском и христианском мире на период 569—583 годов лунной хиджры и соответствующих им 1173—1187 годов от Рождества Христова¹.

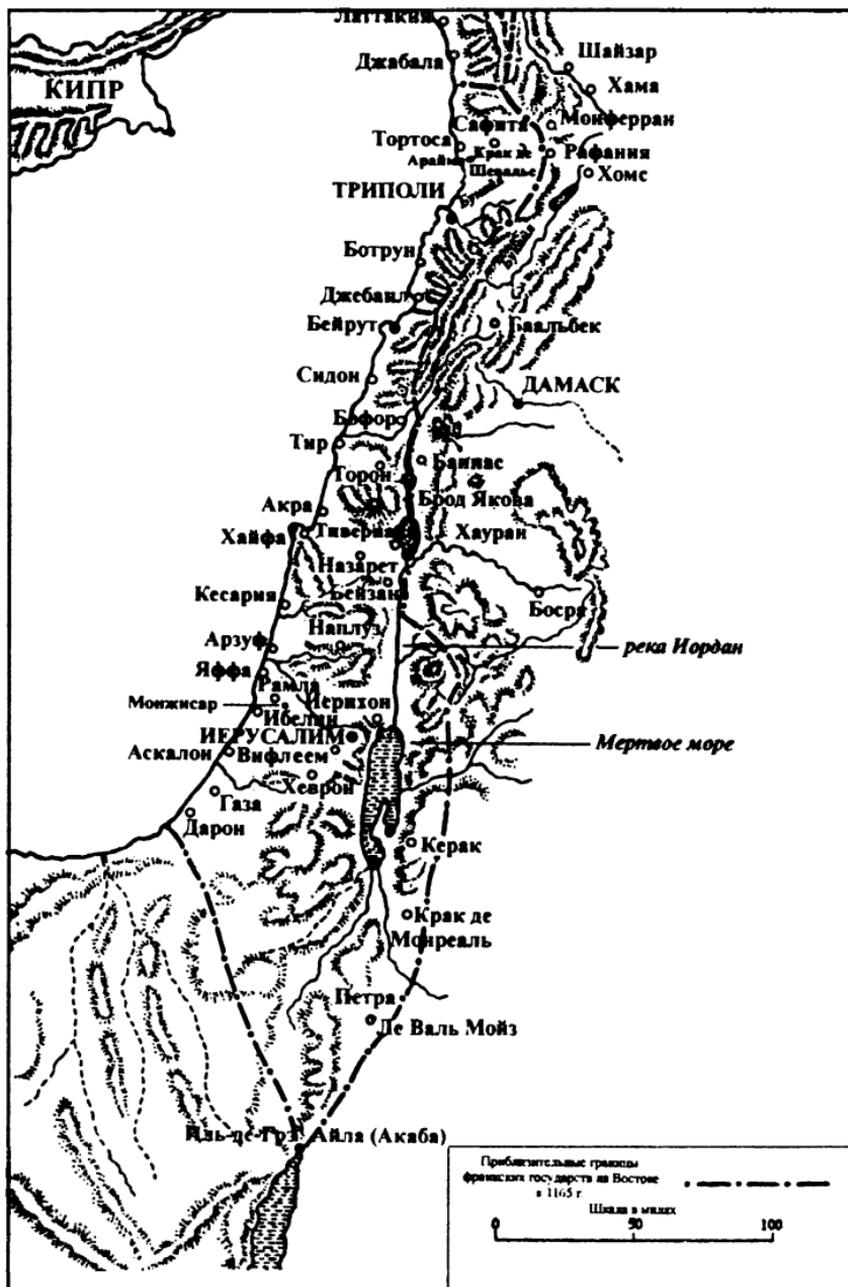
1 муххарам	569	-	12	августа	1173	г.
	570	-	2	августа	1174	г.
	571	-	22	июля	1175	г.
	572	-	10	июля	1176	г.
	573	-	30	июня	1177	г.
	574	-	19	июня	1178	г.
	575	-	8	июня	1179	г.
	576	-	28	мая	1180	г.
	577	-	17	мая	1181	г.
	578	-	7	мая	1182	г.
	579	-	26	апреля	1183	г.
	580	-	14	апреля	1184	г.
	581	-	4	апреля	1185	г.
	582	-	24	марта	1186	г.
	583	-	13	марта	1187	г.

¹ Все даты от Рождества Христова приводятся по юлианскому календарю, используемому в наше время, например, Православной церковью России. Теперь этот календарь отстает от григорианского (астрономического), принятого у нас, на 13 дней, в XII в. погрешность составляла 7 дней. Таким образом, получается, что Хаттинская битва в действительности происходила не в начале, а почти в середине июля.

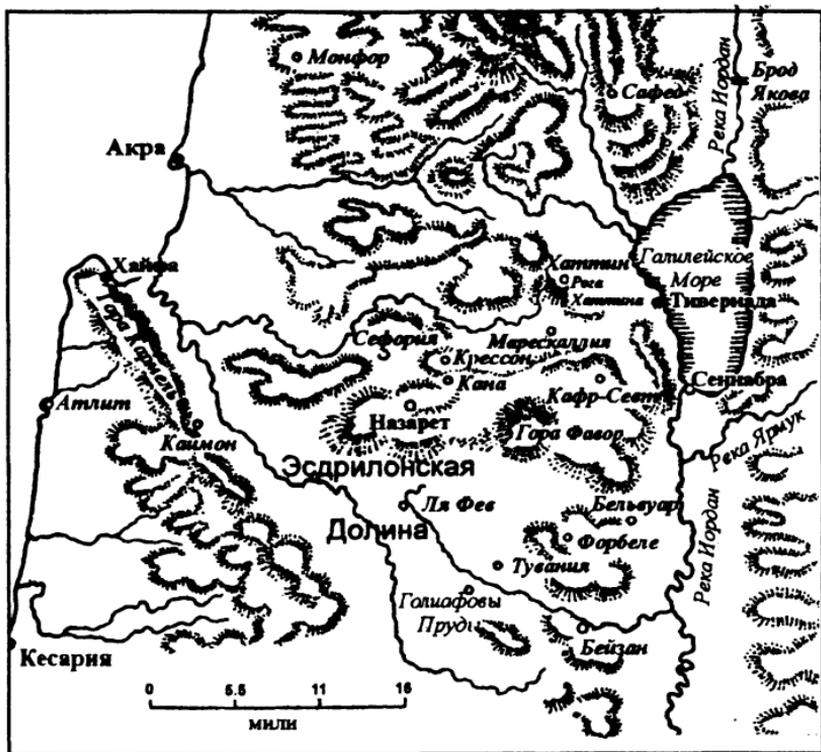
МЕСЯЦЫ АРАБСКОГО КАЛЕНДАРЯ

- 1 — муххарам.
- 2 — сафар.
- 3 — раби аль-авваль (раби I).
- 4 — раби ас-сани (раби II).
- 5 — джумада аль-уля (джумада I).
- 6 — джумада аль-ахира (джумада II).
- 7 — раджаб.
- 8 — шаабан.
- 9 — рамадан.
- 10 — шавваль.
- 11 — зу-ль-каада.
- 12 — зу-ль-хиджжа.

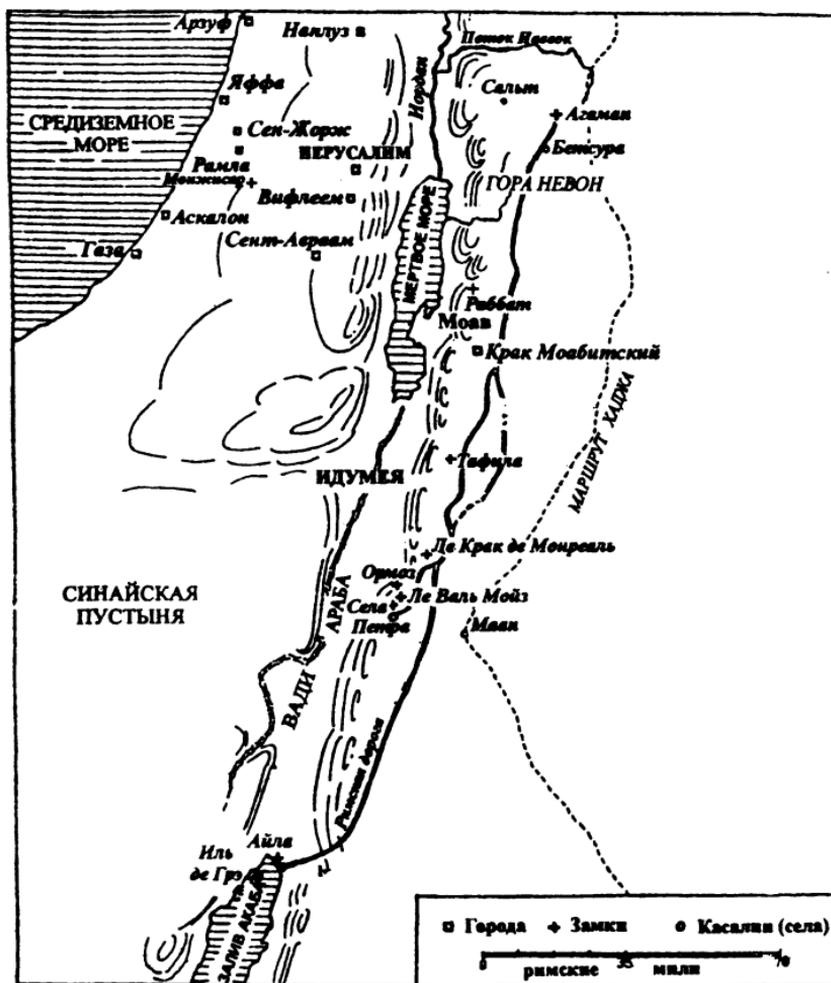
Продолжительность месяцев 29 — 30 дней. Продолжительность обычного лунного года — 354 дня, високосного — 355.



Южная Сирия в двенадцатом столетии



Галилея



Карта Заиорданских земель
Иерусалимского королевства

СОДЕРЖАНИЕ

А. Колин. ФРАНКСКИЙ ДЕМОН. Роман	5
Комментарии	522
Приложение к роману «Франкский демон»	538

Колин А. Франкский демон: Роман; Оформление Ю. А. Станишевского — М.: ОСТО PRINT, 1998.— 543 с.— (Тамплиеры).

ISBN 5-85686-040-3

Продолжение повести о большой беде Левантийскому царству, рассказ о короле Иерусалима, о магистре Храма, о сладострастной даме Агнессе, о султানে Саладине и рыцаре Жослене ле Баларрэ.

Лицензия № 061697 от 13.02.98 г.

Сдано в набор 14.02.98 г. Подписано в печать 28.03.98 г.
Формат 84x108/32. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л.28,56. Тираж 5 000 экз. Заказ № 4076

Компания «Octo Group Inc.»
Издательство «Octo Print»
125047, г. Москва
2-я Тверская-Ямская, 54-113
тел.: 202-84-01, 283-27-41

Компьютерная верстка
Куц-Жарко Ю. К.
OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Отпечатано в ОАО «Московской типографии № 5»
129243, Москва, Маломосковская, 21





9443-03

October 1993